

Министерство образования и науки Российской Федерации
Псковский государственный университет
Открытый институт русского языка и культуры им. Е.А. Маймина
Фонд «Русский Мир»
Псковская областная общественная организация
«Ассоциация гуманитарной культуры»

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ПОГРАНИЧЬЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

*Материалы II Международной научной конференции
5–7 декабря 2016 г.*

Псков
2016

УДК 82.09; 82 (091); 800.6.86/.87;
398.1; 82-1/9; 372.881; 161.182; 801.81:3 9

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Псковского государственного университета
и ученого совета факультета русской филологии и иностранных языков

Издание подготовлено в рамках проекта «Международный форум “Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее”» (договор между фондом «Русский мир» и Псковским государственным университетом № 1665 Гр/II– 273 – 16)

Редакционная коллегия:

И.В. Мотеюнайте (отв. редактор), Н.В. Большакова, Н.Л. Вершинина,
С.В. Лукьянова, С.Ф. Мацевич, Л.М. Попкова, Е.А. Смирнова.

Рецензенты:

И.С. Юхнова, доктор филологических наук, профессор (Нижний Новгород)
Е.И. Рогалева, доктор филологических наук, доцент (Псков)

К906   **Культурный ландшафт Пограничья: прошлое, настоящее, будущее.** / Сб.
материалов II Международной научной конференции 2016 г. в Пскове, по-
священной проблемам пограничья. – Псков: Издательство ПсковГУ, 2016.
462с.
ISBN 978-5-9909549-0-8

В сборник вошли статьи участников научной конференции, посвященной понятию «границы» в его территориальном, культурном и символическом смысле. Материалы издания отражают проблемы межнационального, межкультурного и межъязыкового взаимодействия. Особое внимание уделяется ареальным характеристикам культуры жителей пограничья; вопросам национальной самоидентификации; дискурсу соседства в современных СМИ и др. В отдельный раздел вошли статьи, рассматривающие вопросы преподавания русского языка как иностранного. Актуальность публикуемых статей определяется введением новых материалов и освещением в новом, «пограничном» ракурсе различных культурных взаимодействий.

Сборник предназначен филологам, культурологам, педагогам, интересующимся проблемами межкультурного и межъязыкового пограничья.

ISBN 978-5-9909549-0-8

© Псковский государственный университет, 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

I ПРОБЛЕМА «ГРАНИЦЫ»: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

«Корчма на литовской границе»: метафизика пограничья у Пушкина. <i>В.А. Кошелев</i>	9
Границы мышления, парадигмы внешней информации и внутренних смыслов в научных дискурсах. <i>С.С. Кулдин</i>	18
Проблема границ человеческого (от Ф.М. Достоевского до трансгуманистов). <i>И.Б. Сазеева</i>	24
«Межа» в русской словесности: термин и художественный образ. <i>Д.Б. Терешкина</i>	32
Литературный пантеон как пространство пограничья. <i>Е.Е. Дмитриева</i>	41
Ты vs Вы: знак интимности или отчуждения? <i>Н.Л. Дмитриева</i>	57
Проблема «границы» в культуре и науке в трудах позднего С.П. Шевырева. <i>Н.В. Цветкова</i>	62
Литература как публицистика: «антипечоринский» текст С.А. Бурачка и В.И. Аскоченского. <i>Е.В. Сартаков</i>	70
Эллинские модели смыслопорождения в лирике Ин. Анненского. <i>А.А. Асоян</i>	78
«Фронтир» в культурной парадигме С. Есенина. <i>В.А. Доманский</i>	84
«Физиология» городских окраин в романе «Томские трущобы» Не-Крестовского. Отзвук французской литературной традиции в Сибири. <i>Е.В. Барнашова</i>	93
Географическое пограничье в пьесе И.А. Бродского «Демократия». <i>Н.В. Кононова</i>	100
Язык молодежных субкультур России: границы чужого и своего. <i>В.К. Андреев</i>	107

II КАРТИНА МИРА В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ПОГРАНИЧЬЯ: ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КУЛЬТУРНЫХ ТЕКСТАХ

Типовой текст диаспоры: языковая самоидентификация. <i>Е.И. Костанди</i>	115
Русские топонимы в эстонских пословицах: от Печер до Сибири. <i>У. Ая</i>	122
Характеристика речевой деятельности человека в русских и литовских устойчивых сравнениях. <i>Л.Б. Воробьева</i>	127
Фольклорные версии библейских легенд (по материалам фольклорного архива Псковского государственного университета). <i>Л.А. Юрчук, И.В. Казаков</i>	133
Мифологические повествования псковско-белорусского пограничья о кричащих купальских ведьмах, отбирающих молоко у коров (по материалам фольклорного архива ПсковГУ). <i>Г.И. Плещук</i>	140

Заговорно-заклинательная традиция на Витебско-Псковском пограничье. <i>Т.В. Володина</i>	148
Погребально-поминальная обрядность белорусско-русского (Полоцко-Псковского и Витебско-Смоленского) пограничья. <i>В.Е. Овсейчик</i>	157
Традиционная свадебная обрядность псковско-витебского пограничья: структура и региональная специфика. <i>В.И. Мишина</i>	167
Отражение концепта границы в формировании представлений белорусов о волке и оборотне. <i>П.И. Мишин</i>	174
Современные традиции почитания христианских святых белорусско-польского пограничья. <i>Я.А. Милош</i>	181
Современные религиозные традиции в белорусской деревне, их трансформация и проявление на белорусско-российском пограничье. <i>А.В. Гурко (Верещагина)</i>	185
Сельская семья белорусско-российского пограничья: традиции и новации. <i>И.В. Романенко</i>	192
К вопросу о традициях питания населения белорусско-русского пограничья. <i>Н.С. Бункевич</i>	197
«Опочецкий уезд еще с древних времен — граница разных племен народа и как это обыкновенно случается в пограничных местах, населен народом смешанным, едва ли имеющим характер коренного племени» (Пушкиногорье в отчетах Русского географического общества). <i>В.Ю. Козмин</i>	202
Из Летописи Носовской Покровской церкви: Об одном любопытном случае трансграничного взаимодействия (1919 г.). <i>А.А. Данилевский</i>	209
Курляндско-лифляндский текст в прозе Ивана Лукаша. <i>А.Н. Неминущий</i>	216
Пограничное пространство в художественном мире <i>Л.Ф. Зурова. А.В. Громова</i>	221
Псковско-Чудское озеро как литературный образ. <i>А.Г. Разумовская</i>	228
Борьба народов с фашизмом во время Великой Отечественной войны на приграничных территориях. <i>Л.А. Холод</i>	234
III ДИАЛЕКТНЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	
Псковская народная речь в восприятии русскоязычных носителей и со стороны (свидетельства прошлого и настоящего в научном освещении). <i>Л.Я. Костючук</i>	243
Язык и культура псковско-белорусского пограничья (лексикографическое представление идиома). <i>Н.В. Большакова</i>	249
Гендерный дискурс в рассказах старообрядцев Эстонии. <i>В.П. Щаднева</i>	255
Именной суффикс -ин(а) в западнопричудских и псковских говорах. <i>К. Хайновская, А. Штейнгольд</i>	263
Вербализация понятия быстроты в близкородственных языках. <i>Н.А. Мартынова</i>	272
Языковая концептуализация представлений о сорасположении географических объектов (на материале топонимов Камчатки). <i>О.А. Глущенко</i>	278

IV СТАТУС РЕГИОНОВ ПОГРАНИЧЬЯ: ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

Псковская «окраина» как топос национальной жизни в очерке В.П. Желиховской «По старой российской окраине». <i>Н.Л. Вершинина</i>	285
Топонимический ландшафт российско-эстонского и российско-латвийского порубежья. <i>А.Г. Манаков</i>	292
Народность сето (сету) как феномен региональной культуры Северо-Запада России. <i>И.Б. Голдованская</i>	298
Поэты-креолы во французской литературе 2-й половины XIX века. <i>Е.В. Сашина</i>	303

V МЕДИА-ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Образ дальневосточных соседей Российской империи на страницах военного журнала «Летопись войны с Японией 1904–1905 гг.». <i>В.В. Фролов</i>	311
СМИ как фактор формирования национальной и этнической идентичности белорусской молодежи в 2000–2010-х годах на белорусско-польско-литовском пограничье. <i>А.В. Гурко</i>	318
Лингвокультурные особенности кулинарно-гастрономического дискурса СМИ приграничного региона. <i>С.В. Лукьянова</i>	325
Политический дискурс Псковского региона в контексте медиакультуры. <i>Ю.Н. Грицкевич</i>	331
Конфликтный дискурс псковского медиапространства. <i>Л.М. Попкова</i>	338
Выражение речевой агрессии в заголовках региональных печатных изданий приграничных государств. <i>Е.Г. Мельникова</i>	344
О некоторых особенностях функционирования диалога телеинтервью (на материале передач «Бизнес-секреты»). <i>Н.Л. Федотова</i>	353
Прагмалингвистический потенциал туристической рекламы (на материале эстонских туристических буклетов на русском языке). <i>Е.Е. Петрова</i>	361

VI КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Влияние интернационализации на развитие языковой среды университета. <i>Г.Г. Маслова</i>	369
Межкультурная парадигма современного иноязычного образования. <i>Е.А. Смирнова</i>	376
Немецкоязычная аннотация ВКР как способ вхождения в образовательное пространство приграничного региона. <i>Е.Н. Кузнецова</i>	380
Стратегии подготовки к международной сертификации по английскому языку для уровней B2 и C1. <i>А.С. Яковлева</i>	384
Учет субъектных свойств обучающихся как способ повышения эффективности обучения иностранному языку. <i>А.С. Ковалёва</i>	389
Сопоставительные аспекты языковой и методической подготовки аспирантов в приграничном регионе. <i>Т.Г. Никитина</i>	396

К вопросу о функциональной грамотности учащихся. <i>Н.И. Яковлева</i>	401
Когнитивная поддержка учащихся полилингвальных групп на уроках русского языка как иностранного. <i>О.В. Кряхтунова</i>	408
Приемы активизации деятельности учащихся на занятиях по РКИ. <i>А.С. Шатилов</i>	412
Породненные города Пскова в содержании дисциплины «Иностранный язык» для нелингвистических направлений. <i>С.Ф. Мацевич</i>	417
Преподавание русской литературы в Аргентине. <i>Э. Лопез-Арриазу</i>	424
Лингвокультурный ландшафт Пограничья в англоязычном пособии «Русская кухня и праздники». <i>С.Ф. Мацевич, С.Л. Мюррей</i>	429
Особенности англоязычного описания псковских реалий Ганзейского периода. <i>Л.Ю. Дудченко</i>	436
Пути адаптации православных икононимов в иноязычной среде (немецкий язык). <i>В.Я. Волкова</i>	442
Подходы к формированию иноязычных фонетических навыков (по материалам зарубежных исследований). <i>М. Натчиван</i>	446
Современный художественный текст на уроках русского языка как иностранного. <i>Н.С. Молчанова</i>	451
Региональный компонент как способ формирования речевого ориентира инофона (на примере топонимов города Ростова-на-Дону и Ростовской области). <i>М.А. Тихтиевская</i>	459

**ПРОБЛЕМА «ГРАНИЦЫ»:
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ**

**«КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ»:
ПУШКИНСКАЯ МЕТАФИЗИКА «ПОГРАНИЧЬЯ»**

Статья посвящена рассмотрению той «пограничной ситуации», в которой творчески и биографически ощущал себя Пушкин в период жизни в Михайловском. Его «тоска по чужбине», которую нельзя сводить к желанию «удрать за границу», стала серьезным метафизическим комплексом, определившим и его художественные поиски (в том числе в «Борисе Годунове»)

Ключевые слова: граница литовская, пересечение, корчма, пограничная метафизика, А.С. Пушкин, «Борис Годунов».

V. A. Koshelev

**«THE TAVERN ON THE LITHUANIAN BORDER»:
PUSHKIN'S METAPHYSICS «BORDERLAND»**

The article is devoted to the «border situation» in which Pushkin felt creatively and biographically in the period of his life in Michaelovskoye. His «longing for exile» which is not free-dit to the desire to «escape abroad», has become a serious metaphysical complex that determined his artistic searches (including «Boris Godunov»)

Key words: Lithuanian border crossing, a tavern, a metaphysics of the border, Pushkin, «Boris Godunov».

«Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» – так назывался в ранней («михайловской») редакции «Борис Годунов» – состояла из 25 небольших сцен, заглавие которых обозначало место действия и, в некоторых случаях – дату. С.А. Фомичев, исследовавший творческую историю «Бориса Годунова», обратил внимание на то, что первоначально автор намеревался сгруппировать эти сцены в три действия («части»):

1. 1598. 20 февраля. Кремлевские палаты.	9. Корчма на литовской границе.	16. 1604. 16 октября. Граница литовская.
2. Красная площадь.	10. Москва. Дом Шуйского.	17. Царская дума.
3. Девичье поле. Новодевичий монастырь.	11. Царские палаты.	18. Площадь перед собором в Москве.
4. Кремлевские палаты.	12. Краков. Дом Вишневецкого.	19. 21 декабря. Равнина близ Новгорода Северского.
5. 1603 года. Ночь. Келья в Чудовом монастыре.	13. Замок воеводы Мнишка в Санборе. Уборная Марины.	20. Севск.
6. Ограда монастырская.	14. Ряд освещенных комнат. Музыка.	21. Лес.
7. Палаты патриарха.	15. Ночь. Сад. Фонтан.	22. Москва. Царские палаты.
8. Царские палаты.		23. Ставка.
		24. Лобное место.
		25. Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца. ¹

Сцены, отметил исследователь, в этом случае распределялись по действиям с соблюдением смысловой симметрии:

«...в черновике в первом действии содержалось первоначально всего восемь сцен. Заметно, что они симметрично распадаются на две примерно равные половины, первая из которых (фактически пролог) отнесена к 1598 г. и рассказывает о воцарении Бориса, а вторая, «1603 года», – о рождении дерзкого замысла Гришки Отрепьева.

Второе действие <...> насчитывало в первой редакции шесть сцен; две первые из них происходили в Москве («Москва. Дом Шуйского» и «Царские палаты»), четыре следующих — в Польше. Но и здесь Пушкин сначала добивался симметрии: в беловом автографе ПД 891 польские сцены тоже были разделены надвое: «Краков. Дом Вишневецкого» и «Замок воеводы Мнишка в Самборе» (однако под этим общим вторым заглавием следовали три коротких явления: «Уборная Марины», «Ряд освещенных комнат. Музыка», «Ночь. Сад. Фонтан»).

В третьем действии содержалось уже десять сцен, и симметрия здесь совершенно нарушена»¹.

Нетрудно заметить, что при таком (авторском!) членении пьесы на три действия («части») второе и третье действия открывались сценами, явно «выпадавшими» из отмеченной «симметрии». Действие их происходило на «границе литовской». В 9-й сцене («Корчма на литовской границе») воссоздавалось бегство Гришки Отрепьева из Руси в Литву. В сцене 16-й («1604. 16 октября. Граница литовская») тот же Отрепьев, превратившийся в Самозванца, вместе с сыном знаменитого «беглеца» Курбского, переходит ту же границу с другой стороны, стремясь «в красную Москву»: «Вперед! и горе Годунову!» Именно «пограничное» состояние персонажей определяло своеобразные «смыслоразделы»: после обозначенной «границы» действие продолжало развиваться уже по иным законам.

Более того. По законам сцены экспонировалась, собственно, одна и та же «граница» - одно и то же географически обозначенное место. А знаменательно это место еще и тем, что именно «на литовской границе» автор и создавал свое произведение. На рукописном «титულном листе» «Бориса Годунова» это «пограничное» место было обозначено в заглавии:

«Комедия
О настоящей беде Московскому> Госуд<арству>
О царе Борисе и о Гришке Отрепьеве —
писано бысть Алексашкою Пушкиным
в лето 7333
На городище Ворониче»²

Единственный раз в михайловском творчестве Пушкина место написания произведения маркировалось таким образом: не «Михайловское» или «Тригорское», а исторический Воронич (Воронеч), «пригород Опоческого уезда Псковской губернии, на реке Сороти». Во времена, непосредственно предшествовавшие времени действия «Бориса Годунова», пригород Воронич (основанный для защиты псковских рубежей в XIV столетии) был многолюдной крепостью. Крепость эта выдерживала осады в 1406 и 1426 гг., а в 1581 г. подверглась разрушительному нашествию войск Стефана Батория, была уничто-

---

1 Фомичев С.А. Творческая история пьесы // Пушкин А.С. Борис Годунов. Комм. Л.М. Лотман, С.А. Фомичева. СПб, 1996. С. 123.

2 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 20 т. Т. 7. С. 365. Курсив мой.

жена и потом не возродилась³. Пушкин мог видеть только остатки укреплений и живописный земляной вал на естественной возвышенности рядом с селом Тригорским. Там же находилась Георгиевская церковь, в которой поэт 7 апреля 1825 г., в годовщину смерти Байрона, заказывал обедню «за упокой души раба Божия боярина Георгия» (XIII, 160, 162).

Обозначая таким образом место создания будущей трагедии (на «титальном листе», то есть еще до начала ее словесного оформления), «Алексахка Пушкин» не только во времени, но и в пространстве как будто переносился мыслью в географическое «пограничье», на некий *рубеж*, разделяющий разные государственные образования – Русь и Литву.

Показательно, что в первом случае на этом рубеже находится «корчма» (отсутствующая в исторических источниках) – то есть «кабак, питейный дом, но не откупной, а вольной (запрещенной) продажи» (В.И. Даль). Представляя эту «пограничную» корчму, Пушкин, по видимости соблюдающий документальные указания, отысканные в XI томе «Истории...» Карамзина, все-таки сохраняет некоторые реалии своего михайловского окружения.

Исторический Григорий Отрепьев, по Карамзину, пробирался в Литву совсем в ином географическом месте: «жена же показа им путь к Чернигову»⁴. Но из карамзинских географических указаний Пушкин сохраняет только одно: «Луёвы горы» (так называется реальная возвышенность к западу от города Стародуба). Эти «Луёвы горы» напоминают «Зуёвы горы», находящиеся действительно неподалеку от городища Воронич (Зуёво – старое название сельца Михайловского). Спутники Григория, беглые монахи-пьяницы Варлаам и Мисаил, фигурирующие у Карамзина как соратники Самозванца, бежавшие вместе с ним, становятся у Пушкина лишь случайными попутчиками, к тому же напоминающими реальных монахов Святогорского монастыря (отдаленной «обители», в которую ссылали нерадивых монахов). А прибавки Варлаама имели своим источником шутки игумена Ионы, которому был поручен надзор за ссыльным Пушкиным и которого поэт вынужден был принимать и угощать⁵.

Отметим, что положение «на границе» естественно для «пушкинских мест». В 1930-е гг., перед войной Пушкинский район территориально входил в Калининскую область – и был включен в «запретную погранзону»: въехать туда можно было только по специальному пропуску НКВД (из-за этого в Михайловское, подчас, не могли попасть даже пушкинисты из Пушкинского Дома): за спиной граница – «буржуазная Латвия»⁶.

Сам топос «корчмы на литовской границе» соединял два специфических представления. Корчма – символ запретного веселья (связанного, прежде всего, с «вольно» продающимся «неоткупным» вином). Граница – символ близкой

---

3 См.: Платонов С.Ф. Древнее прошлое пушкинского уголка. Л., 1927. С. 31–35; Яковлев В.В. История крепостей: Эволюция долговременной фортификации. СПб, 1995. С. 18–26; Белецкий С.В. Новые исследования псковского пригорода Воронича // Далекое прошлое Пушкиногорья. СПб, 1998. Вып. 2. С. 27–29.

4 Карамзин Н.М. История Государства Российского. Изд. 5-е. Кн. III. Т. 11. Примечание 196.

5 См.: Вульф А.Н. Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семевским // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 1. С. 414.

6 См.: Терещенко Д. «...От судеб защиты нет»: Михайловское в 1934–1941 гг. Псков, 2013. С. 348–354.

свободы, к которой (как сообщает хозяйка корчмы) «к вечеру можно бы поспеть», если удастся обойти «заставы царские». Свобода и веселье соединяются в нечто целое, особенно манящее тем, что эти две данности предстают не в обретенной реальности, а в «предвкушении». Кажется, вот-вот – и...

Биографически этот топос связан с тем поэтическим ощущением, которое М.А. Цявловский точно определил как «тоска по чужбине у Пушкина»⁷. Это ощущение часто истолковывается неверно. Например, в трилогии Ю.И. Дружникова «Узник России» вся пушкинская биография представлена как серия попыток «бежать» от политического режима современной ему России на «свободный» Запад, стать «эмигрантом» и, соответственно, представителем свободного творчества, которое могло бы расцвести самым пышным цветом...⁸ Подобных попыток в жизни Пушкина действительно было несколько. Самые известные и яркие из них относились как раз к «михайловскому» периоду – и как раз ко времени работы над комедией о царе Борисе: ссылку в деревню поэт искренно считал несправедливой, сделавшей его не только «изгнанником», но даже «изгоем». Но даже самые яростные из его заявлений этого периода оказываются всё же совсем не однозначны, и воспринимать их следует в общем – широком – контексте его эпистолярных заявлений.

Вот одно из самых откровенных признаний – в письме к П.А. Вяземскому от 27 мая 1826 г. из Пскова. После разговора о журнальных делах Пушкин вопрошает о визите в Россию французского литератора Ф. Ансело – и продолжает:

«Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда – при англичанах дурачим Василья Львовича; пред M-me de Staël заставляем Милорадовича отличиться в мазурке. Русской барин кричит: Мальчик! забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Всё это попадает в его журнал и печатается в Европе — это мерзко. Я конечно презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? если царь даст мне слободу, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, англ<ийские> журналы или парижские театры и бордели – то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-ой песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно — услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница. <... > Я теперь во Пскове, и молодой доктор спьяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет. Незабавно умереть в Опоческом уезде» (XIII, 279–280).

Обыкновенно из этого письма цитируют только замечание о желании «удрать в Париж» и никогда не возвращаться «в проклятую Русь», а тем более в «глухое Михайловское». Тот же Ю. Дружников видит в этом замечании тщательно рассчитанный поэтом «план» будущей эмиграции: «Он не только не хочет сам оставаться в России, но удивляется другу, у которого есть возмож-

7 См. Цявловский М.А. Тоска по чужбине у Пушкина // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 131–156.

8 См.: Дружников Ю. Узник России: По следам неизвестного Пушкина. Роман-исследование. М., 2003.

ность уехать, а тот ее не реализует. <... > Пушкин многозначительно выделяет слово *слобода*. Он рассчитывает, что новый царь отпустит его. Поэт указывает срок (и этот срок, как видим, меньше месяца), который ему нужен, чтобы уладить дела и отбыть»⁹.

Но стоит рассмотреть это заявление в более широком контексте – и оно сразу же утрачивает свою однозначность. Во-первых, Пушкин высказывает его как продолжение рассуждений *россиянина*, негодующего на низкопоклонство своих соотечественников перед Европой, которое выглядит «мерзко» и унижает русских людей в глазах «любопытных путешественников». Именно от этого ему (ощущающему себя не «узником», а гражданином России) хочется порой «удраться» из своего отечества и от глупо ведущих себя соплеменников.

Во-вторых, Пушкин явно идеализирует неизвестный ему Запад, о котором знает разве что из газет. Он поминает английские «чугунные дороги» – но в это время только что (1825) была сооружена *первая* железная дорога с пассажирскими вагонами, между Стоктоном и Дарлингтоном (с локомотивом, изобретенным Джорджем Стефенсоном) и только планировалась компания для сооружения большой дороги между Ливерпулем и Манчестером – никаких «чугунных дорог» в реальной Англии еще не было. Предполагаемое бытие на «воображенном» Западе сопоставляется с собственной «игровой» летней жизнью в деревне, описанной в еще неизвестных Вяземскому строфах XXXVII–XXXIX четвертой главы «Онегина» (утреннее купанье, кофе, «прогулки, чтение, сон глубокий», «прихотливый» обед, «ретивый» конь, «бутылка светлого вина», «младой и свежий» поцелуй «белянки черноокой» – «вот жизнь Онегина святая!»). Эта «игра» явно симпатична Пушкину – и, в сущности, ничем не уступает той «игре», которую можно устроить в «парижских театрах и борделях»).

В-третьих, упоминание «Онегина» открывает собственно *творческую* причину желания Пушкина побывать за границей. Он заканчивает шестую главу романа в стихах, – и, соответственно, «первую часть» своего повествования (с пометой «Конец первой части» эта глава выйдет из печати). «Вторая» же часть, равновеликая первой, мыслилась Пушкиным, как указал С.А. Фомичев, в «перспективе романа-путешествия»¹⁰: Онегин, после убийства Ленского, должен был уехать *за границу*. И потом – возвратиться («с корабля на бал»). Пушкин, в сущности, планировал и для себя подобную же «творческую командировку».

Наконец, последнее трагическое замечание по поводу придуманной болезни («аневризм»), произнесенного «спяна» приговора псковского лекаря и перспективы «умереть в Опоческом уезде» отражает разве что разыгравшееся поэтическое воображение. Инспектор псковской врачебной управы В. Всеволодов, действительно, констатировал в это время «повсеместное расширение кровезовратных жил» на «правой голени» Пушкина – но это свидетельство не изменило мнения губернатора о том, что Пушкину не следует позволять «выезда за границу»¹¹. Да и сам Вяземский (в это время собиравшийся в Петербург, встревоженный сообщениями о предсмертной болезни Карамзина) не отнесся к этой жалобе всерьез.

Приведенное письмо, таким образом, демонстрирует не желание Пушкина навсегда эмигрировать из надоевшей России, а то особенное психологи-

9 Там же. С. 247.

10 Фомичев С.А. «Евгений Онегин»: Движение замысла. М., 2005. С. 95.

11 Русская Старина. 1908. Т. СXXXVI. № 10. С. 416.

ческое состояние «пограничного сознания», которое он особенно тревожно переживал летом 1826 года. Вот-вот каким-либо образом должна решиться его судьба – и для поэта одинаково тревожны и возможность ссылки в Сибирь, и возможность «слободы», предполагающей бегство из страны. Пушкин, в сущности, не хочет ни того, ни другого (хотя второй вариант, конечно, предпочтительнее) – и в тревожном ожидании фантазирует для себя будущее. При этом он ощущает себя не просто русским человеком, но патриотом России, призрающим как российские «мерзости», так иностранцев, радостно смакующих эти «мерзости».

Любое выдвигание из «корчмы на литовской границе» было чревато тревожными неожиданностями, которые необходимо было не спеша осмыслить. С этой целью, получив от царя желаемую «слободу», поэт уже через полтора месяца, вернувшись к творчеству, сразу же возвращается в ту же «корчму» – в «глухое Михайловское».

Подобное «пограничное» ощущение Пушкин переживал далеко не впервые. Еще летом 1820 г., переплывая Керченский пролив, он маркировал его как *границу Европы и Азии, своеобразный рубеж между материками и культурами*: «Из Азии переехали мы в Европу на корабле». Этой фразой начинается пушкинский «Отрывок из письма к Д*», посвященный описанию жизни поэта в Крыму. К ней дано авторское примечание: «Из Тамани в Керчь» (VIII, 437). А в письме к брату от 24 сентября 1820 г. Пушкин назвал Кавказ «знойной границей Азии» и констатировал особенное ощущение от преодоления «границы» (XIII, 18).

«Пограничная» метафизика воображалась ему и на Дунае: в «Некоторых исторических замечаниях» (1822) он констатировал геополитическое «правило»: «Дунай должен быть *настоящею границею* между Турциею и Россией» (XI, 15). А оказавшись в Одессе, рядом с привезенными «без пошлины» вином и устрицами, с карантинном и таможней (отмеченными в «Путешествии Онегина»), он тоже воображал себя в «пограничье», из которого так просто бежать – куда угодно, хоть в Африку: «Маню ветрила кораблей...»

Но тут же ощущалась «призрачность» этих границ, их житейская непреодолимость. Эту призрачность Пушкин констатировал в «Путешествии в Арзрум» (1836), описав собственные ощущения при «переходе» турецкой границы в 1829 г.: «Утро было прекрасное. Солнце сияло. Мы ехали по широкому лугу, по густой зеленой траве, орошенной росой и каплями вчерашнего дождя. Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. Вот и Арпачай, сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я всё еще находился в России» (VIII, 463).

Показательно внутреннее самоощущение: переход через границу сразу же оборачивается разочарованием: перешел – и что дальше? Стоило ли переходить?.. Граница – это всегда рубеж, преграда: Керченский пролив, Дунай, речка Арпачай. Иногда условный рубеж, приближенный к символу: «Луёвы горы» или

три сосны «на границе владений дедовских». Но именно предощущение этого рубежа создает неповторимое чувство будущего обретения счастья. В сцене «Граница литовская» границу Руси «с той стороны» первым переходит князь Курбский, отважный юноша, «молодой красавец» – и сын знаменитого политического эмигранта XVI столетия, поневоле попавшего в число «государственных преступников». Курбский-сын, оказавшись у русской границы, испытывает восторг и счастье обретения родины:

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь! отечество! я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхую
С моих одежд, пью жадно воздух новый:
Он мне родной! теперь твоя душа,
О мой отец, утешилась, и в гробе
Опальные возрадуются кости!.. (VII, 66)

Но это – последний «восторг», выраженный Курбским. Перейдя границу, он «исчезает» из драмы (через две сцены мимоходом сообщается, что «он лег на поле смерти»).

Показательно, что Курбский-сын (искупивший своей смертью, как, позднее, Федор Годунов, грехи отца) – персонаж, выдуманный Пушкиным: в реальности никого из знатных русских бояр в войске Самозванца (которое Карамзин назвал «не рать, а сволочь») не было. А Самозванец, лишенный черт прекраснодушия, оказывается на этом рубеже «с поникшей головой» и вполне понимает последствия авантюрного нарушения «пограничного» состояния: «Кровь русская, о Курбский, потечет!..»

Метафизика пушкинского ощущения «пограничья» определялась специфическим ощущением нереализованной возможности «пересечения Рубикона». Вяземский несколько раз привел в своих отрывочных заметках о Пушкине следующий анекдот:

«Однажды Пушкин между приятелями сильно русофильствовал и громил Запад. Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятельствам, а частью и по наклонности. Он горячо оспаривал мнения Пушкина; наконец не выдержал и сказал ему: «А знаешь ли что, голубчик, съезди ты хоть в Любек». Пушкин расхохотался, и хохот обезоружил его.

Нужно при этом напомнить, что Пушкин не бывал никогда за границую, что в то время русские путешественники отправлялись обыкновенно с любекскими пароходами и что Любек был первый иностранный город, ими посещаемый»¹².

Пушкинский «хохот» в данном случае был сопряжен с горечью. «Обласканный» государем, он всю жизнь оставался человеком сомнительной «благонадежности». Не только за границу, но и по России он мог перемещаться «с тем только, чтобы предварительно испрашивать разрешения через письмо» (XIII, 298). М.А. Цявловский констатировал: ««Свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта» – так в сущности живет Пушкин с сентября 1826 г. до самой смерти»¹³. Его просто «не пускают» – ни в Париж, ни в Китай.

В ситуации вынужденного пребывания «на границе» особенно показательно, как поэт определяется со своим историософским мышлением. Вязем-

12 А.С. Пушкин в воспоминаниях современников в 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 141.

13 Цявловский М.А. Тоска по чужбине у Пушкина. С. 151.

ский в конце жизни удивлялся его позиции в дружеских – интимных – спорах: «В политических вопросах мы вообще сходились: разве бывало иногда разномыслие в так называемых чисто русских вопросах. Он, хотя вовсе не славянофил, примыкал нередко к понятиям, сочувствиям, умозрениям, особенно отчуждениям, так сказать, в самой себе замкнутой России, то есть России, не признающей Европы и забывающей, что она член Европы: то есть допетровской России; я, напротив, вообще держался понятий международных, узаконившихся у нас вследствие преобразования древней России в новую. И мне иногда хотелось сказать Пушкину с Александром Тургеневым: «Да съезди, голубчик, хоть в Любек»»¹⁴.

Но «путешествие в Любек», означавшее желанное пересечение границы, не состоялось: Пушкин оставался в «пограничном сознании». По закону парадокса, это «сознание» родило особенно острое патриотическое чувство, предполагавшее уже *принципиальную* «непереходимость границы», «непеременимость отечества» и невозможность «иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». Эти постулаты Пушкин изложил в знаменитом письме к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. (XVI, 171–173; 260–262).

Показательно, что Пушкин воспринял идеологию «Философических писем» Чаадаева прежде всего «житейски». Познакомившись с ними в рукописи еще в 1831 г., он отверг позицию оппонента и вступил с ним в вялый «эпистолярный поединок». Чаадаев в своих историко-философских поисках, отвергая духовную нищету российского самодержавия, презирая раболепие православной церкви перед светской властью, обратил свои взоры к Ватикану. Он полагал, что могущественное по своему влиянию на общество католичество может сласти человечество от произвола и притеснений государственной власти, обеспечит победу духовного над материальным. Призывая «переначать» русскую историю, резко порицая православие, Чаадаев уповал на грядущую «революцию духа», которая спасет «сбившуюся с пути Россию». Пушкин не взволновался этими идеями, найдя в рассуждениях приятеля важную логическую неувязку: ревнителю католицизма ничто не мешало покинуть Россию и стать «космополитом по обстоятельствам» – как это делали многие русские дворяне.

Но когда Чаадаеву удалось «чудом» опубликовать эти идеи в России, он естественно попал в ситуацию «властительного» преследования – и, конечно же, стал «невыездным». Последнее письмо Пушкина к нему (ставшее известным Чаадаеву уже после гибели поэта) было как раз попыткой Пушкина продемонстрировать возможность непротиворечивой системы воззрений человека, вкусившего, как и Чаадаев, все прелести «пограничной ситуации», которая делала такого рода «русофильство» единственно непротиворечивой идеологией.

Позднее Чаадаев, сам очутившийся в «пограничном сознании», уточнил и отчасти изменил свои воззрения на ход русской и европейской истории. В своих письмах А.И. Тургеневу, в «Апологии сумасшедшего» и т.д. Чаадаев как бы отвечает самому себе, автору «Философических писем» – и опровергает собственные крайности. «В концепции философа позже усиливаются не то что-

бы оптимистические мотивы, но, можно сказать, «альтернативные», допускающие и более положительные, благоприятные варианты русского развития, нежели те, что столь безнадежно представлены в «Философических письмах»¹⁵.

Чаадаевская мысль, внутренне независимая, вступала в сложные отношения с его «житейским» положением. Дух философа, как показывают, в частности его замечательные афоризмы, написанные в конце жизни, оставался до конца несломленным. Но то «пограничное состояние», в котором Чаадаев оказался, стало основой его высказываний, прямо вытекающих из концепции Пушкина. Например, такого: «С того дня, как мы произнесли слово Запад по отношению к самим себе – мы себя потеряли»¹⁶.

Подобное можно почувствовать только «на границе».

Об авторе

Кошелев Вячеслав Анатольевич, ведущий специалист центра маркетинга НИР Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Vyacheslav Anatolyevich Koshelev, leading specialist of the center for marketing research, Arzamas branch Nizhny Novgorod state University. N. And. Lobachevsky, Russia.

E-mail: anatoly.koshelev@novsu.ru

---

15 Эйдельман Н.Я. Пушкин и Чаадаев (Последнее письмо) // Эйдельман Н. Статьи о Пушкине. М., 2000. С. 352.

16 Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 499.

ГРАНИЦЫ МЫШЛЕНИЯ, ПАРАДИГМЫ ВНЕШНЕЙ ИНФОРМАЦИИ И ВНУТРЕННИХ СМЫСЛОВ В НАУЧНЫХ ДИКУРСАХ

В статье говорится о философии вертикальных и горизонтальных пределов человеческого познания и о границах социальных и культурных смыслов. В современном обществе, как показывает автор, актуально соревнование не в пределах реального географического пространства, а в полевых границах идей и воображения.

Ключевые слова: мышление, парадигма, границ познания, дискурс, пиар.

S.S.Kuldin

BORDER THINKING, THE PARADIGM OF EXTERNAL INFORMATION AND INNER MEANING IN SCIENCE

In this article we will talk about the geography of spaces in the cross-border issues, and the philosophy of the vertical and horizontal limits of human knowledge and the boundaries of social and cultural meanings. The boundaries of intellectual or socio-cultural is not a competition in the geometry of the real spaces of geography, it is a competition in the field boundaries of ideas and imagination.

Key words: thinking, paradigm, frontiers of knowledge, discourse, PR.

В данной статье разговор пойдет не о географии пространств в вопросах трансграничности, а о философии вертикальных и горизонтальных пределов человеческого познания и границах социальных и культурных смыслов.

Разговор о горизонтальных границах интеллекта – это, прежде всего, вопрос понимания, причем понимания между людьми, которые сформировались в различных социальных, религиозных и политических детерминациях, это, прежде всего, вопрос о возможностях и пределах коммуникации между представителями разных культурных и социальных слоев.

В последнее время наметились две четко выраженные тенденции, очерчивающие новые социокультурные границы:

1. С одной стороны, поляризация на платформах разграничения идеологической, религиозной и этнической принадлежности, где в жестко очерченных контурах прорисовывается дихотомия «свой – чужой». Данная поляризация имеет давние и достаточно традиционные корни, проявляющиеся в противопоставлении Запада и Востока. Причем есть как локальные, например, сугубо российские вариации, уходящие в противостояние славянофилов и западников, так и более древнее глобальное противостояние между христианским Западом и мусульманским, языческим Востоком. В обоих случаях дуализм оживляет как старые негативные, так и совершенно новые тенденции и противоречия. Разного рода нетерпимость начинает проникать в прежде нейтральные социальные сферы, например, в последнее время на Западе наблюдается очевидное размывание гендерных границ, в то время как на другом полюсе делаются жесткие попытки удержания патриархальной традиции. То же касается и сферы культуры и искусства, с одной стороны,

идет насаждение «массовой культуры» и «современного искусства», в то время как с другой стороны предпринимаются напряженные попытки, направленные на сохранение и реанимацию национально-культурных и даже псевдоисторических традиций.

2. Другая тенденция носит скорее позитивный характер и направлена на цивилизованное сглаживание межкультурных противоречий. Так, в рамках либеральной идеологии всесторонне поддерживается и развивается межкультурная коммуникация и религиозная толерантность. Однако методы и акценты, присутствующие в последней, также вызывают беспокойство и настороженность у части общественности. Постмодернистская интеллектуальная дискуссия, развернутая в середине XX века, достаточно серьезно пошатнула и основательно размыла ключевые нормативные и ценностные ландшафты. Тем самым были нивелированы многие традиционные социальные и культурные смыслы. Исчезли прежние критерии и авторитеты, произошло смешение традиционализма и современной массовой культуры, где религии и наука конкурируют с шаманизмом, эзотерикой, астрологией, уфологией и разного рода новомодными движениями, типа Ньюэдж. Идеологические дискурсы, этические нормы, мировоззренческие принципы строятся в рамках размытых «общечеловеческих ценностей», не имеющих никакого определенного знаменателя и трактуемых диаметрально противоположным способом лидерами мнений в разных социокультурных контекстах. Параллельно в рамках повседневных практик продолжается проект построения «одномерного человека» и системы «общества потребления»¹ (Маркузе), где векторы культуры встраиваются в рамки усредненных стандартов массового потребления, а вековые каноны и традиции рассматриваются скорее как атавизмы авторитарных и тоталитарных систем прошедших эпох.

Единственной очевидностью в эпоху многофакторности смыслов и диффузии ценностей, интерпретирующих современные социокультурные процессы, остается вопрос о роли и положении мыслящего субъекта. Извечная экзистенциальная проблема критериев и границ личностного отношения к миру теперь может найти разрешение исключительно в уме конкретного мыслящего индивида². Все традиционные параметры, которые формировали личность в доиндустриальные эпохи, на данный момент стали размытыми и единственной отправной точкой остается векторная парадигма выстроенная еще Декартом – «мыслю, следовательно, существую».

Ключевые вопросы в текущем контексте постмодернистской диффузии смыслов, а значит и границ культурной и идеологической определенности, как и во времена «Возрождения» формируются следующим образом: 1. Что такое мышление и каковы его границы (гносеологический аспект)? 2. Кто такой мыслитель и где он находится (онтологический аспект)? 3. Каковы границы и возможности обретения смыслов сознающим субъектом (экзистенциальный аспект)?

Интроспективное рассмотрение процесса мышления говорит о том, что объективная реальность и рассматриваемые объекты во всех случаях являются лишь мыслеформами и их реальность ограничена способностями,

1 Маркузе Г. Одномерный человек. Киев. 1994.

2 Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Пер. с фр. М. Грецкого. М.: Изд-во иностр. лит., 1953.

представлениями и воображением сознающего субъекта, то есть о самом существовании объектов можно говорить исключительно в контексте тех или иных мыслительных процессов. Из круга субъективного кризиса поиска объективных оснований попробуем перенести свое внимание в плоскость доступного восприятия и обсудить существование и происхождение не образов вещей, а самой мысли. И тут мы снова упираемся в серию вопросов: почему и, главное, откуда в мышлении всплывает та или иная мысль? Где границы мышления, могут ли они охватить все явления или же у мысли есть предел? Имеет ли само мышление самосущее бытие или же все обусловлено разным качеством состояния мысли и мыслителя? И здесь мы также видим, что однозначного положительного их разрешения нет.

Есть две парадигмальные платформы рассмотрения реальности.

Первая – состоит в том, что объективно существующий мир, воздействуя на рецепторы и восприятие человека, формирует в нем реакции, стимулирует процесс мышления и создает образы, но эти образы к реальности не имеют никакого отношения и всегда скрыты за пеленой субъективной интерпретации³.

Вторая, которая берет свое начало еще в Античности, – в том, что мир идей первичен и ум человека проявляет эти идеи, а потом в соответствии с ним конструирует свои представления об объекте, тем самым объективируя реальность. Данный подход со временем не утратил актуальности; так, представитель французских энциклопедистов Кондильяк говорил, что наука – это всего лишь одна из форм языка⁴, с ним был солидарен и современный философ науки Уайтхед⁵, а сторонники постмодернизма и деконструкции вообще утверждают, что реальность, в которой существует человек, является всего лишь текстом и формой ситуативного нарратива⁶. Причем в рамках данной статьи мы намерено не касаемся теории познания в восточной философии, где, например, в Упанишадах, Адвайте Мадхьмики или буддийской философии субъект рассматривается абсолютно тождественным объекту и все есть форма сознания.

Человеческий ум обладает одним важным свойством: все объяснения подгонять под определенные теоретические форматы. Особенно четко это проявляется в рамках формирования научных парадигм, которые, собственно, и задают определенные границы для мышления. Те, в свою очередь, формируют определенные смысловые дискурсы, между которыми идет борьба в рамках тех или иных групп поддержки в научном сообществе. Например, в вопросе о происхождении жизни одна парадигма исходит из того, что жизнь возникает из материи в результате ее эволюции, другая точка зрения исходит из того, что жизнь – это одно из изначальных свойств бытия, которое проявляется в различных формах материи и оживляет ее при определенных условиях. Но в обоих случаях мы имеем дело всего лишь с гипотезами в форме наукообразных

---

3   *Кант И. Критика чистого разума / (Пер. с нем.; предисл. И. Евлампиева). М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.*

4   *Кондильяк Э. Б. Сочинения в 3-х томах / Пер. с фр.; общ. ред. и примеч. В. М. Богуславского. М.: Мысль, 1980–1983. Т. 3.*

5   *Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / Пер. с англ. Общ. ред. и вступ. ст. М. А. Киссея. М.: Прогресс, 1990.*

6   *Деррида Ж. Диссеминация (La Dissemination) / Пер. с фр. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.*

нарративов, формирующих ту или иную концепцию в рамках интеллектуальной деятельности. Их правильность или неправильность требует не столько опытного и экспериментального подтверждения, сколько признания определенным количеством представителей научного сообщества и формирования в нем устойчивого большинства. Что в современном мире связано не столько с доказательной базой, сколько с правильно налаженной коммуникацией и хорошо поставленным пиаром своих идей среди целевых аудиторий научной и околонаучной общественности, что было продемонстрировано в случае с «Дарвиновской теорией»⁷.

Таким образом, в выше обозначенных случаях мы имеем дело со способностью ума и его возможностью строить концептуальные платформы и парадигмальные установки, в рамках которых формируются границы не столько между познанным и непознанным, сколько между противоборствующими сторонами и оппонентами. Даже в тех случаях, когда гипотеза опирается на эксперимент, первичным является интеллектуальное предположение, для подтверждения которого и создаются те или иные условия эксперимента, и пока это касалось физических объектов макромира, это было наглядно и даже убедительно. Но когда эмпирический подход стали применять к процессам в микромире и особенно в «квантовой физике», «принцип неопределенности» поставил экспериментальную базу в сложную зависимость от состояния наблюдателя⁸. В результате все главные научные определения и описания еще больше стали опираться на гипотетические постулаты и предположения, основная цель которых – залатать парадоксальные дыры в существующих теориях.

Так, до сих пор нет четкого определения ни того, что такое материя, ни представления о причинах ее движения во вселенной. После анализа данных, полученных с орбитального телескопа Хаббл, оказалось, что для объяснения движения объектов во вселенной не хватает почти 90% массы, и чтобы заполнить пустое место, был создан лингвистический казус – «темная материя», то есть для натяжки существующей теории дырку размером в 9/10 массы Вселенной заткнули мутным термином. Те же проблемы и с определением, что такое жизнь, и, особенно, что такое ум и мышление. По-прежнему есть лишь различные концессии ученых, которые поддерживают те или иные теории и направления исследовательской деятельности.

Но если так обстоит дело в «точных науках», то в гуманитарной сфере условность и конвенциональность научных определений становится еще более актуальной, так как экспериментальная база еще менее очевидна, а верификация полученных данных практически невозможна. Поэтому большинство теорий ограничены способностью тех или иных лидеров научных сообществ генерировать идеи и заключать их в известные им парадигмальные рамки, а главное – способностью последователей этих парадигм заниматься продвижением данных идей в специализированных средствах массовой информации. Достаточно выпуклым примером такого рода коммунальной солидарности являли собой «советские гуманитарные науки».

В связи с этим надо указать на еще одну очень важную проблему и

---

7 Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

8 Шрёдингер Э. Мой взгляд на мир. М.: Либроком, 2009.

тенденцию. Так, с начала XXI века набирают обороты серьезные изменения в средствах и способах распространения информации, в частности, исчезают традиционные печатные издания, а на их место приходят электронные средства информации, что радикально меняет возможность распространения, а главное, интерпретации научных знаний. Границы научного знания оказываются еще более размытыми обилием околонучных и псевдонаучных материалов в Сети, которые выглядят куда более привлекательно, благодаря своим аттрактивным возможностям. Все это создает новые постмодернистские тренды в общественном восприятии науки и «знания» как такового. Мы уже указывали на проблему формирования верифицируемых смыслов в гуманитарной сфере, говорили о парадигмальных противостояниях и проблеме барьеров в межкультурной коммуникации.

Почему возникают подобного рода разделения и барьеры? Потому что в современном мире массмедиа не решают задачи информирования и распространения знания, а занимаются исключительно продвижением оплаченных идей и идеологий на всевозможных околонучных и околкультурных информационных каналах⁹. Потому что тот, кто способен навязывать свою культуру и свое мировоззрение, тот и доминирует в эпоху тотального потребления на «мировом рынке». Поэтому так сильно отчуждение со стороны еще живых традиций относительно современной либеральной системы распространения информации и постмодернистской диффузии ценностей. Причем носители разных концепций находятся в состоянии непримиримых споров, что уже говорит о том, что нет целостного понимания, а идет прорисовка границы между гранями различных взглядов на изучаемые вопросы в рамках культурных и социальных трендов, навязанных все теми же мировыми массмедийными конгломератами.

И здесь мы вернемся к такой категории, как «интеллект», у него есть свойство не только переводить информацию, считанную органами восприятия, в понятия, но и придумывать, навязывать то, каким восприятием или даже мышлением должны обладать остальные субъекты общественных отношений. Он создает и формирует способности и задает рамки интерпретации окружающей действительности. Например, ум мыслителя способен наделять других субъектов различными формами мышления или безумства, а также тем, как эти субъекты воспринимают окружающую реальность. Все зависит от того, на какой идеологической платформе сформировался этот интеллект. Так, например, расисты могут рассуждать об умственных способностях представителей другой расы, а «отцы церкви» в древности на одном из соборов решали вопрос: есть ли душа у женщин. Зоологи же строят умозрительные гипотезы об интеллектуальных способностях животных, в то время как радикальные бихевиористы полагают, что любое поведение, в том числе и человеческое, это лишь результат закрепления условных рефлексов. Но во всех случаях эти суждения о свойствах и качествах остаются лишь идеями и научными гипотезами, и они имеют такую же реальность, как суждения о мыслительных способностях жителей «альфа Центавры» и сверхспособностях «эльфов Средиземья». Потому что во всех случаях это только воображаемые и представляемые свойства о восприятии и способностях некоего «идеального

объекта», где и сам объект, и суждение о сущности мышления по-прежнему остаются за пределами точного знания¹⁰.

В данном случае можно согласиться с некоторыми идеями представителей деконструктивизма, что куда бы ни направлял свое внимание человек, он видит не реальность, а концепции о реальности, запакованные в те или иные парадигмы, и правильность этих концепций зависит не от объективности восприятия, а от доминирующей в массовом сознании или сознании определенной консолидированной социальной группы идей и мнений. Таким образом, мы выходим на основное понимание роли парадигмального и коллективного концептуального мышления в вопросах формирования контуров социального пространства. Например, если вопрос гендерных разграничений утрачивает в современном мире свою актуальность и это поддерживают мировые медиа, это становится одним из трендов массовой культуры, то количество носителей транссексуального поведения и мировоззрения начинает возрастать в прогрессии. Транссексуальность это не проблема физиологии, это вообще не проблема, это современный культурный тренд. Причем негативную или позитивную оценку определяют здесь лишь границы и погруженность человека в ту или иную традицию или субкультуру, опосредованную теми или иными идеологическими доминантами.

И тут мы подходим к тому, о чем говорил еще Ницше, что тот, кто сможет навязать другим людям перспективу и погрузить их в свое воображение и представление о реальности, получает исключительные возможности для управления ими¹¹. Именно поэтому, говоря о границах интеллектуальных или социокультурных, мы имеем дело не столько с конкуренцией в геометрии реального географического пространства, сколько с конкуренцией в сфере границ представлений и воображения. Современный пиар в глобальном масштабе – это, прежде всего, способность навязывать другим свое интеллектуальное виденье перспективного развития, именно поэтому на первый план выходят инструменты достижения контроля над информацией и продвижение своих культурных смыслов и ценностей.

Об авторе

Кулдин Сергей Станиславович, кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и журналистики Псковского государственного университета, Россия.

Sergey Kuldin, Candidate of sociological Sciences, Associate Professor, the Department of public relations and journalism, Pskov State University, Russia.

E-mail: skuldin@yandex.ru

---

¹⁰ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990.

¹¹ Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Пер. с нем. В. М. Бакусева, Ю. М. Антоновского, Я. Э. Голосовкера и др.; Ред. совет: А. А. Гусейнов и др.; Ин-т философии РАН. М.: Культурная революция, 2005–2014.

**ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
(ОТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО ДО ТРАНСГУМАНИСТОВ)**

В статье рассматривается проблема определения границ человеческого, которая детерминирует существование человека в культуре. В XIX в. это проблема выхода за пределы моральных ценностей, в современной философии – проблема выхода за границы биологического. Опасность трансгуманистических взглядов заключается в их стремлении окончательно выйти за пределы человеческой природы.

Ключевые слова: границы человеческого, культура, человек, русский космизм, трансгуманизм, феноменологический антропоцентризм.

I. B. Sazeeva

**THE ISSUE OF THE LIMITS OF HUMAN
(FROM DOSTOEVSKY TO TRANSHUMANISTS)**

The article considers the problem of determining the boundaries of the human, which determines human existence in culture. In the XIX century is the problem of going beyond the moral values in contemporary philosophy – the problem of going beyond the biological. The danger transhumanist views is their desire to finally transcend the limits of human nature.

Key words: the boundaries of human, culture, human, Russian cosmism, transhumanism, the phenomenological anthropocentrism.

Культура в своих базовых основаниях может быть представлена как выражение и развитие человеческого в человеке (или мера человеческого в человеке). Соответственно существование культуры тесным образом связано с сущностью человека и определяет границы человеческого. В наши дни, когда возможности технического прогресса стремительно возрастают, определение этих границ просто необходимо для того, чтобы понять, до какого момента сохраняется идентичность человека и человеческий характер культуры. Чтобы рассмотреть заявленную проблему, обратимся к определениям культуры и человека.

Известный отечественный философ В. С. Степин дает определение культуры как системы «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях»¹.

В процессе формирования и развития культуры возникают и развиваются особые социальные коды, фиксирующие и закрепляющие «исторически накапливаемый социальный опыт, который выступает по отношению к различным

¹ Степин В.С. Культура. Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 341.

видам деятельности, поведения и общения (а значит, и всем порождаемым ими структурам и состояниям социальной жизни) как их надбиологические программы»². Культура, таким образом, становится аналогом генетического кода в биологических системах, обеспечивающим управление обществом и его саморегуляцию.

Особую роль в любой культуре играют так называемые культурные универсалии, т.е. «категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта»³. Степин выделяет два блока универсалий культуры, первый из которых отражает особенности мира в гносеологическом и деятельностном аспектах, а второй – бытие человека и его отношение к миру и другим людям. В этот блок входят ценности (добро, зло, свобода, красота и т.п.), выражающие сущностные основания культуры, являющиеся глубинными программами социальной жизни.

Среди определений человека выберем в качестве рабочего выработанный в отечественной философии вариант: «человек – это субъект общественно-исторического процесса, развития материальной и духовной культуры на Земле, биосоциальное существо, генетически связанное с другими формами жизни, но выделившееся из них благодаря способности производить орудия труда, обладающее членораздельной речью и сознанием, нравственными качествами»⁴. В этом определении отметим прежде всего то, что человек – субъект культуры, обладающий сознанием, речью и нравственными качествами, приобретаемыми, как следует из сказанного выше, в процессе усвоения культурных универсалий. Отметим также, что человек – биосоциальное существо, генетически связанное с другими формами жизни.

По мнению М. М. Бахтина, любое культурное явление определяется его границами: «Проблема той или иной культурной области в ее целом – познания, нравственности, искусства – может быть понята как проблема границ этой области»⁵. Соответственно, проблема человека в культуре может быть определена и как проблема границ человеческого. Человеческое понимается в первую очередь как то, что детерминировано культурными универсалиями второго рода, прежде всего нравственными ценностями.

Поскольку европейская культура фундируется христианскими ценностями, размышления о границах человеческого в человеке начинаются с середины XIX века, когда происходит их переосмысление. Можно выделить два направления европейской мысли, связанной с этим процессом: возвращение к истинным ценностям христианства, гениально раскрытое в романах Ф. М. Достоевского, и отрицание христианских ценностей, не менее ярко

---

2 Там же, с. 342.

3 Там же, с. 343.

4 Фролов И. Т., Борзенков В. Г. Человек. Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. М.: Мысль, 2010. Т. 4. С. 346.

5 Бахтин М. М. Проблема материала, содержания и формы словесном художественном творчестве. / Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 43.

выраженное в философии Ф. Ницше.

Достоевский осуществляет своеобразную проверку христианских ценностей и христианской антропологии теми «соблазнительными» идеями, которые так распространились в его время, особенно в среде нигилистически настроенной молодежи. Проблема выхода за границы человеческого для великого русского писателя – это проблема выхода за границы христианской антропологии. Особенно показательны в этом смысле два романа – «Преступление и наказание» и «Бесы». Остановимся на образах Ставрогина и Раскольникова, представляющих собой варианты гордыни, разрастающейся до желания стать выше всех остальных (выйти за границы человеческого).

Ставрогин из романа «Бесы» – человек, исполненный гордыни, тщательно культивирующий в себе оригинальность и силу, испытывающий презрение к общественной морали и общепринятому образованию, поскольку образование – удел масс, а не избранных.

По классификации Н. О. Лосского, Ставрогин – воплощение гордого нераскаявшегося человека, который находится на стадии уныния как последнего из семи смертных грехов. Это, по его мнению, «есть печальный конец жизни нераскаянного гордеца, который начинает свой путь энергичной деятельностью, полный веры в себя, но потерпев множество крушений, утрачивает вкус к жизни»⁶.

Ставрогин по причине своей гордыни на самом деле выходит за пределы человеческого и не находит там, в конечном счете, ничего привлекательного, но дойти до такой степени раскаяния, которая может возродить в нем человека, не в состоянии.

Поставив себя на недостижимую высоту, Ставрогин никого не может полюбить индивидуальной личной любовью. Шатову, который преклоняется перед ним, он холодно говорит: «Мне жаль, что я не могу вас любить»⁷. Проведя ночь с Лизой и увидев ее разочарование в себе, он принужден признать ее правоту: «Мучь меня, казни меня... Ты имеешь полное право! Я знал, что я не люблю тебя, и погубил тебя. Да, я оставил мгновение за собой»⁸. Единственная доступная Ставрогину эмоция – злоба.

Истребив в себе большую часть человеческих качеств, этот гордец пытается покаяться старцу Тихону в самом страшном своем преступлении – растлении малолетней девочки Матрешки. Но до настоящего раскаяния он все-таки не доходит.

Старец видит, что раскаяние Ставрогина неполно: он сожалеет о гибели ребенка, но осудить себя, в силу своей гордости, не может. Он уже сжег в своей душе все человеческое, в нем нет той почвы, из которой может вырасти настоящее раскаяние, тем более, что его преступление – стыдное, вызывающее насмешки: «Есть преступления, – сказал епископ, – стыдные, позорные, мимо всякого ужаса, так сказать, даже слишком уж не изящные...»⁹. Ставрогин в ответ говорит, что сам ищет для себя безмерного страдания, иначе погибнет

6 Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. С 144–145.

7 Достоевский Ф. М Бесы. Ставрополь: РИО Красный Крест, 1993. С. 156.

8 Там же. с. 238.

9 Там же, с. 61.

во злобе, но он не способен на полное раскаяние. Поэтому вслед за искренним, казалось бы, покаянием в нем поднимается злоба, он начинает иронизировать, и это ведет его к бесплодному концу.

Сила, позволяющая прийти к подлинному раскаянию и возрождению, находится, однако, у другого героя Достоевского – Родиона Раскольникова. Образ бедного студента, также стремящегося в ряды «высших людей», представляет дальнейшее развитие образа грешника-гордеца, который становится способным на подлинное раскаяние и возврат к человеческому через те же самые христианские истины, казавшиеся ему когда-то обветшавшими. Раскольников решает испытать себя: принадлежит ли он действительно к некоей высшей когорте избранных, которые могут преступить человеческие установления, т.е. моральные нормы? Его решение убить старуху-процентщицу принято не столько для того, чтобы решить материальные проблемы, сколько для проверки самого себя: «мне надо было узнать тогда, и поскорее узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...»¹⁰.

Однако Раскольников не может по-настоящему перейти границы человеческого, поскольку он не истребил в себе моральные ценности, которые преступил на время. Сразу же после совершенного преступления он начинает мучиться содеянным, что является залогом последующего раскаяния. Однако сам путь к раскаянию долог и труден. Необходимость лжи и притворства унижает и мучает героя. Однако он находит в себе силы и нато, чтобы повиниться в своем преступлении и раскаяться и вернуться в границы человеческого, в чем ему помогает, как знаем, любовь Сони Мармеладовой, сохранившей, несмотря на все свои страдания, истинные христианские ценности и искреннюю веру. Раскольников совершает самое трудное для гордого и образованного человека – искреннее раскаивается в том, что он сделал, а не только в «глупости и трусости», по которым он совершил явку с повинной. Найдя в себе со временем силы преодолеть гордыню, он по-настоящему смог полюбить последовавшую за ним на каторгу Соню, принять христианские истины, носительницей которой она являлась, и прийти к настоящему раскаянию и перерождению.

Наиболее талантливую и яркую критику христианских ценностей мы находим в учении Ф. Ницше о сверхчеловеке как новом этапе эволюции. В своей блестящей поэме «Так говорил Заратустра» Ницше заявляет: «Человек – это канат, протянутый между животным и сверхчеловеком, это канат над пропастью»¹¹. Для великого ниспровергателя авторитетов признание «смерти Бога» является предпосылкой мучительных исканий нового человека, новой морали, которая не искажала бы действительность и способствовала бы дальнейшей эволюции человечества. В произведении «По ту сторону добра и зла» он говорит, что смерть Бога – это его линька. Для Ницше воля к власти, действующая через бессознательное, – движущая сила и истории, и эволюции. Мораль должна исходить из утверждения воли к власти (следовательно, не из

---

10 Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15-ти томах. Л.: Наука, 1989. С. 397.

11 Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Interbook, 1990. С. 11.

сознания, а из бессознательного), и те люди, которые способствуют этому, «высшие люди», должны править обществом. Романтик Ницше стремится к полному уничтожению всего старого, отжившего, и утверждению нового, не бывшего ранее. Таков его сверхчеловек, выходящий за границы того человеческого, которое существовало в современном мыслителю мире: «Я хочу учить людей смыслу их бытия: этот смысл есть сверхчеловек, молния из темной тучи человечества»¹².

Идеал сверхчеловека, по замыслу Ницше, может быть реализован лишь при условии, что человечество возвратится к истокам своей истории, когда бал жизни будут править «высшие люди» – «хозяева», представляющие собой совершенство прежде всего в биологическом отношении (то есть способные утверждать волю к власти). Они не будут отягощены ни бытовыми, ни социальными, ни религиозными ограничениями и предрассудками и потому абсолютно свободны.

Устами Заратустры Ницше провозглашает вместо христианской любви к ближнему «любовь к дальнему»: «Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему; выше любви к человеку – любовь к делам и призрачным видениям»¹³. Наиболее тонкую и глубокую интерпретацию этого понятия дал С. Л. Франк в работе «Ницше и этика любви к дальнему». Любовь к ближнему Франк определяет так: «Этика «любви к ближнему» есть ... моральная система, основанная на инстинкте сострадания». У Ницше «любовь к дальнему» может быть понята как все, что не совпадает с «любовью к ближнему»: «Мы можем охарактеризовать ее как чувство, испытываемое по отношению ко всему «дальнему», ко всему, что отдалено от нас либо пространственно, либо временно, либо, наконец, морально-психологически и потому действует не непосредственно, не при помощи аффекта сострадания, а через посредство более отвлеченных моральных импульсов». Это любовь ко всему, что непосредственно не наблюдается нами, а также любовь к отвлеченным вещам – «любовь к истине, к добру, к справедливости – словом, любовь ко всему, что зовется «идеалом», или, как выражается Ницше, «любовь к вещам и призракам»¹⁴. Это этика активного героизма. Она не является, следовательно, имморальной: Ницше стремился создать новую мораль. Однако разрушение старой морали – процесс опасный и деструктивный. Создание нового при этом становится довольно проблематичным.

Сверхчеловек, по мнению Ницше, будет повиноваться новым моральным нормам, которые отчасти отражены в морали «людей высшего типа», «хозяев», или «господ». Эта мораль противостоит морали рабов, где провозглашается культ серости, посредственности. В своем учении о сверхчеловеке Ницше фактически завершает линию европейского гуманизма, идущую от Ренессанса,

---

12 Там же, с. 17.

13 Там же, с. 52.

14 Франк С. Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» [Электронный ресурс]

// Фридрих Вильгельм Ницше. Статьи и материалы о Ницше // Режим доступа: http://velib.com/read_book/bez_avtora/manifesty_russkogo_idealizma/problemny_idealizma_sbornik_statejj/sl_frank_fr._nicshe_i_ehtika_ljubvi_k_dalnemu/ii/. (Дата обращения 2 декабря 2016 . – Загл. с экрана).

выявив все ее сильные и слабые стороны.

Идея трансформации природы человека в ходе бесконечной эволюции прослеживается в трудах русских космистов от религиозно-утопического учения Н. Ф. Федорова о патрофикации, воскрешении отцов, до «научного» представления об автотрофном будущем человечества К. Э. Циолковского. Не останавливаясь более на трудах этих русских мыслителей, отметим, что это первая в отечественной философии попытка выйти не только за пределы культурных ценностей, но и за границы биологической природы человека, которая, согласно принятому нами в качестве рабочего определению, является его атрибутом.

Идеи русских космистов, как и идея Ницше о продолжающейся эволюции человека, становятся одним из источников формирования достаточно нового движения в философии и культуре вообще – трансгуманизма, развивающего идеи трансформации человечества на базе современных достижений науки.

Наиболее распространенное определение трансгуманизма звучит так: «Трансгуманизм – это рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека»¹⁵.

Впервые термин «трансгуманизм» появляется в работе биолога-эволюциониста Джулиана Хаксли «Религия без Апокалипсиса» (1927), хотя в философском смысле его впервые описывает Ф. М. Эсфендиари. Кроме него, одним из первых философское определение трансгуманизма дает Макс Мор.

Всемирная ассоциация трансгуманистов была создана в 1998 году философами Ником Бостромом и Дэвидом Пирсом (с 2008 года она носит название «Humanity+»). Шведский философ Ник Бостром (р. в 1973 г.), работающий в Оксфорде, по сей день является ее руководителем, поэтому его взгляды представляют решающий интерес при анализе философии трансгуманизма.

В своей работе «Трансгуманистические ценности» Бостром излагает свое понимание целей и задач этого направления.

Трансгуманизм, по мнению Бострома, «способствует междисциплинарному подходу к пониманию и оценке возможностей для улучшения условий жизни людей и человеческого организма, которое открывается благодаря развитию технологий»¹⁶.

Человеческая природа, как и в философии Ницше, понимается здесь как некая заготовка для дальнейшей трансформации. Однако, если у Ницше предполагалась не только биологическая, но и нравственная эволюция человека в сверхчеловека, то у трансгуманистов это нацеленное воздействие

15 Российское трансгуманистическое движение. Официальный сайт. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/>). (Дата обращения 1 декабря 2016. Загл. с экрана).

16 Nick Bostrom. Transhumanist Values [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.nickbostrom.com/ethics/values.html> (Дата обращения 30 ноября 2016. Загл. с экрана).

на человеческую природу с целью ее совершенствования и перехода в состояние сначала трансчеловека как человека переходного типа, а затем и постчеловека как принципиально нового по сравнению с человеком существа.

Ник Бостром, что важно для нашей темы, рассматривает понятие человеческих пределов. Факторы, составляющие человеческие пределы, следующие: срок жизни, недостаточные интеллектуальные способности, недостаточная физиологическая функциональность, а также недостаточное сенсорное развитие и недостаточный контроль человека за своим эмоциональным состоянием. Видим, что автор определяет пределы человека лишь как недостаток развития всех его качеств и особенностей существования. Пределы эти надлежит непременно преодолеть.

Бостром приводит таблицу основных трансгуманистических ценностей, в которой оправдывается любое вмешательство в природу человека, провозглашается «морфологическая свобода», т. е. право на выбор любой технологии улучшения человеческой природы. Далее говорится о противостоянии военной угрозе, открытой дискуссии о будущем человека, повышении интеллектуальных способностей людей и создании искусственного разума. В духе аналитической философии к ценностям относится философский фаллибилизм¹⁷; а также прагматизм и предпринимательский инженерно-научный дух. Далее идут такие ценности, как разнообразие выбора человека в любой сфере жизни, будь то религия или сексуальная ориентация, забота обо всем разумном и сохранение жизней¹⁸.

Из этого перечня видно, что здесь смешаны различного рода понятия, часть из которых, действительно, может быть названа ценностями: мир, забота обо всем разумном, широкий открытый диалог о проблемах человечества. Другие ценности могут быть названы таковыми лишь до определенного предела – повышение интеллектуальных способностей человека, забота о сохранении жизни. Все это имеет смысл до той поры, пока не нарушается биологическая природа человека. Ибо если она будет нарушена, результат такой морфологической свободы уже не будет человеком, согласно указанному выше определению. В этом случае «постчеловек» – это нечто подобное технологическому сверхчеловеку, который вполне может перечеркнуть своим существованием все предыдущие тысячелетия развития культуры. Человеческой культуры, заметим.

Что касается научного прагматизма и фаллибилизма, они не являются ценностями сами по себе, ибо не имеют отношения ни к морали, ни к основаниям духовной жизни человека.

Вмешательство высоких технологий в биологическую природу человека вызывает резкую критику со стороны ряда философов, одним из которых является нижегородец В. А. Кутырев. В своих трудах он постоянно отстаивает право человека на сохранение своей биологической природы и резко осуждает попытки технологического вмешательства в человеческую сущность с целью

17 Фаллибилизм – направление постпозитивизма, согласно которому любое научное знание принципиально не является окончательным, а есть лишь промежуточная интерпретация истины, подразумевающая последующую замену на лучшую интерпретацию.

18 Nick Bostrom Transhumanist Values.

«улучшить» ее. Для него «новый человек» (постчеловек) – «это человек, модифицированный с помощью новейших технологий до такой степени, что с традиционной общепринятой точки зрения уже не является человеком»¹⁹.

В настоящее время уже стоит вопрос о защите человека и всего человеческого. Кутырев выдвигает в качестве своей позиции феноменологический антропоцентризм, обозначающий сохранение именно человеческих возможностей чувствования, данных нам от природы: «Для людей «лучшим из миров» является тот, где они способны жить, поддерживая свою идентичность». И далее: «Феноменологический антропоцентризм – это гуманизм»²⁰. Феноменологический в данном контексте обозначает «адекватный особенностям человеческого восприятия». Современная философия, противостоящая рассмотренным нами сциентистским тенденциям, может быть названа философией выживания.

Определение природы человека, его границ как разумного биосоциального существа становится, таким образом, насущной задачей современной культуры. Если XIX век рассматривал границы человеческого как комплекс культурных универсалий, выход за которые делал человека бесчеловечным прежде всего в нравственном смысле, то современность ставит под вопрос саму биологическую природу человека. Следовательно, границы человеческого можно определить в духе феноменологического антропологизма как человеческий способ восприятия мира, сохранение которого означает сохранение человеческой культуры и самого человека.

Об авторе

Сазеева Ирина Борисовна, кандидат философских наук, доцент, Автономная некоммерческая организация высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», кафедра современных образовательных технологий РУК, Россия.

Irina Borisovna Sazeeva, Ph. Doctor, Associate Professor, Autonomous nonprofit organization of higher education of Tsentrosoyuz of the Russian Federation “Russian University of cooperation”, Associate Professor of the Department of modern educational technologies RUC, Russia.

E-mail sazeirina@yandex.ru, тел.89200317483

---

19 Кутырев В. А. Философия трансгуманизма. Н. Новгород: Нижегородский университет, 2010. С. 4.

20 Кутырев В. А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества). Смоленск: Смоленский государственный университет, 2006. С. 90–91.

«МЕЖА» В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: ТЕРМИН И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ

В статье представлен обзор документальных источников и художественных текстов, в которых «межа» выступает как реалия и как художественный образ. Указывается, что литературная традиция изображения межи является до чрезвычайности редуцированной; документальные источники (прежде всего межевые книги) представляют межу как реалию, детально описанную вследствие ее значимости в установлении границ землевладений; лишь устная народная традиция (данные народных говоров, фольклорные тексты) представляет межу и как реалию, и как поэтический образ, значимый в жизнедеятельности и ментальности славян.

Ключевые слова: межа, граница, реалия, образ, литературная традиция, устное народное творчество, диалектный материал.

D. B. Tereshkina

«MEZHA» IN RUSSIAN VERBAL CULTURE: THE TERM AND THE ART IMAGE

The article presents a review of documentary sources and artistic texts, in which “mezha” is represented as reality and as an art image. It indicates that the literary tradition of the image of mezha is extraordinarily reduced; documentary sources (especially boundary books) represents mezha as a reality is described in detail because of its significance in establishment of borders of land ownerships; only oral folk tradition (folk dialects data, folklore texts) are represent mezha as a reality and as a poetic image, significant in the life and mentality of the Slavs.

Key words: mezha, border, reality, literary tradition, oral folk tradition, dialect material.

Согласно данным словаря Макса Фасмера, «межа» родственно лит., др. прусск «дерево», лит., латыш. «лес», др. инд. «середина», греч., лат. «средний», ирл., гот. «расположенный посредине», д.-в.-н. «середина». Знач. балт. слов развилось из «кустарник на меже» (ср. др.-исл. «пограничная область» ~ «лес», др.-шв. mark «граница» ~ «лес»)¹.

Слово «межа» в современном русском языке имеет 3 основных значения: 1. «Граница земельных владений». 2. «Непропаханная узкая полоса между полями».

3. перен. «Грань, линия раздела, предел»².

Слово «межа» в СРЯ не входит в корпус активно употребительных слов: 179 раз на 300 млн. слов (к примеру, слово «граница» употребляется в 85 раз

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1986. Т. II. С. 591–592.

² Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/13/us217204.htm?cmd=2&istext=1>. Дата обращения – 19.12.2016.

чаще – 15 130 употреблений на 300 млн.). В синонимическое поле слова входят лексемы черта, край, борт, граница, линия, мера, предел, грань, рубеж. Из них слово «межа» как определение границы является одним из самых редких. Но именно оно стало объектом нашего внимания.

Предметом нашего рассмотрения является исключительно «межа» как термин и как художественный образ. Гораздо более богатые на семантические оттенки лексемы «граница, рубеж» и другие дали бы гораздо больше материала для нашей темы. Именно слово «межа», узуально обусловленное, является показательным для более точного определения проблем пограничья в его непосредственном, прямом значении, связанном с разграничением реального, а не символического пространства.

Наш интерес к заявленной теме обусловлен многолетней работой над указателями к межевым книгам Новгородской земли³. Межевые и переписные книги Старой Руссы, Новгорода и Торжка, уже опубликованные, дают богатейший материал для истории межевания на Руси. Кроме того, опубликованы межевые книги Данилова Московского монастыря и некоторые другие.

Межевые книги появляются на Руси около XVI в. В документах, наряду с перечислением землевладений и землевладельцев, давалось подробное описание межевых признаков, отделяющих друг от друга деревни, владения и пустоши. При отграничении земель использовались естественные рубежи (реки, озера, границы угодий, балки и другие элементы рельефа). Затем стали применяться специально обусловленные знаки и пометки, устанавливаемые на межах (камни, столбы, дороги и др.).

В межевых книгах межа выступает как реалья, причем детально описанная.

Межевая книга Данилова монастыря 1623 года⁴

« ... а межа учинена Даниловского монастыря вотчине по прежнему межеванию как межевали прежние писцы <... > У Москвы реки на берегу яма а в ней уголья да камень <... > А от ямы старою межею на яму, а в ней уголье да голова кобыля, да кости, а от ямы по дороге направо старою межею <... >.

1680 года

<... > а у той ямы выкопана новая яма, а в ней кобыли кости, по мере меж ям 233 сажени. На праве земля Даниловского монастыря, а на леве земля Донского монастыря селца Семеновского, а враг пополам, а от того врагу межа писана по урочищам, а от той ямы поворотить налево на яму, а в ней уголья и береста, у ямы поставлен столб дубовой, на нем две грани <... >

1681 года

Вотчины околонишего Ивана Афонасевича Прончишева староста Фока Никитин указал на межи дубовой гнилопень, а сказал, что де на том дубу

---

³ Составлены именные указатели к переписным книгам Старой Руссы, Великого Новгорода, Торжка: Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв.: Сб. документов / Сост. И.Ю. Анкудинов. СПб., 2003; Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. Москва, 2009; **Писцовые и переписные книги Торжка XVII – начала XVIII в. Ч. 1** / Сост. И.Ю. Анкудинов, П.Д. Малыгин. М., 2014.

⁴ Здесь и далее цитаты приводятся по: Межевые книги Даниловского монастыря // Москва. Южный округ. Краеведение [Электронный ресурс] URL: http://moskva-yug.ucoz.ru/pub/mezhevye_knigi_danilovskogo_monastyrja/7-1-0-182. Дата обращения – 17.12.2016.

преж сего бывала старинная писцовая грань и вотчины Данилова монастыря крестьяне сторожили потамест той межи не спорили ж, и от того пня в сажении у дорожки выкопана вновь яма, а в ней положено белое камень да кости <... >

Писцовая и межевая книга Торжка 1686 г.

...А от той сосны и от дву ям прямо лесом восемьдесят семь сажен до сосны, а на ней грань, подле ее две ямы, а в ямах уголье да береста, да кости, одна яма на посацкой земле, а другая яма на монастырской николской земле пустоши Долгие Дубровы⁵.

Таким образом, межа представляет собой реально или визуально очерчиваемую линию с необходимыми точками на ней – межевыми знаками, или ориентирами – положения межи в пространстве и изменении этого положения (поворотах, спусках, подъемах, преодолении препятствий и т.д.). В качестве межевых знаков выступают природные объекты или рукотворные сооружения: столбы, насечки, ямы с наполнением. При этом межевые знаки условно разделяются на тленные и нетленные, т.е. постоянные и подвергающиеся исчезновению от времени.

Особое значение **межевого знака было давно замечено и описано**. У разных народов межевой знак стал выглядеть как вертикальный столб, иногда увенчанный черепами животных или травами. В предмет межевого знака вкладывали значение «стража», одухотворяя его и наделяя особенными значениями, или считая, что в них живут духи-стражи. В Древней Греции гермы (межевые знаки) представляли собой первоначально культовый символ бога Гермеса в виде обработанного камня с головой бога, устанавливались на дорогах из Афин с указанием расстояний, а также расхожих сентенций. С V в. до н. э. появляются гермы с портретами известных политических деятелей, поэтов и философов; часто встречаются гермы с двойными портретами. В Иудее каждая семья получила участок земли, и его границы были отмечены опознавательными, или межевыми, знаками. У славян известны специальные межевые знаки «тамги», представлявшие собой сложенные определенным образом камни. У земледельцев участки делились бороздами, которые, как и любые другие обозначения границ, получили название «межи».

В исследованиях о межевании в России практически ничего не говорится о межевых знаках. Можем сказать определенно лишь то, что есть определенная и устойчивая тенденция сохранения незыблемыми старые межи и поновления межевых знаков. Тленными, в общем, являются все межевые знаки – речь только о протяженности времени. Однако гораздо менее подверженными времени являются как раз те сооружения, которые упоминаются в документах чаще всего: межевых ямах. Если предположить, что это было просто удобным практичным способом обозначения границ владений, можно было удовлетвориться этим объяснением. Однако наличие в ямах останков животных совершенно определенно переводит реалию в символический план, и приходится искать сакральный смысл в подобного рода сооружениях.

Этот смысл, несомненно, уходит в глубокую древность.

Священник Алексей Соболев в исследовании «Загробный мир по древнерусским представлениям» пишет, что в Древней Руси существовал обычай «хоронить умерших “при путях”, т.е. на распустьях, где сходятся межи

разных владений. <...> Умершие как бы являлись сторожами родного селения. Столпы, на которых стояли “сосудины малы” с прахом умерших, отмечали границы поля или усадьбы, принадлежащих известному роду, и напоминали этому роду, что он стоит под охраной своих умерших. <...> На Руси по сие время около перекрестков бросают солому, простыню, <...> которая лежала под умершим; бросают также и горшок, который был в употреблении при обмывании покойника. Этот факт указывает на древний обычай хоронить умерших на распустьях»⁶.

Б.А. Рыбаков в исследовании «Язычество Древней Руси» подробно рассматривает обычай трупоположения у народов, явившихся предками оседлых славянских народов, в отличие от кочевников, где практиковалось трупосожжение. По убеждению ученого, «Погребальный обряд <...> проводит резкую демаркационную линию между кочевниками скифами и лесостепными земледельцами». Погребальный обряд у оседлых земледельцев представлял собой сожжение домовины, т.е. плоского деревянного навеса над покойником или конического шатра в виде землянок. «Покойник, находившийся под костром, не сгорал», и его останки в виде костей оставались в погребальной яме. «Сильная опаленность окружающей земли, обгорелость верхних частей самой домовины говорят за то, что крыша, очевидно, была щедро крыта соломой (что известно по раскопкам) и другим горючим материалом»⁷. Примечательно, что именно наличие ям с останками предков являются свидетельством оседлости племени, его связи с собственной землей, со своими владениями, охраняемыми душами предков. Потому так архетипически пророчески звучат слова Пушкина:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

В этой связи межевалынные ямы такого близкого нам позднего средневековья (XVI, XVII вв.) уже не кажутся странными сооружениями. Камни, угли, кости животных, береста – это все реплики на древний обычай погребальных ям.

Итак, уже в самой реалии, упоминаемой в деловой письменности, кроется далеко не только реально-практический смысл. Как же обстоит дело с межей – художественным образом?

Интересно, что межа как художественный образ встречается в русской словесности чрезвычайно редко. И даже в этих редких случаях межа – это прежде всего реалия. Для наглядности приведем вначале примеры из изобразительного искусства. И.Е. Репин, «В.А. Репина с детьми идет по меже» (1897 г.), К.А. Савицкий «Спор на меже» (1897 г.), И.И. Шишкин «На лесной меже», К. Николаев «На меже коммуны» (ок. 1931 г.), А. Дейнека «Спор о меже» (1937 г.).

Подобным же образом обстоит дело и с художественной литературой. В библейских текстах слово «межа» встречается 7 раз, и практически все эти случаи – из Ветхого Завета и в таком же терминологическом значении («Не

⁶ Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913. С. 85 – 86.

⁷ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. С. 58.

нарушай **межи** ближнего твоего» (Втор.19:14), «Не передвигай **межи** давней, которую провели отцы твои» (Притч.22:28), «Проклят нарушающий **межи** ближнего своего!» (Втор 27:17) и др. Закон Иеговы запрещал передвигать межевые знаки. Тот, кто передвигал «межевой знак другого человека», подпадал под проклятие. Поскольку землевладельцы, как правило, жили за счет урожая, передвинуть межевой знак означало бы частично лишиться другого средств к существованию. Библия, таким образом, в целом содержит примеры употребления слова «межа» как термина. Исключение составляет использование слова «межи» в 15-м Псалме:

<...> 5. Господь есть часть наследия моего и чаши моей.

Ты держишь жребий мой.

6. Межи́ мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня.

7. Благословлю Господа, вразумившего меня; даже и ночью учит меня внутренность моя.

А.П. Лопухин в «Толковании на Псалтырь» пишет: «**”Межи мои”**, т. е. границы, пределы моих владений, полей, прошли по прекрасным местам и такой участок владений Давиду приятен. Таким уделом Давид ранее назвал Бога. Все-го себя он отдает Ему на служение, вне последнего он считает невозможным существовать»⁸. Этот псалом в славянской традиции именуется «Столпописание» ввиду его особой ценности. «**”Столпописание”** указывает, что содержание псалма по своей ценности и важности заслуживает быть написанным на столпе во всеобщее сведение и на хранение в памяти потомства», – пишет А. Лопухин. Однако нельзя не указать и на тесную очевидную связь название псалма с его содержанием: столп – это еще и межевой знак, охраняющий вотчину Давида – т.е. землю его Отца, которым для него стал Господь.

Основанный на письменных источниках «Словарь русского языка XI – XVII вв.» М., 1982. Вып. 9 (М), дает первым значением ‘рубеж, черта, граница’, затем – ‘предел (о временной границе)’, далее – ‘промежуток, расстояние, пространство между чем-либо’. И лишь четвертым значением – ‘межа, как-либо отмеченная полоса земли, промежуток между соседними полями, угодьями, разграничивающий их’. В словообразовательном гнезде корня «меж-» в словаре значатся: «межак» – ‘сосед’ (в составе личного имени), «межщик» с таким же значением, «межевальный» ‘1. Относящийся к установлению границ, государственных рубежей. 2. Относящийся к межеванию полей и угодий, связанный с межеванием. 3. Служащий для обозначения межи, границы между полями, угодьями (напр., столп)’, «межевальщик» ‘1. Тот, кто устанавливает границы, государственные рубежи. 2. Тот, кто устанавливает межи, границы между полями, угодьями’ (в этом же ряду значатся «межевание», «межевати», «межеватися», «межный»), «межевник» – ‘межа, нераспаханная полоса земли между соседними полями, угодьями’. Также в ряду однокоренных слов значатся «межевой», «межевщик», «меженник», «межина» (‘предел, граница; площадь’), «межник» – ‘1. Межа; межевой знак, 2. Межевщик’, «межница» – ‘межевой знак; дерево с межевым знаком’, «межничество» – ‘определение спорных границ земли’, «межность» – ‘совокупность меж земельного владения’⁹.

8 Лопухин А.П. Толковая Библия Ветхого и Нового Завета [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblia/. Дата обращения – 18.12.2016.

9 Словарь русского языка XI – XVII вв.» М., 1982. Вып. 9 (М). С. 65 – 76.

Практически во всех случаях имеется в виду реалья, обозначаемая термином «межа». Приводимая в качестве источника цитата из Лаврентьевской летописи, из статьи 1097 г., содержит лексему «межа» в значении «рубеж, граница владений».

«В лѣто 6605. <...> Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко «Се есть волость отца моего и брата», и поиде на ня. <...> И съсъступишася на поли на Рожни; исполчившимъся имъ обоимъ, Василькови же узвysi хрестъ, глаголя: «Сего еси цѣловаль, се пръвое взялъ еси зракъ <...> очью моею, а се нынѣ отъяти хочещи душу мою. И межи буди нами хрестъ сий честный». И поидоша обои противу собѣ к боеви, и съступишася полци, и мнози челоуѣци благоуѣрнии видѣша крестъ над Василковыми вои узвышъшиися вельми. Брани же велицѣ бывши и многымъ падающимъ от обою полку, видѣ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже к Володимерю. И Володаръ же и Василко, побѣдивша, ста ста ту, рекуща: «Довлѣеть нама на межи своей стати», и не идоста никаможе, Святополкъ же прибѣже Володимерю, и с нимъ сына его два, и Святоша, сынъ Давыдовъ Святъславичъ, и прочая дружина»¹⁰.

Важно отметить, что «межа» чаще всего употребляется в повествовании о разделении вотчин соседей, т.е. своих соплеменников. «Междоусобные войны» – это войны прежде всего за межи, за владения. Недаром словари древнерусского языка дают так много схожих значений корней «меж-» (межа) и «меж(д)-» (между), этимологически, несомненно, родственных.

Примеры употребления слова «межа» в литературе Нового времени не так часты. И чаще всего это случаи, когда межа – это прежде всего реалья, лишь обозначающая (конкретизирующая) место действия. Можно отметить стихотворения «Нива» А. Майкова («По ниве **прохожу я узкою межей,**/ Поросшей кашкою и цепкой лебедой./ Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!/ Иду – с трудом ее руками разбирая»), В. Брюсова «По меже» («По горбику тесной межи / Иду и дышу ароматом / И мяты, и зреющей ржи»), Ф. Абрамова «**Алька**» («А все равно дорожку и межу называют Паладьиной. И так будут называть долго, даже тогда, когда уж ее, Альки, не будет на свете... Паладьина межа... Межа родной матери...»); о землемере, вызванном в усадьбу близ станции Гнилушки для межевания, говорится в рассказе А.П. Чехова «Пересолил».

Примечательно, что гораздо более богатый материал содержат данные словарей русских диалектов.

В областных говорах Псковско-Новгородской земли отмечено несколько слов с корнем меж- и со значением «межа»:

Новгородский областной словарь приводит несколько слов со значением «межа» как 'граница, межа': «мѣжень» («Поля делили меженью, делали ее из камня»), 'знак, отметка' («Иди, поставь межень, и я буду знать, куда мне косить»), а также в значении 'полоса земли, участок покоса, полоска нераспаханной земли, место с плохой травой или вовсе без травы, полоска земли рядом с межей' («межѣна») («Ребятишкам межину дадут»), «мѣжка» ('бороздка'), «мѣжник» – 'нераспаханная узкая полоса между полями, межа' («Это твоя земля, а это – моя, а посреди межник»). Зафиксированы также:

10 Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. 1. С. 114 – 115.

«межевать» – ‘граничить’, «межэчка» – ‘бороздка’, «межничок» – ум.-ласк. от «межа» («Вышли на межничок, межничком и пошли, шестерину, семерину метров прошли»)¹¹.

Псковский областной словарь приводит еще более разветвленную систему вариантов с корнем «меж-»: «Межа́» – 1. Граница между сельскохозяйственными участками в виде: а) нераспаханной полосы, на которой растет трава («Межа́ и тагда́ нъзыва́лась, границэ́й тагда́ не нъзыва́льсь») (варианты: «междуполо́сица», «ме́жевица», «ме́жевище», «меженёк», «ме́жень», «межи́на», «межеполо́сье», «ме́жник», «межня́», «межня́к», «межугáлок»; «межи́нка», «межи́ночка», «межи́чка», «ме́жка», «межничо́к», «ме́жушка», б) канавки, небольшого рва, в) протоптанной дорожки на вспаханной земле. О пешеходной тропинке вообще («Тропи́начка пишао́дная, или мяжа́», наконец, ‘край, граница земельного участка, поля’. Употребляется слово «межа» в устойчивых выражениях, обозначающих раздор, раздел (о ссоре, ругани («Пачаму́ ва́ши ме́жи сашли́сь? Зашто́ руга́етесь?»)). Следующие значения слова «межа» в псковских говорах – ‘засеянный чем-н. участок поля; часть поля, огорода’, ‘государственная граница’, ‘склон возвышенности, оврага, поросший травой’, ‘часть дна в реке, озере, отделяющая мелкое место от глубокого’.

В словообразовательное гнездо лексемы «межа» в псковских говорах входят также следующие единицы: «межевать», «межеваться», «межеви́к» (‘тот, кто делает межи’, а также ‘кол, которым размежевывают поля’), «ме́жевица», «ме́жевище», «межи́на», «межи́нка», «межи́ночка», «межи́чка», «ме́жка», «ме́жник», «межни́к», «межничо́к», «межня́к», «межо́нка» (в значении ‘межа’), «межеви́к» (растение тысячелистник), «межевой», «межевской», «меже́ный» (‘собранный на меже’).

Судя по материалам диалектных словарей, между любят в народе: огромное количество уменьшительно-ласкательных вариантов и многообразие употреблений в речи (не в пример письменной традиции) говорят не только о восприятии межи как реалии, но и об отношении к ней как к опоэтизированному образу.

Примечательны **пословицы и поговорки**, закрепившие не только лексему «межа», но и особое к ней отношение – как к свидетельству строго закрепленных отношений между людьми: «Межа – святое дело. Межа и твоя и моя», «У кого силка, найдет и за межкой нивку», «Над черепками да угольями в межевых ямах домовой с лешим сходятся» (здесь, несомненно, отражена реальность межевых ям, документально зафиксированная в межевых книгах), «Когда межуют, то парнишек на меже секут» (чтобы твердо запомнили, где межа), «Кто на меже сечен, тот и в понятия иди», «Не рассказывай мне: я на межевой яме сечен» (т.е. человек бывалый), «На межах да на распутьях нечистая сила», «Журавль межи не знает, а через ступает», «Межи да грани – ссоры да брани», «Близ границы не строй светлицы», «Утопленника на меже хоронят» и др.

Есть в устной традиции русской словесности уникальный пример художественного текста, основанного на реалии, причем знаменитой: так называемых Киевских, или Змиевых валов.

---

11 Новгородский областной словарь. Вып. 5. Новгород, 1994. С. 79; Вып. 13 (дополнительный). Великий Новгород, 2000. С. 48.

Змиевы валы – народное название древних оборонительных валов по берегам притоков Днепра южнее Киева. Их остатки сохранились и до сего дня по рекам Вита, Красная, Стугна, Трубеж, Сула, Рось и др. Этому величественному сооружению посвящено сказание о Никите Кожемяке, дошедшее до наших времен в виде сказки, записанной в нескольких вариантах.

Дочь киевского князя, унесенная змеем, узнает, что он боится одного Никиты Кожемяки, и просит отца найти богатыря. Никита одолевает Змея и, по просьбе поверженного, соглашается разделить с ним землю межою на две половины. Никита кует соху в триста пудов, запрягает в него Змея и пропахивает на нем межу до моря. В море Змей издыхает, а борозда «и теперь видна, вышиною та борозда двух сажен. Кругом ее пашут, а борозды не трогают, а кто не знает, от чего эта борозда, – называют ее валом»¹². Отмечу, что советский мультфильм 1967 г. на этот сюжет, где главным героем является не богатырь, а солдат, называется «Межа».

Н.П. Гордеев, исследуя образ змея в обрядово-религиозных системах различных народов, приводит большое количество параллелей к сюжету о змее, пахущем борозду, и к самим сооружениям, аналоги которым есть в Молдавии, Румынии, Болгарии, Америке. Назначение этих сооружений – не только оборонительное, но и сакральное, поскольку почти все они имеют форму змеи, лягушки или других животных. «Расположение таких насыпей вблизи источников и лесов указывает на культ воды, земли и леса и, видимо, на сходные космологические и космогонические представления»¹³.

Сюжет о Никите-Кожемяке очень показателен. Величественное оборонительное сооружение предков, со временем утратившее свое значение, стало восприниматься народным сознанием совсем по-домашнему и вместе с тем эпично и поэтически. Визуальное сходство вала и рва, спрямленных веками, с межой, пропаханной большим плугом, позволило соотнести Киевские валы с мирным трудом землепашца. При этом рубликон, возведенный для обороны от внешних врагов, превратился в границу «местного масштаба» – межу. Ее

---

12 Никита Кожемяка // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3 т. М.: Наука, 1984. Т. I. С. 263.

13 Гордеев Н.П. Змея в обрядово-религиозных системах различных народов // Этнографическое обозрение. М., 2002 г. №6. С. 57.

змееподобная форма определила в устном народном творчестве ожидаемого героя – усмирённого богатырем Змея. «Змиева межа» из реалии стала художественным образом в русской словесности и одновременно символом. Этот символ содержит архетипические смыслы и выражает главную идею проводимой народным героем границы: не оборонное укрепление от внешних врагов (таких же людей, которые завтра могут стать просто соседями, а то и сородичами), а межа, отделяющая добро от зла, Змия – от человека.

Об авторе

Терешкина Дарья Борисовна, доктор филологических наук, доцент, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (Филиал в г. Великий Новгород). terdb@mail.ru,

Daria Borisovna Tereshkina, PhD, Associate Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Branch in Veliky Novgorod), Russia.

E-mail: terdb@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАНТЕОН КАК ПРОБЛЕМА ПОГРАНИЧЬЯ

Пантеон, храм всех богов, казалось бы, уже в силу своей этимологии должен тяготеть к уникальности и единичности. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что подобно своему материальному воплощению – французскому Пантеону, превращенному в храм национальной славы и бессмертия, в котором, однако, многие сыны Отечества надолго не задерживались – также и литературный пантеон подвержен историческим изменениям и пересмотру. Особенно же сильные изменения он переживает при пересечении границ национальных культур, порождая каждый раз различные инонациональные (т.е. зарубежные) его изводы. Так что мы вправе говорить о русском, например, или английском, или немецком варианте пантеона французской литературы, французском пантеоне русской литературы и т.д. Каковы механизмы данного процесса? Как конкретно в России выстраивался «пантеон» западноевропейского романтизма? Именно этим вопросам посвящена статья. Ключевые слова: Литературный пантеон, парижский пантеон, литературный канон, писатели-классики, русский романтизм, европейский романтизм.

Е.Е. Dmitrieva

LITERARY PANTHEON AS BORDER ZONE PROBLEM

It would seem that by virtue of its etymology the Pantheon, temple of all gods, should tend to the uniqueness and oneness. However, on closer examination it turns out that, like its material incarnation the French Pantheon, icon of national glory and immortality, in which however many the Sons of the Fatherland did not stay long, the literary Pantheon can be subjected to historical changes and revisions. Especially strong changes it experiences while crossing borders of national cultures, creating each time different non-indigenous (i.e. foreign) options. So we can speak of Russian, for example, or English, or German version of the Pantheon of French literature or of French version of the Pantheon of Russian literature etc. What are the mechanisms of this process? What does the Russian version of Western European romanticism look like? These issues are discussed in the article.

Keywords: Literary pantheon, the Paris Pantheon, literature classics, literature canon, Russian romanticism, European romanticism.

Все мы хорошо знаем, что каждая культура имеет свой набор образцовых авторов, составивших славу отечества, чьи имена входят в словари и компендиумы, чьи произведения изучаются в школах и университетах, что в свою очередь подпитывает то, что ныне принято называть культурной памятью. Причем, что характерно, в каждой культуре, по меньшей мере, с XIX в., утверждается и свое обозначение для подобных авторов. В Германии с легкой руки Гете (а на самом деле об этом заговорили еще гуманисты, а потом и Гердер) появилось понятие *мировой литературы* (Weltliteratur) для обозначения тех произведений, которые, принадлежа разным эпохам и разным культурам, становятся вместе с тем общим достоянием образованного человечества,

будучи переведены на различные языки и составляя тем самым единый общий текст¹. В Англии Мэтью Арнольд вводит понятие *антология*. В России в XIX в. любили употреблять термин *образцовый*, который со временем был вытеснен другим эпитетом – *классический*, немало путающим иностранцев, видящих в обозначении «классические авторы», «русская классика» более отсылку к античности, нежели к образцовости. Во Франции же право гражданства получило понятие пантеон (буквально – «храм всех богов»), причем в значении не только метафорическом, но и вполне реальном. Подобное двойное бытие пантеона не просто примечательно как факт культуры и истории, но способно пролить еще и свет на сам механизм формирования духовного генофонда культуры, независимо от того, какое название он получает – будь то классика или мировая литература, антология и проч.

***

Судьба французского (парижского) Пантеона, хотя и построенного по образцу римского, поистине уникальна. Вспомним причины, обусловившие то, что христианский храм (церковь св. Женевиевы) из культового здания превратился в пространство, также по-своему культовое, но носившее уже исключительно светский характер – усыпальницу великих людей Франции.

Построенная в XIII в. в аббатстве св. Женевиевы, расположенном на левом берегу Сены (ныне Латинский квартал), хранившая и раку св. Женевиевы, и мощи одного из первых французских королей-христиан Хлодвига, церковь была заново отстроена во второй половине XVIII в. при Людовике XV, давшем обет в случае своего выздоровления построить в аббатстве новый храм (не будем забывать, что древний храм еще в Средние века не раз подвергался разграблению и сожжению во время нашествия норманнов). Фундамент храма, архитектором которого стал прошедший обучение в Риме Жак-Жермен Суффло, был заложен в 1758 г., а завершено было здание накануне Революции, в 1789 г.

И сразу же, практически уже в самые первые революционные годы поднимается вопрос о превращении церкви св. Женевиевы в храм национальной славы. Строго говоря, идея эта в той или иной форме словно носилась в воздухе и ранее. Как свидетельствуют документы, еще в 1765 г. некто, чье имя осталось неизвестным, предлагал превратить новую церковь Сен-Женевиев в «христианский Элизий». Почти за полвека до этого Вольтер в своих «Философских письмах» (1727-1728) восхищался тем, что в лондонском Вестминстерском аббатстве (где рядом с королями и выдающимися

---

1 Гетевская концепция «мировой литературы» (*Weltliteratur*) действительно продолжила традицию гуманистов, говоривших о необходимости создания «пантеона» классических авторов, которые, принадлежа разным эпохам и культурам, становятся вместе с тем общим достоянием образованного человечества, будучи переведены на различные языки и составляя тем самым единый общий текст. Гердеровская же концепция национальных литератур исходила из признания особенности каждой эпохи и каждой народности, которые усваивают на свой лад и в зависимости от переживаемого ими периода времени также и авторов, принадлежащих другим литературам, соответственно их трансформируя. См. подробнее: Пениссон Пьер. Два понимания национального пантеона: Гердер и Гете // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999. С. 101–110.

государственными деятелями был похоронен и Ньютон) «более, чем гробницам королей, поклоняются памятнику, который признательная нация воздвигла величайшему из своих мужей».

Когда же 21 ноября 1790 г. на театральном представлении «Брута», знаменитой трагедии Вольтера, бюст патриарха был вновь коронован на сцене, друг Вольтера маркиз де Вилетт обратился к присутствовавшим с петицией: «Найдем в себе смелость не отдавать более сей храм святому (речь шла о базилике Сен-Женевьев. – Е.Д.) Пусть он будет французским пантеоном. Пусть в него будут помещены статуи наших великих мужей, и пусть подземные своды обретут земные останки великих усопших. И тогда гора св. Илария действительно станет горой Парнасом. Если из креста мы сделаем лиру, ангелы, склонившиеся на фронтоне, покажутся нам амурами, привлеченными очарованием гармонии, разыгрываемой на небесах»².

Проект лаицизации базилики был осуществлен в 1791 г. Архитектор Катремер де Квинси, которому было поручено переделать здание, приспособив его к его новому предназначению, начал с того, что задался вопросом о названии: «Если такие простые слова, как Портик или Памятник великим людям не покажутся соответствующими высокой идее, то можно дать название Национальная Базилика, Пантеон, Кенотаф, или Мавзолей великих людей». В итоге остановились на обозначении Пантеон, который, будучи уже не церковью и не музеем, мыслился как само воплощение Храма памяти, пока еще, впрочем, аллегорической и виртуальной.

До этого в течение длительного времени привилегией выдавать пропуск в бессмертие от имени общественного мнения обладала Французская Академия. Начиная с апреля 1791 г. решение о пантеонизации принимает Национальная ассамблея, ставшая тем самым и своеобразным гарантом бессмертия. При этом вопрос о бессмертии и дефиниция величия стали разыгрываться теперь на гораздо более широкой, отнюдь не академической, площадке и гораздо более полемическим образом.

Первым, кого было решено похоронить в Пантеоне, перенеся его прах из церкви аббатства Сельер в Шампани, где он был похоронен в 1778 г., стал Вольтер. Пантеонизация Вольтера 11 июля 1791 г., став символом великих начинаний, призвана была «компенсировать» надругательства, которым Вольтер подвергался при жизни. Катафалк, украшенный так, что его можно было принять за «странствующий лес», простоял всю ночь на руинах Бастилии. На следующее утро 12 белых коней на огромной колеснице, разрисованной Давидом, на вершине которой был помещен симулякр Вольтера на ложе из цветов, коронованный аллегорической фигурой признательности, двинулся к Пантеону. «Казалось, что хоронят Божество», – свидетельствовал современник. Людовик XVI и вся королевская семья, заключенные в это время в Тюильри, взирали из окон на зрелище.

Значительно дольше принималось решение о пантеонизации Руссо. Перенесение его праха (Руссо, как и Вольтер, умер в 1778 г. и был похоронен в загородной резиденции маркиза де Жирардена Эрменонвиль) требовали, на самом деле, представители разных политических партий, и было принято даже

---

2 Цит. по: *Les lieux de mémoire / Pierre Nora (éd.)* Т. 1. Paris, 1978 (глава “Le Panthéon”). Об истории Пантеона см. также: *Bonnet Jean-Claude. Naissance du Panthéon.* Paris: Fayard, 1998.

несколько постановлений, но исполнение их откладывалось. Сначала Руссо был признан достойным Пантеона как «отец-создатель Конституции», затем как апостол равенства, «апостол социальных добродетелей». Окончательное же решение было принято лишь 11 октября 1794 г. после падения Робеспьера и расправы над якобинцами, когда из Руссо сделали символ примирения, который должен определять также и законодательную систему.

В 1796 г. между Мари-Жозефом Шенье (братом поэта) и Луи-Себастьяном Мерсье, известным литератором, разгорается полемика по поводу возможной пантеонизации философа Декарта. Мерсье призывал вернуться к традиции, считая, что пора перестать подвергать себя опасности быть смешными и спешить с пантеонизацией. Считая необходимым оставить отныне Пантеон героям (жертвам революции, законодателям и воинам), святилище ученым и писателям он предлагал создать в самой Академии. Законодательный корпус (Национальная ассамблея), утверждал он, не должен подменять собой Академию, санкционируя сооружение литературных памятников. Декарта же почти никто не читал, и простой народ воспримет его пантеонизацию с тем же участием, с каким бы он воспринял похороны Великого ламы. Пусть Декарт живет в своих книгах, потому что настоящий апофеоз писателя свершается только там и нигде более. Так революционным литургиям Мерсье противопоставил духовное исповедание веры: «Откроем же книгу жизни, в которой будут выгравированы имена великих людей»³.

Позиция Мерсье была примечательная еще и в том отношении, что наглядно демонстрировала, насколько в эпоху революции культ великих людей распределялся по двум полюсам: философии/ литературы – и военного дела, индивидуума и коллективного героя. Различные постановления и дискуссии Национальной ассамблеи по вопросу пантеонизации тех или иных великих мира сего и в самом деле свидетельствовали о попытках сделать того или иного великого деятеля провозвестником своих идей, в зависимости от того или иного исторического и политического момента.

Но самое удивительное во всей истории первый лет существования Пантеона было то, что из пяти пантеонизированных во время революции двое из Пантеона были вскоре извлечены. Так, за месяц до перенесения в Пантеон останков Руссо, 21 сентября 1794 г. в Пантеон были перенесены останки Марата, убитого 13 июля 1793 г. (декрет о его пантеонизации конвент принял еще в ноября 1793 г., но осуществить ее оказалось возможным, как и в случае с Руссо, лишь после падения Робеспьера). Примечательно при этом, что в тот самый день, когда гроб с телом Марата пересекал портал Пантеона, через боковую дверь выносили гроб с останками Мирабо. Впрочем, и самого Марата вскоре постигла та же участь: статуи, ему воздвигнутые, были превращены в пыль, а тело его 8 вантоза III г. (26 февраля 1795) было удалено из Пантеона и перезахоронено в церкви Сент-Этьен-дю-Мон. Характерно при этом, что и пребывание Марата в Пантеоне и его изгнание оценивались каждый раз как залог единства нации.

Здесь не место рассматривать все перипетии внесения и вынесения тел в Пантеон. Но даже из сказанного становится очевидным, что революционный

---

³ Mercier Louis-Sébastien. Paris pendant la Revolution ou Le nouveau Paris. Paris, 1798. Vol. 1.

институт пантеонизации, на который возлагались большие надежды, себя не оправдал, и справедливые почести великим мертвецам Революции воздать не удалось.

Дальнейшие события развивались следующим образом. В 1806 г. Наполеон решает вновь вернуть зданию функции храма, который бы сохранял при том и функцию пантеона. Одно время он хочет создать в нем еще и Музей великих людей. Среди четырех больших полотен, посвященных истории Франции и украшавших в те годы стены Пантеона, одна из картин была посвящена Наполеону. В эпоху Реставрации она заменяется другой картиной, изображавшей возвращение династии Бурбонов. А в 1822 г. здание вновь становится церковью св. Женевиевы, чтобы в 1830 г. декретом Луи-Филиппа вновь превратиться в Пантеон. Вторая республика (1848-1852) захотела сделать из него «Храм человечества»; во времена Второй империи, с 1851 по 1870 гг., здание вновь стало церковью. И на протяжении всего этого времени на его стенах и на фронте шла поразительная борьба символики. Так, посвящение «Великим людям признательное отечество» на протяжении 30 лет, последовавших после революции, трижды снималось и восстанавливалось. Три фронтона были сменены до того, как в 1837 г. остановились, наконец, на фронте, выполненном Давидом д'Анже и дошедшим и до нашего времени. Все это время между Пантеоном и находящейся по соседству церковью Сент-Этьенн дю Мон странствовали реликвии святой Женевиевы. И даже гробницы Вольтера и Руссо, тех немногих из захороненных в Пантеоне в революционные годы, которые в нем удержались, внутри здания постоянно перемещались (так, например, в 1822 г. их саркофаги из крипты переместили под перестиль).

В период между 1815 и 1885 гг. в Пантеоне захоронения более не совершались. Эдгар Кин в 1866 г. с меланхолией говорил о нем как об институте, существование которого было с самого начала обречено на провал: «Illusion! chimère! rêve qui n'a duré qu'un jour» («Иллюзия! Химера! Мечта, длившаяся всего лишь один день!»). И все же, несмотря на все это, культ великих людей не переставал занимать людей на протяжении XIX в.

О Пантеоне, в котором не переставало видеться «свечение XVIII в.», размышляли историк Мишле и писатель Виктор Гюго. То, что Баррес назвал «помазанием» лучших представителей нации, находило, по правде говоря, во второй половине XIX в. и иные формы выражения. Так, издатель Ашетт (Hachette) создает с 1887 г. серию великих писателей Франции, «пантеонизируя» тем самым историю литературы. Гюго, получивший из рук Шатобриана факел поэзии, ставший мессианской фигурой поэта современности, любил выступать с надгробными речами на похоронах, например, Бальзака, Э. Кин, Ледрю-Роллена, заканчивавшихся сеансами спиритизма. Он же по существу собственной смертью возвратил Пантеону и прежний статус официального места культа великих идей.

Гюго умер 22 мая 1885 года. В возрасте 83 лет. Правительство Третьей республики приняло решение о захоронении его в Пантеоне, где с 1815 г. никого не хоронили. Тем самым Пантеону был возвращен статус храма национальной славы, утраченный им в XIX в., а за Гюго официально закрепился статус «национального поэта». «Гротескные и величественные похороны», как назвал их Поль Клодель, потребовали соответствующей подготовки. Девять

дней набальзамированное тело Гюго лежало дома. Затем траурный катафалк был размещен в проеме Триумфальной арки на площади Звезды - той самой Триумфальной арки, соорудить которую пожелал его кумир и соперник Наполеон и которую Гюго провидчески описал в юношеских стихах как залог собственного бессмертия.

Инсценировка похорон была в высшей степени символичной: от Триумфальной арки (слава Франции) траурный кортеж прошествовал к Пантеону (сердце Франции). В похоронах Гюго участвовал «весь Париж». По иронии судьбы, скопление народа, которое и по сей день можно видеть на сделанных тогда фотографиях, могло бы сравниться лишь с описанным самим Гюго в романе «Собор Парижской богоматери» хаосом праздника Епифании. «Может, это ярмарка? - писал в романе «Лишенные корней» очевидец событий Морис Баррес. - Нет, это человечество, собравшееся вокруг одного гроба. Париж был погружен во мрак испарениями своей любви к литературным мощам».

Но и обретя свой былой статус, Пантеон оставался тем не менее пространством проблемным и даже взрывоопасным. Так, например, в 1908 г. потомки маршала наполеоновской империи Жана Ланна (1769-1809), возмущенные пантеонизацией Золя, потребовали, чтобы останки их пращуров были перенесены из Пантеона на кладбище Монмартр, дабы избежать дурного соседства. После Освобождения Парижа, когда национальный комитет писателей выступил с инициативой внести в Пантеон Ромена Роллана, «справа» было выдвинуто предложение пантеонизации Шарля Пегги. Для равновесия была предложена еще и третья фигура – философа Анри Бергсона. По причинам своего ирландского происхождения не попал в Пантеон Самюэль Бекетт, не укладывавшийся «в один ряд» с Виктором Гюго, олицетворявшем собою идею культурной родины. И уже в XX веке прозвучали возгласы непонимания, как мог попасть в храм национальной славы швейцарец Жан-Жак Руссо.

Вся эта по необходимости кратко очерченная история французского Пантеона как в его физическом, так и метафорическом бытии, с вящей наглядностью демонстрирует: литературный (культурный) пантеон не является ни вечным, ни универсальным. Место, где благодарная отчизна отдает последние почести своим великим сынам, Пантеон нередко представляет собой место вторичного захоронения, куда переносятся останки великих людей после их эксгумации на кладбище. Однако великих людей не погребают в тишине. Их переход от смерти к особой форме бессмертия сопровождается ритуалом торжественных речей, в которых перечисляются заслуги усопшего перед культурной общностью, частью которой он являлся.

Однако, при ближайшем рассмотрении, становится понятно, что подобная канонизация совершается отнюдь не бескорыстно. Новому жильцу Пантеона как бы вменяется в обязанность вступать в культурные дебаты текущего момента, усиливать те или иные позиции. И лишь дозволенным толкователям национальной культуры позволено произносить речь, которая становится особой формой светского канонизирования.

Переход в Пантеон, таким образом, является особой формой культурной оркестровки. Отбор великих личностей, заслуживающих

стать объектом речи, вводящей их в национальную культурную память, определяется, в сущности, достаточно конкретной конъюнктурой, подобной той, которая определяла перенос в Пантеон и вынос из него на протяжении десятилетий «великих сынов отчизны». Введение великих авторов в «историю литературы», в которой им отводится центральное место, их включение в программы обучения в средней школе – все это представляет собой метафорический аналог перенесения их останков в Пантеон. Иногда между этими двумя процессами наблюдается настоящее тождество. Так, останки Руссо были перенесены в Пантеон, когда его творчество стало осмысляться как составная часть французской идеологии. Перенос останков Виктора Гюго в Пантеон также пришелся на тот исторический момент, когда Гюго превратился в идеологический символ Третьей республики⁴.

***

В качестве архитектурного объекта, метафорически перенесенного на историю литературы, Пантеон воплотил собой переход от универсальности французской революции к особости французской нации. Но он же с очевидностью продемонстрировал, что существование пантеона национальных авторов, осмысляемых именно как национальные, предполагает тем самым и возможность существования зарубежного пантеона, который, однако, строится по законам уже не своей, но *принимавшей* культуры. Так, не допущенным в Пантеон оказывается Бекетт, зато, помимо швейцарца Руссо, символически присутствуют в Пантеоне мартиникский писатель и общественный деятель Эме Сезер или же борец за независимость Гаити Франсуа Доминик Туссен-Лувертюр.

Таким образом, если каждый национальный и исторический пантеон (Парнас, антология, канонический ряд авторов) представляет собой особую конфигурацию, то динамическое и историческое видение литератур в их целостности есть уже видение бесконечного круговращения, в котором авторы не только переключаются между собой, но и обретают вторую жизнь в разнообразных пантеонизациях⁵. Пантеоны различных национальных культур не только сосуществуют параллельно, но они еще и накладываются один на другой, и это наложение существенно изменяет их природу.

Данное явление можно продемонстрировать на множестве примеров, мы же позволим себе его показать на материале того, как выстраивался – на этот раз уже в России – пантеон европейского романтизма и европейских романтиков.

***

Те, кто говорят о русском романтизме, любят вспоминать изречение остроумного П.А. Вяземского. «Романтизм как домовый. Многие верят ему: убеждение есть, что он существует: но где его приметить, как обозначить его, как наткнуться на него палец?» Впрочем, этот домовый в

4 См. подробнее: Эспань Мишель. Создание германского и славянского пантеонов во Франции XIX века // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. С. 20–31.

5 Собственно, именно это явление и было описано Гердером, который дал ему метафорическое наименование «приют и телеграф» (см.: Пениссон Пьер. Два понимания национального пантеона: Гердер и Гете. С. 104).

России поначалу представился с лицом отнюдь не русским. Своего рода «выстрелом Авроры», символическим знаком, возвестившим о новой эре романтизма в России (во всяком случае в сознании людей той эпохи) стал перевод В.А. Жуковским баллады Бюргера «Ленора», хотя и появившийся под русским названием «Людмила» (1808)⁶. Позже пророком в чужом отечестве, то есть в России, стал Байрон, которому русский романтизм был обязан не только южными поэмами Пушкина, но и структурной основой романтической поэмы как таковой². Конец 20-х и 30-е годы XIX века прошли в России под знаком шеллингианства и гегельянства. Ряд этот, естественно, может быть существенно расширен и продолжен.

Но еще и в 60-е годы XIX века, когда, казалось бы, жаркие споры о романтизме уже отгорели, а в том, что представлялось созданным под чужим влиянием, проступили черты подлинного и «своего», Аполлон Григорьев в статье «Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики» достаточно жестко и схематично изобразил степень зависимости русской литературы конца XVIII — первой трети XIX века от словесности западной: «До Карамзина мы смотрели на все глазами французов или взглядом Часослова и Домостроя: преобладающее воззрение <...> было французское, то есть так называемый ложный классицизм. Карамзин первый осмелился заговорить об англичанах и немцах, первый поклонился вместе с юной тогдашней Германией Шекспиру <...>. Лет двадцать впрочем и мы весьма скромно заявляли свое сочувствие к англичанам и немцам, не разрывая с французским классицизмом, а только шая иногда под его гувернерским присмотром, шая то балладами Жуковского, веявшими унылым романтизмом, то мистически-германскими стремлениями «Мнемозины» <...>. С 1830 года вступили мы в новый фазис развития <...>. Говоря же попросту – 1830 год разнуздал так называемую юную словесность <...>. Один Пушкин, не принимавший школы напряженного <...>, мог с высоты смотреть на эту вакханалию»⁷.

Показательно при этом, что большинство русских авторов романтической эпохи непременно осмыслились через призму какого-либо парного западного «романтического» авторитета – явление, которое вполне заслуживает отдельного рассмотрения (так, В.А. Жуковский устойчиво ассоциировался с Шиллером, К.Н. Батюшков – с Парни, А.С. Пушкин – с Байроном и В. Скоттом, русским Байроном называли И.И. Козлова, А.А. Бестужев-Марлинский рифмовался с Бальзаком, ранний Гоголь – с В. Скоттом и Поль де Коком, В.Ф. Одоевский и А. Погорельский – с Гофманом и Л. Тиком и т.д.⁸). Причем рифмовка эта имела как правило две стороны, выступая то как «недостача», то как «утрата». В первом случае русский

---

6 Ср. воспоминание Ф. Вигеля о впечатлении, которое произвела на русскую публику «Людмила»: «Надобен был его чудный дар, чтобы заставить нас не только без отвращения читать его баллады, но, наконец, даже полюбить их. Не знаю, испортил ли он наш вкус? по крайней мере создал нам новые ощущения, новые наслаждения. <...> Вот и начало у нас романтизма» (Вигель Ф.Ф. Воспоминания. Ч. III. М., 1964. С. 135–136).

7 Время. 1862. № 6. С. 38–42.

8 Ср. декларативное противопоставление себя юным Лермонтовым Байрону («Нет, я не Байрон, я другой...»), которое не имело бы смысла, если бы подобного рода рифмовка не навязывались всем строем культуры того времени.

автор как правило оценивался в системе координат соответствующего западного писателя, но «не дотягивал» до него по существу. В качестве примера подобного осмысления можно вспомнить о том, как Н. Полевой критиковал гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» за подражание В. Скотту при неумении писать как настоящий В. Скотт («Что у вас за страсть быть Вальтер Скотгиками? Что за мистификации? Неужели все вы, гг.Сказочники, хотите быть великими незнакомцами? <...>. Вальтер Скотт умел поддерживать свое инкогнито, а вы, г. Пасичник, спотыкаетесь на первом шагу»⁹

Однако и для тех, кто не видел большого зла в факте заимствования у Запада, и для тех, кто ратовал за полную самобытность русской литературы (лучший тому пример — критики славянофильского направления, начинающие, как И. Киреевский, с европейства) не представляло сомнения, что русская литература, равно как и русский автор и русский читатель, должны пройти, во всяком случае, на определенном этапе, через западный опыт, что в конце концов и приведет к созданию самобытной литературы.

Для того течения, которое принято называть русским романтизмом, подобная ориентация на чужие образцы имела по крайней мере два серьезных последствия. Первое – это несоответствие существа западного спора между романтиками и классиками реальности русской истории. На это обстоятельство неоднократно указывали А.С. Пушкин и П.А. Вяземский. Последний, в частности, писал: «Во Франции еще понять можно причины войны, объявленной так называемому *романтическому роду*, и признать права его противников. Народная гордость <...> должна ополчиться на защиту славы, утвержденной отечественными писателями и угрожаемой ныне нашествием чужеземных. Так называемые классики говорят: “Зачем принимать нам законы от Шекспиров, Байронов, Шиллеров, когда мы имели своих Расинов, Вольтеров, Лагарпов, которые сами были законодателями иностранных словесностей и даровали языку нашему преимущество быть языком образованного света?” Но мы о чем хлопчем, кого отстаиваем?».

Об этом же впоследствии писал в уже цитированной статье и А. Григорьев: «...нам была чужда (романтическая) реакция, потому что у нас не было и отрицания ее, не было и *renaissance*, возрождения древности, мы были гости на чужом пиру... мы сами хоть и не доходили до безобразий “Доктора любви” з. Вернера, но зато уж по крайней мере пьянство Гофмана возвели чистосердечно в число добродетелей и неперемных правил романтической жизни»¹⁰.

В данном высказывании А. Григорьева отразилась, на самом деле, другая существенная черта пантеона, который в России был возведен западному романтизму – а именно, бытовой характер его осмысления. И это понятно: в России, где собственно эстетические предпосылки романтизма, в том виде, в каком мы наблюдаем их в Европе, были гораздо менее очевидны, западный романтизм проецировался в первую очередь на сферу бытового сознания и литературного жизнестроительства (ср.: «*пьянство Гофмана возвели чистосердечно в число добродетелей и*

9 Полевой Н. «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Московский телеграф. 1831. № 17. С. 91–95.

10 Время. 1862. № 6. С. 40.

непременных правил романтической жизни»). Не случайно поэтому в России явное предпочтение отдавалось тем западным авторам романтической эпохи, чьи литературные построения естественно могли быть перенесены на жизненную сферу (Шиллеру, Гофману, Байрону, Ж. Санд, раннему Гете), и неважно притом, насколько эти авторы и в самом деле вписывались в романтическую эстетику (как, например, в случае с Шиллером и Гете).

Отсюда же берет начало и существенное расхождение между тем, что получило название русского байронизма, и собственно литературной рецепцией Байрона (так, например, при массовом увлечении в России его поэмами мимо внимания русского читателя прошла и байроновская сатира на нормативное романтическое письмо, и его критика поэтической веры (poetic faith) и особая техника иронии, которой он сообщал иллюзию искренности и т.д.¹¹).

С этим же связано и то, что «дублетная пара» Шиллер-Жуковский длительное время (вплоть до XX в.) воспринималась в России как одно из наиболее ярких проявлений русского (!) романтизма¹². Как и в случае с Байроном, Шиллер был воспринят и осмыслен в России не только и не столько собственно литературной стороной своих произведений, сколько через бытовое преломление его творчества, получившее название шиллеризм (вариант – шиллерианство). Об этом писали многие, но, может быть, наиболее четко сформулировал мысль С. Шевырев в своей речи «В память о Шиллере», приписав Шиллеру-человеку то, что вычитывалось из его произведений: «Русская словесность опередила другие литературы европейские в изъявлении сочувствия Шиллеру, и едва ли какой-нибудь другой поэт имел на нашу поэзию такое сильное влияние, как Шиллер. Редко встретить можно такое прекрасное сочетание поэта с человеком: оно для нас повторилось в Жуковском <...>. С каких же пор поэзия Шиллера возымела решительное влияние на нашу? С тех пор, как русская поэзия, сбросив с себя оковы внешней торжественности, обратилась к родникам самой души человеческой...»¹³.

Соответственно и Жуковский мог быть осмыслен как русский Шиллер не потому, что его эстетические принципы были близки эстетике Шиллера, но, в первую очередь, как автор, лично воплотивший собой тип Шиллера, как то понимала эпоха, с его мечтательностью, приверженностью к предрассудкам, прекраснодушием и т.д. Об ошибочности подобного смешения мечтательности и романтизма писал уже Пушкин, впрочем, считая, что сбивчивостью понятий о романтизме мы обязаны «французским журналистам, которые обыкновенно относят к романтизму все, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях

---

11 Manrting Peter J. “Don Juan” and Byron’s Imperceptiveness to the English Word // Romanticism. A critical reader. Edited by Duncan Wu. Blackwell Oxford UK & Cambridge USA. 1996. P. 218–221.

12 Об особенностях восприятия Шиллера в России см.: Данилевский Р.Ю. Шиллер и Россия: Монография. СПб.: Пушкинский Дом, 2013.

13 Шевырев С.П. Речь в память о Шиллере, сказанная в заседании Московского общества российской словесности 29 октября/10 ноября С.П. Шевыревым. М., 1859.

простонародных...»¹⁴. Но и Кюхельбекер, человек во многом иных взглядов и устремлений, высказывал сходную точку зрения, выступая против «ложноклассицизма» и «ложноромантизма» современной ему литературы: «У нас все мечта и призрак, все мнится и кажется, и чудится <...> Свобода, изобретение и новизна составляют главные преимущества романтической поэзии перед так называемою классическою позднейших европейцев <...>. Будем благодарны Жуковскому, что он освободил нас из-под ига французской словесности и от управления нами по законам Лагарпова “Лицея” и Батеева “Курса”; но не позволим ни ему, ни кому другому <...> наложить на нас оковы немецкого или английского владычества»¹⁵.

На самом же деле, если посмотреть, каких авторов переводил «первый русский романтик» Жуковский и как он себе мыслил пантеон западной словесности, то становится очевидно, насколько мало романтическими были его собственные литературные пристрастия. Если среди поэтических переводов Жуковского еще изредка попадаются авторы, коих впоследствии будут относить к европейскому романтизму (как, например, Т. Мур), то прозаические его переводы и вовсе нацелены на французскую и немецкую просветительскую прозу¹⁶.

То же самое можно и в целом сказать об эпохе конца 1800-1810-х годов, в которой, если судить во всяком случае по журнальным публикациям, вкусы господствовали отнюдь не романтические (и даже не предромантические). Среди журнальных публикаций и переводов преобладали переводы из Мармонтеля, Руссо, Флориана, г-жи Радклиф, Лесажа, Делиля, Жанлис, Шписа, Геллерта, Геснера, Галлера, Шиллера. Реже появляются переложения из Гете, Байрона, Тика, Шатобриана, г-жи де Сталь, В. Скотта, Жан-Поля. Основные категории, которые вырабатывались в русской эстетике этого периода – категория поэтической универсальности, взгляд на роль гения в художественном творчестве, требование истинно народной словесности – уже были знакомы по трудам Гердера, манифестам «Бури и натиска», эстетике Шиллера и Гете и по существу не выходили за пределы XVIII века.

Любопытно, что йенская романтическая школа, заявившая о себе десятилетием раньше в немецкой литературе, остается русскому читателю 1800-1810-х годов если не совсем незнакомой, то во всяком случае достаточно чуждой. Жуковский, которого впоследствии Веселовский сравнит с Новалисом¹⁷, и которому (как можно предположить) Новалис должен бы быть достаточно близок и интересен¹⁸, практически ничего о

14 Пушкин А.С. О поэзии классической и романтической // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. VII. М. – Л.: Наука, 1951. С. 33.

15 Кюхельбекер Б. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 456—457.

16 См.: Дмитриева Е.Е. В.А. Жуковский — переводчик в прозе, или проблема литературы “серьезной” и литературы “тривиальной” // Розы Мальзерба. Европейская новелла в переводах В.А. Жуковского. Москва – Псков, 1995. С. 25–53.

17 Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”. – СПб, 1904. С. 268–269.

18 О невольных совпадениях Жуковского с Новалисом см.: Фриденедер Г.М. Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского // Жуковский и русская литература. Л.: Наука, 1987. С. 17.

нем не говорит. В.К. Кюхельбекер в 1820 году при личной встрече с Тиком признается, что Новалис кажется ему мало понятным¹⁹. Что же касается самого Тика, то апогеем его воздействия на русскую прозу станут в 1830-е годы украинские повести Н.В. Гоголя, однако это воздействие предстанет в таком закамуфлированном виде, что критики еще долго будут обсуждать, действительно ли то заимствование из Тика или использование местных украинских легенд²⁰.

Примечательно, что и в 1820-е годы, когда проблема романтизма уже активно обсуждается также и на теоретическом уровне, пантеон европейской «новой или романтической поэзии» в его русском осмыслении во многом еще продолжает являть собой в достаточной степени произвольную смесь, в которой сталкиваются авторы разных направлений, в том числе и относящиеся к так называемой веймарской классике. Так, например, О. Сомов в своей программной статье «О романтической поэзии, опыт в трех статьях» (1823) причисляет к романтической поэзии Шекспира, Байрона, Клопштока, Гете и Шиллера. Кюхельбекер в этом смысле идет еще дальше: в мыслимом им пантеоне оригинальные авторы (что на языке эпохи звучит как синоним романтических авторов) оказываются хронологически более удалены от настоящей эпохи по сравнению с теми писателями, которых он считает неоригинальными и лишенными романтического духа: «Итак, если уже подражать – пишет он, – не худо знать, кто из иностранных писателей прямо достоин подражания. Между тем наши живые каталоги, коих взгляды, разборы, рассуждения беспрестанно встречаешь в “Сыне Отечества”, “Соревнователе просвещения и благотворения”, “Благонамеренном” и “Вестнике Европы”, обыкновенно ставят на одну доску словесности греческую и – латинскую, английскую и – немецкую; великого Гете и – недозревшего Шиллера; <...> достойного наследника древних трагиков Расина и – Вольтера, который чужд был истинной поэзии; огромного Шекспира и — однообразного Байрона!»²¹. А в статье члена Общества любителей наук и художеств В.К. Бриммера «Об истинном

19 Ср.: «У Тика я был сегодня поутру; он человек чрезвычайно занимательный и достойный примечания по своему образу мыслей. Сначала я упомянул о сочинениях покойного Новалиса, Тиком изданных, и жалел, что Новалис при большом даровании, при необыкновенно пылком воображении не старался быть ясным и совершенно утонул в мистических тонкостях. Тик спокойно и тихо объявил мне, что Новалис ясен, и не счел нужным подтвердить то доказательствами» (Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 15). Ср. отклик А.И. Тургенева на этот эпизод в письме к П.А. Вяземскому: «Он признался ему, что не понял Новалиса, а Тик добродушно отвечал ему: “А я понял”. Довольно для Кюхельбекера, но зачем же признаваться в глупости?» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб, 1899. Т. III. С. 69).

20 См., напр., рецензию Н.И. Надеждина на первую книжку «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (Телескоп. 1831. № 20. С. 653). О рецепции Тика в России см.: Данильвский Р.Ю. Людвиг Тик и русский романтизм // Из истории международных связей русской литературы. Л.. 1975. С. 68–113.

21 Труды Вольного общества любителей российской словесности. 1823. Ч. 24. Справедливости ради надо сказать, что статья Сомова во многом воспроизводила основные положения книги г-жи де Сталь «О Германии». Последнее обстоятельство примечательно в том плане, что свидетельствует о наметившейся в русской литературе тенденции подрывать исключительное господство «французского вкуса», обращаясь при том к французским же авторам.

и ложном романтизме» к романтикам и вовсе оказываются отнесены Расин, Вольтер, Виланд, Тассо, при том, что Л. Тику, братьям Шлегелям и Шеллингу в романтизме отказывается²².

Все это на самом деле создавало картину «зарубежного пантеона» новейшей поэзии весьма запутанную. Дело усугублялось еще и тем, что в 1820-е годы в полемике, развернувшейся между сторонниками новой романтической школы и их противниками-классиками, и те и другие в сущности апеллировали к сходным, если не идентичным авторитетам. Так, М. Дмитриев, полемизируя с П. Вяземским по поводу его предисловия к «Бахчисарайскому фонтану» (еще одном манифесте русской романтической школы) и считая суждения Вяземского о немецкой литературе произвольными, советовал ему почитать все тех же авторов, к которым апеллировал и сам Вяземский – то есть «братьев Шлегелей, Лессинга, Буттерверка, Гердера, Шиллера, и г-жу де Сталь»²³.

Примечательно, что и журнал «Московский телеграф», во многом определявший литературную политику эпохи и имевший скорее профранцузскую ориентацию, собственно романтическую категорию универсальной поэзии в отношении немецкой литературы прилагал скорее к представителям немецкой классики XVIII века, делая исключение лишь для А. Шлегеля: «Все великое сего времени есть что-то универсальное, всеобъемлющее. Возьмите Шиллера, пламенного, неземного лирического поэта: он в то же время трагик, историк, философ, романист <...>. Посмотрите на Шлегеля – историка, поэта, критика, переводчика Шекспира и Кальдерона; на Гердера — проповедника, философа, поэта! Наконец, остановитесь особенно на символе всего германского образования, Гете, заключившем собою, даже и хронологически, период германской эпохи; Гете всего лучше покажет вам идею Германии...»²⁴.

Теперь, по мысли Полевого, Германия впала в частность и провинциализм: «Из всего мира высочайшей всеобщности, идеальности, вселенности, Германия впала в совершенную частность, практику, народность. Гении Германии исчезли; философия распалась на части, поэзия запела старинную легенду; музыка заиграла народную песню <...> Гете и Уланд, Гофман и Шопенгауэр, Шеллинг и Гегель, Шлегель и Берне, Шиллер и Грильпарцер, Моцарт и Шпор – неужели это один и тот же мир, одна и та же Германия?»²⁵.

Собственно, именно «впадением Германии в частность» «Московский телеграф» объяснял необходимость нового обращения и возвращения к французской литературе. Поразительным образом такая смена ориентации в зеркальном отражении напоминает аналогичный процесс, происходивший столетием раньше, когда переход от немецкой ориентации к французской объяснялся поворотом от узкой провинциальности к европейскому космополитизму, воплощением которого и в те времена

22 Сын отечества. 1830. Ч. 10. № 9. С. 168–184.

23 Дмитриев М. Ответ на статью «О литературных мистификациях» // Вестник Европы. 1824. № 7.

24 Полевой Н. Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина // Московский телеграф. 1833. Ч. 49.

25 Там же.

мыслилась Франция²⁶. В момент наивысшего развития своей духовной культуры Германия выполнила свою всемирную роль, явившись выражением мирового духа. После этого ее всеобщее значение падает, и она погружается в узкий национализм и обыденную действительность²⁷.

Тем самым в русской литературной критике намечается любопытная тенденция: новая французская школа осмысливается, с одной стороны, как продолжение немецкого романтизма, который в это время более ассоциируется с тем, что мы ныне склонны называть веймарской классикой, как высшая точка романтизма вообще, который оказался способным дать окончательный бой классицизму и подняться над узко национальными интересами. С другой же стороны, французский романтизм мыслится русской критикой еще как не наступивший (эту точку зрения разделяли, в частности, А.С. Пушкин и П.А. Вяземский, последний в статье 1826 года говорил, что «настоящий крестный отец так называемого романтизма еще не явился»²⁸).

По еще одной версии, к тридцатым годам романтизм уже закончился во Франции. Эту точку зрения высказывал, например, Надеждин. Так, в 1834 году он называл «юную французскую словесность состаревшуюся и отходящей в область прошедшего» (статья «Здравый смысл и барон Брамбеус»)²⁹. Начало этой школы он, так же как и Полевой, видел в литературной деятельности г-жи де Сталь, вскрывшей для Франции новый безвестный мир германской литературы», – и в поэзии Шатобриана. Но в дальнейшем своем развитии юная словесность Франции дошла до дикого неистовства, выразившегося в нарушении вкуса. «Робеспьерами этого литературного терроризма» и тем самым псевдоромантиками Надеждин назвал Гюго, Дюма, а также Нодье и Бальзака.

Даже в произведениях наиболее «неистовых» русская критика нередко вместо новизны прочитывала классическую, традиционную основу. Так, Пушкин увидел в «Записках Самсона» (знаменитой мистификации, в которой принимал участие Бальзак) и других произведениях неистовой словесности вполне логическое продолжение французской философии XVIII века (ср.: «После соблазнительных Исповедей философии XVIII века явились политические, не менее соблазнительные откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и шлафроке, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями. Но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. <...> Журналы наполнились выписками из Видока. Поэт Гюго не постыдился в нем искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи»³⁰).

---

26 Haumant E. La culture française en Russie. Paris: Hachette, 1910.

27 Заметим попутно, что причисляя Гегеля к «пигмеям» немецкой литературы, и Полевой и Марлинский основывают тем не менее свои размышления именно на гегелевском учении об объективном духе. См.: Замотин И.И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. Т. 1. СПб, 1911. С. 180.

28 Вяземский П.А. Письмо из Парижа // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 63.

29 Телескоп. 1834. Ч. 21.

30 Пушкин А.С. О записках Самсона // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. VII. С. 104.

Сложность заключалась еще и в том, что русская критика находила порой не только следы классицизма в современной романтической школе, но и наоборот, истинно романтические произведения усматривала в литературе уже ушедших эпох, трансформировав на свой лад толкование романтизма как искусства романских народов, предложенное еще А. Шлегелем. Так, Пушкин называл представителями романтической поэзии Лафонтена и Вольтера («Сказки Лафонтена и Вольтера и «Дева» сего последнего носят на себе ее клеймо»³¹), Марлинский и вовсе считал, что «романтизм и в эпоху ложноклассицизма имел своих представителей во Франции» – то были Рабле, Монтень, позднее – Руссо.

В определенном смысле можно сказать, что европейский романтизм так и остался для русской культуры первой трети XIX века «домовым», «магическим» словом, способным вобрать в себя множество толкований и вместе с тем не поддающимся никакому конкретному толкованию. Вместе с тем русская эстетика и литературная критика, как мы видели, существенно расширила рамки романтизма, введя в его «пантеон» представителей веймарского классицизма и тем самым по сути размыв антагонизм, который в Германии всегда существовал между Веймаром и Иеной. С другой стороны, многие произведения французской романтической школы 1830-х годов, при всей их популярности в России³², с трудом осмыслились как собственно романтические. В них то усматривалась их классическая основа, которая русскому читателю виделась в самых «неистовых» произведениях юной словесности (отсюда, например, и своеобразное восприятие в России одного из наиболее своеобразных французских романтиков Ш. Нодье сквозь призму Шиллера³³), то виделось

---

31 См., напр., рецензию Н.И.Надеждина на первую книжку «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (Телескоп. 1831. № 20. С. 653). О рецепции Тика в России см.: Данилвский Р.Ю. Людвиг Тик и русский романтизм // Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975. С. 68-113.

32 О рецепции французских романтиков в России см., в частности: Томашевский Б.В. Французская литература в письмах Пушкина к Е.М.Хитрово // Письма Пушкина к Е.М.Хитрово. Л., 1927; Кулешов В.И. Литературные связи России и западной Европы в XIX веке. М., 1965; Шатобриан Ф.Р. Замогильные записки. М., 1995 (комментарий В.А. Мильчиной); Алексеев М.П. Виктор Гюго и его русские знакомства // Литературное наследство. М., 1937. С. 777–797; Морцинер М.С., Пожарский Н.И. Библиография русских переводов произведений Виктора Гюго (1829–1952). М., 1954; Мотовилова Н.М. Нодье в русской журналистике пушкинской эпохи // Язык и литература. Л., 1930; Мильчина В.А. Читайте старые книги // Нодье Ш. Фея хлебных крошек. М.: Энигма, 1989; Виноградов В.В. Романтический натурализм (Жюль Жанен и Гоголь) // Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976; Дмитриева Е.Е. «Одни стихи ему читала» (к вопросу о традициях Жюль Жанена в творчестве Пушкина) // Незавершенные произведения Пушкина. М., 1993; Мильчина В.А. Французская литература в произведениях А.С.Пушкина 1830-х гг. // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 3; Криницын А.Б. Пушкин и Жюль Жанен // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 8. С. 37–49.

33 Ср., например, отзыв А.И. Тургенева в письме к П.А. Вяземскому о романе Нодье «Жан Сбогар»: «"Jean Sbogar" я читал и заплатил 10 р. за чтение, но экземпляра не имею: пришли. Последние главы и мне понравились. Впрочем, это Шиллеров Карл Моор, переодетый madame Krüdenner, или тем, кто хотел подражать ей, прежде ее возрождения» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб, 1899. Т. 1. С. 137).

некое несоответствие романтическому роду как таковому. Именно с этим в дальнейшем связано и то, что очень скоро многие представители френетической (то есть позднеромантической) школы во Франции – Бальзак, Сю, и даже В.Гюго – были переосмыслены русской критикой в качестве авторов-реалистов или, по меньшей мере, предшественников натуральной школы.

***

Habent sua fata libelli. Но не только книги имеют свою судьбу. Имеет свою судьбу и «храм всех богов», пантеон, который, казалось бы, уже в силу своей этимологии, должен тяготеть к уникальности и единичности. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что подобно своему материальному воплощению – французскому Пантеону, превращенному в храм национальной славы и бессмертия, в котором, однако, многие сыны Отечества надолго не задерживались – также и литературный пантеон подвержен историческим изменениям и пересмотру. Особенно же сильные изменения он переживает при пересечении границ национальных культур, порождая каждый раз различные инонациональные (т.е. зарубежные) его изводы. В этом смысле также и русский вариант (извод) западного романтизма, как и русский, например, или английский, или немецкий варианты пантеона французской литературы являют собой пример литературного пограничья, изучение которого есть каждый раз предприятие увлекательное, но требующее каждый раз и своей определенной оптики.

Об авторе

Дмитриева Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН), Россия.

Ekaterina Dmitrieva, Doctor of Philology, the leading researcher, Institute of the world literature of A. M. Gorky of the Russian Academy of Sciences (IMLI of A. M. Gorky of RAS), Russia.

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

ТЫ VS ВЫ: ЗНАК ИНТИМНОСТИ ИЛИ ОТЧУЖДЕНИЯ?

В статье рассматриваются смысловые и стилистические возможности пересечения границы между обращениями Ты и Вы в русских и французских литературных текстах.

Ключевые слова: местоимения-обращения, русская литература, французская литература, стилистика.

N. L. Dmitrieva

**«ТУ» («TU») VS «ВУ» («VOUS»):
A SIGN OF INTIMACY OR ALIENATION?**

The main theme of the article is the semantic and stylistic possibilities of «crossing the borders» between address pronouns of the second person in singular and plural form in the Russian and French literature texts.

Key words: address pronouns, Russian literature, French literature, stylistic.

«Пустое вы сердечным ты
Она обмолвись заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!»¹

Это изящное пушкинское стихотворение, обращенное к Анне Алексеевне Олениной, которой он серьезно увлекся весной 1828 года, ясно иллюстрирует, как может быть нарушена конвенциональная граница между обращением на «ты» и «вы». Как утверждают поэт и сама Оленина, это случилось по ошибке: «Анна Алексеевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину ты, и на другое воскресенье он привез эти стихи»². Но случайна ли эта ошибка? В контексте истории пушкинского ухаживания за кокетливой Анной Олениной, можно предположить, что оговорка Олениной была закономерна. А в душе влюбленного замена «пустого», «холодного» (черновой вариант пушкинского стихотворения) «вы» «сердечным» «ты» естественно тут же пробуждает надежду, потому что душа любящего, конечно, «на ты» с предметом воздыханий. Ср.:

« – Отчего вы уезжаете? Отчего вы расстроены? Отчего?... – спросила Пьера Наташа, вызываяще глядя ему в глаза. «Оттого что я тебя люблю!» – хотел он сказать, но он не сказал этого, до слез покраснел и опустил глаза. – Оттого, что мне лучше реже бывать у вас»³.

1 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т.3. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 60.

2 Устимович П.М. Анна Алексеевна Андро, рожденная Оленина // Русская Старина. 1890. №8. С. 398

3 Толстой Л.Н. Собрание сочинений. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 6. С. 100.

Несомненно, переход с «вы» на «ты» в сфере любовных отношений – это знак сближения. Ср. у современного автора: герой романа «Авиатор», сохраняя целомудренные отношения с той, в ком он видит свою невесту, не говорит ей «ты»: «Мы так и не перешли с ней на «ты». Мне казалось, что целомудрие наших отношений не должно подвергаться никаким испытаниям, даже таким пустяковым, как «ты»<...> Самое острое чувство – неудовлетворенное, и я испытал его в полной мере. Никогда еще мое «вы» не было так чувственно. До сих пор ощущаю его жар на губах. Самый настоящий жар»⁴. Когда же герой вступает в близость с той, в ком воплощается его любовь (она – внучка его первой возлюбленной, с которой его жестоко развела жизнь), он говорит об этом так: «И мы с ней больше не были на «вы»»⁵.

Но всегда ли все так просто с переходом с «вы» на «ты»? Очень любопытные наблюдения сделала над текстом письма Татьяны Лариной Кристина Поморска. Письмо Татьяны – пример полного раскрытия души в любовном признании – делится на две части: «Я к вам пишу <...> Зачем вы посетили нас? / В глуши забытого селенья / Я никогда не знала б вас, / Не знала б горького мученья...». Вся первая часть письма написана с обращением на «вы», но когда Татьяна представляет, что это мог бы быть кто-то другой, в ком она «по сердцу» «нашла бы друга», она восклицает: «Другой! ...Нет, никому на свете / Не отдала бы сердца я!» И в этот момент высокого напряжения чувств, раскрывая свое сердце, Татьяна переходит на «ты»: «То воля неба: я твоя». В заключительных же строках письма она опять возвращается к «вы»: «Кончаю! Страшно перечесть... / Стыдом и страхом замираю.../ Но мне порукой ваша честь, / И смело ей себя вверяю... »⁶. Мы знаем, что письмо Татьяны написано по-французски и во многом под влиянием образцов французской литературы. Что интересно: первая часть письма – это, так сказать, «реальность». Татьяна, объясняя, как она решилась на такой рискованный шаг, обращается к адресату своего письма на «вы»: «Хоть редко, хоть в неделю раз / В деревне нашей видеть вас <...>». Вторая часть письма, в которой она переходит на уровень высоких эмоциональных излияний, состоит из выражений, характерных для сентиментальных французских романов, при этом используется обращение на «ты»⁷. Получается парадоксальная картина: там, где героиня Пушкина выражает свои естественные переживания, она говорит своему герою «вы», а более сокровенное обращение появляется в той части, где ее герой и она сама в определенной степени наделены чертами литературных персонажей. Такова сила литературного влияния на героиню. Ср. с письмами Юлии из «Новой Элоизы» Руссо. Ее первые ответы Сен-Пре, написавшему ей о своей страсти и решении уехать, содержат обращение на «вы». Когда же она получает письмо, где он говорит, что готов оставить этот мир, Юлия, открывая свое сердце, пишет: «Insensé! si mes jours te sont chers, crains d'attenter aux tiens. Je suis obsédée, et ne puis ni vous parler, ni vous écrire jusqu'à demain. Attendez» (Безумец! Если тебе дорога моя жизнь, страшись посягать на свою. За мной неотступно

---

4 Водозазкин Е. Г. Авиатор. М.: АСТ, 2016. С. 96–97.

5 Там же, с. 218

6 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 5. С. 69–72.

7 Pomorska K. Заметка о письме Татьяны // Alexander Puskin. Symposium II. New York university. Slavic papers. V. III. Columbus, Ohio, 1980. P. 63.

следят, я не могу ни говорить с вами, ни писать вам до завтра. Ждите)⁸. Здесь, как и в письме Татьяны, порыв души вызывает обращение на «ты», возвращение к реальности ознаменовано местоимением «вы».

Пушкин очень тонко использует переход с «вы» на «ты» и обратно. Эту «игру на грани интимного» в четвертой сцене «Каменного гостя» проанализировал Ю. Н. Чумаков⁹. Дона Анна принимает у себя Дон Гуана, который, стремясь открыться ей, спрашивает: «Что если б Дон Гуана / Вы встретили?» – «Тогда бы я злодею / Кинжал вонзила в сердце.» – «Дона Анна, / Где твой кинжал? Вот грудь моя». Раскрываясь перед Доной Анной, он говорит ей «ты»: «Я убил / Супруга твоего», «Я Дон Гуан и я тебя люблю». Дона Анна падает в обморок. «В этот момент сближающего антагонизма герои переходят на «ты»»¹⁰. Дона Анна, приходя в себя, обращается к Дону Гуану: ««Ты... ты мне враг – ты отнял у меня / Всё, что я в жизни...». Он продолжает говорить «ты»: «Я всем готов удар мой искупить, / У ног твоих жду только приказанья, / Вели – умру; вели – дышать я буду / Лишь для тебя», но далее он опять возвращается к обращению «вы»: «Но с той поры как вас увидел я». Это балансирование на грани ты/вы не позволяет с уверенностью сказать, идет ли речь об изысканном обольщении, или о подлинном чувстве. Очень выразительна реплика, в которой одновременно звучат оба обращения – и на «вы», и на «ты»: «И вы о жизни бедного Гуана / Заботитесь! Так ненависти нет / В душе твоей небесной, Дона Анна?»¹¹.

По мнению Ю. Н. Чумакова «игра на грани интимного была, видимо, усвоена Пушкиным из галантного стиля французской прозы»¹², в качестве примера ученый приводит СХХV письмо виконта де Вальмона к маркизе де Мертей из романа Шодерло де Лакло «Опасные связи». Однако в «Опасных связях» нет той тонкой игры с пересечением границы вы/ты: Вальмон и маркиза обращаются в своих письмах друг к другу всегда только на «вы». Они – светские интриганы, и, хотя они любовники, отношения между ними в первую очередь деловые. Единственный случай появления обращения на «ты» – это воспоминание Вальмона о том, как было раньше: «Adieu, comme autrefois... Oui, adieu, mon Ange! Je t'envoie tous les baisers de l'amour» (Прощайте, как прежде... Да, прощай, мой Ангел! Шлю тебе все поцелуи любви)¹³.

Переход с «ты» на «вы» – более редкое явление. Но такое, как видим, случается. Такому же «ты» в прошлом, сменившемуся на «вы», посвящено стихотворение Вольтера «Вы и ты» («Les “Vous” et les “Tu”», 1728), лирический герой которого обращается к бывшей возлюбленной на «ты», вспоминая время, когда она была богата только молодостью и красотой, и на «вы», говоря о той поре, когда она стала состоятельной и недоступной для него дамой. Перечисляя все те богатства, которыми она теперь обладает, он называет бриллиантовые серьги в ее ушах:

Ces deux lustres de diamants

8 Rousseau J.J. La nouvelle Eloise. Paris: Librairie de Firmin Didot frères, 1844. P.28.

9 Чумаков Ю. Н. Дон Жуан Пушкина // Проблемы пушкиноведения. Сборник научных трудов. Л., 1975. С. 19.

10 Там же, с. 18.

11 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в двадцати томах. Т. 7. СПб.: Наука, 2009. С. 160–162.

12 Чумаков Ю. Н. Дон Жуан Пушкина. С. 19.

13 Laclos. Les liaisons dangereuses. Paris: Librairie Gallimard, 1952. P.342.

Qui pendent à vos deux oreilles,
Ces riches carcans, ces colliers,
Et cette pompe enchanteresse,
Ne valent pas un des baisers
Que tu donnais dans ta jeunesse.

(Эти две бриллиантовые подвески в ваших ушах, богатые ожерелья, эти кольца и эта обольстительная пышность не стоят одного из тех поцелуев, что ты дарила в молодости)¹⁴.

Интересны рассуждения Вольтера о разнице между «вы» и «ты». Он пишет об этом в письме к женевскому теологу Якобу Верне: он полагает, что в обыденной речи необходимо использовать обращение на «вы», но, «если нужно подняться выше простого разговора, например, когда обращаешься к Богу, или, в тебе говорят страсти, думаю, ты тем сильнее, чем оно больше удаляется от вы, потому что ты – это язык правды, а вы – комплиментарный язык»¹⁵.

Любопытно, как В. Гюго обыгрывает такое противопоставление «ты» прежде и «вы» теперь. Примечательно, что тут речь идет не о сфере любовных отношений, это – политическая сатира. Речь идет о послании раннего Виктора Гюго «Бруту» («*Epître à Brutus*», опубликовано в «*Le Conservateur littéraire*» 15 января 1820), в котором он возмущается повсеместно демонстрируемым в период Реставрации отречением от своих прежних взглядов. Брут, т. е. предатель, к которому обращается поэт, когда-то вел себя, как яркий сторонник Революции. К этому Бруту поэт обращается на «ты». И это закономерно: в 1793 году обращение на «ты» было предписано революционным декретом и было обязательным. Теперь же это персонаж, к которому следует обращаться «*Votre Excellence*» (Ваше Превосходительство). Послание довольно длинное, и все оно построено на дихотомии «вы»/«ты» или «ты»/«вы». В заключительных строках поэт сталкивает в одной коммуникативной единице оба обращения: «*L'illustre pied de Votre Altesse / Vient salir ces parquets glissants / Que tu frottais dans ta jeunesse*» (Выдающаяся нога Вашей Светлости оставляет следы на тех скользких паркетах, которые ты натирал в молодости). Следует отметить, что, если в стихотворении Вольтера «ты», несомненно, несло положительную коннотацию в противовес «вы» (ср. с его рассуждениями из письма к Верне), то в послании Гюго и «ты», и «вы» воспринимаются одинаково негативно, потому что в обращении на «ты» не только указание на прошлое предателя, но и значительная доля презрения, уничижительный оттенок. Ведь «вы» не обязательно только «пустое» (Пушкин), не всегда конвенционально зафиксированное этикетное обращение. Оно может иметь высокое звучание. Этой теме посвящен романс Б. Окуджавы на стихи Агнешки Осецки:

Зачем мы перешли на «ты»?
За это нам и перепало –
На грош любви и простоты,
А что-то главное пропало.

Произведение, в котором «вы» – бесконечно высокое, потому что подчеркивает бескорыстность, великодушие чувства, – это пушкинская «гениальная миниатюра»¹⁶ «Я вас любил...» (1829). Р. Якобсон в работе «Поэзия грамматики

14 Voltaire. Oeuvres complètes. Т. 3. Paris, 1828. P. 86.

15 Voltaire. Oeuvres complètes. Т. 68. Paris, 1830. P. 503.

16 Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994. С. 323.

и грамматика поэзии» отметил значимость местоимения «вы» для этого стихотворения¹⁷.

Любопытно отметить, что задолго до «Поэзии грамматики и грамматики поэзии» Р. Якобсона, в 1788 г., появилась шутливая грамматика «*La cantatrice grammairienne ou l'Art d'apprendre l'ortographe française seul sans le secours d'un maître par le moyen des chansons érotiques, pastorales etc.*» («Певица-грамматика, или Искусство обучения французской орфографии самостоятельно, без помощи учителя на примере песен эротических, пасторальных и т. д.»). Там приводится такое правило, относящееся к местоимениям второго лица: «*Je prie les dames d'observer que les pronoms tu, vous, qui désignent ordinairement la seconde personne du singulier, indiqueront la troisième dans la chanson suivante, parce qu'ils sont pris substantivement*» («Прошу дам отметить, что местоимения ты, вы, обыкновенно обозначающие второе лицо единственного числа, в следующей песне обозначают третье лицо, потому что являются подлежащими»). Далее следует текст песенки, в припеве которой говорится о том, что «*Vous*» (Вы) отпугивает амуров, в то время как «*Toi*» (Ты, употреблена ударная форма местоимения) всегда их возвращает назад.

Несомненно, можно найти еще немало примеров пересечения границы ты/вы в литературе. Те, что мы проанализировали в настоящей статье, демонстрируют необычайно широкие возможности смыслового и стилистического разнообразия такого пересечения.

Об авторе

Дмитриева Нина Львовна, кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Россия.

Nina Dmitrieva, Candidate of Philological Sciences, senior researcher of Institute of Russian literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: Ninalvovna@mail.ru.

**ПРОБЛЕМА «ГРАНИЦЫ» В КУЛЬТУРЕ И НАУКЕ
В ТРУДАХ ПОЗДНЕГО С.П. ШЕВЫРЕВА**

В статье впервые в свете «русской идеи» рассматривается неоднозначное отношение С.П. Шевырева к западной науке и культуре в его филологических сочинениях 1846-1862 годов. В этих трудах ученого не прослеживается однозначного отрицания западной культуры и науки. В последнем сочинении «Лекции по истории русской литературы, читанные в Париже в 1862 году» он выступает за диалектическое усвоение своего (отечественного) и чужого (европейского) научного и культурного опыта.

Ключевые слова: Россия, Запад, культура, наука, свое / чужое.

N.V. Tsvetkova

**THE PROBLEM OF “BORDERLINE” IN CULTURE AND SCIENCE
IN S.P. SHEVYRYOV’S LITERARY WORKS OF HIS LATER YEARS**

For the first time in the light of the “Russian idea” the article explores S.P. Shevryov’s contradictory attitude to Western culture and science in his literary works of 1846 -1862 . In those works the scholar doesn’t deny Western culture and science. In his last essay “Lectures on the History of the Russian literature” read in Paris Shevryov advocates the dialectical learning of one’s own (native) and others’ (European) scientific and cultural experience.

Key words: Russia, West, culture, science, own / others.

Поздний С.П. Шевырев вошел в историю русской культуры своим метафорическим определением Запада как «человека, носящего в себе злой, заразительный недуг»¹, опасного для России, хотя такое убеждение разделяли и славянофилы, затем Н.Я. Данилевский, деятели русского утопического социализма. Но это выражение, высказанное в программной статье журнала «Москвитянин» «Взгляд русского на современное образование Европы» в 1841 году, в истории русской общественной мысли срослось с обликом и позицией именно Шевырева, который в представлении своих современников-западников как будто восстановил границу между Россией и Западом в области культуры, науки, общественной жизни.

Современный исследователь приходит к выводу, что в москвитянинской статье «формализм рассуждений неизбежно вел Шевырева к историософии, способный открывать в истории только проявления «злой» или «доброй» воли, разделение мира на «своих» и «чужих, исключаящее всякий диалог, всякую совместную продуктивную деятельность «не-своими»»². Но в своей книге этот ученый рассмотрел деятельность филолога и философа лишь до конца его уни-

1 Шевырев С.П. Взгляд русского на современное образование Европы // Шевырев С.П. Избранные труды / С.П. Шевырев; [сост. К.В. Рясенцев, А.А. Шириянц; автор вступ. ст. А.А. Шириянц; авторы коммент. М.К. Кирюшина, К.В. Рясенцев, А.А. Шириянц]. М.: РОС-СПЭН, 2010. С. 190.

2 Мартынов В. А. Эпизод из «русской идеи»: С. П. Шевырев. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 176.

верситетской карьеры, до зимы 1857 года.

Для Шевырева же закончившаяся преподавательская деятельность отнюдь не означала бездействия и молчания. После увольнения со службы ученый завершает издание «Истории русской словесности», последняя, четвертая, часть которой выходит в 1860 году, уезжает за границу (сначала в Италию, затем Париж), создает там две научные монографии об истории русской словесности: одна будет написана на итальянском языке и издана во Флоренции, во второй будут воссозданы лекции об историческом пути русской словесности, которые Шевырев читал для парижских слушателей в 1862 году. Так было ли мнение о смертельном недуге Запада для его автора действительно безапелляционным и непересматриваемым приговором, к которому он никогда больше не возвращался?

Если объективно отнестись к статье «Москвитянина», нельзя не заметить того, что, нападая на западную секуляризованную современность в области науки, культуры, образования, литературы, даже семейной жизни, Шевырев, к этому времени утвердившийся в позиции «христианского гуманизма» (термин В.В. Зеньковского), провозглашает, что сильная своей православной верой Россия в отношении к Западу «сохранит на благо всему человечеству сокровища его великого протекшего»³, что «найдет в самой себе и в своей прежней жизни источник своенародный, в котором все чужое, но человечески прекрасное сольется с Русским духом < ... >»⁴.

Нельзя также не заметить, что даже в этой, казалось бы, такой негативной в отношении к Западу статье, в понимании Шевырева оппозиция свое / чужое имеет значение не застывшее, но гибкое, даже взаимодействующее, что вполне оправдывает его дальнейшая научная деятельность.

Если обратиться к «Истории русской словесности», которую ученый начинает издавать в 1846 году, то найдем его признание о том, что в монографии он опирался на последние достижения европейской филологической науки, стремящейся «представить цельность бытия человеческого покамест словом»⁵ (курсив мой – Н.Ц.) и обращавшейся в связи с этим как к поэтическим текстам, так и к самым разным памятникам: законодательным, религиозным, отражающим государственную жизнь, то есть «жизнь народную».

Примером такого отбора материала стал, по признанию Шевырева, современный ему европейский научный опыт: труды польского поэта и филолога А. Мицкевича, французских историков литературы (Э. Кине, Ф. Шаля, Ж. Ампера), немецкого ученого Г. Гервинуса. Таким образом, хотя с позиций «христианского гуманизма» ученый активно не принимает секуляризацию западноевропейской жизни, оторванность современной немецкой философии от религии, он именно в области гуманитарной науки Запада ищет новизну идей и методологии, опирается на близкие ему авторитеты. В результате он создает новую научную дисциплину «древняя русская литература», о чем хорошо писал современник и друг Шевырева И.В. Киреевский, и как принято считать в современной науке.

В монографии «История русской словесности» (1846-1860) ученый

3 Шевырев С.П. Взгляд русского на современное образование Европы. С. 222.

4 Там же.

5 Шевырев С. П. История русской словесности. Ч. 1–2. Изд. 2. М., 1859–1860. С. 13.

Далее монография цитируется по этому изд. с указанием страниц в круглых скобках.

воссоздает архетип «русскости»: он формируется из национальных и общечеловеческих вечных ценностей, отраженных в ней, из мирового значения ее создателей, величия идей и глубины содержания древних текстов, обусловленных религиозностью авторов – людей, для которых вера стала смыслом и образом жизни.

Предмет исследования Шевырева – история русской словесности «как выражение жизни народной» (14). Подобно современным западным ученым он обратился к осмыслению его «духовно-душевной жизни», слагающейся из науки, искусства и «жизни гражданской и государственной» (8), над которыми главенствует вера как «основа и крепость бытия народного» (9). В связи с таким пониманием истории словесности Шевырев делает предметом исследования «внутреннюю человеческую жизнь народа» со «всеми стихиями» (10). В подобном подходе русского ученого к разрешению научных задач присутствует заслуга и его итальянского предшественника XVIII века Дж. Вико, которому свойственно «своеобразное нерасчлененное единство гуманитарного знания с учением о человеке в качестве ядра: антропология, философия истории, социология и конкретная история, вместе взятые»⁶, о чем писал М.А. Киссель и что в современности классифицируется как культурология⁷.

В понимании слова он исходит из православной культуры Древней Руси, в которой оно обозначало и язык и народ: «Нет ни народа, ни языка без произведений слова» (VIII). Шевыреву важно заметить, что «Слово – дар людям от Бога», что оно, «как говорили древние, есть выражение самопознающей души человеческой» (VII) и что язык выражает «духовное существо» (VIII) народа. С одной стороны, он близок своему немецкому современнику В. фон Гумбольдту, утверждавшему, что язык «всеми тончайшими нитями своих корней <...> сросся с силой национального духа»⁸. С другой, – он близок святоотеческой традиции, И. Дамаскину. Такое понимание слова, которое основано одновременно на своем и чужом, позволяло Шевыреву разрешить поставленную задачу: в пространстве древней Руси «представить цельность бытия человеческого покамест словом» (13).

Мысль об истории русской словесности для Шевырева связана с понятиями общечеловеческими: в ней заключены великие сюжеты, герои, несущие вечные смыслы и духовные ценности, с которыми Россия войдет в мировую сокровищницу культуры. Закономерно, что А.М. Песков называл русскую идею Шевырева «русской идеей русской словесности»⁹. Однако закономерно и то, что ученый открыто говорит о том научном, чужом опыте (труды европейских предшественников, их идеи, методология и т.д.), который сделал возможным создать свой собственный научный труд.

И все же на протяжении долгих лет работы над «Историей русской

---

6 Киссель М. А. Джамбаттиста Вико. М., 1980. С. 181.

7 Романовская Е.В. История, память и традиция в культурологии Дж. Вико. Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д.Л. Спивак. М.: Новый хронограф: Эйдос. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. 2009. С. 94.

8 Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1984. С. 47.

9 Песков А. М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М.: ОГИ, 2007. С. 8.

словесности» мысль об отношениях России и Запада не покидала Шевырева. Во время работы над созданием истории русской словесности на итальянском языке во Флоренции его одолевают сомнения при размышлении о проблеме Россия – Запад. В монографии, изданной во Флоренции (1861), оппозиция свой / чужой хорошо заметна и проявилась во многих фактах.

Эта монография русского ученого проанализирована М. Колуччи, современным итальянским исследователем. Его статья¹⁰ является для нас в высокой степени продуктивной в связи с тем, что автор анализирует труд Шевырева, приводит в ней множество цитат из его сочинения. Тем более что статья М. Колуччи до настоящего времени не введена в научный оборот.

Заграница способствует большей авторской открытости в суждениях, в оценке самых последних явлений в истории отечественной литературы. М. Колуччи замечает глубокую филологическую и философскую образованность Шевырева, масштабность его научных построений, сразу упоминая знание труда Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» и влияние его идей.

Итальянский исследователь осмысляет содержание монографии Шевырева, прослеживая движение русской словесности от древнего периода к современности, в которой чуждой для русского ученого стала натуральная школа и в которой нет обращения к Достоевскому, потому что еще не появились его знаменитые романы. М. Колуччи считает, что монография «свидетельствует о прочном культурном багаже автора, о его способности создавать панорамные картины, призванные дать почву его идеологическим установкам, но всегда хорошо исторически документированные, о его постоянном стремлении вписать русскую культурную эволюцию в более широкий европейский контекст – в данном конкретном случае романский – путём постоянных параллелей и сравнений» (100).

Но в высказываниях Шевырева отмечена ярко выраженная полемическая позиция в отношении к представителям культурного и политического мира Германии и Австрии: «Именно говоря о Жуковском, автор кладёт начало тому, что станет лейтмотивом книги: нападкам на немецкую культуру и тлетворное влияние, которое, по его мнению, она оказала на русскую интеллигенцию. Мы читаем буквально: Гердер и Гёте сказали несколько хороших слов о народных песнях Славян, но немецкий гений никогда не испытывал симпатии к славянской поэзии. Германская раса всегда была враждебна латинской и славянской расам <...> Поскольку дух Меттерниха навредил мировой политике Александра I, и немецкий гений стал для Жуковского злым гением, от которого должны быть свободны ум и сердце каждого истинного Русского, так же, как и каждого истинного Итальянца» (98).

Своей антипатии к Германии, Шевырев все же не дает победить в окончательном выводе, выражающем надежду на мирное сотрудничество и содружество разных европейских наций. Русская идея в итальянской

10 Колуччи М. Флорентийская история русской словесности: Una storia fiorentina della letteratura russa, впервые опубликована в сборнике Studi di filologia e letteratura italiana in onore di Maria Picchio Simonelli под ред. P.Frasca, Edizioni dell'Orso, Александрия, 1992. С. 63–74. До настоящего времени статья не введена в научный оборот. Далее статья М. Колуччи цитируется по этому изд. с указанием стр. в круглых скобках. Пунктуация источника.

монографии проявляется как государственно-славянофильская и утверждается в панораме европейской истории.

Парижские лекции 1862 года лишены полемических выпадов в сторону Запада. В них проявилось стремление ученого к свободному и разумному принятию разных тенденций современной жизни. Исчезла категоричность в отношении западных черт в отечественной культуре и литературе.

Интересно сравнить высказывания ученого в парижских лекциях с приведенными нами выше его утверждениями из флорентийской «Истории русской словесности». Например, высоко оценивая реформы Петра, осмысляя петровскую эпоху как «период развития личности», Шевырев в первой парижской лекции говорит: «Со времени Петра идеи человечества совершенно правильно развились в главных представителях русской словесности. Ломоносов является героем истины <...> Героем правды является наследник Ломоносова в литературе Державин. <...> Идея добра осуществилась у нас в двух представителях словесности <...> в Карамзине и Жуковском. <...> Пушкин <...> является нам героем красоты»¹¹.

Совершенно очевидно, что в Париже Шевырев реабилитирует гуманистические идеи, против которых он выступал в своих прежних монографиях. Теперь, по его словам, эти идеи «дают истинную и прочную основу всякому человеческому образованию», теперь он считает, что они «имели у нас стройное и правильное развитие» (143).

В Париже ученый обосновывает историософскую концепцию роли России в будущей мировой и европейской истории, подтверждая главные научные постулаты прежних монографий, но в его рассуждениях появляются новые положения и выводы.

Если во «Введении в русскую словесность», начинающую «Историю русской словесности» (1846-1860), резко критикуя «философию Германскую», проповедовавшую «материализм» (XXI), он противопоставлял ей «Философию русскую», рождение которой предсказывал из «сферы познаний духа, нераздельных с верою», то в первой парижской лекции он уже демонстрирует собственные философские построения. При этом и в Париже остается критическое неприятие гегелевской философии и современного материализма: подобно славянофилам и позднему Шеллингу, Шевырев считает, что философское учение должно быть связано с религией. В этом выводе ему особенно близок Ф. Баадер, который «в своем мировоззрении всецело опирается на христианскую традицию – на Библию и христианскую теософию»¹². Основываясь «на традиционных религиозных учениях», в первой лекции Шевырев строит свою философскую историю человечества. Он полагает, что «три периода совершает человечество вообще, и каждый народ в особенности, по трем элементам, которые участвуют в его развитии: Божественный, лично-человеческий и народный. Эти три элемента, обозначающие три периода, соответствуют троичному проявлению самого Божества. Если человек был создан по образу и подобию Божию, то и история человечества носит на себе отражение троичности» (13-14).

11 Лекции о русской литературе, читанные в 1862 году в Париже С.П. Шевыревым. СПб, 1884. С. 16–17. Далее книга цитируется по этому изд. с указанием стр. в круглых скобках.

12 Франк С.Л. Новая книга о Ф. Баадере // Путь, № 12. С. 125. Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/path/12/8>. Дата обращения: 04.12.2016. Загл. с экрана.

Осмысляя историю человечества, ученый в главном остается верным принципу троичности Вико. Однако, по его мысли, высшим итогом истории человечества является народная жизнь, представленная разными национальностями. Его общефилософское обоснование истории развития человечества, в которой участвует каждый народ, проецируется на оригинальную историю русской литературы, включая древний период, что отличает парижские лекции от монографий. В Париже он обосновывает собственную концепцию конкретно русской истории и русской литературы от древнего периода до современности, подчеркивая как ее основу принцип Божественной троичности.

Древнему периоду русской словесности, которому была посвящена четырехтомная монография «История русской словесности», в Париже Шевырев отводит 3 лекции. Совершенно справедливо А.А. Ширинянец считает, что в парижских лекциях, как и в лекциях о древнем периоде, нашла отражение историософская концепция С. П. Шевырева о «восточном» архетипе России и россиян» «в противоположность «западному»¹³. «Архетип «русскости», с точки зрения Шевырева, связан с языком и определяет суть «народности»: «Слово есть внешний образ человека, язык – внешний образ народа»¹⁴. Шевырев считает, что все будущее литературного языка заключается в сближении его с народным, устным. Не случайно он вспоминает, что Пушкин призывал писателей учиться языку у московских просвирен.

В Париже он так же, как в монографиях, говорит о церкви как центре жизни русского человека древнего периода. «Обзор хода нашего слова в древнем периоде, – делает вывод ученый, – показал нам, как единая идея Церкви проникала жизнь нашу и выражалась в слове. У нас спрашивают иностранцы, а иногда и Русские: где ваши учреждения, или институты? И не замечают главного, самого живительного для народа, которым приготовлено его духовное воспитание: это – Церковь» (41).

Пафосом парижских лекций становится утверждение ученого о движении древней Руси к культуре и образованию западной Европы в целом, что проявляется уже в самом подборе фактов: Шевырев отмечает стремление Бориса Годунова «пригласить иноземных ученых» (47), говорит об отправке студентов киевских духовных училищ в западные университеты, поездке в Голландию Петра «учиться корабельному делу» (47).

Православный код – это константа, объединяющая русских писателей от древности до современности. Глубоко значимо по мысли замечание Шевырева о русских писателях: «в древних чувство веры сказывалось прямее и откровеннее; в новых, как бы глубоко ни скрывалось, как бы ни уступало посторонним влияниям, но рано или поздно выходит наружу, или отзывается по временам минутными порывами души» (139). Таким образом, в осмыслении современной ему русской литературы и ее авторов Шевырев, является, пожалуй, единственным филологом середины XIX века, так глубоко осознававшим объективно существующую преемственность светской литературы России Нового времени с древней словесностью.

В шевыревском определении истинного художника слова Пушкина

13 Ширинянец А. А. Степан Петрович Шевырев // Шевырев С.П. Избранные труды. С.43.

14 Шевырев С. П. История русской словесности. Ч.1–2. С. VII.

понятие красоты – ключевое: «Красота венчает создание; она внешний образ видимой природы» (144). В его эстетической теории большое значение имеют и поздний Шеллинг, и размышления Баадера о значении искусства и религии в жизни человека.

В произведениях Пушкина критику открываются христианское мироощущение героев, их нравственные падения и стремление к духовной высоте, сообщающие текстам вечный смысл и универсальность, что нераздельно с совершенством художественной формы. В парижских лекциях 1862 года Шевырев поставит именно так понимаемого им Пушкина в центр современной ему отечественной литературы, по масштабу определив его как мирового писателя, произведения которого имеют вечную ценность, предвосхищая почвенников (Ап. Григорьева, Н.Н. Страхова, Ф.М. Достоевского) и в противовес Н. Г. Чернышевскому, Н.А. Добролюбову, Д.И. Писареву и нигилистическому отношению к традиции.

Ученый показывает развитие русской литературы Нового времени в связи с европейской философией, культурой, литературой и дает широкий обзор их влияний на Россию: от Вольтера, Лейбница до Гегеля и гегелистов. Через призму европейских философских течений Шевырев анализирует процессы в науке и литературе, приходя к выводу о культе байроновского разочарования в литературе и гетевского в сфере науки, почвой для которых явилась французская революция. Но, по мысли ученого, Европа выработала при всех потрясениях, скепсисе, разочаровании «те гуманические идеи, которые дают истинную и прочную основу всякому человеческому образованию и имели у нас стройное и правильное развитие». Для Шевырева это «идеи истины, правды, блага и красоты», которые в России воплотились как в деятельности Петра Великого, так и в творчестве «наших славнейших писателей» (с.143): Ломоносова, Карамзина, Жуковского.

С Пушкиным связана идея красоты, которая «венчает создание» (144), становится высшим критерием оценки личности как русского человека, так и писателя. Совершенно справедливо В.С. Непомнящий как будто прокомментировал выводы Шевырева в отношении ключевых для него фигур русской цивилизации и культуры: «То, что Петр пытался сделать «внизу», на уровне цивилизации, Пушкин совершил «вверху», в области культуры, – на тех высотах европейского культурного опыта как опыта прежде всего христианского <...> В русском опыте, воплощенном в светском искусстве Пушкина, была явлена возможность истинно европейской культуры как подлинно светской и подлинно христианской»¹⁵.

Таким образом, шевыревская концепция современной ему русской литературы, культуры, жизни в парижских лекциях снимает противопоставление Европы и России и при этом освещается «божественной идеей» православия – идеей, которая и является для его отечества основой, руководством к жизни, творчеству, к национальному единству и при этом силой, идентифицирующей Россию перед лицом Европы.

---

15 Непомнящий В.С. Феномен Пушкина и исторический жребий России // А.С. Пушкин: pro et contra. СПб., 2000. С. 548.

Об авторе

Цветкова Нина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Псковский государственный университет, Россия.

Nina Tsvetkova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Literature, Pskov State University, Russia.

E-mail: tsvetkova48@yandex.ru

**ЛИТЕРАТУРА КАК ПУБЛИЦИСТИКА:
«АНТИПЕЧОРИНСКИЙ» ТЕКСТ С. А. БУРАЧКА И В. И. АСКОЧЕНСКОГО¹**

В статье исследуется «пограничье» литературно-журнальных форм на материале двух «антипечоринских» романов: «Героев нашего времени» С. А. Бурачка и «Асмодея нашего времени» В. И. Аскоченского. Оба произведения, не обладающие серьезными художественными достоинствами, скорее представляют публицистику в литературной форме, а их авторы используют жанр романа для решения тактических журнальных задач.

Ключевые слова: Бурачок, Аскоченский, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, публицистика, литературная критика.

Е. V. Sartakov

**LITERATURE AS JOURNALISM:
“ANTIPECHORIN’S” TEXT BY S. A. BURACHOK AND V. I. ASKOCHENSKY**

The article explores the “borderlands” literary-journal forms on the two “antipechorins” novels: S. A. Burachok’s “Heroes of Our Time” and V. I. Askochensky’s “Asmodea of Our Time”. Both works, not possessing serious artistic merit, are rather the journalism in the literary form, and their authors use the genre of the novel to resolve tactical magazine problems.

Key words: Burachok, Askochensky, “Hero of Our Time” by Mikhail Lermontov, journalism, literary criticism.

Стратегия и тактика литературно-журнальной борьбы в русской действительности 1830–1840-х годов имела свои специфические, присущие только этому периоду особенности. В условиях размежевания журналов, обостренного разделения публицистов по «партиям» («литературные аристократы» и сторонники «торговой словесности», либералы и консерваторы, западники и славянофилы) полемики было не избежать. Тем не менее подобная полемика властью не поощрялась. Поэтому иногда она выливалась в оригинальные формы скрытой полемики, когда публицисты привлекали литературные жанры для решения своих сугубо журнальных задач. Такие произведения, не обладающие особыми художественными достоинствами и представляющие, скорее, публицистику в литературной форме, редко попадали в поле зрения историков литературы и историков журналистики. Первые в аспекте отношений «писатель – журналист» прежде всего занимаются изучением литературной критики, вторых обычно интересует собственно «журнальное» (в узком смысле): история изданий, цензурное положение, наполнение журнальных книжек. Вместе с тем все чаще в последнее время филологи говорят о необходимости расширения традиционного понимания истории литературы и журналистики, в том числе за счет включения в круг обсуждаемых вопросов иных дискурсов, таких, как поэтика публицистических выступлений писателя в соотношении с собственно прозой писателя, роль

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-34-01210.

журналистики в создании литературной репутации, история публикаций и «выход» писателя в публичную сферу². Луи Монроз указывает, что одной из тенденций научного знания последних десятилетий становится «стремление одновременно утвердить, и проблематизировать связи между литературными и иными дискурсами, диалектические взаимоотношения между текстом и миром»³. Поэтому в предлагаемой статье мы коснемся еще одного любопытного опыта взаимодействия литературы и публицистики, когда жанр романа использовался для решения тактических журнальных задач.

Речь пойдет о двух романах, направленных против «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова: «Герои нашего времени» С. А. Бурачка (1845 г.) и «Асмодей нашего времени» В. И. Аскоченского (1858 г.).

После публикации в 1841 г. полного издания романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (до этого некоторые повести печатались в «Отечественных записках») фигура главного героя привлекла к себе внимание как критиков, так и рядовых читателей. Не случайно В. Г. Белинский именно Печорину посвятил практически весь свой разбор, оставив почти без внимания остальных персонажей. Причем эта популярность объяснялась, по-видимому, не столько тем, что Печорина рассматривали в контексте других литературных героев, сколько в контексте самой жизни. В Печорине видели определенную модель поведения, которой можно было подражать или, напротив, отрицать ее.

Поставив себе задачу показать современного человека, воссоздать его образ мыслей и тип поведения, Лермонтов (конечно, вслед за А. С. Пушкиным, в романе которого «Евгений Онегин» «современный человек изображен довольно верно») предложил читателю героя, с которым легко было отождествить себя. Совершенно права А. И. Журавлева: «Герой [Печорин] был впервые соотнесен с современностью, с бытовым обликом человека *comme il faut*, и, быть может, поэтому современники, которым оказывалось близко умонастроение лермонтовского героя, так охотно соотносили себя и своих знакомых»⁴.

Именно такого влияния «Героя нашего времени» более всего опасался редактор консервативного журнала «Маяк» С. А. Бурачок, отозвавшийся о романе Лермонтова одним из первых. Разбор этого сочинения, названный Бурачком «Разговор в гостиной», начинается так:

«– Вы читали, сударыня, “Героя”, как вам кажется?

– Ах, бесподобная вещь! По-русски ничего еще не было подобного... так все это живо, мило, ново... слог такой легкий, интерес так и заманивает.

– А вам, сударыня?

– Я не видала, как прочла; и так жаль было, что скоро кончилось, – зачем только две, а не двадцать частей.

– А вам сударыня?

---

2 См. об этом: Орлова Е. И. Литература, журналистика и филология: поле взаимодействия // Русская литература и журналистика в движении времени. М.: Ф-т журн. МГУ, 2012. С. 9–19.

3 Монроз Л. А. Изучение Ренессанса: поэтика и политика культуры // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 23.

4 Журавлева А. И. Печорин и печоринство в 1840–1850 годы (жизнь литературного образа в истории) // Она же. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 218.

– Читается... ну прелесть! Из рук не хочется выпустить. Вот если бы все так писали по-русски, мы не стали бы читать ни одного романа французского.

– Ну а вы, Иван Иванович, что скажете?

– А мне кажется, что появление “Героя нашего времени” и такой прием ему всего разительнее доказывает упадок нашей литературы и вкуса читателей.

Все (в голос): Ах! да как это можно?.. Ах, кто этак варварски судит! Ах! Это просто зависть!.. Вот как убивают таланты... Ах! Помилуйте, Иван Иванович!»⁵.

Бурачок точно почувствовал, что читающая публика воспринимает Печорина не только в интеллектуальной, но и в повседневно-житейской сфере. Доказательством этой идеи редактора «Маяка» может служить опубликованное В. И. Кулешовым письмо казанского студента А. И. Артемьева А. А. Краевскому, который негативно оценил рецензию Бурачка: «За что же там (в «Маяке». – Е. С.) не хотят признать “Героя нашего времени” прекрасною творческою книгою? За то, что Лермонтов, можно (да, кажется, и должно) сказать, – единственный представитель нашей литературы – не вставил в свою книгу азбучных сентенций, – не сказал, что порок гнусен, а добродетель похвальна! Да неужели весь век сидеть нам с указкой? Стражи “Маяка” боятся, что мы все, прочитавши книгу Лермонтова, сделаемся такими же героями нашего времени, как Печорин. Да кем же быть, г. Максимы Максимычи? Скорее, мне кажется, надобно идти вслед за веком, нежели отставать от него. <...> Я скорее буду стараться быть похожим на Печорина, нежели стану молиться где-нибудь на улице, за что меня прозовут ханжою»⁶.

Чтобы противодействовать «вредному» влиянию, которое оказывал «Герой нашего времени» на читателей, Бурачок опубликовал в 1845 г. собственный роман с явно полемическим названием – «Герои нашего времени».

Примечательно, что именно такая установка была и у В. И. Аскоченского при создании своего «варианта» «Героя нашего времени». Аскоченский, вошедший в русскую литературу и журналистику с легкой руки С. А. Бурачка и публиковавший свои первые произведения в начале 1840-х годов в «Маяке», в 1846 г. выпустил книгу «Краткое начертание истории русской литературы», в которой дал высокую оценку творчества Лермонтова: «могучесть мысли», «глубокость неподдельного чувства», «многообъемлемость содержания»⁷ особенно выделены в творчестве поэта, разбор сочинений которого завершает последний, послекарамянский период развития русской литературы. Подробно остановился Аскоченский и на романе «Герой нашего времени», который получил положительную (хотя и одностороннюю) оценку критика: «Тут разоблачается вся растленность человеческой природы, эгоистически замкнутой в себе, и указывается болезненное стремление души к мнимо успокоивающим наслаждениям чувственности»⁸.

Получается, что в конкретных оценках творчества Лермонтова Бурачок и Аскоченский расходились. Тем не менее, хотя эти оценки были

5 С. Б. [С. А. Бурачок] Книги литературные // Маяк. 1840. Ч. 4. С. 210.

6 Цит. по: Кулешов В. И. «Отечественные записки» и русская литература 40-х годов XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 44–45.

7 Аскоченский В. И. Краткое начертание истории русской литературы. Киев: В университетской типографии, 1846. С. 143.

8 Там же, с. 144.

противоположными, концептуальные ориентиры и оценочные критерии – совершенно одинаковыми: морализаторская тенденция типична для обоих. Не случайно со временем отношение Лермонтова к своему герою стало представляться Аскоченскому уже недостаточно критичным, поэтому для полного «разоблачения» Печорина в 1858 г. под псевдонимом В. Кочка-Сохран (по имени прадеда-казака) он издал роман «Асмодей нашего времени».

Главный герой романа, персонаж с говорящей фамилией Пустовцев, прямо соотносился в произведении с Печориным и вписывался автором в галерею «лишних людей» русской литературы: «Заподозрят читатели автора в преувеличении набросанного образа; но заподозрят напрасно. Он уже встречался им и в Онегине – Пушкина, и в Печорине – Лермонтова, и в Петре Ивановиче – Гончарова; только там они выглажены, убраны и причесаны, словно на бал. Любуется ими человек, не зря страшного растления являемых ему типов и не нисходя до сокровеннейших изгибов их души» (252)⁹.

В романе содержится и прямая оценка жизни Лермонтова: «<...> если б и Лермонтов-то поменьше знакомился с демонами, так его бы не уколотили. А то все эти поэты да стихотворцы с демонами запанибрата, а Господа Бога знать не знают. Оттого и бьют их, как собак» (207).

Обращает на себя внимание название обоих произведений. Оба автора, Бурачок и продолживший его линию Аскоченский, явно хотели показать «героев времени» такими, какими они их понимали (в прямом, а не в ироничном контексте, как у Лермонтова). Причем в названии романа Бурачка («Герои нашего времени») очевидно стремление автора подчеркнуть «массовидность» таких героев, их «неисключительность». В отличие от Лермонтова, который показал, что Печорин одинок, в произведении он не встречает людей своего уровня, Бурачок выводит сразу несколько персонажей, которые могут претендовать на звание «героя времени».

Иную логику при формулировании заглавия романа избрал Аскоченский, выбравший для определения «героя времени» дефиницию Асмодея – дьявола вожделения, блуда, ненависти и разрушения. В данном случае это не просто обидное прозвище для героя печоринского типа. В фабуле романа реализован библейский сюжет о совращении чистой души Асмодеем.

В центре обоих произведений – история дворянских семей: у Бурачка – Панских, у Аскоченского – Небеды. И у Панских, и у Небеды в семье растет дочь Мария (имена героинь совпадают). Конфликт строится на борьбе за нее двух противоборствующих лагерей: людей печоринского типа и истинных «героев времени».

В отрицательном лагере главное место в обоих романах занимает фигура учителя-совратителя. Так, в романе Бурачка главным отрицательным персонажем, заводилой группы людей печоринского типа является Медведка – журналист, критик и учитель словесности Марии Васильевны (в его чертах явно угадывается В. Г. Белинский)¹⁰. Разумеется, обучение ведется на «пагубных» примерах из произведений Батюшкова, Пушкина и Лермонтова: «Повто-

9 Здесь и далее цитируем текст романа «Асмодей нашего времени» с указанием в скобках после цитаты страницы по изданию: Аскоченский В. И. Асмодей нашего времени // Он же. За Русь святую! – М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 144–352.

10 Подробнее об этом см.: Сартаков Е. В. Второй «Герой нашего времени» // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 4. С. 91–96.

рения и применения этой теории, при каждом чтении примеров, обыкновенно избравшихся из Пушкина, Лермонтова, Батюшкова, повторялись ежедневно, становились яснее, живее, плодотворнее. Мария убедилась или согласилась, что страсти – прелесть, украшение и сущность жизни человека»¹¹. О компании Медведки автор не без сарказма замечает: «На каждом шагу цитировали Пушкина, Лермонтова, Батюшкова, вспоминали Парни, Беранже; шампанское между тем оттушевывало восторги; сердца невольно наполнялись пафосом поэзии чистейшей, головы настроились к помыслам возвышенным, к воззрениям общечеловеческим, мировым» (XXXVII, 75). Постоянные выпады Бурачка против Пушкина и Лермонтова доходят до абсурда. Так, Медведке практически удалось совратить Марию Васильевну, читая с ней «Евгения Онегина»: «Ни одна острота, эпиграмма, двусмысленность, картина [«Евгения Онегина»] не оставались незамеченными. Профессор останавливался, анализировал, изглублял, взвешивал, снова слагал, прочитывал – производил сознательный восторг и восхищение» (XXXVIII, 146). В таком же абсурдном контексте встречается в повести и название лермонтовского романа: один из героев рассказал, как пагубно влияние «Героя нашего времени» на неокрепшие женские умы: «Она влюбилась в приезжего офицера, тот обманул ее и уехал; она стала читать “Героя нашего времени” и сошла с ума» (XXXVIII, 121 – 122).

Аскоченский также дает подробную характеристику учителю, совратившему Марию, Пустовцеву, причем прямо апеллирует при этом к творчеству Лермонтова: «Пустовцев принадлежал именно к тому поколению, которое так верно очертил и так грустно оплакал покойный Лермонтов в своей “Думе”» (248).

Корни мировоззрения Пустовцева автор видел в том воспитании, которое он получил от отца: «Отец Пустовцева, сам воспитанный в правилах XVIII века, ревностный поклонник Дидро, д’Аламберта, Вольтера, Бэля и других энциклопедистов прошлого столетия, <...> перелил в сына то же кощунственное направление, уронив во мнении ребенка достоинство его матери и пустив во всю ширину юной души корень зла и растления» (248). Как следствие – Пустовцев вырос абсолютным безбожником: «<...> от великой тайны мироздания до последних явлений силы Божией, бывающих и в наше скудное время, он все подвергал критическому обзору, требуя одного лишь знания и знания; что же превышало ум его, что не укладывалось в узенькие клеточки человеческой логики, он все отвергал, как пустяки, как сущий вздор» (250).

Именно подобным отношением к религии объяснял Аскоченский взгляд героя на смерть – как на неизбежный физический закон: «Умрешь – похоронят, нарастет лишний слой земли – и кончено! Проповедуют там о каком-то бессмертии; слабые натуры верят этому, нисколько не подозревая, как смешны и глупы претензии куска земли на вечную жизнь в каком-то надзвездном мире» (346).

Как и Бурачок, Аскоченский часто апеллирует к героям Пушкина, Лермонтова, Гоголя при характеристике отрицательных персонажей, а любовь к творчеству этих писателей сама становится средством характеристики. Так, в произведении «страстная поклонница “Героя нашего времени”» (281) – исчерпывающая характеристика пустой светской дамы. Сюда же можно отнести

11 [Без подп.] [Бурачок С. А.] Герои нашего времени // Маяк. 1845. Кн. 38. С. 147. В дальнейшем повесть Бурачка цитируем по этому изданию с указанием в скобках римской цифры – номера книги, арабской – страницы произведения.

такие краткие характеристики, как «господин, чрезвычайно похожий на майора Ковалева до отыскания потерянного им носа» (282), «господин, смахивающий на ноздревского зятя» (284) и др. При этом отрицательные персонажи постоянно цитируют названных авторов (147, 156, 188, 206, 230 и т.д.).

Противоположный лагерь – людей, истинно благородных и достойных, – в романе Бурачка возглавляет Петр Михайлович Вельмин – сын покойной матери Марии Анны Васильевны. Оставшись сиротой, он воспитывался в доме Панских, рос вместе с Машей и, конечно, влюбился в нее. Петенька, как называют его окружающие, искренне любил Анну Васильевну и считал своей второй матерью. После смерти Анны Васильевны все усердие Петра сосредоточено на том, чтобы «вырвать» Машу из общества Медведки. Вместе со священником, отцом Даниилом (духовником покойной Анны Васильевны), он пытается оградить Машу от людей, подобных Медведке.

Его идеалы лежат в области православия и русской народности, которая понималась им не как патриотический подъем в период национальной опасности, но как осознание для России пути, отличного от западного, и неприятие поэтов и писателей, которые, по его мнению, не разделяли этих «русских» идей: «В 12 году французы пришли нас бить, а русские и сами охотники подраться, хоть со своим братом, так из этого я еще не вижу ничего особенно в пользу русской народности, а что тогда же еще не успели прогнать французов из России, как уже русские зафранцузили хуже прежнего; и в 1817 это уже выразилось в Пушкине: в его французских взглядах на вещи, в его французской философии, французском выборе героев, предметов и целей для своих поэтических созданий»¹² (XXXVII, 64).

В романе Аскоченского эту же функцию выполняет Софьин, пожертвовавший честью ради спасения чести Марии и изгнанный за это из губернского общества.

Как Бурачок, так и Аскоченский особое место в лагере положительных персонажей отводят священнику. В романе Бурачка духовник Анны Васильевны вырывает в последний момент Марию из рук Медведки. В произведении Аскоченского священник дает жесткую отповедь Пустовцеву, обвиняя его в смерти Марии: «<...> вы отравили ее временное счастье <...> вы заразили ее такой болезнью, которой не вылечить бы мне никогда, если б не благодать Божия. При ее лишь всесильном действии открылась растленная вами душа страдальцы к святым утешениям веры и надежды на небесные обетования (349–350).

Финалы произведений отличаются друг от друга. Роман Бурачка заканчивается весьма назидательно: порок наказан, добродетель торжествует; люди печоринского типа посрамлены, а истинные «герои времени», напротив, ликуют. Медведка убит одним из своих бывших «учеников», который встал на путь исправления. Перед тем, как застрелить Медведку, герой произносит крылатую фразу: «Собаке – собачья смерть» (XXXIX, 32).

Примечательно, что эти же слова молва приписывает Николаю I – так он отозвался о смерти Лермонтова¹³. Едва ли император произносил эту фразу,

12 1817 год, по-видимому, указан как год окончания Пушкиным Лицея, ведь первая публикация поэта состоялась в 1814 г. в «Вестнике Европы» («К другу стихотворцу», подпись Александр Н.к.ш.п.).

13 См. подробнее: Эйхенбаум Б. М. Николай I о Лермонтове // Б. Эйхенбаум. О

однако Бурачок вполне мог знать о слухах, которые тогда ходили по Петербургу о якобы сказанной монархом резкой фразе. О распространении этих слухов написал в известной литературной мистификации П. П. Вяземский, который ссылался на свидетельство флигель-адъютанта И. Д. Лужина, сообщившего о словах императора в салоне у Карамзиных¹⁴. Бурачок мог использовать в качестве сюжетной ситуации (смерть Медведки от пули на дуэли) биографию автора «Героя нашего времени».

Здесь же, в завершающей части произведения, представлена авторская сентенция, согласно которой главную вину в распространении в обществе людей печоринского типа лежит в том числе на русских писателях: «Оглянемся каждый на свою прошлую повесть: ведь и каждый из нас, право же, препорядочный герой нашего времени! А что такое это наше время? Это наше невежество. Отчего мы все – а таких миллионы – столько страдали, мучились, мучили других, сами гибли и других губили <...> именно и единственно от нашего невежества; а невежество от праздношатающегося состояния нашей литературы и от невежественного начального воспитания в домах» (XXXIX, 10 – 11).

Роман Аскоченского заканчивается по-иному. Мария умерла, не вынеся позора (она была обещана Пустовцевым), а «герой времени» в развязке произведения перешел к открытому иконоборчеству. С ним случился некий род помешательства, он разбил в доме иконы, после чего покончил с собой: «Пустовцев, действительно, стал ужасен. Не имея веры – этой главнейшей опоры нашего бытия, этого покойного возглавия, на котором улегается утомленная думами голова страдальца; не имея надежды – этого якоря, без которого погиб бы корабль нашей жизни; не имея любви, вызывающей земное до небесного, Пустовцев оставлен был самому себе, своей гордости и мнимой непреклонности характера. Страшное одиночество!» (341). Истинная награда, которую получил «герой времени», по Аскоченскому, – это всеобщее презрение и мгновенное забвение: «И устрешенная толпа разошлась с кладбища, и никто не пошел в дом, покинутый страдальцей и заклеянный самоубийством отступника» (352).

С точки зрения формы роман Бурачка так же, как и произведение Аскоченского, бесспорно, слаб. То, что американский исследователь сказал о сочинении Бурачка можно с легкостью отнести и к «Асмодею нашего времени»: «Подобно прагматичному роману Чернышевского “Что делать?”, повесть Бурачка художественно слаба и бездарно написана»¹⁵. Переход авторов от повествования в третьем лице к драматическим формам полилога (когда вдруг появляются ремарки и текст расписан «по ролям»), вновь возврат к авторской речи и обращение к форме дневника – все это соединяется практически механически, без каких-либо пояснений со стороны автора (особенно это заметно в тексте Бурачка). Произведение изобилует метафорами и

прозе: Сб. ст. Л.: Худож. лит., 1969. С. 423–426. Б. М. Эйхенбаум со всей определенностью указал на недостоверность данного источника (воспоминания А. И. Васильчикова).

14 Вяземский П. П. Лермонтов и г-жа Гоммер де Гель // Русский архив. 1887. № 9. С. 142. О циркуляции эти слухов в Петербурге в начале 1840-х гг. см. также: [Без подп.] Николай Павлович о Лермонтове // Русский архив. 1911. № 9. С. 160.

15 Heier E. The Second Hero of Our Time // The Slavic and East European journal. 1967. № 1. P. 41.

сравнениями, которые, однако, в основном штампованные и неоригинальные. Это думается, объясняется тем, что центральной проблемой для Бурачка и Аскоченского было создание «анти-лермонтовского текста» с точки зрения идеологии, форма такого текста его волновала мало.

Таким образом, попытку создания консерваторами Бурачком и Аскоченским своего варианта «Героя нашего времени» все же можно считать проваленной. «Оппозиция застоя» (выражение А. А. Григорьева) не смогла убедительно противопоставить Печорину свой христиански-морализаторский идеал «героя времени». Тем не менее, несмотря на различие в предмете обличения, произведения Бурачка и Аскоченского, написанные на «пограничье» литературы и публицистики, воспринимались как своего рода предтеча «антинигилистических» романов. Не случайно М. А. Антонович, критик некрасовского «Современника», взял название произведения Аскоченского для своей отрицательной рецензии на роман И. С. Тургенева «Отцы и дети»¹⁶.

В целом соединение литературы и публицистики было характерно как для Бурачка, так и для Аскоченского. Ведь схема обоих романов общая: скрытое публицистическое выступление в форме художественного произведения. Еще раз отметим: расширение традиционного исследовательского поля филологии за счет включения в него пограничных литературно-журнальных «форм» представляется нам очень перспективным¹⁷. В целом надо сказать, что изучение художественного и публицистического наследия Бурачка и Аскоченского позволило, с одной стороны, расширить наше представление о тактике литературно-журнальной борьбы середины XIX века, а с другой – уточнить место отдельных публицистов в этой борьбе.

Об авторе

Сартаков Егор Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия.

Egor Sartakov, Candidate of Philological Sciences, senior lecturer of the Department of history of Russian literature and journalism of the faculty of journalism, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: esartak@mail.ru

---

16 Сам Аскоченский также негативно отзывался об «Отцах и детях» (Аскоченский В. Блестки и изгарь // Домашняя беседа. 1862. № 12).

17 Ср. замечание Алена Виала: «Социология литературного поля стремится поместить текст в рамки всей совокупности процессов, обеспечивающих его признание или непризнание литературой. Осмыслить тематические и формальные особенности произведения в связи с суммой опосредований, совершающихся в этой литературной жизни – такова будет задача социальной прагматики литературы» (Виала А. Рождение писателя: социология литературы классического века // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 9).

ЭЛИНСКИЕ МОДЕЛИ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В ЛИРИКЕ ИН. АННЕНСКОГО

В статье прослеживаются текстопорождающие и смыслообразующие функции архетипов классической культуры в лирике Ин.Анненского и дешифруются границы между формами античной Греции и поэзией Серебряного века.

Ключевые слова. Миф, Орфей, Эвридика, Персефона, жертвоприношение, фиал, катабазис, Гермес, трагедия.

A. Asoyan

THE HELLENIC FORM OF SENSE IN THE LYRICS IN.ANNENSKY

The article discusses textbridge and sensemaking functions of the archetypes of classical culture in the lyrics of the Russian poet and decrypted, the boundaries between the forms of ancient Greece and the poetry of the Silver age.

Keywords: Myth, Orpheus, Eurydice, Persephone, the sacrifice, Fial, katabasis, Germes, tragedy.

Недавно один из современных исследователей обратил внимание на слова В. Брюсова: «Если поэзия станет сознательной и мыслящей, то образ слепца Гомера придется заменить образом провидца Орфея»¹. Слова о «сознательной и мыслящей поэзии» относятся к Анненскому, как к никому другому. Но важно и другое. Высказывание Брюсова прозвучало в ту пору, когда художественная интеллигенция Серебряного века была занята, как говорил Андрей Белый, по преимуществу, «символами иного» и когда религиозная философия Вл. Соловьева все еще воспринималась как философия жизненного пути. Его программное стихотворение, опубликованное в 1883 г. под названием «Три подвига» первоначально именовалась «Орфей». Стихи заканчиваются верой в окончательное одоление смерти, или, как сказал бы философ, в «истинный образ будущего»²:

Волны песни всепобедной
Потрясли Аида свод,
И владыка смерти бледной
Эвридику отдает³.

На фоне подобных теургических убеждений «орфическая» тема в лирике такого поэта, как Брюсов, предстает атрибутом келейного, по определению Вяч. Иванова, искусства. Правда, первая реплика героя брюсовского стихотворения «Орфей и Эвридика» (1904) звучит намеком на мифологему «вечного возвращения»:

1 Брюсов В. Собр. соч.: в 7 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 6. С. 171.

2 Соловьев В.С. Собр. соч.: В 10 тт. СПб.: Просвещение, 1911–1914. Т.8. С. 210.

3 Соловьев В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...» Стихотворения. Проза.

Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990. С. 33.

Орфей: Слышу слышу шаг твой нежный,
Шаг твой слышу за собой.
Мы идем тропой мятежной,
К жизни мертвенной стопой⁴.

Обычное течение бытия: от жизни – к смерти. Но Орфей надеется осуществить иное движение: от смерти – к жизни, и эта надежда связана не мифом о «вечном возвращении», а скорее с неоромантическим убеждением поэта, что жало смерти придает жизненному мгновению особое тлетворное очарование. В пору декадентских экспериментов Брюсов и себе, и своей Эвридике, Нине Петровской, внушал склонность к некрофильским соблазнам:

Я бы умер с тихой радостью
В час, когда взойдет луна.
Овевает странной сладостью
Тень таинственного сна⁵.

Вместе с тем мортальные интенции Брюсова приобретали и более глубокую подоплеку. В стихотворении «Орфей» (1903) он восклицал:

Бог песни – бог живых и мертвых,

Эти строки провоцируют обратиться к Анненскому. «Античный миф, – писал он, – все еще не только определяет материал, но и самые формы нашей творческой мысли». В художественном самоопределении Анненского очевидна принадлежность к амбивалентным смыслам, лежащим в основе архетипов античной культуры, где бог жизни, действительно, есть бог смерти, богиня красоты и плодородия, Афродита *Tymbogychos* есть одновременно богиня могил и мертвых. И где песня была одновременно и «музыкой жизни», и «музыкой смерти, и где дельфийский ритуал, посвященный Аполлону, был ритуалом рождения «голоса жизни во мраке тления»⁶.

Вероятно, поэтому, поэзия для Анненского – «дитя смерти и отчаяния»⁷. В статье «Что такое поэзия?» он иронически замечал: «Кажется в «Солнце мертвых» (Камила Моклера. – А.А.) я читал чьи-то прекрасные слова, что последним из поэтов был Орфей (...) Отчего же был? Разве черное весло Орфея красивее в золотистом тумане утра, чем в алых сумерках?»⁸.

Анненский был убежден, что эволюция в поэзии совершается «столь же неизменным образом, как и во всех других областях человеческого духа», что современные лирики хранят преемственность с Орфеем (...) и что в наши дни поэзия – это «отзвук души на ту печаль бытия «которая открывает в его явлениях другую, «созвучную себе мистическую печаль». Вот почему «поэзии приходится говорить «символами психических актов, а между теми и другими может быть установлено лишь весьма приблизительное и чисто условное отношение»⁹.

4 Брюсов В. Указ. Соч. Т.1. М.: Худож лит. С. 385.

5 Там же. с. 121.

6 Акимова Л.И., Кифишин А.Г. Аполлон и сирены (О ритуальной специфике Дельф) // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. Языки русской культуры. М.: Наука, 2000. С. 146. Ср.: «... поэт влюблен в жизнь, и, таким образом, смерть для него лишь одна из форм этой многообразной жизни» // Анненский И. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 129.

7 Анненский Ин. Книги отражений. С. 207.

8 Там же, с. 205.

9 Там же, с. 202.

Таким образом, для Анненского катабазис Орфея – символ психического переживания, который предполагает прикосновение к царству мертвых, потому что смерть – это не только ужас, но одновременно и озарение. Ради него художник нисходит в ад, чтобы смертельной тоской излиться в роковой песне. «Реми де Гурмон, – писал Анненский, – давно уже заметил, что наш интеллект никак не может привыкнуть к обобщению идеи смерти с той, которая, казалось бы, с ней близка, т.е. с идеей небытия (de neant). Здесь поэзия является именно одной из сил, которые властно поддерживают эту разобщенность <... > тем самым ничто из ничто обращается уже в нечто: у него оказывается власть, красота и свой таинственный смысл»¹⁰. В итоге музой поэта становится Незримая, которая, словно по обычаю архаической тавтологи, где наблюдается «дублирование одного и того же образа в нескольких разноморфных метафорах»¹¹ предстает царицей Аида Персефоной. В одном из стихотворений «Тихих песен» Анненский писал о своей музе Персефоне, т.е. Незримой:

Дыханье дав моим устам,
Она на факел свой дохнула,
И целый мир на Здесь и Там
В тот миг безумья разомкнула.
Ушла, и холодом пахнуло
По древожизненным листам¹².

В статье «Что такое поэзия?» Анненский высказал не только свое художественное кредо, но и приподнял завесу над своими сокровенными жизнеощущениями. Завершая статью, он писал: «... хотя Полифем уже давно слеп, но его вкусы не изменились, а у его эфемерных гостей болят зубы от одной мысли о том камне, которым он задвигается на ночь»¹³. Недаром в эпиграфе к «Тихим песням, где фигурирует фиал, который пользовался древними греками для жертвенных возлияний подземным богам, звучат стихи:

Из заветного фиала
Эта песня пролита.
Но увы, не красота,
Только муки идеала¹⁴.

Эпиграф к «Тихим песням», как и эпитет «Тихие», органичен для Анненского, потому что укоренен в древнегреческом воззрении на жертвоприношение как центральный стержень любого мифоритуала¹⁵. Именно поэтому Эвридикой Анненского становится гробовая муза; [«Идея смерти... – писал Анненский, – всегда привлекала к себе поэтов (...) Дело в том, что страх человека перед смертью глубоко эгоистичен, и уже этим одним он интимно близок поэзии»¹⁶. Любопытно сравнить рассуждения Анненского со статьей В.Н. Топорова о хтоническом происхождении греческих муз,

10 Там же, с. 129.

11 Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература РАН, 1976. С. 35.

12 Анненский Ин. Стихотворения и трагедии. М.: Сов. писатель, 1990. С. 57–58.

13 Там же, с. 205–206.

14 Анненский Ин. Стихотворения и трагедии. С. 53.

15 Акимова Л.И. Танец жизни (античность и Пуссен) // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. С. 322.

16 Анненский Ин. Книги отражений. С. 129.

где автор отмечает, что в представлении древних греков поэту присуща «прикосновенность к иррациональному, к тому царству, к смерти»¹⁷. Весьма интересно также указание Е. Доддса на мнение большинства исследователей о связи слова «муза» с горами: «музы первоначально воспринимались как горные нимфы», и «в древности было распространено убеждение, что встреча с нимфами чревата смертельной опасностью»¹⁸. Все это побуждает вспомнить слова известного французского антиковеда. «Привилегия, которую Мнемозина представляет поэту, – писал Ж.-П. Вернан, – заключается в чем-то вроде контракта с потусторонним миром, в возможности свободно входить в него и вновь возвращаться. Прошлое оказывается одним из измерений потустороннего мира»¹⁹. Субститутом же Орфея, героя перехода из одного мира в другой, латентно мерцает двуликий Янус, который в римских «Фастах» Овидия торжественно сообщает:

Мне одному лишь дана
беспредельного мира охрана,
Право дано одному двери вертеть на
петле...²⁰.

Эмпирически явственный привратник Янус, в отличие от спекулятивного, трансцендентального Хроноса, провоцирующего благодаря своей абстрактности иллюзию «вечного возвращения», персонаж антропологического времени. Он постоянно дает почувствовать контрапункт прошлого и настоящего, бытия и небытия, что находит отражение в лирике Анненского в пристрастии, с одной стороны, к языковым формам, контрастным по смыслу, но звучащим вполне одинаково, или почти одинаково, а с другой – в неуловимо призрачном абрисе целого, несмотря на предметность вещного мира... 21xxii. В итоге «герой перехода» Орфей пребывает в художественном мире Анненского хронотопической данностью Януса, а его Эвридика выдает себя за Незримую, мойру и музу поэта.

Эта особенность поэтического мира Анненского предопределяет status quo его лирического героя, который предстает «высоко-юмористическим (в философском смысле)», – как сказал бы сам Анненский, и «логически непримиримым» соединением антиномичных миров». Символом, метафорой этого единства оказывается «тоска маятника»:

Да по стенке ночь и день,
В душной клетке человечьей
Ходит, машет сумасшедший,
Волоча немую тень²².

---

17 Топоров В.Н. «Музы»: соображения об имени и предыстории образа (К оценке фракийского вклада) / Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1989. С. 262.

18 Доддс Е.А. Греки и иррациональное. М., СПб.: Университетская книга, 2000. С. 107.

19 Vernant J.-P. Aspects Mythiques de la memoire en Crece // Journal de Psychologie. 1959. P. 7.

20 Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 85. Также: Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 734.

21 Об этом: Верхейл К. Трагизм в лирике Анненского // Иннокентий Анненский и русская культура XX века. Сб. н. трудов. СПб.: А.О.Арсис, 1996. С. 31–44.

22 Анненский Ин. Стихотворения и трагедии. С. 123.

Эта тоска маятника, поскольку она коннотирует с древним Янусом и коренится в недрах архаического мировосприятия, связана с «тоской припоминания», которая влечет характерное признание поэта:

Все живые так стали далеки,
Все небытное стало так внятно...²³.

Стихи о маятнике, как и вся орфическая лирика Анненского, предстает выражением той драмы, которая, как пронизательно заметил Вл. Ходасевич, сосредоточилась «на ужасе перед бессмысленным кривлянием жизни и бессмысленным смрадом смерти. Это ужас, – добавлял он, – двух зеркал, отражающих пустоту друг друга»²⁴.

Источник тоски Анненского Вяч. Иванов трактовал как религиозное бессилие поэта и в его, так сказать, «предустановленной» дисгармонии²⁵. То, что для автора «Тихих песен» и «Кипарисового ларца» представлялось «логически непримиримым», поскольку замыкалось в границах «психического акта», для религиозного сознания Вяч. Иванова открывалось в своей «единораздельности», не в антиномии, а в органическом переходе одного в другое, в акте «зжидительного умирания, которое мыслилось коррелятом эллинской религии страдающего бога, где зеркало Диониса – образ его становления в инобытии. Психологическая особенность дионисийского культа посредствовала, как отмечал Иванов, между жизнью и смертью»²⁶. Иллюстрируя дионисийский экстаз, зжидительное умирание, Иванов писал:

Бог кивнул мне, смуглоликий,
Змеекудрой головой.
Взор обжег и разум вынул,
Ночью света ослепил,
И с души-рабыни вынул,
Все, чем мир ее купил.
И в обличье безусловном
Обнажая бытие,
Слил с отторгнутым и кровным
Сердце смертное мое²⁷.

Дионис ночной, Дионис Никтелий, о котором идет здесь речь, не мог существовать без своего «Другого», своего восполнителя, «бога восхождения» Аполлона. По словам Иванова, уже древние говорили: «Их двое, но они одно, нераздельны и неслиянны»²⁸. Орфей предстал для символистов своего рода ипостасью двуединства дельфийских братьев Диониса и Аполлона, союз которых означал синтез жизни и смерти – как другой жизни, связанной с первой палингенесией. И это кардинальным образом, на экзистенциальном, религиозном уровне, отличало символистов от предтечи акмеизма Ин. Анненского с его трагическим мироощущением. Он казался и был «оглохшим

23 Там же, с. 107.6

24 Ходасевич Вл. Колеблемый треножник. М.: Сов. писатель, 1991. С. 458.

25 Иванов Вяч. О поэзии Иннокентия Анненского / Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 179.

26 Иванов Вяч. Эллинская трагедия страдающего бога // Эсхил. Трагедии. М.: Наука, 1989. С. 318.

27 Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб.: Академический проект, 1993. С. 447.

28 Иванов Вяч. Орфей // Труды и дни. 1912. № 1. С. 62.

к музыке кифаредом»²⁹, но на свой безрелигиозный манер он оставался вестником, как Орфей, между миром живых и миром мертвых: «душа его была мучительно поделена между противоположными и взаимно враждебными мироутверждениями»³⁰.

Как писал Иванов, «Его (Анненского. – А.А.) щедрое сердце не переставало сострадать, как его гордое сердце любило отречься от любви (...) поэт всегда и во всем, когда он прикасался к струнам своей лиры, Анненский умел, как все истинные поэты противоречить себе»³¹.

Здесь трудно удержаться еще от одного пассажа Иванова, как будто непреднамеренно комментирующего натуру Ин. Анненского: «Трагический (...) человек, – говорил он, – никогда не бывает ни просто счастлив, ни просто несчастен; он живет как бы вне этих категорий, и непрестанно слышит в себе тайный голос, говорящий да жизни и ее приемлющий, – и вместе с тем другой голос, шепчущий нет. Он ощущает в себе эту антиномичную структуру воли – не как разлад противоборствующих стремлений, не как запутанность нецельных желаний, не как надтреснутость и расслабленность характера, но напротив, как свой целостный состав и источник сильных решений, как некую полярность внутреннего человека в себе, то устойчивую, подобно расположению молекул в магните, то выходящую из равновесия, как электричество в грозном разряде»³².

Об авторе

Асоян Арам Айкович, доктор филологических наук, профессор кафедры искусствоведения Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица, Россия.

Aram Ickowicz Asoyan, Doctor of philological sciences, Professor of the Department of Arts, Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, Russia.

E-mail: asojan.aram@yandex.ru

---

29 Иванов Вяч. О поэзии Иннокентия Анненского / Иванов Вяч. Родное и вселенское. С. 177.

30 Там же, с. 179.

31 Там же, с. 172.

32 Иванов Вяч. Два лада русской души / Иванов Вяч. Родное и вселенское. С. 373.

«ФРОНТИР» В КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ С. ЕСЕНИНА

В статье рассматривается использование понятия «фронтир» в филологических исследованиях. Ситуации фронта в творчестве С. Есенина проанализированы на материале ключевых концептов его поэтики: крестьянская цивилизация, «святая Русь», советская Россия, дом (изба), родина, чужбина.

Ключевые слова: фронтир, культурные коды, Есенин, поэтические дискурсы, «святая Русь», советская Россия, Запад

V.A. Domanskiy

«FRONTIER» IN THE CULTURAL PARADIGM S. ESENINA

The article discusses the use of the term «frontier» in philological studies. Situations frontier in the work of S. Esenin analyzed the material of his key creative: peasant culture, “holy Russia”, soviet Russia, the house (hut), homeland, foreign land

Keywords: frontier, cultural codes, Yesenin, poetic discourses, «Holy Russia», soviet Russia, the West

Наряду с понятиями «пограничье», «граница» в культурологических и филологических дискурсах употребляется также понятие «фронтир» (*англ. frontier* — «граница, рубеж»). Первоначально оно использовалось для обозначения границы, рубежа, места встречи цивилизации и дикости и впервые было введено американским историком Фредериком Тёрнером (Frederick Turner) в 1893 г. в его докладе «Значение границы для американской истории», а затем он дал ему развернутое научное обоснование в сборнике статей «Фронтир в американской истории». Под фронтиром, применительно к американской истории, Тёрнер понимал границу между освоенными и неосвоенными землями и определял его как взаимодействие, встречу колонизаторов с местным населением и окружающей средой¹.

В работах Люсьена Февра и Альфреда Рибера данное понятие получило более широкую семантику. Исследователи рассматривали его как рубеж, пограничную зону, где происходит встреча и взаимодействие между различными этно-политическими системами, культурами и их субстратами². Не употребляя понятие «фронтир», в сущности, о нем говорил и М. М. Бахтин, когда развивал свою теорию диалога культур: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах...»³.

Своепонимание жизни на рубеже, пограничье как жизни в условиях диалога Бахтин экстраполирует и на частную жизнь человека, его трансгредивные¹⁴ моменты, полагая, что «ценностный вес жизни действительно переживается лишь тогда, когда мы входим в нее (вживаемся), становимся на ее точку

1 ¹Turner F. The Frontier in American History. — New York, 1920. (Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. А.И. Петренко. — Москва: Весь Мир, 2009).

зрения, переживаем ее в категории я»²⁵.

При кажущейся синонимичности двух понятий — «пограничье» и «фронтир» — между ними все же имеется некоторое отличие. Фронтир — это граница между миром освоенным и неосвоенным, известным и неизвестным, старым и новым, влекущим и отталкивающим, пугающим. Индивидуальная жизнь мыслящего, чувствующего и действующего человека – это постоянное очерчивание и пересечение границ: общественных норм, традиций, культурных миров, отношений и понятий, «собственных внутренних барьеров»²⁶. Границ реальны, воображаемы и даже мистических. Вхождение в другой мир влечет за собой отталкивание, отказ от прежней картины мира, системы ценностей. Но по мере вхождения в новый мир все больше обозначаются его недостатки, и все больше ощущается ностальгия по утраченному.

Жизнь на границах есть условие осуществления диалога культур, диалога в культуре и в сознании мыслящего и ищущего человека. Но прежде всего, это свойство художественного мышления и рефлексии любого крупного поэта или писателя. Движение и изменение границ в его восприятии и воссоздании действительности, истории и культуры показывают, как меняется его мировоззрение, его система ценностей, картина мира. Подтверждением этому являются мысли Л.Н. Толстого, высказанные в письме к тетушке А.А. Толстой 20 октября 1857 г.: «Мне смешно вспомнить, как я думывал и как вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно все только хорошее. Смешно! Нельзя... Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость»³⁶.

Способ выражения и восприятия мира, общества и индивидуального человека, границ, их соединяющих и разделяющих, у каждого писателя выражается посредством ключевых концептов как основных единиц ментальности, в которых содержится понятийное, символическое и образное содержание явлений культуры. С. Есенин, живший на рубеже двух эпох, разломе российской цивилизации, используя эти ключевые концепты, выразил фронтирные явления российского культурного универсума. Его поэтический космос – это бытие на границе двух миров, двух России – Руси уходящей и России новой, советской. Первоначально юный поэт выступал певцом, апологетом России народной, крестьянской с ее вековыми традициями и устоями. Свою идеологическую позицию он очень конкретно выразил в одном из своих самых известных ранних стихотворений:

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –

---

2 Febvre L. Frontier: the World and the Concept // A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre / Ed. by P. Burke. – London, 197; Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. И. Герасимов и др. – Казань, 2004.

3 Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности //Собрание сочинений. – Т 1. – М: Русские словари. Языки славянской культуры, 2003. – С. 282.

Только синь сосет глаза⁴⁷.

Начало творчества поэта совпало с подъемом национального самосознания в годы первой мировой войны, созданием в 1915 г. при поддержке Николая II «Общества возрождения художественной Руси». Своей главной задачей это «Общество» ставило широкое ознакомление жителей России с самобытным древним русским творчеством во всех его проявлениях. Особое значение в культуре этого периода придавалось романтизации крестьянской России, русской деревни с ее традиционным бытом, обычаями, нравами, природой. В творчестве новокрестьянских поэтов русская земледельческая культура стала рассматриваться как поддонная Россия, Россия-Китеж, хранящая в себе подлинные сокровища народной души, народного бытия, нетленной русской красоты.

В революционные годы новокрестьянские поэты верили, что революция призвана установить крестьянский рай на земле. Клюев пытался связать христианство с коммунизмом, рассматривая избу и поле как ключевые концепты всемирной цивилизации. Есенин, ощутив невиданную раскрепощенность и зашкаливающую свободу, в своих «маленьких поэмах», богохульствует, хотя совсем недавно создавал стихи религиозного содержания, такие как «Калики», «Пойду в скуфье смиренным иноком...», «Шёл Господь пытаться людей в любви...», «Не ветры осыпают пуши...» и др.

В своем неистовстве поэт крушит до основания старый мир, предаёт анафеме русские святыни, издевается над родной верой и даже Христом:

Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы!

<...>

Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:
Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны (II, 67).

Разрушая до основания в своем поэтическом мире «святую Русь», Есенин творит свой собственный миф о новой, иной России – Инонии, где будет новая вера, новый Бог, новый Назарет, а главное – наступит счастливая и радостная жизнь:

В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер,
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор (II, 63).

Но уже через год (в 1919 г.) и в письмах поэта, и в его творчестве ощущаются разительные перемены в мироощущении: вместо радужных надежд – скорбные песни, звучание «трагических мелодий зауспокойной литургии»⁵⁸.

В экспрессионистской поэме «Кобыльки корабли», в которой, кажется, поэт душу выворачивает наизнанку, где, «хаос одерживает победу над космосом», апокалиптические мотивы перекликаются с «языческими представлениями о

---

4 ⁴ От лат. *transgrediens*, – *entis*, причастие настоящего времени от глагола *transgredi* – «перешагивать [через]», «переходить, перебираться» и «выходить за пределы, переступить».

5 ⁵ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 259.

конце света как торжестве сил хаоса и мрака»⁶⁹:

Слышите ль? Слышите звонкий стук?
Это грабли зари по пущам.
Веслами отрубленных рук
Вы гребётесь в страну грядущего (II, 77).

Нужно заметить, что тема всемирного апокалипсиса, торжества Антихриста, «Зверя из бездны» в постреволюционные годы становится сквозной темой в русской литературе и культуре (Д. Мережковский, Н. Бердяев, П. Флоренский, Е. Чириков). Но у Есенина она имеет свою особую окраску, как на идейном, так и на образно-архетипическом уровнях. На идейном уровне – революция и последовавшая за ней гражданская война нарушили природные циклы жизни и привели к гибели тысячелетней крестьянской цивилизации, в основе которой единство жизни человека, растений и животных. Есенин переосмысляет традиционные архетипические образы: смиренные тучи превращаются в свору шакалов, «изглодавших» небесную твердь; плодотворящие чрева (в поэме «рваные животы кобыл») олицетворяют смерть и смрад жизни. Обетованным раем, «страной грядущего» становится страна мертвых, куда гребут вместо весел кистями «отрубленных рук».

Интересно сопоставить апокалиптику С. Есенина, ощущение которой всегда возникает на фронтире, разломе двух миров, с апокалиптикой другого поэта серебряного века О. Мандельштама. Если Есенин передает ее посредством национальных кодов и образов, восходящим к земледельческой культуре, то Мандельштам обращается к культурным кодам античности и Европы. Так, в стихотворении «Декабрист» крушение дореволюционной России представлено посредством образов Леты и Лорелеи. Гибнет Россия, подобно неуправляемым кораблям, чьи рулевые, околдованные красотой и пением прекрасной Девы, не справились с управлением. Гибнет, замороженная сладкими песнями о свободе и равенстве:

Все перепуталось, и некому сказать,
Что постепенно холодея,
Все перепуталось и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея⁷⁰.

В стихотворении «На страшной высоте блуждающий огонь...» закат прежней российской цивилизации репрезентируют образы Петрополя, умирающего великого города, над которым, как над погибшими воинами, носится блуждающий огонь — огненные Валькирии:

На страшной высоте блуждающий огонь,
Но разве так звезда мерцает?
Прозрачная звезда, блуждающий огонь,
Твой брат, Петрополь, умирает⁸¹.

---

6 ⁶ Панарина Д.С. Граница и фронтир как фактор развития региона или страны // История и современность. – № 1, март. – 2015. – С. 15.

7 ⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М., 1956. – Т. 58. – С. 23. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/T/TOLSTOY_Lev_Nikolaevich/_Tolstoy_L.N._PSS90_.html – Дата обращения: 15.12.2016. – Загл. с экрана.

8 ⁷ Есенин С.А. Стихотворения // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. – Т. 1. Стихотворения. – М.: Наука; Голос, 1995. С. 50. Далее ссылки даются на это издание

У Есенина в последующие годы отношение к советской власти и советской России становится более сложным. С одной стороны, он пытается вписаться в новую жизнь, заводит приятельские отношения с представителями власти, его даже принимает в Кремле всесильный Л.Д. Троцкий. Так, после одного посещения Кремля Есенин восторженно пишет Айседоре Дункан в письме от 29 августа 1923 г.: «Был у Троцкого. Он отнесся ко мне изумительно. Благодаря его помощи мне дают сейчас большие средства на издательство» (VI, 158).

Многие произведения Есенина послереволюционных лет также свидетельствуют, что он желает посвятить свой поэтический дар новой советской России, о чем декларативно заявляет в своих «Стансах»:

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Быть настоящим,
А не сводным сыном
В великих штатах СССР (II, 135).

Другие же стихотворения, наоборот, свидетельствуют о приверженности поэта «Руси уходящей», «золотой бревенчатой избе». Эта пограничность сознания поэта, стремление одновременно принадлежать «голубой Руси» и России советской обнаруживается в ряде произведениях Есенина («Спит ковыль. Равнина дорогая...», «Несказанное, синее, снежное...», «Письмо деду», «Возвращение на родину», «Русь советская»).

Свои колебания по отношению к революции и советской власти поэт вполне определенно высказывает в своем письме к А.Б. Кусикову от 7 февраля 1923 г.: «Я перестая понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался – и скрывается какой-нибудь ноябрь» (VI, 154).

Вместе с тем, эти фронтирные явления поэтического мира Есенина свидетельствуют о его выстраданном чувстве любви к родной земле, которую он «воспевал всем существом поэта». Поэтому его любовь, как и любовь лирического героя лермонтовского стихотворения «Родина», – чувство сложное и противоречивое, включающее в себя печаль, страдание, порой презрение и отчаяние. С особым трагизмом и сердечной болью это чувство выражено в загадочной поэме Есенина «Страна Негодяев», которая до сих пор еще глубоко не прочитана исследователями. Именно ее фронтирные ситуации позволяли в свое время исследователям интерпретировать поэму как произведение, разоблачающее американские прагматические ценности, которые связаны с обесцениванием духовности¹². Резко поменялась оценка поэмы в начале 1990-х годов. Под «Страной Негодяев» уже понималась советская Россия с ее вождями-авантюристами. Но прошло время, и сейчас очевидно, что в поэме ведется диалог о двух альтернативных путях развития мировой цивилизации, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки. Их можно обозначить как оппозицию «цивилизация – культура».

Концепты России уходящей и России новой в творчестве Есенина 1920–х гг. коррелируют с такими оппозиционными парами, как дом и бездомность,

---

с указанием тома и страницы в круглых скобках.

город и деревня, мир дерева и железа. Первоначально концепт дома в лирике Есенина может быть прочитан в русле традиционных представлений о доме, который вбирает в себя мифопоэтические представления русского народа, его сакральные, символические значения: дом-жилище, дом-семья, дом – «мир свой», дом-Храм, дом-Родина. Сквозным мотивом лирики поэта является мотив расставания и встречи с родным домом. Но при этом расставание с родимым домом для поэта одновременно и прощание с «голубой Русью».

Есенинская тема покинутого и вновь обретенного дома, ухода и возвращения, включает в себя и мотив блудного сына, который особенно пронзительно звучит в лирике и лирическом эпосе этого периода:

Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник гонимый,
Старый хозяин своей избы (I, 288).

Образ дома в лирике Есенина связан с домом-Россией. Но в трагический период послереволюционной реальности рушится традиционный крестьянский дом, его пытаются заменить «общепролетарским домом» (А. Платонов. «Котлован»). Вымирает традиционная русская деревня, утрачивает свои духовные ориентиры крестьянская культура, сгорел от пожара родительский дом. Нет места в новом доме его певцу:

Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли (II, 95).

Творчество Есенина 1920–х гг. все проникнуто мотивом бесприютности, скитальчества, бездомности. Бездомности лирического героя в общероссийском доме, родной стране:

И в голове моей проходят роем думы:
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны (II, 95).

Строительство в революционные и послереволюционные годы нового, советского дома обернулось всеобщим бездомьем и бесприютством. В то время, когда пролетарские поэты воспевали «коммуной вздыбленную Русь», Есенин одним из первых в нашей литературе с болью в сердце пишет о Руси бесприютной, судьбе тысяч и тысяч советских Оливеров Твистов. Нет будущего у страны, у которой дети беспризорные, оставлены на произвол судьбы:

Но есть на этой
Горестной земле,
Что всеми добрыми
И злыми позабыты.
Мальчишки лет семи-восьми
Снуют среди штатов без призора,
Бестелыми корявыми костыми
Они нам знак
Тяжелого укора (II, 101).

Это бытие на границе двух миров Есенина и его лирического героя маркировано также кодами «мир живой» и «мир железный». Одним из первых, кто ввел в литературный обиход эти коды, был Р.В. Иванов-Разумник. В своей статье «Земля и железо», анализируя сборник стихотворений Н.А. Клюева «Мирские думы», он отмечал, что его поэзия включает в себе «мудрость земли», подлинной культуры Востока, противостоящей «железной» цивилизации Запада²¹³. Эта мысль Иванова-Разумника, кажется, в полной мере могла бы относиться и к Есенину. Если обратиться к его поэме «Сорокоуст», то, действительно в столкновении города и деревни, мира живого и железного поэт видит новый всемирный апокалипсис, не случайно поэма начинается аллюзией из «Откровения Иоанна»:

Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам (II, 85).

Ассоциативно «погибельный рог» в поэме восходит к трубам семи ангелов из «Откровения святого Иоанна Богослова (Апокалипсис)», а более конкретно — к трубе *Первого Ангела*, возвещающего гибель растительного мира: «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела» (Откровение Иоанна. Гл. 8, ст. 7).

По мере развития лирического сюжета поэмы действие конкретизируется и переносится в мир земледельческий, природный. Поэт изобретает два ключевых образа – «железного коня» и «красногривого жеребенка», – символизирующих конфликт «мира живого», природного и «мира железного»; города и деревни; электрического, механистического мира и мира одухотворенной тысячелетней крестьянской культуры. Образы поэмы контрастируют со стихотворением Владимира Кириллова «Железный Мессия», в котором «мир железа», железные машины приходят в мир, чтобы занять место Мессии, Спасителя:

Вот он – спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме приводов, в блеске машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали – явится в солнечных ризах,
В ореоле божественных тайн,
А он пришел к нам в дымах сизых
С фабрик, заводов, окраин²¹⁴.

В есенинской поэме мир природный, древесный обречен на гибель перед безжалостным миром железа, бездушной машинной цивилизацией. Тонконового жеребенка, тысячелетиями олицетворяющего красоту и гармонию земледельческого мира, навсегда оставляет в далеком прошлом «железный конь»:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница? (II, 83).

С есенинского «Сорокуста», по существу, начинается одна из основных

тем в литературе XX века, породившая целую библиотеку произведений об экологической катастрофе, которую несет миру технический прогресс (В. Белов, С. Залыгин, Ф. Абрамов, В. Распутин, В. Астафьев, Ч. Айтматов, Н. Рубцов и др.).

Но было бы глубоким заблуждением считать Есенина противником технического прогресса, хотя эту точку зрения мы часто встречаем в литературоведческих работах о его творчестве. Здесь конфликт намного глубже: это конфликт между цивилизацией и культурой. И поэт его выразил, находясь в позиции фронта между ними. Так, в своем очерке «Железный Миргород» Есенин вполне определенно говорит о преимуществах технического прогресса, без которого крестьянская Россия обречена на нищету. Надо заметить, что еще в начале-середине XIX в. об этом писал еще А.С. Хомяков, который в своей книге «О старом и новом» отстаивал необходимости использования достижений европейской цивилизации при сохранении российской национальной самобытности⁹¹⁵. У Есенина конфликт между цивилизацией и культурой приобретает новый формат. Обратимся к тексту есенинского очерка:

«Когда я вошел в корабельный ресторан, который площадью немного побольше нашего Большого театра, ко мне подошел мой спутник и сказал, что меня просят в нашу кабину.

Я шел через громадные залы специальных библиотек, шел через комнаты для отдыха, где играют в карты, прошел через танцевальный зал, и минут через пять чрез огромный коридор спутник подвел меня к нашей кабине. Я осмотрел коридор, где разложили наш большой багаж, приблизительно в 20 чемоданов, осмотрел столовую, свою комнату, две ваннские комнаты и, сев на софу, громко расхохотался. Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше.

Вспомнил про «дым отечества», про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за «Русь» как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищущую Россию» (V, 162).

Но дальнейшее погружение Есенина в западный мир обернулось для него глубоким разочарованием в европейских ценностях, о чем свидетельствуют как материалы очерка «Железный Миргород», так и письма поэта из-за границы. Принимая достижения технического прогресса, которым мир прежде всего обязан Европе и Америке, Есенин отвергает прагматизм и конформизм западного мира, его бездуховность и мещанство, граничащее с идиотизмом. Так, в письме к А.М. Сахарову из Дюссельдорфа от 1 июля 1922 г. он пишет: «Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом?»

Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать – самое высшее музик-холл» (VI, 139).

---

9 ⁸ Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. – Рязань, 2002. – С. 385.

Поэтому в сытой Америке и Европе Есенин все больше говорит о своей любви к нищей России. Надо заметить, что в советском литературоведении в поведении поэта, который мог нарушить покой добропорядочных европейцев своими скандалами и пением «Интернационала», видели протест советского человека против капиталистических нравов. С позиций сегодняшнего дня мы видим, что все намного глубже. Есенин не принимает массовой культуры Запада, возмущается бездуховностью и стандартизацией жизни, о которой он пишет своему адресату А.Б. Мариенгофу из Остенде в письме от 9 июля 1922 г.: «Там, из Москвы, нам казалось, что Европа — это самый обширнейший рынок распространения — наших идей в поэзии, — а теперь отсюда я вижу: Боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны еще и быть не может. Со стороны внешних впечатлений после нашей разрухи здесь все прибрано и выглажено под утюг. На первых порах особенно твоему взору это понравилось бы, а потом, думаю, и ты бы стал хлопать себя по колену и скулить, как собака. Сплошное кладбище. Все эти люди, которые снуют быстрее ящериц, не люди — а могильные черви, дома их гробы, а материк — склеп. — Кто здесь жил, тот давно умер, и помним его только мы, ибо черви помнить не могут» (VI, 141—142).

Итак, на примере творчества С. Есенина можно увидеть, как фронтальные явления определяют его поэтические дискурсы, какую функцию играют культурные коды, которые, коррелируя друг с другом, репрезентируют движение и изменение границ мира поэта – культурных, идеологических, эстетических.

Об авторе

Доманский Валерий Анатольевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации Государственного университета Морского и Речного Флота им. адмирала С. О. Макарова, Россия.
Valerii Anatolievich Domansky, Doctor of Pedagogics, Professor, Intercultural Communications Department, Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (Saint Petersburg, Russia).
E-mail: valerii_domanski@mail.ru

**«ФИЗИОЛОГИЯ» ГОРОДСКИХ ОКРАИН
В РОМАНЕ «ТОМСКИЕ ТРУЩОБЫ» НЕ-КРЕСТОВСКОГО.
ОТЗВУК ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В СИБИРИ**

Роман «Томские трущобы» сибирского писателя В. Курицына позволяет проследить, как развивается традиция, перемещаясь от центра к границе, и как в отдельном явлении культуры соединяются разные культурные коды. В этом романе переплетаются традиции урбанистической литературы, «романа городских тайн», «уголовного романа», социального реализма и натурализма, местной (сибирской, томской) литературы.

Ключевые слова: центр, периферия, культурные коды, роман городских тайн, сибирская литература, Томск.

E.V. Barnashova

«PHYSIOLOGY» OF THE CITY SUBURBS IN THE NOVEL “TOMSK SLUMS” NON-CENTRAL. THE ECHO OF THE FRENCH LITERARY TRADITION IN SIBERIA

The novel “Tomsk slums” (by Siberian writer V. Kuritsyn) allows us to trace how the tradition developed, moving from the center to the periphery and allows to see how in a separate cultural phenomenon connected different cultural codes. In this novel are intertwined traditions of urbanistic literature, “the novel of urban mysteries”, “criminal novel”, social realism and naturalism, local (Siberian, Tomsk) literature.

Key words: center, periphery, cultural codes, a novel of urban mysteries, Siberian literature, Tomsk.

Обращение к произведению сибирской литературы начала XX в. – роману «Томские трущобы» Не-Крестовского – позволяет рассмотреть проблему продвижения культурных традиций от центра к периферии, к границам, в рамках одной культурной ойкумены. По логике, исходящие из центра импульсы должны затихать, ослабевать (как круги на воде), а культурная традиция – упрощаться, редуцироваться, вульгаризироваться. На самом деле процесс сложнее, о чем в свое время писал Ю.М. Лотман. Говоря о разграничивающей функции границы, он отмечал, что эта роль ее не единственная: «Граница имеет и другую функцию в семиосфере: она – область ускоренных семиотических процессов, которые всегда более активно протекают на периферии культурной ойкумены...»¹. Под культурной ойкуменой, к которой относятся явления сибирской литературы, можно понимать как русскую культуру, так и более широко – европейскую, и в том и в другом случае сибирский материал предстает как далеко удаленный, окраинный, пограничный.

Роман «Томские трущобы» сначала публиковался в газете «Сибирские отголоски», затем вышел отдельным изданием в 1906 г. Подзаголовок: «Уголовный роман-хроника». Подписан псевдонимом Не-Крестовский, за которым скрывался сибирский писатель Валентин Владимирович Курицын (1879-1911)². Роман погружает в жизнь бедных окраин сибирского города,

тихих закоулков, где притаились воровские притоны и вершились страшные, преступные дела. Рисуетя «тенево́й» пласт жизни старого Томска.

В этом произведении сплетаются различные генетические коды в культуре, некоторые из которых уводят нас далеко от Сибири. Многие импульсы исходят из столичных центров – Москвы, Петербурга, и даже из Франции, из центра европейской культуры – Парижа. Исходной точкой «Томских трущоб» является именно французский роман «Парижские тайны» Эжена Сю.

В романе Не-Крестовского совместились несколько традиций, которые постепенно, пройдя более или менее долгий путь развития, кристаллизовались в европейской и русской художественной культуре. Каждая из традиций подразумевала разные творческие задачи автора – развлечь читателя, поразить, испугать, изучить, просветить – и, соответственно, разный художественный инструментарий. Это, прежде всего, линия урбанистической литературы – произведения, местом действия в которых и даже главным героем оказывается большой город. Роман Курицына вписывается в хорошо известный и весьма обширный «городской текст» русской (и европейской) литературы. Тема города актуализировалась в культуре нового и новейшего времени, отражая объективные процессы урбанизации, особенно активно стала разрабатываться в реалистической литературе XIX века, представляя широкий спектр вариаций в творчестве разных авторов от Бальзака и Диккенса до Гоголя и Достоевского. Преимущественно в центре внимания были столицы Париж, Лондон, Петербург, Москва. Объединяющим моментом в художественном осмыслении городского топоса было восприятие города как концентрации всех – экономико-политических, социо-культурных, духовно-нравственных – тенденций современной жизни. Конечно, это художественное открытие города, его богатого смыслового потенциала осуществлялось в реалистической литературе XIX-начала XX вв. (в том числе, и автором «Томских трущоб») задолго до разработки семиотической концепции городского топоса, прочитывающей город как символическую систему, как текст (Н.П. Анциферов, Р. Барт, Ю.М. Лотман). Но уже в XIX в. сложился образ города как самодостаточного единства, причем, это единство понималось не только (и не столько) как концентрация культурных традиций и смыслов, сколько как неразрывность всех элементов целостного организма.

Увлечение проблемой существования и развития организмов, связанное со значительными открытиями в области естественных наук (Ж-Б. Ламарк, Ж. Сент-Илер, Ж. Кювье, Ч. Дарвин, Г. Мендель) порождает тенденцию, которая позднее, в начале XX в., будет определена в теоретической биологии Дж. Холдейном как «органицизм». По отношению же к веку XIX можно говорить, скорее, об органицистических учениях. Эта тенденция проступает в разработке антропологических, социальных, а потом и психологических проблем. Общество – тоже организм, и в его существовании проступают те же биологические законы (органическая социология Г. Спенсера, социал-дарвинизм). Приникает органицизм и в сферы эстетики и искусства, особенно ярко заявив о себе в натурализме (Э. Золя).

Предшествующая реализму литература позднего романтизма весьма своеобразно обращается к теме города, начиная процесс кристаллизации городского текста. Это еще одна традиция, которая сыграла ведущую роль

в появлении произведения Не-Крестовского – традиция «романа городских тайн и трущоб». Процессы демократизации в культуре XIX в. привели к распространению массовой прессы и к появлению в конце 30-х годов жанра фельетонного романа. Дитя массовой культуры, публикуемый в «фельетонах» (листочках, чаще в нижних частях страниц журналов и газет), этот роман был обращен к широкой публике и служил, прежде всего, занимательности. Но в некоторых случаях мог по-своему отражать магистральные процессы большой литературы, идущей к реализму. Назревшая потребность в обновлении устаревших схем романтического авантюрно-приключенческого романа приводит авторов к поиску нового материала и новых коллизий. Богатые возможности в этом плане предоставляла ставшая актуальной социальная проблематика, жизнь социальных низов – «отверженных», «униженных и оскорбленных». Умение выстроить романтическую интригу на актуальном материале и пройти по самому острию проблем современности в занимательном жанре принесло небывалую славу Эжену Сю – автору самого известного фельетонного романа «Парижские тайны» (1842-1843). Как истинный романтик Сю осуществляет поиск мира необычного, таинственного, но теперь уже не в далеких экзотических странах или морских приключениях, с чего когда-то начинал, а в знакомом современном городе, на его пока неизведанных литературой окраинах, в нищих кварталах, трущобах. Таким образом, этот жанр внес свою лепту в приближение реализма, расширение предмета литературы, освоение ею нового материала и усвоение его массовым сознанием читателя. Представив одну из версий работы с этим материалом, «Парижские тайны» начинают особую линию в литературе. Под влиянием романа Сю почти сразу, в 1843 г., появляются «Лондонские тайны» сэра Фрэнсиса Тrolлопа (псевдоним Поля Феваля). Затем в других европейских странах прокатывается волна романов «городских тайн и трущоб» – брюссельских, берлинских и других. Достигает она и России.

Авантюрная, приключенческая сторона романа Сю опирается не только на фантазию, но и на личные наблюдения писателя, который, подобно своему герою, бродил, переодевшись в рабочую блузу, по нищим кварталам Парижа, а также на мемуары бывшего преступника, перешедшего на сторону закона, основателю сыскальной службы во Франции, Эжена Франсуа Видока. Их влияние отразилось в «Парижских тайнах» Сю, впрочем, не очень понравившихся самому Видоку, по своему опыту досконально знавшему парижское «дно», жизнь преступного мира и написавшему, как известно, в противовес роману Сю, «Подлинные тайны Парижа».

Этот содержательный план романа Сю – приключенческий, связанный с преступным пластом жизни городских окраин, войдет в традицию романа городских тайн и трущоб, станет его обязательным атрибутом. В том числе, и в «Томских трущобах». Этот план контрапунктом сосуществует в этом жанре с другим, более актуальным, который явственно обозначился в «Парижских тайнах» – обращение писателя к острым социальным проблемам, вопросам социальной справедливости. Углубление социалистических настроений у Э Сю отражают следующие его произведения – «Вечный жид», «Мартин-найденый», «Семь смертных грехов». «Тайны народа»¹. В ряду позднеромантической

---

1 Даты смерти В. Курицына разнятся в разных источниках. В «Сибирской советской

литературы, обратившейся к урбанистической теме, можно вспомнить и Ж. Жанена («Мертвый осел и гильотинированная женщина», «Исповедь»), и В. Гюго («Отверженные»), внесших свой вклад в формировании «городского текста».

Реалистическая литература, разрабатывая тему, тоже будет обращаться к жизни обитателей бедных кварталов, чердаков и подвалов, но предложит более емкий художественный синтез, более глубокое и сложное погружение в мир социальных взаимосвязей². Родившаяся в позднем романтизме линия «городских тайн и трущоб», для которой важна острая занимательность, будет развиваться параллельно.

Адаптацию жанра к русскому материалу осуществляли писатели Евгений Ковалевский в его приключенческом романе «Петербург днем и ночью» (1848) и несколько позднее Всеволод Крестовский в «Петербургских трущобах» (публиковался в 1864-1866 гг. в «Отечественных записках», отдельным изданием вышел в 1867 г.). Постепенно жанр распространился и в российской провинции. Выбирая псевдоним Не-Крестовский, автор «Томских трущоб» открыто маркирует свою принадлежность к определенной линии в культуре, к традиции «романа городских тайн», продолжателем которой он себя представляет. Роман сибирского писателя демонстрирует устойчивость и в то же время гибкость данной жанровой модификации. Она проходит долгий путь от «Парижских тайн» к «Томским трущобам», опосредованно – через пространство и время. Из Европы (Франции) – в Россию, из столицы (Петербурга) – в провинцию. От романтической эпохи (приключения, тяга к необыкновенному, щекочущему нервы) – через социальный реализм и натурализм – через возрастающий интерес к истории, обычаям и специфике отдельных местностей – к описанию жизни Томска и его трущоб. Здесь можно увидеть все узнаваемые атрибуты жанра – напряженный сюжет, простой, демократичный стиль хроники, обязательное колоритное описание маргинальных типов – воров, убийц, беглых каторжников, которым противостоят честные представители закона и справедливости. Есть здесь глухие, плохо освещенные переулки, обязательно мрачный трактир на окраине («Белая харчевня и чайная») и дальняя комната в нем, где обговариваются страшные «дела», лукавый хозяин (Никитка Рыжий), хорошо знающий свою «особую» публику, торжество эгоизма, жестокости, подлости и разврата, в паутину которых попадает невинная девушка, подробное описание преступлений – грабежей, обмана, убийств.

Безусловно, просматривается в произведении В. Курицына традиция жанра, прямо обозначенного в подзаголовке – «уголовного романа». Причем, в меньшей степени это линия классической англоязычной детективной литературы (Э. По, А. Конан Дойль), в которой акцент ставится на интеллектуальной игре

энциклопедии» (Т. 2 /Под общей редакцией М.К. Азадовского. М.: Зап.-Сиб. отделение ОГИЗ, 1931. С. 1131) указывается 1908 г., но в 2016 г. на сайте Томской областной библиотеки им. А.С. Пушкина появилась статья: Зильберман Ю. Я. Памяти поэта и писателя В. В. Курицына (Не-Крестовского), где говорится о 105 годовщине со дня смерти писателя и, соответственно, это 1911 год. (<http://elib.tomsk.ru/page/13004>)

2 Более подробно о разных формах и уровнях мимесиса в литературе XIX века см.: Barnashova Elena. Multivariance of Mimesis in the Literature of the XIX Century// Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 6 (2014 7). – P. 992-1003.

расследовании преступления как разворачивании клубка неизвестных не только сыщику, но и читателям обстоятельств, за которым последние напряженно следят. В «Томских трущобах» повествование представляет события из самых недр преступной среды, когда преступления затеваются и совершаются на глазах у читателя. Такое обнажение их механизмов и погружение в воровскую среду восходит, в большей мере, к французской линии, начинающейся с мемуаров все того же преступника-сыщика Эжена Франсуа Видока.

«Томские трущобы» можно ассоциировать также с традицией «местной» художественной литературы. Развитие так называемого «местного романа» отражает усиливающийся в XIX-XX вв. рост самосознания провинции, отдельных городов «в глубинке». И вот здесь начинается дополнение и обогащение традиции, докатившейся из центра. В романе Не-Крестовского-Курицына очевиден краеведческий интерес – социально-этнографический, языковедческий. Автор изображает местные обычаи, занятия, одежду, оружие, погружает в знакомое томичам пространство, упоминая географические названия улиц, площадей, заведений города (гостиница «Европейская», Почтамт, Каменный мост, Ушайка и т.д.). Интересно, что в стремлении воспроизвести местный колорит, автор не боится представить Томск именно с точки зрения его негативных проявлений – как котел страшных преступлений и злодеяний, как средоточие преступной среды. За этим стоит историческая реальность, о которой говорит и современный писатель Владимир Костин в новом «томском» романе «Колокол и болото» (2012), раскрывая пронзительную обреченность, судьбу сибирского города, в течение многих веков вынужденного быть средоточием антисоциальных элементов, маргиналов – беглых каторжников, уголовников, ссыльных. В «Томских трущобах» эта отличительная черта Томска акцентируется, обыгрывается и даже призвана возбудить особый интерес к скромному, далекому от столиц городу, в котором есть такие заманчивые тайны и такие головокружительные по размаху и жестокости преступления. В этой лихости – вызов столицам, известным городам, что-то вроде соперничества.

Исследовательский интерес явно обозначен в романе. Так, автор старается подробно представить диалектные слова, воровской жаргон, нередко поясняя их значение, с натуралистической научной доскональностью воспроизводит фрагменты речи. В части первой «По притонам и вертепам» предлагается беседа в трактире с пояснениями:

... «**Ветошными**» на жаргоне воровского мира называются вообще все люди, не причастные к нему, себя же (...) называют «**блатными**».

- А я уж думал «**зацинтовался**» ты (попался полиции).

- ... Что у вас в Томске нового? Как наша «**хевра**» (товарищеская городская воровская организация) поживает? (...)

На «**шниф**» ходили, что-ли (кража со взломом)?

- Какое! «**Мокрый гранд**» (убийство)³.

С очевидностью просматривается в романе опыт натурализма, пришедшего, опять-таки, из Франции и все больше проникающего в литературы других стран на рубеже XIX-XX вв., в том числе, в русскую (П. Боборыкин, М. Арцыбашев). Это отразившийся в «Томских трущобах» особый интерес

---

3 Гонкур Э. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы. Пер. с франц. В 2 томах. Т.1. – М.: Художественная литература, 1964. –С. 614.

к жизни социальных низов, смакование «грязных», неприглядных сторон действительности (откровенная натуралистичность в подробном изображении воровской среды, убийств и грабежей, описании притонов, глухих заимок, трактиров, тюрьмы и т.д.), исследовательский подход к социальному организму, отдельным его элементам. Опираясь на позитивистскую концепцию общества, натурализм вторгается в этот организм со скальпелем, препарируя его отдельные составляющие. «Мы одновременно физиологи и поэты», – читаем в «Дневнике» Гонкуров⁴. Расчленение общества на разные социальные группы и их изучение, по аналогии с исследованием видов животных, началось еще в физиологических очерках 1830-40-х годов⁵. Своеобразную «физиологию» Парижа представляет в своих романах Э. Золя. Он выделяет из единого городского организма его отдельные части – биржу, центральный рынок, крупный магазин и т.д. и исследует их с научной тщательностью. Конечно, мощный художественный талант Золя позволяет ему создать очень емкие, отнюдь не поверхностно натуралистические образы (подчас вырастающие в символы). Более скромным проявлением натурализма была нравоописательная (и бытописательная) традиция, которая отчетливо проступила в творчестве П. Боборыкина («Китай-город»). Влияние этой традиции, когда подробно, по главам, описывались какие-то районы или наиболее репрезентативные объекты города, сохранился и в советские времена, например, «московский текст» в творчестве В. Гиляровского («Москва и москвичи», 1926), А. Вьюркова («Рассказы о старой Москве», 1948). Роман Не-Крестовского-Курицына ближе к этой, бытописательной традиции.

В целом он сыграл свою роль в формировании местного, томского мифа. Автор данных строк, опираясь на личные воспоминания, может подтвердить, что многие поколения томских детей пересказывали друг другу на ночь страшные истории о каких-то таинственных томских трущобах, об ужасных подвалах, катакомбах, попав в которые человек мог сгинуть навсегда. О книге слышали, но ее мало кто читал, и она постепенно переродилась в фольклорное сказание. Когда в 1990 г. книга была переиздана, и у широкого круга томичей появилась возможность ее прочитать, все оказалось более реалистичным, нежели рисовала народная фантазия.

Таким образом, в сибирском романе Не-Крестовского-Курицына запечатлелись разные традиции, сплелись воедино различные линии в литературе – жанровые, тематические, стилистические. Это хорошо иллюстрирует тезис Ю. М. Лотмана о том, что приближение к удаленной от центра (ядра) границе семиосферы провоцирует «порождения смысла, возникновение новой информации»⁶. Что же нового привносится, чем обогащается традиция? Наряду с местным колоритом, это и особое пограничное состояние людей, живущих на границе цивилизации, что придает ощущение остроты, хрупкости и опасности бытия. Здесь граница – и концы, и начала, встреча города с мощной природой, тайгой, огромными сибирскими просторами, уходящими уже и в дальние страны, к другим народам, это ощущение близости стихийного, дикого начала, которое присутствует и

4 См.: Голубицкий Ю.А. Социология и литературный процесс: физиологический очерк (1830-1840 гг.) как предтеча русской социологии. – М.: Вече, 2010; Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе: (русский физиологический очерк). – М.: Наука, 1965. 317 с.;

в человеке, выживающем в жестоких условиях, и которое может легко вторгнуться в хрупкий мир цивилизации.

Материал далекой от центра сибирской литературы позволяет представить сложный путь продвижения семиотических кодов и возможности осуществления, трансформации и обогащения традиции на далеком пограничье.

Об авторе

Барнашова Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный университет, Россия.

Elena Vyacheslavovna Barnashova, Candidate of philological sciences, The associate Professor, National Research Tomsk State University, Russia.

E-mail: bevo203@gmail.com

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ПЬЕСЕ И.А. БРОДСКОГО «ДЕМОКРАТИЯ»

В статье рассматривается универсальный характер картины мира, созданной Иосифом Бродским в эпической драме-утопии «Демократия», в которой автор пьесы анализирует «демократию», пришедшую на смену социализму; демократию, насаждаемую командно-административным путём.

В статье акцентируется внимание на географическом пограничье в пьесе, которое трансформируется в политическое, корреспондируя с гастрономическим и культурологическим пограничьем.

Ключевые слова: демократия, пограничье, знаки социо, социализм, география, политика, гастрономия.

Natalia Kononova

THE GEOGRAPHICAL FRONTIER IN THE PLAY I.A. BRODSKY'S «DEMOCRACY»

The article deals with the universal character of the picture of the world created by Joseph Brodsky in the epic drama-utopia “Democracy,” in which the author analyzes the play “democracy” that came to replace socialism; Democracy enforcers command-administrative way. The article focuses on the geographical frontier in the play, which is transformed into a political, korresponded with gastronomic and cultural borderland.

Key words: democracy, borderland, socio signs, socialism, geography, politics, gastronomy.

Лауреат Нобелевской премии, крупнейший поэт-лирик XX века И.А. Бродский в 1986 году (30 лет тому назад) написал пародийно-сатирическую пьесу «Демократия», в которой авторская позиция выразилась не в собственно лирической стихотворной форме, а в драматической.

По наблюдению Я. Гордина, Бродский, неоднократно заявлявший о своей отстранённости от «житейского волненья» в его политической ипостаси, объяснявший написание стихов об афганской войне случайным и достаточно абстрагированным от исторического момента обстоятельством, находясь за океаном, с напряжённым вниманием следил за всем, что «совершалось дома»¹. Предметом наблюдений поэта становятся события в России «периода ломки советской системы и борьбы Бориса Ельцина с «красно-коричневыми». В период написания пьесы ещё существовал СССР, «судьба демократии в России и восточно-европейских странах соцлагеря была неясна»².

Пьесу «Демократия» поставил на Центральном телевидении Адольф Шапиро, создавший в Риге восьмидесятых годов театр, по содержанию - политический, антитоталитарный, по эстетической природе – эпический; и эта пьеса транслировалась по всему Союзу. По компетентному мнению В.Е. Головчинер, Адольф Шапиро был «как никто» «готов к воплощению замысла поэта, написавшего эпическую драму, утопию-предупреждение в её публицистической разновидности»³, в которой рассказал о распадающейся

советской империи, о попытке приспособиться к условиям неведомой «демократии», насаждаемой командно-административным путём, что, безусловно, вызывало у него тревогу и беспокойство о нашем будущем и перспективах.

Бродского волновало, какая же демократия восторжествует: подлинная «демократия волн» или её жалкая профанация. Утопия – предупреждение, по определению жанра пьесы Я. Гординым, «саркастически воспроизводит второй путь».

В пьесенетсудебгероев, их биографий, нет персонажей первого и второго плана, организующих действие. Всё её пространство занимает групповой портрет первых лиц небольшого социалистического государства в «шести часах езды от Чехословакии или Венгрии» (4)². В этой «сценической фантазии» Бродского, по определению жанра В.Е. Головчинер, всего пять действующих лиц: Базиль Модестович – глава государства; Петрович – министр внутренних дел и юстиции; Густав Адольфович – министр финансов; Цецилия – министр культуры; Матильда – секретарша.

Автор делает всё, чтобы было трудно идентифицировать место действия. За окнами правительственных зданий – шпили лютеранских кирх (как будто бы не Россия). Тем не менее речь идёт о стране, которая в ремарке названа «небольшим государством», но «в которой до западной границы «тыща км болотом», а до восточной «три года скачи – не доскачешь» (16). Упоминается в пьесе и Центральная, и Восточная Европа; и положение «небольшого государства» между двумя великими державами, «что упрощает выбор»: «демократия или тирания». <...> Всё «зависит от географии. Европейская, например, история мало вариантов оставляет. Чем больше страна, тем их <...> меньше. У большой страны их вообще только два. Либо могущественной быть и всех в бараний рог скручивать. Либо – наоборот. Хоть Дойчланд, взять, хоть Русланд. То они великие, то они раздробленные» (17). Не случайно министра внутренних дел зовут Петровичем, а министра финансов – Густавом (явна аллюзия на немецкое происхождение).

Пространство пьесы буквально пестрит маркерами социалистического государства: «кабинет Главы небольшого социалистического государства», «на стенах – портреты основоположников», «интерьер: апофеоз скуки, оживляемый только чучелом – в полный рост – медведя» (очевидно, символа косности и консервативности), «в чью сторону персонажи кивают или поглядывают всякий раз, когда употребляется местоимение «они»; «оленьи рога» (3).

Эксплицитно конгломерат лексем, фраз, суждений ассоциируется с событиями в России: «всё-таки не 17-ый год», ««Лебединое озеро» всегда вечером дают», «народ, масса в форму толпы отливается. Или – очереди», «народ у нас смирный. Он верёвкой обойдётся». «На американские наручники валюты жалко» (6). И далее: «красный флаг напоминаешь, не говоря – занавес» (6); «совет министров», «политбюро», «за полчаса с такой толпой и Сталин бы не управился», «диктатура пролетариата», «Маркс сказал» (9); «государственный переворот», «дворцовый мятеж», «путч» (27). Или: «Петрович, сигару хочешь: Фидель прислал» (14), «и Берия так считал» (4). Также в пьесе цитируется текст Интернационала Эжена Потье, переведённый Аркадием Коцем, с 1918 года являвшемся Гимном Советского государства: «Кто был ничем, тот станет всем» (6).

Географическое пространство пьесы – это условное пространство, в котором моделируется вся пошлость неограниченной демократии, неожиданно пришедшей на смену социализму. Министр же внутренних дел остался прежним.

Вокруг министра финансов Густава постепенно смыкается кольцо. Актуализируется короткая схватка Петровича с Густавом, коррелирующая с реминисценцией из оперы Шарля Гуно «Фауст»: «Люди гибнут за металл» (19). В пьесе Иосифа Бродского узнаваемые реалии: «Всё-таки при социализме до рукоприкладства не доходило на заседаниях кабинета. Дензнаки были другие. И вообще – ценности» (19).

Универсальный характер в картине мира имеют такие пространственные, географические оппозиции, как Запад – Восток. Географическое пограничье трансформируется в политическое: «Куда они, туда и мы!»; «Всё-таки общая граница, не говоря – идеалы»; «До 45 мы беконом всю Англию кормили (бекон теперь в Англии своего навалом)»; «копчёным угрем всю Европу снабжали, даже Италию»; «перебои у них на Западе с православием»; «бекон и сыр тминный на Восток отправлять будем. Даже в Сибирь»; «тому, кто больше даст. Но лучше во Францию: по старой памяти»; «рассмотрим вопросы об иностранных капиталовложениях и концессиях»; «протянем руку нашим братьям из-за рубежа»; «отменим цензуру»; «разрешим церковь»; «профсоюзы и свободные выборы, без них концессий не видать!»; И – «вывод союзных войск. Демократия вводится – танки выводятся» (6-7).

«Первые лица» во всём ориентируются на волю центра, на вышестоящие фигуры и структуры; недоумевают, что означает телефонный звонок из Москвы, известивший об объявлении демократии: «Секретарша Матильда:

Базиль Модестович! Москва вызывает.

Базиль Модестович: Кто?

Матильда: Не знаю, Базиль Модестович. Какой-то с акцентом, по-моему грузинским.

Базиль Модестович: Иосиф Виссарионович... Тьфу, не может быть» (4).

«Петрович идёт к столу, берёт трубку.

Алё. Ян Петерс говорит. Иван Петрович по-вашему. Министр юстиции. Ага, внутренних дел по-вашему. <...>

Петрович передаёт трубку Базиль Модестовичу:

Майн гот! Когда? А посол знает. Нет, не наш, а ваш. Да нет, чтоб он танки не вызвал по старой памяти» (5). И далее обращается к министрам: «Господа министры. Я должен сообщить вам приятное известие (аллюзия на гоголевского «Ревизора»): у нас учреждена демократия!» «Всеобщее остоленение» (5). Никому из персонажей пьесы не понятно, какая демократия: «социалистическая», «народная», «буржуазная», «нового типа», «всё заграничное» (5).

Автору «Демократии» не чуждо постмодернистское цитатное мышление. Несомненная ценность для него и в этой пьесе – это культура, мировое искусство, игра с текстом, с культурными знаками и кодами.

Привыкшие к спокойной, размеренной жизни; любившие обедать со вкусом, уточняя, из каких мест социалистического содружества прибыли яства: икра, рябчики, бананы, арбузы и т.д., эти «первые лица» после известия

об объявлении демократии оказались в полной растерянности.

«Товарищ генсек» в одночасье становится господином президентом».

В лучших традициях пьесы В.В. Маяковского «Клоп», строятся монологи персонажей, пытающихся сориентироваться в происходящем: «И не называй меня больше Генсеком. Поняла: – Да, товарищ президент. – И лучше без товарища. Вроде как товарищ прокурора! Давай лучше господином. Понятно! – Понятно, господин Генсек. То есть товарищ Президент, то есть товарищ Генсек, то есть господин Президент. – Вот так-то!» (6).

Герои пьесы боятся абсолютно всего: гнева САМОГО в случае неверно принятого решения; что их могут отозвать на Восток («в Улан-Батор или Карагандувлучшемслучае»)(10). Испытывают страх перед непредсказуемостью поведения своего народа, боятся журналистов и их острых вопросов, ибо не знают на них ответов; боятся мнения мировой общественности и, в особенности, собственного «генсека». Боятся проголосовать не за то и не так. Долго спорят, кто должен поднять руку за демократию, кто против. Это и является предметом их долгого и вялого препирательства:

«У нас один выход – голосовать единогласно. Мы же – мозг государства». <...> «Какая же это демократия, сам говоришь, без оппозиции. Я буду оппозиция... То есть, во главе оппозиции должен стоять человек, которому доверяешь, как самому себе. Чтобы её контролировать. ... Я – меньшинство. Это и есть демократия. Когда меньшинство уступает. <...> «Единогласие – мать диктатуры» (9-11).

На смену режима они смотрят с позиции перераспределения материальных благ. Переход от диктатуры к демократии первыми лицами – руководителями страны – воспринимаются с точки зрения физиологических, утробных проблем. Их волнует вопрос, сохранят ли они свои зарплаты, будут ли они и дальше вкусно обедать:

«Матильда: ой, правда, что у нас демократия будет?

– Там будет видно. Зарплата, во всяком случае, у тебя не изменится. Рабочие часы и телефон – тоже». <...> «Из Варшавского пакта и их СЭВа мы выходить не собираемся» (11).

В пьесе «мелькают» страны и континенты: «Эфиопия», «Арабские страны» (там курят), «Бангладеш», «Китай», «Индия», «Средняя Азия», «Северная Африка», «Бельгия» и другие (24, 29). Первые лица государства в ожидании прибытия высоких гостей из-за рубежа: «Мало ли кто приедет, прилетит. Королева английская, канцлер немецкий, президент египетский, Аятолла иранский, папа Римский, Микадо. Они же всегда с историческим визитом прибывают. Даже из Бельгии. Пока аэропорт работает, история не кончается» (16). <...> «Всё-таки мы между двумя великими державами, что упрощает выбор». <...> «Да, сфера влияния. Просто раздел» (17).

«Первые лица» уверены, что меню их не изменится. «И меню у союзников должно быть общее» (11). Ярко представлено в пьесе гастрономическое пограничье, «яствы – вкусоности» из разных стран и континентов, от которых так и не отказались первые лица государства; а также товарно-промышленное пограничье; корреспондирующее с коллажем из различных сфер жизни: «рябчик», «икра астраханская или Гурьевская», «пельмени сибирские», «утка пекинская», «креветки сечуанские», «поросёнок хунаньский», «опять

китайское! Вкусно ужасно. Главное – разное. Первое. Второе. Третье. Гастрономический вариант демократии, ни дать, ни взять. То-то с политическим не торопятся». «Жалко такой рынок терять». И далее: «спички шведские», «духи французские», «сыр голландский», «табак турецкий», «Болгарский Джебел», «овчарка немецкая», «право римское», «конвой вологодский», «наручники американские» (3, 17, 18).

В ряды еды постоянно вовлекаются чуждые, казалось бы, этому ряду явления идеологической практики.

В утопии-предупреждении Бродским актуализируются «знаки социо» победившей демократии: «Страну в долг загнать – куда более надёжная форма оккупации, чем войска вводить» (24); «Да хоть и в долгу! Всё лучше, чем, когда жрать нечего. Я имею в виду: населению» (8); «почти общий рынок» (16); «олигархия, теократия, партократия, бюрократия, анархия, оккупация, утопия» (17).

Актуализируется также роль рекламы новых технологий, компьютера: «Вся прелесть компьютера, Густав, в том и состоит, что он не личность, а машина. Его к стенке не поставишь, на фонарь не вздёришь. Даже в морду плюнуть нельзя. Он если и зло, то неодушевлённое. Как, впрочем, и в том случае, если он – добро. А неодушевлённое зло, Густав, терпеть проще. Нам ли этого не знать. – Вы хотите сказать, что он ещё 70-74 года протянет: как минимум. То есть, как бы новая номенклатура» <...> «Свергнуть можно только индивидуума. В худшем случае, правящую, как говорится, клику. Царя, тирана, политбюро, хунту» (27).

Эксплицитно в пьесе представлены реалии постперестроечного времени: «увеличим призыв в армию. Национальная гордость удовлетворяется, плюс лишних ртов меньше наполовину. Не говоря голов на демонстрацию». <...> Вопрос: «А нацменьшинства – как? – Ты кого имеешь в виду: – Известно кого!». <...> «Они (капиталисты) вкладывают, Петрович, потому что у нас рабсила надёжная. Забастовок, например, как у них, нет. Для них в нас вкладывать, как на вдове жениться. Надёжное дело. У банка, который в соцстрану вкладывает, репутация солидней. Уважают больше, <...> доверяют». <...> «Рыба, действительно, в Швецию ушла. Я Самому жаловался. Он обещал туда субмарину послать для выяснения. Куда они, Петрович, туда и мы. Всё-таки общая граница!» (8-9).

«Первые лица» государства озабочены лишь тем, чтобы при переходе от диктатуры к демократии – «Перемен к лучшему» – ничего не изменять, «чтобы и волки были сыты, и овцы целы» (14). При такой демократии не изменится меню и, увы, не изменятся люди у власти – такова концепция Иосифа Бродского.

Создавая собирательный образ правительства, И.А Бродский прибегает к необычной для драмы форме. Развивая действие, как и принято, в форме диалога, он часто не указывает имя носителя речи около каждой реплики – отделяет тексты героев только графически, как стихи в лирике, – начинает каждую новую реплику с новой строки².

Текст всей пьесы представляет собой своеобразный полилог: это реплики безымянных героев. В пьесе минимизация прямого действия, активного сюжета; всё напряжение, кульминация, все события – в стремительном диалоге, «где одно смысловое звено цепляется за другое, создавая «сюжетное смысловое поле»².

Бродский сознательно не маркирует реплики, тем самым подчёркивая безликость героев, отсутствие принципиальной разницы в характере и масштабе их мышления. Он создаёт одно анонимное лицо правительства, ничего собой не представляющих персонажей. И даже единственная женщина в безликой группе персонажей скорее маркирует аморфность и готовность подчиняться сильному.

В центре сюжета пьесы – «протокол одного заседания» (коррелирует с заглавием пьесы А. Гельмана), посвящённый провозглашению демократии. Эпический предмет и эпический герой, интересующий Бродского, это – состояние общества и состояние группы равноправных в действии лиц.

В пьесе явен публицистический, оценочный пафос. Бродский разоблачает, клеймит. Он показывает полную нравственную и интеллектуальную несостоятельность власти и её представителей; коварную изворотливость руководящих советским государством лиц. Любыми средствами они пытаются сохранить свою власть.

«Охотно использующее преимущества географического пограничья, – положение между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком, правительство анонимов испугалось исторического, политического пограничья – перехода от диктатуры к демократии. Но инстинкт самосохранения быстро трансформировал их растерянность в активность, даже в агрессию по отношению ко всем и всему, что может сократить их привилегии»¹.

Пьесу можно квалифицировать и как памфлет. Бродский прекрасно понимал, что может произойти с западными демократическими ценностями, оказавшимися в руках политиков – бывших коммунистов.

«Все прогрессы реакционны, если рухнет человек», – писал Андрей Вознесенский². Бродского также мучила мысль об опасности расчеловечивания, его пугала гастрономическая демократия, примат материальных ценностей, стремление в животные.

Будущего у такой демократии нет. Будущее демократии, насаждаемой сверху, – джунгли, «в джунглях выживает либо сильнейший, либо – с лучшей мимикрией». <...> «Когда кончается история, начинается зоология», «Моё будущее – природа, точнее – джунгли». «Я не вижу впереди никого, кроме животных», «Для меня будущее – абсолютная свобода, и Леопард, если угодно, моя утопия». <...> «Всеобщее озверение», «Толпа – демонстрация, а по-нашему – стадо. Носороги, бараны, буйволы, козлы». <...> «Из всех животных человек самое опасное. Особенно при демократии, потому что она граничит с зоологией»; «Инстинкты, при тирании в человеке дремавшие, просыпаются»; «при демократии от него даже хищникам достаётся, даже леопардам» (29, 30, 32).

И вдруг неожиданный силлогизм поэта: «Не выживает никто».

«Ах, Матильда, Матильда. Сильнейший, слабейший. Закон джунглей. Не выживает, детка, никто. Это и есть закон джунглей. Также смешанных лесов, равнин, гор, пустынь. Не выживает никто, Заруби себе это на носу» (33).

Циничная суета сует ничто, бессильна перед лицом бесстрастной уравнительницы – смерти. Надвигается призрак трагедии... Но эта пьеса,

1 См.: Яков Гордин. Когда кончается история, начинается зоология. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://lib.spnet.ru/koi.pl/BRODSKIJ/br_democracy.txt/ - Дата обращения: 03.01.2013. – С. 1-2.

2 Там же.

как пишет Я. Гордин, «не проповедь отчаяния, это – печальный совет жить достойно!»³

Об авторе.

Кононова Наталья Викторовна, доктор филологии, ассоциированный профессор Латвийского университета (Рига), факультет гуманитарных наук, отделение русистики и славистики, Латвия.

Natalia Viktorovna Kononova, Doctor of philology, The associated professor of Latvian university of Riga; Faculty of Humanitarian knowledge, Russian philology and Slavic philology office, Latvia.

E-mail: bondi@inbox.lv

---

3   Головчинер В.Е. «Сценические фантазии» в литературе «третьей волны» русской эмиграции // Головчинер В.Е. Эпическая драма в русской литературе XX века. - Томск: Томский государственный университет, 2007. – С. 271.

ЯЗЫК МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР РОССИИ: ГРАНИЦЫ ЧУЖОГО И СВОЕГО

В статье показано, как, первоначально клонируя чужую культуру, представители русских субкультур адаптируют ее к условиям русской жизни. Происходит адаптация заимствованных слов в процессе номинации и реноминации новых реалий. Жаргонная метафоризация осуществляется в русле русской языковой картины мира. В субкультурной ономастике наблюдается отражение русской традиции. При создании субкультурного фольклора используются традиционные жанры русской культуры.

Ключевые слова: адаптация заимствованных слов, жаргонная метафоризация, субкультурная ономастика, субкультурный фольклор.

V.K. Andreev

THE LANGUAGE OF THE YOUTH SUBCULTURES OF RUSSIA: BORDERS OF THEIRS AND OURS

The article shows, how initially by cloning a foreign culture, representatives of the Russian subcultures, to a greater or lesser extent, adapt it to the conditions of Russian life. There is an adaptation of borrowings in the process of nomination and renomination of new realia. Jargon metaphorization is carried out in line with the Russian language picture of the world. There is a reflection of the Russian tradition in subcultural onomastics. Traditional genres of Russian culture are used when creating a subcultural folklore.

Key words: adaptation of borrowings, jargon metaphorization, subcultural onomastics, subcultural folklore.

Вопрос адаптации субкультурных заимствований к условиям других стран является актуальным и вызывает интерес у культурологов, социологов, лингвистов. Все они подчеркивают, что феномен чужой культуры сначала переносится на русскую почву без каких-либо изменений, но постепенно видоизменяется в условиях русской культуры, русского менталитета, русского языкового сознания. Общение с представителями отдельных субкультур города Пскова, анализ жаргонных словарей, Интернет-контента позволяют выявить некоторые направления этого процесса.

Наблюдается некоторое изменение внешнего облика представителей субкультуры. Многие русские рэпперы сейчас почти ничем не отличаются от обычной молодежи, а в 90-е годы их называли «широкоштанники» («Я рэппер в душе, а не напоказ – принципиально не ношу трубы», – фраза, которую можно услышать от многих представителей сообщества). Отдельные русские любители мотоциклов, особенно в провинции, восприняли идею байкерского движения, но не приняли традиционный образ американского байкера, поэтому идею свободы, агрессивности в своем имидже они проявляют иными средствами (тельняшки, каски и другие атрибуты).

Происходит некоторое смещение субкультурных акцентов. Например,

в книге о русском рэпе «White Smoke: статус свободы – голос твоих улиц» с подзаголовком «Вся правда об уличных войнах от первых лиц легендарного рэпперского клана» рассказывается о зарождении рэп-культуры в Москве в 90-е годы. На более чем трехстах страницах нет почти ни слова о рэпе, речь идет в основном о стычках рэпперов с представителями других субкультур. Во вступлении приводятся слова рэппера LightSmoke, частично объясняющие этот парадокс: «Как мне кажется, важный момент понимания идеологии WSC (*White Smoke Clan*) – это то, что они не были против чего-то или кого-то. Не антифа, не антипанки, не антиметаллисты. Они были против тех, кто был против них – независимо от всех прочих условий. Их единственной целью изначально была защита себя, своих идей и избранного образа жизни, на который окружающая среда реагировала крайне агрессивно. Они окрепли, встали на ноги, оскалились и дали сдачи. А затем вошли во вкус и уже начали прогибать под себя московские улицы»¹.

Сейчас рэп в России воспринимается исключительно как музыкальная субкультура. Но и здесь есть отличия от американской культуры. Так, на русской почве стиль «гангста-рэп» трансформировался в чисто русское явление – «шансон-рэп», с образами и символами традиционной русской тюремно-лагерной песни. Пример – «Бей, кольщик» рэппера В. Нагорного (Нагора):

Наколи мне тигра на груди –
Расскажи про жизнь не по закону;
Наколи старинную икону –
Расскажи про то, как я попал на зону;
Наколи мне церковь в куполах,
Расскажи о лагерный годах.
Наколи бегущего коня,
Чтоб умчал на волю он,
Чтоб умчал отсюда на волю он меня.
Бей кольщик, бей кольщик, бей.
Бей о жизни прожитой моей.
В черно-белом цвете ну и что...
Расскажи людям кто я, где был я и за что <...>²

Сравним это с песней известного представителя русского шансона М. Круга «Кольщик»:

Кольщик, *наколи мне купола,*
Рядом чудотворный крест с иконами,
Чтоб играли там колокола
С переливами и перезвонами <...>³

Однако основные изменения, внесенные русскими субкультурными сообществами, связаны с языковой и текстовой деятельностью.

1 Eyal A. White Smoke: Статус свободы — голос твоих улиц. — М.: Издательский дом «Кислород», 2000. — С. 5.

2 Наколи мне тигра на груди. Нагора «Бей, кольщик» [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://текстыпесни.рф/stihi/nagora-bej-kolshik_nakoli-mne-tigra-na-grudi. – Дата обращения: 1. 11. 2016. – Загл. с экрана.

3 Тексты песен шансона » Круг Михаил – Тексты песен » Кольщик [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://shanson-text.ru/song.php?id_song=121 – Дата обращения: 7. 10. 2016. – Загл. с экрана.

I. Происходит активная адаптация иноязычных субкультурных слов.

Сначала английские слова принимаются российской молодежью в своем первоначальном виде: и пишутся, и произносятся, как в языке-источнике. Примером может быть начинающая формировать свой русский лексикон субкультура битбоксеров. В русских текстах о битбоксе находим такие обозначения, как *click, drum roll, dry kick, inward hollow snare, kick, reverse hi hat, snare* и под.: «Сыграем вот такую композицию: **Kick** с коротким мычанием, **Reverse Hi Hat** с закрытыми губами, звонкий **Snare** с зажатыми губами. Повторим это подольше, чтоб натренироваться»⁴.

Однако понятно, что такая ситуация не может сохраняться долго и иноязычные вкрапления должны стать принадлежностью русского языка.

Обозначим основные процессы адаптации заимствованных слов в лексиконах российских молодежных субкультурных сообществ.

Транскрибирование – заимствование слова в его звуковой оболочке. Здесь возникают некоторые проблемы, связанные с отсутствием в русском языке отдельных звуков, например [th]. Поэтому русским приверженцам стиля «death metal» приходится пробовать разные варианты: *дэт-метал, дэд-метал, дэс-метал, дэз-метал* (все варианты встречаются), доходя, в конце концов, до шуточного *дед-метал* (дед – ‘старик’).

Транслитерирование – побуквенное заимствование с использованием русской графической системы. Иногда транслитерация совмещается с различными проявлениями языковой игры. Так, например английское слово *crew* (‘команда’) в лексиконе русских граффитистов превращается в *крев, креу* или даже грубо звучащее *сру*, а *writer* (‘граффитист’) – в *вритер*. В этом слове русский человек явно просматривает корень -вр- (врать – ‘говорить неправду’), поэтому *вритером*, как правило, называют неумелого граффитиста.

Намеренная омонимизация – подбор похожего по звучанию (иногда – написанию) русского слова в качестве заместителя иностранному. *Graffitiist* превращается в *графин* и *граф*. Новое значение слова *граф* приводит и к появлению нового фразеологизма: *граф Толстой* (‘умелый граффитист’) по принципу: *граф Толстой* (‘хороший писатель’) ☞ *граф Толстой* (‘хороший граффитист’). Сюда же отнесем жаргонные обозначения мотоциклов: *втык* – «Honda VTX», *захар* – «Kawasaki ZXR», *сибирь* – «Honda CBR», *вымя* – «Yamaha V-Max», *ватрушка* – «Honda VTR 1000F».

Семантическое калькирование, когда у русского слова под влиянием иноязычного аналога появляется новое значение. Приведем пример из граффити-культуры. Сначала в языке американских граффитистов общеупотребительное слово *loop* ‘петля’ приобретает новое, субкультурно обусловленное, значение (*loop* в языке американского граффити – ‘сложное соединение букв’), затем это слово (а также его новое значение) заимствуется российским субкультурным сообществом (*луп* – ‘сложное соединение букв’), и уже позже новое значение появляется у соответствующего русского слова (в новом значении в языке граффитистов начинает употребляться слово *петля*).

Словообразовательное калькирование – перевод слов по морфемам. Это нечастый способ создания русских аналогов англоязычных обозначений.

4 Уроки битбокса. Основы битбоксинга [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://beatboxstyle.ucoz.ru/publ/osnovy_i_uroki_bitboksa/1-1-0-1. – Дата обращения: 1. 11. 2016. – Загл. с экрана.

Однако, появление слова громокат как название мотоцикла *Yamaha «Thundercat»* – яркий пример русификации заимствованного слова.

Использование русских, в том числе и субстандартных, суффиксов при создании субкультурных номинаций-синонимов на базе заимствованных слов. Например, фендяра у рокеров – обозначение гитары фирмы «Fender» (суф. -ар-; ср.: котяра, ментяра и др.), бомбилово (от *bombing*) у граффитистов – процесс нанесения надписей (бомб) на городские объекты (суф. -лов-; ср.: мочилово, махалово и др.).

Словообразовательная адаптация проявляется в активном использовании заимствованных слов как базы для создания новых субкультурных единиц. Например, *to bomb* ☐ бомбить, бомбануть, отбомбить, отбомбиться, перебомбить, разбомбить, бомбёжка, бомбилово и др. Очень ярко этот процесс проявляется в субкультурных журналах, где журналисты являются представителями субкультуры, при этом их номинативная деятельность соответствует духу сообщества. Так, например, конструкции из трех-пяти корней в русском языке редки, но возможны (они даже были популярны в книжном языке XVI – XVII вв.). Но неожиданно такие слова появляются и в современных социолектах. Так, например, в панк-журнале «Бритва»⁵ находим: ска-панк-ойщик, пого-стрит-панк-ой-легенда, панк-хардкор-ой-ска-вестник, пого-стрит-панк-ой-легенда, пого-стрит-панк-группа, ойстритрокрнолл, погопанк-алко-фронт и др. Здесь мы наблюдаем языковое воплощение панк-идеи неприятия любых ограничений, причем выраженной очень по-русски (несмотря на иноязычные корни новых слов).

Приспособление заимствованных слов к русской морфологической системе. Например, американское *to tag* («оставлять свою подпись на стенах») трансформируется в русское тэгать и тэжить, а *to battle* («участвовать в субкультурном состязании») – в батлиться.

II. Русская культура воздействует на зарубежную также на уровне мотивировок в процессе собственной номинационной деятельности «наших» субкультурных сообществ.

Так, жаргонная метафоризация осуществляется в русле русской языковой картины мира (используются традиционные образы русской культуры). Например, слово дрын (у байкеров – «мотоцикл, собранный своими руками») восходит, вероятно, к одному из значений слова дрын в уголовном жаргоне – «железный прут, ломик», а основанием переноса является идея «конструктивной простоты», примитивности сравниваемых предметов. Ермак – «футбольный фанат, совершивший очень дальний выезд на матчи своей команды» (ср.: Ермак – имя казачьего атамана, открывателя и завоевателя Сибири в XVI веке).

В ономастике (никнеймы, названия творческих групп и других объединений) также наблюдается отражение русской традиции. Так, например, если изначально русское хип-хоп сообщество использовало типичные никнеймы на американский манер (*BopPingPong88*, *BomberTray* и др.), то постепенно русское влияние усиливается. Так, например, никнейм рэпера **PopOFF**, помимо особым образом переданной русской фамилии Попов, содержит в себе отношение данной субкультуры к поп-музыке («Долой попу!»). В

---

5 Бритва. – 2006. – № 1. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.tarakany.ru/forum/viewtopic.php?p=7535> – Дата обращения: 5. 04. 2015 – Загл. с экрана.

никнейме МЯСник заложена идея того эффекта, к которому стремится любой рэппер (молодежный жаргонизм мясо обозначает 'плотный, качественный звук'), никнейм бибоя Саня_Электрик связан с названием стиля *electric boogie*. Среди байкерских клубов на фоне традиционных «Bandidos», «Free Biker», «Falcons» выделяются объединения с типично русскими названиями «Златоверст», «Мотородня», «Славяне» и др.

III. При создании субкультурного фольклора используются традиционные жанры русской культуры (частушки, пословицы), при этом часто применяется прием трансформации прецедентных русских текстов.

В качестве примера приведем частушки, совершенно чуждый хип-хоп культуре жанр. Однако существуют частушки брейк-дансеров:

Захотелось сделать фриз параллельно полу –
Занимался лучше б я регби и футболом...

(фриз в лексиконе брейкдансеров – 'фиксация какого-либо положения во время исполнения танца');

Выходил я в *airchair* и со свайпса, и с башки,
Попытался с аэртвиста – локоть лезет сквозь кишки...

(*airchair*, свайпс, аэртвист – элементы брейк-данса)⁶.

Еще более необычно встречать частушки на форумах представителей готической субкультуры. Сами готы называют это «совмещением несовместимого»:

Мимо тещино дома
Я без шуток не хожу:
То ей анкх в окно засуну,
То пентуху покажу!⁷

(анкх и пентуха (пентаграмма) – символы субкультуры готов).

Очень часто в субкультурных сообществах формируются наборы пословиц, отражающих мировоззрение группы, многие их них – трансформация традиционных русских пословиц. Большое количество таких пословиц, например, зафиксировано на байкерских форумах. «Сколько байкера не пои, он всё равно в гараж смотрит» (ср.: «Сколько волка не корми, он всё равно в лес смотрит»). «Каждый байкер свой аппарат хвалит» (ср.: «Каждый кулик свое болото хвалит»). «Курица не птица, хьюсонг не мотоцикл» (ср.: «Курица не птица, баба не человек»). «Не байк красит человека, а человек красит байк» (ср.: «Не место красит человека а человек место»). «На байк надейся, а сам не плошай» (ср.: «На Бога надейся, а сам не плошай»). «Байкер познаётся в езде» (ср.: «Друг познаётся в беде»). «Спорты по осени считают» (ср.: «Цыплят по осени считают»).

Таким образом, первоначально клонируя чужую культуру, представители русских субкультур в большей или меньшей степени адаптируют ее к условиям русской жизни.

---

6 Би-бойские частушки [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://urbaniya-u.livejournal.com/843.html> – Дата обращения: 11. 09. 2016 – Загл. с экрана.

7 Частушки про готов [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://chastushki.pp.ua/sid_0_cid_118_tid_last.html – Дата обращения: 11. 09. 2016 – Загл. с экрана.

Об авторе

Андреев Вадим Константинович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русского языка как иностранного, Псковский государственный университет, Россия.

Vadim Andreev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the Russian Language and the Russian Language as a Foreign Language, Pskov State University, Russia.

E-mail: andreev.vk@gmail.com

**КАРТИНА МИРА В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ПОГРАНИЧЬЯ:
ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В КУЛЬТУРНЫХ ТЕКСТАХ**

ТИПОВОЙ ДИСКУРС ДИАСПОРЫ: ЯЗЫКОВАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Результаты исследований позволяют говорить о существовании типового текста / дискурса, репрезентирующего инвариантные характеристики речи в условиях диаспоры. Такой текст имеет формальные, семантические и прагматические признаки и характеризует не только речь, но и «картину мира» носителя языка, его наивно-языковую концептуализацию действительности.

Ключевые слова: русская диаспора Эстонии, местные дискурсивные практики, типовой дискурс.

J. I. Kostandi

TYPICAL DIASPORIC DISCOURSE: LANGUAGE SELF-IDENTIFICATION

The present results enable us to assume the existence of a certain invariant text / discourse, which is created by the imaginary 'typical' representative of the diaspora. This text has its own specific features that can be formal, semantic and pragmatic. It is characteristic of not only speech but also reflects the 'world view' of language users in the conditions of the diaspora, its naïve-linguistic conceptualization.

Keywords: Russian diaspora of Estonia, the local discursive practices, typical discourse.

Введение

Изучение русской речи в Эстонии¹ показало, что она отличается не только явно выраженными признаками (иноязычные вкрапления, кальки, заимствования и др.), но и тем, что относится к прагматическому и когнитивному аспектам речи и, на первый взгляд, не очевидно. Характер местных дискурсивных практик неизбежно приводит к формированию локальных черт в языковой картине мира. Факты, полученные в ходе анализа разнородного материала (разговорная речь, говоры, СМИ, официально-деловые тексты, реклама, мемуарная, художественная, учебная и др. литература²), свидетельствуют о том, что ряд особенностей повторяется в разных конкретных текстах и типах текстов. Регулярность и однотипность некоторых характеристик позволяет говорить о стремлении к стандартизации и о формировании своего рода типового текста, или дискурса, диаспоры. Предположение о его формировании было высказано нами в одной из последних работ³. В ней охарактеризованы основные компоненты типового дискурса, а

1 См. подробнее в: Костанди Е. И. Русский язык в современной Эстонии: функционирование, изучение, специфика // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2013. – №1. – С. 7–23.

2 В настоящей статье также используется материал разных функциональных сфер.

3 Костанди Е. И. Типовой текст диаспоры: когнитивный аспект. – Русистика и современность. 18-я международная научная конференция. Сборник статей. – Рига: Балтийская Международная Академия, 2016. – С. 273–280.

именно: особенности пространственно-временной локализации, оценки, актуализация значимых для диаспоры тем, языковая рефлексия с «диаспорной» составляющей. Наблюдения последнего времени, не нашедшие отражения в предыдущих работах, свидетельствуют том, что к этому перечню следует добавить этикетную составляющую. Названные компоненты имеют местную специфику, отдельные аспекты которой к настоящему времени частично описаны. Всесторонне и детально не проанализирован ни один из компонентов, кроме того, с большой долей вероятности можно предположить, что типовой дискурс имеет и иные составляющие, не только не описанные, но и не зафиксированные в исследовательской литературе.

Метаязыковой дискурс диаспоры

Компонентом, наиболее полно охарактеризованным, является языковая рефлексия, однако и здесь многие детали не описаны вовсе или имеющееся описание требует продолжения, что и является общей целью настоящей статьи. Далее кратко охарактеризуем то, что уже представлено в публикациях или в работах, находящихся в печати, чтобы перейти к рассмотрению интересующего нас аспекта.

Ранее⁴ нами были рассмотрены некоторые проявления языковой рефлексии, обусловленные ситуацией диаспоры, в разговорной и диалектной речи диаспоры, в сетевом общении, в мемуарной и художественной литературе русскоязычных авторов Эстонии, в русской речи на эстонском телевидении. В указанных работах отмечалось, что на российском материале исследователями рассматривались различные аспекты языковой рефлексии, наиболее полная характеристика которой дана в работах И. Т. Вепревой⁵, однако на материале речи многочисленных русских диаспор этот феномен представлен фрагментарно. Анализ языковой рефлексии в русской речи в Эстонии показал, что во многом она совпадает с тем, что описано на российском материале, в то же время есть и отличия, которые были и остаются предметом нашего анализа.

В исследованном материале обнаружилось множество метаязыковых единиц, содержащих описание, оценку, характеристику разных сторон языка и речи (нормативность речи, значение слов и выражений, современные языковые процессы, речевое поведение и др.). Значительная часть единиц связана с ситуацией функционирования языка в диаспоре. Они также относятся к разным сторонам языка и речи, однако наиболее частотны те, в центре вни-

4 Костанди Е. И. *Метаязыковые единицы в разговорной речи диаспоры* // Scientific Papers University of Latvia. Linguistics. – 2012. – №772. – С. 16–23; *Русская разговорная речь в условиях диаспоры: форма, содержание, прагматика (русская речь в Эстонии)* // “Mówimy, jak mówimy...” / “Говорим, как говорим...” – Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskego. – 2014. – С. 118–125; *Специфика дискурсивных практик в ситуации языковых контактов* // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2015. № 2. – С. 29–40. Так как гипотеза о формировании типового дискурса была высказана недавно, ряд публикаций должен появиться в ближайшее время, сейчас же невозможно указать их окончательные выходные данные: *Метаязыковой дискурс диаспоры: инвариант и варианты* // В поисках языковой идентичности. Т. I. – Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskego. – 2016; *Языковая рефлексия диаспоры: варианты*. – Даугавпилс: изд-во Даугавпилсского ун-та (в печати).

5 Вепрева И. Т., *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

мания которых были: 1) сосуществование языков, культур, народов; 2) знание / освоение языков; 3) конкретные коммуникативные «двуязычные» ситуации; 4) комментарии к эстонским и русским языковым единицам (к словам, их форме, семантике, к предложениям и т. д.). Регулярность появления в речи разных авторов, в разных условиях, стилях, жанрах однотипных единиц позволила выделить в рамках типового дискурса метаязыковой дискурс диаспоры, который в последней из работ⁶ представлен в следующем виде:

«Общая языковая ситуация характеризуется сосуществованием двух (или более) языков. Люди в той или иной степени владеют / не владеют этими языками. В конкретных коммуникативных ситуациях попеременно или одновременно используются разные языки. Существует частичное функциональное распределение языков. Языки взаимодействуют, оказывают влияние друг на друга. Единицы разных языков определенным образом соотносятся. Требуется / возможно пояснение, комментирование слов, выражений, грамматических форм, норм разных языков. Существующее положение дел оценивается».

Данную модель можно определить как инвариант, проявляющийся в конкретных вариантах. Все ее составляющие соотносятся с языковой самоидентификацией, о чем свидетельствует возможность следующей трансформации модели: «Носители языка идентифицируют себя как живущих в ситуации сосуществования языков. В ней люди в той или иной степени владеют / не владеют этими языками...»⁷. В рамках одной статьи невозможно даже в общих чертах рассмотреть взаимосвязь всех компонентов метаязыкового дискурса и языковой самоидентификации, ниже остановимся на таком аспекте, соотносящемся с идеей «пограничья», как выбор языка.

Языковая самоидентификация: выбор языка

Исходный компонент метаязыкового дискурса, представленного выше, т. е. сосуществование языков, предполагает выбор языка общения (чтения, слушания) в разных ситуациях (разговор в семье, с друзьями, с коллегами, в магазине, в аптеке, в транспорте, чтение прессы, сетевое общение, выбор телеканала, радиостанции, языка обучения и т. д.). Он может быть почти неосознанным или сознательным, добровольным или вынужденным, простым в реализации или приводящим к трудностям в общении. Часто это происходит незаметно для человека, поскольку он уже привык в той или иной ситуации использовать подходящий язык или, если он владеет только одним языком, выбирать всегда его. Разумеется, на практике есть множество частных вариантов. Так, для разных регионов Эстонии или разных районов одного города, разных деревень, социальных групп, отдельных людей, разных сфер деятельности характерно свое функциональное распределение русского и эстонского языков. Мотивация человека, прагматические установки, коммуникативные ожидания и многое другое вносит свои коррективы в процесс выбора. Это действие может не сопровождаться выраженной языковой рефлекс-

⁶ Костанди Е. Метаязыковой дискурс диаспоры: инвариант и варианты // В поисках языковой идентичности. Т. I. – Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskego. – 2016 (в печати).

⁷ Текст не приводится полностью, так как далее он совпадает с текстом, представленным выше.

сией, то есть появлением метаязыковых единиц. В то же время тема выбора языка актуальна, о чем говорит то, что она часто становится предметом фиксации и/или обсуждения, часто спонтанного. В нашем материале регулярно встречаются высказывания, замечания, комментарии по поводу выбора языка, разнообразные характеристики и оценки этого. Настоящая статья является первым опытом обобщения таких метаязыковых единиц и потому не претендует на системность и законченность, напротив, остановимся на разнородных, частично пересекающихся, не базирующихся на едином критерии выделения аспектах проблемы. Такой подход на данном этапе выбран сознательно, его требует сам материал: авторы метаязыковых высказываний чрезвычайно разносторонне подходят к теме, имеющей многочисленные проявления, соответственно, ниже остановимся на разных сторонах процесса выбора языка.

Тексты билингва

Во многих странах в современности распространены тексты билингва, представляющие собой «текст на двух языках, один из которых представляет собой перевод другого: надписи-переводы на двух языках на древних каменных плитах, словарные статьи двуязычного словаря, параллельные тексты Евангелия на церковнославянск. и рус. языках, текст инструкции по использованию аппарата, механизма, лекарственного препарата и т. п. на двух языках»⁸. В Эстонии они широко представлены в разных сферах: двуязычные газеты, надписи на упаковках товаров, инструкции к бытовой технике, полицейская документация, почтовые и банковские бланки, субтитры с переводом к кинофильмам, телепередачам, сайты государственных учреждений, учебных заведений, частных фирм, общественных, спортивных, политических и иных организаций, устные объявления в магазине, на вокзале, в аэропорту, в самолете и т. д. Специальным объектом рассмотрения этот материал стал в двух выходящих в ближайшее время статьях⁹, поэтому сейчас не будем на нем останавливаться подробно, отметим лишь, что широкое распространение текстов билингва и их разнообразие, разумеется, обусловлены сосуществованием языков. Наличие одинаковых текстов на двух языках предполагает, что читатель (слушатель) выберет какой-либо из них. Так, например, покупатель календулы в аптеке увидит на упаковке такой текст¹⁰:

- (1) Saialilleõisikud. Tee valmistamine: võtta 2 spl. õisi, valada üle klaasitäie keeva veega, lasta tõmmata 45 min., kurnata. Tarvitada pool klaasitäit enne sööki või kasutada kompressideks. / Цветки календулы. Приготовление чая: взять 2 ст. ложки цветков, залить одним стаканом кипячёной воды. Дать настояться 45 мин., процедить. Употребление: полстакана до еды или в качестве компресса.

Перед нами текст билингва, параллельными частями которого

---

8 Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты. Краткий словарь. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – С. 16.

9 Костанди Е. Русская речь в Эстонии: специфика дискурсивных практик // *Mehrheiten / Minderheiten: Sprachlich-kulturelle Identitäten der Slavia im Wandel der Zeit.* – Wien; Тексты билингва: «свое» и «чужое» // *Acta Slavica Estonica V.* – *Тарту: изд-во Тартуского ун-та (в печати).*

10 В письменных примерах сохранены орфография и пунктуация оригинала.

могут воспользоваться люди, говорящие на разных языках, и аналогичное положение дел наблюдается во множестве сфер. В речевой практике варианты текстов билингва приобретают порой необычный вид. Так, в телепередаче руководитель музыкальной студии рассказывает об обучении барабанщиков:

(2) Надо считать// один – два – три – четыре/ один – два – три – четыре/ ну/ или по-эстонски üks – kaks – kolm – neli/

Это эфир эстонского телеканала на русском языке, для собеседников русский – родной язык, а говорящий, воспроизводя слова, с которыми он обращается к ученикам, автоматически дублирует русскую часть на эстонском. Очевидно, это стало для него привычной речевой практикой – повторять нечто на двух языках, что и является текстом билингва, устным в данном случае.

Переключение кода

Регулярной реализацией выбора языка является переключение кода¹¹, переход с одного языка на другой в процессе коммуникации. Разумеется, он возможен, если человек хотя бы в какой-то мере знает оба языка. Так, молодые люди с родным русским языком сейчас, в основном, говорят и по-эстонски, эстонцы порой тоже знают русский язык, поэтому обратимся к материалу, представляющему сетевое общение молодых людей¹², где используются разные языки (русский, эстонский, английский, шведский и др.) и разные графические ресурсы (латиница, кириллица, неязыковые средства) и регулярны вставки иноязычных элементов. Так, в следующем фрагменте в эстонский текст – обсуждение свадьбы – включен фрагмент на русском, написанный латиницей:

(3) oh kujutan ette, nii nii vastik et ma ei olnud seal :(Seva rääkis, chto ti tam razchuvstovalas i razplakalas :) mul tuli nutt kurku nuud kui pilte näen, meie väike Seva abielus

Русская вставка вызвана тем, что автор слов что ты там расчувствовалась и расплакалась произнес их по-русски, смена кода сигнализирует о том, что это цитата, и такое ее оформление является результатом языковой рефлексии. В следующем примере, напротив, в русский текст вставляются эстонские слова:

(4) М: что же ты не конспектируешь? а!? О: мне лень уже М: лаиск ворст! О: vahest juhtub

Выражение лайскворст (laiskvorst — устойчивое выражение со значением ‘лентяй’, дословно ‘ленивая колбаса’) использовано М в адрес однокурсницы, окончившей эстонскую школу, на что она отвечает по-эстонски (vahest juhtub = ‘бывает, случается’). Смена кода (выбор языка) и здесь обусловлены языковой рефлексией, характерной для ситуации сосуществования языков, и языковой самоидентификацией, в частности обозначением себя как знающего два языка.

Фиксация выбора языка

Материал свидетельствует и о том, что практикой, сопровождающей

11 Разные аспекты процесса выбора языка взаимосвязаны, в частности, приведенный выше пример билингва одновременно свидетельствует и о переключении кода.

12 *Использован материал бакалаврской работы студентки отделения славянской филологии Тартуского ун-та Д. Арония «Переключение кода в языке диаспоры (на материале текстов социальной сети Facebook)», написанной под руководством автора статьи.*

выбор языка, часто является его фиксация: предложение выбрать язык, договоренность использовать тот или иной язык, акцентирование выбора языка как косвенная фиксация. Так, клиент, позвонивший, например, в банк, телекоммуникационному оператору, в службу спасения и т. д. может услышать следующий текст автоответчика на двух языках:

(5) Вы позвонили в <...>. Если Вы хотите выбрать эстонский язык, нажмите кнопку <...>, если Вы хотите выбрать русский язык, нажмите кнопку <...>.

Выбирая один из вариантов, клиент соответствующим образом идентифицирует себя. Аналогичные по функции предложения встречаются в разных сферах, например, ниже приведен фрагмент разговора пациента (П) и врача (В):

(6) В: На каком языке говорить будем? П: Не знаю/ все равно// ну-у-у на русском лучше/ может//¹³

Своеобразную фиксацию выбора языка демонстрирует начало беседы в эфире русскоязычного телеканала ETV+ ведущего передачи (В) и гостя студии, на тот момент министра обороны Эстонии (М):

(7) В: Ханнес/ я Вас поздравляю// Вы впервые будете в таком формате широко выступать на русском языке// М: Все правильно/ но всегда должен быть первый раз/ этот сегодня/ первый раз// Если я ошибаюсь/ тогда извиняюсь уже сейчас// Но что делать/ попробовать надо же//

Гость мог бы говорить по-эстонски, его речь сопровождалась бы синхронным переводом, но он выбрал русский язык, о чем и свидетельствует начало беседы. Такого рода примеры не единичны и характерны также, например, для радиоэфира.

Оценка

Выбор языка часто оценивается, и оценка может относиться к самому автору, к другому человеку, к конкретному случаю выбора языка или к более широкой ситуации. Ниже можно видеть, как оцениваются вынужденный (8) выбор языка в рассказе о своей жизни, использование /выбор нескольких языков в семье (9), речевые тактики и стратегии в мемуарах, посвященных, в частности, событиям на эстонско-российской границе в годы гражданской войны (10) и жизни в Эстонии в 1930-е годы (11), и в романе современного эстонского русскоязычного писателя (12):

(8) Поскольку на моем родном (литовском) языке здесь не говорят и не читают, я вынужден излагать свою историю на языке межнационального общения — языке ненавистном и любимом, языке моих мучителей и моей семьи¹⁴.

(9) В нашем доме по-прежнему звучит разноязыкая речь — русский, эстонский, английский, немецкий... Мы, не задумываясь, переходим с одного языка на другой, нам хорошо и уютно в этом вавилонском столпотворении. У каждого из нас есть язык, с которым мы связали свою профессию и стали специалистами, и готовим к этому младших¹⁵.

13 Записи разговорной речи оформлены в соответствии с правилами, предложенными в: Русская разговорная речь. Тексты. — М.: Наука, 1978. — С. 26.

14 Вайкаса Ю. Рассказы о своей жизни. — *Таллинн*: Aleksandra, 2005. — С. 52.

15 Абашина-Мельц Н. Там же, с. 274.

- (10) Во время успехов белых хуторяне были очень милы и разговаривали всегда по-русски. Когда положение на фронтах менялось, хозяева вообще переставали с вами разговаривать, а если говорили, то на своем наречии. Это было очень характерно. Отец сразу говорил, что «значит, неудача у белых, о которой мы еще не знаем, раз сегодня со мной говорили только по-ингерманландски»¹⁶.
- (11) Юбилей отмечался торжественно <...> Устраивался он эстонцами и русскими, и мама очень умно рассказывала свою жизнь — по-русски, когда события жизни проходили на территории России, и по-эстонски, когда в Эстонии¹⁷.
- (12) У него блестящее знание трех самых необходимых в Эстонии языков. Эстонский, английский и шведский <...> на всякий случай учит финский и норвежский. Как знать... Он с головы до ног экипирован для проживания в нашем государстве. <...> Больше нигде такого улыбчивого негодяя не найдешь¹⁸.

Как в приведенных примерах, так и во множестве других, оценки разнообразны, авторами по-разному определяется свое отношение к ситуации сосуществования и выбора языков, являющееся важной составляющей языковой самоидентификации.

Заключение

Итак, необходимость выбора языка predetermined «двужычной» ситуацией, частным проявлением которой является распространенность текстов билингва. Момент выбора может не осознаваться говорящим и не выражаться в метаязыковых единицах. Однако появление последних наблюдается регулярно и имеет разные проявления, в частности в связи со сменой кода. Выбор может фиксироваться и оцениваться. Ограниченность объема статьи не позволила остановиться на всех выявленных аспектах языковой самоидентификации, однако и приведенные примеры свидетельствуют о многоплановости, сложности явления, многие детали которого не только не описаны, но, очевидно, и не зафиксированы исследователями. Дальнейшая работа позволит более полно и системно описать их и конкретизировать характеристику как метаязыкового, так и типового дискурса диаспоры в целом.

Об авторе

Костанди Елизавета Илмаровна, кандидат филологических наук, доцент; Тартуский университет, Эстония.

Elizabeth Kostandi, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, University of Tartu, Estonia.

E-mail: jelisaveta.kostandi@ut.ee

---

16 Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Т. I. – Таллинн: Авенариус, 1996. – С. 126.

17 Милютин Т. П. Люди моей жизни. – Тарту: Крипта, 1997. – С. 109.

18 Иванов А. Харбинские мотыльки: романы. – Москва: АСТ, 2014. – С. 409.

РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЭСТОНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ: ОТ ПЕЧОР ДО СИБИРИ

В статье анализируются эстонские пословицы, в компонентном составе которых встречаются русские топонимы. Рассматривается проблема семантической неопределённости пословиц из-за малого количества пословичных вариантов и отсутствия примеров употребления. С целью толкования пословиц приводится их лингвокультурологический анализ.

Ключевые слова: пословица, лингвокультурологический анализ, топоним.

U. Aja

RUSSIAN TOPONYMS IN ESTONIAN PROVERBS: FROM PECHORY TO SIBERIA

The article analyzes Estonian proverbs, which contain Russian place-names. The problem of semantic ambiguity of proverbs due to the limited number of proverb variants and the lack of examples of usage is examined. With a view to the interpretation of proverbs, their lingvocultural analysis has been presented.

Keywords: proverb, lingvocultural analysis, toponym

В компонентном составе пословиц нередко встречаются названия географических объектов – топонимы. Анализируя топонимическое пространство русских пословиц, И. Б. Серебряная указывает как на широкий спектр использованных видов топонимов, так и на разнообразие тематических разделов, содержащих географические наименования¹. Рассматривая эстонские пословицы, включающие топонимы, можно отметить, что, наряду с названиями эстонских населённых пунктов в пословицах используются также названия русских городов.

Самой территориально близкой местностью, название которой находит отражение в эстонских пословицах, является Печоры – *Petseri*. Несмотря на исторически сложившиеся тесные культурно-экономические связи с Печорами, пословичных текстов на эстонском языке с упоминанием города всего два: *Vanatütreku viiasse Petseri valta ala*² (букв. «Старых дев везут под шлагбаум в Печоры»), *Petser olõ õi tarõ peräh*² (букв. «Печоры не находятся за избой»).

Первый пример включает образ немолодой незамужней женщины. Следует отметить, что, как в народных шутках, так и в пословицах передаётся, чаще всего, принятое в обществе отрицательное отношение к ней. Так, высмеивается её желание скрывать свой возраст, показаться молодой: *Vanatüdruku vanus on alati kakskümmend kaks*² (букв. «Старой дева всегда двадцать два года»), её тяжёлый характер: *Vanatüdruk ja vana kass on ühesugused – mõlemad turtsuvad*¹ (букв. «Старая дева и старая кошка одинаковы – обе

1 Серебряная И.Б. Топонимическое пространство пословиц и поговорок (В.И. Даль. «Пословицы русского народа») // Русская словесность. – 2006. – № 5. – С. 31–38.

фыркают»), незнание жизни: *Vanatüdruku aru on kui vana kasukanäru*² (букв. «Ум старой девы что лохмотья старой шубы»), *Vanatüdruketel sünnivad lapsed ikki pühast vaimust ja porikärpsest*³ (букв. «У старых дев дети всегда рождаются от святого духа и зелёной мухи»).

Приведённый диалектный текст пословицы с компонентом *Petseri* записан в городе Ряпина и имеет только один аутентичный вариант. Учитывая территориально и количественно ограниченное употребление пословицы, а также отсутствие её актуализации как в письменных текстах, так и в современной речи, возникает сложность в точном толковании пословицы.

Генетическая классификация эстонских пословиц, т.е. распределение их по темам высказывания, лежит в основе составления сборника «Книга пословиц», в котором приведённый пример включён в раздел «Возраст и пол. Любовь.Семьяидом.Родственники», а, точнее, в группу пословиц, указывающих, что случается со старой девой после её смерти, куда она попадает, и что её заставляют делать⁴. Анализируя другие пословицы, включённые в данную группу, видим, что в компонентном составе встречаются также гелонимы – названия болот: *Vanatüdrukurid pidid piale surma Sirtsu soole minema puurattaid tegema*⁵ (букв. «Старые девы после смерти идут на **Сиртсуское** болото делать деревянные колеса»), *Vanatütreku aetase Reola suu peale lumme sarjama*⁶ (букв. «Старых дев гонят в **Реолаское** болото снег просеивать»), а также имеются паремийные варианты без конкретизации названия местности: *Vanadtüdrukurid pannakse külatänavasse siasitta pooleks lõhkuma, panevad südamepooled vastu päeva kuima* (букв. «Старых дев заставляют **на улице** рубить надвое дерьмо, раскладывать внутренними сторонами на солнце сохнуть»), *Vanadtüdrukurid saadetakse soho vankrirattaid tegema*⁷ (букв. «Старых дев отправляют **в болото** делать колеса для телеги»). Как видно по данным примерам, женщин, «на долю которых не вышло замужество», отправляют после смерти дальше от дома делать бессмысленную и нереальную работу – либо из-за природных условий той местности, куда они попадают, либо из-за невыполнимости самого задания. Таким образом, приведённые названия связаны не с конкретной территорией, а толкуются как «далеко» или «дальше от дома», на что указывает и пословица *Petser olõ õi tarõ peräh*⁸ (букв. «Печоры не находятся за избой»).

Топоним Петербург – *Peterburi* – встречается в эстонских пословицах всего один раз: *Iga talu õuest läheb tee Peterburi*⁸ (букв. «Из двора каждого хутора идёт дорога в Петербург»). К данному варианту даётся разъяснение к первоначальной записи пословицы: «У каждого есть возможность пожаловаться о своём горе»⁹, что указывает на период в истории, когда Эстония входила в состав Российской империи. Повторение пословичной модели (откуда?) идёт дорога (куда?) встречается также с вариантами Москва, Киев, Рига, Рим,

2 Krikmann A., Sarv I. (toim.). Eesti vanasõnad. III köide. Tallinn: Eesti Raamat, 1985. C. 642.

3 Там же, с. 282

4 Там же, с. 642

5 Там же, с. 639

6 Там же, с. 642

7 Там же.

8 Hussar A., Krikmann A., Sarv I. (koost.). Vanasõnaraamat. Tallinn: Eesti Raamat, 1984. C.

9 Krikmann A., Sarv I. (toim.). Eesti vanasõnad. III köide. Tallinn: Eesti Raamat, 1985. C. 638

напр.: *Sauna peräst läheb ka tee Moskvasse*¹⁰ (букв. «За баней дорога идёт также в Москву»).

Крестьянская традиция спать на печи отражается в первой части пословицы *Raaba aho pääl, kusi Moskvah*¹¹ (букв. «Баба на печи, моча в Москве»). Известно, что спать на печи разрешали круглый год, однако, в культуре сету на печь запрещается ложиться в *raabaräev* («бабы или женский день»), которая отмечается во время средней недели Великого поста в четверг. Запрет мотивировался угрозой появления горба на спине или болей в спине во время жатвы¹². На остальной территории Эстонии единственный день, когда нельзя было ложиться спать на печь, был сочельник – тогда на пол стелили солому и спали на ней. Нет точных указаний причины такого обычая, хотя можно предположить, что он был связан с поверьем, будто в сочельник покойники приходят спать в своё прошлое ложе¹². Несмотря на то, что такой обычай был широко распространён, пословиц с упоминанием женщины на печи, кроме приведённой, всего одна: *Ämm tuleb visata õhtu hargiga ahju peale ja hommiku roobiga maha tõmmata*¹³ (букв. «Тёщу (или: свекровь) надо вечером бросать ухватом на печь и утром кочергой стаскивать»).

Толкование второй части данной пословицы и пословицы в целом вызывает затруднения из-за отсутствия вариативности компонентов. Компонент «моча» встречается, в общей сложности, в семи эстонских пословицах, в том числе, в пословицах, построенных по компаративной модели, и передающих количественную характеристику предмета, например: *Joodiku raha ja koera kusi ei saa iialgi otsa*¹⁴ (букв. «Деньги у пьяницы и моча у собаки никогда не кончаются»), *Ennemasti on koira perssest kusi otsas, kut töö otsa saab*¹⁴ (букв. «Скорее в собачьей заднице моча кончится, чем кончится работа»). Однако, сочетание «[её] моча в Москве» не связано с семантикой количества, и также его использование не мотивировано, например, приёмом ассонанса, как это можно видеть в пословице *Kiil vii ar Kiiuvahe, miil vii Moskvahe*¹⁵ (букв. «Язык до Киева доведет, ум до Москвы»). Тем не менее, образное выражение «разговор что [как] моча курицы» включено во фразеологический словарь в значении «пустой разговор»¹⁵, что позволяет сделать предположение об общем значении пословицы: здесь образно говорится о болтливости женщины (ср. русск. «Бабий язык, куда на завались, достанет»).

Эквивалент русской пословицы *Язык до Киева доведёт* встречаем в эстонском источнике в разных вариантах, например: *Keel viib Kiievisse* (букв. «Язык доведёт в Киев»); *Keel viib ära Kiievisse* (букв. «Язык отведёт в Киев»); *Keel viib Kiievi linnani*¹⁶ (букв. «Язык доведёт до города Киев»). Здесь в обеих лингвокультурах передаётся мысль о том, что при необходимости найти или узнать что-либо, необходимо спрашивать об этом¹⁶.

10 Там же, с. 624

11 Там же, с. 638

12 Krikmann A., Sarv I. (toim.). Eesti vanasõnad. III köide. – Tallinn: Eesti Raamat, 1985. – С. 282.

13 Там же, с. 38.

14 Там же.

15 Там же.

16 Krikmann A., Sarv I. (toim.). Eesti vanasõnad. II köide. – Tallinn: Eesti Raamat, 1983. – С. 562.

Наряду с этим, встречаем в эстонском языке трансформацию текста на уровне целой предикативной части, что приводит к изменению смысла пословицы: *Keel viib ära Kiievisse, aga jalad ei saa kuhugi*¹⁷ (букв. «Язык отведёт в Киев, а ноги никуда») – пословица используется для характеристики человека, который много обещает, но своё слово не держит. Пословичными синонимами здесь выступают, например: *Keelega on kerge Kiievit teha, aga käega raske käo pesagi*¹⁸ (букв. «Языком легко Киев построить, а руками трудно и гнездо для кукушки»), *Suu teeb suure linna, käed ei tee kärbse pesagi*¹⁹ (букв. «Ртом сделает большой город, а руки не делают даже гнезда для мухи»), *Suuga sõidab Saaremaale, jalaga ei jaksa kõndigi*²⁰ (букв. «Ртом доедет до Сааремаа, ногами и ходить не может») (ср. русск. «На словах – Волгу переплывёт, а на деле – ни через лужу»).

Название обширного географического региона России – Сибири – используется в эстонских пословицах в качестве обобщающего названия места отбывания наказания, каторги. Так, пословицы предупреждают о последствиях воровства: *Sukavardaga alustab, Siberiga lõpetab*²⁰ (букв. «С вязальной спицы начнёт, Сибирью кончит»), а также указывают на характер такого насильственного переселения: *Surmast ei ole koledamat ja Siberist ei ole pikemat teed*²¹ (букв. «Нет ничего страшнее смерти, и нет длиннее дороги в Сибирь»).

В пословицах образно говорится о том, что наказание последует и за несоблюдение обычаев, определённых правил поведения. А. Крикманн указывает на существующее в пословичных текстах так называемое квазинаказание²². Ссылка в Сибирь в качестве такого квазинаказания встречается в пословице *Kes tangupudruga leiba sööb, see saadetakse Siberisse*²³ (букв. «Кто ест хлеб с крупяной кашей, того отправляют в Сибирь»). На основе пословицы лежит запрет есть хлеб с кашей, такой же запрет касался и бобовой пищи²³. Особого разъяснения к такому запрету не даётся, его надо покорно соблюдать, так как, согласно пословице, *Leib on vanem kui meie*²⁴ (букв. «Хлеб старше нас»).

Необходимо отметить, что употребление приведённых эстонских пословиц, имеющих в своём компонентном составе русский топоним, было зафиксировано на юго-восточной части Эстонии, что можно объяснить

17 Loorits O. *Das sog. Weiberfest bei den Russen und Setukesen in Estland.* – (ERA Toimetused 14). – Tartu, 1940. – с. 62.

¹⁷Eisen M.J. *Eesti vanasõnad.* – Tartu: K.Sööt'i, G.Roht'i Kirjatus, 1914. – С. 127

¹⁸Krikmann A., Sarv I. (toim.). *Eesti vanasõnad. III köide.* – Tallinn: Eesti Raamat, 1985. – С. 852.

18

19

20 Krikmann A., Sarv I. (toim.). *Eesti vanasõnad. I köide.* – Tallinn: Eesti Raamat, 1980. – С. 474.

21 Там же, с. 782.

22 Там же, с. 647.

23 Õim A., Õim K. *Eesti fraseologismide elektrooniline alussõnastik* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.folklore.ee/justkui/sonastik/index.php?f=2&f1=2&f2=10&m=25607&id=25607> – Дата обращения: 30.11.2016.

24 Krikmann A., Sarv I. (toim.). *Eesti vanasõnad. I köide.* – Tallinn: Eesti Raamat, 1980. – С.

территориальной близостью к России. Единственным исключением является компонент «Сибирь» как место отбывания уголовного наказания во всей Российской империи, следовательно, география употребления пословицы и её вариантов охватывает бóльшую территорию Эстонии, чем остальные. Несмотря на то, что приведённые пословицы вышли из активного употребления, их семантический и лингвокультурологический потенциал вызывает интерес и в настоящее время.

Об авторе

Ая Урве, кандидат педагогических наук, Нарвская Кренгольмская гимназия, завуч, Эстония.

Urve Aya, Candidate of Pedagogical Sciences, Narva Krenholm gymnasium, Head teacher, Eesti.

E-mail: aja.urve@kreenholmi.edu.ee

ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЯХ¹

В статье рассмотрены устойчивые сравнения русского и литовского языков, характеризующие громкость речи. Выявлены активные фразеосемантические образы, участвующие в образовании сравнений двух языков.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, характеристика речевой деятельности, громкость речи, русский и литовский язык.

L. Vorobieva

CHARACTERISTICS OF SPEECH ACTIVITY OF THE PERSON IN RUSSIAN AND LITHUANIAN SUSTAINABLE COMPARISONS

The article considers sustainable comparison of Russian and Lithuanian languages, which characterize the loudness of speech. Identified active phraseosemantic images involved in the formation of the comparisons of the two languages.

Keywords: sustainable comparison, characteristics of speech, volume of speech, Russian and Lithuanian languages.

Речевой акт можно представить с разных точек зрения: сюда входят физические характеристики речи, речь с точки зрения содержания, формально-стилистические особенности речи, обстоятельства акта коммуникации, эффективность речевого воздействия.

Устойчивые сравнения (УС), отражающие физические характеристики речи, в русском и литовском языках характеризуют «полярные» понятия: звучащую речь и молчание. Численность устойчивых сравнений, характеризующих звучащую речь, значительно превосходит количество оборотов, характеризующих молчание. Компаративы, отражающие звучащую речь, можно разделить на несколько групп в зависимости от различных характеристик речи: 1) громкость; 2) четкость; 3) темп речи; 4) количественные характеристики (много говорить, долго говорить); 5) речь с точки зрения содержания. Кроме количественных расхождений можно отметить структурные различия единиц: если в УС, характеризующих звучащую речь, конкретный материал русского и литовского языков организуется по нескольким структурным схемам, то почти все единицы, характеризующие молчание, кроме нескольких, моделируются по структурному типу «молчать + как + существительное». Сложным и неоднозначным оказалось выделение семантических моделей в группе с доминантой «разговаривать», поскольку, во-первых, оценка речевой деятельности человека может осуществляться по разным основаниям, а во-вторых, набор мотивирующих признаков, используемых в УС данной группы, оказался очень широким и разнообразным.

В настоящей статье нами сделана попытка описать устойчивые сравнения

---

1 Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-24-04001.

русского и литовского языков, отражающие одну из физических характеристик речи – громкость.

В основу фразеологизмов с общим значением ‘громко говорить’ легло представление о шумном поведении животных, птиц, насекомых, людей в разных ситуациях и при разных обстоятельствах. Исследуемый материал включает 32 русских и 40 литовских УС, характеризующих громкую речь. Литовские сравнения с данным значением структурно и семантически разнообразнее, чем русские.

При анализе было выявлено, что часто для характеристики громкой речи, пронзительного крика в русском и литовском языках употребляются УС с одинаковыми образными стержнями (коза, свинья, бык), но в литовском языке образ таких УС часто бывает более конкретизирован, расширен и ярок, что позволяет четче обосновать выбор сравнения: ср. рус. блеять как коза – лит. *bliauti kaip ožka, vilko nešama* /блеять как коза, уносимая волком/, *bliauti kaip ožka ant virvės* /блеять как коза на веревке/; рус. визжать как свинья – лит. *rėkti kaip kiaulė, tvoron įkliuvus* /кричать как свинья, застрявшая в заборе/; рус. реветь как бык [на бойне] – лит. *bliauti kaip veršis, buzos negavęs* /блеять как бык, не получивший поила/. В литовском языке эталоном громко кричащего домашнего животного является не только коза, но и козел. С этим образом зафиксированы 4 компаративные единицы, отражающие наблюдательность народа – создателя УС: *rėkti kaip ožys* /кричать как козел/, *rėkti kaip ožys, į turgų vedamas* /кричать как козел, отводимый на базар/, *rėkti kaip ožys, į vandenį žiūrėdamas* /кричать как козел, глядящий в воду/, *rėkti kaip ožys užlaužta uodega* /кричать как козел с заломанным хвостом/. Для литовских УС данной группы характерно также использование названий кошка, котенок и теленок, являющихся, по народным наблюдениям, обладателями громкого, пронзительного голоса: *rėkti kaip katė maiše* /кричать как кошка в мешке/, *cypti (spiegti) kaip kačiukas prieš lašinius* /пищать (визжать) как котенок перед салом/, *bliauti kaip alkanas veršelis* /мычать как голодный теленок/, *bliauti kaip teliukas, nuo motinos atimtas* /мычать как теленок, оторванный от матери/.

Предметом сравнения, характеризующего громко говорящего человека, в русском языке стали боров и поросенок: кричать как резаный поросенок, визжать как боров. Русским специфическим сравнением является и визжать /завизжать как собака в значении ‘о чем-либо резко, злобно или обиженным визге’.

Значение громкого голоса воплощается в УС русского и литовского языков с названиями диких животных. Полными эквивалентами являются рычать как лев – *rėkti kaip liūtas*. У литовцев кричащий человек ассоциируется с волком, что послужило мотивом для образования рифмованного сравнения *šaukia kaip vilkas kaukia* /кричит как волк воет/ (Ср. в русском языке этот образ реализуется в УС со сравнительным творительным падежом: выть волком). Сравнение кричащего человека с диким животным фиксируется в народных говорах. В частности, в псковских говорах обнаруживаем сравнение зареветь как медведь в значении ‘о громко, басовито кричащем, ревушем человеке’.

Анализ УС двух языков выявил закономерность: для обозначения громкого голоса человека названия диких птиц привлекаются чаще, чем домашних. В русском языке шумно говорящие, кричащие, перебивая друг

друга, люди по понятным причинам сравниваются с воробьями и галчатами: шуметь как воробьи на дождь (к дождю), кричать (шуметь, галдеть) как галчата. Последнее из названных сравнений в основном употребляется по отношению к детям, что повлияло на выбор образного стержня — названия детеныша птицы.

Большинство литовских сравнений, использующих в качестве образа сравнения названия диких птиц, имеют развернутую структуру. По мнению И.В. Кузнецовой, идиоэтничность УС выявляется на фоне универсального, а национальная специфика проявляется на уровне образных компонентов, поэтому именно безэквивалентные УС требуют комментирования². В литовском языке зафиксированы 4 компаративные единицы с названием вороны: *rėkti kaip varna* /кричать как ворона/, *rėkti kaip varna prieš lietų* /кричать как ворона перед дождем/, *rėkti kaip varna, velnią pamačius* /кричать как ворона, увидевшая черта/, *rėkti kaip varna, baltą kumelę pamačius* /кричать как ворона, увидевшая белую кобылу/. Черт, белая кобыла, белая кошка в обрядах связаны с проявлением нечистой силы, стало быть, — с испугом, что и вызывает издаваемый громкий крик. Образная основа некоторых единиц этой группы связана с суеверными представлениями и содержит негативные этнокультурные коннотации. Таковыми являются литовские УС *rėkti kaip varna prieš lietų* /кричать как ворона перед дождем/ и *rėkti kaip kuosa prieš lietų* /кричать как галка перед дождем/. Голос человека уподобляется крику, шуму именно этих птиц, поскольку известно, что ворона каркает к несчастью, каркающий ворон обещает дурную погоду, галки с криком высоко вздымаются роями перед дождем и бурей³. Таким образом, использование образов вороны и галки в структуре УС явно не случайно.

Анализ материала, характеризующего громкую речь, в обоих языках выявил, что основная масса единиц отражает особенности громкой речи и лишь в немногих случаях характеризует слабый, едва слышный голос. Такими сравнениями, использующими один и тот же образ, совпадающими по семантике, но имеющими разные грамматические вариации, являются: рус. пищать как комар – лит. *rėkti kaip uodas [i ausi]* /кричать как комар [в ухо]/. Интересно, что в псковских говорах сравнение, имеющее в своей структуре наименование насекомого, характеризует громкую речь: воять как пчела (пчелы) ‘о тонко и пронзительно кричащем человеке’.

В литовском языке зафиксированы немногочисленные фразеологические единицы, использующие в качестве образа сравнения этнонимы: лит. *rėkti kaip žydas kapkanuose* /кричать как жид в капкане/, *rėkti kaip žydas turguj* /кричать как жид на базаре/. Выбор именно этнонима жид в литовских УС объясняется тем, что он обладает очень высоким фразеологическим потенциалом (в «Словаре сравнений литовского языка»⁴ зафиксировано 56 компаративных единиц с этим наименованием). Среди УС, характеризующих речевую деятельность человека, данный образ встречается не только в группе,

2 Кузнецова И.В. Устойчивые сравнения в зеркале народной медицины // Материалы XXV111 межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 15–22 марта 1999 г. – СПб., 1999. – С. 28.

3 Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. – Н. Новгород: Русский купец, 1995. – С. 91–92, 103.

4 Vosylytė K. Lietuvių kalbos palyginimų žodynas. – Vilnius: Mokslas, 1985.

отражающей громкость звучания; единицы с компонентом жид характеризуют также четкость и темп речи: *varvaliuoti kaip žydas* (neaiškiai kalbėti) /бормотать как жид (нечетко говорить)/, *atpoškinti kaip žydas poterius* (greitai pasakyti) /отбарабанить как жид молитву (быстро сказать)/.

Для устойчивых сравнений русского языка типична конструкция «кричать + как + (в, на, с) наименование пространства»: кричать (орать) как в лесу, кричать (орать) как в степи, кричать как на базаре. Близким по семантике является литовское *rėkauti kaip skerdžius miške* /кричать как старший пастух в лесу/ и *rėkauti kaip girinis* /кричать как леший/. Последний оборот этимологизируется общими для русских и литовцев народными поверьями: «Невидимый леший ведет себя очень шумно: он свищет, щелкает, кричит на разные голоса, визжит, дразнится, хлопает в ладоши, сродни эху и шумящему под ветром лесу»⁵.

В русском языке значительным числом единиц (12 УС) представлена структурная модель, использующая в качестве образа сравнения субстантивированные прилагательные (в том числе и отпричастные). Семантика образных стержней самая разная: некоторые из них обозначают лицо, испытывающее боль, пострадавшее от чего-либо: угорелый, ужаленный, резаный, недорезанный (кричать как угорелый, вскрикнуть как ужаленный, визжать/завизжать (кричать/закричать, вопить/**завопить, орать/заорать**) как **резаный**, кричать (орать, вопить) как недорезанный). Сравнения характеризуют пронзительный, визгливый крик, вопли. Другая группа субстантивированных прилагательных обозначает человека с некоторыми странностями, с отклонениями психики, что накладывается на его поведение, жесты, речь, которая зачастую переходит в громкий, истошный, истерический крик: кричать (орать, вопить) как полоумный, кричать (орать, вопить) как сумасшедший, кричать как бешеный, кричать (орать, вопить) как ненормальный, кричать/**закричать (орать/заорать)** как оглашенный.

Если в русском языке в роли образного стержня часто используются прилагательные, то в литовском – действительные и страдательные причастия, характеризующие человека, находящегося в определенном состоянии. Вместе с глаголами речи в структуре устойчивого сравнения они обозначают громкость речи, крик: *rėkti tartum mušamas* /кричать словно избиваемый/, *rėkti kaip skerdžiamas* /кричать как резаный/, *rėkti kaip rišamas* /кричать как привязываемый/, *žvięgti kaip inkirptas* /пищать как надрезанный/, *rėkti kaip piktų dvasių apsėstas* /кричать кому-нибудь как будто в него вселились злые духи/, *rėkti kaip tvoron įkliuvęs* /кричать как попавший в забор/.

Специфические литовские устойчивые сравнения *kalbėti kaip malkas skaldyti* (garsai) /говорить как дрова рубить (громко)/ и *plepėti kaip ratais važiuoti* (trankiai) /болтать как на телеге ехать (шумно)/ построены на ассоциации громкой речи и громкого звука производимого действия.

Можно предположить, что мотивировка литовского сравнения *rėkti kaip daržinės vartai* /кричать как ворота сарая/ обусловлена не только уподоблением крика и издаваемого воротами скрипа, но и ассоциативным сходством широко раскрытого рта и раскрытых настежь ворот сарая.

Кроме того, в литовском языке характеристика громкого крика может

---

5 Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. – СПб.: Северо-Запад, 1995. – С. 204.

осуществляться через яркое специфическое сравнение с земноводным животным, испытывающим боль: *šaukti kaip rupūžė po ratu* (garsiai) /кричать как жаба под колесом (громко)/.

В отличие от значительной группы УС, характеризующих в двух языках громкую речь, шепот отображается здесь лишь единичными примерами: рус. шептать/шепнуть кому что как заговорщик – лит. *šnabždėti kaip vėžys* /шептать как рак/, *šnabždėti kaip vėžiai terboj* /шептать как раки в торбе/. Если первое сравнение вполне прозрачно, то УС с компонентом рак явно требует комментария.

Активность слова рак в образовании ФЕ на материале не только русского, но и немецкого, французского, итальянского, украинского языков демонстрирует В.М. Мокиенко⁶. В составе устойчивых сравнений данный образный стержень характеризует цвет (красный как рак), походку (ходить как рак), форму глаз (глаза как у рака), длину усов (усы как у рака) и т.д. В литовском языке, кроме перечисленных характеристик, рак ассоциируется с шепотом. Мотивировка УС *šnabždėti kaip vėžys* /шептать как рак/ проясняется в более конкретизированном обороте *šnabždėti kaip vėžiai terboj* /шептать как раки в торбе/: на выбор объекта сравнения повлияло ассоциативное сходство шепота со звуком, издаваемым скребущимися в торбе раками.

Таким образом, можно сделать вывод, что почти во всех единицах основание сравнения представлено глаголом речи. В левой части компаративных единиц четко выделяется центральный глагол, наиболее ярко выражающий тему громкости, в русском языке кричать, в литовском *rėkti*. При характеристике звучащей речи в сравниваемых языках в качестве сравнительного компонента заметно количественное преобладание названий домашних и диких животных, диких птиц и слов, определяющих состояние человека. Как отмечает О.В. Белова, «в системе представлений о мире, где доминирующим принципом является символизм, имена – названия животных – выступают не только в номинативной функции, но обладают разветвленной символикой»⁷. В литовском языке обнаруживаются сравнения с образным стержнем – названием лица по национальному признаку.

Фразеосемантический материал, характеризующий речевую деятельность человека, продемонстрировал наличие вариантности в системе устойчивых сравнений. В.М. Мокиенко отмечает, что «довольно часто замена компонентов проходит в тематическом круге лексики, обеспечивающем относительную тождественность образного представления»⁸. В анализируемом нами материале такие примеры лексического варьирования встречаются довольно часто: рус. кричать (орать, вопить) как полоумный, кричать (шуметь, галдеть) как галчата, трещать (*трахтеть, верещать*) как трещотка – лит. *cypti (spiegti) kaip kačiukas prieš lašinius* /пищать (визжать) как котенок перед салом/. Некоторые примеры демонстрируют наличие в УС количественного варьирования, когда для детализации образа и усиления экспрессии вводится факультативный компонент: рус. реветь как бык [на бойне] – лит. *rėkti kaip uodas [j ausj]* /кричать как комар [в ухо]/.

6 Мокиенко В.М. В глубь поговорки. – М.: Паритет, 1999. – С. 128–136.

7 Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. — М.: Индрик, 1999. — С.11.

8 Мокиенко В.М. Славянская фразеология. — М.Высшая школа, 1989. — С. 32.

Анализ конкретного материала показал, что в устойчивых сравнениях отразилась не только многовековая история народов, но и национальный склад мышления, который, несмотря на то, что и русские, и литовцы живут в одинаковых природных условиях, проявляется в том, что именно подмечают они в окружающем мире и в каких образных ассоциациях переносят свои наблюдения в сферу «Человек».

Об авторе

Воробьева Лина Бронислововна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русского языка как иностранного, Псковский государственный университет, Россия.

Lina Vorobieva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the Russian Language and the Russian Language as a Foreign Language, Pskov State University, Russia.

E-mail: lina5558@yandex.ru

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ВЕРСИИ БИБЛЕЙСКИХ ЛЕГЕНД
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ПСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)¹**

В статье выявлены механизмы оформления фольклорных версий библейских легенд на основе анализа легенд фольклорного архива Псковского государственного университета, записанных в ходе экспедиций 1977–2015 гг.

Ключевые слова: библейская легенда; фольклорная легенда

L. Yurchuk, I. Kazakov

**THE FOLKLORE VERSIONS OF BIBLICAL LEGENDS (BY THE MATERIALS OF
THE FOLKLORE ARCHIVE OF THE PSKOV STATE UNIVERSITY)**

In the article, the patterns of folklore reframing of biblical legends are revealed. This is done with the help of the analysis of the legends of the folklore archive of the Pskov State University, recorded during the expeditions held in 1977-2015.

Keywords: biblical legend, folklore legend

Адаптация христианского учения в народной культуре стала причиной появления фольклорных легенд – устных народных рассказов религиозно-христианского содержания, многие из которых имеют книжный источник: их сюжеты почерпнуты из Ветхого и Нового заветов, житий святых и апокрифов.

Современные исследования, нацеленные на изучение функционирования христианской легенды в народной среде, показали, что представленная в народных «библейских» легендах картина мира обладает рядом особенностей, обусловленных как генезисом произведений данного жанра, так и обстоятельствами их бытования.

С одной стороны, возникает вопрос об источнике сюжета фольклорной легенды. При этом стоит учитывать, что народная «библейская» легенда в современной записи может опираться не только на канонический или апокрифический текст, но и быть изложением теле- и радиопередачи, публикации в прессе, заметки в отрывном календаре, проповеди священника и множества иных устных и письменных источников², поэтому иногда невозможно определить, откуда почерпнуты рассказчиком его сведения. Но даже в тех случаях, когда книжный источник очевиден, при передаче текста из уст в уста включаются механизмы и закономерности трансформации письменного нарратива в народной среде, изложение библейского сюжета дается в соответствии со стереотипами фольклорно-мифологического сознания, в

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Фольклорные легенды Псковской области»), проект № 17-14-60001.

2 См. об этом: Каспина М.М. Феномен смешения различных традиций, возникающий при пересказах информантами библейских сюжетов // Сны Богородицы: исследования по антропологии религии. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. – С. 226-243.

результате чего слушателем угадывается народнопоэтическая основа рассказа.

В статье мы рассмотрим механизмы оформления фольклорных версий библейских легенд на основе анализа легенд фольклорного архива Псковского государственного университета, записанных в ходе экспедиций 1977–2015 гг.

В выявленном нами псковском корпусе легенд, повествующих о библейских событиях (около 180 текстов), представлены основные эпизоды библейской истории. При этом точный пересказ Библии содержит лишь небольшая часть народных рассказов. Основной же их состав демонстрирует различные способы адаптации библейского повествования.

В силу объективных причин, связанных с процессами секуляризации культуры, одним из наиболее частотных способов освоения фольклорной традицией книжного по происхождению нарратива является упрощение сложного повествования за счет пропусков, редукции, стяжения эпизодов.

Достаточно свободно следует канве евангельского сюжета при изложении популярной в восточнославянском мире легенды о смерти Иоанна Предтечи³ М.С. Алексеева, 1918 г.р., из д. Пятчино Проховского р-на:

«А вчара праздник был Ивана Предтечия главы. Был праздник такой, пир был, а Иван Предтеча был посажена в тямницу. Царь-то был опьяневши. Одна девочка на пиру горазд плясала хорошо, а царь и говори[т]: «Что ты только вза эту пляску, что ты хочешь?» А она говорит: «Принясите Ивана Предтечу и отрубите яму голову». Яму отрубили голову и принесли на блюде»⁴.

Легенда, возникшая в памяти рассказчицы в качестве пояснения к запретам, приуроченным ко дню Усекновения главы Иоанна Предтечи, передает только основную сюжетную линию, избегая каких-либо подробностей и имен. Отсутствуют мотивировки заточения Иоанна в темницу и его казни, эпизод совещания Саломеи с матерью.

Еще большей редукции подвергся библейский текст в записи, сделанной от А.П. Гавриловой, 1920 г.р., в д. Должицы Порховского р-на:

«Ивану, был такой случай, я не могу рассказать толком, не могу таперь толком рассказать, ему голову отсякли. Кто и как – уже сейчас не могу рассказать, отсякли голову. И вот на тарелку анна... Кто-то молились, а одна женщина кака-то на тарелку положила эту голову и плясать пошла. Вот. Вот ето грех большой, считают, большой грех, что и вот и качан потому даже резать няльзя – грех!»⁵.

Помимо очевидной редукции библейского повествования запись примечательна перестановкой эпизодов библейского текста. Если в евангельском тексте в награду за пляску оруженосец царя Ирода по его повелению отсек Иоанну голову, принес ее на блюде и отдал дочери Иродиады, которая передала ее матери, то в рассказе А.П. Гавриловой во время всеобщей молитвы «женщина кака-то на тарелку положила эту голову и

---

3 У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой, Г.И. Кабаковой. – М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2015. – С. 303, 448.

4 Записано от Алексеевой М.С., 1918 г.р., в д. Пятчино Чубалевского с/с Порх. р-на Пск. обл. Ивановой М., Беловой Е. // ФА ПсковГУ за 2002 г., т. 9/1170, л. 2-3, кассета ПОРХ 2002–16.

5 Записано от Гавриловой А.П., 1920 г.р., в д. Должицы Должицкой вол. Порх. р-на Пск. обл. Тимофеевой Ю. // ФА ПсковГУ за 2005 г., т. 1/1148, № 161, кассета ПОРХ 2005–3.

плясать пошла». Полагаем, что перестановка в данном случае является следствием контаминации сюжетов: сюжета о смерти Иоанна Предтечи и сюжета городской легенды об «окаменении» за пляску с иконой Николая Чудотворца, принадлежащей области актуальных народных верований.

Пример контаминации сюжетов демонстрирует и легенда, записанная в 1978 г. от М.Х. Храброва, 1897 г.р., в д. Пыжово Пустошкинского р-на, включающая этиологический мотив:

«Существует рассказ о том, как сам Иисус Христос двумя буханками хлеба и двумя рыбами угощал 40 человек. Всех накормил, но так всё и не съели. Вот и осталась до сих пор рыба с голым боком»⁶.

Евангельский эпизод о насыщении пяти тысяч народа пятью хлебами и двумя рыбами объединен в рассказе М.Х. Храброва с известной восточным славянам народной легендой о Воскресении Христовом, согласно которой знаком Воскресения становится оживление наполовину съеденной рыбы⁷.

Одним из проявлений приема перестановки при адаптации библейских текстов можно считать появление сюжетов-«перевертышей». Так, согласно легенде, записанной от Е.Ф. Митренковой, 1931 г.р., в д. Батово Бежаницкого р-на, виновником грехопадения первых людей оказывается Адам: «Ну, вот, видишь, говорят, Адам соблазнил Еву, что-то он яблоко дал...»⁸. Очевидно, в данном случае срабатывает характерный для народной среды стереотип восприятия действительности, в соответствии с которым в роли соблазнителя выступает мужчина.

Замена подробностей библейского повествования реалиями, более близкими местному быту и укладу жизни, – один из наиболее популярных приемов освоения фольклорным сознанием книжных по происхождению повествований. Еще одним примером его реализации является легенда, записанная от М.Е. Ивановой, 1904 г.р., в д. Ямок Гдовского района. Излагая сюжет Благовещения, рассказчица осмысляет непорочное зачатие в соответствии с традиционными представлениями о внебрачных детях.

Представление об Иисусе как незаконнорожденном ребенке, зафиксированное собирателями в различных районах России и Белоруссии⁹, объясняется тем, что «народная Библия» стремится к более или менее удовлетворительному объяснению лаконичных эпизодов первоисточника.

Аналогичную трактовку в интерпретации М.Е. Ивановой получает сюжет Вознесения: «[...] народ глядел – а ён полятел по небу. Правда, аль ня правда? Это я тоже ня верю: как ён там мог лятьеть? А може, с каким с аппаратом? А топерь прилятаю[т] этии... торелки-то...»¹⁰.

6 Записано от Храброва М.Х., 1897 г.р., в д. Пыжово п/о Сергейцево Пуст. р-на Пск. обл. Храбровой Л. // ФА ПсковГУ за 1978 г., т. 12/1372, л. 5-?. Свод известных этиологических сюжетов, относящихся к камбале, см.: «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой; Отв. ред. В.Я. Петрухин. – М.: «Индрик», 2004. – С. 159.

7 «Народная Библия». – С. 371, 372.

8 Записано от Митренковой Е.Ф., 1931 г.р., в д. Батово Чихачевской вол. Беж. р-на Пск. обл. Левченко Н. Н., Уфимцевой И. А. // ФА ПсковГУ за 2015 г., т. 1/?, № 289, диск БЕЖ 2015-1-713_0070.

9 «Народная Библия». – С. 314.

10 Записано от Ивановой М.Е., 1904 г.р., в д. Ямок Полновского с/с Гд. р-на Пск. обл. Федякиной Т.В., Алексеевой И.В., Рябикиной М.Г., Ивановой О.Н., Дудкиной Н.В. // ФА

Несколько псковских легенд разрабатывают ветхозаветный сюжет перехода через Чермное море (Исход 14:5-22), когда по велению Бога (в двух псковских записях – Иисуса Христа; подобное отождествление типично для «народной Библии») воды расступились, и израильтяне прошли по дну морскому, после чего воды сомкнулись, уничтожив армию преследователей (Исх.14:26-29). В интерпретации Е.С. Надушевич, 1898 г.р., из д. Деришино Невельского р-на характерен жест Христа: «Ён перекрестил рукой, образовалась дорога»¹¹ (в записи того же сюжета из Порховского р-на «голос сверху» приказал Моисею: «Перекрести море крестом три раза»¹²) (ср. в Библии: «И сказал Господь Моисею: простри руку твою на море, и да обратятся воды на Египтян, на колесницы их и на всадников их. И простер Моисей руку свою на море» (Исх.14:26-27)).

Адаптируя «чужой» текст, приближая «книжное» слово к повседневной бытовой практике, информанты совершают лексические замены (так, «я стар, и жена моя в годах преклонных» Евангелия от Луки (1:18) меняется на «уже старенькие мы»; отец Ноя именуется «батей» и т.п.), активно пользуются фразеологическими сочетаниями:

«С зямельки все плоды зямные. Откуда ж? С небушки нам манна не валится. Это как в раньше время, что манна валилась. И то вот, когда при Моисее-то, и то зароптали на Моисея, что манна, а мяса нам нет. [...] Потом в пустыне там высохла вода, водички не стало, опять зароптали на Моисея. Вот без воды ни туды, ни сюды. Человек не может жить. Моисей помолился, подошёл к каменной скале (Господь так ему повелел), ударил по каменной скале, и потякла вода – река»¹³.

Сложные для понимания явления находят себе объяснение в фольклорных легендах через близкие и знакомые понятия. Результатом такой актуализации может быть включение евангельского события в современную действительность, в близкое рассказчику время и пространство.

Примером подобного географического и хронологического переноса является легенда о происхождении названия деревни Волхво Пушкиногорского района:

«Деревня называется, когда такие сляпые были, понимаешь, эти самые вóлхвы церковные. [...] Вот пришли в наше озеро с той стороны, от Захино, умылися, были сляпые и стали видеть. И вот оно, по-старому пошло это в тысяча каком? – я уже... там у меня есть, записан. Они стали зрячими»¹⁴. Очевидно, перед нами переработка народной легенды, согласно которой вернувшиеся на родину волхвы поочередно приложили к своим глазам пелену с тела новоро- ПсковГУ за 1991 г., т. 4/150, № 34, кассета ГД 1991–9.

11 Записано от Надушевич Е.С., 1898 г.р., в д. Деришино Трехалевского с/с Нев. р-на Пск. обл. Яковлевой М., Васильевой Н. // ФА ПсковГУ за 1987 г., т. 2/548, № 8, кассета НЕВ 1987– (? (не 2 и 7), МГН-11,12

12 Записано от Ень З.С., 1931 г.р., в д. Смоленец Полонской вол. Порх. р-на Пск. обл. Исаковой В. Н., Цыганковой В. Л. // ФА ПсковГУ за 2002 г., т. 13/1194, л. 88, кассета ПОРХ 2002–33.

13 Записано от Павловой А.И., 1930 г.р., в д. Влёсно Ильинской вол. Красн. р-на Пск. обл. Масасиной О., Макаровой К. // ФА ПсковГУ за 2007, т. 5/282, л. 24 об.

14 Записано от Егорова А.Е., 1933 г.р., в д. Волхво Велейской вол. Пушк. р-на Пск. обл. Ивановой О. А., Морозовой Н. М., Целиковым Д. В. // ФА ПсковГУ за 1997 г., т. 1/1450, л. 9, кассета ПУШК 1997–1.

жденного Христа, полученную ими от Девы Марии, и прозрели, узнав истинного Бога (заметим, что метафорические «слепота» и «прозрение» истолкованы рассказчиком в своем буквальном значении).

Данный пример демонстрирует специфическое для народного сознания ощущение времени. Совмещая в нарративе прошлое и настоящее, рассказчик не чувствует анахронизма.

В науке отмечено, что основная часть текстов фольклорной версии Библии расширяет повествовательные рамки библейской истории, причем приращение может осуществляться как на сюжетно-мотивном, так и на образно-понятийном уровне.

Пример приращения на сюжетно-мотивном уровне – легенда о Всемирном Потопе (Быт. 6-8), записанная в д. Кятицы Гдовского р-на от С.П. Иванова, 1954 г.р. Согласно легенде, во время путешествия Ноев ковчег «попадает на рифы, на какие-то камни, и пробивает дно». Заткнуть пробоину вызвался змей, который, однако, потребовал за эту услугу накормить его досыта мясом:

«Ну, человек – раз себе под мышкой кусок мяса вырезал. Почему щас у нас ы... пустые подмышки. Кинул. Он проглотил – змей. Он... со второй руки вырезал. Кинул. – Опять ему мало. Под коленами вырезал – опять мало. «Ну что, – грит, – ещё тебе?» – «Ну, мне мало! Мы с тобой не рассчитались. Я досыта не наелся». – «Ну хорошо!» Он ему – раз – лягушку кинул. Тот хоп – и проглотил лягушку. Ну что же делать теперь? Подумал-подумал... Берёт ласточку. Грит: «Ну, на! Возьми!» Змей тока, а ласточка – фыр! Змей клацнул, и поэтому у ласточки хвост клином. Выкусила... змея у... ласточки хвост. И ласточка теперь живёт под кровом человека всегда»¹⁵.

«Народная Библия» славян знает множество различных устных и письменных версий данного сюжета¹⁶, постоянными персонажами которого являются змея, ласточка и лягушка (сюжет о вражде ласточки и змеи был настолько популярным, что оказался даже включенным в южнославянский «Физиолог»). Между тем в библейской версии повествования о Потопе такого эпизода нет. Е. А. Костюхин в своем исследовании по животному эпосу приводит несколько версий происхождения данного сюжета, склоняясь к его средневековым апокрифическим истокам¹⁷.

К области фольклорного расширения библейского повествования принадлежат составляющие легендарный конвой календарных праздников рассказы, которые содержат мотивировку отдельных действий и запретов (обычай красить яйца, запрет бить крашеные яйца о ствол дерева и проч.), а также легенды об этиологии свойств животных и растений (воробей, муха, табак, осина и проч.).

Процесс интеграции фольклорной традиции в книжно-библейское повествование на образно-понятийном уровне предполагает, что освоение библейских событий фольклорным сознанием проявляется не путем прибавления добавочных эпизодов, а посредством использования традиционных изобразительных средств того или иного устно-поэтического

15 Записано от Иванова С.П., 1954 г.р., в д. Кятицы Спицынской вол Гд. р-на Пск. обл. Федоровой И.В., Кузнецовой Е.В. // ФА ПсковГУ за 2004 г., т. 2/145, № 1.

16 См., напр.: Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. – М., 2008. – С. 73-83.

17 Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, 1987. С. 148-149.

ряда. Конкретную реализацию этого процесса можно наблюдать на примере псковской фольклорной версии сюжета об Иосифе Прекрасном (Быт. 37, 39-50), записанного от З.С. Ень, 1931 г.р., из д. Смоленец Порховского р-на.

Характер развития сюжета легенды позволяет утверждать, что источником для рассказчицы послужила не Библия. Устный рассказ содержит эпизоды и подробности, которых библейская версия не сообщает. Так, например, в Книге Бытия Иосиф, узнав братьев, велит им оставить в залог старшего и привести взамен младшего, после чего тайно помещает плату за хлеб в мешки с зерном. В легенде, записанной от З. С. Ень, Иосиф велит рабам подложить младшему брату золотую чашу, после чего братьев хватают и приводят к царствующему Иосифу. Кроме того, легенда передает плач проданного в рабство Иосифа, включающий обращения к земле и к матери. Библейский текст в данном психологически напряженном фрагменте не проявляет внимания к внутреннему состоянию героя. Ср.: «Братья [...], когда проходили купцы Мадиамские, вытащили Иосифа из рва и продали Иосифа Измаильтянам за двадцать сребреников; а они отвели Иосифа в Египет» (Быт. 37:28-29). Информант компенсирует эту недостачу, используя выразительные средства из арсенала русской фольклорной традиции и тем самым придавая книжному сюжету фольклорную окраску:

«[...] А как раз ехали мимо купцы, и они этим купцам продали Иосифа. Вот, а отцу пришли, принесли одежду. Там зарезали барана, одежда окровавлена всё. Мол, вот, зверь напал и Иосифа растерзал. Ну, отец очень сокрушался, как же мо..., недоумевал: как же так, его съел этот, растерзал, а одежда-то не порвана, ничего, только в крови. Ну, ну что делать: нет и нет... А его... Вот он идёт, мимо могилки везут матери, и от он здесь плачет, и с матерью: «Мама, расступись, – значит, – сыра земля, и возьми меня к себе...». А его привезли в один город там эти купцы и продали царю. [...]»¹⁸.

Как отмечает В. С. Кузнецова, «призма, которая определяет характер фольклорного восприятия библейского сюжета, задается отчасти его темой [...]. Общность темы, предмета изображения позволяет фольклорному сознанию соотнести книжно-библейскую историю с определенной областью в системе фольклорных жанров и позаимствовать оттуда необходимые для его восприятия, осмысления и воспроизведения средства»¹⁹. Тема начального эпизода легенды об Иосифе – насильственное разлучение с близкими. Закономерно поэтому, что источником сюжета, переданного З. С. Ень, в данном случае послужил духовный стих «Плач Иосифа Прекрасного», который рассказчица читает по какому-то письменному источнику в завершение легенды.

Но и текст духовного стиха информант при изложении легенды также адаптирует, передавая книжное повествование средствами народной речи. Ср. фрагмент духовного стиха в исполнении того же информанта:

Земле, земле, возопившая
Ко Господу за Авеля,
Возопи ныне ко Иякову,

18 Зап. от Ень Зинаиды Степановны, 1931 г. р., в д. Смоленец Полонской вол. Порх. р-на Пск. обл. Исакова В. Н., Цыганкова В. Л. // ФА ПсковГУ за 2002 г., т. 13/1194, л. 84-85, кассета ПОРХ 2002–33.

19 Кузнецова В.С. Фольклорные версии библейских легенд как проявление «закона переживания старины». – С. 77.

Отцу моему Израилю. [...]
Отверзи гроб, моя мати,
Потщись вскоре мя прияти²⁰.

Вместо книжного обращения к земле в тексте легенды встречаем народнопоэтический стереотип «расступись, сыра земля»; равным образом малопонятное «фараон» замещается в устном рассказе словом «царь».

Итак, исследование показало, что книжное по происхождению повествование при пересечении границы – переходе в сферу устного бытования – претерпевает определенную трансформацию. На основе анализа материалов фольклорного архива ПсковГУ нами были выявлены такие способы адаптации библейских рассказов фольклорной легендой, как упрощение сложного повествования за счет пропусков, редукции, стяжения эпизодов, перестановка эпизодов библейского текста, контаминация сюжетов, географический и хронологический перенос, приращение на сюжетно-мотивном и образно-понятийном уровнях, а также замена подробностей библейского повествования реалиями, более близкими местному быту и укладу жизни.

Об авторах

Юрчук Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Псковского государственного университета, Россия.

Lubov Yurchuk, Doctor of Philology, Professor of Department of Literature Pskov State University, Russia

E-mail: lak131@rambler.ru

Казаков Илья Викторович, студент Псковского государственного университета, Россия.

Iliia Kazakov, undergraduate student Pskov State University, Russia.

E-mail: lak131@rambler.ru

---

20   Записано от Ень З.С., 1931 г., в д. Смоленец Полонской вол. Порх. р-на Пск. обл. Исаковой В. Н., Цыганковой В. Л. // ФА ПсковГУ за 2002 г., т. 13/1194, л. 89, кассета ПОРХ 2002–33.

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ ПСКОВО-БЕЛОРУССКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ О КРИЧАЩИХ КУПАЛЬСКИХ ВЕДЬМАХ, ОТБИРАЮЩИХ
МОЛОКО У КОРОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ПСКОВГУ)¹**

В статье рассматривается группа мифологических рассказов купальского цикла, развивающих мотив «Ведьма криком отбирает молоко у чужих коров». Предпринимается попытка выявить связь указанного мотива с его древней обрядовой основой.

Ключевые слова: ведьма, закличуха, Иванов день, мифологические рассказы, отбирать молоко, поверье, портить скот, рудимент, скотоводческий обряд.

G. I. Ploshchuk

**MYTHOLOGICAL STORIES PSKOV-BELARUSIAN BORDERLAND ABOUT
SCREAMING MIDSUMMER WITCHES WHO SELECTED MILK FROM COWS
(BASED ON FOLKLORE ARCHIVE OF THE PSKOV STATE UNIVERSITY)**

The stories about midsummer witches are considered in this article. These stories are regarded to develop the mythological idea about “witch cry selects milk in front of the cows.” An attempt is made to identify the relationship of this motif with its ancient ritual basis.

Keywords: witch, incantation, Baptists Day, mythological stories, select milk, legend, spoil cattle, rudiment, pastoral rite.

По народным поверьям, праздники, а особенно Иванов день, – опасное время, когда разгуливает всякая нечисть и вредят людям колдуны. Главное зло, приносимое купальскими ведьмами/колдунами, заключается в том, что они, портят или отнимают урожай, устраивая так называемые заломы и пережины во ржи и портят скот, отнимая молоко у коров. Сообщения о том и другом роде занятий ведьм/колдунов в ночь на Ивана (порче урожая и порче скота) часто составляют один и тот же текст.

Становление мифологической прозы происходит в контексте разнообразных обрядов и обычаев². Рудименты архаических ритуалов, сохранившиеся в мифологических рассказах, и дожившие до нашего времени обряды и обычаи суть составляющие некогда развитой, а впоследствии редуцированной и видоизмененной системы обрядов. Эти рудименты и известные нам уже в поздней стадии их развития обряды при их сопоставлении могут с известной долей осторожности рассматриваться как взаимно дополняющие и проясняющие друг друга.

В результате исследования повествований о ведьмах/колдунах,

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-24-04001.

² Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004.– С. 10.

отнимающих урожай, мы пришли к выводу, что этнографическим субстратом рассказов о колдовских заламах и пережинах является архаический обрядовый комплекс, сущность которого состоит в магическом программировании обилия, качества и сохранности урожая заколосившегося хлеба³. Мифологические рассказы о купальских ведьмах/колдунах, отбирающих у коров молоко, мы будем рассматривать, учитывая результаты исследования поверий о заламах и пережинах и в контексте продуцирующих, прежде всего скотоводческих, обрядов и связанных с ними поверий.

Наиболее известны скотоводческие обряды Егорьева/Юрьева дня. В этот день в первый раз выгоняли скот в поле, совершались обряды, направленные на оберег стада в течение периода пастьбы, а также с целью улучшить его продуктивность, увеличить надои молока. Обрядность Егорьева дня включала в себя действия на дворе и в поле. Наиболее известен такой используемый в Егорьев день магический прием как обход коровы/стада по кругу рано утром, до солнца. Он представлял собою круговое шествие вокруг стада в направлении против или по солнцу и сопровождался произнесением молитв, заговоров.

В наборе магических средств, обеспечивающих, по народным представлениям, здоровье, репродуктивность, молочность, удобное для хозяев поведение скота, представлен и крик⁴. Таков, например, зафиксированный в Прикамье и Пермском крае обычай в Великий четверг громко кликать по именам коров, овец в трубу или сидя на крыше на трубе, «чтобы скот домой ходил»⁵. Крик выступает как один из вариантов продуцирующей вербальной магии, например, обрядового диалога или заговора, завершающего магический круговой обход: «Все дома есть?» А она мне в ответ из окна орет: «Все есть!» – «А клопов-тараканов нет?» – «Нет, нету клопов-тараканов!» (Архангел.)⁶. Крик и круговой обход часто функционируют в сочетании, как составляющие элементы одного и того же магического продуцирующего, охранительного, профилактического или апотропейного обряда.

В крестьянской обрядовой практике, и прежде всего в аграрных и скотоводческих обрядах, отразились народные представления об энергии обрядового движения (бег, катание, подскоки, подбрасывание вверх) как источнике магического продуцирования здоровья и роста всего живого, плодородия и плодовитости. Достаточно вспомнить всевозможные виды масленичного катания, брыксы (Нев.) – «бабий праздник» с его разгулом и неистовыми плясками, отмечавшийся обычно в четверг на Масленой неделе⁷, в

3 Плещук Г.И. Поверья о «заламах» и «пережинах» как источник реконструкции архаических черт купальского обряда // Вестник Псковского государственного университета. Выпуск 3. – Псков: Псковский государственный университет, 2013. – С. 59–72. Далее: Плещук Г.И. Поверья о «заламах» и «пережинах».

4 Исследование характерных для народной традиции представлений о продуцирующей, оплодотворяющей, охранительной силе звука вообще и голоса, в частности, см.: Агапкина Т.А. Звуковой образ времени и ритуала (на материале весенней обрядности славян) // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука речи в традиционной культуре славян / Отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 1999. – С. 17–50.

5 Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е.Л. Березович. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. – С. 76.

6 Там же. – С. 77.

7 По Псковско-белорусскому пограничью – Власий / Аўлас (Нев., Себ., Усв. р-ны Пск. обл.)

семантике которого, как полагает Т.А. Агапкина, явно преобладала скотоводческая тема: «В Полоцком у. Витебской губ. в масленичный четверг спраўляли Ёласа – женщины пили водку, скакали и кричали всю ночь»⁸.

Эти способы магического воздействия на скот (крик, энергичное движение, замыкание магического круга) прослеживаются и в мифологических рассказах о ведьмах.

«Знающие люди», колдовским образом отбирающие в Иванову ночь молоко у коров, в псковских мифологических рассказах именуется закликухами/закликунами. Способ, которым они отбирают молоко у чужой коровы, называется закликанием⁹. Закликать – ‘зывать’ (от кликать – ‘звать’). Акцентированный в самом наименовании персонажа и его действий крик представлен в мифологических рассказах о порче скота и отнимании молока от коров и, в частности, в нижеприведенном и других последующих примерах как неотъемлемый признак колдующих ивановских ведьм: «Иду перед Ёваном, <...> идетъ женщина и таким голасам дурным рёвам реветъ, <...> белай простыню абкрыта, и пашла кругом дярвени. У каровах малака тады нет – паатбереть усё» (Нев., Кресты)¹⁰.

Нам уже приходилось писать, что варианты внешнего облика «знающих людей», совершающих свои магические действия на ржаном поле, представленные в мифологических рассказах и обрядах Ивановой ночи, способы их передвижения говорят о том, что ведьма/колдун, а некогда волхва/волхв, могли во время обряда пережина выступать в качестве воплощения предка¹¹. При идентичности деталей, касающихся внешности и способов передвижения и некоторых иных деталей, то же, очевидно, можно утверждать и о ведьмах, совершающих магические обряды с целью воздействовать на домашний скот.

В характеристике передвижения иваньских ведьм/колдунов в мифологических рассказах Псково-белорусского пограничья преобладают глаголы «бегать», «ехать» (верхом на кочерге и т.п.): «у Купаленку женщина бегала, собирала росу» (Усв., Усвяты¹²; Пуст., Холюны¹³; Пуст., Петраши¹⁴; Себ., Грудинино¹⁵). Закликуха обегает, иногда указывается, что трижды, верхом на клюке деревню и каждый двор, всякий раз замыкая вокруг объекта своих магических действий круг: «голая, как мать родила, на клюке ехала кругом дярвени, молоко

См.: Площук Г.И. Женский праздник в составе масленичной обрядности на территории Псковской области // Псковская Масленица: образы, символы, коммуникация (с аудиоприложением): монография / Под ред. Н. В. Большаковой. – Псков: ЛОГОС Плюс. 2015. – С. 89].

8 Шлюбскі А. Матэр’ялы до вывучэння фальклору і мовы Вицебшчыны. – Менск, 1927; цит. по: Агапкина Т.А.. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002. – С. 202.

9 СБЖ 1991 1610–9.

10 Народная традиционная культура Псковской области. – СПб.; Псков: ОЦНТ, 2002. Т. II. – С. 495, № 4 б. Далее: НТКПО.

11 См. об этом: Площук Г.И. Поверья о «заломах» и «пережинах». С. – 64–65.

12 УСВ 2004 1713–11.2.

13 ПУСТ 2005 1433–199.

14 НТКПО, II. С. 496, № 6.

15 НТКПО, II, с. 610, № 2.

отбирала у коров» (Пуст., Пятовщина)¹⁶.

Замыкая своим движением объект магии в круг, колдовка кличет коров по именам: «баба побежить на двор и кричить: и Бурёха, и всяко называеть. Так ейная корова молока много даеть, а в чей [двор] ворветься, та и не даеть» (Пуст., Никитино)¹⁷.

Ряд рассказов содержат деталь: ведьма выкрикивает клички коров, забравшись на дерево. Приводим один из них: «У нас была баба-колдунья. Бывало, залезет на берёзину и сманивает всех коров: «То Бурёнка, то Пеструшка, неси мне молочка больша!» (Пуст., Пятовщина)¹⁸. Очевидно, в этих текстах дерево и выкрикивающая клички коров с дерева ведьма – рудимент архаического обряда, связанного с древними представлениями о священных деревьях, которым, как известно, поклонялись язычники. «По верованиям аборигенов Австралии, в дерево или скалу может превратиться тотемный предок <...>. Следовательно, священными дерево или камень делает именно присутствие в них духа». По якутскому преданию о священном дереве, «в могучей старой березе, живет «сир иччитэ» – хозяйка земли, покровительствующая всему живому; иногда она показывается из березы и, размахивая зеленой травой и ветвями, произносит свое «благопожелание»¹⁹. Сходную картину, на наш взгляд, дают рассказы Псково-белорусского пограничья об ивановских ведьмах, кричащих с дерева: Если принять, что действия заклинухи были переосмыслены как вредоносные в позднейшую, христианскую, эпоху, а некогда таковыми не считались, то отложившийся в рассказах о ведьме, кричащей с дерева пожелание («Бурёнка, Пеструшка, неси мне молочка больша!»), воспринимаемое современным информантом как «сманивание» ведьмой чужих коров, есть рудимент архаического благопожелания «предка» (ведьма, как помним, могла мыслиться в обрядовой ситуации воплощением предка), а весь эпизод, изображенный в рассказе, – рудимент древнего обряда, направленного на стимулирование молочности сельского стада. Понятно, что при таком обряде важно было, по древним представлениям, назвать клички всех деревенских коров, не пропустив ни одной из них. Отсюда повторяющаяся в рассказах деталь: ведьма выкрикивает клички коров, а не какой-либо одной коровы, или даже подчеркивается, что речь идет именно обо всех коровах в деревне: «сманивает всех коров» (Пуст., Пятовщина); «кричит там всех коров чисто по кличке» (Н-Сок., Вяз)²⁰.

Крик как неотъемлемый элемент воздействия на объект магии присутствует и в мифологических рассказах о ведьмах/колдунах, крадущих росу.

Известно, что в народном сознании роса – средоточие плодоносящего начала. В сакральное время – в Юрьев день, на Троицу, на Ивана Купалу,

---

16 ПУСТ 1989 1403–11а.

17 ПУСТ 1989 1403–22.

18 ПУСТ 1989 1403–11а.

19 Исторические предания и рассказы якутов / Изд. подгот. Г.У. Эргис. – М.; Л., 1960, ч. 4. С. 73, 277. Цит. по: Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. – Л.: Наука, 1987. – с. 49.

20 НСК 1988, 681–226, 23.

реже в другие дни – роса обретает особую магическую силу благодатного воздействия на здоровье и красоту человека, урожайность злаков и молочность скота²¹. В продуцирующей земледельческой, скотоводческой и других видах обрядовой и бытовой магии практикуются различные действия с росой. Для увеличения урожайности жита крестьяне в Юрьев день катались в росе (Брест. обл.)²², топтали (бел., витебск., брест., рус. смол.) или «труси-ли» (обивали) росу (брест.), обходя вокруг поля²³. Для укрепления здоровья скота и увеличения надоев молока в Егорьев день выгоняли коров до солнца на росу (рус., смоленск), собирали росу цедилкой, скатертью, полотенцем, фартуком, подолом, затем выжимали мокрую материю в ведро/подойник и поили или опрыскивали/обмывали корову. Собирая росу, приговаривали: «Як роса прыбывая, штоб у маёй каровы так малако прыбывало» (Гомельщина)²⁴. Понятен смысл обрядовых действий с росой: по народным представлениям, они должны магически передать заключенную в росе плодородную силу злакам и молочному скоту²⁵.

Эти представления отчетливо проступают в мифологической версии обряда первого выгона скота, представленной в егорьевских песнях, в частности, в песнях Псково-белорусского пограничья. Приемник скотьего бога Волоса–Велеса святой Юрий–Егорий в них «ключи бяреть, / Ключи бяреть, землю отмыкает, // Пускает росу на всю весну» (Себ., Актисово Глембочинск.)²⁶. Сравним в украинском заговоре: «Приспоряй, Господи, божу росу, щоб коровки доились»²⁷. В другой песне Юрий–Егорий предстает совершившим известные по этнографическим материалам продуцирующие обряды. Зачин песни сосредоточивает внимание на состоянии покровителя домашнего скота: Егорий приходит «обросившийся-обмочившийся». А далее песня представляет собой классический продуцирующий диалог: вопрос и ответ, из которого следует, что святой сам «скот у поле выгонял». При этом, будучи мокрым от росы, он «своей рукой коровушек поглаживал», то есть, как это следует из концовки-благопожелания, путем контактной магии передавал оздоравливающую и плодоносную силу росы, а с нею – молочность, всему деревенскому стаду (Усв., Пустынники Церковищенск.)²⁸.

Если росы, этого важнейшего, по крестьянским понятиям, компонента, обуславливающего здоровье и продуктивность скота, а также урожайность и качество урожая зерновых, утром Иванова дня не было («трава сухая кругом»), это воспринималось как негативный прогноз на будущее и как результат происков ведьм: «Ой, в этом году что-то будет: ведьмы всю росу убрали!» (Пушк., Рогово Исск.)²⁹.

21 Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5-ти томах. Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 471. Далее: Древности. Т.4.

22 Агапкина Т.А.. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002. – С. 416. Далее: Агапкина Т.А.. Мифопоэтические основы...

23 Древности. Т. 4. – С.

24 Древности. Т.4. – С. 471.

25 См. об этом: Агапкина Т.А.. Мифопоэтические основы... – С. 417.

26 СБЖ 1989 1596-1598 – 33.

27 Древности. Т.4. – С. 471.

28 УСВ 1979 1680–л. 38-39.

29 ПУШК 2011 1788 – 33

Скрадывание росы – один из способов отобрать молоко у чужой коровы: «на Ивана ведьмы <...> собирают росу с пастбищ и отбирают у коров молоко» (Долговица Крестовск. Кун.)³⁰. При этом в мифологических рассказах колдующие ведьмы/колдуны используют те же магические приемы для воздействия на здоровье и молочность скота, которые известны по скотоводческим продуцирующим обрядам: «на Цветной Иван <...> будет колдунья <...> по росы кататься и молоко отбирать» (Себ., Идрица Идрицк.)³¹; «тянить по росы цадилку и в ведро выливать <...> И всё кричить. Это от других коров отбирают молоко, а у е целая доенка б была б» (Усв., Усвяты)³²; «утром рано полотенцем собирает росу возле чьего-то огорода<...> корова молочко бросила давать, заболела» (Себ., Рыжаково Купуйск.)³³. Собрав росу полотенцем, «цедилкой» и т. п., ведьмы/колдуны, как это делают и обычные люди, выжимают материю в сосуд (ведро, подойник и проч.), поят или опрыскивают/ обмывают свою корову росой.

Собирая росу, ведьма/колдун «кричит» – «приманивает» коров, называя их по кличкам: «<...> Ходить, када раса. Эта на Иван. <...> и в вядёрачка эту расицку сабираить, и каров прикликиваить: «Серядошка, Пятёшка, Васкресёшка, Панядёшка!» <...> У евонай каровки тада малачка будеть больше, а у етых паменьше» (Нев., Харланиха,)³⁴.

По верованиям белорусов, собрав росу платком, скатертью или уздечкой, ведьма могла затем повесить их в своем хлеву, и тогда молоко текло в подставленный сосуд³⁵. В материалах ФА ПсковГУ, собранных в таких районах Псково-белорусского пограничья, как Себежский, Невельский, Куньинский, такой сюжет так же представлен. И в нем скрадывающая росу ведьма кричит, называя коров по имени, либо выкрикивая заклинание-пожелание: «Говорили, что где-то там ходила [женщина], коров собирала. Уздечку брала, выходила, она их собирала: называла по имени, они отзывались ей. <...> Кто-то <...> , говорят, пришел [к ведьме, смотрит], а со ступы молоко текет!» (Себ., Ульяновщина Ленинск.)³⁶.

Экспедицией Санкт–Петербургской консерватории в Невельском районе зафиксирован текст, где сюжет об отбирании колдунами молока от чужих коров отнесен информантом к Егорьеву дню. В рассказе не идет речь о собирании росы. Колдун использует атрибут, очевидно, символизирующий обряд, – оброть, обычно протягиваемую на Иванов/Егорьев день колдуном/ведьмой по росистой траве. Оставаясь дома, колдун берет оброть в руку и, стуча рукою в печь, зовет коров по именам, после чего с оброти стекает молоко: «У нас был такей Якуш. <...> Вот, бывала, такей день – на Ягорья. Так <..> аброть эту, што каня заабротывають, и тады вот так <...> в печку [стучит]: «Васкрясёшка, Панядёшка, Втарёшка, Сирядёшка, Читвярёшка, Пятёшка, Субошка!» Вот тады гляди на тую на аброть – там малако с тэй аброти тьякеть. Так ва всих каровах атабрал

30 КУН 1999 336 – 23.

31 СБЖ 2011 1779 – 167.

32 УСВ 2005 1712 – 9.

33 ВЛ 2011 1751 – 29.

34 НТКПО. Т. II. 0 – С.495. №4 г.

35 Древности. Т.4. – С. 472.

36 СБЖ 2006 1646 – 37.1.

малако» (Нев., Рыжее Сиденье)³⁷. По обычаю телочку называли по дню недели, в который она появилась на свет. Таким образом, выкрикивая семь кличек коров, колдун магически воздействовал на все молочное стадо деревни. Как и в рассказах о ведьме, колдующей на дереве, повторяется деталь: ведьма/колдун стремится назвать всех деревенских коров. При традиционном понимании наличия росы и необходимости магических действий с нею в сакральное время как решающего условия благополучия, плодovitости и молочности скота это настойчивое повторение вполне естественно, если помнить, что ведьмы/колдуны – в исторической перспективе те же волхвы, некогда совершавшие магические обряды с целью стабилизировать, обезопасить важнейший источник питания – домашний скот, обеспечить его продуктивность и тем самым благополучие социума.

В другом тексте крик ведьмы, собирающей росу, представляет собою заклинание-пожелание, подобное тому, которое мы встретили в повествовании о колдующей на дереве ведьмы («Буренка. Пеструшка, носи мне молочка больше!»), и, по-видимому, являет собой рудимент архаического скотоводческого продуцирующего обряда: «На самого Ивана. Утром рано <...> волосы распущены <...>. Идётся по всему полю, когда роса <...> и такая оброть, вот которую лошади одеют на морду – у яе тащиться по травы, и она уже колдует: «От коровки мне молочка, от коровки мне молочка!» <...>. Приходить домой, повешаеть оброть на гвоздик и поставить вёдры. И молока полные вёдры!»³⁸ (Себ., Шеклаки Бояриновск.).

Полная идентичность приемов магического воздействия на здоровье и продуктивность молочного стада в крестьянских скотоводческих обрядах и в действиях ведьм/колдунов осознается и информантами: «Утрушком раненько <...> баба бегаёт и росу в ведро собирает. – А для чего собирали росу? – Чтоб коровка молоко давала или от чужих коров молоко отбирала» (2011. Аничково Лычѣвск. В.-Л.)³⁹.

Ясно, что уже в древние языческие времена отношение к волхвам с их «тайным знанием» было двойственным: от них ждали помощи, но их и опасались. Еще и в наше время живо представление, что колдующая в сакральное, «пороговое», время ведьма может по своему желанию сделать людям добро или причинить вред: «А потом на какие-то праздники <...> эта баба Лена – распускала волоса, вставала утром рано <...> И вот, куда захоча, **кому добра сделать**, прибыли, чтоб во дворе все хорошо, а кому захоча – навредить!» (Пуст., Середеево Васильковск.)⁴⁰. Опасная, вредоносная сторона «природы» «знающих людей», по упоминавшимся уже причинам, со временем выдвинулась на передний план, гипертрофировалась в народном сознании, хотя и не вполне вытеснила из него представления о положительных свойствах и функциях этих персонажей, сохранив таким образом двойственность в их восприятии.

Итак, представленный в позднем слое мифологических рассказов негативный образ ведьмы-закликухи соответственно восприятию ее действий как стремления навредить скоту, отобрать молоко у коров есть, по-видимому,

37 НТКПО. Т. II. – С.495. № 4а.

38 СБЖ 1991 1612 – 51, № 51.

39 ВЛ 2011 1753 – 75.

40 ПУСТ 2005 1432–206, 208.2.

результат позднейшего, под влиянием христианства, переосмысления образа ведьмы-волхвы и совершаемых ею продуцирующих обрядов. Продуцирующая составляющая действий купальской ведьмы-закликухи не вполне утрачена и в бытующих в наше время поверьях и мифологических рассказах о колдовских манипуляциях, производимых с целью воздействовать на домашний скот. Если вынести за скобки представление о том, что ведьма стремится обеспечить желательные качества для своей скотины, отнимая эти качества у чужих коров, остается, что действия закликухи имеют целью добиться лучшей продуктивности, молочности, удобного для хозяина поведения скота. При этом набор колдовских приемов закликухи, имеющих целью воздействие на животных, вполне согласуется с практикой продуцирующих скотоводческих обрядов.

Рудименты, выявленные в результате исследования небольшой части обширного корпуса купальских мифологических рассказов – группы повествований о кричащих ведьмах, отбирающих молоко у коров, естественно, не дают возможности представить архаические продуцирующие скотоводческие ритуалы купальской ночи в их полноте и последовательности, но позволяют выявить некоторые черты этих обрядов: обретение ведьмой/ведьмами/волхвами соответствующего облика: раздеваются донага, распускают и взъерошивают волосы, заворачиваются в белую ткань или надевают белые одежды; энергичное передвижение верхом на помеле, кочерге, хлебной лопате (бегом, вприпрыжку, вскачь) к месту, на месте и с места совершения магических действий; энергичный «объезд» стада/хлева/постройки («заключение в круг» объекта магического воздействия) с выкрикиванием кличек животных; «явление предка» на священном дереве и выкрикивание им с дерева кличек животных и «благопожелания»-заклинания («Неси мне молочка больше!»); собирание росы, передача ее магических свойств домашнему скоту тем или иным способом контактной магии (выгоняют скот непосредственно на росистую траву, поят, обмывают или опрыскивают коров собранной росой и проч., кличут животное по имени до тех пор, пока оно не отзовется, выкрикивают благопожелание).

Список сокращений (районы Псковской области)

Кун. – Куньинский; Лок. – Локнянский; Нев. – Невельский; Н-Сок. – Новосokolьничский; Оп. – Опочецкий; Пуст. – Пустошкинский; Пушк. – Пушкиногорский; Усв. – Усвятский.

Об авторе

Площук Галина Ивановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований, Псковский государственный университет, Россия.

Galina Ploshchuk — Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Science and Education Laboratory for Regional Philology Study, Pskov State University, Russia.

E-mail: labrifi@yandex.ru

**ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ
НА ВИТЕБСКО-ПСКОВСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ¹.**

В статье представлены итоги изучения специфики локальной традиции народного вербально-магического врачевания на Витебско-Псковском пограничье, которая проявляется в сюжетно-мотивных и образных предпочтениях. В научный оборот вводится новый полевой и архивный материал.

Ключевые слова: заговор, народная медицина, белорусский фольклор, сюжеты и мотивы.

T.V. Valodzina

VERBAL CHARMS TRADITION AT VITEBSK-PSKOV FRONTIER

The article is dedicated to the specific local traditions of folk verbal and magical healing at Vitebsk-Pskov frontier, which is shown in the plot-motive and figurative preferences. New expeditional records and archival materials are introduced to scientific usage.

Keywords: verbal charms, traditional medicine, Belarusian folklore, plots and motives.

Заговоры — один из фольклорных жанров, кооторый выявляют высокую степень интернациональности как в пределах семантики, так и структуры. Именно в заговорах особенно явно выступают те формальные и смысловые элементы, которые причисляются к универсалиям, так как опираются на архаичную систему представлений и на психофизиологическую общность человеческой природы. Вместе с тем, каждая территория характеризуется своим и довольно устойчивым набором функциональных типов, сюжетов и персонажей. В данном случае речь пойдет о заговорно-заклинательной системе Витебско-Псковского пограничья. Источниками исследования помимо печатных изданий стали архивы Беларуси и Пскова, значительную часть составляют собственные полевые записи.

Севернобелорусские заговоры представляют собой довольно однородный комплекс, значительную часть которого составляют небольшие заклинные формульные тексты и гораздо реже развернутые структуры. В абсолютном большинстве заговоров, записанных в пограничье, отсутствует молитвенное вступление, сразу идет нарративная часть или обращение к болезни. В отношении функциональности представлены большинство характерных для белорусской этнической традиции групп – от глаза (уроков), испуга, вывиха, рожи, грыжи, волосня и т.д. Особое внимание хотелось бы уделить наиболее ярким отличительным особенностям заговоров пограничья.

---

1 Статья подготовлена в рамках выполнения проекта БРФФИ-РГНФ (ПР) “Традиционный этнокультурный и языковой ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX — начале XXI в.: уровни репрезентации и динамика кросскультурных связей”, договор № Г16РП-004

Представления о волосне/волосе (панариций) очень популярны по всему Подвинью, встречаются и в Поднепровье, однако вербальный элемент характерен прежде всего для севера Беларуси и соседних псковских территорий. В представлениях, в результате воспаления кости появляется живое волосоподобное существо, которое в результате магического лечения можно даже увидеть. Кроме того, в пограничных районах активно фиксируются представления о водной природе волосня, будто бы это волос, который, попав в воду, приобретает новую жизнь и болезнетворные свойства. «Волосник – болезнь. В воде есть в роде волоса, впивается в тело. Как исследовано, каждый волос через три года оживает в воде. Если попадет в царапину, сейчас человек заболевает². Лечение предполагало прежде всего удаление из тела вредоносной сущности, а медицинская процедура сводилась к особому роду «выливанью»: «Валаснік выліваць у вадзе. Пракіпіць вада, выліваю ў міску. Яны ж пальцы аб’ідаюць. Каласы жытныя, не пшанічныя, пара, пара і адну беспарную. У пучочак звязаш і на палец. А тады на каласах валасы находзіш, як хто накідаў»³.

Повсеместно на пограничье лечение осуществлялось с помощью колосьев. Далее на север в Псковской области использовали черный папоротник или «бор» — пучок молодого вереска. «Бор», как и колосья, привязывали к больному месту и поливали горячей водой. «Вот кагда на бор-то паливаишь, он должен выхадить на бор. Мы вечером [делали], так ани, знайти, вот так даже изгибаютца есть. Как галава изгибаитца – там и фиалетавые, и краснинькие, и зелёнинькие, и белыи – такии коротинькии, белыи» (Гдовский район)⁴. В среднепсковских районах болезнетворный волос даже персонифицируется и приобретает имя собственное – Сам Самовик. В представлениях, это главный волос, он черный, но с белой головкой. Заговор шептался столько раз, пока он не покидал больное место. «А потом (он долго палец болел), потом адна женщина гаварит: «Тагда заживёт, эта балячка уйдёт, кагда выдет Сам». Я гаварю: «Ну а што эта паняць, как, [што] за Сам?» – «А, – гаварит, вот такой длины чёрный волос с белым концом». Ана гаваря: «Выйдя кагда Сам – чёрный волос с белой головой»⁵.

Семантическим стержнем заговоров являются формулы императивного характера, с помощью которых волос как болезнетворный агент призывается выйти из тела человека: «Волос, волос, найди себе колос»⁶. Появление темы голоса, видимо, опирается на стремление заговора к ритмичности и рифмованности, см. волос — голос: Волас, услыш мой глас, ідзі на колас»⁷. Однако в псковских заговорах тема развивается, голоса (а их уже 25) становятся активной действующей силой: «Дваццать пять галасей, гани фсяких разных

---

2 Архив Литературного музея в г. Тарту (АЛМТ): ERA II 61, 514 (11), зап. в Латгалии.

3 Зап. в 2005 г. Володина Т. в д. Волынцы Верхнедвинского р-на от Семез М.М., 1920 г.р.

4 Народная традиционная культура Псковской области. Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. — В 2-х т. — Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2002. — Т.1. — С. 217.

5 Там же.

6 Там же, с. 594. Зап. в Новоржевском р-не.

7 Зап. в 2011 г. Володина Т., Лобач В. в г. Городок от Яценко Е.И., 1934 г.р.

валасей: рыжий, серый, русский, чёрный. Или ета ат белавя глазу, или ат серава глаза, или ат радаснава или ат зависнава»⁸.

Заговоры от грыжи в целом составляют специфику севернорусских и севернорусских заговоров, здесь они выделяются особой популярностью, богатством мотивов и вариантов устойчивых сюжетных схем. Сама грыжа персонифицируется, причем в женской ипостаси, передаются даже три возрастные категории и семейные отношения: «Ну ина ж чилавёка грызётъ. “Красная дявица, маладая маладушка, старья старушка” — их же три. Три женщины таких. Таких што яны грызутъ чилавёка. Яны уредныи. Их три, три сястры» (в. Непадовичи Себежского р-на)⁹. Вербально-ритуальный комплекс мер от грыжи организован вокруг предиката грызть, который как характеризует основные симптомы, так и определяет акционально-заговорную стратегию. Попросту говоря, болезнь грызет и болезнь грызут. В качестве акторов загрызания выступают разные персонажи, от матери больного ребенка до животных и даже святых, см. к примеру: «Я, радимая матъ, как сумела засадить, сумела спарадить, сумею загаварить радавую грысть, папавую грысь и чересляную»¹⁰.

Мотив “Кто-то хочет есть и съест грыжу” представлен рядом вариантов: я хочу есть; я вчера не ела, а сегодня съем грыжу и др. «Грызъ, грызь — есь хочу: у сераду ня ела, пятницу заговела, раба твоя Божа — стой, боли аминь»¹¹; «Грызъ грызу, есь хочу, учера не вячерела, сегодня не завтракала. Грызъ, грызь, вылезай вон ...»¹². В рамках темы голода выделяется значительная группа текстов, актуализирующая «животную» тему: «Волка съела, мядзведя съела, а тябя, грыжа, ня диву съись. Съем, заем и вовси съем!»¹³, «Цябе воўк еў, цябе мядзведзь еў, і я цябе з’ем»¹⁴.

Показательно, заговаривающий фактически отождествляет себя с животным, а вид животного выбирается в зависимости от образа самой грыжи. Естественно, чаще это хищное животное – волк, рысь: «Грызъ, грызь, я воўк, а ты каза, я цябе з’ем. Цябе не быць нікагда»¹⁵. На Витебско-Псковском пограничье особенно частотна пара кошка – мышка. Безусловно, распределение ролей программирует и ситуацию охоты и поедания: «Грыжа-грыженица, табе тут не сялитца. Я кошка, ты мышка, я тибѣ з’ем» (Себежский р-н)¹⁶; «Грызъ, не грызі маё цела. Я кошка, а ты мышка. Гам, з’ем»¹⁷; «Грызъ! Грызъ! Я твой кот,

8 АЛМТ: VKK 26. Зап. студенты Тартусского государственного университета в 1968 г. в д. Муравицы Псковской обл. от Антиповой О.И.

9 Народная традиционная культура Псковской области, т. 2, с. 614.

10 Там же, т. 1, с. 221. Зап. в Гдовском р-не.

11 Романов Е.Р. Белорусский сборник. – Витебск: Тип. Малкина, 1891. – Вып. 5. – С. 98, № 240. Зап. в Витебском уезде.

12 Архив Научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований ПГУ (АПГУ). Зап. в 1977 г. в д. Бор Усвяцкого р-на от Голубевой А.И., 1909 г.р.

13 Народная традиционная культура Псковской области, т. 1, с. 594.

14 Замовы / Уклад., систэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А.Барташэвіч. — Мінск: Навука і тэхніка, 1992. — № 766. Зап. в Витебском р-не.

15 Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси (АИИФ). Зап. в 1998 г. Боганева А. в д. Вышадки Городокского р-на от Морозовой М.И., 1917 г.р.

16 Народная традиционная культура Псковской области, т. 2, с. 613.

17 АИИЭФ. Зап. в 1989 г. Сысов В. в д. Заборье Рассонского р-на от Кургановой

я тебя заем. Уходи! Уходи! Не злоби, не ломи. Я тебя заем. 3 раза сказать, покусать и поплевать»¹⁸. **Впрочем, вне зависимости от конкретных значений глаголов съест, закусить, заест** и др., а также от того, кому конкретно обозначаемые этими глаголами действия приписываются, рассмотренные тексты обычно завершаются формулой «Я тебя съем», лаконично выражающей прагматическую установку заговора от грыжи (уничтожение недуга путем его загрызания/поедания), в которой основной глагол действия либо повторяется **несколько раз, либо дублируется синонимами**¹⁹: **поем и всю грыжу рабу (имя) съем** – «Грыжу загрызала бабка і прыказавала: Грызь-грызяка, божая сабака. Гам-гам, я цябе з’ем. На добрае здароўе (імя)»²⁰.

Важно, в приговорах магическим образом отрицается грызение тела грыжей, а перенос этого действия на себя в конечном итоге ведет к отрицанию болезни как таковой: ««Ня грызь грызець, а я грызу! Ня грызь грызець, а я грызу!...», – і так во ад венічка, эту самую... палачку ад венічка і так во кругом абвесці, раза тры! А тады ў печку»²¹. Частотен мотив отправления грыжи на сук, причем акциональный ряд позволяет думать, что сук вообще выступает предметным эквивалентом самой грыжи, в заговорах прямо обозначается «сук, вазьмі сваю грызь»: «Сук, сук, вазьмі сваю грысь. Сук падсыхаець, грысь прападаець»²².

Центральный сюжет заговоров от рожи «Шел кто-то (Христос / Богоматерь), нес / имел три розы, которые пропали (увяли, закаменели)» распространен по всей белорусской территории, а также на русском северо-западе, см. к примеру «Ішоў Хрыстос па полю, нёс тры розы: адна акамянела, другая адярвянела, трэцьця зьгінула, зьгінь і ты, боль, нячыстая рожа»²³; «Ишоу Гасподь па полю, нашоу три рожи: синяя рожа, красная рожа, касьтиная рожа. Выйди из касьтей и сь тела...»²⁴; «Ишел Иисус дорогою, нашел три розы, одна плохая, а вторая скрепила, а третья завяла. Пострелянная, костяная, водяная. Фу-фу. Аминь»²⁵.

На севере Беларуси, начиная с Городокского района, мотив пути персонажа-помощника модифицируется в мотивный вариант «ішла рожа, затым зніклі», т.е. активное действие приписывается самой болезни: «Ішла рожа ў чыста поле, у адно поле яравое, у другое ржаное, у трэцяе ў папар. Рожу здую, рожу сплюю, рожа звяла, рожа прапала ад рабы божай...»²⁶. Неоднократно

Я.Я., 1932 г.р.

18 АПГУ. Зап. в 1981 г. в д. Каревино Усвяцкого р-на от Ловчей А. И., 1914 г.р.

19 Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном осещении. Сюжетика и образ мира. — М. : Индрик, 2010. — С. 311.

20 Фольклорный архив Витебского государственного университета (АВГУ). Зап. в д. Полдетки Витебского р-на от Шевченко А.

21 Фольклорный архив Полоцкого государственного университета (ФАПГУ). Зап. Лобач В. в д. Козьи Горки Полоцкого р-н от Пироговой Л.Е., 1928 г.р.

22 АИИЭФ. Зап. в 1998 г. Боганева А. в д. Вышадки Городокского р-на от Морозовой М.И., 1917 г.р.

23 Шлюбскі Ал. Матар’ялы да вывучэння фольклёру і мовы Віцебшчыны. — Мінск: Друк. Інбелкульту, 1927. — С. 33.

24 АПГУ. Зап. в 1987 г. в д. Городищи Невельского р-на от Буйко П. Ф.

25 АПГУ. Зап. в 1991 г. Рощина Т., Верзакова Н. в д. Александрово Себежского р-на от Кашко Е.Г., 1926 г.р.

26 АИИЭФ. Зап. Т.К. Тяпкина в 1979 г. в г. Городок от Лобанёвой А.Н., 1909 г.р.

с незначительными вариациями записан следующий текст: «Ішло тры рожы праз тры полі. Адна стала, другая стала, а трэцяя саўсім прапала» (Верхнедв.)²⁷. Мотив двенадцати сортов болезни на пограничье имеет переклички с сюжетом «Сисиниевой легенды» через упоминание встречи с двенадцатью сестрами-рожами: «Ішоў Пан Бог праз тры полі. Спаткаў 12 рож: земляную, вадзяную, камяную, касцявую, красную, сінюю, белую, ветраную, глазную, падзіўную, пагулянную, урочную – ухадзіця, рожы, проч»²⁸, «Як есць вас двенаццаць сястрыц, старайцеся вы іцьці в цёмныя леса, жолтыя пескі, на сіняе мора, в чыстае поле, ад (імя) белага цела. Хрыстос васкрэс, Хрыстос васкрэс, Хрыстос васкрэс!»²⁹.

По мере продвижения на север уменьшается объем текстов и в то же время возрастает их императивность, что нередко воплощается в формулах прямого повеления: «Так і ты згінь, прападзі, праклятая рожа, расказуем табе. Амінь. Амінь, Амінь»³⁰; «Ад твайго духу каб не было пуху, цела не балела, косці не ламіла. Рожа, адкасніся, адвяжыся — на сухой лес, на бягучыя воды, Мар’і на добрае здароўе»³¹. Меняется и состав приписанных роже предикатов. Если на юге преимущественно фиксируется триада, где рожа отождествляется с цветком, растением, — «звяла, ссохла, прапала», то северная традиция объединяет заговоры со следующими предикатами: «Адна стала, другая спала, а трэцяя сама разышлася» (Россоны), «Шел Хрыстос по путям, по дорогам, по пням, по болотам, нес три розы — одна ссохла, вторая сдохла, третья пропала»³². При этом с дальнейшим продвижением на север пассивное исчезновение рожи уступает место описаниям активного воздействия сакрального помощника: «Сошёл Иисус Хрыстос с неба, шёл по полю, встретил три рожи. Одну бил, другую задавил, третью с этого свету уничтожил, рабе Божией имярек доброе здоровье дал»³³.

Внутренние органы брюшной полости и их заболевание в результате подрыва на самом северо-востоке Беларуси получили название доннік, донница, этимологически связанное с древнерусским обозначением **дъна** ‘матка’, ‘желудок’, ‘толстая кишка’, ‘утроба’, хотя в целом на Подвинье в этом значении доминирует термин золотник. Примета золотой распространяется на те же органы и части тела (матку, пуп), которые имеют иные названия, см.: **золотой донник**; “Залатнік залатой, залатоя гнязьдзечка, стань на сваё мясьцечка” (Городок). В записях Е. Романова встречаются и редкие названия этого органа и одноименной болезни – матка и маташник. К заговору собиратель добавляет комментарий, что такие органы имеют и женщины, и мужчины³⁴.

В заговорах доннік настойчиво отправляется подчеркнуто на свое ме-

27 Замовы / уклад. У.А. Васілевіч, Л.М. Салавей; уступ. арт.: Л.М. Салавей. — Мінск: Беларусь, 2009. — С. 290.

28 АИИЭФ. Зап. Алексеев Н. в 1984 г. в г. Полоцке от Пашковской Евгении Ивановны, 1905 г.р.

29 ФАПДУ. Зап. Лобач В.А., Филипенко В. в 2004 г. в д. Микулино Полоцкого р-на от Орёл Л.П., 1937 г.р.

30 Зап. Володина Т.В. в 2005 г. в. Мартиново Верхнедвинского р-на от Ламинской Н.Н., 1931 г.р.

31 АИИЭФ. Зап. Тяпкина Т.К. в 1979 г. в г. Городок от Потаповой А.Р., 1882 г.р.

32 АПДУ. Зап. в д. Бояриново Себежского р-на от Шереметьевой М.И., 1904 г.р.

33 Народная традиционная культура Псковской области, с. 337.

34 Романов Е.Р. Белорусский сборник, т. 2, с. 58.

сто, которое закономерно ассоциирует с женской утробой, родимым местом. Это место устойчиво локализуется вблизи пупа — «стань лі пупа – быць табе тут» (Витеб.); «Залатнік-жыватнік, не хадзі па (імя) жывату. Табе ў пупе места, залатое крэсла, часовая кравець, пуховая пасцель. У крэслі пасядзі і ніжэ пупа не хадзі»³⁵. Однако в полоцком заговоре встречается обратный призыв выйти из кресла на свое место: «Залатнік, залатнічок, стары старычок, выйдзі з крэсла на сваё места»³⁶. Вероятно, здесь не ошибка, но диалектное понимание кресла как крестовины, таза, что в структуре тела ниже предназначенного золотнику места. Более логичным поэтому выглядит отправление его в нейтральное по отношению к анатомии золотое гнездышко: «Донник-донюшечка, золотая макушечка! Стань на свое местечко в золотое гнездечко»³⁷. В городоцком заговоре золотник сам называется золотым гнездышком. В то же время невероятно популярный мотив золотого кресла не исчезает вовсе, но дает следующую оригинальную конструкцию: «Доннік, тожа загавар. Нада лажыць чалавека і загаваріваць: Залатнік залатой, ражок маладой. Ішоў Ісус Хрыстос, нёс залатая кресла, сеў на залатая кресла і сказаў: Залатнік, залатнік, залатнік залатой, ражок маладой, на ніз не ападай, угору не падымайся, у бакі не ўпірай, стань на сваё места так, як маць радзіла»³⁸.

Как обращает внимание Т.А. Агапкина, частотный заговорный мотив скручивания, свивания относится не к матке-золотнику, а к пупу (который ассоциируется с клубком). Кстати, в белорусских заговорах пуп и встречается в сопровождении клубка: «цебе маці народзіла, на золотом кресле посадыла, под пупком, под золотым клубком, ср. рус. пупок развязался»³⁹. Пограничье Псковщины выделяется непосредственным обращением при этой болезни к пупу: «Пуп гладить надо. А патом атрэзатъ корачку хлеба верхнюю ў стакан (штоб ў стакан туды зайшэў) и на пуп паставить. И пуп утянить; ляжишь, а там утянить. А свечички эти там патухнуть, а патом в стакан атвалятца: «Пуп-пуп, ни шатись, пуп, на места станавись, пуп, кастей ни знаби, пуп, тела ни суши...» (Невельский р-н)⁴⁰. В псковских заговорах пуп отправляют на его место, к тому же указанное повитухой, точно также как и сам золотник: «Пуп-пупорище, стань на свое дворище. Баба пуп отрезала тоби место показала»⁴¹. Более не север болезненное состояние пупа преподносится как “разсыпной”: «Пупъ разсыпной, пупъ съяденья, пупъ съ питенья, пупъ съ поднему, пупъ изъ (оъ) глазу! Полно табе гулявши, полно табе ходивши, по белымъ куотамъ разсыпавши И пупъ, пупище, иди на свое местище, где батюшка зачадиль (зачаль), матушка породила»⁴².

Первейшим опознавательным знаком для пограничных заговоров от вывиха выступает многократно записанная во всех районах формула «звіх, звіх,

35 АИИЭФ. Зап. в 1995 г. Тяпкова Т. в д. Сергиева Рассонского раёна от Зуевой Д.И., 1903 г.р.

36 АИИЭФ. Зап. в 1995 г. Бородич О. в д. Шуматенки Полоцкого р-на от Сазонковой Е.А., 1910 г.р.

37 Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры, с. 502.

38 Зап. в 2011 г. Володина Т. и Лобач В. в г. Городок от Богдановой М.С., 1934 г.р.

39 Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры, с. 501.

40 Народная традиционная культура Псковской области, т. 2, с. 502.

41 АПУ. Зап. в д. Нища Себежского р-на от Григорьевой М.Н., 1910 г.р.

42 Копаневич И.К. Заговоры // Труды Псковского археологического общества. –1907-1908 гг. — Вып. V. — Псков, 1909. — С. 126.

не будзь ліх (не хадзі па касцях)», которая в отдельных случаях продолжается советом “ламіць тросць”: «Віх, віх, ня будзь ліх, не хадзі па касцях, не ламі сухую косць, а ламі сухую тросць»⁴³. Классический для этой группы мотив пути, который в обобщенной форме можно представить как “Ехаў хтось праз мост, конь спатыкнуўся – звiх мінуўся”, в заговорах северной Витебщины и южной Псковщины представлен рядом текстов, довольно лапидарных, но тем не менее наглядных: «Ехаў Гасподзь цераз калінавы мост, конь устаў і звiх балець перастаў. Звiх, стань на месца ў (імя)»⁴⁴; «Ехал мужик стар, у него конь упал, лошадь поднял, кости срастил. Жила завивал, по местам раскидал. Не боли бела рука у раба Божьего, ни в костях, ни в частях, ни в горячей крови»⁴⁵.

Как известно, данный сюжет обнаруживает чрезвычайную близость с древне-севернонемецкими заговорами, так называемым 2-м Мерзебургским заклинанием, где описание факта, что персонаж или его лошадь споткнулись, продолжается яркой формулой “кровь к крови, кость к кости, жила к жиле”. См. реализацию данного сюжета в псковском заговоре: «Ехал Бог по чистому полю на сивом коне. Конь стал, сустал, перестал. На это место встань жилка до жилка, кровь до кровь, персть до персть. Аминь этой боли, аминь, аминь, аминь»⁴⁶. Идея возвращения утраченной целостности в пограничных заговорах воплощается в мотиве возвращения вывихнутой кости на ее место – «Косткі, жылкі, стріпяніціся, скалыхніцеся, станьце на места» (Город.), «Звiх, звiх, ня будзь ты ліх, каб кожны сустаў на места стаў» (Шумил.); «Ішла Матка Найсвенша з усімі святымі. Масты масціліся, костачкі, жылачкі ўместа схадзіліся» (Полоц.).

Заговоры от кровотечения – относительно небольшие тексты, хотя специальных мотивов в этой группе гораздо больше, чем в иных. В то же время заговоров, которые развивали бы только один мотив, мало. Чаще всего это контаминированные тексты, в которых соединены два-три мотива, что усиливает прагматическую направленность текста за счет повторения ключевых формул⁴⁷. Такая прагматика обусловила доминирование в этой группе заговоров мотива прекращения, стояния, что опирается прежде всего на ситуацию прецедентного “стояния”. Формула «стань, кроў, у ране, як Ісус Хрыстос у Іардане» может составлять целый заговор (Верхнедв, Шумил.), а может включаться в развернутый сюжет и орнаментироваться в зависимости от заговорной традиции региона.

Второй определяющий мотив заговоров от кровотечения – завязывание, зашивание раны, которое приписывается, как правило, Богоматери – “На сінім моры на белым камні Найсвеншая Матка шалка прала, кроў завязала. Памажы Божа»⁴⁸, «Ішла Божая Мацер, несла 12 булатных нажэй, сама сябе раніла, рану завязала, сама загаварыла»⁴⁹ или одной/трем женским персонажам-

---

43 Зап. в 1993 г. Володина Т. в г.п. Оболь Шумилинского р-на от Ляпкиной У.Д., 1916 г.р.

44 АИИЭФ. Зап. Козлова И. в д. Каракова Шумилинского р-на от Козловой А.С., 72 г.

45 АПГУ. Зап. в 1991 г. в д. Глубокое Себежского р-на от Касьяновой Е.Т., 1904 г.р.

46 АПГУ. Зап. в д. Горушка Себежского р-на от Исаченко Е.С., 1937 г.р.

47 Полесские заговоры (в записях 1970-1990 гг.) / сост., подг. текстов и коммент. Т.А. Агапкиной, Е.Е. Левкиевской, А.Л. Топоркова. – М. : Индрик, 2003. – С. 170.

48 АИИЭФ. Зап. в 1979 г. в д. Барановка Витебского р-на от Дубовой А.И., 1926 г.р.

49 Зап. в 2011 г. Володина Т., Лобач В. в г. Городок от Яценко Е.И., 1934 г.р.

рукодельницам. Важно, они помещаются на камень в море: «Сядели дявицы на Иордане, зашивали кровавые раны иглами...»⁵⁰.

Витебско-Псковское пограничье выделяется и разработанным популярным блоком заговоров от лишая. Эти тексты начинаются непосредственным обращением к болезни с категоричным сообщением о его удалении из тела: «Лішаю, лішаю, я цябе рашаю - я цябе рашаю, як свінням мяшаю»⁵¹ или довольно необычной просьбой идти мешать свиньям: «Круг лішай, ідзі свінням мішай. Круг лішай, ідзі свінням мішай. Круг лішай, ідзі свінням мішай. Амін, амін, амін. Дзевяць раз»⁵²; «Водить острым концом ножика против часовой стрелки вокруг лишая и приговаривать 3 раза: Лишай, лишай, иди в хлев свиньям мешай. Там свиньи едят и лишай съедят. Аминь этой боли. Аминь»⁵³. Тема свиней в этой группе заговоров в целом весьма популярна на восточнославянской территории, на пограничье идея ритуального оскорбления болезни дополняется образом суки: «Лішай з гаўном мішай. Матка – сучка, бацька – пёс, лішай з сабой ўнёс»⁵⁴ или реализуется через оплевывание с соответствующей формулой: «... Вишаю, вишаю, са сьлюной зьмишаю, какии госьти – такая й чесь»⁵⁵.

Наконец, заговоры от сглаза и сегодня относятся к числу самых востребованных в деревнях и Витебской, и Псковской областей и в наше время. Первейшим сигналом не только этой группы, но и региональной принадлежности выступает мотив воды-очистительницы. Классический развернутый зачин, посвященный воде, которая омывает все окрестности и таким же образом очистит человека от сглаза, разделяет Витебщину на две части, почти посередине, этот мотив выделяет восточную зону. На Псковщине мотив фиксируется практически повсеместно. Особый колорит заговорам придают устойчивые эпитеты, реализующие стремление персонифицировать воду и наделить ее разносторонними статусными характеристиками – «Светлая вадзіца, белая дзявіца» (Рассон.), «Вадзіца-царыца, красная дзявіца, бяжыш ты з быстрых рэк, з малых азёр» (Полоцк.), «Вадзіца, красна дзявіца, шла па лясам па гарам, па земляным ключам» (Город.), «Здравствуй водица-царица, плацаная плацаница» (Невель.). Обращение к воде имеет формульный, константный характер — «абмываеш ты крутыя берагі, жоўтыя пяскі, сырое карэння, шэрае камення, абмый/ачысьці...».

Таким образом, севернобелорусские (Городокский, Россонский, Полоцкий, Шумилинский, Верхнедвинский районы) и южнопсковские (Невельский, Усвятский, Себежский районы) заговоры составляют единый комплекс, представленный как одинаковым набором реализованных в вербальных текстах функциональных групп, так и схожими сюжетно-мотивными характеристиками.

---

50 АЛМТ. AVKK 38. Зап. в 1967 г. Байбурин А. и Левченко Т. д. Папушево Печерского р-на Псковской обл. от Большаковой М.Ф.

51 Шлюбскі Ал. Матар'ялы да вывучэння фольклёру і мовы Віцебшчыны, с. 35.

52 АИИЭФ. Зап. Т.К. Тяпкина в 1979 г. в г. Городок от Лобанёвой А.Н., 1909 г.р.

53 АПГУ. Зап. в д. Горюшка Себежского р-на от Исаченко Е.С., 1937 г.р.

54 Зап. в 2009 г. Володина Т., Лобач В. в д. Дретань Россонского р-на от Павловой Ф.А., 1930 г.р.

55 АПГУ. Зап. в д. Городищи Невельского р-на от Буйко П.Ф.

Об авторе

Володина Татьяна Васильевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом фольклористики и культуры славянских народов Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Беларусь.
Tatyana Vasilyevna Volodina, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, head of Department of folklore and culture of the Slavic peoples of the Research Center for Belarusian culture, language and literature of NAS of Belarus, Belarus.

E-mail: tanja_volodina@tut.by

**ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ
БЕЛОРУССКО-РУССКОГО (ПОЛОЦКО-ПСКОВСКОГО
И ВИТЕБСКО-СМОЛЕНСКОГО) ПОГРАНИЧЬЯ**

На основе этнографических материалов XIX – начала XXI вв. рассмотрена погребально-поминальная обрядность белорусско-русского (Полоцко-Псковского и Витебско-Смоленского) пограничья. Проанализированы похоронная обрядность, индивидуальные и календарные поминки. Определены локальные особенности обрядов, рассмотрена их структура, охарактеризовано современное состояние.

Ключевые слова: погребально-поминальная обрядность, белорусско-русское пограничье, похороны, поминки, традиционная культура.

U. Auseichyk

**FUNERAL-MEMORIAL RITES OF BELARUSIAN-RUSSIAN (POLOTSK-
PSKOV AND VITEBSK-SMOLENSK) BORDERLANDS**

Traditional funeral-memorial rites of Belarusian-Russian (Polotsk-Pskov and Vitebsk-Smolensk) Borderlands are considered on the basic of the ethnographic materials of the second half of the 19th – the beginning of the 21st centuries. We analyzed the funeral rites, individual (“private”) and calendar memorial ceremonial. The order of ritual actions is considered, their regional features and local peculiarities are determined in the borders, characterized by a modern state.

Keywords: funeral-memorial ceremonial, Belarusian-Russian borderlands, funeral, wake, traditional culture.

Регион белорусско-русского пограничья до недавнего времени не являлся объектом комплексного изучения ни со стороны белорусского, ни со стороны российского народоведения. Вместе с тем, исследование этой территории может способствовать решению ряда существенных проблем. В качестве объекта исследований перспективным выглядит традиционная культура региона, которая сформировалась в результате длительного межкультурного взаимодействия. Важное место среди всего комплекса традиционной культуры занимают погребально-поминальные обряды. Они являются наиболее устойчивой и консервативной частью культуры, а поэтому дольше сохраняют этническую специфику. Погребально-поминальные обряды наиболее информативные, очень важные для изучения этнических процессов.

В комплекс погребально-поминальной обрядности населения белорусско-русского (Полоцко-Псковского и Витебско-Смоленского) пограничья входят похоронный обряд, частные (индивидуальные) поминки и поминальные ритуалы в структуре календарной обрядности. В статье будут рассмотрены наиболее существенные и характерные особенности погребально-поминальной обрядности в регионе Полоцко-Псковского и Витебско-Смоленского пограничья.

Похоронная обрядность. В соответствии с традицией на белорусско-русским пограничье умершего принято хоронить на второй или третий день после смерти. Однако в разных частях пограничья существует локальная вариативность, связанная со временем похорон умершего. На Полоцко-Псковском пограничье больше распространена традиция хоронить покойника на третий день после смерти, в то время как на Витебско-Смоленском – на второй. Похороны умершего, независимо от того, в какой день они происходили, традиционно осуществлялись во второй половине дня¹.

В современном деревенском обществе время похорон зависит не только от традиций, но иной раз связано с реальными обстоятельствами: «А як у каго. Як хто і суткі, хто двое дзяржыць. Як радзіна дзе далёка на старане, пака пазбіраюцца»². К нашему времени строго исполняется обязательное предписание копать могилу только в день похорон. Для этого приглашают трех-четырёх человек, но обязательно чужих умершему³. Однако в современный период, в особенности под влиянием священников, данного предписания, как и других запретов на участие родных в подготовке к похоронам (обмывать и одевать умершего, выносить его из дома), не всегда придерживаются. Выполнение родными этих процедур иной раз расценивается как «последняя услуга» покойнику⁴.

В день похорон для отпевания умершего приглашают священника. Однако случаи приглашения священника на похороны не такие частые, как заочные отпевания. В регионе пограничья для отпевания и «чтения» над телом умершего еще сохраняется традиция приглашать пожилых женщин, которые знают соответствующие молитвы и песни («певуны», «пеўчыя»)⁵. После отпевания гроб с покойником выносят из дома. Согласно распространенным поверьям, выносить из дома гроб с умершим должны чужие люди (обычно это были те, кто копал могилу), обязательно ногами вперед. На Смоленщине при выносе тела существовал своеобразный порядок: «Выносят с хаты: перво венки, потом крышку, тогда гроб. И выносят на улицу»⁶. В Сафоновском районе Смоленской области сохранились воспоминания, что умершего выносили через хозяйственный двор⁷.

Для ритуальных действий во время выноса гроба из дома в разных частях белорусско-русского пограничья характерна локальная вариативность. Так, в д. Заборье Россонского района Витебской области существовала традиция проходить всем детям по старшинству под гробом на улицу при выносе его из дома⁸. Похожие обрядовые действия распространены также в Великолукском и Себежском районах Псковской области Российской Федерации¹. В д. Гришино Россонского района, когда выносили гроб, то оборачивали табуретки и скамью. Дети в это время становились на колени и просили прощения у умершего². В

---

1 Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. – СПб.: Тип. имп. акад. наук, 1890. – Т. 1. Ч. 2: Бытовая и семейная жизнь белорусов в обрядах и песнях. – С. 513; Листова Т.А. Семейные обряды русско-белорусского пограничья в контексте этнополитической истории. XIX – начало XXI вв. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – М., 2006. – С. 164.; Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов фольклорно-этнографического центра. В 2т. – Псков, 2002. – Т.1. С. 176.

2 Архив историко-филологического факультета Полоцкого государственного университета (АИФФ). – Опись 3. – Дело 8. – Тетрадь 7. – Л. 4.

Верхнедвинском районе Витебской области существовала похожая традиция. Тут табуретки выносили на улицу и опрокидывали, чтобы больше в этом доме вскоре не было покойников³. В бывшем Себежском уезде Витебской губернии, когда умерший был главой семьи, то при выносе его из дома вся семья и знакомые, которые уважали его, кланялись до земли, и оставались в таком положении до того времени, пока его не вынесут за ворота³. Похожая традиция зафиксирована и в Сафоновском районе Смоленской области: «Ну, кланялись – это своим, родные. Родные во на коленки, гнутся, перекрестятся так во три раза»⁴.

В бывшем Дриссенском уезде Витебской губернии, как только подымали гроб для выноса, на то место клали хлеб, соль и посыпали яровым зерном, а со стола снимали скатерть⁵. В Себежском уезде «обсевали» зерном также и священника, когда тот проходил через ворота, чтобы более никто в этом доме не умирал⁶. Как следует из материалов современных полевых исследований, обсыпание зерном гроба во время его выноса имеет полисемантический характер: с одной стороны, покойнику символическим образом выделялась его часть прижизненной «доли», со второй, – обрядовое действие должно способствовать сохранению «доли» живых родственников. Несмотря на относительно поздний период бытования таких поверий, их нельзя считать новациями современного периода или трансформацией более ранних представлений. Они соотносятся с архаичными представлениями славян о смерти человека и его доле⁷.

Среди сельского населения белорусско-русского пограничья традиция обсевать гроб зерном при выносе его из дома сохраняется и до нашего времени⁸. Распространенными остаются и представления, что такие действия направлены на сохранение материального благополучия в семье (отдавали долю умершего, чтобы он не забрал с собой лишнего). К доле умершего, которую выделяли ему в похоронном обряде, иной раз относятся домашние животные и растения. В регионе Белорусского Подвинья существовала традиция убивать какое-либо домашнее животное после смерти хозяина, о чем еще помнят респонденты⁹.

После выноса гроба в некоторых частях региона существовало предписание убирать в доме (подмести или помыть пол)¹⁰. В ряде мест, напротив, убирать в доме в этот момент категорически запрещалась. В Дриссенском уезде существовал строгий запрет убирать дом во время выноса умершего. Он объяснялся тем, чтобы умерший не вынес с собой семейных ссор в иной мир¹¹.

3 АИФФ. – Оп.3. – Д. 7. Л. – 8; АИФФ. – Оп. 3. – Д. 11. – Л. 10, Л. 25, Л. 32; АИФФ. – Оп. 3. – Д. 3. –Т. 1. – Л. 40; Смоленский музыкально-этнографический сборник. – М., 2003 – Т.2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. – С. 49.

4 АИФФ. – Оп. 3. – Д. 5. – Т. 3. – Л. 56; АИФФ. – Оп. 3. – Д. 8. – Т. 8. – Л. 12.

5 АИФФ. – Оп. 3. – Д. 3. – Т. 4. – Л. 47; АИФФ. – Оп. 3. – Д. 5. –Т. 1, Л. 17.

6 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.2. – С. 61.

7 Там же.

8 Полацкі этнаграфічны зборнік / уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача. – Наваполацк: ПДУ, 2011. – Вып. 2 : Народная проза беларусаў Падзвіння. Ч. 2. – С. 199.

9 Листова Т.А. Семейные обряды русско-белорусского пограничья в контексте этнополитической истории. XIX – начало XXI вв. – С. 172.

10 Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2, ч. 2. – С. 199.

11 Крук І.І. Народныя абрады і звычай Верхнядзвіншчыны // Памяць : гіст.-дакум.

Запрет на уборку в доме в момент выноса покойника встречается в регионе и в наше время, но иной раз имеет другое толкование: «нельга вымітаць за нябожчыкам, бо ўсё добрае выміціш за ім»¹².

В пограничных с Беларусью Смоленских районах довольно распространенной была традиция «паміну» сразу после выноса гроба из дома¹³. Такая же традиция зафиксирована и у белорусов восточной части Витебской губернии¹⁴.

В регионе традиционным транспортом, на котором отвозили умершего на кладбище были зимой сани, а летом – телега, в которые впрягали лошадь: «А если далёка, то... на лошади везли. Если зимой, так на санях, летом – так на телеге» (Монастырщинский район)¹⁵. Повсюду в регионе лошадь, на которой везли покойника на кладбище, особенно почиталась. Ее вели не за поводья, которые специально отвязывали, а за полотенце или пояс¹⁶. В бывшем Себежском уезде этой лошади кланялись до земли¹⁶. В восточной части Белорусского Подвинья существовала традиция покрывать поставленный на телегу гроб куском нового материала («пагробшчына»), реже одеждой¹⁷. На Смоленщине существовала традиция вешать на дугу полотенце, что было своеобразным указателем похоронной процессии¹⁸.

Важным этапом похоронного обряда является отправка умершего на кладбище. Поведение людей и порядок похоронной процессии строго регламентированы. В первую очередь, регламентировалось шествие. В Витебском уезде был следующий порядок: впереди шел кто-то с крестом и колокольчиком, затем несли церковную хоругвь, за ней гроб, а потом шли все остальные. Когда присутствовал священник, то он ехал на лошади впереди процессии¹⁸. Похожая схема похоронной процессии с определенными локальными вариациями является распространенной в регионе¹⁹. Неотъемлемым элементом похоронного шествия на Витебско-Смоленском и Полоцко-Псковском пограничье было разбрасывание еловых веток по всей дороге от дома к кладбищу²⁰.

Повсюду в регионе распространен ряд правил, которые касаются поведения людей при встрече с похоронным шествием. До нашего времени сохранился запрет обгонять похоронную процессию: «Насустрач нада астанавіцца. Ніхто не абганяець, на той свет нада даць дарогу»²¹. На Смоленщине (Сафоновский р-н) неисполнение такого предписания могло угрожать болезнью

хроніка Верхнядзвінскага раёна : у 2 кн. – Мінск, 2000. – Кн. 2. – С.317.

12 Серебренников Ф. Обычаи и обряды крестьян Себежского уезда при крестинах, свадьбе и похоронах // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. – СПб., 1865. – С. 89.

13 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.2. – С. 61.

14 Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. – Витебск : Губерн. Типо-Литограф., 1897. – С. 288.

15 Шейн П.В. Белорусские народные песни. – СПб. : Тип. П. Майкова, 1874. – С. 373.

16 Седакова О.А. Поэтика обряда. – М. : Индрик, 2004. – С. 43–45.

17 АИФФ. – Оп. 3. – Д. 5. – Т. 1. – Л.17, Л. 29; Народная...Т.1, С. 543.

18 АИФФ. – Оп.3. – Д.3. – Т.4. – Л. 23; АИФФ. – Оп. 3. – Д. 8. – Т. 8. –Л. 17.

19 Традиційная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Бел. навука, 2004. – Т. 2 : Віцебскае Падзвінне. – С. 384; Народная...Т.1, С. 543.

20 Никифоровский Н.Я. Простонародные... С. 288.

21 АИФФ. – Оп. 2. – Д. 1. – Т.1. – Л. 14.

или даже смертью²².

Предусматривалось также несколько обязательных остановок по дороге к кладбищу. Процессия останавливается на перекрестках, около придорожных крестов²³. В некоторых местах региона еще встречается традиция при каждой остановке брать по горсти земли и бросать вслед покойнику, чтобы таким образом он был последним в деревне²⁴. На Витебско-Смоленском пограничье такие обрядовые действия были характерны для проводов умершего из деревни²⁵. Вряде населенных пунктов эта традиция еще сохраняется, но в других частях региона она постепенно исчезает из обрядовой практики. Как следует из материалов полевых исследований, сегодня наиболее распространенными обрядовыми действиями во время таких остановок является молитва священника или «пеўчых». Похоронная процессия останавливается также в местах, близко связанных с жизнью умершего, чтобы дать ему возможность «попрощаться» с дорогими местами. На Смоленщине распространена традиция несколько раз останавливаться около домов знакомых, чтобы дать им возможность попрощаться с умершим²⁶. В Плюсском районе Псковской области существовала традиция прощаться с покойником на краю деревни. В ходе такого прощания совершалась и ритуальная трапеза²⁷.

Заключительный этап отправки умершего в «иной» мир составляет комплекс обрядовых действий, которые совершаются на кладбище. По прибытию на кладбище гроб снимали с телеги и устанавливали около вырытой могилы. Перед опусканием гроба происходит прощание с умершим. Родные и близкие целуют покойника в руку, лоб²⁸. В Руднянском районе Смоленской области зафиксирована традиция застилать гроб перед опусканием скатертью или полотенцем²⁹. В регионе повсюду распространена традиция перед закапыванием бросать в могилу деньги (на белорусской территории даже бумажные)²⁹.

Для некоторых регионов Смоленщины характерна традиция «выкупать ключи» от кладбища у последнего покойника. Она заключается в том, что, приехав на кладбище и оставив гроб с телом около вырытой могилы, участники похоронной процессии совершали поминовение на могиле предыдущего покойника в деревне³⁰. Существование такого обрядового действия, вероятно, связано с верой в то, что на кладбищах есть свой «сторож» – последний покойник. Такие представления широко распространены на Белорусском Подвинье: «Паследні чалавек, які памрэць, шчытаіцца сторажам. Ну гавораць – цяпер ён старажыць, а як памрэць другі, гавораць, што гэты ўжо адстаражыў сваё, міняіць другі»³¹.

Важной частью похоронного обряда является поминальное застолье,

22 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.2. – С. 62-63.

23 Никифоровский Н.Я. Простонародные... С. 288; Шейн П.В. Материалы ... Т. 1. Ч. 2. – С. 513, С. 520.

24 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.2. – С. 61.

25 Там же, с. 64-65.

26 Шейн П.В. Материалы ... Т. 1. Ч. 2. – С. 521-522.

27 Никифоровский Н.Я. Простонародные... С. 289.

28 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. – С. 65.

29 Шейн П.В. Материалы ... Т. 1. Ч. 2. – С. 515.

30 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.2. – С. 66.

31 Там же, с. 65; Народная... Т.1, С. 543.

которое проводили в день похорон. Этнографические источники расходятся в определении времени его проведения. В некоторых частях белорусско-русского пограничья застолье проводили еще до погребения. Оно проходило непосредственно перед выносом тела из дома. Такая традиция была характерна для Себежского и Витебского уездов³².

Индивидуальные поминальные обряды. На белорусско-русском пограничье частные (индивидуальные, т.е. по отдельному покойнику) поминальные обряды совершали на третий, девятый, двадцать первый, сороковой дни и годовщину. В зависимости от времени проведения эти поминки имели соответствующие названия: «третины», «шестины», «годовины»³³. Для региона характерно существование некоторой вариативности в названиях этих поминовений. Преимущественно она зависит от способа отсчета времени после смерти (по дням, неделям, годам). В отдельных локальных традициях названия одного и того же поминального обряда отличаются. Так, в одних местах поминки на сороковой день имеют название «сарачыны» или «саракавіны», а в другой – «шасціны» (поминки через шесть недель)³⁴. Так, поминки на третий день в наше время еще встречаются под названием «траціны»³⁵. Под «трацінамі» в этнографической литературе известны также поминки на двадцать первый день (на третью неделю)³⁶.

У населения белорусско-русского пограничья сохраняется архаичная традиция поминать умершего уже на следующий день после похорон. Обрядовые действия этих поминовений ограничиваются посещением кладбища, а, в ряде случаев, и совершением там трапезы³⁷. В регионе традиция навещать могилу умершего на следующий день после похорон в наше время еще встречается под названием «будить умершего»: «На трэці, як памрэ, гэта будзіць нада, абед нясі, заўтрак. Пабудзіць нада, гарэлку нясуць, закуску»³⁷. В этот день кладбища навещают только родные умершего. Когда поминальную трапезу не проводят на кладбищах, то иной раз она происходит дома³⁸. В ряде центральных и западных районов Смоленщины зафиксирована традиция также «носить завтрак» умершему в этот день³⁹. На Псковщине зафиксирована традиция «будить умершего» не на третий день, а на девятый⁴⁰.

Особенно важными в цикле частных поминовений считаются поминки на сороковой день. Согласно поверьям, после смерти человека его душа определенное время находится на земле, а после 40 дней отправляется на небо (в «рай»). Эти поминки отмечаются как проводы души в «иной» мир. Важным моментом в этот день считается церковная поминальная служба⁴¹. На поминки в сороковой день в доме умершего происходит застолье, на которое приглашают почти всех, кто принимал участие в похоронах⁴². Современное

32 АИФФ. – Оп. 3. – Д. 2. – Т. 4. – Л. 6.

33 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.2. – С. 67.

34 АИФФ. – Оп. 3. – Д. 7. – Л. 20; Народная... Т.1, С. 176.

35 Традиційная мастацкая ... Т. 2. – С. 385.

36 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.2. – С. 63.

37 Там же, с. 68.

38 Народная... Т.1, С. 176-177.

39 Там же, с. 72; Традиційная мастацкая ... Т. 2. – С. 385.

40 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.2. – С. 74.

41 Там же, с. 74.

42 Там же, с. 71.

сельское население эти поминки иногда проводит не строго на сороковой день, а приурочивает к ближайшим выходным⁴³.

Сельское население белорусско-русского пограничья поминает умерших также через год после смерти. На годовщину принято заказывать по покойнику поминальную службу в храме. В этот день родные навещают могилу, а потом справляют поминальную трапезу дома. Поминовение в годовщину после смерти завершает цикл частных поминок. В некоторых частях Витебско-Смоленского пограничья сельское население поминает умерших на третий год после смерти⁴⁴. Встречаются даже свидетельства о 15-летнем поминовении умершего⁴⁵.

Поминки на третий, девятый, двадцатый (двадцать первый), сороковой дни и годовщину являются традиционными для православной церкви. Кроме этих поминок, в отдельных локальных традициях зафиксированы и другие поминальные обряды. Среди белорусов Себежского уезда существовал поминальный обряд, который проходил в первое воскресенье после похорон. В этот день родные умершего отправлялись в церковь. Туда они приносили в глиняной или деревянной миске кутью, накрытую двумя или тремя небольшими хлебами. В этот день в церкви осуществлялось поминовение умерших. После службы хлеба отдавались причту, а кутью подносили родным и знакомым; остатки ее отдавали нищим, которые были в это время в храме⁴⁶.

У населения белорусско-русского пограничья траур после смерти продолжался весь год. В течение этого времени в семьях, где был покойник, запрещалась играть свадьбы, веселиться, петь и танцевать⁴⁷. Траур по умершему проявлялся и в особенностях проведения некоторых календарных обрядов. Так, в тех домах, где в течение года были похороны, не рисовали мелом крестов на Крещение, а только царапали их ножом в нужных местах, не обжигали животное и людей «грамничной свечкой», на Пасху и Духов день не красили яйца, не устанавливали «май» в Троицын день⁴⁸. На Смоленщине семья не убирала двор «маем», когда во время от начала года до Троицы в семье умер кто-то из родителей⁴⁹.

Поминальные традиции в структуре календарной обрядности. Среди населения белорусско-русского пограничья наибольшее распространение имеют поминальные обряды на Радуницу и Троицу.

На Витебско-Смоленском пограничье наибольшее распространение имеет традиция поминать предков на Радуницу. Про это свидетельствуют этнографические источники XIX в. и современные полевые материалы. Широкое

43 АИФФ. – Оп. 3. – Д.9.

44 Никифоровский Н.Я. Простонародные... С. 288; Шейн П.В. Материалы ... Т. 1. Ч. 2. – С. 513, С. 520; Серебренников Ф. Обычай... – С. 89.

45 Никифоровский Н.Я. Простонародные... С. 295; Народная...Т.1, С. 177; Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов фольклорно-этнографического центра. В 2т. – Псков, 2002. –Т.2, С. 584.

46 АИФФ. – Оп.3. – Д. 8. – Т.9. – Л. 11.

47 Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lieuvių tautosakos rankraštynas. – 7647. Tautosaka 2006 m. liepos mėnesį prie Neris ištakų surinkta Lietuvos ir Baltarusijos mokslininkų grupės, vadovaujamos Vykinto Vaitkevičiaus. – P. 68.

48 Никифоровский Н.Я. Простонародные... С. 295.

49 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.2. – С. 102; Народная...Т.1, С. 177.

распространение в регионе радуничных поминовений в немалой степени обусловлено официальным поминальным статусом праздника в православной церкви. Сегодня в Беларуси ее статус подкрепляется законодательно (Радуница – официальный нерабочий день в стране). Для восточной и северной частей Белорусского Подвинья радуничные поминовения в весенний период более распространены, чем пасхальные (характерные для центральной и западной части региона). Радуница является главным весенним поминальным обрядом на всей восточной части Беларуси⁵⁰. Таков же ее статус и в западных районах Смоленщины⁵¹.

Согласно традиции, посещение кладбища на Радуницу происходит в середине дня. Среди сельского населения в современный период еще бытует поговорка о таком времени поминовения предков: «З раніцы пашуць, у абед плачуць, увечары пляшуць»⁵¹. Такой же характер имеет поминание в этот день и на Смоленщине: «... Радуница? И шить можно, и мыть можно! Мужики едут пахать, бабы баню топят!.. Пойдут на кладбище – выют, с кладбища идут в определенное место – танцуют» (Демидовский р-н)⁵². Для восточной части Подвинья в этот день характерна ритуальная трапеза на кладбище. Сведения о такой трапезе зафиксированы в Лиозненском районе Витебской области⁵³. В северной части Витебско-Смоленского пограничья также зафиксирована традиция мыться в бане накануне Радуницы⁵⁴.

На Витебско-Смоленском пограничье на Радуницу обязательным считалось покрыть могилу скатертью или полотенцем, на которые клали еду⁵⁵. В некоторых смоленских деревнях сохранилась традиция по приходу на кладбище вешать на кресты самотканые вышивные полотенца⁵⁶. В ряде мест Витебско-Смоленского пограничья еще в наше время бытует традиция на Радуницу обходить кладбище (три раза) с распеванием соответствующих песен⁵⁷. В регионе на Радуницу зафиксирована традиция приносить на кладбище пасхальные яйца⁵⁸. На Витебско-Смоленском пограничье зафиксирована также и традиция посещать кладбище не только на Радуницу, но и на Пасху. В этот праздник на могилу приносили покрашенные пасхальные яйца. По словам респондентов, поминовение умерших на Пасху в западных районах Смоленщины происходило без слез и причитаний⁵⁹.

Кроме обрядовой трапезы на кладбищах, в этнографических источниках встречаются сообщения о домашних поминальных застольях на Радуницу. Об этом свидетельствуют этнографические источники конца XIX в. и современные материалы. Так, в Витебском уезде на Радуницу дома проводили поминальный обед, к которому хозяйка готовила обязательные ритуальные блюда (клецки, кутью, «поліўку»)⁵⁹.

50 АИФФ. – Оп.3. – Д. 4. – Т.1. – Л. 10.

51 АИФФ. – Оп.3. – Д. 8. – Т.9. – Л. 11.

52 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.2. – С. 102.

53 Народная... Т.1, С.178.

54 АИФФ. – Оп.3. – Д. 8. – Т.7. – Л. 8; Народная... Т.1, С. 179.

55 Народная... Т.1, С. 175, С. 179.

56 Традиционная мастацкая ... Т. 2. – С. 387.

57 Шагалева Т.А. Традыцыі, абрады, вераванні // Памяць : Гарадоцкі раён : Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. – Мінск, 2004. – С. 745; Смоленский ... Т.2. – С. 111.

58 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.2. – С. 111.

59 Сербренников Ф. Обычаи... – С. 89–90.

Характерной особенностью календарной поминальной обрядности Полоцко-Псковского пограничья является Троицкий поминальный комплекс. В него входят Троицкие Деды (домашнее поминовение) и посещение кладбища (в сам день Троицы, до или после него).

Деды проводят в субботу накануне Троицы. В регионе существует традиция перед Троицей украшать дом «маем» – ветками деревьев, преимущественно березовыми⁶⁰. Накануне Троицких Дедов существовала также традиция мыться в бане. Данная особенность фиксируется и в ходе современных полевых исследований в регионе.

На большей части региона посещение кладбищ, приуроченное к Троице, традиционно происходила в субботу накануне праздника⁶¹. В Динабургском уезде только в случае невозможности навестить отдаленные могилы родных делали это в день Троицы после обедни⁶². Белорусское население Россонского района в современный период навещает кладбища в первые три дня Троицы⁶³. Вариативность времени посещения кладбищ на Троицу, которая встречается в регионе, в ряде случаев обусловлена их посещением священником. Из-за невозможности объехать все кладбища прихода в один день, священник делал это в несколько. В эти дни на кладбище приходили и сельчане.

Как свидетельствуют этнографические источники, Троицкие поминальные обряды на кладбищах мало отличались от Радуничных⁶⁴. Особенностью поминовения на Троицу является широкое использование в ритуальных практиках зелени. К празднику стремились украсить «маем» не только дворы и дома, но и могилы родных. Традиция украшать «маем» кладбища была характерна также и для северо-западной части Смоленщины⁶⁴. В Динабургском уезде могилы родных убирали не только «маем», но еще аиром и цветами⁶⁵. В д. Янковичи Россонского района во время посещения кладбища на Троицу существовали довольно характерные обрядовые действия, связанные с березовыми ветками: «Прыходзіш на кладбішча і хрэсціш бярозай магілку, і гэту бярозку ўторкнеш на магілку»⁶⁵. В Верхнедвинском районе женщины делали небольшие березовые веники и отправлялись убирать ими кладбище на Троицу⁶⁶.

В некоторых местах белорусско-русского пограничья на Троицу совершали поминальную трапезу на кладбищах. Она фиксируется преимущественно на Полоцко-Псковском пограничье, иногда встречается и в других частях белорусско-русского пограничья: «На Тройцу ў нядзелю ідуць на кладбішча, нясуць яду ўсякую: куццю, бліны, яйкі, каўбасу, яешню – у каго што ёсць. Крупамі сухімі пасыпаюць магілкі і выпіваюць там»⁶⁷. Для северной части белорусско-русского пограничья характерной особенностью Троицкого поминовения на кладбищах являются принесенные яйца, покрашенные в

---

60 Никифоровский Н.Я. Простонародные... С. 294.

61 Шейн П.В. Материалы ... Т. 1. Ч. 2. – С. 628.

62 Там же.

63 Сінкевіч І.Л. Песенная спадчына Расоншчыны // Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Расонскага раёна. – Мінск, 1994. – С. 544.

64 Там же.

65 Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т.1. – С. 338.

66 Там же.

67 Традыцыйная мастацкая ... Т. 2. – С. 110.

желтый или зеленый цвет: «на памін абязацельна неслі яйкі, крашаныя лісцем бярозы, яны жоўценькія такія, гэта траецкія яйкі»⁶⁸. На Троицу эти зеленые «несвяцонныя» яйца, в отличие от пасхальных, не катали по могиле. Их съедали после молитвы, за исключением одного, которое оставляли на могиле для нищих⁶⁹. Как свидетельствуют источники, в бывшем Велижском уезде Витебской губернии яйца, покрашенные в зеленый цвет, носили на кладбище и в другие поминальные дни (в особенности в «годовщину» со дня смерти)⁶⁹.

Среди сельского населения Себежского уезда зафиксирована традиция на Троицу обмахивать («опахивать») могилы березовыми ветками. Для этого ломали ветви березы и «стебали» ими могилы. В некоторых местах такая традиция называлась «парить стариков»⁷⁰. Данный ритуал сохраняется в этом регионе и сегодня⁷¹.

Одним из наиболее важных, отличительных и характерных обрядов для жителей Витебско-Смоленского пограничья является Масленица⁷². Согласно православному календарю, масленичной неделе предшествует одна из «родительских суббот». Такая традиция характерна и для Полоцко-Псковского пограничья⁷². Вряде мест к ней приурочено проведение Дедов («Масленичные», «Масленные», «Мясаедныя»). Данная поминальная традиция распространена не только на Витебско-Смоленском и Полоцко-Псковском пограничье, но и зафиксирована на Поднепровье и Восточном Полесье⁷³. Этнографы конца XIX – начала XX столетия почти не зафиксировали принципиальных особенностей в поминовения умерших на Масленичные Деды по сравнению с другими Дедами. Характерной чертой Масленичных Дедов является своеобразный набор блюд к поминальному столу (блинов, «масленных» блюд и т.д.).

Таким образом, в регионе белорусско-русского (Полоцко-Псковского и Витебско-Смоленского) пограничья погребально-поминальная обрядность имеет свои особенности. Несмотря на модернизацию и унификационные тенденции в культуре сельского населения белорусско-русского пограничья, погребально-поминальная обрядность в наше время еще продолжает сохранять традиционные элементы и локальное разнообразие. Однако в итоге этих процессов многие элементы исчезли, а некоторые сохраняется только в пассивной форме (в памяти респондентов).

Об авторе

Овсейчик Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой архитектуры Полоцкого государственного университета, г. Новополоцк, Беларусь.

Uladzimir Auseichyk, Candidate of Historical Sciences, Professor, head of Department of architecture of Polotsk state University, Novopolotsk, Belarus.

E-mail: uladz39@tut.by

---

68 Крук И.И. Народныя... – С. 301.

69 Традиційная мастацкая ... Т. 2. – С. 110.

70 Там же.

71 Шейн П.В. Материалы ... Т. 1. Ч. 2. – С. 628.

72 Шлюбскі А. Матэрыялы... – С. 222.

73 Серебренников Ф. Обычай... – С. 90.

ТРАДИЦИОННАЯ СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ПСКОВСКО-ВИТЕБСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: СТРУКТУРА И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА¹

На основе этнографических и фольклорных материалов XIX-XX вв. в работе рассматриваются особенности традиционной свадебной обрядности Псковско-Витебского пограничья. В частности, уделяется внимание структуре свадебного обряда, основным этапам свадьбы, характерным для указанного региона, особенностям пространственно-временной организации обрядового комплекса.

Ключевые слова: традиционный свадебный обряд, Псковско-Витебское пограничье, обряды перехода.

V.I. Mishyna

TRADITIONAL WEDDING RITES OF PSKOV-VITEBSK BORDERLANDS: STRUCTURE AND REGIONAL SPECIFICS

In this work contain the researches of the features of traditional wedding ceremonies the Pskov-Vitebsk frontier on the basis of the ethnographic and folklore materials of the nineteenth and twentieth centuries. In particular, attention is paid to the structure of the wedding ceremony, the main stages of the wedding, characteristic of this region, especially the space-time organization of the ceremonial complex.

Keywords: traditional wedding ceremony, Pskov-Vitebsk borderlands , rites of passage.

В этнографических материалах второй половины XIX – начала XX вв. традиционная свадьба Псковско-Витебского пограничья представлена как достаточно целостный и развёрнутый обрядовый комплекс. В её структуре присутствуют три традиционно выделяемых цикла – досвадебный, собственно свадебный и послесвадебный.

Досвадебный цикл характеризуется многократностью встреч представителей семей жениха и невесты. В него входили, как правило, 2-4 приезда сватов в дом родителей невесты («сваты», «запоины», «запивки», «заручины»), осмотр дома и хозяйства жениха («глядины»), «закармливание» (т. е. угощение) невесты и др. В Себежском уезде сваты приезжали в дом родителей невесты 4 раза, причём первая встреча имела характер предварительной «разведки», на второй закреплялось достигнутое согласие, во время третьей договаривались о приданом, и только на четвёртой встрече к сватам выходила невеста². В Городокском уезде первым этапом досвадебного цикла были «выглядины», а окончательный ответ сваты получали только во

---

1 Статья подготовлена в рамках проекта БРФФИ-РГНФ (ПР) «Традиционный этнокультурный и языковой ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX – начале XXI в.: уровни репрезентации и динамика кросскультурных связей», договор № Г16РП-004.

2 Анимелле Н. Быт белорусских крестьян // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. – 1854. – Вып. 2. – С. 151–155.

время третьего приезда³.

Как отмечает Л.Л. Ивашнева, многочисленные перемещения участников свадьбы и сопровождавшие их обрядовые действия и словесные формулы на данном этапе были направлены на «выявление и преодоление «чужести» сторон жениха и невесты, на снятие их пространственной «отчужденности»»⁴.

Своего рода связующим звеном между предсвадебным и собственно свадебным циклами была суббота накануне венчания, завершавшаяся «вечеринами» в доме невесты. В этот день активизировались обрядовые действия, направленные на «отчуждение» невесты от её прежнего статуса, прощание её с различными атрибутами добрачной жизни: невеста «накануне венца ходит по дороге, голосит и кланяется всем в ноги, прося благословения» (Городокский уезд)⁵; в Себежском уезде невеста с подружками причитали в доме, ходили с причитаниями по полям, обходили деревню, приглашая родственников на свадьбу⁶.

Причитания невесты, её матери и подружек являются одной из самых ярких региональных черт свадебной обрядности Псковско-Витебского и Смоленско-Витебского пограничья. Начинаясь на предсвадебном этапе, они продолжались фактически всю первую половину свадьбы и прекращались либо с приездом жениха за невестой, либо и вовсе с отъездом в дом жениха. Чрезвычайно насыщены причитаниями день накануне венчания, утро венчального дня, когда невесте «чесали голову», обряды благословения и надела невесты, встреча невесты после венчания⁷.

В предсвадебный день в доме невесты и жениха в первый раз могли происходить весьма длительные обрядовые церемонии благословения и надела⁸, неоднократно повторявшиеся затем на протяжении всей свадьбы.

«Вечерины» (вечер накануне свадьбы) характерны преимущественно для локальных традиций восточной части Белорусского Подвинья и прилегающих территорий Псковщины и Смоленщины. В отличие от эгегической «сборной субботы» (или «дзявочага вечара») центральных и западных регионов, «вечерины» имели, как правило, более мажорный характер и представляли собой застолье, сопровождавшееся музыкой и танцами. На «вечерины» приезжали родственники жениха (или сам жених), обычно с гостинцами, предназначенными, в том числе, для невесты и её подружек: «вечером накануне свадьбы у невесты играет скрипач и происходят танцы. От жениха приезжают сваты, отец и мать, входят в дом и кладут на лавку под образа мешок с провизией, в котором находится вареная говядина, сыр, ржаной пирог, начиненный картофелем с творогом»⁹ (Городокский уезд); «вечером накануне свадьбы приезжает жених с сестрой, с сватом, сватьей и подмолодянами,

3 Романов Е.Р. Белорусский сборник. – Вып. 8.: Быт белоруса. – Вильна, 1912. – С. 392–393.

4 Ивашнева Л.Л. Поэзия и обряды западнорусской свадьбы. – Астрахань, издательский дом «Астраханский университет», 2012. – С. 45-46.

5 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 405.

6 Анимелле Н. Быт белорусских крестьян. С. 155-160.

7 Там же, с. 155-167; Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 440-444; Шлюбскі А. Матэрыялы для вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны. – Ч. 2. – Мінск: Інбелкульт, 1928. – С. 70–73.

8 Анимелле Н. Быт белорусских крестьян. С. 162-164.

9 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 406.

т. е. шаферами. Собираются званые гости, вечер проводится в танцах»¹⁰ (Дриссенский уезд).

В отдельных локальных традициях Псковско-Витебского и Смоленско-Витебского пограничья «вечерины» фактически служили началом свадьбы, на них исполнялась «столбовая» песня и начинались приготовления невесты к венцу¹¹.

Свадьба. Как показывает анализ этнографических материалов, наибольшее распространение в регионе получили два варианта последовательности обрядовых действий («порядка») свадьбы.

I. а) молодые едут в церковь по отдельности; б) после венчания молодые заезжают в постоялый двор, «погост» или какой-нибудь дом, где устраивается угощение (иногда с танцами); в) после угощения молодые разъезжаются по своим домам; г) спустя некоторое время жених приезжает за невестой; д) жених увозит невесту в свой дом. Такая последовательность обрядовых действий зафиксирована, к примеру, в Себежском и Невельском уездах¹². Распространённость данного свадебного «порядка» на Невельщине отмечается и на основе материалов XX в¹³.

В Городокском уезде зафиксирован несколько иной способ организации названного варианта свадебного «порядка», так как венчание в данной локальной традиции осуществлялось за несколько недель до свадьбы. В результате свадебный обряд здесь распадается на две практически изолированные друг от друга части: предсвадебный этап и день венчания составляют одну часть, а собственно свадебный пир и переезд невесты в дом жениха – другую¹⁴.

II. а) жених едет перед венчанием к невесте; б) из дома невесты молодые вместе едут в церковь; в) из церкви возвращаются в дом невесты, где происходит совместный свадебный пир; г) жених увозит невесту в свой дом. Такой порядок свадьбы, зафиксированный, например, в Дриссенском уезде, в большей степени характерен для центральной и западной части Белорусского Подвинья¹⁵.

Начало свадьбы в рассматриваемом регионе представляет собой достаточно сложную и продолжительную церемонию, которая, как уже отмечалось выше, во временном отношении могла захватывать и предсвадебный день. Помимо столбового обряда, в церемониал начала свадьбы включались благословение и надел молодых.

«Столбовой» обряд являлся важным составным элементом свадебного цикла в ряде локальных традиций Смоленско-Витебского и Псковско-Витебского пограничья. В наиболее цельном и развёрнутом виде он зафиксирован в соседних регионах Витебщины и Смоленщины, в то время как в локальных традициях Псковско-Витебского пограничья описывается более

---

10 Там же, с. 382

11 Там же, с. 356-357; с. 429

12 Анимелле Н. Быт белорусских крестьян. С. 167-181; Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 443-448.

13 Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. – Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. – С. 398.

14 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 393-396

15 Там же, с. 386-389

фрагментарно (за исключением городокской свадьбы). Следует отметить, что не всегда столбовой обряд приурочен именно к довенечному этапу. В отдельных локальных традициях столбовой обряд и соответствующие песни исполнялись уже после венца и знаменовали собой непосредственно начало свадебного пира (Городокский уезд)¹⁶. Отличительной чертой невелильской и себежской свадебных традиций является исполнение столбовой песни женщинами¹⁷, в то время как в Городокском, Витебском, Велижском уездах, на Смоленщине главным действующим лицом столбового обряда был мужчина. Материалы XX в. отражают существенные трансформации столбового обряда. Так, в Невельском районе женщины-исполнительницы столбовой песни уже только делают вид, что пытаются забраться на символический «столб», либо же встают на какую-то возвышенность (деревянную лежанку возле печки или табуретку)¹⁸.

Каравайный обряд в записях конца XIX – начала XX в. зафиксирован в основном в районах Витебско-Смоленского пограничья (Велижский, Витебский уезды Витебской губернии¹⁹), в то время как относительно Невельского и Себежского уездов описание этого периода не содержит сведений о развёрнутой каравайной традиции. В Дриссенском уезде бытование свадебного каравая зафиксировано в рудиментарной форме – здесь нет описания каравайного обряда, но присутствует указание на раздел каравая невесты в конце свадьбы у жениха²⁰. Каравайная традиция Усвяцкого района «в живом бытовании, хотя и в довольно редуцированном виде» сохранялась ещё в 70-е гг. XX в.²¹

Утром венчального дня обрядовые действия в доме невесты акцентировались на приготовлениях к венцу: одевании в подвенечное платье, посадке, «чесании» головы, надевании венка. Непосредственно перед венчанием происходили надел и благословение невесты. Все эти обрядовые церемонии носили коллективный характер, включали императивные формулы-приговоры дружки, сопровождалась причитаниями невесты и её подружек и были довольно продолжительными по времени. Такой же развёрнутый характер приобретала и отправка невесты в церковь.

Предвенечные обряды у жениха в целом содержали те же основные элементы: сборы, благословение, наделы, отправка в церковь, однако они не сопровождалась причитаниями и выглядели гораздо скромнее. Так, автор описания свадебных обрядов в Себежском уезде, приведя обширное описание сборов к венцу невесты, отмечает: «Состояние жениха и обычаи и обряды при его отправлении в церковь, не имеют в себе никаких особенностей»²².

16 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 409.

17 Там же, с. 442; Народная традиционная культура Псковской области. С. 398, 557.

18 Народная традиционная культура Псковской области. С. 398-399.

19 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 357-358; Шлюбскі А. Матэрыялы... С. 75.

20 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 391.

21 Площук Г.И. Каравай в свадебном обряде Усвяцкого района Псковской области (по материалам фольклорного архива Псковского государственного университета) // Вестник Псковского Государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – Вып. № 1. – С. 49.

22 Серебрянников Ф. Обычаи и обряды крестьян Себежского уезда при крестинах, свадьбах и похоронах // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. – СПб, 1865. – С. 86.

Возвратившихся из-под венца молодых встречали родители (обоих или каждого по отдельности в зависимости от принятого в данной локальной традиции «порядка»), после чего начиналось свадебное застолье. В Себежском уезде по возвращении невесты из церкви происходило продолжительное прощание её с девичьим головным убором, сопровождавшееся характерным причитанием: «Куды мне дзеть сваю красу дзевичью? / На дароги пасадзиць – людзи стопчуць, / В зялёных лугах пасадзиць – кони ходзюць, / На агародзи пасадзиць – куры выкаплюць, / Ва саду пасадзиць – дзевки выщиплюць»²³.

Специфика свадебной традиции Городокского уезда (временная обособленность дня венчания и свадьбы) обусловила дублирование некоторых обрядовых действий: утром в день свадьбы, как и перед венчанием, молодых, снова наделяли и благословляли, именно в этот момент здесь исполнялась столбовая песня²⁴.

Кульминацией этой части свадебного обряда являлись приезд жениха, выкуп невесты, а также сведение молодых. Обрядовое противостояние групп жениха и невесты на этом этапе свадьбы выражалось в продолжительной церемонии встречи жениха и его дружины. Например, в Городокском уезде прежде, чем жениху позволялось войти в дом, дружка должен был выкупить невесту у боярок и одеть её в привезённую с собой шубу²⁵.

Сведение молодых в рассматриваемом регионе, как и в локальных традициях Смоленско-Витебского пограничья, могло приобретать разнообразные формы, однако его вариативность оставалась в пределах общей семантики соединения («скручивания»): дружка, «одной рукой обнимая невесту, а другой жениха, оборачивает около себя три раза» (Городокский уезд); в Витебском уезде молодых несколько раз «наталкивали» друг на друга и соединяли их руки, или же кружили «три раза друг около друга»²⁶.

Во время свадебного застолья в доме невесты (как, впрочем, и в доме жениха) молодым запрещалось есть вместе со всеми, их угощали отдельно в другом помещении, при этом присутствовали только родители невесты, дружка и дударь²⁷.

Завершающим моментом этого этапа свадьбы в доме невесты являлся выкуп сундука («кубла») с её приданым и отъезд в дом жениха. Церемония отправки невесты в дом жениха могла сопровождаться причитаниями, также могли происходить совместные благословение и надел молодых, одаривание дружины жениха матерью невесты²⁸. По замечанию Л.Л. Ивашневой, именно на данном этапе ритуала достигает своей вершины «тема отчуждения, отъединения девушки от прежней жизни, от родного дома»²⁹.

Обрядовые действия, выполнявшиеся в момент приезда молодых к жениху, напротив, были направлены на «освоение» невесты, «приобщение»

---

23 Анимелле Н. Быт белорусских крестьян. С. 173-174.

24 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 396-397; 408-410.

25 Там же, с. 399

26 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 359; 411., Шейн П.В. Материалы для описания быта и языка русского населения Северо-Западного края. – Т.1, ч.2 – СПб, 1890. – С. 8.

27 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 399, 412.

28 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 400, 412, 448, Анимелле Н. Быт белорусских крестьян. С. 177.

29 Ивашнёва Л.Л. Поэзия и обряды западнорусской свадьбы. С. 59.

её к новому дому. Свекровь встречала молодых в вывернутой наизнанку шубе, подносила хлеб-соль, осыпала их зерном. В ряде локальных традиций существовал обычай стелить под ноги молодым холст³⁰. Невеста, входя в дом жениха, совершала действия жертвенного характера – клала кудель на божницу, бросала на печь пояс и т. п.³¹.

Локальные традиции пограничья демонстрируют разнообразие обрядовых действий, следовавших после встречи молодых в доме жениха. Как правило, по их приезде начиналось свадебное застолье, однако, в отдельных случаях молодых могли сразу же укладывать спать. Во время застолья в доме жениха мог происходить совместный надел и благословение молодых. Как следует из более поздних этнографических материалов, после приезда в дом жениха молодую могли «повязывать»³², хотя логика обрядового перехода этим явно нарушалась.

Постель для молодых готовили в холодном помещении (овчарне, чулане, амбаре). В момент укладывания молодых в постель совершались магические действия апотропейного и продуцирующего характера: «дружка раздевает их в присутствии дударя и приданных, потом обходит вокруг молодых с нашептыванием три раза и кладёт на постель, стегнув их слегка кнутом»³³ (Городокский уезд). В Себежском уезде молодая дарит дружке пояс, чтобы он освободил занятую им постель³⁴.

Обрядовые действия следующего дня свадьбы отражают идею приобщения жениха и невесты к новому статусу. Обрядовая социализация молодожёнов осуществлялась посредством умывания и переодевания, а также путём смены обрядовых наименований. В Себежском уезде молодых «с этой минуты уже не называют молодыми князьями, а просто молодыми, новобрачную же – молодухой»³⁵.

Свадебный пир возобновлялся с приездом гостей из дома невесты («приданок»). Дальнейший ход свадьбы зависел от того, сохранила ли невеста целомудрие до брака. Если невеста оказывалась «честной», действия приданок приобретали ярко выраженные черты антиповедения: они скакали по лавкам и ломали их, били посуду³⁶. В противном же случае «приданные невесты сидят тихо, веселья нет»³⁷.

Важнейшим элементом данного этапа свадьбы являлось «повязывание» молодой, сопровождавшееся декларацией смены статуса невесты в свадебных песнях: «У нас учора нявестушка краснай деушкой была, / А сягони нявестушка маладушкой заслыла»³⁸. В Дриссенском уезде на завершающем этапе свадьбы происходил раздел каравая, который привезла с собой невеста. Тут же

30 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 390; Народная традиционная культура Псковской области. С. 557.

31 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 401; Анимелле Н. Быт белорусских крестьян. С. 183.

32 Традиційная мастацкая культура беларусаў. – Т.2. Віцебскае Падзвінне. – Мн.: Бел. навука, 2004. – С. 367; Народная традиционная культура Псковской области. С. 402.

33 Там же, с. 413.

34 Анимелле Н. Быт белорусских крестьян. С. 185.

35 Там же, с. 186.

36 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 450-451.

37 Там же, с. 451.

38 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 450.

молодым «напивали» хозяйство, т.е. одаривали их скотом или деньгами.³⁹

Дальнейшая обрядовая социализация молодых (в особенности невесты) заключалась в их испытаниях, приобщении к хозяйственным работам и т. п. В Себежском уезде невеста должна была символически «исправлять» разные неполадки в хозяйстве: «... одна из домашних женщин берёт веник и говорит: «надаб ба подпахать избу, да веник развязавшись». Молодуха бросает на веник пояс. После того другая женщина, обратясь к молодой и взяв ведро, говорит: «Нада схадзиць за водой, да пачёпки ня крепки». Молодуха идёт с ней по воду и бросает ей на ведро пояс. Наконец, та же или другая женщина отзывается, что нужно сходить дать скоту корму: молодуха идет с нею и, войдя в овчарник, бросает там пояс»⁴⁰. В других локальных традициях гости намеренно мешали невесте мести избу, приносить воду, печь блины и т. п. В качестве способа обрядовой социализации и инструмента «освоения» невестой нового для неё локуса можно рассматривать и обычай замены текстильных изделий в доме жениха: «молодая застилает на стол свои скатерти, ... развешивает по стенам свои полотенца»⁴¹.

Послесвадебный цикл в структуре свадьбы выполнял функцию общественного признания новой семейной пары и состоял, в основном, из визитов молодых и родителей жениха к родителям невесты, и наоборот. Эти визиты продолжались в течение нескольких дней или недель после свадьбы («перезывки», «отводины», «хлебины»). В Себежском уезде различались «перезывки» – посещение тестем и тещей дома жениха и «отзывки» – посещение молодыми и родителями жениха дома родителей невесты⁴².

Таким образом, структура традиционного свадебного обряда Псковско-Витебского пограничья (по материалам второй половины XIX – начала XX вв.) соответствует общепринятому трёхчастному делению на предсвадебный, собственно свадебный и послесвадебный этапы. Своеобразие свадебной традиции региона определяется такими особенностями, как развёрнутость и протяжённость предсвадебного этапа, причётная традиция, мажорный характер «вечерины» (предсвадебного вечера в доме невесты), развёрнутость и многократность ритуалов благословения и надела молодых, специфика бытования столбового и каравайного обрядов.

Об авторе

Мишина Вера Ивановна, старший преподаватель Учреждение образования «Полоцкий государственный университет», Беларусь.

Vera Mishyna, Senior Lecturer, Educational Establishment «Polotsk State University», Belarus.

E-mail: mishyna.v.i@gmail.com.

---

39 Там же, с. 391.

40 Анимелле Н. Быт белорусских крестьян. С. 189.

41 Романов Е.Р. Белорусский сборник. С. 451.

42 Анимелле Н. Быт белорусских крестьян, с. 188.

**ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА ГРАНИЦЫ
В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ БЕЛОРУСОВ
О ВОЛКЕ И ОБОРОТНЕ**

В статье описывается роль концепта границы в формировании представлений, составляющих мифологические образы волка и оборотня.

Ключевые слова: волк, оборотень, мифология, мифологические представления, традиционная культура

P.I. Mishin

The article describes the role of the concept of the boundaries in the formation of ideas that make up the mythological images of the wolf and the werewolf.

Keywords: wolf, werewolf, mythology, mythological ideas, traditional culture

Космологические представления, описывающие устройство и структуру мироздания в традиционной культуре, основываются на постулате негомогенности Вселенной. В этом они кардинально отличны от нашего современного восприятия, в котором одна точка пространственного континуума не имеет сущностных отличий от другой. В видении носителя архаического мирозерцания Космос разделяется на отдельные локусы (сферы, области), отличающиеся друг от друга как своими обитателями (люди, божества, нечисть и т.д.), так и законами, на которых строится само их существование.

Наличие этого подразделения означает признание существования границ. Более того, люди живут в одном из выделенных локусов и видят свою жизнь как череду взаимодействий с силами, которые, как они знают, размещены в соседних локусах. Именно оттуда – через границы, разделяющие сферы людей и потусторонних существ – приходят воздействия этих сил, туда уходят предназначенные им молитвы и жертвы. Все это означает, что в мирозерцании носителя традиционной культуры представлений о границах играли существенную роль. Они порождали множество текстов и влияли на создание еще большего их числа (приметы, поверья, сказки и пр). В данной работе рассматриваются некоторые из этих текстов, касающиеся образов волка и оборотня, поскольку именно в них концепт границы отразился наиболее ярко.

Традиционная культура оперирует, в основном, наглядно-образным способом мышления и не опирается на абстрактно-обобщенные вербализированные определения. Поэтому для обозначения множества феноменов – в том числе и для отдельных участков мироздания – используются символы. Именно они применяются для обозначения сложных, абстрактных или многоплановых феноменов. Волк, наряду с прочими объектами, выступает в качестве такого символа. Но он, в отличие от многих других, символизирует целую сферу мироздания, целый локус в составе традиционного Космоса.

Выбор именно волка в качестве символа не случаен. Его образ используют для обозначения той части Космоса, которая противостоит человеческой

части мироздания – области, населенной людьми. Причины выбора связаны с особенностями проживания, питания и поведения животного – волк ест не то, что человек, живет не там, где живет человек и ведет себя так, как не ведет себя человек. Этот зверь является, таким образом, ярким представителем локуса, находящегося за пределами, за границами человеческой части Космоса. Вполне естественно и закономерно, что именно волк используется как символ для обозначения как самого этого локуса так и – что особенно важно – всего, что с этим локусом связано, всего, что с ним может быть соотнесено.

Следует понимать, что со сферой «инога» соотносится не только то, что пространственно пребывает в ее пределах, как, например, звери в диком лесу. «Иное» - это не только и не столько пространственные координаты, это то, что противопоставлено человеческому. То есть речь может идти о любых отклонениях от эталона, от некоторой условной нормы, принятой для данной культуры. На практике, в условиях отсутствия четких определений, в условиях господства наглядно-образного мышления, а также ввиду высокой сложности и абстрактности самой концепции «инога» ее объем, спектр ее применения расширяется. К ней относят не только то, что противопоставлено эталону, но и то, что **отклоняется** от эталона. Представитель традиционной культуры соотносит с концепцией «инога» все, что не соответствует текущим нормам, законам того социума, к которому данный человек принадлежит.

Итак, мы пришли к следующему. Во-первых, концепция «инога» весьма сложна и достаточно абстрактна. Это побуждает использовать для обозначения того, что к ней относится, символы. Во-вторых, с «иным», с проявлением «инога» может быть сопоставлено все, что не соответствует эталонам, нормам, законам; любое отклонение от эталона в поведении, в форме или в сущности объекта. Поскольку с локусом, противопоставляемым человеческому, устойчиво соотносится именно волк, то из всего вышесказанного с неизбежностью проистекает использование «волчьей» символики для обозначения вообще всего, что соотносится с «иным» в любом его проявлении и в первую очередь – людей.

Примеры многообразны и встречаются в материалах множества традиций. Древнейшие из зафиксированных сведений относятся к эпохе хеттского царства: «наиболее древним примером этой формулы является § 37 древнехеттских законов, где говорится, что если человек со своими помощниками совершит насильственный увод женщины и при этом три или два человека будут убиты, то этот человек «стал волком». ... Хеттская юридическая формула связана не только с общеиндоевропейским представлением о воине-«волке», но и с находящим широкие параллели в разных индоевропейских традициях представлением о том, что совершивший убийство (или человеческое жертвоприношение) становится волком»². Вышеупомянутый закон описывает случай, когда группа людей похищает невесту, а отправившиеся в погоню за похитителями убивают одного из них. § 37 указывает, что в данном случае убийство преступлением не является, поскольку совершивший похищение невесты находится вне закона: «Закон гласит: «Ты стал волком!»»³.

Часто встречаются соотнесения волка с преступником на территории Скандинавии. Например в «Речах Сигридивы» валькирия дает совет не верить «волчьим клятвам» - тем, кто нарушит свое слово⁴. В этом контексте выражение

«стать волком» означает «стать клятвопреступником», т.е. преступить закон. Согласно древнеисландской умиротворительной присяге совершивший убийство «будет называться волком»¹. «Немирный человек рассматривался как «покойник», изгнанник (*wealdgenga*), нередко назывался ... «волк», а его «волчья голова», <...> объявлялась по всей стране вне закона. В древней Исландии самая тяжкая опала называлась «*skoggangr*», то есть «лесной ход», а тот, кто кого-либо бесчестил, именовался «*vargr*». Похититель скота, наказываемый более жестоко, чем убийца, носил титул «*gorvargr*» - «скотий волк»²; «... по скандинавски «*voggr*» означает волка, разбойника, хищника и вора»³, санскритское «*vrka*» так же означает как волк, так и вор⁴. В исландском языке существовало слово «*vargur* - изначально этот мифологический термин означал «волка-оборотня, волколака», «преступника изгнанного из общества и вынужденного скитаться в лесах», «злобного демона»¹. Таким образом в самых разных традициях мы наблюдаем обозначение с помощью «волчьей» символики людей, совершивших преступления, буквально – переступивших границы дозволенного человеку.

К сфере «нечеловеческого» относится не только то поведение, которое непосредственно связано с нарушением человеческого закона, особенно закона в современном, узком понимании. Для традиционного общества в сферу закона входят и разнообразные нормы, правила поведения, обычаи, традиции. ЧЕЛОВЕК может вести себя только предписанным, завещанным от предков, надлежащим образом. Нарушение норм и правил поведения является одним из проявлений «ненормальности», т.е. выводит людей за пределы их локуса, а значит, делает возможным применение к ним волчьих эпитетов.

П.В. Шейн приводит тексты свадебных песен, в которых «нечестная» невеста посылает к родителям волка, чем противопоставляется «честной», которая посылает коней и повозку². На Полесье с помощью волчьей символики описывали ситуацию нарушения обычая, когда жених бросал невесту³; «беларускае выслоўе «У воўчую шкуру ўшыўся» таксама азначала, што чалавек не прытрымліваецца агульнапрынятых норм, не спыняецца ні перад чым»⁴. Известно, что античном Риме проститутки называли волчицами (лат. *lupa*), а бордели – дословно волчатниками или, правильнее будет сказать, волчарнями (по аналогии с рус. «псарня»; лат. *lupanarium*): «Обозначение шлюхи как «волчицы» в латинском языке было столь устойчивым, что это даже вызвало появление вторичного «*lupus femina*», термина для обозначения самки волка, которое «не могло употребляться в ... обценном смысле»⁵. Тит Ливий даже использовал этот факт, чтобы объяснить и рационализировать миф о Ромуле и Реме, вскормленных волчицей: «Иные считают, что Ларенция (жена пастуха,

---

1 Иванов Вяч. Вс. Реконструкция индоевропейских слов и текстов отражающих культ волка. // «Известия АН СССР», Серия литературы и языка. 1975, Т. 34, №5. – С. 401

2 Хеттские законы. [Электронный ресурс]: Сайт исторического факультета МГУ. Исторические источники по истории Древнего Востока на русском языке в Интернете. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/hett.htm> – Дата посещения: 06.04.2012. – Загл. с экрана.

3 Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах. – М., 1975. – С. 287.

4 Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II, – Тбилиси: Изд-во Тбилисск. университета, 1984. – С. 493.

5 Шервуд Е.А. Ведьмы, оборотни и другие. – М.: ИЭА РАН, 1996. – С. 64.

нашедшего близнецов и вскормившая их – М.П.) звалась среди пастухов «волчицей», потому что отдавалась любому, – отсюда и рассказ о чудесном спасении»⁶. Подобные обозначения существовали и у иных народов. Так в исландском привороте на девушку насылают «Волчицы плотское бешенство»⁷; «в древнеирландском также можно отметить целый ряд лексем, которые, имея в качестве прямого значения «собаку» или «волка», употребляются переносно (либо как производные) для обозначения падшей женщины или похотливости и распутства»⁸. Во французских бестиариях бесчестных женщин также называют волчицами⁹, хотя это может быть средневековой трансляцией античного наследия. Все это примеры использования волчьей символики в отношении людей, вышедших за границу допустимого для человека.

Кроме случаев исторжения, изгнания того, кто вышел за пределы человеческого, в традиционной культуре нам известны обряды, в рамках которых люди выходят за пределы человеческого мира с тем, чтобы вернуться обратно. Речь идёт о так называемых ритуалах перехода, во время которых человек меняет свой «магически-религиозный или социальный»¹⁰ статус. Суть обрядовых действий этого типа состоит в том, что их участники оставляют своё прежнее состояние (социальное, возрастное, магическое – на практике всё это часто объединяется), отделяются от него и переходят, включаются в новое. Между прежним и настоящим они пребывают в лиминарном – промежуточном состоянии, которое не является ни «тем», ни «этим»⁹ и, соответственно, не принадлежит к сфере человеческого.

Выход участников ритуала за пределы «человеческого», т.е. обретение ими «нечеловеческого» статуса могли привести к использованию волчьей символики в их отношении. И мы вполне допускаем, что именоваться «волками» могли все основные персонажи любого ритуала перехода. Об этом, к примеру, может свидетельствовать обычай, бытовавший у южных славян, где после рождения ребёнка повитуха выбегала с криком «волчица родила волчонка!»¹⁰. Однако на момент записи в белорусской традиции использование волчьей символики для обозначения ключевых персонажей обряда фиксируется только в рамках свадебного ритуала. Так, широко распространено обыкновение именовать волком жениха, отдельных лиц в его дружине или всю дружину целиком¹¹. Само содержание свадебного ритуала таково, что жених и невеста, а также непосредственно сопровождающие их участники ритуала, проходят через лиминальную стадию, т.е. оказываются в сфере нечеловеческого, проходя через него как пространственно, так и статусно в процессе смены своего социального статуса. Пребывание их в

6 Шпеннинг Д. Значение некоторых зверей, птиц и других животных по суевериям русского народа. // Филологические записки. – 1866. – Вып. 4-5. – С. 6.

7 Там же.

8 Из рассказов о древнеисландском колдовстве и Сокрытом Народе. – М.: ИД «София», 2003. – С. 66.

9 Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. – СПб., 1902. – Т. 3. – С. 464.

10 Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. – СПб, 2004. – С. 83.

11 Кабашнікаў К.П., Салавей Л.М. Воўк. Беларускі фальклор. Т.1. – Мн., 2005. – С. 275.

сфере и статусе «чужого» и позволяет использовать волчью символику для обозначения участников.

Волчья символика также используется для обозначения участников ещё одной группы ритуалов перехода – инициаций. К сожалению, материалов, непосредственно сообщающих об этом, в отношении славян не сохранилось. Однако реконструкция, сделанная Слупецким, достаточно убедительно доказывает использование волчьей символики по отношению к юношам, проходящим возрастную и/или воинскую инициацию¹².

Поскольку представители традиционной культуры чаще всего рассматривали окружающий мир с сугубо антропоцентрической точки зрения, это закономерно приводило к распространению волчьей символики и на различные объекты окружающего мира, которые по тем или иным причинам казались людям «не-нормальными», неправильными. Так в белорусском и, вероятно, других славянских языках известен целый ряд растений, характеризующихся как «волчьи», т.е. с использованием волчьей символики. Это «воўчыя ягады», оно же «воўчае вока», «воўчае лыка», «воўчая мята», «воўчы лён»¹³. Во всех случаях «волчья» характеристика означает неправильность (ядовитость), дикорослость, чуждость¹⁴. Тот же мотив прослеживается в общем наименовании для всех незнакомых, т.е. «чужих» грибов – «ваўчанкі»¹⁵. То же наблюдается в отношении предметов, созданных руками человека, но не соответствующих каким-либо нормам. Так, обозначая неправильную заточку зубьев пилы, при которой на досках остается рваный след, говорили «волчий зуб»¹⁶.

От обозначения вышедшего за пределы человеческого индивида через волчью символику остается только один шаг до собственно принятия волчьего облика. Рассмотрев тексты, описывающие оборотнические превращения, мы убедимся в том, что оборотень перед превращением тем или иным образом вышел (или же был выведен) за пределы человеческого. Это могло произойти вследствие его пребывания в пространстве-времени ритуала (свадебное оборотничество), совершения недолжных поступков (воровство, убийство, нарушение правил поведения), обладания какими-либо нечеловеческими качествами (внешность, обстоятельства рождения, профессия и т.д.), нахождения за пределами мира людей в пространстве и времени. То есть, рассматривая ситуацию превращения, можно сказать, что в ряде случаев при обозначении человека как «волка» происходит ещё и смена облика; внешний вид бывшего «человека» начинает соответствовать содержанию его характеристики принадлежности («не-человек» = «волк»).

Так в текстах, которые приводит Е.Р. Романов, происходящие изменения касаются в первую очередь сферы поведения. В двух рассказах причиной

---

12 Михайлова Т.А. «Против женщин, кузнецов и друидов...»: вера в женскую магию в традиционной ирландской культуре // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. – М., 2005. – С. 329.

13 Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I. – М., 1989. – С. 13

14 Кораблев Л.Л. Рунические заговоры и апокрифические молитвы исландцев. – М., 2003. – С. 132.

15 Михайлова Т.А. «Против женщин, кузнецов и друидов...». – С. 329-330.

16 Шеппинг Д. Оборотень в его мифическом и пластическом олицетворениях // Филологические записки. – 1866. – Вып. 4-5. – С. 17.

превращения является «ненормальное», т.е. «нечеловеческое» поведение. В первом случае это воровство¹⁷, во втором – неуместное веселье сыновей во время похорон отца¹⁷. Показательно, что в первом случае человек вначале берет не принадлежащее ему яблоко, но это не вызывает никаких изменений – диапазон «человеческого» в поступках достаточно широк. Превращение происходит лишь тогда, когда действие выходит за пределы этого диапазона (в приведенном тексте это кража снопа соломы)¹⁸.

Упомянутый выше «волчий» статус молодых, полученный ими в рамках свадебного ритуала, используется для превращения их в волков, упоминания о чем часто встречаются в белорусском фольклоре¹⁹. Направленное против свадебного поезда колдовство не позволяет поезжанам вернуться в человеческий статус, в человеческое состояние, фиксирует их волчий статус и, соответственно, волчий облик. Особенно показательным в этом плане является приводимый П.В. Шейном магический обряд, где для превращения используется кровь волка или кровь переставших петухов²⁰, с помощью которых свадебный поезд как бы «выбрасывается» в сферу нечеловеческого²¹.

Превращение оборотня является закономерным результатом выхода за границу «человеческого». Сделавшие это люди принадлежат к сфере нечеловеческого и, соответственно, обозначаются как «волки». Это отражается и в смене облика – человек во внешнем обличье становится тем, кем он является по своему имени, своему обозначению вышедшего за границу человеческого, по факту своей принадлежности к локусу иного.

Концепт границы, разделяющей мир людей и противопоставляемый ему мир «иного» сыграл существенную роль в формировании образа волка и определяющую в формировании образа оборотня. Соотнесение животного с областью нечеловеческого позволило использовать его в качестве символа этой части мифологического Космоса. В дальнейшем с помощью волчьей символики обозначалось то, что выходило за границы нормы, за границы того, что предписано традицией – для всего «иного». Это соотнесение стало существенной частью образа волка, связало его с самыми разными объектами мифологического Космоса, обеспечило присутствие его во множестве ритуалов и даже сформировало некоторые из них (как, например, обряды инициации юношей).

Что же касается представлений о волке-оборотне, то они вообще практически полностью определяются концептом границы между мирами. Именно маркирование человека, вышедшего за границу локуса людей – в рамках ли ритуала или же вследствие совершения недолжного поступка, – через волчью символику, наделение его статусом волка, привело, по нашему мнению, к возникновению этого мифологического образа.

---

17 Геннеп А., ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. – М., 1999. – С. 16.

18 Там же.

19 Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. – С. 198.

20 Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997. – С. 126.

21 Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т.2. – Мн., 1978. – С. 204, 205, 214.

Об авторе

Мишин Павел Иванович, Учреждение образования «Полоцкий государственный университет», старший преподаватель, Беларусь.

Pavel Ivanovich Mishyn, senior lecturer, Educational Establishment «Polotsk State University», Senior Lecturer, Belarus.

E-mail: tomcatcat@yandex.ru.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ПОЧИТАНИЯ ХРИСТИАНСКИХ СВЯТЫНЬ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Статья посвящена современным христианским (православным и католическим) традициям почитания чудотворных икон Богородицы на территории белорусско-польского приграничья, а также их влиянию на общественные, религиозные и этнические процессы в регионе.

Ключевые слова: религия, чудотворные иконы, православие, католицизм, христианские традиции, этнические процессы.

Y.A. Milash

MODERN TRADITION OF HONORING CHRISTIAN SHRINES BELARUSIAN- POLISH BORDERLAND.

The article is devoted to modern Christian (Orthodox and Catholic) tradition of honoring the miraculous icon of the Virgin in the territory of the Belarusian-Polish border area, as well as their impact on the social, religious and ethnic processes in the region.

Keywords: religion, miracle-working icons, Orthodox, Catholic, Christian traditions, ethnic processes.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. в Беларуси началось возрождение национальных религиозных традиций, а также религиозных традиций иных этнических групп, проживающих на территории Беларуси. В первую очередь возрождались местные христианские традиции, которые подвергались искоренению в советское время. Особый интерес вызывают у исследователей такие процессы на территории белорусско-польского пограничья, которые характеризуются переплетением православной и католической христианских традиций вместе с явным присутствием протестантской. Согласно данным 2010 года в Гродненской области насчитывалось 456 религиозных общин. Из них 186 – православных (занимают в этноконфессиональной структуре наибольшее место), 170 – католических, 84 – протестантских. При этом следует отметить тот факт, что уровень религиозности населения белорусско-польского пограничья гораздо выше, чем в остальных регионах Беларуси².

Для местного населения приграничных районов Гродненщины и Брестчины одной из важнейших религиозных особенностей является почитание Богородицы в её чудотворных иконах. Такая форма прославления Богородицы в Беларуси ведёт своё начало с первых времён принятия христианства на этих землях³. Известно, что святая Евфросинья Полоцкая после своего пребывания в Константинополе привезла в Полоцк чудотворную икону Матери Божьей Эфесской, которая и сегодня почитается верующими. Постепенно расширение культа Богородицы ведёт к тому, что верующие каждой местности стремятся иметь «свою» Матерь Божью в святом образе, которая бы за них заступалась. Первое появление такой местнотимой святыни является обретение иконы Матери Божьей Купятичской в 1182 году⁴ (сейчас деревня в Пинском

районе Брестской области). Этнографы и краеведы XIX в. отмечали особое отношение белорусов к чудотворным образам Супрасльской, Жировичской, Красностоцкой, Бельской, Белостоцкой Божьей Матери. Формы почитания Богородицы были довольно разнообразны: это специальные молитвы и богослужения, поломничества и крестные ходы, а также «маёвые набажэнствы» и «ружанцовыя молитвы» у католиков. За последние два десятилетия традиции почитания чудотворных икон не только возродились, но и дополнились новыми элементами.

Особым почитанием среди православных пользуется икона Матери Божьей Жировичской. Каждый год 20 мая в престольный праздник (фэст) в честь этого образа, который сотни лет почитался белорусами, собираются тысячи поломников. Некоторые из них, как и прежде, приходят пешком. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет в своё время назвал праздник Матери Божьей Жировичской «белорусским, национальным». Образ этот является общебелорусской святыней, а также почитается и за пределами Беларуси. В период господствования униатов в Жировичах икона была коронована. Произошло это событие 19 сентября 1730 года¹. Поэтому и сегодня эта святыня привлекает верующих разных христианских конфессий из разных регионов Беларуси, а также Польши и Украины. Исходя из итогов полевых исследований, проведённых в 2013 г., следует, что образ Богородицы Жировичской является самым популярным и наиболее узнаваемым среди православных белорусов. Но католики также называют Жировичи «святым местом», куда стремятся осуществить поломничество, чтобы поклониться чудотворному образу². В местном костеле г. Слонима находится копия Жировичского образа, которая почитается католиками. Вообще списки с Жировичской иконы достаточно распространены в церквях и костёлах по разные стороны белорусско-польской границы, а также на Волыни (Украина) и в Риме (Италия).

Также известными православными святынями названного региона являются местночтимые иконы Раковичской, Сукневичской и Сынковичской (Всецарица) Божьей Матери. Икона Матери Божьей Сукневичской известна с XVII в. Несколько раз её находили на дикой груше, вскоре построили там небольшой храм. В советское время его закрыли, а икона находилась сначала у местной жительницы, а затем в церкви д. Дамашаны. 10 июня 2004 года чудотворную икону «вернули» в родную деревню Сукневичи. Торжество началось с молебна в районном центре, откуда верующие с крестным ходом сопровождали святыню к отремонтированному храму д. Сукневичи. Литургию в честь возвращения образа отслужил епископ Новогрудский и Лидский Гурий, по благословению которого икону отреставрировали. А в праздник Покрова Пресвятой Богородицы в 2007 г. икона получила новый драгоценный оклад¹. В Свято-Михайловском храме д. Сынковичи прославилась чудесами икона Божьей Матери «Всецарица». С 2005 г. место её пребывания стало новым центром христианских поломничеств.

Среди католиков данного региона особым почитанием пользуются иконы Матери Божьей Трокельской, Брестской, Гудагайской и Конгрегатской. Образ Трокельской Божьей Матери был привезён из Рима в трокельский костёл в

1 Верещагина, А.В. Этноконфессиональные процессы в Гродненской области и историческом и современном аспектах//Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья. – Москва, 2012. – С. 363-409.

1595 г. и является копией иконы Матери Божьей Снежной. С того времени и живёт традиция почитания Трокельской Божьей Матери местными жителями, которые в благодарность за полученные благодати начинают украшать образ вотивами. Во времена независимости Беларуси образ был реставрирован, а с 1993 г. были возобновлены традиции поломничеств. Особенным почитание икона пользуется у жителей Гродненской епархии, а в 1995 г. гродненский епископ А. Кашкевич специальным декретом возводит Трокельский костёл в ранг Марийного санктуария. 5 июля 2009 года чудотворный образ был коронован². Известен также среди населения Гродненщины образ Матери Божьей Гудогайской. Первое упоминание о нём относится к 1764 году в акте фундации монастыря кармелитов босых. Сама икона представляет собой копию православной иконы Матери Божьей Владимирской, поэтому она широко известна и среди православного населения Гудогайщины. Традиции почитания иконы развиваются и в наши дни: ежегодно 16 июля тут собираются тысячи верующих из приграничных территорий Беларуси, Литвы и Польши, некоторые приходят пешком. 15 июля 2007 года икона была также коронована³.

Еще одной особенностью почитания чудотворных икон этого региона является почитание образов Матери Божьей Ченстоховской (Ченстохово, Республика Польша) и Матери Божьей Остробрамской (Вильнюс, Республика Литва). Эти традиции существуют еще со времён Великого княжества Литовского и Речи Посполитой и объединяют верующих обеих конфессий – и православной, и католической. Об особенном отношении верующих к этим иконам свидетельствуют и результаты опросов. Многие имеют их изображения у себя дома и совершают паломничества в Ченстохову и Вильнюс⁴. Некоторые верующие на вопрос «Существует ли у вас особенное отношение к какому-то определённом образу Богоматери?» отвечали следующее: «Чаще всего молюсь перед образом Матери Божьей Остробрамской», или: «Существует к Матери Божьей Ченстоховской, которой благословляли родители перед венчанием. Она всегда находится в нашей квартире»³. Во многих костёлах и церквях Беларуси находятся копии этих чудотворных икон. К примеру, на Брестчине почитается чудотворная копия иконы Ченстоховской Божьей Матери. Она находится в церкви д. Хмелево при мужском монастыре, куда круглый год стремятся богомольцы⁴.

Традиции почитания Богородицы в её чудотворных иконах в данном регионе насчитывают многовековую историю и всегда имели общеконфессиональный характер. Если какой-то образ почитался в конкретной местности, то всеми верующими, независимо от их конфессиональной принадлежности. Поэтому такие традиции содействовали этнической консолидации белорусов и взаимодействию представителей различных

---

2 Верашчагіна А.У. Праваслаўная абраднасць у Беларусі: рэгіянальныя адметнасці і гісторыя // Хрысціянства і беларуская культура. – Мн.:МГА “Бел.кнігазбор”, 2001. – С. 153–161.

3 Корнилова Л.А. Чудотворные католические иконы Богоматери в Беларуси // Материалы международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии XIII-нач. XX вв.» – Гродно, 1991. – С. 387–393.

4 Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора. Фонд 6, опись 14, дело 177, л. 1–40.

этносов белорусско-польского пограничья. Даже учитывая первенство разных христианских конфессий в разные исторические периоды – православной, католической, униатской – нельзя говорить о вытеснении одних традиций другими. Наоборот, традиции, которые были наиболее характерны для каждой из конфессий, переплетались и, таким образом, служили развитию религиозной толерантности. Вместе с этим, официальные церковные обряды дополнялись народными традициями, создавая своеобразный симбиоз, который складывался из духовного опыта церкви и народа. Такие традиции ассоциируются с их носителями, поэтому перестают быть только церковными, но также становятся частью этнического сознания верующих.

Об авторе

Милош Янина Анатольевна, аспирант отдела народоведения Государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси», г. Минск Республика Беларусь.

Milos Yanina Anatolyevna, postgraduate student of the Department of Ethnology of the State scientific institution “research Center of Belarusian culture, language and literature of NAS of Belarus”, Minsk, Republic Belarus.

E-mail: yania1009@inbox.ru

**СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ
В БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ, ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПРОЯВЛЕНИЕ
НА БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ**

Данная статья посвящена религиозным традициям сельского населения трех областей Беларуси (Могилевской, Витебской и Гомельской) по материалам опросов, проведенных в 2015 г. на тему «Этнокультурные традиции молодежи на белорусско-российском пограничье». Исследование духовной культуры в белорусской деревне показало, что в сельских регионах население всегда сохраняло свои этнокультурные традиции, составной частью которых являются религиозные традиции. Сделан вывод, что конфессиональные предпочтения сельской молодежи имеют свои отличия, которые выражаются в явном преобладании православных традиций, а также имеют региональную специфику пограничной территории.

Ключевые слова: культура сельского населения, религиозные традиции, новации, православные традиции, пограничный регион, этноконфессиональные процессы, идентичность, толерантность.

A.V. Hurko (Vereshchagina)

**MODERN RELIGIOUS TRADITIONS IN THE BELARUSIAN VILLAGE,
THEIR TRANSFORMATION AND MANIFESTATION
ON THE BELARISIAN-RUSSIAN BORDERLANDS.**

This article deals with the religious traditions of the rural population of the three regions of Belarus (Mogilev, Vitebsk and Gomel) based on surveys conducted in 2015 on “Ethno-cultural traditions of the youth at the Belarusian-Russian borderlands.” The study of spiritual culture of the Belarusian village showed that the population in rural areas has always retained its ethno-cultural traditions, which are part of the religious traditions. It is concluded that the confessional preferences of rural youth have their own regional differences, which are expressed in a clear predominance of Orthodox traditions, as well as have a regional specificity of the border area.

Keywords: the culture of the rural population, religious traditions, innovations, the Orthodox tradition, the border region, ethno-confessional processes, identity, tolerance.

В Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси выполняется совместный белорусско-российский проект «Сохранение традиций и трансформации крестьянской культуры на белорусско-российском пограничье (Могилёв-Гомель-Витебск-Смоленск-Псков-Брянск)» по договору Г15Р-012 от 04 мая 2015 г. Одна из задач, поставленных перед исследователями – изучить региональную специфику религиозных традиций сельского населения на белорусско-российском пограничье. В духовном бытии крестьянина религиозность занимает значительное место и проявляется в двух аспектах – внешнем и внутреннем. Внешний аспект проявляется в ряде церковных

праздников, религиозных обрядах и канонах, которые регламентируют сельскохозяйственный год и занятия сельскохозяйственным производством. Внутренний аспект – это проявления религиозности сельского жителя, связанные с представлениями об окружающей природе и почитании именно тех святых и святынь, которые связаны с занятиями сельскохозяйственным производством и с обеспечением хорошего урожая¹.

В Беларуси издревле отмечались следующие праздники: (по православному церковному календарю, новый стиль) 30 марта – день св. Зосимы и праздник пчеловодов, 6 мая – день св. Юрия – праздник пастухов, 10 ноября – день Параскевы Пятницы, покровительницы ткачества, 14 ноября – праздник кузнецов, 22 мая и 19 декабря – день св. Николая – покровителя земледельцев, пастухов и конюхов, три Спаса (14, 19 и 29 августа). Постоянной составляющей таких праздников и ритуалов являются элементы магии, дающие гарантию благоприятного исхода действий человека. Так, во время всех больших праздников белорусского христианского календаря даже в XX веке выполнялись языческие по происхождению обряды, цель которых – обеспечение благополучия семьи и хорошего урожая, приплода скота и избавление от болезней, несчастий.

Сельское население пограничных белорусско-российских территорий обладает специфическими чертами традиционной культуры, в том числе религиозных традиций и конфессиональной структуры, что является следствием многовековых этнокультурных взаимодействий с участием представителей таких этнических групп, как русские, украинцы, поляки, евреи, татары, латыши и др. В современной этноконфессиональной структуре трех областей на фоне традиционного доминирования православных общин (в Могилевской области – 135, в Гомельской – 230, в Витебской – 272 общины Белорусской Православной Церкви), присутствуют представители таких этноконфессиональных общностей, как русские-старообрядцы, поляки-католики, евреи-иудеи, татары-мусульмане, немцы-лютеране. Так, по данным Могилевского облисполкома, в области зарегистрированы 7 старообрядческих общин, 23 общины Римско-католической церкви, 16 иудейских общин, 1 община Армянской Апостольской церкви, 4 евангелическо-лютеранские общины, 1 мусульманская община. По данным Гомельского облисполкома в области действуют 21 община РКЦ, 4 общины Евангелистско-лютеранской Церкви, 1 мусульманская, 2 общины Старообрядческой Церкви, 8 иудейских религиозных общин. По данным Витебского облисполкома, в Витебской области зарегистрированы 93 католические общины, 18 общин старообрядцев, 5 общин ортодоксального иудаизма, 4 общины прогрессивного иудаизма, 4 общины мусульман.

Наличие специфических черт конфессиональной структуры и религиозной жизни сельского населения исследуемого пограничного региона были подтверждены данными опросов среди студентов вузов трех областей, проведенных в 2015 г. на тему «Этнокультурные традиции молодежи на белорусско-российском пограничье». Студенческая аудитория была выбрана по принципу мобильности молодежной группы, а также для того, чтобы

¹ Кузнецов, С.В. Религиозно-нравственные основания русского крестьянского хозяйства / Православие и русская народная культура / Ред. Квашнин Ю.Н., Крюкова С.С. – Книга 3. – Москва, 1994. – С. 236.

исследовать процессы трансляции религиозных традиций из поколения в поколение и восприятия молодежью новаций в современной крестьянской культуре на белорусско-российском пограничье.

Было опрошено 50 студентов исторического факультета Могилевского государственного университета (уроженцев Мстиславского, Дрибинского, Быховского, Бельничского, Славгородского, Бобруйского, Круглянского, Могилевского и Хотимского районов); 50 студентов исторического факультета Гомельского государственного университета имени Ф.Скорины (уроженцев Буда–Кошелёвского, Гомельского, Добрушского, Лельчицкого, Брагинского, Калинковичского, Речицкого районов); 50 студентов строительного факультета Полоцкого государственного университета (уроженцев Оршанского, Толочинского, Глубокского, Полоцкого, Витебского, Лиозненского, Шумилинского, Верхнедвинского, Браславского, Городокского, Докшицкого, Чашникского, Поставского районов).

Согласно полученным данным, общее количество респондентов, которые соотносят себя с той или иной конфессией больше, чем представлено по данным Института социологии НАН Беларуси (вместо 56,4 % доли верующего населения Беларуси до 80-90 % в опрошенной группе). При этом наибольшее количество респондентов, которые относят себя к верующим (практически 100 %) было в Гомельской области. Это подтверждает тезис о высоком уровне религиозности сельского населения.

Подавляющее большинство респондентов во всех трех областях (от 76% в Витебской до 88% в Гомельской области) соотносят себя с православными традициями, что соответствует общим социологическим данным по этноконфессиональной структуре Беларуси. При этом в Витебской области достаточно большее количество опрошенных (14%) соотносит себя с католицизмом. В Гомельской области 1 респондент соотнес себя с католицизмом, 1 студент указал, что он – язычник, 1 – старообрядец, 1 – атеист. Таким образом, фиксируется наличие в этноконфессиональной структуре белорусско-российского пограничья на фоне преобладающих православных традиций таких конфессий, как католицизм, старообрядчество и даже неязыческие представления.

На вопрос «Какие святые и святыни, связанные с сельскохозяйственными занятиями, почитаются в Вашей местности?» утвердительно ответили 60 % респондентов Могилевской области; 76 % – Гомельской области; 50 % респондентов Витебской области. При этом во всех трех областях практически все студенты отметили такие праздники, как день св. Николая; три Спаса (14, 19 и 29 августа), день св. Юрия, день Параскевы Пятницы.

На вопрос о знании местных святынь (икон, храмов, могил почитаемых людей) в Могилевской области дали положительный ответ 34 % опрошенных. Это следующие ответы: «Икона Бельничской Богоматери, Никольский храм» (ж., 20 лет, студентка, агрогородок Светиловичи, прав., бел.); «Собор Александра Невского, монастырь в Пустынках (Свято-Успенский Пустынский монастырь Мстиславской епархии Могил. обл.)». В Гомельской области на вопрос о знании местных святынь дали положительный ответ 56% опрошенных. В Витебской области студенты, не будучи историками по специальности (как в двух предыдущих областях), показали прекрасное знание молодежью

своей региональной и общей истории (78% опрошенных), что, возможно, является следствием хорошего развития туристической инфраструктуры региона и, соответственно, краеведческой работы. Перечень ответов был очень обширный: Собор Ефросиньи Полоцкой (Спасо-Ефросиньевский Собор), Борисов Камень, Крест Ефросиньи Полоцкой, Храм Петра и Павла, Успенский Собор в Витебске, криница в Сенно, церковь Св. Николая в Сенно, костел в Ремнях (Городокский р-н), Вознесенская церковь в Лиозно, костел Иоанна Крестителя в д. Волколата (Докшицкий р-н), могила Я. Дроздовича, Свято-Покровская церковь в г. Толочин, св. криница в Друцке, Оршанский Лавро-Кутеинский монастырь, криничка в д. Бобруйщина Глубокского р-на, Икона Божьей Матери Браславской Владычицы озер.

На вопрос «Участвуете ли Вы в крестных ходах по случаю церковных праздников или отдельных событий?» в Могилевской области положительный ответ дали 26% респондентов, в основном девушки; в Гомельской области положительный ответ дали 36% – самое большое количество опрошенных. Как отмечено в ответах, эти крестные ходы проводились на религиозные праздники Рождество Христово, Пасху, Радуницу, Медовый и Яблочный Спасы, на престольный праздник Покрова Пресвятой Богородицы. В Витебской области положительный ответ дало наименьшее количество респондентов – 22%. Согласно ответам студентов, крестные ходы проводились во время паломничества к мощам Ефросиньи Полоцкой (Полоцкий р-н), пилигримки в Будслав (а/г Бабиновичи Лиозненского р-на), паломничеств к святыням в Будслав, в Польшу и Литву (а/г Новка Полоцкого р-на).

На вопрос «Выполняются ли в Вашей семье религиозные обряды (крещение, похороны, венчание). Какие с Вашей точки зрения существуют особенности в выполнении этих обрядов в Вашей местности?» молодые респонденты в большинстве своем ответили утвердительно – от 98% в Могилевской области до 76% в Витебской области. При этом большая часть студентов отметила обряд крещения. Некоторые ответы подтвердили четко осознанную студентами (будущими историками) связь между религиозной обрядностью и этнической идентичностью: «Да, все обряды соблюдаются, это дань традициям» (ж., 20 лет, бел., прав., Рогачевский район Гомельской обл.); «Да. По примеру наших предков» (ж., 20 лет, Чериковский район, прав., бел.).

Региональные особенности в выполнении религиозных обрядов (в основном, погребения) отметила незначительная часть респондентов со следующими комментариями: «Отличия в том, что обряд похорон отходит от традиции» (м., 20 лет, Чаусский район, белорус, индуист); «Есть различия при обряде похорон; крест ставят у головы» (м., 25 лет, Мстиславский район, прав., бел.); «Проводятся похороны по традиции дедов» (м., 20 лет, бел., прав., д. Лужесно Витебского р-на, студент ПГУ). Большая часть респондентов отметила, что региональных особенностей в выполнении обрядов нет.

На вопрос «Какие действия с целью защиты дома, скота, земли, семьи от бедствий, несчастий, болезней, Вы знаете и выполняете?» в Могилевской области положительно ответили 26% респондентов, в Гомельской области – 42 %; в Витебской области – 36 %. Материалы опросов подтверждают характеристику религиозных взглядов крестьянина как архаичных, связанных с язычеством – древней религией белорусов. Так, на вопрос о действиях с целью

защиты дома, скота, земли, семьи от бедствий, несчастий, болезней одна из студенток ответила, что это обряды, связанные с домовым (Хотимский район). Больше всего ответов, которые свидетельствуют о сохранении остатков языческих верований (заговоры, ритуальные действия с целью защиты скота, дома и семьи) и о сочетании их с православными церковными святынями и обрядами, получены в Гомельской области. В меньшей степени о сохранении дохристианских верований свидетельствуют ответы студентов из Полоцкого университета. Поскольку апотропейные ритуалы и обряды, в основном, носят церковный канонический характер, можно говорить о том, что в культуре населения Восточного Полесья до настоящего времени существует языческо-православный синкретизм.

На вопрос «Укажите религиозные праздники, которые отмечаются в Вашей семье» практически все респонденты в Могилевской (100 %) и Гомельской (98%) областях единодушно признали, что в их семьях отмечаются такие праздники, как Пасха, Рождество Христово, Троица, Спасы, Радуница. В Витебской области подавляющее большинство респондентов (88%) отметили, что в их семьях отмечаются праздники, однако, 12% респондентов отрицательно ответили на этот вопрос.

Таким образом, по данным опросов, характерной особенностью верующей части сельской молодежи трех областей (Могилевской, Витебской и Гомельской) является активное принятие обрядовой стороны религиозной жизни в семье и достаточно пассивное принятие церковной традиции в религиозной общине (посещение церкви, соблюдение постной традиции и соблюдение запрета на работу в воскресенье). В большинстве своем религиозные традиции в семье поддерживаются и передаются через старшее поколение, особенно старших женщин – бабушек. Фиксируется возрождение традиционной конфессиональной структуры в пограничном регионе.

Что же касается характеристики пограничных областей России (Брянской, Псковской и Смоленской) и Беларуси, то в силу общей конфессиональной истории белорусско-российского пограничья (например, истории канонического православия и старообрядчества), конфессиональная структура имеет некоторые сходные черты (преобладание православных традиций, наличие старообрядческих общин) и некоторые отличия, связанные с отсутствием большого количества католических общин в российских областях. Пограничная территория характеризуется сохранением традиций совместного проживания представителей православных и старообрядцев, а также традициями межконфессиональных взаимоотношений, при отсутствии конфликтов на религиозной почве².

Сельское православное население белорусско-российского пограничья (и России, и Беларуси) объединяют некоторые черты обрядового своеобразия староверов, которые сохраняются и в настоящее время. Это особенности погребально-поминальной обрядности (время календарных поминок, воздержание от еды и питья на кладбище, установка креста в ногах, время похорон на третий день, употребление савана)³.

2 Листова Т. А. Взаимодействие конфессий на российско-украинско-белорусском пограничье / сборник статей «Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья» под ред. М.Ю.Мартыновой. Москва, 2012. – С. 302.

3 Листова Т.А. Указ. соч. – С. 306.

Второй аспект религиозности сельского населения на пограничной территории России – это «народная религиозность», сохранение языческих верований, смешанных с каноническими православными. Некоторые российские исследователи характеризуют это явление, как «сельский оккультизм» – который представляет собой «ритуал со смешением в нем элементов старого язычества (одушевлением сил природы) и христианского обращения к Богу через посредство Богородицы и святых. Данное смешение приводит к тому, что в религиозном сознании простого деревенского человека спокойно уживаются представления двух пластов русской культуры, древнеязыческой и православной. Причем благодаря четкому разделению «сфер влияния», они прекрасно сосуществуют и приспособляются к изменяющимся условиям жизни»⁴. Подобное явление фиксируется и в приграничных областях Беларуси, что ранее отмечалось нашими исследованиями⁵.

Третий аспект проблемы – это влияние религиозности на этнические процессы. В 2008 – 2011 гг. совместными усилиями российских и белорусских ученых проводились исследования в пограничных областях. Были опрошены 600 учащихся в Брянской и 350 в Гомельской областях. Были заданы вопросы о становлении этнической идентичности. 20% молодых людей считают важными интегрирующими факторами (наряду с общностью происхождения, общими традициями и обрядами) религию. Российский исследователь Р.А. Григорьева делает вывод, что религия, а большинство относит себя к православию, постепенно становится мощным консолидирующим фактором и усиливает этническую идентичность даже в тех случаях, когда религиозные обряды не соблюдаются⁶.

На белорусско-российском пограничье большое значение приобретают сакральные атрибуты, которые нередко не имеют границ. Так, например, 17 декабря 2012 года православные святыни, в числе которых чудотворный образ Божией Матери Толгской, ковчеги с мощами святителя Игнатия Брянчанинова и блаженной Матроны Московской, прибыли в Туровскую епархию из Ярославской, где они постоянно хранятся. Святыни находились в Свято-Михайловском кафедральном соборе Мозыря с 22 декабря 2011 г. по 3 января 2012 г. Российские исследователи отмечают и некоторые обряды, такие, как «Свеча», получившего распространение в пограничных белорусско-русских областях. По их определению, «обряд представляет собой сложный религиозный ритуальный комплекс, соединяющий отдельные мотивы продуцирующей и защитной магии, а также фольклорные «реплики» отдельных элементов православного богослужения (проскомидия) и традиционных для католичества обрядов почитания чудотворных статуй»⁷.

4 Унрау В. В. Религиозность в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. № 40. – 2009.

5 Гурко А. Вл. Праздники церковного календаря в Мозырско-Припятском Полесье / Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем / Гурко А. Вл. [и др.]. – Минск: Беларуская навука. – С. 389–390.

6 Григорьева Р. А. На перекрестке культур трех восточнославянских народов // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Под ред. М. Ю. Мартыновой. – Москва, 2012. – С. 50–51.

7 Мороз А. Б. Обряд «Свеча» на белорусско-русском пограничье: терминология, структура, функции // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике - проблемы и перспективы: Сб. ст. / Ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б.

В целом, отличительной особенностью религиозной жизни пограничного региона и Беларуси, и России и белорусские, и российские исследователи считают взаимодействия местных властей с церковью, попытки сближения светской и церковной истории региона, а также объединение всех жителей независимо от вероисповедания. В Беларуси, как и в России, в духовной культуре в настоящее время все более очевидны две тенденции: сближение церкви и общества и работа учреждений культуры по возрождению и сохранению традиционных праздников (нередко с включением дохристианских элементов). На белорусско-российском пограничье большое значение приобретают сакральные атрибуты (общие святы, иконы, святы источники и т.д.) и обряды: например, «Свеча», получивший распространение именно в пограничных белорусско-русских областях.

Об авторе

Гурко (Верещагина) Александра Владимировна, доктор исторических наук, доцент, зав. отделом народоведения Центра исследования белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Беларусь.

Aliaksandra V. Hurko (Vereshchagina), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head Department of Ethnology Center of Belarusian Culture Studies, Language and Literature of the NAS of Belarus, Belarus.

e-mail: ver-aliaksandra@yandex.ru

**СЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ²¹.**

В статье рассматриваются традиции и новации в сельской семье белорусско-российского пограничья: исследуются отношение к браку и созданию семьи, демографические процессы, проблема распределения семейных ролей и функций. Автор приходит к выводу, что традиционно семья имеет приоритетное значение для сельских жителей, преобладают положительные репродуктивные установки, традиционное отношение к распределению ролей и обязанностей в семье, трансформируется отношение к «гражданским бракам», рождению детей вне брака, происходит дальнейшая демократизация внутрисемейных отношений.

Ключевые слова: сельская семья, белорусско-российское пограничье, традиции, новации.

I.V. Romanenko

**RURAL FAMILY BELARUSIAN-RUSSIAN BORDERLANDS:
TRADITION AND INNOVATIONS²¹**

The article deals with traditions and innovations in the rural population of the family of the Belarusian-Russian borderlands. Explores the relationship to marriage and family formation, demographic processes, the problem of the distribution of family roles and functions. The author concludes that the traditional family is a priority for the rural population, dominated by positive reproductive attitudes, traditional attitudes towards the roles and responsibilities in the family, transformed relation to “civil marriage”, the birth of children outside marriage, there is the further democratization of family relations.

Keywords: rural family, belarusian-russian borderland, traditions, innovations.

В период модернизации и глобализации современного общества именно семье принадлежит определяющая роль в сохранении духовного богатства, национальных традиций и восстановления их значимости для подрастающего поколения. Возникновение таких явлений, как снижение ценности брака и семьи, увеличение незарегистрированных брачных союзов и рост количества детей, рожденных вне брака, ослабление связей между поколениями вызывает озабоченность не только у специалистов-этнологов, демографов, социологов, психологов, но и у широких кругов общественности. В этой связи проблема изучения традиций и новаций в семье является не только актуальной, но и практически значимой. Необходимо также учесть тот факт, что население белорусской деревни является основным носителем традиций, которые в большинстве своем исчезают у горожан.

Выбор региона исследования обусловлен, во-первых, тем, что на этноконтактных территориях наиболее ярко раскрываются процессы этнокультурного взаимодействия, сосуществуют и взаимодействуют разные этнокультурные традиции и новации. А во-вторых, в областях белорусско-

российского пограничья процессы урбанизации идут более высокими темпами, чем на других территориях республики. Численность сельского населения в белорусских, пограничных с Россией, областях ниже. Меньше всего сельчан проживает в Могилевской области. Согласно статистическим данным 2015 г., они составляли 21%. В Витебской области сельское населения составляло 23,6%, в Гомельской — 23,7%. Количество сельских жителей постоянно снижается. Начиная с 2001 года оно уменьшилось в среднем на 7–8%¹. Поэтому нам представляется очень важным исследовать специфику происходящих энокультурных процессов в сельской семье белорусско-российского пограничья.

Выявление традиций и новаций в сельской семье этого региона и стало целью данной статьи.

Основными источниками послужили статистические и демографические материалы, а также данные опросов сельского населения, проведенные автором в период 2010–2016 гг. Всего опрошено 293 человека 1949–1995 гг. рождения, проживающих в сельских населенных пунктах Лиозненского района Витебской области, Чечерского, Добрушского, Буда-Кошелевского районов Гомельской области, Климовичского, Дрибинского районов Могилевской области. Среди них: 68,3 % женщин и 31,7 % мужчин. Национальная принадлежность – белорусы.

Брак и создание семьи имеет приоритетное значение в жизни сельских жителей приграничных областей. Традиционно важную роль при принятии решения о браке молодыми людьми у белорусов играли родители. Однако на протяжении советского и постсоветского периодов родительский авторитет снизился у молодого поколения. Опрос сельских жителей показал, что в настоящее время большинство сельчан (68,2 %), находящихся в браке, самостоятельно принимали решение при выборе брачного партнера¹.

Среди мотивов заключения брака преобладают эмоциональные составляющие. Так любовь и личная симпатия послужили мотивом для создания семьи у 80,8 % респондентов. Для 10,2 % опрошенных мотивом для заключения брака стала беременность, для 4,1 % – боязнь остаться в одиночестве, 3,8 % – материальный расчет, 1,3 % – желание получить независимость от родителей².

На фоне растущей популярности так называемых гражданских браков в сельской местности белорусско-российского пограничья наиболее приемлемой для опрошенных нами респондентов остается зарегистрированный брачный союз. Сожителство до брака рассматривается в качестве проверки отношений до рождения детей (69,7%). Несмотря на то, что традиционные запреты на браки с представителями иной этнической принадлежности ушли в прошлое, некоторый незначительный перевес в сельской местности имеет мнение, когда в качестве супруга или супруги хотелось бы видеть человека своей национальности (51,1 %). Для 48,9 % респондентов национальность не имеет значения. При этом на пограничных территориях белорусы и русские, как правило, считают друг друга одним народом и не видят существенных этнических различий между собой².

В среднем в сельской семье приграничных областей имеется два ребенка. Однако, несмотря на то, что многодетные семьи в деревне встречаются чаще, чем

1

2 Исследование выполнено в рамках проекта БРФФИ РГНФ по договору Г15Р-012 от 4 мая 2015 г.

в городе, уровень рождаемости в сельской местности белорусско-российского пограничья значительно ниже, чем в городской. Комплекс накопившихся с 1990-х гг. социально-экономических проблем вызывает интенсивный отток сельских жителей в город. Особенно это касается молодежи. Низкий уровень качества жизни сельских семей, безработица, неблагоприятные условия труда, отсутствие доступности медицинской помощи – факторы, влияющие на негативные стереотипы в отношении деревни. При этом среди мигрантов преобладают женщины. Вследствие этого во всех трудоспособных возрастных группах мужское сельское население преобладает над женским: на каждую женщину приходится более одного мужчины ее возраста. Такая ситуация сохраняется до 59 лет. Поэтому в сельской местности особенно остро ощущается «дефицит» невест. Нередко данный «дефицит» восполняется за счет невест из соседних российских областей.

Сельское население, особенно в его женской части, стареет. Средний возраст сельских женщин в 2015 г. в Витебской области равнялся 49,3 лет, в Гомельской – 47,2, Могилевской – 48,4³. При этом для всех приграничных областей характерна отрицательная динамика. Неудивительно, что рождаемость в Витебской области является самой низкой по республике. Среди главных причин нежелания иметь большее количество детей респондентами указывались материальные составляющие: отсутствие жилья, финансовые трудности и др. (78,2 %) ³. Однако несмотря на негативные демографические процессы, происходящие в сельской семье белорусско-российского пограничья, имеются и наметившиеся положительные тенденции. С 2006 г. наблюдается небольшой рост рождаемости в исследуемых регионах. Как показали статистические данные за 2015 г., рождаемость в пограничных с Россией областях Гомельской области является самой высокой по сравнению с остальными регионами сельской местности республики⁴. Это обусловлено, прежде всего, активной демографической политикой белорусского государства.

Одной из актуальных проблем современного периода становится рост количества детей, рожденных вне брака, что, по мнению большинства ученых, является проявлением кризиса современной семьи. Увеличивается как доля матерей-одиночек, так и женщин, родивших в «гражданском браке», причем этот процесс развивается на фоне сокращения общего числа официальных брачных союзов. Так, по республике внебрачные рождения в сельской местности составили в 1991 г. 11,5%, в 1995 г. – 14,5%, в 2005 г. – 33,2%, в 2006 г. – 32,3%, в 2010 – 29%⁴. Незначительное уменьшение рождений вне брака наблюдается с 2006 г., когда государством был предпринят ряд мер в поддержку семьи и материнства, что привело к росту рождаемости в зарегистрированных браках. Рождаемость вне брака в изучаемых регионах является самой высокой по республике. Так в 2010 г. в Витебской области она составила 37,5%, в Гомельской – 36,2%, Могилевской – 41,6%. Для сравнения: в Брестской области внебрачная рождаемость равнялась 19,1%, в Гродненской – 24,8%, в Минской – 25,3%⁴. На наш взгляд, это объясняется более низкой религиозностью сельского населения

3 Демографический ежегодник Республики Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2016. – С. 41, 43, 48.

4 Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси. – Фонд 6. – Оп. 14. – Д. 147. – 369 л.

белорусско-российского пограничья. Также изменились взгляды современных сельских жителей на рождение детей до брака. 76,8 % респондентов считает, что негативное отношение к женщине, родившей вне брака, и к ее ребенку сейчас отсутствует. Кроме того, как отмечали информанты, женщины, которые живут в «гражданском браке» и имеют детей, не регистрируют отношения, чтобы получать дополнительные льготы как матери-одиночки⁵.

Отдельное внимание нами было уделено вопросам распределения семейных ролей и функций.

Данные проведенного автором исследования свидетельствуют о формировании тенденции к исчезновению традиционного главенства в сельской семье мужчины. 42,1% респондентов назвали главой семьи обоих супругов, 32,7% – жену, 25,2% – мужа⁶. Трансформация традиционных и становление новых норм поведения в семейной сфере являются сложным и противоречивым процессом. Современной женщине, нередко только в силу определенных обстоятельств (например, если муж злоупотребляет алкоголем, и др.), приходится брать на себя роль лидера в семье, что подтверждают ответы на вопрос «Кто должен быть главой семьи?», которые несколько разнились с ответами о фактическом главенстве. Традиционные представления о главенстве мужчины в семье среди сельских женщин достаточно сильны: что семьей должен руководить муж считали 49,1% женщин, что оба супруга – соответственно 46,3%, что жена – 4,6%⁷.

Происходит дальнейшая демократизация семейных отношений. При обсуждении важных вопросов находят компромисс, принимают совместное решение в 53,5% сельских семей; в 30,1% семей решающим является голос жены и только в 16,4 % – мужа. В большинстве семей решение о покупке дорогих вещей принимается совместно (67,6%); главным является слово жены в 29,3% семей, мужа – в 3,1% семей. Распоряжаются семейным бюджетом совместно в 50,7% семей, в 44,0% семей – жена, в 3,2% – муж, в 2,1% семей супруги имеют отдельный бюджет⁷.

В меньшей степени изменению подверглось распределение домашних обязанностей в семейном быту, где продолжают сохраняться традиционно предпочитаемые сферы «женского» и «мужского» труда. Так в 65,8% семей работой по домашнему хозяйству занимается, в основном, жена, но ей помогают муж и другие члены семьи. И только в 34,2% семей жена и муж делят работу поровну. В воспитании детей участвуют оба супруга в равной степени в 53,4 % семей. Довольно велико количество семей, где воспитанием занимается преимущественно жена (46,6%)⁸.

Таким образом, для сельской семьи белорусско-российского пограничья характерно сочетание традиций и новаций. Традиционно семья в жизни сельских жителей приграничных областей имеет приоритетное значение. Несмотря на рост количества так называемых гражданских браков, наиболее приемлемым

5 Там же, Л. 369.

6 Там же.

7 Демографический ежегодник Республики Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2015. – С. 57

8 Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси. – Фонд 6. – Оп. 14. – Д. 147. – 369 л.

остается зарегистрированный брачный союз. Сохраняются традиционно предпочитаемые сферы «женского» и «мужского» труда. Одновременно с этим продолжается дальнейшее развитие тенденций, которые были обозначены в семейной сфере в советский период. Наблюдается снижение уровня рождаемости и старение сельского населения. Продолжает уменьшаться роль родителей при принятии решения о браке. Трансформировалось отношение к так называемым гражданским бракам и рождению внебрачных детей. Происходит дальнейшая демократизация внутрисемейных отношений.

Об авторе

Романенко Ирина Васильевна, кандидат исторических наук; старший научный сотрудник ГНУ «Центр исследования белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси», Беларусь.

Irina Vasilyevna Romanenko; Candidate of historical Sciences; Senior researcher of SSI «Research Center of Belarusian culture, language and literature of NAS of Belarus», Belarus.

E-mail: moevtika@gmail.com

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Статья посвящена исследованию особенностей традиций питания населения белорусско-русского пограничья. Анализ собранного автором материала позволил выявить основные причины появления новаций в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: традиции питания, сельское население, белорусско-русское пограничье.

N.S. Bunkevich

ON THE QUESTION OF CULINARY CULTURE OF THE POPULATION OF THE BELARUSIAN-RUSSIAN BORDERLANDS

The article is devoted the characteristics of food traditions of the indigenous population of the Belarusian-Russian borderlands. Analysis of the collected material the author has allowed to identify the main causes of the innovations in the region.

Keywords: culinary culture, rural population, Belarusian-Russian borderlands.

Коренные преобразования в обществе в современный период (конец XX – начало XXI в.) стали стимулом для белорусских этнологов в разработке новых научных направлений. В частности ученые стали исследовать проблематику белорусско-русского пограничья, которое характеризуется усиленными миграционными, и как их следствие, этнокультурными процессами.

Данный регион уже неоднократно становился объектом исследований как российских, так и белорусских учёных. На основе проведенного ими анализа собранного материала были опубликованы такие работы как «Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование» (Москва, 2005), «Население белорусско-русского пограничья: демография, язык, этническая идентификация» (Минск, 2004), «Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья» (Москва, 2012). В вышеперечисленных изданиях были отображены демографические процессы белорусско-русского пограничья, а также изучена языковая ситуация, этническая идентификация и конфессиональные особенности населения в нём. И всё же ряд вопросов оказались недостаточно изученными, среди которых и материальная культура сельского населения. Это послужило весомой причиной проведения новых исследований этнокультурных процессов белорусско-русского пограничья. Данная работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Сохранение традиций и трансформация крестьянской культуры на белорусско-русском пограничье (Могилёв – Гомель – Витебск – Смоленск – Псков – Брянск)» № Г15Р – 012 от 15 мая 2015 г. Для его выполнения был проведён опрос сельского населения в Витебской, Могилёвской и Гомельской областях коренных жителей белорусско-русского пограничья. Письменный опрос проводился в основном среди студентов и учащихся средне-специальных заведений. Интервьюирование же проводилось преимущественно среди лиц пожилого возраста.

Проведенный нами опрос сельского населения в Витебской и Могилёвской областях показал, что для значительной доли белорусов белорусско-русского пограничья характерна домашняя выпечка по выходным дням, а также добавление соли в тесто для булочек и сладких пирогов. Эта особенность сближает традиции питания коренных сельчан белорусско-русского пограничья (Витебской и Могилёвской областей) на территории Беларуси и русских в Российской Федерации. Существуют особенности каравайной традиции в исследуемом регионе. Также в районах белорусско-русского пограничья можно встретить использование символики на хлебобулочных изделиях, выставляемых для украшения в магазинах.

Как у белорусов, так и у русских белорусско-русского пограничья в конце XX – начале XXI в. в стала утрачиваться рецептура приготовления блюд из различного вида муки. Это обусловлено значительным увеличением доли пшеничной муки высшего и 1 сорта в рационе современных жителей Беларуси и России, в том числе и сельчан белорусско-русского пограничья. Как пример здесь можно привести сведения из интернет-источников: высказывания на форуме г. Смоленска. Благодаря им можно узнать какие же рецепты традиционных блюд постепенно становятся забытыми. Такие кушанья уже не готовят для повседневного питания в некоторых семьях коренных жителей данной области. «Черный смоленский пирог с картошкой, гречкой и зелёным луком. Боже, как же давно я не ел этого пирога. И горячим и холодным, я любил его любой. И просто так и с молоком и с чаем и с дедовскими щами. Такого настоящего я уже не ел лет 30. Незабытый вкус детства. ... Всё что помню, бабушка пол-буханки черствого черного хлеба размачивала и в тесто замешивала». «У нас делали пирог из ржаной муки, начиненный картошкой с салом и луком». «У меня тоже есть несколько любимых, с детства памятных блюд - не навороченных и чинных. а самых обыденных, простых. Одно из них бабушкины ржаные лепёшки...». «Сам никогда не делал, но запомнилось, что опару (тесто) для них готовили без дрожжей (в классическом понимании), используя хлеб в качестве закваски. Готовый пирог и лепешки смазывали сверху салом. Лепешки обычно ели со сметаной». «Бабушкины ржаные лепёшки... Да, хорошо помню такие. Бабушка в русской печке готовила»¹. Аналогичная тенденция наблюдается и в Беларуси. Как сообщила респондентка в Могилёвской области М. Т. Филипенко (белоруска, 72 года, д. Батаево): «Кулеш делали. У родителей баранина была. Пшенично-обойная мука была, теперь ее нету. Ее вместе с бараниной кипятили и кулеш называли»². В полевой тетради студента 5 курса БГУ В. Т. Вишнякова, сохранившейся с 1977 г., из записи информатора А. Д. Демьяновича 1906 г.р. следует, что «кулеш» – блюдо из ячменной муки, заправляли жареным салом. В опросах (2015 и 2016 гг.), проведённых среди нынешней молодёжи – студентов и учащихся средне-специальных заведений Витебской, Могилёвской и Гомельской областей – кулеш уже практически не встречался. Общим для белорусско-русского пограничья как в Беларуси, так и в России являются проводы зимы – традиционные масленичные гуляния с горячими блинами.

1 Вековые смоленские рецепты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://forum.smolensk.ws/viewtopic.php?f=59&t=71849> – Дата обращения : 13.07. 2016.

2 Архив Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. – Фонд 6. – Оп. 14. – Д. 213.

Нами также были выявлены и особенности приготовления мясных блюд в рассматриваемых регионах. Для белорусов было традиционно для длительного хранения из мяса делать колбасы, что чуждо русским Сибири, Поволжья и т. д. Следует отметить, что домашние колбасы заготавливались и коренными жителями Псковской, Брянской и Смоленской областей. У жителей Беларуси наблюдается тенденция увеличения доли курятины в рационе. Наряду с этим сохраняются некоторые особенности термической обработки мясных продуктов в Витебской и Могилёвской областях. Как пример здесь можно привести использование некоторыми белорусами копчение мяса (и рыбы). Их коптят в банях (раньше накануне больших праздников это делалось вскладчину) либо сооружают конструкцию из бочки без дна. В неё под землёй по трубе попадает дым из ямы, в которой разжигают костёр. Второй из вышеперечисленных способов копчения среди современных сельских жителей белорусско-русского в Витебской области встречается чаще. Для белорусов-сельчан рассматриваемого нами региона существуют некоторые отличия в приготовлении блюд из жареной крови, по сравнению с таковым в Брянской области. Здесь перемешивают кровь с молоком перед жаркой, что не характерно для белорусов³.

При изготовлении продуктов из молока у жителей белорусско-русского пограничья изменения технологии связаны, прежде всего, с заменой ингредиентов сычуга, ставшего дефицитным. Он вырабатывается в желудке некоторых травоядных животных и применяется для сквашивания молока при приготовлении сыра. Поэтому снижение поголовья скота в личных подворьях сказалось и на возникновении новых рецептов.

Из всего разнообразия рыбных блюд, присутствующих в рационе сельских жителей белорусско-русского пограничья, интерес вызывает фаршированная рыба. Её рецепт когда-то был заимствован белорусами у евреев в местах их компактного проживания. Если в Гродненской области при этом изменился в основном способ термической обработки рыбы (запекание вместо длительного отваривания), то в Витебской области претерпел изменения также и ингредиентный состав массы, которой начиняют рыбу. В этом случае при приготовлении фаршированной рыбы смешивают продукты питания (рыбу, сало или сливочное масло, молоко), которое не допускает кашрут – свод правил, которых придерживаются верующие евреи. В связи с доступностью морской рыбы, сельскими жителями, с одной стороны, стали готовиться привычные им рыбные блюда из других (морских) видов рыбы. Например, вместо щуки стали фаршировать горбушу. С другой стороны, происходит также заимствование рецептуры приготовления морепродуктов (кальмаров и т. д.), которые ранее были не столь доступны в продаже, особенно на селе.

В ходе исследования нами было выявлено сходство в приготовлении овощных блюд (в частности блюд из картофеля) населением белорусско-русского пограничья. Благодаря климато-географическим условиям, на Брянщине десятилетиями получали высокие урожаи картофеля, что обусловило разнообразие блюд из него у коренного населения. Кроме других

3 Николаенко, М. Жареная кровь. Три блюда, которые надо попробовать в Брянске // Спецпроект Вкусные бренды [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://smartnews.ru/regions/bryansk/7447.html#ixzz4IB5ZxcXh> – Дата обращения : 24.08. 2016.

блюд из картофеля, в Брянской области готовят традиционные для белорусов драники, пирожки, картофельную бабку⁴. Так же как и для белорусов, драники (деруны) – оладьи из картофеля – любимы жителями Псковской и Смоленской областей. Таким образом, блюда из тертого картофеля традиционны и любимы населением белорусско-русского пограничья не только в Беларуси, но и в Российской Федерации.

Уменьшается в питании коренных жителей-сельчан белорусско-русского пограничья доля старинных белорусских блюд: ковтуны, запеченная дичь, медовуха, кулеш, мочанка, кампьяк, хрусты, “каўбух” – начинённый свиной желудок. Некоторые из вышеперечисленных блюд были названы лишь единицами опрошенных. Также респонденты считают, что в их семьях заимствованы: борщ (украинский), шарлотка, пельмени, плов, салаты (из кальмаров, оливье и др.), кулебяка, чебуреки и манты, пицца, лазанья, канапе, мясо по-французски, паста, суши и др. блюда. Для жителей белорусско-русского пограничья в повседневности доля заимствованных блюд из азиатской и европейской кухни незначительна.

Появление новаций у сельских жителей белорусско-русского пограничья вызвано несколькими причинами. В конце XX – начале XXI в. в Республике Беларусь усилились миграционные процессы, что отразилось и на скорости протекания этнокультурных процессов в белорусско-русском пограничье. На заимствования в традициях питания сельского населения также оказывает влияние уровень образования респондентов, наличие у них навыков использования интернета и доступность его в деревнях. Интересно, что если молодёжь заимствует рецепты из Интернета для того, чтобы приготовить что-нибудь новое, необычное, то люди пожилого возраста часто заимствуют из интернета различные вариации уже знакомых им блюд.

В ходе наших исследований были выявлены различия в приготовлении поминальных блюд (кутья, клёцки, блины) у сельских жителей белорусско-русского пограничья в Белоруссии, обусловленные гетерогенностью населения в результате внутренней миграции. Одной из причин появления заимствований в традициях питания у населения белорусско-русского пограничья является демографическая ситуация данного региона, гендерная диспропорция в середине XX в., которая обусловила расширение брачного радиуса сельских жителей. Кулинарный опыт в таких случаях перенимался от супруга (супруги) либо его (её) родителей.

Анализ собранного материала показал, что на сохранение и трансляцию традиций питания сельских жителей белорусско-русского пограничья в какой-то мере оказывает влияние налаженность транспортного сообщения между населёнными пунктами и удалённость их от крупных путей сообщения.

В некоторых населённых пунктах белорусско-русского пограничья строительство крупных объектов с последующим привлечением трудовых ресурсов из других населённых пунктов, в том числе из соседних деревень, привело к размыванию традиционной культуры, утрате её аутентичности. Этот процесс затронул также и традиции питания коренного сельского населения.

4 Себекина, Е. Г. Живая брянская кухня // Славянский перекрёсток [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://libbryansk.ru/zhivaya-bryanskaya-kuhnya.21048/> – Дата обращения : 20.08. 2016.

Определённую долю новации в традициях питания сельского населения белорусско-русского пограничья составляют заимствования, возникшие благодаря миграциями населения по экономическими либо политическими причинам. Как пример здесь можно привести выезд на заработки коренных белорусов в Российскую Федерацию. В ней также коренные жители деревень белорусско-русского пограничья выезжают на заработки в крупные города внутри своей страны. Представители украинской же этнической общности переезжают в Беларусь (в том числе и сельскую местность белорусско-русского пограничья) на постоянное место жительства или обучение из-за военных действий в Украине.

Взаимообогащению культур белорусско-русского пограничья, в том числе и традиций питания, в современный период способствуют праздники и встречи, которые организуют исполкомы при взаимодействии с работниками культуры и другими организациями на местах. В таких мероприятиях участвуют как жители городов, так и сельское население белорусско-русского пограничья. В г. Орша стал регулярно проводиться Международный форум здорового образа жизни «Здорово живёшь», на который приезжали представители России из г. Смоленска по линии Промышленной палаты. На выставке-ярмарке можно было продегустировать некоторые продукты питания. Витебская область одна из первых стала работать в направлении «Культурный бренд». В области организуют и проводят такие праздники, как «Журавли и Журавины Миорского края», «Праздник сока» и т. д. В белорусско-русском пограничье (г. п. Ореховск Оршанского р-на) отмечают «Ореховый фест», на который съезжаются также и жители близлежащих деревень. Также значительную работу по выявлению, сохранению и репрезентации традиций питания белорусско-русского пограничья проводят музеи.

Об авторе

Бункевич Наталья Станиславовна, младший научный сотрудник отдела народоведения Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Беларусь.

Natallia Stanislavovna Bunkevich, Junior researcher, Department of Ethnology research Center of Belarusian culture, language and literature of NAS of Belarus, State scientific institution «Research Center of Belarusian culture, language and literature of the National Academy of Sciences of Belarus», Belarus.

E-mail: laima77@mail.ru

**«ОПОЧЕЦКИЙ УЕЗД ЕЩЕ С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН - ГРАНИЦА РАЗНЫХ ПЛЕМЕН НАРОДА И И КАК ЭТО ОБЫКНОВЕННО СЛУЧАЕТСЯ В ПОГРАНИЧНЫХ МЕСТАХ, НАСЕЛЕН НАРОДОМ СМЕШАНЫМ, ЕДВА ЛИ ИМЕЮЩИМ ХАРАКТЕР КОРЕННОГО ПЛЕМЕНИ»
(ПУШКИНОГОРЬЕ В ОТЧЕТАХ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА)**

В статье рассматривается жанровая специфика отчетов Русского Географического Общества. На примере «Отчета» 1853 г. по Опочецкому уезду Псковской губернии выявляются описания и сюжеты, тождественные художественным текстам А.С. Пушкина и Н.М. Языкова. Результатом исследования является расширение круга местных реалий, нашедших отражение в творчестве поэтов.

Ключевые слова: пограничье, география, этнография, литература.

V.Y. Cosmin

**“OPOCHETSKIY COUNTY SINCE ANCIENT TIMES - THE BORDER OF DIFFERENT TRIBES OF PEOPLE AND AND AS IT USUALLY HAPPENS IN THE BORDER AREAS, INHABITED BY PEOPLE OF MIXED, ALMOST HAVING THE CHARACTER OF AN INDIGENOUS TRIBE”
(PUSHKINSKIE GORY REPORTS OF THE RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY)**

The article deals with the genre specificity of the reports of the Russian Geographical Society. For example, “Report”, 1853 in Opochetskaya County Pskov province revealed descriptions and stories togegestane literary texts of A. S. Pushkin and N. M. Yazykova. The result of this research is to expand the range of local realities, as reflected in the works of poets.

Keywords: border, geography, Ethnography, literature.

В 1845 году в России было создано Русское Географическое Общество: «По мысли учредителей оно должно было стать своего рода Академией наук в области географии, статистики и этнографии <...> Уже к началу 1852 г. было получено около 2000 ответов <...> А к 1853 г. было получено еще более 300 рукописей»¹. В их числе – «Описание Опочецкого Уезда Псковской Губернии», составленное И.А. Брандтом (1853 г.)²³.

Состав корреспондентов РГО был достаточно пестрый: священнослужители, учителя, помещики. Уровень образованности и субъективность в раскрытии предложенных тем отражались на содержании

1 Селиванов А.М. Историческое краеведение: накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII-XX вв.) Учебное пособие. Ярославль. Ярославский государственный университет. 2006. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://sdamzavas.net/>. Дата обращения: 1.12.2016. — Загл. с экрана.

2 Брандт И. А. Описание Опочецкого уезда Псковской губернии за 1853 год. СПб.: Архив Российского Географического Общества. – Разряд 32, оп. 1, д. 24. – С. 1-43.

их «Отчетов». На этом фоне, «послужной список» опочецкого автора выглядит весьма внушительно. Одна из статей **Русского биографического словаря под редакцией А. А. Половцева** посвящена И.А. Брандту: «Он впервые обратил внимание исследователей на археологические и этнографические древности инфлянтских уездов Витебской губ. Как посторонний наблюдатель и практический знаток латышского языка, он в прибалтийском журнале «Inland» поместил критику сочинения И. Коля (Kohl) об остзейском крае («Inland», 1845, № 38) и первый откровенно изобразил непривлекательную картину жизни латышей-католиков и их нравственного упадка во время крепостного права. Более известны результаты археологических разысканий Брандта. О них писали и граф Плятер, и балтийские исследователи Бракель, Гревингк и другие. В 1846 г. Брандт производил раскопки в Эверсмутре и Синьозере Люценского уезда («Inland», 1846 г.) и печатал отчеты об этих раскопках под заглавием «Старые могилы в Польской Лифляндии». В 1850 г. вышла его статья о древних могильниках Псковской и Витебской губернии. Результаты этой последней работы сообщены в «Журнале Министерства Внутренних Дел», 1851 г., часть 33, стр. 212–226. В двух могильных типах, открытых Брандтом, усматривается присутствие национальных черт, указывающих на принадлежность могил двум племенным группам – литво-латышской и славянской»⁴.

Определение Опочецкого уезда как «пограничного» в работе Брандта не сводится к пограничью географическому. Автор сам обращает внимание на то, что формально государственной границы в данном регионе давно уже нет: «До сих пор еще Опочка город маловажный, но, благодаря своей выгодной местности, может со временем получить некоторое значение. Великая Государыня Императрица Екатерина II имела намерение возвысить Опочку, о чем свидетельствуют громадные наши каменные здания; находясь на границах Литвы и Лифляндии, Опочка в то время играла довольно важную роль, старинная крепость, сооруженная в 1412 году, и теперь еще существует на одном из островов Великой»⁵. Упоминание о былой значимости порубежной Опочки – лишь констатация того факта, что экономический подъем города некогда был обусловлен близостью других государств, что обеспечивало активные торговые отношения. Поэтому автор обращается к анализу того, как в результате многовекового сосуществования бок о бок разных «племен и народов» сложился особый тип народности, говорящей на русском языке, но имеющий несколько иные традиции и привычки. Потому понятие «пограничье» в работе Брандта в большей степени относится к выявлению культурологической «границы», проходящей между жителями Опочецкого уезда и жителями других уездов и губерний центральной России: «Опочецкий уезд еще с древних времен — граница разных племен народа и как это обыкновенно случается в пограничных местах, населен народом, смешанным едва ли имеющим характер коренного племени»⁶.

Выработке подобного взгляда в немалой степени способствовали происхождение и биография автора: «Археолог и этнограф; род. 9 июля 1812 г.

4 Большая биографическая энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_biography/Brandt-iogann-adolf-72811.html – Дата обращения: 1.12.2016. – Загл. с экрана.

5 Брандт И. А. Описание Опочецкого уезда Псковской губернии за 1853 год. С. 30.

6 Там же, с.14.

в Лифляндии, ум. 10 января 1856 г. в Опочке. Получив образование в 1832 – 1836 гг. на медицинском факультете в Юрьеве, Брандт сначала был сельским врачом в Тоньемене, Люцинского уезда Витебской губернии, а с 1846 г. – уездным врачом в г. Опочке, Псковской губ.»⁷. Исколесив «прибалтийское» порубежье, автор осел в Опочке, сосредоточился на медицине и, будучи уездным врачом, составил свое «Описание».

Работа состоит из разделов: «Топография» («Местоположение, границы и величина», «Реки и озера», «Качество земли»); «Метеорология», «Этнография», «Статистика». Последний раздел, по-видимому, в связи с профессиональной принадлежностью автора, имеет название «Медицинские примечания».

В тексте проявляется знание автором нескольких языков: русского, немецкого, латыни, французского. Широта лингвистических познаний своеобразно отражается в способе обозначения топонимов и гидронимов Опочецкого уезда. В главке «Реки и озера» название реки «Великая» пишется согласно нормам русского языка с заглавной буквы: «1-я Великая река», «падает в Великую», «впадает в Великую», «особенно Великая». Лишь однажды автор использует строчную букву, тем самым восстанавливая первоначальную семантику слова: «С правой стороны в великую реку, от юга к северу вливаются речки: Алоля, Куда с Изгожею, Шесть»⁸. Значимость главной реки подчеркивается также через уменьшительный суффикс «ч» в слове «речки».

Далее следует описание других «менее великих» рек Опочецкого уезда: «Река Сороть» и Река Исса», но – «Синяя река». Таким образом, синтаксически автор дифференцирует этимологически неясные названия рек финно-угорского происхождения и названия, сохранившие изначальный смысл определений: «синяя» и «великая». Этимологической реконструкции подвергается и название озера Глубокое: «Озер здесь очень много, особенно на Южной и Восточной части уезда, но мало из них замечательных по величине, некоторые очень глубоки так, например, Озеро Глубокое имеет в глубину более 50 сажений»⁹. Далее автор снова вспоминает о глубоком озере «Глубоком»: «Село Глубокое принадлежащее князю Дундукову-Корсакову. Село это лежит на старой Великолуцкой дороге 25 верст от Опочки у озера Глубокого глубина которого 50 сажений и столько же сажений выше Опочки»¹⁰. По сути, Брандт создает парадоксальную метафорическую конструкцию, «опуская» город Опочку на дно озера «Глубокого». Здесь, на наш взгляд, проявляются элементы того жанра, который характерен для туристических путеводителей, рекламирующих «достопримечательности» с использованием эффектных и неожиданных образных сравнений.

В главке «Качество земли» автор обращает внимание на специфику ландшафта уезда: «Настоящих гор нет в Опочецком уезде, но на Юге по берегам Великой он холмист»¹¹. Далее описывается горные хребты, являющиеся продолжением «Валдайских гор», один из которых, «северный», идет: «...

7 Большая биографическая энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://enc-dic.com/enc biography/Brandt-iogann-adolf-72811.html> – Дата обращения: 1.12.2016. – Загл. с экрана

8 Брандт И. А. Описание Опочецкого уезда Псковской губернии за 1853 год. С. 2.

9 Там же, с. 4.

10 Там же, с. 7.

11 Там же, с. 5.

около Великой и реки Сороть к Островскому уезду»¹². Далее Брандт фиксирует отличия между рельефом местности вдоль берегов Великой: правая часть – гористая, «...по левую же сторону Великой берега плоче и по большей части болотистые»¹³. Это описание вполне соответствует и ландшафту Михайловского и того «селенья», в котором оказался герой пушкинского романа «Евгений Онегин»:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою ... (VI, 31)¹⁴

Если спроецировать данное описание на ландшафт Михайловского, то «Дом поэта», действительно, оказывается на высоком обрывистом берегу. Еще выше, за парковой территорией, пролегает горный кряж или в литературной версии – «гора». То, что Брандт обозначает «берега плоче и по большей части болотистые» – это противоположный берег Сороти, более пологий с заливными лугами. В романе:

Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам (VI, 31)

Естественным следствием гористой местности является наличие междугорий – долин и лощин. Брандт упоминает о «долинах между горами»¹⁵.

В литературной топографии романа также присутствуют эти характерные для Опочецкого уезда детали ландшафта:

Меж гор, лежащих полукругом,
Пойдем туда, где ручеек,
Виясь, бежит зеленым лугом
К реке сквозь липовый лесок (VII, 141)

Не только «первейший» русский поэт Пушкин запечатлел специфические черты ландшафта уезда. Посетивший в 1826 году Михайловское и Тригорское Н. М. Языков еще подробнее описал «горную» специфику живописных окрестностей псковского «Приюта» поэта в стихотворении «Тригорское»: «Гора трихолмная», «На той горе, среди лощины», «Поля, холмы благоухают», «Горы прибережной с высот», «С холмов бегущие к реке», «Село и холмы», «На скат горы, на брег зелёный», «Там на горе, под мирным кровом», «Вот за далёкими горами», «Пустеют холмы, дол и берег», «Цепь далёких гор», «Твои холмы, твои поля»¹⁶.

Описывая горные массивы уезда, Брандт обращает внимание на «минусы» сложного рельефа местности для земледельца: «...Из всего этого видно, что

12 Там же, с. 6.

13 Там же.

14 Здесь и далее ссылки на цитаты из произведений А.С. Пушкина по: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 19-ти томах. – М.: Воскресенье, 1994 – 1997. В скобках римской цифрой указывается том, арабской – страница.

15 Брандт И. А. Описание Опочецкого уезда Псковской губернии за 1853 год. С. 6.

16 Языков Н. М. Сочинения. – Л.: Художественная литература, 1986. – С.89–94.

Опочецкий Уезд принадлежит к уездам бедным Псковской губернии и труды земледельцев не бывают вознаграждены»¹⁷. Тем самым автор как будто повторяет своим описанием суть пословицы, зафиксированной в словаре В. В. Даля: «Не плачут в Рязани по псковскому недороду»¹⁸. Однако после этого безутешительного вывода в врачу, археологе и этнографе пробуждается поэт: «Зато Опочецкий уезд богат живописными местами, не уступающими в красоте самых лучших видов в России и иностранных краях. На Юге и на Востоке представляют много-разнообразные горы, быстро-текущие реки, озера и рощи <...> Природа дика и романтическа»¹⁹.

Среди достопримечательностей уезда упоминаются в пушкинские места: «Реки Сороти, где монастырь Святые Горы, Село Петровское, Тригорское с старинным Вороничем...»²⁰. В разделе «Статистика» встречается описание Святогорского монастыря и могилы поэта: «...Замечателен находящийся в весьма живописном местоположении Святогорский мужской монастырь, в ограде коего находится могила знаменитого Поэта нашего Пушкина»²¹. Примечательно, что не упоминается село Михайловское. Ситуацию проясняют путевые заметка К. Тимофеева «Могила Пушкина и село Михайловское», сделанные автором в августе 1859 года: «Мы вошли в прихожую, отворяем дверь в зал... Нет, лучше бы туда и не заглядывать! К чему в нашем суровом, всеразрушающем климате романтические желания – побывать в той самой комнате, отдохнуть на том самом кресле, где сживал Пушкин, где шла оживленная беседа его с друзьями,

где он слушал сказки своей няни. Мы не в Англии <...> И вот через 22 года после смерти поэта крыша провалилась, балки перегнили, потолок обрушился...»²². Понятно, что ситуация «Лучше бы туда не заглядывать!» не соответствовала целям программы РГО по выявлению и пропаганде местных памятников архитектуры и достопримечательностей.

В разделе «Этнография» присутствует замечательный пассаж, характеризующий особый статус жителей пограничья: «...нароdonаселение состоит из смешанного племя русских – но не очень похожего на настоящих русских, греческой религии, русского языка со многими местными выражениями»²³. Под местными выражениями автор подразумевает псковский диалект.

В пушкинской «Истории села Горюхина» присутствует похожая сентенция: «Язык Горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русской. Он исполнен сокращениями и усечениями – некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж великороссиянину легко понять горюхинца и обратно» (VIII, 135) В повести «Барышня-крестьянка» автор вводит в речь героини «местные выражения» с со-

---

17 Брандт И. А. Описание Опочецкого уезда Псковской губернии за 1853 год. С. 7.

18 Даль В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>. – Дата обращения: 1.12.2016. – Загл. с экрана.

19 Брандт И. А. Описание Опочецкого уезда Псковской губернии за 1853 год. С. 7.

20 Там же, с. 8.

21 Там же, с. 31.

22 Тимофеев К. Я. Могила Пушкина и с. Михайловское // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1859. – Т. 103. – Отд. II. – С. 144.

23 Брандт И. А. Описание Опочецкого уезда Псковской губернии за 1853 год. С. 16.

хранением фонетических особенностей диалекта: «..А по-здешнему я говорить умею прекрасно цаво! не хоцу!» (VIII, 671).

Близки между собой наблюдения Брандта и пушкинского описания характера, внешнего облика и привычек «горюхинцев»:

Пушкин: «Чем мужик богаче, тем он избалованнее – чем беднее, тем смиреннее» (VIII, 140). Брандт: «Так всегда бедность и нужда смиряют национальный характер»²⁴.

Пушкин: «Женщины сверх домашних работ разделяют с мужчинами большую часть их трудов; и не уступят им в отважности, редкая из них боится старосты» (VIII, 135). Брандт: «Женский пол здесь много помогает при обработке полей и бывает на таких работах, на которых обыкновенно мы привыкли видеть мужчин»²⁵.

Пушкин: «С восходом утреннего солнца жители были пробуждены стуком в окошки и призыванием на мирскую сходку <...>Глаза их были мутны и красны, лица опухлы» (VIII, 139). Брандт: «Лица надуты и вообще нехороши собою»²⁶.

Пушкин: «Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашне), храбры, воинственны: многие из них ходят одни на медведя и славятся в околodge кулачными бойцами; все вообще склонны к чувственному наслаждению пьянства» (VIII, 135). Брандт: «Редко здешний крестьянин от души весел, только в пьяном виде он поет и пляшет и тогда только выказывает свой от природы веселый и добрый нрав, он обнимает и ласкает своих товарищей, не может наговориться и редко доходит до драки, но тогда он может дойти до бесчеловечия»²⁷.

Пушкин: «Одежда горюхинцев состояла из рубахи, надеваемой сверх порток, что есть отличительный признак их славянского происхождения. Зимю носили они овчинный тулуп, но более для красы, нежели для настоящей нужды» (VIII, 136). Брандт: «Одежда здешних крестьян обыкновенная, простая удобная для жителей Севера. Овечья шуба, составляет главную часть одежды, а сапоги роскошь, также пестрые яркого цвета рубашки, которые у женщин всегда белые...»²⁸.

В «Описании» Брандта и «Истории села Горюхино» Пушкина встречается одинаковые определения «смиранный» и «лукавый»: «Грозные предписания следовали одно за другим. Староста читал их на вече; старшины витийствовали, мир волновался, – а господа, вместо двойного оброка, получали лукавые отговорки, смиранные жалобы, писанные на засаленной бумаге и запечатанные грошом» (VIII, 138). Брандт: «Привязаны к своему господину, в глазах смиранны и низки, за глаза оне бранчивы и коварны, лукавы, а между тем, легковерны...»²⁹.

Случайность или нет, но слово «лукавство» в годы пребывания поэта в Михайловском появляется еще в одном его произведении – критической статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова» (1824 г.): «Некто справедливо заметил, что простодушие (*naivete, bonhomie* <см. перевод>) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная

24 Там же, с. 17.

25 Там же, с. 25.

26 Там же, с. 16.

27 Брандт А. И Описание Опочецкого уезда Псковской губернии за 1853 год. С. 17.

28 Там же, с. 17.

29 Там же, с. 16.

черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться...» (XI, 34). О чьих нравах свидетельствует поэт, находясь в ссылке в глухой псковской губернии? Очевидно, тех, кто его окружал в это время...

В 1927 году член РГО В. И. Чернышев отправился в Святые Горы для сбора преданий о Пушкине. Любопытной представляется местная «пограничная» трактовка определения «хитрый», содержащаяся в предании об А. П. Ганнибале: «Дедушка Пушкина был арап. Арапы хитрые (т.е. умные) и верные. Им господа всегда больше доверяют»³⁰. В своем «Описании» Брандт замечает, что при определенных случаях: «...там, где крестьянин чувствует себя счастливым, там из него можно сделать все. Его нетрудно научить и каждый легко может выйти сам собою из затруднительнейших положений в жизни. Все они не без способностей и гения, особенно в торговле и менке»³¹. Общеизвестно, что подобный род занятий исторически сопряжен с «хитростью» и «лукавством».

Ряд тождественных, а иногда и дословных суждений этнографа и поэта можно продолжить. Однако, очевидным представляется факт близости между текстом «Описания» и содержанием ряда литературных произведений Пушкина. Соответственно, и «Описание Опочецкого уезда» и другие отчеты корреспондентов РГО позволяют расширить и уточнить параметры псковского литературного краеведения.

Об авторе

Козмин Вячеслав Юрьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник). Хранитель музея «Пушкинская деревня», Россия.

Vyacheslav Yurjevich Kozmin, candidate of philological Sciences, senior scientific worker the State memorial historical-literary and natural-landscape Museum-reserve of A. S. Pushkin “Mikhailovskoye” (the Pushkin Reserve). The curator of the Museum “the Pushkin village”, Russia.

E-mail: bugrovo@mail.ru

---

30 Чернышев В. И. Пушкинский уголок, его быт и предания // Известия Российского Географического Общества. — Л., — 1928. — Т. 60. — Вып. 2. — С. 339.

31 Брандт А. И Описание Опочецкого уезда Псковской губернии за 1853 год. С. 17.

ИЗ ЛЕТОПИСИ НОСОВСКОЙ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ: ОБ ОДНОМ ЛЮБОПЫТНОМ СЛУЧАЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (1919 г.)*

Статья представляет собой презентацию интереснейшего рукописного исторического документа начала XX в. и научное вступление к нему. В центре того и другого – фигура генерал-майора С.Н.Булак-Балаховича, одного из наиболее известных авантюристов эпохи гражданской войны в России, человека удивительной и противоречивой судьбы и ярко выраженного приграничного сознания.

Ключевые слова: граница, гражданская война в России, Чудское озеро, село Нос/Нина, генерал Булак-Балахович, Эстонская Республика, Польша

A. Danilevskiy

FROM THE CHRONICLE OF NOSOVSKAYA POKROVSKAYA CHURCH: A CURIOUS CASE OF TRANS-BORDER COOPERATION (1919).

This article represent the presentation one of the most interesting historical manuscript of the early XX century; and an academic introduction to that. In focus of attention – Major General Stanisław Bułak-Bałachowicz, one of the most famous adventurers of the Russian Civil War, which destiny was surprising and contradictory, thus his person is an excellent example of cross-border consciousness.

Keywords: The border, Russian Civil war, lake Peipus, village Nos/ Nina, Major General Stanisław Bułak-Bałachowicz, Republic of Estonia, Poland

Предлагаемая ниже публикация имеет своей целью ввести в научный оборот исторический документ, содержащий ценное рукописное свидетельство о личности, характере и деяниях человека, весьма памятного псковитянам по маю-августу 1919 г. Человек этот – «псковский батька» («командующий войсками Псковского и Гдовского района») С. Н. Булак-Балахович¹; предлагаемый же документ – отрывок из летописи носовской (с. Нос, на зап. берегу Чудского оз., ныне – Nina, Eesti Vabariik) Покровской церкви («Рижской Епархии, Дерптского уезда»)², помеченный 23–24 марта (5–6 апреля) 1919 г.

1 * Предлагаемая статья подготовлена в рамках и при финансовой поддержке проекта «Эстония между Востоком и Западом: Парадигма “свой”, “другой”, “чужой”, “враг” в культурах Эстонии XIX–XXI вв.» (IUT18–4).

См. о нем, напр.: Машко В. В. Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883–1940) // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 97-113; Иконников-Галицкий А. Три цвета знамени: Генералы и комиссары 1914–1921. М., <2014>. С. 461-484 (подглавка «Балахович» в гл. «Бесшабашные»); Кручинин А. С. Генералы С. Н. и И. Н. Балаховичи // Белое движение: Историч. портреты / Сост. А. С. Кручинин. М., 2014. С. 1142-1201; также см. ст. «Булак-Балахович» в «Википедии».

2 <Удальцов П. А., свящ.> Летопись Носовской Покровской Церкви. С. 1<-II>. Летопись (1892–1927) представляет собой тетрадь в твердом темнокоричневом (видимо, демикотоновом – совсем как у лесковского Савелия Туберозова в «Соборьянах») переплете (23 × 35 см), исписанную на 2/3: текстом занято 168 страниц (по рукописи – 83 <84>, пагинация общая). На С. <I> значится: «Сия Летопись составлена Священником Носовской Церкви <здесь и везде далее при цитировании текста Летописи сохранены пунктуация и правописание оригинала. – А. Д.> Петром Алексеевичем

Вначале, однако, важно напомнить: Станислав (собственно Станислав-Мариан) Никодимович Булак-Балахович (изначально просто Балахович, встречается также Бэй-Булак-Балахович и Булак-Бей-Балахович; 1883–1940) родился 10 февраля 1883 г. в имении Мейшты, около местечка Видзы Новоалександровского³ уезда Ковенской губ. (сейчас – Республика Беларусь, близ литовской границы)⁴, в пору, когда отец и мать будущего генерал-майора Северо-Западной русской и Польской армий в качестве «кухмейстера» и горничной обслуживали богатого помещика, причем первый, потомок осевших в Литве татар (из ногайцев), был, скорее всего, православным⁵, тогда как вторая, урожденная Юзефа Шафранек, – католичкой⁶.

Вскоре после рождения нашего героя его отец уволился со службы и приобрел небольшое имение (фольварк), доходы от которого дали возможность Станиславу получить образование – сначала в городском училище в Новоалександровске, а затем в коммерческом училище в Бяльмонтах⁷; закончив его (в 1901 или в 1902 г.), молодой Балахович стал агрономом, пару лет проработал по специальности, но в 1904 г. устроился управляющим имением Городец-Лужский графа Платер-Зиберга в Дисненском уезде Виленской губернии, в каковой должности и трудился 10 лет, до самого начала I-й Мировой войны⁸.

С осени 1914 г. С. Балахович воюет в кавалерии – сначала рядовым с правами вольноопределяющегося (во 2-м лейб-уланском Курляндском полку), а затем и офицером: в сентябре 1915-го он за отличие произведен в корнеты; осенью того же года был прикомандирован к действовавшему в районе Риги (партизанскому) отряду «особой важности при штабе Северного фронта» поручика Л. Н. Пунина (некто вроде нынешнего спецназа), где вскоре выдвинулся на должность командира эскадрона.

Удальцовым с открытия прихода т. е. 1824 г. и доведена до 1892 г.». Собственно Летопись завершается (плюс затем 3 страницы статистических таблиц) припиской: «С 1904 по 1927 г. вкл<ючительно>. ведена и составлена Свящ. Павлом Буровым» (С. 82<-II>). На отдельном (в клетку) листке-вкладыше значится: «Основание прихода – 21 Января 1824 г.

Закладка Храма – 8 Апреля 1824 г.

Освящ<ение>. – . – 5 Ноября 1828 г.

Освящ. расширенного Храма 2 Марта 1908 г.

Освящ. Никольского придела – 29 Августа 1924 г.

– . – Спасского – . – 15 Окт. 1926 г.»

Пользуемся случаем выразить горячую признательность обладателю Летописи таллинскому историку А. В. Пантелееву за любезно предоставленную нам возможность ознакомиться с ее текстом и частично его воспроизвести.

3 Новоалександровск – в 1836–1918 гг., в 1919–1929 гг. Эжеренай, ныне – Зарасай, город на северо-востоке Литвы, админ. центр Зарасайского р-на.

4 В этой связи см. у Иконникова-Галицкого: «По месту рождения Балахович – земляк Врангеля; по возрасту – ровесник Буденного» (Иконников-Галицкий А. Три цвета знамени: Генералы и комиссары 1914–1921. С. 463).

5 В этой связи см.: «В документах времен службы <С. Балаховича> в Войске польском (после 1920 года) он сам и его родители записаны католиками. В послужном формуляре русской армии его отец Никодим Сильвестрович Балахович поименован православным» (Там же. С. 462).

6 См. по этому поводу у того же Иконникова-Галицкого: «<...> судя по фамилии, можно предполагать как польское, так и еврейское ее происхождение» (Там же. С. 463).

7 Ныне агрогород Ахремавцы, Браславского р-на Витебской обл., Республика Беларусь.

8 Иконников-Галицкий А. Указ. соч. С. 463.

«За постоянные дерзкие вылазки в тыл немцев пунинские партизаны были прозваны “рыцарями смерти”. В боевых операциях Булак-Балахович отличался особой храбростью, решительностью и находчивостью. Л. Пунин писал о нем: “...Несмотря на отсутствие военной школы, показал себя талантливым офицером, свободно управляющим сотней людей в любой обстановке с редким хладнокровием, глазомером и быстротой оценки обстановки”»⁹. Воинская доблесть Балаховича была отмечена скорым продвижением в чинах: за 2 года он дослужился до штаб-ротмистра, а «<п>осле октября семнадцатого именовал себя ротмистром <...>»¹⁰. Тогда же ему пришлось возглавить осиротевших после гибели Пунина (осень 1916 г.) «рыцарей смерти» и прорываться с ними к Пскову – чтобы в феврале 1918 г. влиться в войска «Лужского округа завесы», заслонявшие германским войскам путь к Петрограду, – иными словами: в ряды формируемой Красной армии.

С марта по октябрь 1918 г. “по личному решению Троцкого” Балахович возглавляет 1-й Лужский коннопартизанский полк, летом того же года участвовавший в подавлении крестьянских волнений под Лугой. Но уже в октябре 1918 г. он уводит часть своего полка в Псков, оккупированный в ту пору немцами, где, однако, под их эгидой формировались белые войска. После ухода оккупантов (ноябрь 1918 г.) ротмистр, а затем подполковник Балахович командует отрядом в составе Северного корпуса белых.

Весной 1919 г. – он уже полковник одновременно русской и эстонской армий и командир “конного полка имени Балаховича”, активно действующего как на территории Эстонии в составе эстонской армии ген. Й. Лайдонера, так и под Нарвой в составе русского Северного корпуса ген. А. П. Родзянко. В мае 1919-го во главе своего отряда вступает в накануне занятый эстонцами Псков и по август фактически является его военным диктатором, именуя себя при этом «батькой» и «атаманом крестьянских и партизанских отрядов».

В июле 1919 г. по приказу главнокомандующего войсками Северо-Западного фронта ген. Н. Н. Юденича произведен в генерал-майоры. Через месяц, в августе, приказом того же Юденича смещен с должности; при попытке ареста скрылся, вскоре организовал крестьянские отряды зеленых, с которыми оперировал в районе Печор. В конце 1919 г. стал генерал-майором эстонской армии, а в январе 1920 г. предпринял кончившуюся неудачей попытку арестовать Юденича, подозреваемого им в растрате финансовых средств северозападников.

В марте 1920 г. с малочисленным отрядом отправился в Польшу, на стороне которой сражался летом – осенью 1920-го в ходе Советско-польской войны, в содружестве с Б. В. Савинковым осуществляя – на территории Белоруссии – глубокие партизанские рейды в тыл красных, за что удостоился похвалы и благодарности непосредственно от Начальника Польского государства маршала Ю. Пилсудского. В свою очередь, перемирия, заключенного польским правительством с Советской Россией, не признал и продолжил борьбу с красными, провозгласив себя Начальником Белорусского государства и Главнокомандующим всех вооруженных сил на его территории. Несмотря на заявляемую Балаховичем и Савинковым терпимость к евреям, действия

---

9 Машко В. В. Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883–1940). С. 97.

10 Иконников-Галицкий А. Три цвета знамени. С. 465.

«Белорусской армии» сопровождалась погромами (только в Мозырском уезде, по данным Евобщесткома, было ограблено 20 550 человек, убито свыше 300, изнасиловано более 500 женщин¹¹).

После скорого разгрома армия Балаховича была интернирована в Польшу, а он сам (после некоторых колебаний Пилсудского, помышлявшего даже о выдаче его Советам) был принят на польскую службу в чине генерал-майора.

В 1921–1939 гг. служил инспектором кавалерии резерва Войска польского, проживая при этом в собственном имении в Беловежье и получая достаток от полученной от Пилсудского лесной концессии, где работали бывшие члены его отряда. В мае 1926 г. Балахович принял активное участие в перевороте Ю. Пилсудского и ген. Л. Желиговского; с другой стороны, с 1928 г. он – один из вождей белоэмигрантского Союза защитников отечества.

Имеются весьма сомнительные сведения о том, что в 1936–1939 гг. Балахович состоял при ген. Франко в Испании «в качестве консультанта по вопросам ведения разведывательно-диверсионной войны против республиканцев», а «в» 1938 г. он предлагал польской разведке организовать диверсию против Чехословакии¹².

После нападения Германии 1 сентября 1939 г. на Польшу Балахович развязал против гитлеровцев партизанскую войну, участвовал в обороне Варшавы. Убит в 1940 г. в оккупированной польской столице при невыясненных обстоятельствах (одна из версий: отметившего предстоящий уход в подполье Балаховича на выходе из ресторана застрелили опознавшие его агенты гестапо).

«О семье Булак-Балаховича известно не много. “Батька” был страшно влюбчив: у него было три жены, семеро детей <2 сына и 5 дочерей. – А. Д.> и бесчисленные походные приключения»¹³. В 1905 г. в Городце-Лужском он женился на дочери местного доктора Генриетте Гарбель (видимо, немке: die Garbel по нем. сноп); после ее смерти в 1918 г. от рака «женился в Юрьеве <Тарту, Эстония> на <остзейской> баронессе Герте фон Герхард, красавице, большой любительнице лошадей и спортсменке»¹⁴; третьим браком – вскоре после завершения Советско-польской войны – женился на польке (?) Яни-не Коречко.

Нами представлена наиболее выверенная канва жизни С. Н. Булак-Балаховича¹⁵, однако и она поражает своей необычайной противоречивостью¹⁶,

11 Еврейские погромы в Беларуси в 1919–1921 гг. (<http://www.judaica.kiev.ua/Conference/Conf2003/30.htm>).

12 Машко В. В. Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883–1940). С. 112.

13 Машко В. В. Указ. соч. С. 112.

14 Там же.

15 В этой связи см. у Кручинина: «Есть биографии, в различных вариантах которых разночтения и расхождения начинаются с первых же страниц, если не с первых строк. Таково жизнеописание и генерала, вошедшего в историю Гражданской войны как Станислав Никодимович Булак-Балахович, хотя едва ли не каждое слово здесь может быть подвергнуто обоснованному сомнению» (Кручинин А. С. Генералы С. Н. и И. Н. Балаховичи. С. 1142). Ср. у Иконникова-Галицкого: «О его жизни до революции мало что известно; фамилия, национальность и вероисповедание – под вопросом. Под большим вопросом даже его боевая доблесть и личная честность» (Иконников-Галицкий А. Три цвета знамени. С. 467).

16 В данной связи см. у Иконникова-Галицкого: «Одна из многоцветных фигур того без-

как поражала уже его современников; противоречивости личности и судьбы генерала соответствует и крайняя разногласица в их оценках, данных хорошо знавшими его людьми. Так, например, непосредственный начальник нашего героя, ген.-лейт. А. П. Родзянко после победоносного рейда Балаховича 5 апреля 1919 г. на г. Гдов (с небольшим отрядом, по льду Чудского оз.) не мог не воздать ему должное («Он захватил казначейство, пленных, пулеметы, много снаряжения и благополучно, почти без потерь, вернулся в исходное положение»¹⁷), что, однако, не помешало командующему Северо-Западной армией тут же в сердцах заявить: «Балаховича я сам расстреляю, он не военный человек, он ксендз-расстрига, он разбойник!»¹⁸ Разногласица в оценках современников перетекла в работы современных биографов (так, не раз цитируемая нами статья В. В. Машко знаменует собой начальный этап изучения жизнедеятельности Балаховича постсоветскими отечественными историками – с его чрезмерным доверием к информации, предложенной самим генералом и полной выдумки¹⁹; в свою очередь, написанное в вольной манере исследование А. Иконникова-Галицкого отличает критический подход к порожденным самим Балаховичем и ангажированными им мемуаристами-умного времени – уланский штаб-ротмистр, красный командир, белый полковник, “зеленый генерал”, “псковский батька” <...> Он орудовал и под красным, и под белым, и под черно-синим эстонским знаменем; не гнушался зеленым цветом крестьянской вольницы; закончил же войну под красно-белым флагом Речи Посполитой Польской» (Иконников-Галицкий А. Указ. соч. С. 462). Ср. у Кручинина: Балахович «начнет сознательно разыгрывать национальную карту, громогласно объявляя себя сторонником то “национальной Руси”, то “Белорусской Державы”, то “Второй Речи Посполитой”, и это, по рассказу Б. В. Савинкова, даже даст “Начальнику Польского Государства” Ю. Пилсудскому основание сказать, что Балахович – “<Да, бандит, но не только бандит, а> человек, который сегодня русский, завтра поляк, послезавтра белорус, а еще через день – негр”. Пока же представляется правдоподобным предположить, что Станислав был человеком пограничной культуры, смешанного русско-польского диалекта и... романтической природы, питавшейся смутными родовыми преданиями, в которых якобы участвовавшие в польском мятеже 1831 года предки выглядели не намного достовернее какого-нибудь “Булак-Бея”, быть может, и вправду волновавшего воображение юноши» (Кручинин А. С. Генералы С. Н. и И. Н. Балаховичи. С. 1144; высказывание Ю. Пилсудского дополнено по ст.: Машко В. В. Указ. соч. С. 112).

17 Цит. по: Кручинин А. С. Генералы С. Н. и И. Н. Балаховичи. С. 1159. См. здесь же продолжение: «“Подп[олковник] Балахович, – свидетельствовал даже неприязненно относившийся к нему Родзянко, – действовал весьма энергично; прекрасно налаженные команды лазутчиков проводили своего “батьку” <...> в тыл к противнику чрезвычайно искусно и почти всегда без потерь. В этих лазутчиках была главная сила и причина успеха отряда Балаховича: Балахович никогда, несмотря ни на какие приказания, не двигался вперед, если его лазутчики не ручались ему за то, что набег можно произвести без риска потерпеть неудачу. Таковое отношение к приказаниям часто расстраивало задуманную операцию, иногда подводило соседей, но зато действительно подп[олковник] Балахович почти никогда не нес потерь и часто самыми незначительными силами достигал больших результатов и захватывал большую добычу”» (Там же. С. 1159-1160).

18 Цит. по: Беленкин Б. И. Авантюристы великой смуты. М., 2001. С. 401. Ср.: «Для журналиста издаваемой в Пскове в 1919 году газеты “Новая Россия освобождаемая” он “легендарный Народный Витязь, освободитель Северо-Западной России”, “излюбленный вождь народный”, который “поднял и лично ведет рати на освобождение белокаменной Москвы”. Для бывшего гласного Псковской городской думы, члена белого Северо-Западного правительства Василия Горна – омерзительный тип, фальшивомонетчик, вымогатель и палач, растлевающий души людские зрелищем публичных казней. В одном сходятся все: Балахович – авантюрист, шествующий в ногу с несентиментальным временем» (Иконников-Галицкий А. С. 468).

19 В этой связи см.: Булак-Балахович С. Н. Генерал Булак-Балахович о своем деле: как было на самом деле? // Архив гражданской войны. Берлин, 1923. Вып. 1.

современниками автобиографическим «мифам» – порой, на наш взгляд, чрезмерный, тогда как в исследовании А. С. Кручинина зачастую ощутимы прямо-таки апологетические по отношению к С. Н. Балаховичу нотки).

В свете всего вышесказанного напрашивается пока лишь один бесспорный вывод: С. Н. Булак-Балахович – человек приграничной культуры и такового же сознания, эта черта его личности – определяющая, и именно она должна стать базовой для всех последующих исследований его характера и жизнедеятельности. Подспорьем для этих работ и мыслится нами предлагаемое ниже письменное свидетельство простодушного стороннего наблюдателя – священника (в 1904–1927 гг.) носовской Покровской церкви Павла Бурова – о внешней, событийной стороне уже памятного нам (по отзывам А. П. Родзянко) лихого набега «балаховичей» на Гдов, – наблюдателя с «той», враждебной Советам, стороны Чудского озера, вдобавок, не питающего никаких симпатий к советской власти, т. е. человека, хотя бы в этом плане Балаховичу «своего», лояльного, но который, тем не менее, не удержался от негативной моральной оценки увиденного, что тем более заслуживает внимания будущих исследователей:

«В начале <исправлено карандашом: конце> марта месяца, 23 дня <приписано сверху карандашом> в пятницу вечером в село Нос прибыл отряд, так называемого «батьки» Булак-Балаховича с его братом Юзиком в количестве человек 40 на лошадях, запряженных в сани. Балахович делал поход на Гдов. Был отдан приказ о доставке для его отряда добавочных лошадей. В часов 9–10 вечера отряд, не дождавшись другой такой же части из Вороньи, пустился по льду на русский берег. Была светлая ночь. К утру же полетел снежок, сгустились тучи, поднялась снежная пурга. Три раза останавливался отряд, нащупывая путь к русскому берегу. Угрожала опасность. Идти нужно было в лоб. Ступив на землю, Балахович, первым пустился на Гдов. Были взорваны железнодорожные мосты, телефонные провода порваны. Вот отряд во Гдове. Станция занята. Батяка говорит со Псковом и Петроградом. Пугает комиссаров, велит намазывать ноги и тут же добавляет, что все они не минуют захвата. Направляется в казармы. Вербует 800 новобранцев, и как хозяин распоряжается городом. Наводит на него ужас, подвергает разграблению и с упорными расправляется. “Лихое дело” кончено. Добыча в руках. Отдан приказ пуститься в обратный путь с награбленным добром. Красная власть, наконец, освоилась и пустилась в погоню, открыла перестрелку, но Балахович был далеко, на озере, “на утеке”. Один офицер из отряда <С. 59–II> Балаховича был убит в перестрелке, а по другой версии был уложен батькой за нерешительность... Второй отряд, выехавший батьке в помощь, встретил его на полдороге и разгрузил тяжелую и богатую добычу первого отряда. В часов 7 вечера, в субботу вестовой возвестил о взятии Гдова. Разочарование мгновенно сменило радость, когда селение увидело приближавшийся к берегу длинный обоз с награбленным имуществом. Ларчик просто открывался. Речи Балаховича о походе на русский берег и о борьбе с большевиками были ложны. Ему нужно было временно пожить и отдохнуть. Население думало теперь <зачерк. 2 слова> о взаимном походе красных на Нос²⁰. Обоз был полон одеждой, калошами, кожей, изюмом, бу-

20 По данному поводу см. у Кручинина: «В ответ <на рейд Балаховича на Гдов. – А. Д.> большевики сделали попытку захватить остров Норка, но она была легко отражена Балаховичем и старшим Пермикиным, после чего выступившая на поверхности льда вода прекратила подобные опе-

магой, сапогами, писчими машинами, табаком, мануфактурой, мясом и пр. пр. и разместился по всему селу. Открылась продажа награбленного, а с ней и пир победителей. Глубокая ночь повалила усталых воинов в глубокий сон. Лишь батька Балахович не спал со своими присными, производил счет толстым тюкам бумажных денег – царских, думских, керенских. Много их было – 1½ миллиона! Утром, в воскресенье, батька оделял бедных сельчан деньгами, щедро сыпал их и направо и налево, пока его ординарцы не вступили в прю с ним<,> батькой<,> и не запретили <С. 60–I> ему такую выдачу, сказав, что это добро общее. В полдень батька выступил с речью к населению. Говорил о своей роли в борьбе с большевиками, призывал молодежь в свои ряды, угрожал местным коммунистам. Речью батька владел, говорил с шуткой, серьезности и глубины в речи не было. Внешне старался быть импозантным. Сравнительная молодость, приятная внешность, кавказская бурка, белый башлык с длинными кистями за спину – как бы вторили импозантности. На половину распроданная, добыча, отбыла с отрядом в Юрьев. С последней подводой отбыл и батька Балахович. Долго и много говорили потом об удали батьки!

<С. 60–II>».

Об авторе

Данилевский Александр Алексеевич, доктор философии (PhD) по русской литературе Тартуского университета, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных наук Таллинского университета, Эстония.

Alexander Danilevskiy, Doctor of Philosophy of Russian Literature of Tartu University, Senior Researcher of Tallinn University School of Humanities, Estonia.

E-mail: xandr.danilevskij@gmail.com

ЛИФЛЯНДСКО-КУРЛЯНДСКИЙ ТЕКСТ В ПРОЗЕ ИВАНА ЛУКАША

В статье представлен анализ прозаических опытов И. Лукаша 1920-х годов, где в историческом аспекте воссоздан лифляндско-курляндский топос, заявленный как особое, пограничное и мультикультурное пространство. Центрами пересечения различных моделей существования персонажей являются Рига и Митава, которые соединяют в своих координатах немецкие, русские и французские маркеры, соотнесенные автором с современной ему революционной и постреволюционной действительностью.

Ключевые слова: И. Лукаш, лифляндско-курляндский топос, мультикультурность, граница.

A. N. Nemiuscij

THE LIVLAND-COURLAND TEXT IN IVAN LUKASH'S PROZE

The article presents the analysis of I. Lukash's prose fiction in the 1920s where the author recreates the Livland-Courland topos in a historical aspect manifested as a specific, border, and multicultural space. Riga and Mittau are crossing points of diverse models of the characters' existence that join German, Russian, and French markers related by the author to his contemporary revolutionary and post-revolutionary reality.

Keywords: I. Lukash, Livland-Courland topos, multiculturalism, border

Интерес писателя-эмигранта И. С. Лукаша к историческому прошлому западных окраин российской империи обнаружился еще до его переезда на жительство в столицу уже независимой Латвии, территория которой располагалась в пределах частей бывших Лифляндской и Курляндской губерний. В октябре 1923 г. на страницах рижской газеты «Сегодня» была опубликована новелла «Потерянная ботфорта. Из неизданных записок барона Мюнхгаузена». Затем, в период двухлетнего пребывания писателя в Риге различные издания печатают и другие его опыты: «Невероятные приключения Мюнхгаузена в Риге» (1926), «Гомункулус» (1926), «Гончаров на взморье» (1926), «Часы Людовика» (1927), включенные позже в сборник «Сны Петра» (1930). Два из упомянутых текстов более чем через сорок лет после смерти писателя и почти полного его забвения были републикованы в июньском номере журнала «Даугава» за 1988 год.

Сразу же следует отметить, что история заявлена в упомянутых опытах, прежде всего, как культурно-литературный «коллаж» и поэтому для актуальностей современной Лукашу страны обитания в художественном мире по сути дела не остается места.

Весьма показательна в обозначенном аспекте новелла «Гомункулус» с подзаголовком «Фантастическое, но действительное происшествие», впервые предъявленная читателям на страницах июльского, за 1926 год журнала «Новая неделя».

Топос Риги заявлен здесь вполне определенно, но в то же время избирательно. В «Гомункулусе» это, прежде всего, средневековый старый город,

конкретизированный широко известными, имеющими знаковый характер локусами: Дом Черноголовых, улицы Калькю, Розез, Грециниеку, река Даугава. Важно, вместе с тем, что упомянутые топонимы представлены в тексте Лукша в иной, русской огласовке – улицы Известковая, Роз, Грешников, так же как и Двина вместо Даугавы. Введение «русского» элемента мотивируется присутствием в художественном мире персонифицированного (хотя и не названного по имени) рассказчика, озвучивающего фантастическую, даже фантазмагорическую историю, спровоцированную его другом – обитателем Старой Риги.

Тем не менее, доминирует в тексте новеллы отнюдь не русское начало. Предваряющая исходную точку развития сюжета экспозиция вводит немецкую культурную парадигму, явленную сразу в двух измерениях: травестийно-сниженном, анекдотическом и высоком, литературном. Первый из названных мотивов реализован в развернутой версии поговорки: «Что луну делают в Гамбурге, это известно всем. Мастерил ее там на медных шарнирах один косой сапожник, лысый лунатик, и когда его лунный рог выплывал в ночное небо над черепицами Гамбурга <...> почтенные граждане говорили:

– Этот чудака сапожник снова забавляется с луной. Впрочем, история гамбургской луны настолько известна, что даже стала поговоркой»¹.

Вторая составляющая культурного топоса семантизируется уже в названии новеллы и совершенно очевидно соотнесена с гетевским «Фаустом», во второй части которого алхимик Вагнер воссоздавал в колбе человеческое существо.

В этом контексте и следует, очевидно, понимать смысл основной сюжетной коллизии: попытку чудака-мечтателя Мельхиора Краузе, бывшего дерптского студента и наследника алхимика-дилетанта, завершить изыскания умершего дядюшки и сотворить в чердачной лаборатории прадедовской лачуги «второе издание» гомункулуса.

Пространственная ось Гамбург – Рига здесь далеко не случайна. «Луна на медных шарнирах», изготовленная сапожником и ставшая поэтому притчей во языцех, хотя и не прямо, но соотнесена с вариантом гомункулуса, создание которого начинает рижский органист (и только по совместительству алхимик), а завершает его племянник, подвизающийся в качестве счетовода страховой компании «Якорь».

Замысел воплощения совершенного творения, почти божества, в конечной точке реализуется в катастрофической версии: вместо ожидаемого Мельхиором Краузе гомункулуса на свет божий появляются монстры-ихтиозавры.

Объяснение причин совершившегося казуса различаются в зависимости от того, на каком уровне они представлены в тексте. Одно из толкований дает сам алхимик-неудачник: «У меня не было алхимического тигля, я подогревал его на керосинке в умывальной чашке» (58); «... вместо лягушки сунул жабу» (59), но это лишь частично проясняет причину катастрофы.

В пределах уже авторского сознания куда более основательным объяснением представляется сам принцип воссоздания рижского (а если шире – лифляндского хронотопа). Немецкая первооснова, как уже отмечалось, неоднородная в своем качестве (Гете, а в связи с «монстрианой», возможно, еще

---

1 Филин М.Д. В поисках подлинной России // Лукаш Иван. Сочинения в двух книгах. – М.: Интелвак, 2000. – С. 15.

и Гофман) вместе с сапожником «изготавливающим луну», перемещенная на остзейскую, немецко-русскую почву утрачивает, с точки зрения Лукаша способность воспроизводиться в полноценном, не ущербном виде. Говоря иными словами, средневековая Рига в ином временном измерении становится топосом, где актуализируется семантика утрат и деформаций (вместо алхимического тигля – умывальная чашка, вместо очага – керосинка, вместо гомункулуса – пара монстров-ихтиозавров).

Впрочем, следует признать, что сюжет утраты и подмены не содержит в себе собственно трагического измерения. Авторская позиция в данном случае корректируется еще и иронической составляющей.

Появление уродов-ихтиозавров только заявляет мотив катастрофы, озвученный в реплике Мельхиора Краузе: «Завтра вся Рига сойдет с ума» (59). Но эта угроза снимается, ликвидируется в почти анекдотическом формате: загнанные алхимиком и его другом в тупик возле Дома Черноголовых монстры, будучи побиты камнями, гитарой и ножкой стула, исчезают, превращаясь в предутренний туман. Революционное по замыслу деяние оборачивается фарсом.

Собственно же трагедийный мотив разворачивается уже в другой исторической миниатюре И. Лукаша «Часы Людовика», опубликованной в январском за 1927 год номере рижской газеты «Слово» (в сборник «Сны Петра» она вошла под названием «Людовик в Митаве»).

В определенном смысле принципы воссоздания имеющего лифляндско-курляндскую «привязку» топоса сохраняются и здесь, но они заметно усложняются. Доминирующим пространственным элементом в художественном мире новеллы является уже не Рига, а бывшая столица курляндского герцогства Митава. Указанный топос опознается за счет пространственных маркеров, соотнесенных с визуальными реалиями города: красные черепичные крыши, тихая базарная площадь, Анненские ворота, запущенное кладбище и, наконец, замок герцога Бирона. Однако этот лапидарный «портрет» – только малая часть структурно очень сложно организованного художественного мира новеллы. Эта сложность заявлена как на пространственном, так и на временном уровне. Существенно при этом то, что персонифицированный рассказчик «Гомункулуса» уступает здесь место «невоплощенному» нарратору, способному без мотивированных ограничений перемещаться в пределах не только пространственно-временных границ, но и от одного субъекта сознания к другому (если иметь в виду систему персонажей).

Формула времени в «Часах Людовика» – это совмещение двух пластов: современности и событий французской революции 1793 года, завершившейся казнью короля Людовика XVI и изгнанием короля-претендента Людовика XVIII, нашедшего временный приют в курляндской Митаве.

Город в новелле И. Лукаша приобретает в этой связи функцию пространственного знака с многослойной семантикой. Митава как знак – это в известной степени также демонстрация перекрестка культур, но если в «Гомункулусе» преобладало немецко-русское начало, то в «Часах Людовика» уже француско-русское. В разной связи в тексте упомянуты многочисленные исторические персоны: кроме двух французских королей императрица Анна Иоанновна, фельдмаршал Суворов, император Павел I, духовник Людовика XVI аббат Эджворт де Фирмон и другие.

Еще один важный смысловой аспект, связанный с Митавой – это семантика границы, рубежа. Изгнанный из пределов Франции король оказывается в пространстве, хотя и удаленном от пределов отчизны, но еще связанном с европейским миром. Черепичные крыши города, сильно обветшавшие, но давшие приют Людовику-Изгнаннику покои дворца Бирона, где в холодные вечера эмигранты могут греться у камина, королевские гвардейцы «с породистыми сухими лицами» – все это материальные «реквизиты» покинутого не по своей воле пространства.

Вместе с тем, Митава воссоздается и как крайний западный предел Московии. Принадлежность города еще и враждебному, чужеродному топосу актуализируется в тексте упоминаниями о холоде и снеге: «Король поднял голову. Король смотрит в черное окно. <...> В черном окне – варварская метель, косо проносятся хлопья снега... <...> в сугробах Московии, в белых равнинах, где бесится северный ветер, – погребены в суровых снегах остатки эмигрантских войск» (54).

Наконец Митава в новелле заявлена как место обитания беглецов, живущих в униженном положении докучливых просителей, существующих исключительно милостью принявших эмигрантов хозяев: «Камин дымит. Эмиссары сурового московского императора скупно отпускают изгнанникам сырые дрова» (54). Автор с помощью введения в текст и других деталей всячески усиливает названный мотив, отмечая «мягкие, дурно выбритые щеки» в описании внешности короля и до предела изношенные, заплатанные кафтаны его гвардейцев.

Как уже говорилось, чрезвычайно важен в рассматриваемом тексте статус повествователя. Предоставленная ему автором свобода позволяет воссоздавать и оценивать события не только «извне», но и «изнутри», с точки зрения персонажей. Поэтому достаточно часто речь повествователя без акцентированной вербальной маркировки трансформируется в несобственно-прямую речь действующих лиц: «Герцогиня высокая и тощая, как скелет. Она вся в черном, она в неснимаемом трауре по отцу и матери. <...> Она помнит... В начале дофин просил свою любимую китайскую куклу и бильбоке <...> Башмачник Симон, палач, якобин, приходил и бил дофина Франции колодкой, до синяков, по худеньким, детским плечам...» (53–54). Такое подключение уровня сознания персонажей позволяет автору оказываться как бы «вровень» с отдаленными во времени и пространстве историческими событиями.

Еще один системно использованный автором прием – перемещение повествователя в пределах пространственно-временного континуума и наделение нарратора статусом свидетеля давно свершившейся трагедии, как, скажем, в эпизоде описания казни короля Людовика XVI, когда повествователь обретает способность увидеть этот акт сразу с нескольких оптических точек зрения, включая и максимально приближенную к происходящему: «Ударил нож гильотины, голова Людовика с глухим стуком прыгнула в корзину, обитую кожей, скользкую, липкую от крови. Палач Самсон, – его руки на январской стуже дымились от крови, – сорвал запонки с... опятненной кровью рубашки короля, закрутил в жгут на кулак липкие волосы, показал народу королевскую мертвую голову...» (55).

В данном случае структура повествования в новелле И. Лукаша объективно соотносима со спецификой текста в исторической прозе Ю. Н. Тынянова,

где по определению З. Н. Поляк дискурс строится по принципу «поплавка», когда авторская позиция то выходит на поверхность, проявляется в голосе повествователя, то погружается в подтекст, уступая место голосу героя².

Не менее значима и еще одна предметная деталь, давшая название самой новелле – часы казненного кроля, переходившие из одних рук в другие, оказавшиеся на какое-то время у русского графа Рачинского в конечном итоге оказываются в митавском музее.

Лукаш, как думается, акцентирует таким образом некую аналогию между событиями французской революции и той, которую ему пришлось пережить самому.

В этом смысле курляндский и французский тексты экстраполируются на российский, связанный с революционными же событиями, а часы Людовика становятся символом преемственности жертв великих потрясений, как лишенных жизни, так и вынужденных отправиться в эмиграцию, к которой принадлежал и автор исторических миниатюр, не имеющих на первый взгляд никакого отношения к катастрофе, случившейся в России.

Очевидно прав был один из исследователей творчества писателя, утверждавший, что его персонажи существовали в «рамках истории... повторяющейся, predetermined, где все известно наперед»³.

В этом плане лифляндско-курляндский текст в малой прозе И. Лукаша можно читать и как вариант глубинного анализа трагических событий, и как обращенное в будущее пророчество.

Об авторе

Неминуций Аркадий Николаевич, доктор филологии, профессор кафедры русистики и славистики Даугавпилсского университета, Латвия.

Arkadij Neminuscij, Dr. philol., professor, Daugavpils University Latvia, Department of Russian and Slavic Linguistics, Latvia.

E-mail: arkadij05@inbox.lv

ПОГРАНИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Л.Ф. ЗУРОВА

В статье рассмотрен феномен пограничья в творческой судьбе писателя русского зарубежья первой волны Л. Ф. Зурова. Упомянуты биографические сведения, повлиявшие на формирование его художественного мира. Охарактеризованы присутствующие в прозе Зурова художественные локусы с мифопоэтическим значением границы: поле, болото, река, мост. Ведущий мотив творчества писателя — пребывание героя «на рубеже» — трактуется как отражение переходного момента в истории России.

Ключевые слова: Л.Ф.Зуров, художественное пространство, мифопоэтика.

A.V. Gromova

BORDERLAND IN THE ARTISTIC WORLD OF L.F. ZUROV

The article discusses the phenomenon of borderland in the creative destiny of L.F. Zurov, the writer of the first wave Russian literature abroad. Biographical information is mentioned that influenced the formation of his artistic world. We characterize the loci with mythopoetic border value presented in Zurov's prose: a field, a marsh, a river, a bridge. Leading motif of the writer's work — the hero staying «on the turn» — is interpreted as a reflection of the transition moment in Russian history.

Keywords: L.F. Zurov, art space, mythopoetics.

В творческой судьбе Леонида Зурова феномен пограничья занимает одно из центральных мест. На формирование художественного мира писателя, безусловно, повлияли биографические факты: проживание в 1920-е годы в Эстонии и Латвии, археолого-этнографические экспедиции, позволявшие писателю общаться с русскими людьми даже в условиях эмиграции, интерес к событиям, происходившим на границе с РСФСР.

Рождением писатель был связан с Псковской землей, издревле являвшейся западным форпостом Руси, местом воинской славы. И Псков, и родной Зурову Остров, и любимый им Псково-Печерский монастырь пережили не один вражеский набег. Не случайно писателя так сильно волновала героическая история России – как древняя (оборона Пскова от войск Стефана Батория в XVI веке, описанная им в повести «Отчина»), так и современная (события Первой мировой и Гражданской войн, письменные и устные свидетельства о которых он собирал).

Участие в белом движении (к которому будущий писатель присоединился в возрасте шестнадцати лет) стало причиной его эмиграции. Однако, проживая за рубежом, Зуров мог с большим правом, нежели многие другие изгнанники, применить к себе слова Р. Гуля: «Я унес Россию». Для Зурова это утверждение было не метафорой, а образом жизни и модусом творчества.

Во-первых, он стремился обосноваться поближе к России, а точнее – к родной Псковщине. В 1919 году он проживает в Эстонии, с 1920 года – в Риге.

Обучаясь в 1922–24 годах в высшей технической школе в Праге, страдает от удаленности родины. Бросив обучение по состоянию здоровья, возвращается в Латвию. В письме к Г. Кузнецовой Зуров писал: «В Праге было очень тяжело. В 1924 г. <...> я покинул ее, чтобы очутиться около родных полей. К Латвии отошел кусок нашей Псковской губернии. И близость России меня укрепила лучше всех докторов»¹. И хотя г. Остров оказался на территории советской России, писатель нередко посещал Латгалию и Петсеримаа. В 1928 году он присоединился к группе исследователей, отправившихся в Псково-Печерский монастырь для создания книги об этой обители. Там ему удалось ознакомиться с редкими книгами монастырской библиотеки и древностями ризницы.

Переехав в 1929 году по приглашению И.А. Бунина во Францию, Зуров употребил все силы, чтобы вновь побывать на Псковщине. В 1935 году он принял участие в реставрации Никольского храма Псково-Печерского монастыря. В 1937 году добился от Министерства Просвещения Франции официальной миссии в Петсеримаа для изучения археологии и этнографии этого района Эстонии, в 1938 году повторил экспедицию, собрав ценную коллекцию этнографических материалов для Парижского Музея Человека. Изучая этнографию российско-эстонского пограничья и, в частности, дохристианские пережитки в верованиях сету, Зуров одновременно общался с русскими людьми, собирал устные рассказы о войне и революции для своих произведений. Г. Кузнецова, многие годы проживавшая рядом с Зуровым под крышей гостеприимной бунинской виллы, в 1932 г. записала в своем «Грасском дневнике»: «Л<еня> еще, сам того не зная, счастливей всех, потому что у него еще есть его любовь к псковским озерам, мужикам, избам и церковкам, и он мечтает о них с каким-то даже остервенением»². Близость писателя к русской почве отмечала и критика. Например, Г. В. Адамович в 1938 г. писал в рецензии на роман «Поле»: «Из всех сверстников Зуров один постоянно обращен к родной земле и не страдает никаким **отрывом**. <...> Его замыслы уходят в глубь народной жизни и как будто растворяются в ней»³ <Выделено Адамовичем. – А.Г.>. Н. Е. Андреев в итоговой статье о творчестве Зурова отметил: «... Непосредственная близость к осколкам подлинной России <...> определила во многом тематику и отозвалась на его мировоззрении, которое можно определить как “почвенническое”»⁴.

Таким специфическим образом феномен пограничья реализовался в судьбе Зурова: будучи эмигрантом, не имея возможности вернуться на родину, писатель словно и не покидал ее, находясь на ее территории, рядом с соотечественниками.

И в художественном творчестве Зурова местом действия чаще всего является Россия, преимущественно пограничные районы, часто – Псковщина. Более того, можно сказать, что жизнь в порубежном пространстве – это сквозная тема творчества писателя. Нахождение «на переходе» относится ко всем героям его прозы, а категория рубежа может относиться как к пространству, так и ко времени, и к состоянию человека. В прозе Зурова неоднократно

1 И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I. – М.: Русский путь, 2004. – С. 248.

2 Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. – СПб.: Мирь, 2009. – С. 272.

3 Последние новости. – Париж, 1938. – 24 марта. – С. 3.

4 Андреев Н.Е. Отчина и её автор // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1971. – № 105.

возникает мотив перехода границы, осмысленный в мифопоэтическом ключе, где рубежом между «своим» и «чужим» мирами выступают традиционные фольклорные локусы – река, мост, лес, болото, поле («Древний путь», «Поле», «Иван-да-марья», «Полынь», «Дагмарский лес» и др.).

В фольклоре статусом пограничного пространства наделяется поле. Слово **поле** происходит от общеславянского *polъ* — «открытый, свободный, полый»⁵, его первое значение – это «простор за городом, селеньем, безлесная, незастроенная, обширная равнина»⁶. Поле, которое в крестьянском сознании ассоциируется с нивой, вспаханной и засеянной землей, в описаниях войны актуализирует другие свои значения: это «место, занятое войском, под открытым небом, лагерь, стан, обоз, табор, становище»⁷, а также место сражения (поле битвы), смертное поле. «Чистое поле» в фольклоре представлено как пространство, на котором возможно столкновение с бедой, стычка с врагом. В былинах «чистое поле» – это место, где герой действует, сражается, защищая родину, и гибнет⁸.

В прозе Зурова, восходящей к национальной мифопоэтической образности, встречаются многообразные вариации образа поля. Так, в романе «Древний путь» – первом произведении романной дилогии, изображающей пореволюционную эпоху на Псковщине – поле выступает в своем первоначальном значении – как простор, равнина, пустое и враждебное пространство, оно соседствует с болотом и лесом, занесено снегом, над ним дует ветер, оттуда ожидают прихода опасности – будь то волки, вооруженные солдаты, лихие люди или немцы.

Ощущение пустоты появляется во время войны, особенно в конце ее, когда солдаты, утратившие патриотический дух и не понимающие целей войны, бегут с фронта домой, самовольно переходят границу. Если пользоваться терминологией антропологии, они оказываются в лиминальном состоянии — состоянии перехода и неопределенности. Солдаты ожидают поезда «в чистом поле»; «поле было унылое, солдаты продрогли и топтались»⁹; «Паровоз... медленно уводил эшелон в поля»¹⁰; «Вышли в поле, начался ветер»¹¹; «Дул ветер с холодного и пустого простора»¹².

Эта лиминальность¹³ приписывается всей стране. Через размышления одного из героев романа «Древний путь», офицера Назимова, автор выражает

---

5 Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера: в 4-х т. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – С. 307.

6 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – Т. 3. – Стб. 646.

7 Там же. – Стб. 648.

8 См.: Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1986. – С. 213–219.

9 Зуров Л. Древний путь. – 2-е изд. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1985. – С. 19.

10 Там же. – С. 25.

11 Там же. – С. 29.

12 Там же. – С. 116.

13 «Лиминальность — стадия перехода системы из одного состояния в другое, связанная с утратой структуры, иерархии, статуса элементов» // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна [Электронный ресурс]. – СПб.: Алетейя, 2003. – Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x3023.htm>. – Дата обращения: 01.11.2016.

свои мысли о конце эпохи, о необратимых изменениях, повернувших историческое развитие страны вспять, к безначальной пустоте: «А кругом, думал он, все то же покрытое снегом поле, дикий лес, а впереди ничего не известно <...> Все беспредельно, открыто и беспощадно. Снова голой и не обогатившейся лежала земля»¹⁴. В отрывке из незавершенной эпопеи «Зимний дворец», опубликованной автором под названием «Петрополь», таким же образом описан Петроград, который перестал быть имперской столицей: «Бесприютно и странно становилось человеку на пустых площадях, увеличенных туманом, и хотелось скорее их перейти, словно на площади, на открытой неизвестным взорам поляне, человеку угрожала опасность»¹⁵.

Поле в мифологии и фольклоре может трактоваться как культурная периферия, граница «своего» и «чужого» миров¹⁶. Во второй части романной дилогии Зурова «Поле» этот локус выступает как граница между «малой родиной» и «внешним» по отношению к главным героям миру – столицей, Европой, фронтом: «Город отрезан, заглохла дорога к вокзалу, как путь на забытое кладбище. В вечерней тишине пасутся у линии стреноженные крестьянские кони. Далеким, смутным видением встает отданный приморским ветрам Петроград»¹⁷.

Переходное состояние в жизни страны и народа неоднократно декларируется в произведениях Зурова, отразивших раздумья автора о судьбе России. В отрывке из романа «Зимний дворец» «Петрополь» главный герой Лосев чувствует, что «всё таинственно изменилось, изменился и он сам, и об этом изменении, как о любви и о смерти, ни передать, ни рассказать, – можно чувствовать только, что то, что совершалось теперь с ним и со всеми, – торжественно, страшно, как в ночном нечеловеческом хорале, в чем участвуют боги и звери, и он сам бог и зверь»¹⁸. В другом фрагменте из этого романа «Дорога» также утверждается мысль о необратимых изменениях, происходящих в стране: «Рушилось, медленно сгорало, старело, превращалось в пыль всё, что с таким трудом возводилось в течение столетий...»¹⁹.

Еще более отчетливо выраженным значением границы между мирами обладают встречающиеся в прозе Зурова мифообразы леса, реки и опасного моста.

В незавершенной повести «Иван-да-Марья», над которой Зуров работал во второй половине 1950-х – 1960-е годы, основу сюжета составляет история молодого офицера Ивана Косицкого и его жены Киры, погибших во время Первой мировой войны. Образным ключом к сюжету становится пророческий сон Ивана, увиденный им накануне войны. В этом сне, о котором он рассказывает младшему брату, Иван видит себя плывущим в лодке с солдатами. Внезапно он замечает, что его спутники меняют облик: «Я, Федя, увидел, что это уже не живые

---

14 Зуров Л. Древний путь. – 2-е изд. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1985. – С. 126.

15 Зуров Л. Петрополь // Встреча. – 1945. – Сб. 1. – С. 22.

16 Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1999. – Т. 4. – С. 133.

17 Зуров Л. Поле. – 2-е изд. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1983. – С. 8.

18 Зуров Л. Петрополь // Встреча. – Париж, 1945. – Сб. 1. – С. 23.

19 Зуров Л. Дорога // Встреча. – Париж, 1945. – Сб. 2. – С. 11.

люди гребут, а одетые в солдатское мертвецы. И фуражки надеты на черепа»²⁰. Сопровождающий его во сне унтер-офицер говорит: «Что вы удивляетесь, ваше благородие <...> ведь вы сами себя не видите, вы такой же, как и мы. И будете вместе с нами убиты»²¹. После переправы на другой берег Иван видит собственные похороны, где вместе с ним хоронят неизвестного, но близкого ему человека. Сон предвещает смерть Ивану и его будущей жене, с которой на тот момент он еще не был знаком. Здесь воссоздано иномирное пространство смерти и задействован распространенный в мифологии мотив переправы на тот свет на лодке²². Мифологический мотив преодоления водного рубежа как границы между миром живых и миром мертвых был хорошо известен Зурову, изучавшему «дохристианские пережитки» в ритуалах и верованиях русских крестьян и наблюдавшему в своих этнографических экспедициях «погребение рыбака в д. Лесья и отправление его тела в ладье»²³.

В рассказе «Полынь» говорится о судьбе крестьянского парня Федора, ушедшего солдатом на Первую мировую войну и попавшего в германский плен. Повествование ведется от его лица и описывает эпизоды хождения пленника «по мукам». На глазах читателя здоровый молодой парень превращается в больного, бессильного старика: «Пока здоров был, был силен, а после болезни стала горька моя жизнь, горька, как полынь»²⁴, – говорит он о себе. Финал произведения остается открытым, а его фабульным завершением становится следующий рассказ – «Встреча», где сообщается о возвращении Федора в родную деревню. Здесь впервые мы видим героя со стороны: «У него было землистое лицо с карими лихорадочно блестящими глазами, широкоскулое лицо больного мужика. <...> Он вынес все – окопы, лагерь, отбил от захватившей его в лагере смерти, – чтобы вернуться домой. Он уже не верил, что снова начнется радостная, прерванная войной жизнь»²⁵. Финал этого рассказа также остается открытым, автор не решается показать возвращение Федора в родной дом, как сам герой не решается спросить про своих родных у встреченной односельчанки, не узнавшей его. Он возвращается другим человеком, как будто побывав в ином мире – изменившем его мире смерти. Этот мотив усиливается введением архетипических образов реки как границы миров и моста, символизирующего опасный переход: по пути к дому Федор ночью переходит реку по мосту в свете далекого зарева. Введение мифопоэтических образов дополняет художественно достоверное повествование, придает ему обобщенно-философский характер и усиливает воздействие на читателя.

Образ моста как перехода между пространствами – «своим» и «чужим»,

20 Зуров Л. Иван-да-марья. – СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2015. – С. 93.

21 Там же. – С. 94.

22 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – С. 210–212; Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти тт. / Под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1994. – Т. 3. – С. 128.

23 Зуров Л. Записка о произведенном обследовании древностей Печорского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николая Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и 1938 гг. // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. – Ф. 3 (Л.Ф. Зуров). – Оп. 1. – К. 1. – Ед. хр. 9. – Л. 58.

24 Зуров Л. Марьянка. – Париж: [б.и.], 1958. – С. 72.

25 Там же. – С. 78.

жизнью и смертью – присутствует также в рассказе Зурова «Дагмарский лес»²⁶.

Прообразом сюжета послужили военные события сентября 1917 года, когда командование 5-й армии Северного фронта сдало немцам Якобштадтский плацдарм на левом берегу Западной Двины²⁷. В центре произведения – рассказ капитана, участника событий, в тот день командовавшего батальоном. Накануне атаки, во время длительного позиционного противостояния, немцы усыпили бдительность русских солдат братаньем, коварно проделали подкоп и взорвали Дагмарский лес, в котором находились укрепления русских, «подняв на воздух» весь полк.

Смысл рассказа заключается в его героико-патриотическом пафосе. Рассказывая о панике, охватившей «бежавших стадами» за реку солдат, Зуров устами своего рассказчика описывает героизм офицеров, до последнего выполнявших свой долг, добровольно шедших на смерть и любой ценой пытавшихся удержать дисциплину. «Мост в четверть километра, и вижу, под огнем, слепо проламываясь через застрявший обоз, бежит эта орда, проваливаясь в дыры, сталкивая в воду друг друга. Сыпятся в Двину, – рассказывает капитан. – А на берегу толчея, и те, что туда добрались, увидев мост, не глядя ни на кого, через него драпанули. “Братцы, – кричу я своим, – не бежать! Если останется кто в живых – это мы! Бей залпами, отходи тихо!”»²⁸.

Скромный герой, напоминающий толстовского капитана Тушина, не теряет присутствия духа, разумно командует оставшимися солдатами своего батальона, добросовестно исполняет свой долг. Капитану удалось организовать своих солдат, которые до вечера пулеметным огнем прикрывали мост от немцев. Когда пришел приказ отходить, солдаты направились к переправе и увидели страшные последствия паники: «И, Господи, мы видели ужас! Дыры эти самые, в которые падали люди, повсюду, убитые в ужасном положении висят, за перекореженное железо зацепившись, а там не так глубока уж Двина.

Глянул я вниз, и холодно стало – в воде артиллерийские повозки, кухни и пушки, а на мосту все завалено, кровью залито, – страшен не огонь немцев, а количество дыр, и – все перековеркано и перебито. Смотришь – то голова застряла меж перекладин какого-то Вани, то ноги торчат, – скользко, мозг, тело и кровь по дороге»²⁹.

Мост, по которому переходят оставшиеся в живых солдаты, до сумерек сдерживавшие пулеметным огнем атаки немцев и прикрывавшие отступление

---

26 Зуров послал рукопись С. Ю. Прегель в октябре 1946 г. для публикации в журнале «Новоселье», но рассказ не был напечатан. Машинопись была обнаружена в Русском Архиве Лидского университета в фонде Зурова (LRA. MS. 1068/24) и опубликована в 2015 году как приложение к переписке Зурова с С. Ю. Прегель. См.: Неопубликованный рассказ Л. Зурова «Дагмарский лес» [Публ. В. Хазана и П. Трибунского] // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2014–2015. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. – С. 601–605.

27 Существование топонима «Дагмарский лес» не удалось подтвердить, как и факт подрыва немцами этого леса. Однако автор дает указания на время событий (упоминается моральное разложение солдат после объявления «свободы», то есть после Февральской революции, день сражения — праздник Рождества Богородицы) и место (Якобштадтский укрепленный район, где воевал сто восемьдесят четвертый пехотный полк и двадцать восьмой армейский корпус).

28 Неопубликованный рассказ Л. Зурова «Дагмарский лес». – С. 604.

29 Там же. – С. 604.

соотечественников, становится для них дорогой из мира смерти в мир живых. После отступления последних русских частей мост взрывают.

Капитан со сдержанной гордостью рассказывает о доблести своего батальона («крепкая часть»³⁰) и с нескрываемой радостью – о преданности «настоящих солдат», которые не только не покинули командира, исполнив свой долг, но и после боя обустроили ночлег, наварили похлебки, дали батальонному ложку: «Тогда один говорит: ваше благородие, узнаете старых солдат верных <?> Луна взошла, Рождество Богородицы. Вот, думаю, вот когда опять семья-то единая <...> все опять хорошо, ладно, честно, по-братски»³¹. Что кажется особенно ценным в этом произведении Зурова – это представление о высшей справедливости, как будто некая сила хранит героев и вознаграждает их за честность, патриотизм и человечность.

Итак, мы увидели, что в прозе Зурова художественные локусы, наделенные мифопоэтическим значением границы: поле, лес, река, мост – занимают важное место. Согласно Ю. М. Лотману, пространство в художественном тексте может выражать и непространственные значения. В статье была сделана попытка показать, что в художественном мире писателя обращение к подобным локусам обусловлено значимостью широко понимаемого феномена пограничья как переходного состояния. Один из ведущих мотивов творчества Зурова – пребывание героя «на рубеже» – можно трактовать как отражение переломного момента в истории России.

Об авторе

Громова Алла Витальевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук и управления. Московский городской педагогический университет (МГПУ), Россия.

Alla Vital'yevna Gromova, Doctor of Philology, docent, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, Moscow City University (MCU), Russia.

E-mail: gromovaav@mail.ru

---

30 Там же. – С. 604.

31 Там же. – С. 605.

ПСКОВСКО-ЧУДСКОЕ ОЗЕРО КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ

Статья раскрывает отражение Псковско-Чудского озера в литературной памяти. Авторы путевых заметок XIX в. запечатлели озеро территорией рыбного промысла и приграничьем, где проживает смешанное население, подчеркнули величественность природной реалии. В послереволюционную эпоху актуализировалась барьерная семантика озера: оно стало символизировать отделенность советской России от остального мира. Литература второй половины XX в., подчеркивая защитительную функцию озера в историческом прошлом, открыла новую поэтическую этимологию – озеро-Чудо является символом жизненной энергии, силы и красоты.

Ключевые слова: Псковско-Чудское озеро, литературный образ, пограничье, путевые заметки, поэтическая интерпретация, первозданная мощь, метафора чуда.

A.G. Razumovskaya

PSKOVO-CHUDSKOYE (PEIPUS) LAKE AS A LITERARY IMAGE

The article deals with the image of Pskovo-Chudskoye Lake created in literature. The XIX century authors of travelogues depicted the lake as a fishing area and a border zone with a multicultural population, highlighting the magnificence of this natural phenomenon. In the post-Revolutionary period the focus was made on its semantics of the barrier separating Russia from the rest of the world. The literature of the second half of the XX century pointed out its protective function in the past, thus, revealing its new poetic etymology of a Miracle lake, a symbol of vigor, power and beauty.

Keywords: Pskovo-Chudskoye (Peipus) Lake, literary image, border zone, travelogues, poetic interpretation, primordial power, the metaphor of miracle.

Псковско-Чудское озеро – обширный водный бассейн на северо-западе России, по которому проходит граница с Эстонией. Являясь одним из крупных источников пресной воды, озеро с давних пор было зоной контактов финно-угорских и славянских народов. В данной статье предпринимается попытка выявить литературный образ озера, сложившийся в XIX – XX вв.

В поле зрения литераторов XIX в. озеро попало благодаря их путешествиям по псковской земле. П. И. Якушкин в своих путевых заметках 1859 г. оставил интереснейшие свидетельства о повседневном труде псковских рыбаков¹, не уделив при этом внимания самому озеру. Зато Н. Л. Пушкирев в своем поэтическом произведении «От Дерпта до Пскова» отметил обширность и своенравие озера: «Кругом все тот же Пейпус дикий»². Использование эстонского названия Пейпус³ объясняется тем, что поэт пересекал его с лифляндского берега на псковский.

1 Якушкин П. И. Путевые письма. II. Из Псковской губернии // Якушкин П. И. Соч. / Вступ. статья и коммент. З. И. Власовой. – М.: Современник, 1986. – С. 95–153.

2 Пскова негасимый свет. Сборник стихотворений. – Псков, 2003 – С. 76.

3 О семантике названия см.: Манаков А. Г. Псковско-новгородская топонимия в

В очерке В. П. Желиховской «По старой российской окраине» 1893 г., напротив, описывается водное путешествие из Пскова «к озеру Пейпусу, Чудскому тож»⁴, и здесь читатель знакомится не только с житейскими сценами, но и с картинами, пропущенными сквозь призму эмоций автора, его размышлений.

«Вот оно – Псковское озеро, со своими топкими, зелеными островами, попеременно кишачими то рыбой в весенний разлив, то дичью во время засухи.

Низкие берега уходят вдаль, расползаются вместе со своими деревнями, где все – от мала до велика – рыболовы. Всех кормит рыбацкий широкий промысел! Всю Русь православную засыпает Псковское озеро мелкой рыбешкой – снетками серебряными». Писательница передает похвалу этой местной рыбе, услышанную из уст пожилого талабского рыбака: «снеточек – а – пскопской одна сласть!.. Постникам – главная снедь; монашествующей братии – первое угощение, а нам, Псковичам – хлеб насущный».

Далее Желиховская рисует величественную красоту озера, замечая в нем роскошь красочных пятен:

«Тут мы вышли на простор, словно в открытое море. Берега еле виднелись туманными полосками, отовсюду нас охватывала ширь и гладь, блиставшая инде как опал, а инде золотом переливавшаяся. Высоко в ярко-голубом небе клубились разрозненные облака, то наводя на нас прозрачные тени, то испещряя мимолетными пятнами озеро. Видневшиеся изредка вдали островки представлялись ярко зелеными изумрудами, но скоро и их не стало.

Вода и небо».

Авторское воображение наделяет озеро миражностью, обманчивой игрой света, что усиливает поэтичность восприятия: то свайные постройки деревни Горки словно висят «между небом и водой, в воздушном пространстве, непосредственно опрокинувшись в озеро отражением...», то Талабские острова «будто плавают в пространстве, отделенные издали от воды туманом, или миражною игрой воздуха, который переливается бесконечными красками». Желиховская не скрывает своего восхищения увиденной красотой.

Взгляд на озеро с другой, западной стороны представлен в книге доктора Г. Ю. Шульца-Бертрама «Записки балтийского идеалиста» (1868), который в одной из глав отметил сходство пограничных берегов: «На Лифляндской стороне продолжается череда русских рыбацких деревень, похожих на те, что и по русскую сторону. В глубину же не переселился ни один русский. Они остались на берегу, совсем близко к озеру, которое им кажется и мостом, и дорогой в древнее отечество. Им было бы нестерпимо жить среди чужих людей, вдали от вод своей прародины»⁵. Но при всем сходстве ландшафта автор обнаружил различия в ментальной сфере жителей, выделяя национальные и конфессиональные черты в их поведении и быте. Так в литературе XIX в. сложился многоаспектный образ озера: это и величественная водная стихия, завораживающая своей красотой, и территория рыбного промысла, и

свете теории формантов // Псковский регионологический журнал. – 2006. – № 3. – С. 115–135.

4 Желиховская В.П. По старой российской окраине // Псковский городской листок. – 1893 – 23.06. – № 48.

5 Шульц-Бертрам Г. Ю. Русские колонии в северо-восточном уголке Лифляндии. Пер. Шор Т.К. // Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф, текст. – СПб: Наука, 2005. – С.64.

приграничье, где проживает смешанное население.

В XX в. Псковско-Чудское озеро уже прочно вошло в орбиту литературной рефлексии. После провозглашения в 1918 г. независимой Эстонской республики возросла семантика пограничья – и в реальности⁶, и в художественном творчестве. В повести Вяч. Шишкова «Пейпус-озеро» (1924) образ озера выступил сразу в нескольких значениях. Это мощная водная стихия: «спокойные воды его были задумчиво суровы, и седой туман разметал свои гривы над поверхностью»⁷. Или: «Пейпус-озеро потеряло берега»⁸. Но автор обращается и к универсальной мифологеме «вода как путь в иной мир»: разочаровавшиеся в прежних взглядах участники Белого движения ценой страшных испытаний совершают переход с эстонской стороны на российский берег. Одновременно озеро является и символом жизни: «Мы как челноки: угнало нас бурей с родных песков, прибило к чужому берегу, посадили нас на привязь, а вот теперь и причалы обрезали: плыви, кто куда желает... Эх, жисть!»⁹. Шишков также обогащает образ, метафорически соотнося озеро с душой главного героя, блуждающей в поисках верного пути: «от этой грани, из береговых туманов он должен твердо вступить на крестный путь, может быть, похожий на стезю к Голгофе»¹⁰.

Та же суровость, грозность водной стихии подчеркивается писателем-эмигрантом Л. Ф. Зуровым, наблюдающим озеро из-за пограничной линии: «На грифельной, грубого цвета, воде всплывали Талабские острова. Дикое, разбитое ветром и проносящимися косыми ливнями Псковское озеро уходило в Россию. Оно было земляных, грозных цветов. Виден был под дождем советский берег, белые воды усть-Великой, болотистые, замутненные берега. Озерные воды уходили на запад к тем берегам, на которых с немецкими рыцарями бился Александр Невский. А вправо – граница. Вышка с мокрым, почерневшим красным флажком отмечала низкую, проволочную черту, что уходила полями из Эстонии в латвийские болота, на юг, в леса Белоруссии...»¹¹. В глазах изгнанника родной северный край таит угрозу, недружелюбен и суров: «А волна била сильно, ее гнало из-за советских островов, из России, где под ветром косо ходил серый парус русской ладьи»¹². Или: «Ветер от Псковского озера, ледяной русский ветер»¹³, «от русского ветра деревенели мокрые щеки»¹⁴. Образ русского ветра вызывает ассоциацию с блоковской метафорой революции, но у Зурова это и метафора жизненных испытаний, невзгод, пережитых в эмигрантском рассеянии: «От сорванной ветром с гребней влаги у меня смокло лицо, и было чувство, словно меня здесь второй раз крестили русским ветром и русской водой»¹⁵. Очерк «Дыхание России» открывает описание крестного

6 См.: Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. – Тарту, 2004.

7 Шишков В. Я. Пейпус-озеро // Шишков В.Я. Собр.соч. в 8 тт., т.2 – М.: Правда, 1983. – С. 214.

8 Там же, с. 332.

9 Там же, с. 285.

10 Там же, с. 341.

11 Зуров Л.Ф. Дыхание России // Зуров Л.Ф. Статьи и письма (ред.- сост. А.Пономарев) – М.: б.и., 2014. – С. 222.

12 Там же, с. 223.

13 Там же, с. 222.

14 Там же, с. 223.

15 Там же.

хода в память обороны Пскова от Стефана Батория, когда «избитые дождем и ветром, простоволосые, с мокрыми головам рыбаки несли мокрые иконы, залитые золотом московских царей, затканые псковскими и новгородскими жемчугами»¹⁶. Так озеро символизирует не только рубеж Русской земли, не только отделенность России «от всего мира цепью пограничных кордонов», но и разделение России на православную и советскую, исконную и новую.

Если Л. Зурову важно подчеркнуть связь озера с древним псковским краем (потому оно и называется «Псковское»), то в литературе второй половины XX в. чаще всего используется гидроним «Чудское озеро». У российских литераторов одно из важнейших значений озера связано с защитой русских рубежей. В слиянии речных и озерных вод усматривается проявление первоизданной мощи, стихийной силы псковской земли и подтверждение ее непобедимости: «Как щит огромный – озеро Чудское, / Как острый меч – Великая река»¹⁷, «... слившийся с водами Псковы-Плесковы, прямой и светлый ее [Великой – А.Р.] поток уходит к Озеру, смыкаясь с ним, как меч со щитом»¹⁸. Неслучайно символика Чудского озера связана с Ледовым побоищем 1242 г.: «Еще Чудское озеро / Весна не разморозила, / Еще вода дремучая / Затянута «стеклом». / Еще Чудское озеро / в апрель волну не бросило... / И рвется грозной тучей / Тевтонец напролом. / От западного берега – / Плащи и шлемы белые, / Рога при амуниции / И возглас: «На восток!»¹⁹, «А храбрый Невский собственным мечом / На озере Чудском крушил тевтонца»²⁰, «Грозное побоище Чудского, / Рыцарям принесшее позор»²¹. Правда, славные боевые события сегодня изображаются как воспоминания о далеком прошлом, например, в одноименном цикле Г. Дорогова: «Воспоминаний полны / Чудского озера сны. / Кажется, слышит оно / Эхо далёкой войны. // Озеро видит во сне / То, что случилось давно: / Люди в тяжёлой броне / Шли на глубокое дно. // Озеро видит во сне / То, что укрыли века: / Всадник на белом коне / Вёл за собою войска. // Ночь над землёй. Тишина. / Чудское озеро спит. / Снится ему старина. / Чудится топот копыт»²². Современным авторам свойственно освящать религиозной семантикой подвиг русичей на льду Чудского озера: «Преданья старины и летописи звуки / Зовут к твоим песчаным берегам. / Здесь шли бои, и стон смертельной муки / С аккордом волн стремился к небесам. / И здесь в шеломе и кольчуге бранной / Сражался князь, надежда россиян. / Как Божий гнев за честь страны попанной / Он душу полагал за родичей славян. / Прошли века, сменились нравы, речи. / И берег обмелел, и лес уже не тот. / Но пыль веков не замела той сечи, / Что в памяти хранит народ. / И благоверный князь живет не умирая, / В молитве близкий и такой родной, / Всю Русь хранит от края и до края, / И шепчет озеро о славе

16 Там же.

17 Алексеев О.А. Осада. Драматическая поэма // Синева берегов / Сост. А.Бологов – М.: Современник, 1982. – С. 99.

18 Золотцев С.А. Псковская рапсодия. Книга стихотворений и поэм. – Псков: изд-во Областного центра народного творчества, 2003. – С.30.

19 Тиммерман О. В. Псковская Русь. – Псков: Псковское возрождение, 2003. – С.154.

20 Федотова Л.В. Псковские веси. – Псков: Псковское возрождение, 2003. – С. 8.

21 Мухин В. Псковщина [Электронный ресурс]: Стихи. ру. – Режим доступа: <http://stihi.ru/2014/01/19/7238> – Дата обращения: 15.11.2016.

22 Дорогов Г. Чудское озеро [Электронный ресурс]: Стихи.ру. – Режим доступа: <http://stihi.ru/2014/04/06/2428> – Дата обращения: 15.11.2016.

боевой»²³.

Однако существует в литературной памяти и другое значение Чудского озера. Ассоциируясь с морем («Все мне близко, дорого: и разливы льна, / И Чудского озера синяя волна»²⁴), оно покоряет своим простором, вольностью, безграничьем: «Озеро Чудское./ Шире грудь!/ Чудь не беспокоит.../ Плещет чуть. // Чудо ли морское / Не сыскав,/ Камни или вои / Спят в песках?» (Е. Морозкина, 1966)²⁵ В то же время путем обыгрывания фонетики (Чудское – чудь – чудо) происходит зарождение поэтической этимологии, которая устанавливает смысловую связь не столько со славянским этнонимом «чудь», обозначающим древних эстов и другие финно-угорские племена, но и с метафорой чуда.

Подобное значение встречается в творчестве С. А. Золотцева, который наиболее последовательно обращался к поэтической интерпретации образа. Для него озеро связано с древним торговым путем, благодаря которому чужеземцы могли любоваться прекрасным Псковом: «озерная чаша по имени Чудь./ ... Когда-то в нее из морского простора / варягов и греков заглядывал путь. / И гости, пройдя штормовую пустыню, / как будто в раю, озирали впервой / из камня взошедшую в небо твердыню / и сказочный храм со злаченной главой»²⁶. Чудское озеро ассоциируется и с рыбным промыслом, природными богатствами: «Там с высоких башен видишь озеро, / вспыхнувшее вдалеке. / Там на нерест под большими льдинами / поплывут снеток и уклея. / И пройдет сетями и корзинами / радостная чешуя»²⁷. Но в обобщенном виде свое представление о Чудском озере поэт выразил в прозаической миниатюре, которая может быть названа стихотворением в прозе:

«Вот оно, озеро Чудь, блещет вдали, с высот Изборской твердыни в ясный день виднеется его слепящее серебро на границе окоема. То самое «нелюдимое море», воспетое пушкинским другом Языковым, не даром же местные рыбаки морем его и зовут. Его болотистые берега пронизаны протоками, где, скрытые осокой и камышом, просмоленные челноки пахнут так же, как кровли шатровые на псковских башнях, а земля под ногами дрожит-трясется за версту от воды, и русалочьими вздохами да щучьими всплесками озвучена тишь на плавучих островах, режущих кожу тугими стеблями...

С большой высоты оно, море из двух озер с теплым протоком Узменем посередине, похоже на скрипку или на гитару, но на обоих берегах Чуди звенят-играют прежде всего гусли – да, гусли! И русские, причем уже не древние старцы, а молодые ребята вершат волшебство, держа в руках наследие Садко, и эстонцы, лишь зовут их по-разному. Гусли звончатые да яровчатые, гусли-самогуды – вот музыка Чудского озера. И это ль не чудо! Оно выжило в краю, кровью истекшем, дотла спаленном в последнем германском нашествии,

---

23 Монахиня Сергия (Клименко) [Электронный ресурс]: Дух.ру. – Режим доступа: <http://dyhf.ru/ozero.php> – Дата обращения: 15.11.2016.

24 Виноградов И. Песня о Пскове // Песни псковских авторов. Антология песен псковских композиторов. – Псков: изд-во Областного центра народного творчества, 2001. – С. 65.

25 Морозкина Е.Н. Осенняя песня. – М.: Бослен, 2012. – С. 121.

26 Золотцев С.А. Псковская рапсодия. Книга стихотворений и поэм. – Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2003. – С. 61.

27 Там же, с. 29.

и сегодня они не раздавлены «тяжелым металлом» и прочими лавинами безродного и тупого озверения, которое накатило на нас...

Звени, звени, Святая Русь!

Не замолкай, гусяр, над озером-Чудом...»²⁸.

С. Золотцев, как и Е. Морозкина, ассоциируя название озера со словом «чудо», обращается к возвышенной, немного торжественной лексике. Озеро предстает сдержанным, словно русский богатырь, и величественным («морем его и зовут»). В нем находит отражение загадочная красота русской природы, пронизанной народной культурой («русалочки вздохи», «наследие Садко»). Зрительный образ «слепящее серебро» вызывает ассоциации не только с водами озера – моря, но и с кольчугами, шлемами, мечами древних ратников. В его берегах скрываются челноки, пахнущие как кровли псковских башен. Лишь древняя и могучая твердыня – Изборск – может сравниться в силе с озером-Чудом.

Сегодня озеро, отрешенное от людей, от всего мира, с заросшими берегами, живет своей тихой, размеренной жизнью. Но оно для Золотцева по-прежнему воплощает мощь русской природы, силу русского духа. Это край, кровью истекший, но не сломленный «тяжелым металлом». Оно сохранило музыку древности, звучащую благодаря искусной игре на гусях. Поэт сравнивает форму озера со скрипкой или гитарой, но музыка здесь звучит гусельная: берега озера звенят-играют. Золотцев говорит о преемственности поколений (русских и эстонцев), хранящих и оберегающих это Чудо.

Итак, Псковско-Чудское озеро имеет значимое мифологизированное поле в общерусской и особенно пограничной псковской литературе. Являясь на протяжении долгих столетий пограничьем России, этот водоем обладает многими семантическими значениями, в том числе выступает символом жизненной силы, энергии и красоты.

Об авторе

Разумовская Аида Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Псковский государственный университет, Россия.

Aida Razumovskaya, Doctor of Philology, Professor of Department of Literature Pskov State University, Russia.

E-mail:aida1@list.ru

БОРЬБА НАРОДОВ С ФАШИЗМОМ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

В статье представлено антифашистское движение в Белоруссии, Латвии и России, на территории Псковской области. Обозначена роль и значение партизанского края во время оккупации. Перечислены крупные военные операции партизан, приведены фактические данные о численности партизанских отрядов, имена командиров, время и место военных операций.

Ключевые слова: антифашистское движение, оккупация, военные операции, партизаны.

L. A. Kholod

THE STRUGGLE OF THE PEOPLE AGAINST FASCISM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE BORDER AREAS

The anti-fascist movement of Belarus, Latvia and Russia on the territory of the Pskov region is presented in the article. The role and value of guerrilla region during occupation have got clear explanation. Large military operations of guerrillas are listed, the actual figures of number of guerrilla groups, names of commanders, time and the place of military operations are provided.

Keywords: anti-fascist movement, guerrillas, occupation, military operations, chasteners.

В июне 1959 г. жители приграничных районов Псковской области, Белоруссии и Латвии соорудили «Курган дружбы» – памятник о совместной борьбе русского, белорусского и латышского народов с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Никто тогда и подумать не мог, что спустя 30 лет произойдут события, которые положат начало забвению совместного боевого подвига народов.

Задача настоящей работы – напомнить, как боролись против общего врага русские, белорусы и латыши.

Когда началась Великая Отечественная война, на оккупированных территориях стали создаваться антифашистские подпольные организации. Делать это было очень трудно, поскольку оккупация проходила очень быстро, и поэтому всю работу приходилось проводить в тяжелых условиях оккупационного режима. Боевая программа деятельности – Директивное письмо Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик (СНК СССР) и Центрального комитета Всесоюзного Комитета Партии большевиков (ЦК ВКП(б)) от 29 июня 1941 года и постановление ЦК ВКП(б) 18.07.1041 года «Об организации борьбы в тылу вражеской армии». Надо сказать, что вначале антифашистское подполье было малочисленным, не хватало руководителей из числа местных жителей, не было опыта борьбы в тылу, не было четко налаженной связи с советским тылом, не хватало оружия и т.д. И тем не менее уже к осени 1941 г. действовали подпольные организации в Дно, Гдове, Ашеве, в Себежском, Красногород-

ском, Пустошкинском и других районах Псковщины. Особую роль в организации партизанского движения сыграло создание крупного партизанского соединения, сформированного из партизанских отрядов Порховского, Дновского, Ашевского, Дедовичского, Славковского, Островского районов – это была II Ленинградская партизанская бригада (командир – Н.Г. Васильев, комиссар – С.А. Орлов, начальник штаба – А.С. Афанасьев). В конце сентября 1941 г. она имела более 1000 человек и состояла из 9 партизанских отрядов.

Партизаны II Ленинградской партизанской бригады в течение осени 1941 г. очистили от немецко-фашистских оккупантов территорию в более 10 тысяч квадратных километров – впоследствии эта территория стала называться партизанским краем (120 км с севера на юг; 80 км с запада на восток).

Роль партизанского края трудно переоценить: здесь действовали органы советской власти (7 сельских советов), колхозы (60), работали школы, формировались партизанские отряды, создавались продовольственные склады, склады боеприпасов, вооружения; работали необходимые мастерские по изготовлению лыж, валенок, одежды и т.д.

Крупные военные операции партизан – Судома, Платевец, Муравино, Вязье и т.д.¹

Против края фашисты провели 4 карательных операции. В ходе 4-ой карательной операции им удалось ворваться в партизанский край, поэтому в конце августа – начале сентября было принято решение выйти из края и развернуть боевую деятельность во вражеском тылу у западной границы края.

Некоторые исследователи считают, что партизанский край перестал существовать, и установилось полное господство фашистов. Но стоит сказать, что хотя партизанский край перестал существовать в том виде, в котором он был, борьба продолжалась. На базе II Ленинградской бригады было создано несколько партизанских бригад.

Белоруссия.

Что касается Белоруссии, то следует сказать, антифашистское сопротивление в этой республике было исключительно активным. Один из первых партизанских отрядов был создан в Витебской области под руководством Р.В. Шмырева. Уже в июле 1941 г. партизаны провели успешные операции у реки Туровка, разгромили гарнизон в Сураже.

На Витебской земле активно действовала сначала подпольная группа, а потом партизанский отряд П.М. Машерова (учитель Рассонской средней школы, 23 года). В Рассонском районе также действовал партизанский отряд под командованием Р.А. Охотина. В Освейском районе сражалась партизанская бригада П.К. Захарова (директор МТС)².

Латвия

Антифашистское движение в этой республике развивалось очень сложно: короткий срок существования советской власти выявил 3 социальные группы населения:

1. Рабочий класс и бедное крестьянство – опора Советской власти частично ушла в Красную Армию, частично была арестована сразу же.

---

1 ЦГАИПД СПб ф. 0-116, опись 9, д. 1339, л. 9.

2 ЦГАБ, ф. 3500, оп. 4, д. 61.

2. Среднее крестьянство: часть поддерживала Советскую власть, но заняла выжидательную позицию; часть была выселена (репрессирована)

3. Опора фашистов – буржуазия города и деревни, а также националистическая интеллигенция.

Именно из них был создан аппарат оккупационных учреждений.

Оккупационные власти ликвидировали государственность Латвии, страна была включена в состав имперской провинции «Остланд» (глава – Розенберг). Латвия разделена на 4 округа, во главе которых стояли прибалтийские бароны и немецкие офицеры. Многочисленные полицейские и карательные отряды состояли из студенческих организаций айзсаргов, «Золотой молодежи», уголовных и деклассированных элементов.

И несмотря на такие условия, в Латвии возникли подпольные организации – в Лиепае (комсомольцы Старк, Пелнен), Балве (Бриедес, Перлов), Лудзенском уезде – в 1942 г. Руководители подпольной группы Лудзенского уезда установили связь с партизанскими отрядами Белоруссии и России и отправили к ним своих людей для обучения³.

В 1941 г. по заданию Центрального Комитета Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (ЦК ЛКСМ) в Латвию была отправлена группа молодежи под руководством А. Грома, которая устроилась на работу в Сашкинскую смолокурню – именно здесь был создан 1-ый в Латвии партизанский отряд – «Смолокуров». Этот отряд действовал с другими латышскими патриотами и установил связь с партизанским отрядом П.К. Захарова. Отряд Грома переправлял латышских патриотов в партизанские отряды Белоруссии и России, если им угрожала опасность⁴.

В 1942 г. партизанское движение на псковской земле в Белоруссии и Латвии вступило в новый этап: рост народного сопротивления активизировался. Особенно ярко это видно на примере партизанской бригады П.К. Захарова в Освейском районе Белоруссии; партизанских отрядов П.М. Машерова, Р.А. Охотина и Г.П. Герасимова в Дриссенском и Рассонском районах. Именно тогда отряд «Смолокуров» под руководством Грома перешел в Освейский район и стал сражаться на белорусской земле. В отряд Захарова перешли 80 человек, в том числе 40 латышских партизан.

В мае 1942 г. в латышскую партизанскую группу бригады Захарова прибыл И. Судмалис, впоследствии Герой Советского Союза, а в то время секретарь комсомольского комитета Лиепаи, член ЦК ЛКСМ Латвии. Когда немецкие фашисты зашли в Лиепаю, он с группой комсомольцев пробрался в Ригу и создал подпольную организацию. Летом 1942 г. Судмалис сражался в рядах партизанского отряда Грома, затем перешел линию фронта и побывал в Москве. В конце 1942 г. во главе со спецотрядом прибыл в отряд Грома, участвовал в операции у деревни Мальковщина Освейского района. После операции в 1943 г. был переброшен с несколькими латышами в Ригу, где стал уполномоченным ЦК ЛКСМ. В 1944 г. после успешного срыва «митинга протеста» против московской конференции министров иностранных дел Судмалис был арестован гестапо и после пыток казнен⁵.

3 Самсон В.И. Партизанское движение в северной Латвии в годы Великой Отечественной войны. – Рига, 1951. – С. 33-35.

4 ЦГАЛ, ф. 302, оп. 1., д. 2, л. 164.

5 Там же ф. 302, оп. 1, д. 38, л. 32-36.

Латышские и белорусские партизаны провели успешную операцию в Шкяуненском волостном центре: перебили охрану, уничтожили списки людей, намеченных для отправки в Германию и весь архив полицейских участков. Кроме этого, партизаны окружили и отрезали фашистские гарнизоны в Рассонах и Освее. В это же время латышские и белорусские партизаны установили связь с отрядами Себежского района и вместе с русским провели ряд диверсий на железных дорогах участков Лудза – Полоцк; Полоцк – Невель.

Большую роль в совместной борьбе сыграла созданная особая оперативная группа, куда вошли уполномоченные ЦК КП Латвии Ошкалн, Петерс, Палдинь. Они должны были координировать деятельность партизан в Латвии, Белоруссии и Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР). Так, партизаны под руководством Самсона, Лайвиньша, Каунужа и др. участвовали в операциях II Ленинградской партизанской бригады, в частности в отражении карательных операций в районе деревни Заполье, на дороге Чихачево – Старая Русса.

В 1942 г. латышские партизаны были объединены в Латышский партизанский полк «За советскую Латвию!». Командир полка – Лайвиньш, комиссар – Ошкалн. В рядах полка сражалось более 200 человек. Летом 1942 г. полк провел рейд по территории Псковщины вместе с ленинградскими партизанами. Двигаясь по территории Ленинградской области, латышские и русские партизаны разгромили Горбовский гарнизон в Славковском районе, а также у деревни Сорокино, где уничтожили более 140 немецких солдат⁶.

Латышский партизанский полк простился со своими русскими товарищами у Пушкинских Гор и двинулся с боями к границам Латвии. Однако гитлеровцы сумели разделить полк и уничтожить многих партизан. Несмотря на то, что латышским партизанам не удалось перейти границу, рейд сыграл важную роль в развитии партизанского движения и в Латвии, и в России, и в Белоруссии.

Ошибки:

1. Разделение крупных соединений на мелкие группы;
2. Маршрут перехода неудачен – крупные гитлеровские соединения на этой территории;
3. Уменьшилась связь с русскими и белорусскими партизанами. Партизанский полк возвратился в Партизанский край.

В результате успешных боевых действий русские, белорусские и латышские партизаны в Освейском, Рассонском и Дриссенском районах Белоруссии, в Себежском, Идрицком, Пустошкинском районах создали Братский партизанский край – особая страница истории партизанской борьбы. Для нас важно отметить, что в сражении за Братский Партизанский край сражались калининские, белорусские и латышские партизаны. В конце 1942 г. – начале 1943 г. было проведено 56 крупных боев, разгромлено 8 вражеских гарнизонов, 5 полицейских гарнизонов, 16 волостных управ. После этих операций латышские партизаны достигли Освейского района Белоруссии и перешли на территорию Латвии⁷.

Тесную связь с белорусскими партизанами имела и бригада под

---

6 Там же ф. оп. 1, ф.33, л.л. 30-31.

7 Сарченко Г.Ф. В строю бессмертных. – Псков, 1964. – С. 187-189.

командованием Ф.Т. Бойдина, которая действовала на территории Себежского и Опочецкого районов.

В конце 1942 г. Центральный Комитет Коммунистической Партии (ЦК КП) Латвии направил на оккупированную территорию группу под командованием Озолина и спецотряд под командованием Самсона. Немецкое командование узнало о продвижении партизан и решило окружить партизан в деревне Тимонино Кудеверского района. Сделать это им не удалось: противник понес потери и отступил, но не оставил надежды на уничтожение латышских партизан. На помощь латышским партизанам пришли русская партизанская бригада В.И. Марго, которая помогла латышам начать боевые действия на территории Латвии.

В Братском партизанском крае русские, белорусы и латыши сражались вместе. Основные партизанские силы стояли на границах края: в южной части – белорусские партизанские бригады Охотина, Захарова, Герасимова. В северной части – калининские Марго, Буторина, Лисовского, Гаврилова. В западной части – латышские партизаны Самсона, в восточной части – русские и белорусские партизанские отряды. В 1943 г. партизанские бригады совершили одновременный налет на 8 вражеских гарнизонов, расположенных на железнодорожном участке Борковичи – Дрисса, а также на гарнизон фашистов в Себеже. В том же 1943 г. (январь) партизанские отряды атаковали фашистский гарнизон на территории Латвии в местечке Вецслобода⁸.

Говоря о совместной борьбе, нельзя не отметить, что не только вооруженная борьба связывала партизан 3-х братских республик на территории края: здесь действовали сельские советы, комендантские партизанские участки, организована самооборона, проводились сельскохозяйственные работы и т.д. На 3-х языках выпускались газеты, листовки, плакаты: газета «Витебский рабочий», «Пролетарская правда», «Пар Дзимтени» (За Родину), «Молодой латыш».

В 1943 г. шли особенно сильные бои в приграничных районах: в них принимали участие русские партизаны (партизанская бригада А.Н. Гаврилова), белорусские партизаны (партизанские бригады Р.А. Охотина, Лисовского, Лебедева), латышские партизаны (партизанские бригады им. К.К. Рокоссовского) в районе станции Дретунь, Себеж – Идрица – Полоцк.

Германское командование приняло меры для наступления на партизан в районе Идрицы (700 человек), однако партизанские бригады Прудникова, Семина, им. Фрунзе сорвали наступление немецкой армии. Оккупационное командование не оставило в покое партизан. Зимой, в феврале 1943 г. началось новое наступление, в котором приняло участие 20 тысяч карателей.

Первыми приняли бой белорусские и латышские партизаны. Для укрепления сил партизан ЦК КП Белоруссии направил уполномоченным Белорусского штаба партизанского движения А.Ф. Бардадына; главную часть борьбы с карателями взяли на себя партизанская бригада им. Короткина «За Советскую Белоруссию», Полоцкая партизанская бригада.

Именно в эти дни был создан единый штаб для координации действий русских, белорусских и латышских партизан. Белоруссия – Бардадын, РСФСР – Штрахов, Латвия – Озолин, представители Витебского обкома Всесоюзно-

---

8 Советские партизаны. – М., 1961. 616 с.

го Комитета Партии большевиков (ВКП(б)), Рассонского Районного Комитета (РК), командир партизанской бригады им. Фрунзе Захаров. Был создан план операции: оборона на территории Рассонского района (Бардадын), на севере края – партизанская бригада под командованием Захарова, на западе – латышские партизаны Озолия. В это же время была сформирована крупная латышская партизанская бригада Лайвиньша. Основные силы врага были направлены против латышских партизан, однако латышские партизаны прорвали оборону врага и соединились с подошедшими к ним русскими партизанами. Белорусы в это время укрепились на правом берегу реки Свольня (20 км)⁹.

Все эти успешные операции привели к освобождению территории Братского края. Успешной была и «рельсовая война», которую вели партизаны: латышские партизаны Самсона только за 2 месяца 1943 г. взорвали 5 воинских эшелонов; партизаны Захарова – за 1 месяц 9 вражеских эшелонов; партизаны Марго – в 1 ночь уничтожили 1113 рельсов и т.д.

За 1 месяц белорусские и латышские партизаны полностью вывели из строя участок железной дороги Латвия – Полоцк; Невель – Полоцк. Белорусские и латышские партизаны вместе с русским только в ночь 1 августа (5 бригад) взорвали 2150 рельсов, 6 железнодорожных мостов, десятки километров телефонно-телеграфной связи.

В конце 1943 г. гитлеровское командование решает провести новое наступление на партизан Братского края, но в местечке Клястицы (Белоруссия) фашисты были остановлены. В это время Советская Армия начала наступление, и калининские партизаны (Рындин, Архименков) прорвали оборону немцев и соединились с частями Советской Армии. С частями Советской Армии соединились и партизаны Охотина.

В конце 1943 г. фашисты сумели захватить шоссейную дорогу Полоцк – Клястицы – Себеж и заняли ряд населенных пунктов. В этой военной операции действовали слаженно русские, белорусские и латышские партизаны. Однако военные действия продолжать до лета 1944 г. Партизанам было сложно, т.к. немцы использовали и танки, и самолеты, и артиллерию. Но в январе и феврале 1944 г. произошло объединение с частями Красной Армии, но не во всех районах Белоруссии, Латвии и РСФСР. Чтобы ускорить освобождение с марта 1944 г. были созданы партизанские бригады (Самсон), в апреле партизанская бригада (Ратиньша) позднее партизанская бригада (Ошколна).

Весной 1944 г. немецкое командование провело «пасхальную чистку»: против бригад Марго, Бойдина, Гаврилова (сожгли 60 деревень, 300 жителей, 200 детей сожжены). Против латышских партизан действовала 16 полевая армия и несколько полицейских батальонов. На помощь латышским партизанам пришли русские партизаны Штрахова.

20 июня 1944 г. на берегу озера Белое собрались калининские партизаны, латышские и белорусские. Они объявили об окончании партизанской войны

Советское правительство высоко оценило заслуги партизан: командирам П.К. Захарову, М.С. Прудникову, В.П. Самсону, О.П. Ошкалну, П.М. Машерову, И. Судмалису было присвоено звание Героев Советского Союза. Тысячи партизан награждены орденами и медалями.

Об авторе

Людмила Аркадьевна Холод, кандидат исторических наук, доцент, почётный доцент Псковского государственного университета, Россия.

Lyudmila A. Kholod, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Honorary Associate Professor at Pskov State University, Russia.

ДИАЛЕКТНЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

**ПСКОВСКАЯ НАРОДНАЯ РЕЧЬ В ВОСПРИЯТИИ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ НОСИТЕЛЕЙ И СО СТОРОНЫ
(свидетельства прошлого и настоящего в научном освещении)**

Объективные особенности псковских говоров были настолько необычны, что уже в XIX в. заставили крупных учёных задуматься над причинами их присутствия в живом народном языке. В то же время XX в. второй половины «позволил» серьёзным исследователям подойти к разгадке некоторых вопросов и сделать дальнейшие выдающиеся открытия (С.М. Глушкина, В.В. Седов, А.А. Зализняк). Взгляд на подобные языковые явления «со стороны» являлся как аргумент в защите соответствующей научной гипотезы. Синхронно-диахронный подход к «своему» и «чужому» актуален при исследовании языка и речи в условиях псковского Пограничья.

Ключевые слова: синхрония и диахрония; «свое» и «чужое»; уникальность псковских говоров; взаимодействие языковых систем; балтские, финно-угорские, славянские контакты; древний псковско-новгородский диалект.

Larisa Kostiučuk

**PSKOV FOLK SPEECH PERCEIVED
BY RUSSIAN NATIVE SPEAKERS AND ONLOOKERS
(evidence of the past and the present from the academic perspective)**

Undeniable peculiarities of the Pskov dialect were so unusual that as early as in the 19th century prominent scholars were forced to think over the reasons of its existence in the current native language. In the meantime, the second half of the 20th century enabled serious researchers to come closer to unveiling some issues and to make further major discoveries (Sofya Gluskina, Valentin Sedov, Andrei Zaliznyak). Onlooking at such linguistic phenomena provided arguments to prove relevant academic hypotheses. Synchronic and diachronic approach to the “native” and “foreign” remains acute investigating the language and speech in the setting of the Pskov Borderzone.

Keywords: synchrony and diachrony; the “native” and the “foreign”; uniqueness of the Pskov dialect; interrelation of language systems; Baltic; Finno-Ugrian; Slavic contacts; old Pskov-Novgorod dialect.

В.В. Седов, глубоко изучив и классическую лингвистическую литературу (А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, Н.Н. Дурного, Н.М. Карский и др.), ознакомившись с Диалектологической картой русского языка 1915 г. и с современным подходом к диалектному членению говоров, с серьезными исследованиями диалектологов и историков русского языка (Р.И. Аванесов, К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев и др.), с новейшими уникальными исследованиями-открытиями XX в. разных десятилетий на псковском материале (прежде всего С.М. Глушкина, А.А. Зализняк, С.Л. Николаев), прекрасно зная славянскую европейскую археологию и российскую, в частности и псковскую, занимаясь многие десятилетия раскопками на Псковской земле, хорошо ориентировался в лингвистических

проблемах диалектного членения древнерусских говоров. Для нас важно, что исследователь разделяет предположение-доказательства С.М. Глускиной об изолированности псковских кривичей в определенный значительный период, когда не только восточнославянские, но и общеславянские процессы в области фонетики не затронули язык древних кривичей — предков носителей псковских говоров¹

И тем самым привлечение лингвистических исследований позволяло и археологу считать, что не свершившаяся в нашем регионе вторая палатализация заднеязычных согласных — это результат прохождения кривичей из средней Европы через территорию древних племен балтов и финно-угров и обоснования их у псковских водных пространств. Так создается в древности известное ныне наше псковское пограничье (приграничье).

Давно утихли дискуссии периода открытия «эффекта Глускиной». (Термин А.А. Зализняка: через много лет он узнал, что до его самостоятельного прихода к такому же выводу, пришла С.М. Глускина и что ее открытие давно обнаружено. И ученый признал первенство предшественницы².)

Следовательно, отсутствие уже в далеком прошлом только в речи кривичей (предков псковичей) непреложного общеславянского процесса-закона изменения заднеязычных согласных в результате так называемой второй палатализации, как и ряд других, определяющих необычность наблюдаемых учеными языковых особенностей псковских говоров, можно считать теперь признанным: именно на их основании говорят, вслед за А.А. Зализняком, о «древнем псковско-новгородском диалекте»³.

С публикацией в 2010 г. «Лекций по русской диалектологии» А.А. Шахматова в Санкт-Петербургском университете стало известно, что еще одно из удивительных псковских явлений типа слов **ЕГЛА** 'ель', **ЖЕРЕГЛО** 'жерло' предположительно уже объяснялось А.А. Шахматовым сторонним влиянием. Но ученый не признавал этот факт восточнославянским, т. е. каким-то особым. (Вспомним, что А.И. Соболевский предлагал объяснить такое звучание в псковских говорах польским влиянием на уже свершившийся процесс изменения общеславянских сочетаний *DL, *TL > *L с последующим «возвращением» двух согласных, но уже почему-то как [ГЛ], [КЛ] вместо получившегося в восточнославянских языках одного [Л]⁴).

Но вопрос оставался: почему и как это получилось?

И удачный прием С.М. Глускиной в первой половине 60-х гг. XX в. комплексно привлекать для объяснения несвершившейся второй палатализации данные археологии даже теперь, после детального исследования роли языка древних соседних племен в формировании ряда черт псковских говоров (поддержка

1 Głuskińska Z. O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich // Słavia orientalis. — Roc. XV. — № 4. — Warszawa, 1966/ — S. 475–482; Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных на русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Памяти Б.А. Ларина. Труды второй Псковской диалектологической конференции. — Псков: ПГПИ, 1968. — С. 20–43.

2 См. и Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

3 Там же.

4 Шахматов А.А. Русская диалектология: лекции / Под ред. Б.А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. — С. 53–56.

«наносная, сторонняя»), перспективно и убедительно используется и для случаев [ГЛ], [КЛ]. Важно признание следующего: была поддержка отсутствия указанного процесса только у изолированных кривичей, т. е. изменения общеславянских сочетаний *DL, *TL древними соседними балтскими языками. Для них, древних балтов, сочетания [GL], [KL] были типичны, как и у современных латышского, литовского языков до сих пор: общебалто-славянские слова EGLE, GERKLE ‘горло’ и многие другие типичны для этих языков (см. соответствующие национальные словари⁵, исследование-словарь Ю.А. Лаучюте⁶).

Радуют обнаруженные нами в псковских памятниках древние случаи: в летописях «**ВСЕГЛИ НА КОНЬ**» в значении ‘выступить в военный поход’⁷; в псковских грамотах XIV–XV вв. **МОЧИГЛО** ‘яма с водой для вымачивания стеблей льна при его обработке’⁸; многочисленные примеры с корнем **ЧЕТ-** / **ЧИТ-** / **ЧТ-** (в глаголах типа **СЧЕСТЬСЯ** — **СОЧТУСЬ** и с другими приставками) в Разговорнике Тонни Фенне 1607 г.⁹, составленном немецким купцом в Пскове на материале псковской речи того времени в помощь своим коллегам-немцам при ведении торговли, связанной и с Ганзейскими делами (то же обнаруживаем и в Разговорнике Томаса Шрове XVI в.¹⁰ тоже исходно на псковском материале). Приведем только один пример типа «**МЫ С ТОБОЮ СОЧКЛИСЬ, ЯЗЬ ТОБЕ НЕ ВИНОВАТЕ**» (подобные примеры многочисленны в обоих разговорниках).

(Сделаем попутное замечание еще об очень важном именно псковском явлении для слов в именных формах мужского рода, единственного числа именительного падежа у слов с бывшей основой на *ǫ: в кратком прилагательном **ВИНОВАТЕ** на конце написана буква «Е» вместо буквы «Ъ», обозначая звук [Е], в Разговорнике Т. Фенне; в грамоте Акилины, жены князя Федора, конца XV в. обнаружили «**КНЯЗЬ ФЕДОРЕ**» (в публикации Л.М. Марасиновой). Это отражение древней особенности в речи псковичей добавляет факты в обоснование теории А.А. Зализняка о «древнем псковско-новгородском диалекте», поскольку ученый обнаружил подобное и в новгородских берестяных грамотах¹¹. В современных говорах такое явление активно не встречается, а в древности эта особенность присутствовала.)

С учетом указанных черт, тем более справедливым представляется ссылка В.В. Седова на древнее балто-славянское единство в северо-западном регионе, предположительно существовавшее до окончательного формирования отдельных соответствующих языков — балтских и славянских. (Подчеркнем ценность трудов В.В. Седова, без которых давно уже и лингвисты не могут обходиться при желании понять формирования славянского сообщества, в

5 Латышско-русский словарь / Составил Я.В. Лоя. Содержит около 40000 слов с приложением краткой грамматики латышского языка / Фототипия с издания 1942 г. — М.: ЛГИЗ, 1946;

6 Лаучюте Ю.А. Словарь балтизмов в славянских языках. — Л.: Наука, 1982.

7 Псковские летописи. Вып. первый / Подготовил к печати А. Насонов. — М.; Л.: АН СССР, 1941; Псковские летописи. Вып. второй / Под ред А.Н. Насонова. — М.: АН СССР, 1955.

8 Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. — М.: МГУ, 1966.

9 Fenne T. Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. — Copenhagen, 1970.

10 «Einn Russisch Buch» T. Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz. II. — Kraków? 1997.

11 Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... — С. 82–85.

частности в условиях псковского Пограничья¹².)

И, конечно, так называемым «*гиперизмом*» в данном случае можно назвать редкое проявление по аналогии в псковских говорах диалектных слов типа **КЛЕЩ** в значении ‘лещ’ со звучанием [КЛ] (конечно, под влиянием «соседей»-балтов), но в начальной позиции слова, а не на границе корня и суффикса у славян-псковичей в словах типа **СОЧКЛИСЬ, ВСЕГЛИ**. Этот редкий и важный случай (**КЛЕЩ**) характерен для говоров Пограничья с Латвией (в частности, в пыталовских говорах).

Но надо учитывать, что с течением времени под действием «внешней лингвистики», по Ф. де Соссюру¹³, в говорах XX–XXI вв. многое изменилось: «приглушаются» яркие диалектные, в результате утверждается близость к литературному языку.

Поэтому так и важен внимательный сбор ценных диалектных материалов и грамотное оформление записей с бережным сохранением каждого факта (указание ударения в словах, отражение произношения хотя бы в так называемой «упрощенной транскрипции», рекомендованной Б.А. Лариным¹⁴). Ведь то, что «сегодня» воспринимается как ошибка, «завтра» явится основанием открытия. Такими были и те удивительные подчас «штучные», примеры у С.М. Глускиной по каждой из исследуемых ею псковских черт. Этому способствовали и предложенные Б.А. Лариным принципы полноты диалектного материала и привлечения исторических данных для отражения современного состояния псковских говоров в «Псковском областном словаре с историческими данными»¹⁵.

Иногда «встреча» разных систем у ряда соседствующих местных говоров или у одного местного говора, с одной стороны, и у литературного языка — с другой, заставляет диалектоносителя вдруг заметить, что в его речи, оказывается, есть что-то необычное. С распространением грамотности, разных средств внесения культуры в село в XX в., а с последней трети XX в. возникшие социально-экономические условия для ускоренного «умерщвления» деревень естественно привели к изменениям прежде всего в лексике говоров (неизвестными становятся, например, термины льна). Более сложным оказалось «забывание» случаев произношения типа **УГОРОД** (вместо исходного звука [О]), **ЦАВО** (цоканье и аканье), **В НАС** (вместо [У]), **УПАКАТЬ** вместо **ВПАКАТЬ** (а потом наоборот, когда оба варианта слова лексикализировались по причине частотности употребления). И т. д. И все-таки многие местные особенности становятся менее частотными, чем были в прошлом.

Потому-то и ценны замечательно грамотные в лингвистическом отношении, например, записи опочецкой речи 20–30-х годов XX в., исполненные А.И. Белинским — ученым-краеведом, учителем русского языка и литературы,

---

12 Седов В.В. Славяне в древности. — М.: Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1994; Он же. Славяне в раннем средневековье. — М.: Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1995.

13 Соссюр Ф. де. Внешние и внутренние элементы языка // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Перев. с франц. яз. Под ред. А.А. Холодовича. — М.: Прогресс, 1977. — С. 50–61.

14 Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря. — Л.: ЛГУ, 1961.

15 Там же. См. также: Ларин Б.А. [Вступление 1963 г.] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. — Л.: ЛГУ, 1967. — С. 3.

которому доверяли ученики и их родители, с которым они охотно делились своим богатством — материнской народной речью. Недавно обнаруженные рукописи А.И. Белинского внесены в состав источников «Псковского областного словаря»¹⁶.

Сейчас становится особенно понятным, почему замкнутое диалектное сообщество старообрядцев желало и желает сознательно сохранить свой язык, свои обычаи — укрепить свои «границы» (даже в XX–XXI вв.) в ближнем зарубежье (Эстония, Латвия, Литва), в дальнем (Польша). В этих местах много выходцев с Псковской земли со своей народной речью. Со стороны воспринимают они, конечно, прежде всего лексику из языка новых «соседей», например поляков. Как следует из словаря И. Грек-Пабисовой и И. Марыняковой, используют эти старообрядцы не только новое для них слово *MORCZEWKA* (польское), но и русское **МОРКОВЬ / МОРКОВКА** и, конечно, **БАРКАН** с однокоренными образованиями¹⁷. Последнее — древнее заимствование из финно-угорского, ставшее одной из «визитных карточек» псковских говоров.

С последней трети XX в. в лингвистике возник интерес к изучению соответствующей местной речи русских старообрядцев за рубежом и в нашей стране. Вспомним замечательную международную конференцию «Псковские говоры. История и диалектология русского языка» в 1995 г. в г. Осло (Норвегия), под руководством Я.И. Бьёрнфлатена, которая была посвящена псковичам — носителям уникальных говоров и их исследователям (с выходом в свет интересного ценного сборника¹⁸). Псковские говоры — неиссякаемый источник для такого изучения и в некоторых компактных поселениях ряда псковских районов (конечно, с меньшей сохранностью традиций, чем за рубежом, но все-таки с сохранением определенных особенностей в языке). Изучали и изучают русские говоры (обычно с псковскими корнями) в Эстонии (Т.Ф. Мурникова, Е.В. Рихтер, В. Мюркхейн, Х. Хейтер, О.Н. Паликова, А. Штейнгольд, коллектив под руководством Е. Кюльмоа в Тарту, О.Г. Ровнова из Москвы), в Литве (М.К. Сивецкене, О.Н. Шулене, Н.Т. Алексеева, В.Н. Чекмонас, Н.А. Морозова), в Латвии (М.Ф. Семёнова, В.Н. Немченко, А.И. Саница, Е.Е. Королёва).

Серьёзно интересовался псковскими говорами В.Н. Чекмонас на протяжении двух последних десятилетий своей жизни: неутомимый ученый собрал огромную по времени звучания запись псковской народной речи, изучая в основном фонетику (в частности, звуки [Ц] и [Ч]¹⁹), а в последнее время — некоторые особенности выражения предиката²⁰. Проводил сопоставление псковского материала с особенностями русских говоров в Литве. Исследователь разработал особый метод сбора и анализа материала,

16 Архив А.И. Белинского хранится в Опочецком краеведческом музее: Фонд А.И. Белинского.

17 Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce/ — Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Polska akademija nauk? 1980/

18 Псковские говоры. История и диалектология русского языка / Под ред. Я.И. Бьёрнфлатена. — Oslo: Solum Forlag, 1997.

19 Чекмонас В.Н. Особенности реализации согласных [Ц] и [Ч] в говорах Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка / Под ред. Я.И. Бьёрнфлатена. — Oslo: Solum Forlag, 1997. — С. 182–208.

20 Морозова Н.А., Чекмонас В.Н. К проблеме грамматического статуса и значений сочетаний **БЫТЬ**_{Прош.} + Л-овые формы глаголов в старообрядческих говорах Литвы // Псковские говоры: синхрония и диахрония. — Псков: ПГПИ, 2003. — С. 206–223.

используя и технические средства.

С.М. Глушкина своим научным подвигом при работе над словами типа **КЕП** разработала и обосновала прием подхода для выяснения причин некоторых особых явлений в псковских говорах глубокой древности при научном обосновании не случайности, а системности наблюдаемых отдельных проявлений языковых свойств. Объективно, как мы знаем, это признано в науке.

2017 г. — юбилейный для выдающихся ученых (100-летие С.М. Глушкиной, канун 125-летия Б.А. Ларина — для них псковские говоры ведь стали частью замечательной научной судьбы). А также 2017 г. — юбилей состоявшейся и реализуемой уникальной идеи Б.А. Ларина — 50-летие выхода первого выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными».

Не случайно к продолжателям дела этих ученых, в связи с их работой над «Псковским областным словарем» и над псковскими говорами обращаются и уважаемые исследователи прежде всего соседних новгородских говоров и даже археологи: что-то неизвестное, связанное с народным языком, может быть, известно в Пскове?

Такова история этого лета со словом **ПАСАК / ПОСАК...** У нас есть основания считать его «героем» соседства с латгальской балтской речью, как и удивительные псковские случаи типа «**ПОВЕЛИ ПОКОЙНИКА НА КЛАДБИЩЕ**», но зато «**ПОВЕЗЛИ КОРОВУ В ХЛЕВ**».

Но об этом может быть особый разговор в другое время.

Об авторе

Костючук Лариса Яковлевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русского языка как иностранного Псковского государственного университета, Россия.

Larisa Kostiuuchuk, Doctor of Philology, Professor at the Russian Language and Russian Language as Foreign Department, Pskov State University, Russia.

E-mail: anh57@yandex.ru

**ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ПСКОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
(ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИДИОМА)¹**

Работа посвящена выявлению лексико-семантических сходжений в говорах псковско-белорусского пограничья. Источниками исследования данного идиома являются диалектные словари русского и белорусского языков. В исследовательскую базу также вводится текстовая часть псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива. В статье обосновываются принципы создания специального словаря, отражающего лексические приметы пограничного псковско-белорусского языкового пространства.

Ключевые слова: псковско-белорусское языковое пространство, словарь идиома, словарь-конструкт.

N.V. Bolshakova

**THE LANGUAGE AND CULTURE OF THE PSKOV-BELARUSIAN
LANGUAGE BORDER ZONE
(LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF THE IDIOM)**

The work is devoted to the identification of lexico-semantic similarities in the dialects of the Pskov-Belarusian border region. Research sources of this idiom are the dialect dictionaries of the Russian and Belarusian languages. The text part of the Pskov dialect and folklore and ethnographic archive is also entered into the research base. The article substantiates the principles of creating a special vocabulary reflecting the lexical signs of the linguistic space of the Pskov-Belarusian border.

Keywords: Pskov-Belarusian language border zone, dictionary of the idiom, dictionary-construct.

Введение. Псковско-белорусская граница в контексте этнокультурных и языковых проблем. Территорией контактирования псковских говоров с белорусским языком является современный южнопсковский регион, своеобразие которого обусловлено длительной историей формирования этой особой этнокультурной зоны, причем основные события являются общими для истории южной территории современной Псковской области и северо-восточной части Белоруссии.

Имея общие корни и пережив сходные исторические процессы, современные северо-восточные говоры Белоруссии и южнопсковские говоры в известное время оказались разделенными административной границей, а сейчас занимают территорию, расположенную по обе стороны государственной границы.

Проблемы диалектных границ внутри восточнославянского языкового пространства тесно связаны с неоднократно осуществлявшимся

---

1 Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-24-04001.

административным делением, что не только затрудняет делимитацию языковых границ, но и вводит сугубо административный подход, в результате чего «немалое количество языковых изоглосс совпали с государственными границами Беларуси и России»². Отстаивая принципы научной достоверности, В. Н. Чекмонас указывал на последствия такого подхода в диалектологии, к числу которых он отнес факт, когда «вне внимания белорусской диалектологии остались <...> собственно белорусские говоры на территории России»³.

Основываясь на рассмотрении комплекса языковых признаков сопредельной псковско-белорусской территории, различные авторы в разное время приходили к общему мнению о единстве данного фрагмента восточнославянского лингвистического пространства и отсутствию резких внутренних границ⁴.

Таким образом, перед нами, несомненно, единая диалектная зона, разрезанная сначала административной границей, которая в последние четверть века является государственной. Это обстоятельство осложняет условия комплексного полевого обследования и в известной мере искажает представление о реальном состоянии языка на данной территории.

В целях выявления системных лексико-семантических схождений нами предпринята попытка создания специального сопоставительного словаря, опирающегося преимущественно на опубликованные лексикографические источники. Такой словарь, описывающий лексику, кроме того, позволяет выявить схождения на всех уровнях – от фонетики до синтаксиса.

Объект словаря. В типологии говоров для наименования приграничного языкового единства конкурируют два основных термина – «переходные говоры» и «смешанные говоры», каждый из которых имеет в диалектологии свою историю развития и употребления. Поскольку дифференциальные признаки типа говоров приграничья продолжают оставаться предметом научной дискуссии, то применительно к рассматриваемому псковско-белорусскому диалектному пространству считаем уместным использование термина «идиом», называющего языковое образование в функциональном аспекте.

Определяя содержание термина «идиом» (от греческого ἰδίωμα — особенность, своеобразие) как общего наименования «для обозначения различных языковых образований», В. А. Виноградов очерчивает область его использования для тех случаев, «когда определение точного лингвистического статуса языкового образования затруднено»⁵.

В последние годы этот термин, несмотря на его некоторую содержательную размытость, находит все большее применение. Так, в диссертации

2 Чекмонас В. Н. Из истории формирования белорусских говоров // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» / Рэдкал.: Г. Цырхун (гл. рэд.) і інш. — Мн.: Беларускі кнігазбор, 2001. — С. 29–46. — С. 30.

3 Там же.

4 Бузук П. А. Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў: Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў. — Мн., 1926; Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. — [Вып.] 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). — М.: Институт славяноведения РАН, 2008. — С. 118–179.

5 Виноградов В. А. Идиом // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. 10. — М.: БРЭ, 2008. — С. 702.

Е. В. Ерофеевой, посвященной описанию структуры различных подъязыков, в частности пермского региолекта, имеющих разный социолингвистический статус, обосновывается введение термина «идиом» континуальностью, «перекрещиваемостью» социолектов⁶.

Продуктивно использует термин «идиом» А. И. Буранова в диссертации, посвященной коммуникативной сфере непринужденного речевого общения на русском языке⁷.

Термин «идиом» традиционно употребляется также в тех случаях, когда существуют трудности в разграничении самостоятельного языка и диалекта⁸, а также для наименования пограничных языковых сообществ (например, татарско-башкирский идиом).

Источники словаря. Исследовательскую базу псковско-белорусского идиома составляют опубликованные диалектные словари, описывающие лексико-фразеологический фонд пограничной территории. Помимо лексикографических источников, в структуру словаря вводится текстовая часть псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива⁹.

Диалектная лексикография XX–XXI вв. развивается в территориальных границах отдельных восточнославянских языков. Достигнув безусловных вершин в научном описании лексико-семантического и фразеологического фонда народных говоров, теория и практика составления региональных словарей, тем не менее, не решает вопросов освещения этноконтактного взаимодействия языковых континуумов.

Выходящий с 1967 г. «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС)¹⁰ и его богатейшая картотека (хранится в СПбГУ и ПсковГУ) содержат лексику всех 24 обследованных районов современной Псковской области и частично территорий, в прежние годы входивших в состав данного административного объединения, а в настоящее время относящихся к Новгородской и Тверской областям России. Вместе с тем географические пометы к разрабатываемому слову в ПОС отражают многочисленные факты фиксации того или иного слова исключительно в южных псковских районах. Так, например, обследованные нами отдельные фрагменты словаря (на буквы Г, Д, З, И) путем сплошной выборки выявили около 300 таких лексем.

Таким образом, лексикографически разработанный псковский диалектный материал может служить отправной точкой для установления лексико-семантических схождений псковско-белорусского диалектного пространства. С этой целью к сопоставительному анализу нами привлекаются диалектные словари белорусского языка соответствующих территорий.

В белорусской диалектографии еще в 50-е годы XX в. прорабатывалась

6 Ерофеева Е. В. Идиомы как вероятностные структуры: социолингвистический аспект: на материале фонетического уровня: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — СПб., 2005.

7 Буранова А. В. Количественные признаки языковых идиомов: диалектная речь на фоне литературно-разговорной (на материале русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2015.

8 Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика : учебник для бакалавриата и магистратуры. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2016. — С. 73.

9 Хранится в научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований Псковского государственного университета.

10 Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1–26 / Под ред. Б. А. Ларина [и др.]. – Л. (СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2016.

идея создания словаря полоцких и витебских говоров, однако эта программа, к сожалению, не была реализована. И только в последнее 5-летие вышли диалектные словари белорусского языка, очерчивающие лексико-фразеологический состав северо-восточных белорусских говоров (хотя словарь полоцких говоров пока не создан).

В 2012–2014 гг. вышел важный для нас источник — «Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны»¹¹, в предисловии к которому справедливо указывается на широкие сферы приложения данных этого словаря. Авторы подчеркивают специфику особенного в историческом и этнографическом плане региона, лексику которого этот словарь представляет. Однако при этом специально не отмечается актуальность исследования псковско-белорусского пограничья путем привлечения данных словаря для сопоставления с псковскими диалектными материалами. Важным событием 2015 г. стал выход двухтомного лексикографического труда «Мова Сенненшчыны: дыялектны слоўнік», созданного на основе целенаправленного диалектологического обследования данного региона. Словарь систематизирует основной лексический фонд местного населения, с широким включением материала, отражающего традиционную духовную культуру¹².

К белорусским диалектным лексикографическим источникам следует, безусловно, отнести и изданный ранее (1979–1986 гг.) фундаментальный словарь говоров северо-запада Белоруссии и ее пограничья¹³. Несмотря на более широкий языковой ареал, охваченный этим словарем, но благодаря объему и репрезентативности словаря большой лексический материал может быть включен в сферу сопоставления с псковскими диалектными источниками. Другие диалектные словари Белоруссии (полесских, могилевских, гомельских, отдельных центральных говоров) для сопоставительного анализа не привлекаются из-за их относительной удаленности от рассматриваемой пограничной территории.

Таким образом, появление ряда авторитетных диалектных словарей, как русского, так и белорусского языков, создало возможность для проведения системного целенаправленного сопоставительного анализа двух контактирующих языковых ареалов.

Структура словаря. Словарь состоит из двух частей: дефинитивной части, построенной на сопоставлении семантической структуры слов, и полного конкорданса, организованного с отсылками к системе значений.

Структура словарной статьи. Основу структуры словарной статьи в дефинитивной части составляют данные диалектных словарей. Для организации словарной статьи использована модель сопоставительных двуязычных словарей, в связи с чем словарная статья «по горизонтали» разделена на две

---

11 Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / склад. : Г. К. Семянькова, Т. А. Грачыха, А. С. Дзядова [і інш.]; пад рэд. Л. І. Злобін (ч. 1), А. С. Дзядовай (ч. 2). – Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2012–2014.

12 Мова Сенненшчыны: дыялектны слоўнік. У 2 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ.; уклад. Н. М. Бунько [і інш.]; навук. рэд. В. М. Курцова, Л. П. Кунцэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 2016.

13 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. / [Уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. Грынавіцкене, Я. М. Рамановіч і інш.]; рэд. Ю. Ф. Мацкевіч]. – Мн. : Навука і тэхніка, 1979–1986.

части: псковскую и белорусскую с соответствующими ссылками на источники.

Из-за различий в фонетическом облике слова и особенностей орфографии в словарной статье для большинства слов не представляется возможным вывести инвариантную лемму. Например, заголовочному слову для псковского глагола ОТЧИНИТЬ в белорусской части будет соответствовать АТЧЫНІЦЬ ~ АЧЧЫНІЦЬ.

Таким образом, структура словарной статьи сопоставительного словаря «по вертикали» включает зону заголовка (как правило, составного) и зону дефиниции.

Итак, если первая часть словаря посвящена семантике, то часть вторая представляет собой полный конкорданс, где представлен весь иллюстративный материал — с отсылками к семантической части, для чего вводятся лексикографические значки, находящиеся в настоящее время в разработке.

Тип словаря в аспекте диалектной лексикографии. По объекту лексикографического описания словарь является сопоставительным лексико-семантическим словарем. По своим задачам и источникам это диалектный словарь. Несмотря на то, что его основной целью является отображение лексико-семантических параллелей в двух диалектных зонах, принадлежащих разным восточнославянским языкам, его вряд ли возможно отнести к полидиалектным словарям, т. к. лексикографируемый идиом представляет собой континуальное диалектное пространство. Принимая во внимание понятие кросскультурности, мы тем не менее подчеркиваем «псковоцентричность» словаря, т. к. определяющим для включения слова в словник является факт фиксации этой лексемы преимущественно в южнопсковской диалектной зоне.

Поскольку источниками данного словаря являются в основном произведения лексикографического жанра, причем это словари современных говоров, то тип словаря мы определили как синхронный словарь-конструкт.

Таким образом, словарь псковско-белорусского пограничья, будучи сопоставительным, имеет индивидуальные характерные черты в своей жанровой принадлежности, обусловленные спецификой самого лексикографируемого объекта.

Ожидаемые результаты. Проводимый сравнительный анализ лексикографических источников дает возможность более точно определить само понятие «белорусизма» для лексической системы говоров южной Псковщины: установить, стоит ли за тем или иным словом общебелорусский языковой факт, или это слово имеет локальный, диалектный, характер.

Сопоставительный словарь должен продемонстрировать роль лексических показателей в территориальном диалектном делении: выявление лексических маркеров позволит делать надежные выводы о локализации той или иной лексемы, а установленные лексико-семантические схождения послужат основанием для моделирования фрагментов некогда единой языковой системы.

Существенным представляется выявление тематических зон лексико-семантических схождений. В выделенном для сопоставления материале значительное место занимают слова-этнографизмы, отражающие традиционные постройки и их части, предметы одежды и обуви, пищи, предметы хозяйственной утвари. Эти факты схождений в области предметной лексики указы-

вают на неслучайность и глубокое родство не только в области языка, но и в сфере традиционной народной культуры.

Таким образом, словарь пограничья позволит связать лексико-семантические системы, имеющие историческую общность, но функционирующие длительное время относительно самостоятельно.

Перспектива создания словаря связывается с выполнением научной задачи, актуальной для истории восточнославянских языков и для отражения современного состояния междиалектных и межъязыковых отношений в аспекте проблем пограничья.

Об авторе

Большакова Наталья Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий научно-образовательной лабораторией региональных филологических исследований; Псковский государственный университет, Россия.

Bolshakova Natalia Valentinovna, Candidate of Philological Sciences, docent (Associate Professor), Head of scientific and educational laboratory of regional philological researches; Pskov State University, Russia;

E-mail: bolshakova55@yandex.ru

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС В РАССКАЗАХ СТАРООБРЯДЦЕВ ЭСТОНИИ

Данная статья посвящена гендерному дискурсу в рассказах староверов западного Причудья и острова Пийриссаар. Эмпирический материал рассматривается с учетом переплетения религиозного начала с другими значимыми для староверов концептами: семья, дом, труд.

Ключевые слова: диалектология, староверы, гендерный дискурс, диалектный текст, концепт.

V.P. Shchadneva

GENDER DISCOURSE IN THE STORIES OF OLD BELIEVERS OF ESTONIA

This article is devoted to the gender discourse in the stories of Old Believers of Western Prichudye and Piirissaar island. The discussion of the empirical material takes into account the intersection of religious beliefs with other concepts that are meaningful to Old Believers: family, home, work.

Keywords: dialectology, Old Believers, gender discourse, dialectal text, concept.

1. Введение

Данная статья¹ посвящена гендерному аспекту рассказов старообрядцев Западного Причудья и острова Пийриссаар. Поскольку староверы отличаются нацеленностью на строгое соблюдение канонов, то в свете современных изменений в обществе представляет интерес вербальное и невербальное воплощение гендерных отношений в старообрядческом социуме, традиции которого создаются взаимосвязью религии, семьи, дома, труда. Комплекс этих концептов предопределяет особенности содержательного и языкового отражения мужского и женского начал в диалектном дискурсе. Цель анализа — рассмотреть наиболее значимое для социально-религиозной концепции староверов проявление гендерных особенностей.

Материалом анализа послужили диалектные записи, выполненные преподавателями и студентами Тартуского университета. Объектом рассмотрения стали диалогические и монологические тексты: рассказы о семье, реалиях, событиях. В ходе анализа учитывались содержание и языковые факты, представленные в изданных² и неопубликованных диалектных материалах. Использовались и вербальные иллюстрации из диалектного словаря³.

1 Исследование осуществлено при поддержке гос. программы «Эстонский язык и культурная память», тема ЕККМ14-299 «Составление лексикона народной культуры старообрядцев Эстонии».

2 Очерки по истории и культуре староверов Эстонии I. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004.; Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II. Humaniora: Lingua Russica. Лингвистика X. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007.; Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III. Acta Slavica Estonica I. Лингвистика XV. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012.

3 Паликова О.Н., Ровнова О.Г. Словарь говора староверов Эстонии. — Тарту, 2008.

Не углубляясь в дискуссию о понятии дискурс, отметим, что, несмотря на различия в осмыслении, оно органично вошло в арсенал современной лингвистики и в силу своей емкости стало междисциплинарным. Диалектология в последние годы также обратилась к изучению своего материала с учетом дискурсивного подхода, который для исследования диалектного речевого пространства оказался весьма плодотворным. Об этом свидетельствуют как отдельные статьи, так и целый диалектологический раздел в коллективной монографии псковских исследователей⁴, наметивших пути дискурсивного анализа диалектного текста. При этом следует согласиться с Л. Я. Костючук, которая считает, что исследователь вынужден выбирать свой подход в многообразии толкований дискурса и аспектов его изучения⁵.

Для нашего анализа актуально соотношение понятий дискурса и текста, а также дискурса и концепта. Поэтому целесообразно предложенное **Н. В. Большаковой рассмотрение** всего диалектного речевого пространства как общего дискурса, особенности которого реализуются в рамках частных дискурсов⁶: конфессионального, темпорального, бытового, трудового, гендерного и др. Показательно, что данные названия одновременно характеризуют и концепты.

Диалектный текст и диалектный дискурс, как отмечает Ю. Н. Грицкевич, отличаются от других видов текста и дискурса спецификой сбора диалектного материала⁷: речь носителя диалекта в коммуникативной ситуации общения с собирателем зависит от целей последнего, поэтому любые диалектные записи являются лишь отражением естественной устной речи. Тематически разнообразны записи, фиксируя языковые факты и разновидности диалектных дискурсов, воспроизводят и свободное повествование, и направляемый собирателем в нужное русло диалог с информантом, и непрогнозируемую спонтанную диалектную речь. В любом случае текстовая составляющая соотносится с дискурсом как часть и целое, а результатом сбора материала оказываются фразы и тексты, связанные с разными частными дискурсами, одним из которых является гендерный.

Подчеркивание гендерных различий в беспоповских согласиях с их строгими конфессиональными нормами проявляется во всех сферах жизни. По этой причине в данном анализе учитывалось взаимодействие религиозного дискурса с семейным и трудовым.

2. Мужчины и женщины в религиозной жизни

Анализ диалектных записей свидетельствует о существенных содержательных различиях в тематике рассказов мужчин и женщин, что обусловлено комплексом объективных факторов: а) традиционное разделение труда; б) социальные изменения внутри конфессиональной группы, вследствие чего

4 Текст – Дискурс – Коммуникация. — Псков: ЛОГОС Плюс, 2011. — С. 10–195.

5 Костючук Л.Я. Современное диалектное и древнерусское псковское слово в тексте. // Текст – Дискурс – Коммуникация. — Псков: ЛОГОС Плюс, 2011. — С. 34.

6 **Большакова Н.В. Взаимодействие дискурсов в диалектном тексте** // Вестник Новгородского государственного университета. — 2009. — № 54. — С. 8.

7 Грицкевич Ю.Н. Особенности проявления категорий коммуникации в диалектном дискурсе // Вестник Псковского государственного педагогического университета им. С. М. Кирова. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки» — Вып. 9, Псков 2009, — С. 87.

информантами преимущественно оказываются представительницы женского пола; в) особенности гендерной психологии: в отличие от мужчин, женщины более впечатлительны, склонны к таинственности. Неслучайно в женских записях разного времени немало попутных вставок с пересказами снов. Психологически обусловлен и особый интерес женщин к религиозной тематике, которая, судя по записям, в мужской речи отражается значительно реже. Однако это не означает нерелигиозности мужчин (см. также пример 17)⁸:

(1) Я в клирос ходил до начальной службы, а после службы **пришлось крепко поработать**. Летом с отцом уезжали на строительство, а зимой — на рыбном промысле на озере, но **храм Божий не забывали** (Новая Казепель, 2001).

(2) Моя бабушка говорила: другой раз на собрании поспорют мужуки об чём-нибудь, так ейный отец — солнце пока не за лес — возьмёт подрушник <молитвенный коврик> под мышку и пошёл. «Мы говорим, что, наверно, поругавши с кем-нибудь. Придёт домой: «Где ты ходил?» — «Да сходил, пока солнце не за лес, попростился с йим. Мы поругались» (Новая Казепель, 2003).

Эти примеры показывают, что мужчины тоже поступают в соответствии с религиозными постулатами староверов: трудятся, не забывая Бога, просят прощения до захода солнца и др.

Духовная и материальная жизнь староверов изначально опирается на отраженную уже в названии общины идею времени, с которым связана религиозная концепция древлеправославных⁹. Их представления о мире обусловлены канонами, сформировавшими старообрядчество как обособленное этноконфессиональное сообщество, представители которого живут по древним канонам, начиная с рождения, а почитаемые ими религиозные книги изначально предписывают различие гендерных обязанностей мужчин и женщин. Заложённая во временном плане оппозиция мужское □ женское закреплена уже в неукоснительном соблюдении древнего обычая надевать при крещении на мальчиков и девочек кресты разной формы, о чем женщина-информант напоминает собирателям диалекта, повторяя часть цитаты из книги:

(3) Не должна быть утварь мужска на жане. У нас разные крясты для мужчин и для женщин. Так не бывает, чтоб одному и другому, тот и другой, не. Мужчине свой, нам свой. Вот это женский, вот такой покрой, это женский (Малые Кольки, 2005).

Различие мужского и женского начал сохраняется также в скромных мужских и более нарядных женских лёстовках — матерчатых или кожаных чётках староверов.

Наставниками староверы обычно выбирают уважаемых мужчин из своей среды. Однако негативные демографические изменения приводят сейчас к уменьшению доли мужчин внутри конфессиональной общины, вследствие чего женщины тоже могут становиться наставниками, что повышает статус женщины и отражается лингвистически: в смысловом согласовании по категории рода (5, 6):

(4) Устарел наш батька, таперь простой мужчина стал учить славяньску

8 Фонетические особенности говора представлены в примерах адаптированно.

9 Щаднева В.П. Темпоральные средства в языковой картине мира староверов Эстонии. // Русистика и современность. 18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей. — Рига: Балтийская международная академия, 2016. — С. 594–600.

грамоту, выучился и пошёл в моленну добровольно. В Кольках уже две женщины служат в моленных, *намест батек стоят, вси программы знают* (Новая Казепель, 2003).

(5) У нас батюшка женщина, Варвара. *Яна́ всю грамоту, всю свободно знает* (Кольки, 2005).

(6) И у нашей батюшки такой голос яркий, хороший (Кольки, 2005).

Уточним, однако, что роль наставника еще не означает права женщины осуществлять религиозные обряды.

В то же время староверки создают и свою женскую субкультуру, свое особое ритуальное пространство, в которое нет доступа мужчинам. К таким обрядам относится, в частности, по-разному называемый в разных деревнях праздник, который устраивают женщины по случаю рождения ребёнка:

(7) Дети рождались, так тогда приходили в наведы. <...> двадцать человек придёт, и все с пирога́м, вот после войны, и все идут с пирога́м. Только женщины (Желачек, 2004).

(8) Когда ва́руши <от эст. *varrud* ‘крестины’>, тогда никаких претензий к ба́бам не должны иметь. Ба́бы собрались, отмечают рождение ребёнка — это было как святой закон (Муствез, 2003).

В целом же диалектные тексты свидетельствуют о том, что роль женщин (особенно пожилых) в поддержании консервативно-охранительных воззрений весьма существенна. Именно они наиболее последовательно и строго придерживаются патриархальных норм, и, закрепляя своими действиями и высказываниями различие светского (мирского) и сакрального (священного), распространяют это противопоставление на членов семьи:

(9) Тётка наша ходила на исповедь перед Пасхой. Приходила и сразу мыла всю свою посуду, чашечки, ложечки — всё вымывала и ставила отдельно: «Моё не трогать! Вы мирские». Это после исповеди. Она намывала, и мы не имели права трогать её посуду, потому что мы были грешные, а она уже все грехи свои сдала́ (Калласте, 2003).

(10)

3. Мужчины и женщины в семье

Религиозной составляющей обусловлены и представления староверов о семье. Гендерные ограничения отражаются в их рассказах о быте и структуре семьи, родителях, разных жизненных ситуациях. Будучи убежденными в правильности именно *старой веры*, старообрядцы долгое время запрещали браки с иноверцами, в том числе и с представителями *официальной Православной церкви*. Тем самым положение в семье молодых староверок было зависимым, ибо в вопросе о замужестве они обычно подчинялись воле родителей:

(10) А бабушка — его мать — была красавица. Она была несчастна за красоту. Кто её хотел <сватал>, были другой веры, православные. Тогда строго было: родители не отдали, замну́ли её. А она хотела за этого, какой приехал за ней с России, они были российские, а мы были красногóрские <от Красные Горы, ныне Калласте> (Воронья, 2003).

Со временем жесткие правила были смягчены, и в наше время запрета на межконфессиональные браки нет, хотя в диалектных текстах содержатся упоминания о предпочтительности в этом случае крещения в старую веру:

(11) Ну, мирской тоже может стать христиа́нским, но всё равно он наш,

старовер должен быть. Он должен отмолиться, положить начал <читать начальные молитвы обряда> (Новая Казепель, 2008).

(12) А бабушка моя, Марья Павловна, была с русской стороны. Ее перекрестили из православных в староверы. Откуда? Подборовье — семь километров отсюда. А раньше же здесь озера не было — была речка только. И вот они ходили там, полоскались, а дед ходил снасти свои справлял, присмотрел <ее> (Желачек, 2010).

Кстати, в память об усопшем муже, который исповедовал новообрядческую веру, староверка порой хранит и его икону в божьем углу — под своей иконой, выполненной по старообрядческому канону. В рассказах о подобных фактах, а также в двойственном осмыслении слов православные и христиане, которыми староверы называют не только себя, но и противопоставляемых им приверженцев официальной церкви, можно усмотреть своеобразное проявление амбивалентности их религиозного мировоззрения.

Примечательно то, что сами женщины основную роль в семье отводят **мужчинам**. Во многих записях (и мужских, и женских) прослеживается мысль о *главенстве отца*:

(13) *Все деньги были у отца, вестимо. А когда я иногда выезжал на лошади с луком, продавать, — всё это приносил, отдавал отцу* (Новая Казепель, 2003).

Авторитет отца, даже невзирая на его требовательность, как правило, был и остается высоким:

(14) *А отец если сказал раз — всё. Второго раза не дожидай — тогда получишь!* Он строгий у нас был. Хороший (Воронья, 2003).

(15) *Я отцова дочка. <...> Если я чувствую, что ругаться надо идти, — я думаю отцовы слова: «Которое слово сказано — это проклятое, а которое не сказано — это святое»* (Воронья, 2003).

Особое почитание отца обусловлено **постулатами**, нацеленными на создание крепкой семьи, которая в идеале должна иметь не менее 9 детей. Сейчас такие большие семьи встречаются редко, но отношение к рождению детей закреплено в поговорках:

(16) *Раньше же семьи были большие, это теперь только один-два, от силы два, а так уже на одном заканчивается история. <...> Раньше говорили так старые люди: «Дал Бог детище, даст и пищу». И тяжело было, а всё равно все росли* (Малые Кольки, 2005).

Даже если женщине пришлось выйти замуж по настоянию родителей, за серьезное отношение к семье и любовь к детям положительно оцениваются и мужа:

(17) *<...> И особенно как он <муж> рябат любил, по няму можно было еще десять штук. Очень хороший семьянин. Они, бывало, другой раз и проштрафятся или что-то провинятся. Ну уж он не давал мне пальца на их положить* (Малые Кольки, 2005).

Готовя своих детей к самостоятельной жизни, староверы с малых лет воспитывают мальчиков как мужчин, обязанных содержать семью, а девочек как хозяек дома и помощниц мужа, ибо для миропредставления древлеправославных типично рассматривать женщину как половинку мужа. Поэтому в сознание детей внедряются самые разные гендерные нормы поведения: где

в моленной должны стоять мужчины и женщины, как должны одеваться и т. п. Кроме примера старших, значимы и яркие наставления, в том числе и библейского происхождения:

(18) <Из рассказа рыбака, давшего женщине рыбу> ... сразу крестится: «Ой, пришли тебе, Господи, с морюшка, с озера». Ну и поедешь, так и ребятам говорю: «Вот видишь, просто дающему рука не оскудеет». Вот дастишь, и яна́ крест там бросает, Бога просит, чтоб тебе пришёл <улов>. И мы как поедем, так рыбы, сколько хошь! (Желачек, 2004).

Здесь заслуживает внимания вера рыбака в то, что доброе дело вознаграждается.

(19) <Из рассказа о весьма небезобидной шалости в отношении продавца магазина: в сильный мороз дети заблокировали дверь ледяной горкой.> На всю жизнь было — уходим куда-нибудь, а мама: «Честь и совесть терять нельзя. Она должна быть всегда с собой» (Желачек, 2009).

Хотя в семье хозяином считается мужчина (отец, муж), в самом доме доминируют старшие женщины (бабушка, мать, свекровь), что в аспекте гендерных отношений уравнивает положение мужчин и женщин.

4. Мужчины и женщины в труде

Религиозные устои староверов определяют уважительное отношение к любой работе, ибо для представителей Древлеправославия упорный труд является не только обязательным элементом жизни и способом адаптации к географическим и социальным условиям проживания в иноязычной, инокультурной, иноконфессиональной среде, но и путем спасения души (подробнее о языковом отражении идеи труд см.¹⁰). В соответствии с разделением труда по гендерному принципу, домашнее хозяйство — дело женщин, а внешняя по отношению к дому трудовая деятельность с целью содержания семьи — дело мужчин. Раньше отцы, мужья вынуждены были подолгу отсутствовать, занимаясь, разными отхожими промыслами, например, строительством, которое, как и рыболовство, относится к одному из важнейших видов занятий староверов:

(20) Мужчины-то уязжали вси, мало здесь оставалось на лето мужуков. Они уязжали вси на заработки, му́рники были — каменщики. Уязжали вси в города — и на цело лето, а потом приязжали осенью домой (Воронья, 2003).

Разумеется, строили и для себя — порой не без помощи жен:

(21) И дом строил сябё. Водил <возил> каменья из лёсу, колол сам. Большой камень продолбал. Раз чатыре дюйма пороху присыпал, яна́ как вдарила, как вскинула, и ноги еле унёс. Белый порох сам составлял, ён толкú боится. Деревянным пúлком <от эст. *pulk* 'палка'> вбивал, сперва-то медный был, как вдаст (Малые Кольки, 1964).

(22) Свой дом самы построили. Я строил, баба <жена> кирпич резала, двое строили (Малые Кольки, 1964).

Традиционная для Причудья рыбная ловля — нелегкий и опасный мужской труд, с которым связан обширный пласт специальной лексики, охватывающий названия снастей, разнообразных приспособлений для лова в разное

10 Щаднева В.П., Паликова О.Н. Трудовые занятия старожилов острова Пийриссаар: лингвистический и культурологический аспект // Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III. — Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012. — С. 123–140.

время года, лодок, их частей, названия ветров и состояний льда, значимых для рыбного промысла и жизни рыбака и др. Эта лексика, как и строительная, чаще встречается в записях мужской речи, поэтому ее можно считать преимущественно мужской:

(23) И в серяди́не ешше́ надо коры́то <большая прорубь> разрубить, называли, куда опускали снасти. Потом оттудова клином таким, ешше́ девять тю́шек <маленькая прорубь, лунка> рúбим (Кольки, 2005).

Поскольку во время долгого отсутствия мужчин всё хозяйство ложилось на плечи женщин, то в сфере домашнего производства староверка была вполне самостоятельна. Особенности почвы западного Причудья способствовали созданию рациональной системы выращивания качественного лука: на высоких грядках с весьма глубокими междурядьями, где размещают сорную траву — компост для грядок следующего года. Поскольку огородом обычно занимаются женщины, то не исключено, что такую технологию придумали именно они:

(24) По центру оставляют полосу такую гряды́, а это всё <края грядки> распуска́ют в междугрядок, и останется такой грéбень. И вот по этому грéбню копают новый междугрядок на следующую весну. (Новая Казепель, 2008).

Иными словами, женщины не только обеспечивают быт большой семьи, но и вносят свой вклад в материальную культуру сообщества. В рассказах староверок обращает на себя внимание свойственное их речи устойчивое выражение «работать по-лошадиному», которое связано с упорным и тяжелым трудом. Кстати, в случае необходимости женщины выполняли и мужскую работу вне дома, и тем самым в труде оказывались отчасти равны мужчинам:

(25) У меня бабушка работала, будáры <большие парусные или моторные лодки для перевозки дров> разгружала. Они дрова возили (Новая Казепель, 2008).

Анализ гендерного дискурса показывает, что если женщины — главные хранительницы богатой религиозной и разнообразной бытовой лексики, то мужчины — рыболовецкой и строительной терминологии. Объединяет мужчин и женщин то, что они активно работают до глубокой старости, поэтому неудивительно, что в рассказах старообрядцев немало своеобразных паремий о поощряемом ими труде и отвергаемой лени:

(26) Легко смолить да к стенам становить <рассуждать со стороны, что сделал бы лучше> (Желачек, 2010).

Хотя рассмотрение речевого поведения диалектоносителей разного пола и используемых в текстах вербальных дискурсивных средств (см. пример 20) остается за рамками данной статьи, проведенный анализ обнаруживает гендерную обусловленность использования лексики. Тем самым корпус примеров свидетельствует как о содержательных, так и о языковых предпочтениях в речи мужчин и женщин.

5. Заключение

В диалектных записях отражаются как прежние консервативные каноны, так и определенное сужение их действия и в религиозной жизни, и в гендерных отношениях. При этом, как показывает материал, картина мира мужчин и

женщин **детерминируется** не только их ролью в старообрядческом социуме, в семье, но и их местом **в** пространстве. Если «мужское» пространство является преимущественно внешним (работа вне дома, долговременные отъезды), то «женское» — преимущественно внутренним (дом, домашнее хозяйство, женские обряды). Возможно, последнее является одной из причин того, что на страже конфессиональных норм и сейчас в первую очередь стоят женщины.

Об авторе

Щаднева Валентина Петровна, доктор философии (PhD), специалист по русскому языку колледжа иностранных языков и культур, отделения славистики Тартуского университета, Эстония.

Shchadneva Valentina Petrovna, doctor of philosophy, specialist on Russian college of foreign languages and cultures offices of Slavic philology of Tartu University, Estonia.

(372) 7475678 (домашний), (372) 53830982 (мобильный);

E-mail: valentina.schadn@mail.ru

ИМЕННОЙ СУФФИКС -ИН(А) В ЗАПАДНОПРИЧУДСКИХ И ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена изучению именного суффикса -ин(а) на материале западнопричудских и псковских говоров. Она содержит краткое введение в историю вопроса, описание методики сбора и первичной обработки западнопричудского лексического материала, знакомство с наиболее яркими чертами сходства и различия внутри лексико-семантических групп генетически связанных в языковом отношении регионов Западного Причудья и Псковской области.

Ключевые слова: западнопричудский диалект, псковский диалект, диалектное словообразование, именной суффикс -ин(а), лексико-семантические группы.

K. Haynovskaya, A. Shteyngold

PERSONALIZED SUFFIX - ИИ (А) IN NAMES IN THE ZAPADNOPRICHUDSKIKH AND THE PSKOV DIALECTS

The article is devoted to studying of a suffix - ин(а) on the material the zapadnoprichudskikh and the Pskov dialects. It contains short introduction in the historical background, the description of a technique of collection and preprocessing of zapadnoprichudsky lexical material, acquaintance to the most striking traits of similarity and distinction in lexico-semantic groups of the regions of Western Prichudya and the Pskov region which are genetically connected in the language relation.

Keywords: a zapadnoprichudsky dialect, the Pskov dialect, dialect word formation, a personalized suffix - ин (and), lexico-semantic groups.

0.1. К истории вопроса

Проблемы русского диалектного словообразования постоянно привлекают к себе внимание лингвистов, но сделанного в этом направлении по-прежнему недостаточно. На данный момент существует относительно небольшое количество работ, посвященных отдельным словообразовательным средствам, типам и моделям, ярко отличающим диалектную словообразовательную систему от литературной. То же можно сказать о работах обобщающего плана. Наиболее полно своеобразие диалектного словообразования отражено в учебном пособии «Русская диалектология» под редакцией Л. Л. Касаткина, соответствующий раздел которого написан О. Г. Гецовой¹. В нем автором описывается диалектный словообразовательный инвентарь и, в частности, именные словообразовательные средства, характерные для разных групп русских говоров и отдельных диалектов. В последнее время особую актуальность приобретают работы по диалектному словообразованию в связи с разработкой региональных этимологий и составлением диалектных словообразовательных и морфемных словарей.

Одним из ярких диалектных словообразовательных средств является именной суффикс -ин(а), до сих пор не описанный на материале русских

старожильческих говоров Эстонии и поэтому привлечший внимание авторов настоящей статьи.

Слова с суффиксом *-ин(а)* являются достаточно продуктивными в русском языке. В. И. Максимов назвал этот суффикс «загадочным» по причине его очевидной многофункциональности во всех славянских языках¹. Наличие у него разных функций — результат длительной исторической эволюции. Историческая судьба этого интересного словообразовательного средства привлекала внимание индоевропеистов (Г. Павский, К. Бругманн, В. Вондрак, А. Мейе) и славистов (О. Я. Гольдродт, А. Лескин, Ф. Миклошич, А. Вайан, Ф. Славский, Б. Конецкий, Л. А. Булаховский и др.)². Отдельно изучались его акцентологические особенности в разных славянских языках (Л. А. Булаховский, Л. Садник, В. А. Дыбо, В. В. Колесов)³. Описанию истории формирования некоторых терминов, оформленных с помощью этого словообразовательного средства (*сердцевина, клейковина, древесина* и др.), посвящена небольшая статья Г. А. Богатовой «Из истории слова *древесина*»⁴, а научной терминологии в целом, имеющей аналогичную структуру, уделил место В. И. Максимов⁵. Этому же автору принадлежат этимологические заметки об исходной семантике суффикса в составе существительных *мужчина, женщина*, а также опровержение специализированного «ягодного» значения этого суффикса в словах типа *калина, ожина, конюшина*⁶ и др.

В своих монографиях, пособиях по словообразованию и ряде статей этот ученый первым попытался всесторонне описать данный именной суффикс, детально проследив по памятникам его историю и обобщив богатый исследовательский опыт предшественников⁷. При анализе специфики аффикса В. И. Максимов опирался на древнерусские памятники письменности и современные записи устной народной речи. Им было установлено, что в русских народных говорах сохранились многие архаические черты суффикса *-ин(а)*, при том что в литературном языке они давно утрачены.

Большинство исследователей литературного русского языка частично затрагивали словообразовательные или лексико-семантические особенности слов на *-ин(а)* в своих учебно-методических работах по русскому словообразованию⁸. Уже давно учитывалась его семантика как при составлении грамматик, так и толково-словообразовательных словарей.

Значение единичности, передаваемое с помощью этого суффикса в калининских и смоленских говорах, явилось предметом специального изучения В. И. Нейштадта¹. А. А. Мошева рассмотрела отадъективные имена существительные с суффиксом *-ин(а)* в акчимском говоре², а М. Ф. Моисеенко дала характеристику абстрактных имен существительных с этим словообразовательным компонентом в волжско-свияжских диалектах³.

На псковском материале суффикс *-ин(а)* был рассмотрен Ю. И. Гарник в ее кандидатской диссертации⁴ и серии статей⁵. Научные работы этого автора обладают для нашего исследования первостепенной важностью в силу

1 Гецова О. А. Словообразование // Русская диалектология: Учебник для суд. филол. фак. высш. учеб. Заведений / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Н. Гецова и др. Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005. С. 86–108.

2 Максимов В. И. Загадка суффикса *-ин(а)* // Русская речь. 1969. № 1. С. 45.

3 Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975. С. 57.

генетической близости псковских и западнопричудских говоров.

0.2. Методика сбора и первичной обработки материала

Исследование именного суффикса *-ин(а)* на западнопричудском материале было начато с извлечения необходимого лексического материала из печатных лексикографических источников. Ими послужили «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики»⁴ (автор эстонской части — Т. Ф. Мурникова) и «Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся», составленный О. Н. Паликовой и О. Г. Ровновой⁴. Отбор лексики производился методом сплошной выборки. За основу был взят словарь О. Н. Паликовой и О. Г. Ровновой, представляющий наиболее полное собрание разнотематической западнопричудской лексики, а затем обнаруженные в нем лексемы проверялись по МСРСГП⁵. В процессе работы со словарями уточнялась семантика лексем, производился отбор наиболее адекватных иллюстраций. При отборе лексического материала методом сплошной выборки принимались во внимание все возможные варианты суффикса, а именно: *-ин(а)*, *-овщин(а)*, *-атин(а)*, *-овин(а)*, *-бин(а)*, *-лин(а)*, *-чин(а)*, *-анин(а)*, *-елин(а)*, *-ерин(а)*⁶, однако опускались диалектизмы с этим же суффиксом, но имеющие окончание *-ы* и относящиеся к грамматической категории pl. tantum (*крéсьтбины*, *зарúчины*, *закрúины* и под.). Следует отметить, что в получившийся словник были включены лексемы, в которых суф. *-ин-* может быть выделен этимологически (ср. *жичúна* ‘ячмень, глазная болезнь’ < *жито*; *вúкарина* ‘полный неповоротливый человек’ — ср. арх. *вúкора*, *вúкорь* ‘корявое, суковатое, гнилое дерево’⁷19) или предположительно, на основе косвенных данных. На синхронном срезе подобные лексемы являются немотивированными, хотя и членимыми — *булúсина*, *брúхонина*, *икрúина* и под. В общей сложности из словарных источников удалось извлечь 65 слов.

На следующем этапе исследования появилась настоятельная необходимость уточнить семантику ряда словарных лексических единиц. Это было актуально в случае наличия расплывчатой словарной дефиниции, несоответствия между семантикой и иллюстрацией, а также при отсутствии иллюстрации из эстонского региона. Данные сведения добывались путем направленного опроса информантов в течение 2015–2016 гг. На этом этапе исследования осуществлялась следующая работа.

1. Уточнялось значение тех лексем, для которых иллюстрации отсутствовали.

Например, в МСРСГП⁸20 слово *гадина* подано без иллюстрации.

4 Там же.

5 Богатова Г. А. Из истории слова *древесина* // Историческая грамматика и лексикология русского языка. Материалы и исследования. М., 1962. С. 201–210.

6 Максимов В. И. Структура и членение слова. Л., 1977. С. 93.

7 Там же. С. 86–90, 104–109.

8 Максимов В. И. Загадка суффикса *-ин(а)* // Русская речь. 1969. № 1. С. 45–49; Максимов В. И. Суффикс *-ин(а)* с усилительным значением // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 109–115; Максимов В. И. Образования с экспрессивным суффиксом *-ин(а)* в русских народных говорах // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972. С. 56–70; Максимов В. И. — Суффикс *-ин(а)* с выделительным значением в русском языке // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973. С. 122–130; Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975; Максимов В. И. Структура и членение слова. Л., 1977.

До уточнения

ГАДИНА (то же, что **гадания, гадица, гадюга**) -ы, ж. Змея-самка⁹.

После уточнения

ГАДИНА¹⁰, -ы, ж. Бранно. О скверной и вредной женщине.

*Я эту гáдину встречу, так «здрасьте» не скажу*¹¹.

Несмотря на отсутствие подтверждающей информации относительно наличия у лексемы *гадина* значения 'змея-самка', на данном этапе было решено оставить его в составе формируемого словника с целью дальнейшего прояснения семантики.

2. В других случаях в словарях фиксировалось одно из значений, в то время как в речевой практике жителей Западного Причудья слово являлось многозначным, и каждое из значений требовало иллюстративного подтверждения.

До уточнения

ГРУДИНА, -ы, ж. Грудь.

*В русской рубахи грудина завсягда была крестом вышита*¹².

После уточнения

ГРУДИНА, -ы, ж. 1. Передняя часть туловища человека. 2. Верхняя передняя часть рубашки, платья.

*Болит за грудinou*¹³.

*Грудина завсегда крестом вышита*¹⁴.

3. Проверке подвергалась также морфологическая форма слова, т. е. требовалось уточнить, существует ли слово с зафиксированным значением без суффикса -к-.

До уточнения

---

9 Потиха З. А. Современное русское словообразование. Пособие для учителя. М., 1970. С. 60, 84–85, 216, 257 и др.; Шанский Н. М. Имена существительные с суффиксом *-изна* в русском языке // Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову. Под общей ред. А. И. Ефимова. М., 1958. С. 330–341; Быкова. Л. А. Современный русский литературный язык. Морфемика и словообразование. Харьков, 1974. С. 32–34; Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. Москва, 1980. С. 46–47, 281–282; Балалыкина З. А., Николаев Г. А. Русское словообразование. Учебное пособие. Казань, 1985. С. 59, 74.

10 Нейштадт В. И. Суффикс единичности *-ина* (Из наблюдений над народной речью) // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1953. № 4. С. 40–43.

11 Мошева А. А. Отадъективные существительные с суффиксом *-ин(а)* // Морфемика и словообразование: Межвузовский сборник. Вып. II. Л., 1983. С.130–140.

12 ¹²Моисеенко М. Ф. Из наблюдений над диалектным использованием суффикса *-ин(а)* // Вопросы грамматического строя русского языка. Науч. ред. В. М. Марков. Казань, 1970. С. 36–46

13 Гарник Ю. И. Слова на *-ин(а)* в народной речи (комплексное изучение на материале псковских говоров). [Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук]. Псков, 2000. За возможность ознакомиться с содержанием данной работы авторы приносят искреннюю признательность Л. Я. Костючук.

14 ¹⁴Гарник Ю. И. Слова на *-ин(а)* в псковских говорах // Псковские говоры и их окружение. Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991. С. 70–78; Гарник Ю. И. К наблюдениям над словами суффиксом *-ин(а)* в псковских говорах // Псковские говоры и их носители (Лингво-этнографический аспект). Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1995. С. 54–56; Гарник Ю. И.— К образованиям с суффиксом *-ин-* в псковских говорах (заметки при обработке материалов для ПОС) // Псковские говоры: синхрония и диахрония. Под ред. Л. Я. Костючук. Псков, 2003. С. 52–56.

СВЕЖИ́НКА, -и, ж. Свежее мясо.

Со *свяжи́нки* много что сделаешь, а солонина надоёвши¹⁵27.

После уточнения

СВЕЖИ́НА (см. **СВЕЖИНИ́НА**, уменьш.-ласкат. **свежи́нка**), -ы, ж. Мясо только что забитого животного (свиньи).

Теперь *свяжи́ны* не поешь, никто борово́в не держит²⁸.

СВЕЖИНИ́НА (см. **СВЕЖИ́НА**) -ы, ж. То же.

Подобных слов с уточненной морфемной структурой и семантикой оказалось еще 27.

4. Еще одним шагом вперед явилась «проверка» на местных информантах лексем, поступивших из сопредельных областей и зафиксированных в МСРСГП¹⁶29 с территориальными пометами *Лат.*, *Лит.* Так, оказалось, что из 36 слов, бытующих в старожильческих говорах Латвии и Литвы, нашим информантам известны 14, причем некоторые из формально тождественных лексических единиц демонстрируют частичное или полное семантическое несовпадение. Остальные 22 лексемы в нашем регионе пока признаны неупотребительными (ср., в частности, *сна́врина*, *ружи́на*, *мостни́чина* и др.).

5. Наиболее существенным результатом работы следует признать обнаружение 92-х ранее не зафиксированных лексем. Этот материал был получен из разнородных источников: в ходе полевых исследований, путем обращения к печатным изданиям кафедры русского языка ТУ¹⁷30, магистерским работам студентов и магистрантов кафедры¹⁸31, диалектным аудиоматериалам кафедры русского языка ТУ¹⁹32.

В данный момент список имен существительных на *-ин(а)* включает 171 единицу, но он является потенциально открытым и может быть пополнен.

6. Предварительный анализ семантической стороны собранного материала привел к необходимости перестроить сформированный словник с учетом новых методологических оснований. В качестве самостоятельных заголовочных слов было решено представлять не только «классические» омонимы, что делалось и ранее (ср. *глуши́на* ‘крышка самовара’ – *глуши́на* ‘береза с шершавыми листьями’), но также все имеющиеся семантические варианты слов. Это было продиктовано потребностью более точно описать значение суффикса в составе всех фонетически тождественных единиц (ср. случаи типа *горошина* ‘одно растение гороха’ – *горошина* ‘зерно гороха’), т.е. было важно составить словник исходя из семантики суффикса, а не из количества образованных с его участием многозначных слов. В настоящий момент переработанный словник включает 198 позиций

15 МСРСГП — Немченко В. Н., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Под ред. М. Ф. Семеновой. Рига, 1963.

16 Паликова О. Н., Ровнова О. Г. Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся. Тарту, 2008.

17 См. прим. 15.

18 Эти варианты суффикса *-ин(а)* были получены по следующим словарям: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. В 2-х т. Т. 1. Москва, 2001; Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. Москва, 1996.

19 Архангельский областной словарь. Под ред. О. Г. Гецевой. Вып. 3. М., 1983. С.27–28.

0.3. Некоторые общие замечания относительно состава лексико-семантических групп существительных на -ин(а)

Благодаря обращению Ю. И. Гарник к разновременным и разножанровым письменным и устным источникам, в ее работе нашли отражение данные относительно 1800 диалектных единиц самой пестрой семантики и денотативной отнесенности. Многие лексемы, отмеченные в Псковском регионе (причем памятниками письменности значительной давности) на нашей территории не фиксируются, что в ряде случаев выглядит закономерно, учитывая тот факт, что начало диалектологической собирательской деятельности в Эстонии приходится лишь на конец 30-х гг. XX в.

Однако уже сейчас можно назвать определенный круг лексем, которые, напротив, бытуют на западном берегу Чудского озера, но не зафиксированы на Псковщине: *елúна, дúлина, блúчина, брúхонина, дяни́чина, вúжина, дверúна, закрúглина, зага́дина, икрúна, иржа́вчина, кало́шина, карзúбина, картóшина, кúслина* (ср. пск. *кислятина*), *кирпичúна, ма́точина, нижина́* (ср. пск. *низúна*), *осóчина, отцо́вщина, павутúна, перхотúна, печенúна, плотни́на, порчúна* (ср. пск. *порточúна*), *пылу́на, ра́ковина, редучúна* (ср. пск. *редчúна, редчúнина*), *рóзина, ряпушина, самоде́льщина, свежинúна* (ср. пск. *свежúна*), *сенúнина* (ср. пск. *сенúна*), *скорлупúна, стрекáвина, тростúнина* (ср. пск. *тростúна*), *ты́квина, ужина́, хархóтина, хибáрина, черни́на, щербúна, шокола́дина, щедрúна*.

Приведем примеры некоторых лексико-тематических групп, внутри которых наблюдается наибольшее расхождение между нашими регионами.

НАЗВАНИЯ ЛЮДЕЙ

Данный тип образования прямых наименований лиц по родственным отношениям, полу, профессиональной отнесенности на нашей территории крайне редок. Русскоязычные жители Эстонии не пользуются словами типа *мальчúна, ребятúна, девчúна*²⁰. Единичной фиксацией отмечено слово *докторúна* в значении ‘доктор-женщина’, в то время как псковские говоры в близком значении «знают» *фельдшерину* и даже *медици́ну* (‘женщина-медик’)²¹. Аналогично непродуктивный класс в нашем регионе представляют наименования родственников типа *вдовина́* ‘дочь вдовы’, *дочúна, бабу́лина, своя́чина*²². Из наименований лиц мужского пола, выделяемых по характерному признаку, в нашем регионе бытуют как метафоры (*була́сина, дубúна, скотúнина* (несведённая), *ва́карина, волчúна, бычúна*), так и нематафоричные образования (*плутúна* ‘хитрец’, *дурачúна*). В псковских говорах подобные первичные и вторичные номинации формируют многочленные ряды, четко противопоставленные на основе ядерной семы: ‘сильный’ – ‘слабый’, ‘здоровый’ – ‘болезненный’ и т.д., ср.: *долговязина, дубúна, тесовúна, лаба́зина* ‘высокий и крепкий человек’; *вака́рина, громозди́на* ‘громоздкий человек’, *засóхлина, гни́лина, захилья́жина, слабучúна* ‘худой, болезненный человек’ и др.²³. В числе

20 См. прим. 15.

21 Там же. С. 63–64.

22 Словообразовательные варианты *га даня, га дица, гадю га*, указанные в МСРСГП, нашим информантам не известны.

23 Аудиофайл записи UKSP_2015_A_Portnova2_KH.MP3, хранящейся в аудиоархиве кафедры рус. языка Тартуского университета. Сведения об информанте: Анна Семеновна Портнова, дер. Уус Казепяэ, зап. К. Хайновской, А. В. Штейнгольд, 2015 г.

признаков, на основе которых производится характеристическая номинация, чаще всего оказываются негативно окрашенные семы — ‘леность’, ‘сонливость’, ‘бедность’, ‘грубость’, ‘упрямство’. Из названий лиц женского пола по нашему региону можем привести только три: *га́дина*, *ва́карина*, *сволочи́на*, в то время как для Псковской области характерны: *ба́харина* ‘здоровая женщина’, *глупи́на* ‘глупая женщина’, *дробу́шина* ‘болезненная’, а также *задры́жина* ‘любимая женщина’, *ослабу́чина* ‘проститутка’ и др. Для обозначения любимого человека жители Псковской области достаточно активно пользуются словами общего рода: *залётина*, *дорожи́на*, *ягоди́на* и др.²⁴, что не находит поддержки в наших материалах.

НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ

Значительные отличия между нашими говорами заключаются также в составе одушевленных имен существительных, обозначающих животных. В Западном Причудье собирательными наименованиями домашнего скота являются *скоти́на* и *скоти́нина* (не трудно заметить редупликацию суффикса во втором случае). При этом одно животное именуется омонимичным образом (*скоти́на/скоти́нина*). Определить, о каком количестве животных идет речь, можно только контекстуально. Для диалектоносителей Псковского региона наименование *скоти́на* связывается, скорее, с коровой, овцой, поросенком²⁵. Помимо него существует также *скоти́нина*, *животи́на* как семантически более общие наименования. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения демонстрируют преимущественную денотативную отнесенность слова *животи́на* к мелким домашним животным, чаще всего — к кошке.

В русских говорах Эстонии крайне редки наименования сельскохозяйственных животных в зависимости от признака возраста, времени отела, хозяйственных качеств (ср. *пе́рви́зина* ‘впервые отелившаяся корова’, *бычи́на* ‘крупный бык’). В псковских говорах число подобных лексем очень велико. Ср. для коровы характерными являются наименования типа *ломина* ‘старая корова’, *тарлы́жина*, *ялови́тина*, для лошади — *ло́ншина* ‘одногодовалая лошадь’, *лени́на* ‘ленивая лошадь’, для свиньи мужского пола — *борови́на*²⁶.

Дикие животные в псковских говорах тоже значительно чаще именуются с помощью данного словообразовательного средства, чем в нашем регионе. Ср. *мышы́на*, *лосы́на*, *кряквина*, *воро́нина* и даже *верблю́жина*. Нам не известно также ни одного случая наименования с помощью *-ин(а)* насекомых или иных мелких существ. Ср. в псковских говорах встречаем *мушы́на*, *гни́дина*, *комари́на*, *вошы́на*, *осьви́на* ‘оса’, *пчели́на* и др.²⁷. Еще интересно отметить, что при очень развитом словаре рыбных наименований, в Западном Причудье в целом редки подобные образования на *-ин(а)*, исключения — *ры́бина*, *воблина*, *ряпушина*. Псковский материал и в этом отношении представлен бóльшим количеством единиц: *бели́на* ‘рыба типа белуги’, *беребри́на* ‘малек леща’, *снетови́на* ‘снеток’, *щу́чина*, *га́рвина* ‘плотва’²⁸.

24 См. прим. 15. С. 72.

25 См. прим. 23.

26 Там же.

27 См. прим. 15. С. 288.

28 Аудиофайл записи UKSP_2016_A_Portnova2_KH.MP3, хранящейся в аудиоархиве кафедры рус. языка Тартуского университета. Сведения об информанте: Анна Семеновна

НАЗВАНИЯ ПРОСТРАНСТВ И РЕЛЬЕФА

В нашем материале это не самая малочисленная группа, но и не очень объемная. В ней выделяются своей частотностью наименования влажных мест — *болóтина, пучíна, мочажíна, омшарíна* и локусов, связанных с лесом — *лядúна, боровúна, редучíна* ‘редколесье’, *плешúна* ‘место, на котором ничего не растет’. Тематически к ним примыкают наименования других водных объектов (*загúбина*), границ (*межúна*), неровностей поверхности (*кротовúна*), типов почвы, пашни (*нóвина, закру́глина*). В псковском материале каждому из этих слов соответствуют ряды из 5–6 единиц. Так, только для обозначения возвышенного места здесь используются лексемы типа *вершúна, горбúна, горúна, боровúна* ‘возвышенное песчаное место’, а низменного — *пáдина, впáдина, низúна, нúзмина* и др.²⁹

НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЧЕЛОВЕКА

В Западном Причудье достаточно многочисленной является группа наименований, связанных с традиционными формами сезонного промысла — рыболовством и строительством: *мáточина, островúна, жерздúна, поперéчина, полотнúна, прутúна*. Соответствующие тематические группы псковской лексики также достаточно многочисленны, что может служить дополнительным аргументом в пользу не только языковой, но и хозяйственной, культурно-этнографической близости населения рассматриваемых регионов.

На фоне лексического единства в пределах только что рассмотренной тематической области бросается в глаза резкое расхождение в составе и объеме наименований, обозначающих транспортные средства. Псковизмам типа *дровяшина, пашúна, логтúна, вершúна, возúна, побáлчина, санúна* и др.³⁰ пока не нашлось на нашей территории ни одного соответствия.

Названия частей тела, одежды, видов мяса в нашем случае тоже представлены незначительными списками слов.

0.4. Выводы

1. В данный момент исследование словообразовательной семантики суффикса *-ин(а)* на западнопричудском материале находится на начальной стадии.

2. Собранные отчасти описанные некоторый лексический массив, но «поведение» интересующего нас словообразовательного средства наиболее полно и точно может быть осмыслено только при учете максимального количества диалектных единиц с соответствующими формальными показателями и большого числа их контекстуальных употреблений

3. Первоначально было решено не включать в материал литературные единицы типа *свинина, долина, рябина* под. Теперь настало время пересмотреть принципы отбора материала в связи с открывшимися дополнительными сведениями относительно семантики и особенностей функционирования в

Портнова, дер. Уус Казепяэ, зап. К. Хайновской, 2016 г.

29 См. прим. 15.

30 Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Вып. I / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2004; Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Вып. II // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2007; Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III // *Acta Slavica Estonica I*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2012.

диалектной речи подобных «литературных» слов.

4. Сравнительный анализ состава лексико-семантических групп непременно должен быть продолжен, но уже сейчас можно говорить о превалировании псковского материала над западнопричудским почти во всех тематических областях, что свидетельствует о лучшей сохранности псковских говоров.

Об авторах

Карина Хайновская, бакалавр отделения славистики Тартуского университета, Эстония.

hesitantrina@gmail.com.

Анжелика Штейнгольд, PhD, лектор отделения славистики Тартуского университета, Эстония.

steingold@mail.ru.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ БЫСТРОТЫ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию лексических репрезентантов понятия быстроты на диалектном материале двух близкородственных языков: русского и белорусского. Изучение адъективной лексики с ядерной смысловой оппозицией признаков *быстрый / медленный* в сопоставительном плане выявляет сходные диалектные особенности в вербализации культурно значимого понятия быстроты.

Ключевые слова: понятие быстроты, смысловая оппозиция, адъективная лексика, псковско-белорусское пограничье, псковские говоры, белорусские говоры

N.A. Martynova

VERBALIZATION OF THE NOTION OF QUICKNESS IN CLOSELY RELATED LANGUAGES

The material presents a study of notion of Quickness in two closely related languages: Russian and Belorussian. The comparative study of adjectival lexis containing core semantic opposition of properties *fast / slow* shows that the languages possess similar dialectal features in verbalization of culturally important notion of Quickness. *Keywords:* notion of quickness, semantic opposition, adjectival lexis, Pskov-Belarus borderlands, Pskov dialects, Belorussian dialects

Статья посвящена исследованию лексических репрезентантов понятия быстроты на диалектном материале двух близкородственных языков: русского и белорусского. Псковско-белорусское пограничье составляет этноконтактную зону, где в области лексических номинаций могут наблюдаться сходные диалектные особенности.

Объектом исследования в сопоставительном плане является прежде всего адъективная лексика с ядерной смысловой оппозицией признаков *быстрый / медленный*. Наречия могут рассматриваться в тех случаях, когда в пределах анализируемого материала не оказалось соотносительных прилагательных со значением «быстрый» или «медленный», а также для отображения проявления понятия быстроты в различных сферах окружающей действительности.

Путем сплошного обследования «Псковского областного словаря с историческими данными»¹ и его картотеки² было выявлено значительное число признаков слов, репрезентирующих понятие быстроты. В ходе наблюдения над синтагматикой прилагательных с семантикой «быстрый» / «медленный» в различных источниках было установлено, что носителями данных признаков являются живые предметы окружающего мира (человек, животные), натурфакты (природные явления, объекты), артефакты. Такая множественность репрезентантов свидетельствует об актуальности и значимости понятия быстроты. Данные этнолингвистики подтверждают важность понятия в традиционной культуре народа, его ценностных установках³.

Все в совокупности определяет понятие быстроты как ценностную смысловую категорию, сквозь призму времени не теряющую свою значимость в сознании носителей языка и в представлении картины мира.

Цель настоящего исследования видится в том, чтобы сопоставить уже имеющийся лексический материал с данными близкородственного языка, провести параллели между различными источниками для выявления сходства и различия в вербализации понятия быстроты и отражения его ценностной составляющей.

Сопоставительный анализ начнем с рассмотрения ядерных репрезентантов. По данным «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черных, прилагательное *быстрый* имеет следующие параллели в белорусском языке: *бóрзды*, *хúткі* и *быстры*¹. Данные лексемы зафиксированы в пятитомном «Словаре говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья». Прилагательное *борзды* в значении «быстры» (быстрый) употреблено в сочетании *борзды конь*. Тухавічы Лях.¹ По данным, приведенным для сравнения в этом же словаре, *борзды* соотносится с лит. *burzdùs* в том же значении. Кроме того, само белорусское диалектное *борзды* соответствует устаревшему слову *бóрзый* в значениях «быстрый», «скорый», «проворный», «резвый» (стоит отметить, что признак *бóрзый* в значении «быстрый, резвый» входит в число адъективных лексем, выявленных в псковских говорах³). Прилагательное *хуткі* в значении «быстры» (быстрый) характеризует человека в работе: *хуткі ў рабоце*. Калясное Міхалк.⁴ Прилагательное *быстры* по своей семантической структуре многозначное⁵. В первом значении «рухавы, жвавы» (подвижный, живой) является характеристикой человека: *Алі ж і быстры хлапчак*. Кіралі Шчуч. Носителем признака во втором значении «шпаркі, хуткі, борзды» (быстрый, скорый) может являться как человек, так и животное: *Ён быстры ў рабоце*. Дакудава Лід. *Яна быстрая да работы*. Жылі Іўеў. *Быстры куонь часто лекаеце*. *Быстры чоловіек робіт хутко, але часом кепсько*. *Быстры учэнік хутко розвяжэ задачу*. Курашэва Чыж. *Быстры в третьем значении «бадлівы» (бодливый) характеризует поведение животного: Вот карова быстрая – да дзяцей соваецца, коля і на раге хапая*. Кіралі Шчуч.

В словаре, включающем региональную лексику, зафиксированную на территории Сенненщины, встречается прилагательное *быстры* в значении «хуткі, жвавы» (скорый, живой): *Мáльчык харóшы – тут ёсьць, тут німа –*

1 Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–25. — Л. (СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2015.

2 Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина при СПбГУ). В данной статье к исследованию привлекается картотека, хранящаяся в Псковском государственном университете, в научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований.

3 Морозов И.А. Быстрый, быстрота // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. — М.: Международные отношения, 1995. С. 280–282.

4 Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. — М.: Русский язык, 1999. С. 129.

5 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. Т. 1. А–Г / [Уклад. Ю.Ф. Мацкевіч, А.І. Грынавецкене, Я.М. Рамановіч і інш.; Рэд. Ю.Ф. Мацкевіч]. — Мн.: Навука і тэхніка, 1979. — С. 206.

быстры. Фасаўшчына, Запруддзе⁶. Очевидна положительная оценка носителем языка признака *быстрый* как качества человека.

Итак, помимо отмеченных в словаре П.Я. Черных лексем *быстры*, *хуткі*, *борзды*, на основе анализа выявляется еще ряд признаков слов, которые зафиксированы в «Словаре говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья»: *жвавы* ⁷*быстры*, *рухавы* ⁷(*быстрый*, *подвижный*), *руха́вы* ⁷*жвавы* ⁷(*живой*) (ср.: *рух* в белорусском – ⁷*движение*⁶), *шпа́ркі* ⁷*быстры*, *борзды*, *жвавы* ⁷(*быстрый*, *живой*), соответствует польск. *szparki* ⁷*быстрый*⁷. Если прилагательное *жвавы* (или *жывавы*, *жывалы*) имеет семантическое соответствие в псковском диалектном материале (прилагательное *живой*), то *рухавы*, *хуткі*, *шпарки* в картотеке «Псковского областного словаря с историческими данными» не зафиксированы.

В псковских говорах как семантическая структура, так и иллюстративный материал прилагательного *быстрый* представлены богаче⁸. «Псковский областной словарь с историческими данными» дает два основных значения (1. ⁷*двигающийся с большой скоростью*⁷; 2. ⁷*ловкий, проворный*⁷) и большое число оттенков. Так, признаком *быстрый* может быть охарактеризован не только человек, скорость его передвижений, проворность, ловкость при выполнении какой-либо работы, поведение животных, но и движение транспортного средства (*Бы́стрый по́ест называ́ецца Ку́зница [поезд Ленинград – Кузница]; он не стано́вицца на фсэ́х ста́нцыях. Остр.*), водный поток (*Между этих двух кусточков быстра речка протекала. Фридрих, 56*), природные осадки (*Пирику́сила и пабижа́ла згра́бить капну́. То́лька пасле́дний пласт захвати́ла – и до́шть тако́й бы́стрый, большо́й. Вл.*).

Кроме того, лексема *быстрый* в диалектной речи входит в состав фразеологического сочетания *быстр помыслом*, используемого при характеристике ума, умственной деятельности человека, со значением ⁷*сообразительный, находчивый*⁷. Данное сочетание не отражено в современных говорах, а зафиксировано только в историческом материале, однако в псковских говорах имеется несколько прилагательных, характеризующих ментальную деятельность человека: *Ну, тот и ци́лавэ́к круту́нный и на де́ли и языко́м дайме́. Палк.* (прилагательное *круту́нный* в переносном значении ⁷*отличающийся быстротой движений, действий, реакций, быстро и хорошо работающий, мыслящий и говорящий*⁸). Впрочем, среди указанного выше иллюстративного материала белорусских говоров встречается пример, отражающий умственную деятельность человека: *Быстры учэ́нік хутко розвя́жэ задачу. Курашэ́ва Чыж.*

Оппозицию прилагательного *быстрый* в белорусских источниках можно показать через типологическое сходство признаков: *медленный/медлительный* и *мару́дны / мару́длівы*. Так, в белорусско-русском словаре признак *марудны* представлен двумя значениями: 1. *медленный; ~ная ха́да* (*медленная походка*); 2. *медлительный; ме́шкотный; копотли́вый; ~ная ра́бота* (*копотливая работа*);

6 Черных П.Я. Указ соч. С. 103.

7 Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 2. — Л.: ЛГУ, 1973. — С. 115.

8 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. Т. 5. — С. 331.

признак *марудлівы* имеет значение «медлительный, неторопливый»⁹. Отраженное в диалектном белорусском материале прилагательное *марудны* в значении «марудлівы» (медлительный, неторопливый) характеризует человека: *Чалавек марудны зробіць да ладу*. Парэчка Гродз. *Марудны сын*. Альхоўцы Лях.¹⁰ По данным того же «Словаря говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья», однокоренное слово *марўда* в значении «кто марудна робіць» (кто медленно работает) соотносится с польск. *maruda*, которое этимологически связывают с лит. корнем *mar-*¹¹.

В диалектном белорусском материале можно отметить еще одну оппозитивную признаку *быстрый* лексему *павольны*, семантически близкую к словам *маруда*, *марудны*: «вельмі павольны, непаваротлівы чалавек» (очень неспешный, неповоротливый человек), «марудны ў рабоце» (медленный в работе), «мямля». Носителем признака *павольны* в значении «марудны» (медленный, неспешный) может являться как человек, так и животное: *Другая баба павольная, халатная*. Кураполле Паст. *Павольны ён быў, будзіш стаяць за прылаўкам, покуль сядзіш*. Гемзы Шальч. *Ганульчына карова павольная, жвіру баіцца, колецца ў ногі*. Пацаўшчына Дзятл.¹²

В «Псковском областном словаре с историческими данными» наряду с ядерным репрезентантом *медленный* лексемы *марўдны* и *марўдливый* зафиксированы¹⁰ преимущественно с отсылками к «Словарю русских народных говоров»¹¹, где источниками слов являются «Опыт областного великорусского словаря» (СПб., 1852) и Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1858). Примеры из картотеки «Псковского областного словаря с историческими данными» отмечены в Новоосокольническом, Пустошкинском, Себежском районах, т. е. в районах белорусского пограничья.

Общерусское прилагательное *медленный* в псковских говорах представлено как моносемантическое. Единственное значение, характеризующее речевое поведение человека и сформулированное с помощью синонима «неторопливый», проиллюстрировано примером: *Сынóк, ф тебя гóвор круты́й, не ме́дленный, тебе́ в ра́дио раба́татъ*. Кр.¹²

Таким образом, при сопоставлении ядерных репрезентантов на диалектном материале двух близкородственных языков выявлены схождения в употреблении слов *быстрый* и *марудный* / *марудливый*.

При сопоставлении членов адъективных рядов с ядерной смысловой оппозицией признаков *быстрый* / *медленный* в близкородственных языках полного совпадения лексем, что естественно, не обнаруживается. Семантически пересекаются, но номинативно не совпадают следующие псковские лексемы: *вёрткий, боевой, бойкий, живой, крутой, легкий, скорый, ретивый, шустрый*.

В диалектном белорусском материале, с другой стороны, обнаруживаются лексемы, которые не представлены в «Псковском

9 Там же. Т. 1. — С. 253.

10 Мова Сенненшчыны: дыялектны слоўнік. У 2 т. Т. 1. А–О / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы»; уклад.: Н.М. Бунько [і інш.]; навук. Рэд. В.М. Курцова, Л.П. Кунцэвіч. — Мінск: Беларуская навука, 2015. — С. 83.

11 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. — М.: Прогресс, 1987. — С. 524.

12 Там же. Т. 4. — С. 471.

областном словаре с историческими данными» и его картотеке, например: с семантикой [быстрый] – *гизливы* ([жвавы, шпаркі, хуткі]), *леткі* (в значении [хуткі, рухавы]); с семантикой [медленный] – *працяжны* ([марудливы]), *повуольны* ([марудливы]), *піплівы* ([марудны]). Эти лексемы, а также иные лексемы с семантикой [быстрый] / [медленный] выявлены путем сплошного обследования белорусского диалектного материала (безусловно, их ряд может быть дополнен).

В белорусском диалектном материале выявляется наличие лексем, отражающих пограничное положение и исторические связи Белоруссии с другими соседними народами: а именно полонизмов (*шпаркі*), балтизмов (*борзды, марудны*), хотя данные лексемы и не отмечены в «Словаре балтизмов в славянских языках» Ю.А. Лаучюте¹³.

Носителями признаков, содержащих семантику быстрого или медленного движения, на материале белорусских говоров чаще всего является или человек, или животное.

Человек получает чаще всего характеристику по его деятельности, участию в крестьянском труде. Так, по данным «Словаря говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья», человек может оценивать не только себя и окружающих (*Скóры такі чалавек! Беразіно Докш. (скóры в значении [хуткі])*); *Ну і верткі хлопчык. Галубы Маст. (вэ́рткі в значении [вэ́рткі])*; *Я жвавая і сільная. Граўжышкі Ашм. (жва́вы в значении [быстры, рухавы])*, но и выполняемую работу: *Пыклівая работа [марудная], пыкаеся на гэтай рабоці, а ўспеху німа; непаспешная работа. Валынцы В.-Дзв. В последнем примере интерес представляют следующие лексемы: непаспéшны в значении [марудны] (мешкотный, копотливый)¹⁴, а также пыклівы (пуклівы) в том же значении. Употребляя в одном высказывании, диалектоноситель семантически сближает эти прилагательные.*

Животные отражают «ближний круг» мира человека, следовательно, человеком подмечаются их повадки: *Жвавая карова. Вецярэвічы Пух. (жвавы в значении [быстры, рухавы]¹⁵)*; *Шпаркі конь. Гемзы Шальч. (шпаркі в значении [быстры, борзды, жвавы]¹⁶)*.

Лексемами с семантикой [быстрый] / [медленный] может быть также охарактеризована скорость течения водных потоков (что довольно ярко представлено в псковских говорах): *Не ідзі – там вада бойкая, з нох саб[е]ць. Мішневічы Шум. (бóйкі в значении [быстры]¹⁷)*.

Из примеров паремий в белорусском диалектном материале встретились устойчивые сравнения: как веник, как черт: *Быстрый, як пахадзэнь. Селішча*

13 Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 2. — Л.: ЛГУ, 1973. — С. 235.

14 Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 16. — СПб: СПбГУ, 2004. — С. 257.

15 Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): у 3 т. / Пад рэд. А.А. Лукашанца; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. Выд. 4-е, перапрац. і дап. — Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. — С. 334.

16 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. Т. 3. — С. 37.

17 Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 6: — Мн.: Навука і тэхніка, 1990. — С. 237–238.

Уш.¹⁸ (быстрый, как веник), Жвавы, як чорт. Кіралі Шчуч.¹⁸ (живой, как чёрт). Здесь же можно отметить и такое выражение с оценкой признака *марудны*: *Не бойса чалавека маруднага, а бойса гультая* [тот, который не желает работать]. Парэчча Гродз.¹⁹.

Подобные устойчивые сравнения зафиксированы в картотеке «Псковского областного словаря с историческими данными»: *Была п молóдъ, как вéник скóръ зделъль*. Стр. (сравнение с веником: о быстрой работе); *Вот как въскръсёнье, так фсё как чóрт нóсит, фсягда дёлъ нахóдицъ*. Стр. (сравнение как черт носит: о том, что имеется много дел, которые нужно выполнить одно за другим, проворно).

Таким образом, пограничное положение Псковской области, соседство с Беларуссией, смежность близкородственных языков, существование когда-то единой этноконтактной зоны (особенно это касается пограничных, южных, районов Псковской области) является результатом наличия сходных диалектных особенностей в вербализации понятия быстроты. Носитель белорусских говоров также наделяет окружающий мир признаками, содержащими семантику быстрого или медленного движения (о чем свидетельствует выявление специфики синтагматических свойств адъективной лексики), и дает оценку данным признакам. Рассмотрение адъективной лексики на материале близкородственных языков (т. е. на достаточно широком фоне) подтверждает значимость понятия быстроты в культуре и языке как универсального понятия.

Об авторе

Мартынова Надежда Алексеевна, младший научный сотрудник научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований, аспирант, Псковский государственный университет, Россия.

Nadezhda Martynova, junior researcher of and educational laboratory of regional philological researches, post-graduate student, Pskov State University, Russia.

E-mail: sitkovskayan@mail.ru

---

18 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. Т. 3. — С. 282.

19 Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 18. — СПб.: СПбГУ, 2006. — С. 22.

**ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О СОРАСПОЛОЖЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМОВ КАМЧАТКИ)**

В статье проанализирована внутренняя форма 400 топонимов, мотивированных обозначением сорасположенного объекта. На первом уровне иерархии выделено 2 подкласса в зависимости от характеристики базового для деривации слова — топоним или нарицательное существительное. Внутри каждого подкласса на втором уровне иерархии наименования структурированы в группы с учетом способа деривации. В первом подклассе различия между славянскими и неславянскими топонимами обусловлены фонетикой и грамматикой языка, во втором подклассе есть смысловые различия в применении моделей порождения слов.

Ключевые слова: топоним, номинация, семантика, деривация.

O.A. Glushchenko

**LANGUAGE EMBODIMENT OF IDEAS ABOUT A LOCATION
THE ROW OF GEOGRAPHICAL OBJECTS
(ON MATERIAL OF TOPONYMS OF KAMCHATKA)**

An internal form is analysed 400 toponyms motivated by denotation located by the row of object. At first level of hierarchy 2 subclasses are distinguished depending on description of base for derivation word is a toponym or denominative noun. Into every subclass at second level of hierarchy of the name structured in groups taking into account the method of derivation. In SubA-one of distinction between the Slavic and UnSlavic toponyms conditioned by phonetics and grammar of language, in the second subclass there are semantic distinctions in application of models of generation of words.

Keywords: toponym, nomination, semantics, derivation.

В гидронимической системе Камчатки насчитывается свыше 14 тысяч водных объектов (рек, ручьев, озер, морей, бухт, заливов, болота, водопадов, гейзеров), но около четверти из них имеет индивидуальное имя, которое отражено на карте и зафиксировано в современной топонимической системе. Материал в объеме около 3 тысяч топонимов был собран нами из разных источников: «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова¹, «Топонимический словарь Северо-Востока СССР» В. В. Леонтьева и К. А. Новиковой², записи картотеки лаборатории этнолингвистики Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, краеведческие публикации научно-популярного характера о Камчатке, а также собственные записи автора во время диалектологических экспедиций. Комплексная лингвистическая обработка этого масси-

¹ Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Репр. воспроизведение изд.: в 2 т. 1755 г. — СПб.; Петропавловск-Камчатский: Наука, «Камшат», 1994.

² Леонтьев В. В. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / В. В. Леонтьев, К. А. Новикова; науч. ред. Г. А. Меновщиков. — Магадан: Магаданское. кн. изд-во, 1989.

ва топонимов выполнена впервые.

Общей особенностью камчатской топонимики, связанной с историей заселения региона, является одновременное сосуществование разноязычных наименований для одного и того же объекта: корякских и ительменских как аборигенных, русских и эвенских как вторичных на территориях позднего заселения.

В гидронимиконе Камчатки по номинативному признаку разграничены 7 классов топонимов: топонимы-посвящения, ориентационные топонимы, наименования по признакам экосистемы, по физическим признакам, по особенностям жизнедеятельности человека, по аспектам проявления личности человека, по сорасположению. В последний класс топонимов входит 400 слов (13% камчатских гидронимов).

Класс топонимов по сорасположению объектов объединен общим номинативным признаком: название мотивировано обозначением сорасположенного объекта. На первом уровне иерархии класс расщепляется на 2 подкласса в зависимости от характеристики исходного, базового для деривации слова — топоним (239 слов — первый подкласс) или нарицательное существительное (141 слово – второй подкласс). На втором уровне иерархии наименования структурированы в группы с учетом способа деривации.

Первый подкласс представлен гидронимами, которые образованы от **персонального имени пространственно смежного географического или административно-территориального объекта. Порождение топонима осуществляется по двум моделям: 1) лексико-семантическая конверсия (76 слов); 2) использование словообразовательного форманта или закрепленного порядка компонентов в составном топониме в акте деривации от основы с именем собственным (163 слова).**

В первой модели первого подкласса исходным элементом при совершении деривационного шага является наименование оронимического или гидронимического объекта: бухта Командор на северо-восточном берегу острова Беринга названа по мысу Командор; река Диландя (эвенское) в Тигильском районе протекает у горы Диландя. Именования водного объекта по островам единичные: бухта Василия на северо-востоке Камчатки названа по расположенным перед входом в нее островкам Василия. При переносе имени с гидронимического на гидронимический объект образуются пары лексических омонимов, и это явление характерно для русских и корякских топонимов, называющих по именам рек бухты, заливы, лагуны и озера: река Карага и бухта Карага (она же Хараныннын); река Мутная и бухта Мутная в Тигильском районе. Обратное направление вектора деривации (перенос названия с любого водного объекта на реку) встречается редко: река Фальшивая впадает в одноименную неглубокую и полную рифов бухту Фальшивую в Авачинском заливе, которая получила название за кажущуюся глубину.

Вторая модель порождения топонимов в первом подклассе встречается чаще (163 случая из 239). **При использовании производящей основы оронима или гидронима для корякских гидронимов типично присоединение специального корня со значением 'река' -ваям / ваам (чавчувенский диалект) или -взем / веем (карагинский диалект): река Вилюнэйваям в Пенжинском районе названа по горе Вилюнэй; река Аняваам в Пенжинском районе названа по реке Аняв. Ак-**

тивация иных компонентов в кругу неславянских топонимов встречается редко: корякские топонимы с корнем *-куюл (-кууль)* ‘глубокая речка’ и *-ваямпиль* ‘речушка’, эвенские топонимы с **формант -чан** ‘правый’: **река Маллеркуюл** в Олюторском районе названа по горе *Малер*; **река Седловаямпиль** в Тигильском районе названа по горе *Седло*; **ручей Анавгачан** в Быстринском районе назван по реке *Анавгай*. Для славянских топонимов, наоборот, суффиксация характерна (*-ск, -к, -(ов)ин*): залив *Авачинский* на юго-востоке полуострова получил название от реки *Авача*.

Составные наименования типичны для корякского и русского языков, при этом семантика пространственного ориентира или физического параметра у присоединяемого компонента одинаковая: *мя/правый, гочны/левый, майни/большой, хай (кай)/малый*: **река Хай Цнаваям** в Пенжинском районе — левый приток реки *Цнаваям*; река **Толбачик** Правый в Мильковском районе названа по вулкану *Толбачик*.

Второй подкласс топонимов (141 слово) представлен наименованиями, образованными от нарицательных названий смежных безымянных географических объектов или от типовых, родовых наименований географических объектов. Внутри подкласса мы также выделили 2 группы, логически симметричные первым двум группам первого подкласса: 1) гидроним образован от неиндивидуального обозначения объекта рельефа (83 слова); 2) гидроним мотивирован неиндивидуальным названием водного объекта (58 слов).

В первой группе второго подкласса мотиватором выступает обозначение близлежащей горы, сопки, холма, хребта, скалы, мыса, столба, острова, оврага, впадины, пещеры: **источник Скалистый** — это пульсирующий источник в долине реки *Гейзерная*, он назван в 1961 г. Т. И. Устиновой по близости к скале; русское название XVIII в. **реки Сопочная** (она же *Петаай, Сужыын-ких, Чургун*) в Тигильском районе является калькой с ительменского *Сужыын-ких* — ‘*место, окруженное сопками*’.

В первой группе второго подкласса топонимов мы обнаруживаем смысловые различия в деривационных моделях славянских и неславянских наименований. У 16 неславянских топонимов представлена мотивация исключительно типовым обозначением объекта рельефа и в семантике слова нет дополнительных параметрических характеристик географического объекта: **река Лататыргинваям** в Олюторском районе в переводе с корякского ‘река, текущая с гор’. У 67 топонимов мотиватор содержит образ, описание ситуации, обогащен дополнительными характеристиками, что отражает синкретичное восприятие окружающего мира: **река Тэннэйваям** (она же *Сухая Речка*) в Карагинском районе в переводе с корякского ‘река у хорошей горы’; **река Егиилваям** в Олюторском районе в переводе с корякского ‘речка у сопки с вершиной, похожей на растопыренные пальцы’; **ручей Олкая** в Быстринском районе в переводе с эвенского ‘большое ущелье’. Дополнительными мотивировочными признаками при деривации становятся физические параметры географического объекта (высота, размер, характер устья и течения, специфика дна, особенности тока воды и др.).

У наименований второй группы второго подкласса отражено как физическое сорасположение в рельефе, так и логическая сопряженность: мотиваторами являются река вообще и конкретная река. Мотивирующим словом для

неславянских наименований выступают *ваям*, *взем* ('река' в корякском языке), *окат* ('река' в эвенском языке), *гытгын* ('озеро' в корякском языке), *невт* ('родник' в эвенском языке): **река Вейэмваям** в Карагинском районе; **озеро Гытгын** в Олюторском районе; **река Невтанья** в Тигильском районе. Славянские же топонимы таким способом мотивируются в единичных случаях: **ручей Заречный** в Быстринском районе; река Бухтовая впадает в Охотское море в Пенжинском районе.

Как и в первой группе второго подкласса, для корякских топонимов типично обогащение мотиваторов 'озеро' и 'река' дополнительными параметрическими характеристиками: **ручей Колчанкууль** в Пенжинском районе — 'привязанная река', потому что русло ручья идет параллельно руслу реки; **река Гытгыпильваям** в Тигильском районе — 'озерцо-река', в верховье есть маленькое озерцо, из которого вытекает река. Самым частотным дополнительным мотивировочным признаком выступает размер и глубина водного объекта: **река Воямпиль и река Экекваямпиль (Тигильский район); река Куюль (Олюторский район)**.

Численно преобладают топонимы первого подкласса, при их образовании в семантике используемых моделей нет различий для бытующих на Камчатке языков. При образовании топонимов второго подкласса мы видим смысловые различия в применении моделей порождения слов: в корякском, ительменском, эвенском языке номинатор воспринимает ситуацию комплексно и образно, стремится запечатлеть в топониме индивидуальное впечатление, внутренняя форма слова отражает поразивший человека образ. В славянских же номинациях поэтизация индивидуального минимизирована (река Горная и Заречный ручей есть во многих краях). Множественность применяемых стратегий именования отражает контаминированное восприятие действительности в наивной картине мира тех людей, которые исконно жили на полуострове или закреплялись на нем в период расширения земель России новыми территориями Сибири и Дальнего Востока.

Об авторе

Глущенко Олеся Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Россия.

Olesya Anatolyevna Glushchenko, Doctor of philological sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: oag.kam@mail.ru

СТАТУС РЕГИОНОВ ПОГРАНИЧЬЯ: ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

**ПСКОВСКАЯ «ОКРАИНА» КАК ТОПОС НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В ОЧЕРКЕ
В.П. ЖЕЛИХОВСКОЙ «ПО СТАРОЙ РОССИЙСКОЙ ОКРАИНЕ»***

Очерк В.П. Желиховской «По старой российской окраине» (1893) входит в обширный пласт художественно-публицистических сочинений об «окраинах» России 1880–1890-х годов. В статье рассматривается динамика взаимодействия многообразных смыслов, связанных с топосом «окраина», получившим индивидуально-личностное образное выражение в очерке В.П. Желиховской. *Ключевые слова:* В.П. Желиховская, «окраина», Россия, русский язык, национальные традиции, Псков, очерк, образ псковича.

N.L. Vershinina

**PSKOV «OUTSKIRTS» AS A TOPOS OF NATIONAL LIFE IN THE ESSAY BY V.P.
ZHELIKHOVSKAYA «ON OLD RUSSIAN OUTSKIRTS»**

Essay by V.P. Zhelikhovskaya «On old Russian outskirts» (1893) is a part of a broad stratum of artistic and journalistic works on the Russian «outskirts» of 1880–1890-ies. The article deals with the dynamics of interaction of multiple meanings associated with a topos of «outskirts», which has got an individual personal figurative expression in the essay by V.P. Zhelikhovskaya.

Keywords: V.P. Zhelikhovskaya, «outskirts», Russia, the Russian language, national traditions, Pskov, essay, the image of a Pskov citizen.

Наше внимание обращено к слову «окраина» как носителю определенного комплекса смыслов и стоящих за ними интенций бытового и культурного сознания, проявившихся в беллетристических, художественно-публицистических дискурсах 1880–1890-х годов. В центре текстового материала – очерк известной в этот период детской писательницы Веры Петровны Желиховской (1835–1896) «По старой российской окраине», недавно введенный в научный обиход псковским исследователем-краеведом Н. Ф. Левиным. Очерк был опубликован в газете «Московские ведомости» (1893, № 161), сотрудницей которой в течение ряда лет была Желиховская, и перепечатан «Псковским городским листком» 23 июня того же года (№ 48).

Цель статьи – на примере «псковского» текста показать, как общие тенденции времени, постепенно уводящие литературу от цельности и исторической целесообразности², подкреплялись субъективными потребностями автора, что особенно сказалось в поздние годы жизни В. П. Желиховской. К ее творчеству вполне применимо наблюдение новейшего исследователя над литературой всей эпохи: «Познание <... > принимало истину в раздробленном состоянии, в частном выражении»³.

Если вдуматься, большинство сочинений писательницы (включая и лучшие ее повести, любимые современниками и много раз переиздававшиеся: «Как я была маленькой», «Мое отрочество», «Князь Илико, маленький кавказский пленник») в жанровом и стилевом отношении эклектичны, полисемантны. Сочетание фактографичности с художественностью, документального, часто

этнографического начала с автобиографизмом, мемуарного компонента с открытой публицистичностью, «сухого очерка» с лиризмом – обычная стилевая гамма, характеризующая ее произведения. Вместе с тем, нужно заметить, что подобная «дробность» потому и была постоянной чертой стиля сочинений Желиховской, что являлась для нее органичной, отражая монистическое, по беллетристическим меркам, сознание. Можно предположить, что, обратившись к литературному творчеству в необычно позднюю для подобных занятий пору – в возрасте 37 лет (1872), она преследовала цель, в первую очередь, педагогическую, а не эстетическую: «единственно для удовольствия своих детей»⁹, как сказано ею в книге воспоминаний «Необъяснимое или необъясненное» (1885).

Просветительские цели, в том или ином выражении, и стали превалирующим началом, обуславливая пограничность самой структуры повествовательного стиля. Наиболее полного, отработанного выражения она достигла в жанре литературных компиляций для народного чтения, к разряду которых ближе всего подходит и очерк «По старой российской окраине». Здесь задачи патриотического плана (их роль – с позиций отрицательной оценки – была отмечена в «Литературной энциклопедии», 1929–1939¹⁰) переплетались с конкретными наблюдениями, воспоминаниями, познавательными экскурсами, диалогами с местными жителями, а также с живописными описаниями природы, «быта и нравов» изображаемых народов.

Желиховская писала о том, что видела, и о том, что узнавала из источников – в результате ей обычно удавалось свести книжные и непосредственные «извлечения» хоть и к «дробной», но внутренне выверенной цельности. Именно это имел в виду журнал «Женское образование», когда писал о ее повести «Князь Илико»: «Этнографические и географические сведения тесно сливаются с рассказом <... >»¹¹.

Соответственно, к топосу «окраина» В. П. Желиховскую влекла как общая атмосфера тяготения к литературе «факта», геополитические и культурно-познавательные интересы времени, повлекшие за собой, что немаловажно, ряд естественнонаучных открытий на «оконечностях» России, так и личный опыт и склонности, связанные с перипетиями семейной жизни, с проживанием на южнорусских окраинах по причине разного рода обстоятельств ее собственной судьбы.

В прозе последней трети XIX – начала XX века складывается разножанровый массив «окраинной» литературы, где «окраина» трактуется во внеличностных масштабах – как «рубеж»¹² государства, что позволяет включить произведения Желиховской в соответствующий культурный и литературный контекст. Его составляют, например: «Путешествия по окраинам южной Азии и записки о них» М. И. Ванюкова (1868); роман Н. Н. Каразина «На далеких окраинах» (первое издание – 1875); ряд исследований, напечатанных за границей Ю. Ф. Самариним под заглавием «Окраины России» (5 выпусков, Берлин, 1868—1876); «Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 гг.» М. В. Певцова (1895) и ряд других. В 1890–1900-х годах поток «окраинной» литературы стремительно растет. Выходят в свет сочинения И. Беяева «Русская миссия на окраинах» (1900); «Забытая окраина. Результаты 2 экспедиций на Чукот.

п–в, снаряж. в 1900–1901 гг. М. Вонлярлярским в связи с проектом водворения золотопромышленности на этой окраине» (1902); «Восточные окраины Русского царства: Камчатка, Амур, Уссури» В. Баралевского, (1904); «Наши пограничные окраины на Кавказе: Путевые наброски Бориса Шапирова» (1909) и многие другие.

Сама Желиховская на подступах к «псковскому» тексту не раз обращалась к литературе путешествий, к путевому очерку, что было отмечено в «Некрологе» «Московских ведомостей»: здесь печатались «письма из <...> заграничных путешествий и поездок по России, этнографические очерки, всегда полные интереса и написанные живым пером»².

Как и многие другие авторы, работающие в том же жанре, В. П. Желиховская могла заменить слово «окраина» перифрастическим сочетанием, дав следующий заголовок одной из «повестей для юношества»: «В татарском захолустье» (1888, выдержала пять изданий) или назвать серию очерков, насыщенную элементами «поэтической прозы», в очерковой манере: «Кавказ и Закавказье» (1885). В последнем случае понятие «окраины» в геополитическом смысле выражено особенно четко: «Кавказский край лежит на крайнем Юге России, между морями Черным и Каспийским, там, где кончается Европа и начинается другая часть света – Азия»³.

Желиховскую, бесспорно, интересовали рядом живущие народы и народности, как вне, так и внутри России, ее влекли сами границы, их пересечение и путешествие по ним. В 1897 г., в качестве ежемесячного приложения к журналу «Природа и люди», вышла посмертная книга Желиховской «Наши родичи», где авторы «Предисловия» писали следующее: «Настоящая книга <...> покойной писательницы <...> содержит в себе описание ее путешествий по землям западных и южных славян (поляков, чехов, хорватов, сербов и пр.). За легким, простым слогом, которым так умело владела покойная Вера Петровна, набросана картина современного положения братьев-славян <...>»⁴.

В заголовок «псковского» очерка вошел любимый В.П. Желиховской предлог «по», обозначающий движение по чему-то локальному: полоске земли, необыкновенному уголку природы, по «крайней части какой-нибудь местности»⁵ (ср.: «По цветущей Италии зимой», 1895; «По берегам цветистого моря», 1895; «По старой российской окраине» (1893).

В «псковском» очерке Желиховской сошлись все значения слова «окраина», указанные в словарях, но при этом в нем, бесспорно, присутствуют и «сверхсмыслы» – предсказуемые, возникающие ассоциативно в русле вхождения в то или иное культурное пространство и, наряду с этим, исходящие из скрытых, только угадываемых глубин мироощущения писательницы.

Само заглавие по мере прочтения очерка воспринимается в динамике материальных и духовных признаков, осознается как многозначное. Вписываясь в контекст эпохи, оно прочитывается изначально как стилистически нейтральное («Отдаленная от центральных частей пограничная часть государства»⁶), например, в таких фрагментах: «Мирожская обитель одна из самых древних на берегах Великой <...>. Хотя ни один из погромов польских, литовских и шведских, которыми богата история многострадального Пскова, не миновал ее, стены монастыря сохранились и даже сохранили свою живопись.

Хотя он и за городом, но чудотворная икона Божией матери, прославившаяся исцелениями во время чумного мора 1567 года, всегда привлекает много молящихся»¹.

По «старым» окраинам воспринимается как по «старинным», древним, констатируя историческое значение Пскова, веками оборонявшего русские рубежи.

Вместе с тем, понятие «старый» в контексте очерка получает и оценочные коннотации: «старый» – уже отживший, оставшийся в прошлом, невозвратимом не только для России, но, что особенно важно Желиховской, и для нее самой, для ее представлений о бытийной упорядоченности.

Далекый старорусский порядок жизни псковичей не вызывает ностальгии, поскольку находится за пределами отпущенного автору исторического времени – зато конец дворянской культуры, который являет исчезновение помещичьих усадеб, известных лично Желиховской, ведет к болезненному чувству «окраины» уже в ином, метафизическом смысле – как вырождения, обнищания, потери ценностей, бывших еще на веку писательницы и ее ровесников. Именно эти ценности осознаются преемственными по отношению к славной эпохе величия древнего Пскова – в отличие от новых приоритетов, плодов коммерциализации и «обнемечивания», которые на момент написания очерка стали реалиями жизни, по наблюдениям автора, заменив собой прежние «исторические воспоминания».

В глазах Желиховской Псков стал «окраиной», поскольку согласился променять национальный духовный идеал и образ жизни на покорность требованиям наживы и их носителям в лице иностранных коммерсантов. Понятие «старое время» теряет контуры, поскольку «старое» – это все лучшее, что когда-то связало Россию с Псковом и, с другой стороны, оставило светлое воспоминание в душе самой Желиховской: «Я присела на скамью, конец которой занимал представительный старик, с виду похожий на зажиточного помещика прежнего старого времени, к которому невольно меня переносили мысли... Я хорошо знавала Псков в то время, когда окрестности его все были заселены дворянами-землевладельцами и барские усадьбы процветали. Я видела, что теперь не то, что большинство земель перешло в другие руки, а обедневшее дворянство расползлось в разные стороны наудачу, как слепые кроты, не находящие более себе нор, и молча перебирала в памяти имена бывших помещиков, грустно поминая старину».

Прежние объекты сакрализации, вошедшие в предание, превращаются в смешных и жалких обитателей «российской окраины», заслуживая лишь презрение и вызывая иронию. Так, появление новейшего «продукта Русского народа» – юродивого – побуждает Желиховскую, с одной стороны, вспомнить поступок юродивого Николы Салоса, в 1570-м году «спасшего псковитян от лютого гнева Грозного царя», а, с другой, заметить с горечью о юродивом

---

1 * Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту-победителю конкурса проектов в области гуманитарных наук № 16-14-60002 «Образ псковича в контексте национальной литературы».

Котельников В.А. Русский роман: становление и разновидности жанра // История русской литературы XIX века: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования: в 3 т. – Т. 3 / О.В. Евдокимова, Ю.В. Балакшина, А.П. Влакскин и др.; под ред. О.В. Евдокимовой. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – С. 35.

нынешнем: «Выродившийся из святых и героев – в нищего шута!» Эта реплика в беседе с помещиком «старого времени» вызывает ответ, где озвучен вывод, близкий самой Желиховской: «Как и все у нас! Как и все вокруг нас вырождается!»

В том же ряду – мысли о «вырождении» в псковичах древней отваги, псковского характера, уважения к родному языку («Неужели по-русски не говорят? <...> статочное ли дело, чтобы в старинном городе, искони стоявшем грозною стеной против Немцев и всяких языков за дело правое, вдруг немечина до того в силу вошла, до того обуяла даже купечество, чтоб его заправили русского государственного языка обязательным для себя не признавали?!...») Речь идет также об оскудении запасов снетка в Псковском (Талабском) озере, о захвате иностранцами судоходных маршрутов по реке Великой и подобных беззакониях.

Псков как современная окраина, таким образом, ассоциативен относительно всякого рода оскудения, «вырождения», разрухи (сравним у М. Цветаевой: «С той же лампою – в плоть, – / Лампой нищенств, студенчеств, окраин»² («Спаси Господи, дым!»)).

Новочерке «По старой российской окраине» «окраина» имеет характер лирической темы, как некий «отголосок» несказанного, который должен только прочувствоваться, но не разгадаться любознательным читателем. Желиховская прямо говорит о своей связи с местом, которое описывает, перечисляет прежде не просто знакомые, но и драгоценные для нее названия: «прелестное имение Приютино», «село Устье», «имение Щиглицы». Н. Ф. Левин установил ранее не известные обстоятельства сближения Желиховской с псковской землей (которую она в очерке сравнивает с «раем»), начавшегося после ее замужества (в 1854 г. стала женой, а в 1858 г – вдовой поручика Николая Николаевича Яхонтова, брата поэта Александра Николаевича Яхонтова и сохранила отношения с семейством Яхонтовых до конца своих дней²).

Смысл упоминания знакомых названий и узнаваемых лиц уже выходит за фактографические пределы темы повсеместной гибели «дворянских гнезд». Интонация, пафос, сентиментальная окрашенность лексики говорят и об эстетической призме, в которой видятся автору судьбы когда-то живших в усадьбах «хорошенькой белокурой девушки, почти девочки, похищенной на глазах у матери» и безвременно «покинувшей свет» (Приютино); «четырёх старушек-хозяек», оставшихся для автора очерка «воплощением всех добродетелей» (Щиглицы, семейство Пальчиковых). Такая стилизация, формально неуместная, но органичная для Желиховской и в жанре путевого очерка, иницирует настрой, рождаемый зрелищем разрушения некогда полных счастьем мест обитания, окончивших свое бытие, расположенных либо на окраине города, либо около городской черты. Характер стилизации рождает аллюзии, связанные с литературой, подобной «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина (1792) или повести Ал. Глебова «Городское кладбище» (1832).

Топос «окраина» начинает означать «край» жизни – тема прощания, как глубинная и основная тема очерка, определяет не только его тональность, но и структуру, и характер оппозиций, и, казалось бы, непонятную экспрессию в

оценке произошедших перемен. Прощание с любимыми местами обостряет чувство *рубежа* между миром земным и вечностью, между радостью бытия в прошлом и разочарованностью в настоящем. Об этом свидетельствует и посмертный труд Желиховской «Тифлис в былое время и теперь», и подчеркивание контраста между старым и новым Псковом, в чем ей помогает апелляция к одноименному стихотворению А.Н. Яхонтова.

Особая тема очерка – прощание с Яхонтовым-поэтом (умер в 1890 г.), внутренне близким человеком, который является для Желиховской своего рода «путеводителем» в выстраивании текста и расстановке нравственных акцентов. Именно из книги Яхонтова для народного чтения «Город Псков и его окрестности» (1886) Желиховская, возможно, взяла слово «окраина» (в значении «северо-западная окраина» древней Руси³); эпитафия из стихотворения Яхонтова подчеркивал их общую, принципиально важную идею контрастности Пскова древнего и современного, его упадка в настоящем и «вырождения» национального духа в эпоху «немечины»

«Меч святого Гавриила,
Пятиглавый наш собор,
Князя Довмонта могила,
Запах древности, простор»..
... «Мир и сон неодолимый!
Немцы всюду... Кабаки»...
(Из стихотворения А. Н. Яхонтова
«Старый и Новый Псков»)⁴.

Пропуская описание легенд о «Поганкиных палатах» в своем сочинении, Желиховская вновь отсылает к книге Яхонтова – источнику и тексту-посреднику, написанному с нею на одном, эстетически родственном, аутентичном языке.

Принято говорить, что «хорошая» (Д. С. Лихачев) художественная литература, как и другие виды искусства, со временем приобретают значение документального свидетельства, показывая потомкам «как люди жили». Изучение свидетельствует, что с очерком Желиховской происходит прямо обратное: на основании анализа отдельно взятого топоса – топоса «окраины» – можно судить об ее богатой натуре, о прекрасных свойствах ее личности – человека и писательницы; можно увидеть ее глазами разные облики Пскова и его окрестностей и приобщиться к идее движения «по старой российской окраине», которое в одно и то же время является скольжением в историческом времени и погружением в себя, в незримые глубины души.

---

3 «Русские изображаются цивилизаторами и благодетелями кавказских народов, кавказские горцы и грузины у Ж. – по преимуществу романтические, коварные злодеи» // Литературная энциклопедия: в 11 т. / Под ред. В.М. Фриче и А.В. Луначарского. – Т. 4. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. – С. 161–162.

4 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное воспроизведение издания 1901–1909 гг., осуществленного под ред. проф. И.Х. Бодуэна де Куртене. – В 4 т. – Т. 2. – И – О. – М.: Издательская группа «Прогресс» «Универс», 1994. – С. 1724.

Об авторе

Вершинина Наталья Леонидовна, доктор филологических наук, профессор
Псковский государственный университет, Россия.

Natalia Leonidovna Vershinina, Doctor of Philology, Professor, Pskov State
University, Russia

e-mail: nati_85@inbox.ru

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ РОССИЙСКО-ЭСТОНСКОГО И РОССИЙСКО-ЛАТВИЙСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ

Представлены результаты сравнительного анализа неславянской гидронимии северных и северо-западных районов Псковской области, приграничных с Эстонией и Латвией. Отмечено примерное равенство финно-угорской и балтийской гидронимии в северо-западных районах области и заметно больший перевес финно-угорской гидронимии — на севере региона.

Ключевые слова: неславянская гидронимия, финно-угры, балты, Псковская область.

TOPONYMIC LANDSCAPE OF RUSSIAN-ESTONIAN AND RUSSIAN-LATVIAN BORDER AREA

The results of the comparative analysis of non-Slavic hydronymy of the northern and north-western districts of the Pskov region on the border with Estonia and Latvia. Highlighted the approximate equality of the Finno-Ugric and Baltic hydronymy in the north-western areas of the region and preponderance of Finno-Ugric hydronymy in the north of the region.

Keywords: non-Slavic hydronyms, Finno-Ugric, Baltic, Pskov region.

Топонимический ландшафт любой территории можно изучать с разных позиций. Какая-то часть топонимов может характеризовать природу региона, его рельеф, почвы, флору, фауну и т. п., другая часть — историю, культуру, хозяйство и систему расселения на конкретной территории. Многие топонимы, особенно в славянском мире, имеют антропонимические основы. Но на территории Псковской области, имеющей крайне сложную и не до конца изученную этническую историю, значительный пласт составляет топонимия (особенно гидронимия) неславянского происхождения. Именно с этой позиции и рассмотрен нами топонимический ландшафт северных и северо-западных территорий Псковской области, прилегающих к современной государственной границе с Эстонией и Латвией.

Целью исследования, результаты которого представлены в статье, является сравнительный анализ неславянских гидронимов в соседних с Эстонией и Латвией районах северной (Гдовский район) и северо-западной (Печорский, Псковский и Палкинский районы) частях Псковской области по языковой принадлежности их топонимических основ.

В качестве гипотезы исследования выдвигается предположение о наличии всех трёх основных неславянских гидронимических пластов (древнейшего индоевропейского, финно-угорского и балтийского) в северо-западной части Псковской области, а также некоторый перевес финно-угорской гидронимии на крайнем севере области и переходный на этом фоне характер гидронимии северо-западных районов, где повышен удельный вес балтийской и древней

индоевропейской гидронимии.

Попытки изучения псковской топонимии уже предпринимались нами ранее¹. При этом достаточно детально нами была изучена топонимия северо-западных районов области, окружающих Псков². Но пока что слабо изучена гидронимия северной части Псковской области.

По данным археологов обширные области бассейнов озёр Ильменя и Псковско-Чудского до середины I тысячелетия н. э. принадлежали носителям культуры текстильной керамики, которую обычно отождествляют с прибалтийско-финским населением³. По мнению топонимистов, финно-угорские народы дали названия таким географическим объектам Северо-Запада России, как *Валдай*, озёра *Ильмень* и *Селигер*, реки *Нева*, *Мста*, *Курья*, *Исса* и др.⁴. Древние финно-угорские гидронимы можно встретить почти на всей территории Латвии, особенно к северу от р. Даугавы.

Вероятно, что балтийские племена проникли на данную территорию позже финно-угров. До недавнего времени в топонимической науке была распространена точка зрения, что северная граница древней балтской гидронимии протягивается по линии Рига — Великие-Луки — Тверь, а южная — по р. Припять⁵. Сейчас особое внимание уделяется распространению балтийской топонимии намного севернее этой линии, а именно в южном Приильменье и на большей части территории Псковской области⁶. Фактически вся обозначенная территория рассматривается как древнейшая зона этнического контакта финно-угорских и балтийских народов.

Северная и северо-западная части современной Псковской области находятся в пределах этой древней зоны этнического контакта. Тем не менее, можно определить условную границу, севернее которой начинается преобладание финно-угорской гидронимии. В данной статье для удобства гидронимы расположены в алфавитном порядке по каждому из районов. Сначала рассмотрены гидронимы Гдовского района, расположенного в северной части Псковской области, затем — гидронимы трёх северо-западных районов. В тех случаях, когда не даются ссылки на работы известных топонимистов, представлена наша интерпретация происхождения тех или иных гидронимов, которая имеет предварительный характер и требует дальнейшей корректировки с опорой на результаты исследований специалистов в других областях знания.

Гидронимия Гдовского района:

оз. Велино — фин. *vяля* («просторный, обширный»)⁷, фин. *vello* («плескаться, бушевать, бурлить»), или устарев. славян. *велий* («большой, великий»);

оз. Чудское — раннее название *Peipus* (сейчас в Эстонии и других европейских странах — *Peipsi*) — имеет древнеиндоевропейское происхождение и, вероятно, означает «источник питьевой воды»⁸;

оз. Шаворское — латыш. *šaur* («узкий»);

р. Вейнка — фин. *veino* («широкое устье»);

р. Втроя — эстон. *utra-oja* («несчастный ручей»);

р. Гдовка — балт. *gudde* («кустарник»)¹, или праславян. *gъd* («болото,

1 Манаков А.Г. Неславянская гидронимия Псковской области // Вестник Псковского государственного педагогического университета. – Серия: Естественные и физико-математические науки. – Вып. 4. – Псков: ПГПУ, 2008. – С. 90–95; Манаков А.Г. Топонимические

сырое место»), или эстон. *oudowa*, фин. *outowa* («текущая в лесах»);

р. Елемка — фин. *jelma* («холодный»);

р. Ельминка — эстон., фин. *liemene* («верхний»);

р. Куна — эстон. *küna* («корыто»);

р. Тороховка — эстон. *tooges* («сырой»).

Таким образом, из 10 гидронимов 6 имеют финно-угорское происхождение, 1 — древнеиндоевропейское, 1 — балтийское, 1 — спорное балтийское, славянское или финно-угорское, 1 — спорное славянское или финно-угорское происхождение.

Гидронимия Псковского района:

р. Абижа — древнеиндоевроп. основа *ob-* (*ab-*) («вода»), балт. концовка (латыш. *eza* или литов. *eže* — «межа, гряда»);

р. Дубина — балт. основа *dub-* (литов. *dube, dubus* — «яма, впадина; глубокий»)², или славян. «река, берущая начало или протекающая по дубовому лесу»;

р. Кебь — эстон. *keeb* («водянистый»); литов. *kibis* («репейник»), или *kibtī* («цепляться, повиснуть, прилипнуть»);

р. Лзна — латыш. *lezens* («плоский, мелкий»);

р. Лобянка — литов. *lobas* («русло, углубление»³, «лог, котловина, долина, русло реки, лужа, болотце, низина»), прусс. *labs* («хороший»); гидронимы данного типа встречаются в западнославянской и иллирийской областях, т. е., скорее всего, имеют общеиндоевропейское происхождение⁴;

р. Лочкина — карел. *лаччу* («низкий; мелкий»);

оз. Лудавское — эстон. *loodus* («природа»);

р. Мелетковка — фин. *melute* («шуметь»);

р. Наверка — латыш. *nāv* («смерть»);

оз. Навой — латыш. *nāv* («смерть»);

р. Нимолва — эстон. *neem, niemi*, фин., вепс. *nem* («мыс, полуостров, коса»);

оз. Оево — эстон. *oja* («ручей, речка»), фин. *oja* («канавка»);

р. Олешенка — индоевроп. корень *ol-* («питьё, вода»); Э.М. Мурзаев отмечает, что основа «ольс», распространённая на севере России и в Белоруссии, означает «мокрое, торфяное место»⁴; данная основа отмечена в древнейших индоевропейских гидронимах на Восточно-Европейской равнине (реки *Ола*, *Ольса* и др.), относимых ко второму тысячелетию до н. э.⁵;

свидетели этногенеза славян. — Псков: Изд-во ПГПУ, 2008.

2 Манаков А.Г., Ветров С. В. Неславянская топонимия северо-западных районов Псковской области // Псковский регионологический журнал. — № 6.— Псков: ПГПУ, 2008. —С. 153–163; Манаков А.Г. Финно-угорская и балтийская гидронимия северо-западных районов Псковской области // Магілёўскі Мерыдыян: Навукова-метадычны часопіс. — Том 8. Вып. 1–2 (12–13).— Магілёў, 2008. — С. 58–64; Очерки по этнографии и исторической географии западного порубежья Псковщины / Под ред. А.Г. Манакова / Т.В. Васильева, А.Г. Манаков, А.И. Слинчак, Н.К. Теренина. Псков: Псковский государственный университет, 2014.

3 Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование.— М.: Языки славянской культуры, 2002.

4 Попов А.И. Следы времён минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. — Л.: Наука, 1981.

5 Топоров В.Н. Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий // Вопросы географии. — Сб. 58.— Географические названия.— М., 1962. — С. 41–49.

р. Полонка — балт. основа *pal-*, латыш. *pali* («половодье, паводок»), литов. *pala, palios* («болото, заболочивающееся озеро»); данная основа представлена в древнеевропейской гидронимии (**pal-* «болото, топь, трясина»)⁶, и даже в латинском языке *palus* означает «застойная вода, болото».

р. Пскова — эстон. *Pihkva*, лив. **Piisk-va* («смоляная вода»)⁷, или балт. *Pleskawa* (индоевропейская основа *pal-* «болото», балто-славянский суффикс *-esk-* и древнебалтийская гидронимическая концовка *-awa* в значении «вода», т. е. *Paleskava* — «болотная вода»)⁸;

оз. Ратец — фин. *rauta*, вепс. *raut* («железо»);

р. Стремутка — две индоевропейские основы: первая часть балт. *strauya* («поток, течение»), латыш., литов. *strautas* («ручей, небольшая речка, луг с ручьём»); основа *str-* («течь, стремиться») имеет древнейшее индоевропейское происхождение⁹; вторая часть — древнеевроп. *met-* («середина»), аналоги имеются в иллирийском, албанском и греческом языках¹⁰;

р. Толба — фин. *talvi* («зима») или *tulva* («разлив, наводнение»)¹⁰; древнеиндоевроп. *talawa* или *talape*: балт. основа *tal-/tol-* («дальняя») или древнеиндоевроп. *-ar-* или *-awa* («вода, река»);

оз. Тресно — латыш. *treš* («третий»);

р. Устиха — древнеиндоевроп. основа *ueis/uis* («течение, водный поток»);

р. Черёха — древнеиндоевроп. корень *kers-*, *kirs-*, древнепрус. *kirsnap* («чёрный»), литов. *kersas* («чёрно-белый, пятнистый, рябой»); корневые соответствия этим гидронимам нередки в Латвии и Литве (реки *Kirksnis, Kirksnys, Kirksnove, Kirksn-o-upis* и др.);

р. Шурин — эстон. *surin* («журчание»).

Из 22 гидронимов 7 имеет финно-угорское происхождение, 3 — спорное финно-угорское или балтийское, 4 — балтийское, 5 — спорное древнеевропейское или балтийское, 2 — древнеиндоевропейское, 1 — спорное балтийское или славянское происхождение.

Гидронимия Печорского района:

оз. Велье — фин. *вялья* («просторный, свободный»)¹¹, или устарев. славян. *велий* («большой, великий»);

оз. Дреб — латыш. *dreb* («дрожать»);

оз. Калацкое — финно-угор. основа *kal-/kol-* («рыба вообще»), например, фин. *kala*, мордов., марий., манс. *kol*; древнеславян. *kal* («грязная вода, топкое грязное место»);

оз. Рогозино — славян. *рогоза*, или эстон. *roog*, вепс. *rogo* («тростник, камыш»);

оз. Тильнево (*Gilnevo*) — древнепрус. *gillin* («глубокий»), например, литов. *gilys* или латыш. *dzilš*;

р. Вруда — фин. *vir(rata)* («течь, литься, струиться»), или *vir(ta)* («река, течение, поток, проток, струя»); во второй части — древнеиндоевропейская

6 Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Отв. ред. Н. И. Толстой. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

7 Мельников С.Е. О чём говорят географические названия. – Л.: Лениздат, 1984. – С. 27.

8 Манаков А.Г. Ветров С. В. Указ. соч. – С. 157.

9 Топоров В.Н. Указ. соч. – С. 45.

10 Агеева Р.А. Указ. соч. – С. 189.

основа *ahr* (*udor* или *udos* — «вода»);

р. Кудеб — фин. *kuoto, kuodon* («тина, грязь, вязкий ил»)¹¹; индоевроп. от двух основ: литов. *kud-* («идти, бежать, двигаться») и *-er* (летто-литов. *ure* и древнепрус. *are* — «река»);

р. Лидва — первоначальная форма *Lietava* — литов. *lieti* («лить») и древняя индоевроп. *-awa* («вода»);

р. Меэкси — фин. *mekas(taa)* («шуметь, галдеть»);

р. Обдех (варианты Бдѣха, Авдег, эстонское Обтийоки) — от двух древнеиндоевропейских основ: *ob-* (*ab-*) — «вода» и *tek-* (литов. *teke, takas*) — «небольшая река, течение, русло реки»;

р. Пачковка — эстон. *paatjas* («бледно жёлтая»), фин. *paeta* («бежать, убегать, сбегать»);

р. Педедзе — латыш. *redja* («крайний, последний»);

р. Пимжа — фин. *pimeä* («тёмный»), или *piima* («молочная»); другой вариант (Пивжа) А.И. Попов вывел его от ливск. *piä veiz* («святая вода»)¹².

Из 13 гидронимов 4 имеют балтийское происхождение, 3 — финно-угорское, 3 — спорное финно-угорское или славянское, 2 — спорное финно-угорское или древнеиндоевропейское, 1 — древнеиндоевропейское происхождение.

Гидронимия Палкинского района:

оз. Белая Струга — славян. *струга* (в значении «старица, болото, топь»¹³); древнеиндоевроп. основа *str-* («течь, стремиться»);

р. Варавина — фин. *vaara* («гора, сопка»);

р. Веда — балт. основа *ved-*, (*vind-*); литов. *venta* («сгибать, гнуть»); древнеславян. *vet-*, *vent-* («мокрый, влажный»);

р. Кира — фин. *kireä* («суровый»);

р. Лиепна — латыш. *liep* («липа»);

р. Опочна — славян. *опока* (горная порода, также в прошлом на Псковщине называли известняк); древнеиндоевроп. основа *ob-* (*ab-*) («вода»), например, летто-литов. *-ure* («источник, река»);

р. Струглица — общеславян. *струга* (в значении «речка, ручей»¹⁴, или «старица, болото, топь»¹⁵); древнеиндоевроп. основа *str-* («течь, стремиться»).

Из 7 гидронимов 3 имеют спорное древнеиндоевропейское или славянское происхождение, 2 — финно-угорское, 1 — балтийское и 1 — спорное балтийское или славянское происхождение.

Таким образом, в Гдовском районе, который характеризует северную часть Псковской области, среди неславянских гидронимов преобладают финно-угорские, составляющие 60 % (или до 80 %, если включить спорные версии), балтийские и древнеиндоевропейские гидронимы составляют 20 % (или 30 % со спорными версиями). При этом иная ситуация складывается в трёх северо-западных районах области (Псковском, Печорском и Палкинском), где финно-угорская гидронимия не имеет заметного перевеса (около 30 %, или до 48 %,

11 Топоров В.Н. Указ. соч. — С. 45.

12 Агеева Р.А. Указ. соч. — С. 191.

13 Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. — М.: Мысль, 1974. 382 с.

14 Седов В.В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Вопросы географии. — Сб. 94, 1974. — С. 24.

15 Агеева Р.А. Указ. соч. С. 206.

включая спорные случаи), при этом каждый третий гидроним интерпретируется как балтийский или древнебалтийский. Отметим, что именно в этих районах встречается несколько гидронимов, интерпретируемых как древнейшие индоевропейские, а вместе с древнебалтийскими и включая спорные случаи их доля здесь достигает 30 %.

Наличие финно-угорской гидронимии на севере Псковской области в полной мере подтверждается археологическими данными — именно финно-уграми считаются носители присутствовавших здесь культур сетчатой или текстильной керамики раннего железного века. Намного сложнее объяснить высокий удельный вес на этих землях гидронимии балтийского происхождения. Ранее нами высказывалось предположение, что гидронимия балтийского происхождения проникла на территорию региона в середине I тысячелетия н. э. преимущественно в ходе славянской колонизации Северо-Запада, в которой также участвовали подхваченные по пути движения славян балтийские племена. Пока такое предположение остаётся в силе. Хотя часть этой гидронимии может иметь более раннее происхождение. Она могла быть оставленной в бассейне р. Великой носителями прибалтийской культуры (родственной фатьяновской культуре Приильменя) во II тыс. до н. э. Эти культуры соотносятся с древнеевропейской праязыковой общностью, гидронимия которой может рассматриваться как протобалтская («балто-древнеевропейская»)¹⁶.

Несмотря на минимальный перевес финно-угорской гидронимии (над балтийской) в целом в четырёх рассмотренных районах, заметим, что её доля начинает превышать половину неславянских названий водных объектов только в северной части Псковского района. Собственно здесь и проходит та самая граница, где начинается реальный перевес финно-угорской гидронимии над балтийской, причём эта граница примерно соответствует зональной природной границе — южной тайги и подтайги.

Об авторе

Манаков Андрей Геннадьевич, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

Andrei Manakov, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

НАРОДНОСТЬ СЕТУ (СЕТО) КАК ФЕНОМЕН РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Статья посвящена народности сету (сето), феномен которой проявляется в ареале расселения, в языке, в особенностях религиозного мировоззрения и культуре. Особое внимание в статье уделено исчезающему языку данной народности и мерам по его сохранению.

Ключевые слова: региональная культура, сету (сето), исчезающий язык, мультилингвизм.

I.B. Goldovanskaya

THE SETU (SETO) PEOPLE AS PHENOMENON OF THE REGIONAL CULTURE IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA

The article is devoted to the Seto people, peculiarities of which reveal in the settlement, in the language, in the religious worldview, and culture. Particular attention is paid to the endangered language of the people and measures of its preservation. *Keywords:* regional culture, Setu (Seto), the endangered language, multilingualism

Россия – исторически сложившееся многонациональное государство, гармоничное развитие которого невозможно без сохранения национальной самобытности и уважения каждого народа, без поддержки этнокультурного развития национальных меньшинств.

В связи с этим становится все более актуальным изучение региональной культуры, включающей в себя различные культуры народов, населяющих регион.

Одним из уникальных вариантов региональной культуры северо-запада России является культура народности сету, которая проявляется через специфическую духовную и материальную человеческую деятельность, через своеобразие языка и этническое самосознание.

Сету (самоназвание «сето») – небольшой финно-угорский народ уральской языковой семьи, включенный **в 2010 году в Единый перечень коренных малочисленных народов России**

Наряду с эндоэтнонимом «сето» существует многочисленный ряд этнонимов данной этнической общности, которые отражают ее исторические и культурные особенности, несут в себе ценную лингвистическую информацию: «псковская чудь», «полуверцы», «двоеверы», «псковские эсты», «православные эстонцы», реже – «сеторахвас», «сетукезы».

Этимология этнонимов различная. Например, этноним «псковская чудь» отражает точку зрения, что сету является частью коренного финно-угорского населения северо-запада Восточно-Европейской равнины, который сохранился до нашего времени «осколком» древней чуди (общих предков эстонцев и сету). Согласно этой версии славяне встретились с ними при

заселении северо-запада будущей России¹.

Название этноса «псковские эсты» выражает их религиозную принадлежность и языковую специфику, и имеет следующее происхождение: «Летом 1815 г. немецкий путешественник Христиан Юст Шлегель встретил на западе Псковской губ. крестьян, говоривших на языке, близком к эстонскому, но исповедовавших православие... Шлегель дал им имя – псковские эсты. Этот этноним закрепился в научной литературе XIX в., несмотря на то, что русские крестьяне Псковщины ... называли их иначе – полуверцами, а эстонцы Лифляндии – сету или сеторахвас»².

Происхождение этнонимов «полуверцы», «двоеверы» или «сетукезы» имеет две основные версии, одна из которых отражает особенности религиозного мировоззрения, другая – процесс переселения данного этноса. Следует отметить, что в религии сету православие долгое время переплеталось с язычеством. Это нашло отражение в фольклорном творчестве и обрядовых традициях. Так, даже после войны во многих хуторах рядом с иконой стояла фигурка главного древнего божества сету – Пеко, бога силы и плодородия. А сюжет сетуского эпоса «Пеко» в свою очередь непосредственно связан с пещерами православного Псково-Печерского монастыря. «Пеко – король Сету-маа – много-много лет спит в глубокой пещере: как следует из повествования, он покоится в святых пещерах в Печерском монастыре. Чувствуя приближение смерти, богатырь Пеко ложится в пещерах, однако своему народу он говорит, что если большая беда придет на его родную землю, то пусть они его позовут – тогда герой пробудится и поможет им одолеть врага. Вокруг пещер он велит построить храм и монастырь – во славу Христа и Девы Марии...»³. По другой версии, «полуверцами» стали называть принявших православие эстов, переселившихся из Прибалтики на земли Псково-Печерского монастыря⁴.

Историческая область расселения народности сету носит название Сету-маа (Сетомаа, т.е. земля сету). Русские иногда называли эту местность Сету-кезией. В настоящее время этнос проживает на территории двух государств: на юге Эстонии (уезды Вырумаа и Пылвамаа, до 1920 года входившие в состав Псковской губернии), и в примыкающем Печорском районе Псковской области (с 1920 по 1940 годы — уезде Петсери Эстонской Республики). По мнению представителей народности сету, сложившееся геополитическое положение отражает двуглавый орел – отличительная черта декора сетуских фибул, один

---

1 Потапова К.Н. Вопросы происхождения сету в работах авторов второй половины XIX – начала XX вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-proishozhdeniya-setu-v-rabotah-avtorov-vtoroy-poloviny-xix-nachala-hh-vv/>. – Дата обращения: 07.10.2016. – Загл. с экрана.

2 Историко-этнографические очерки Псковского края: [Монография] / Под ред. А.В. Гадло – Псков: ПОИПКРО, 1998. – С. 269

3 Теренина Н.К. Отображение элементов ландшафтов юго-восточной Эстонии и Печерского района Псковской области в фольклорном наследии сету [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/otobrazhenie-elementov-landshaftov-yugovostochnoy-estonii-i-pechorskogo-rayona-pskovskoy-oblasti-v-folklornom-nasledii-setu>. – Дата обращения: 07.10.2016. – Загл. с экрана.

4 Манаков А.Г. Этническая идентичность Сету Печорского района: итоги пятнадцатилетних исследований (1999 – 2014 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-setu-pechorskogo-rayona-itogi-pyatnadsatiletnih-issledovaniy-1999-2014-gg>. – Дата обращения: 10.10.2016. – Загл. с экрана.

из любимых мотивов сетуских украшений, один из древнейших языческих символов. Эта птица смотрит одной головой в Эстонию, другой в Россию⁵.

Численность сету достигла своего максимума (около 21 тысячи человек) в начале 20 века, после этого стала неуклонно сокращаться. По последней Всероссийской переписи РФ (2010) всего 214 человек идентифицировали себя как сету⁶. По разным оценкам, число сету в Эстонии составляет около 5000 – 6000 человек⁷. Резкое сокращение численности сету ставит вопрос о сохранение культурной идентичности этой народности.

Культура сету развивалась и развивается «на границе двух Миров» – под воздействием русской и эстонской культур, в окружении русского и эстонского языков. Создатель эстонского эпоса «Калевипоэг» Ф.Р. Крейцвальд представлял культуру сету как часть эстонской культуры, однако очень высоко оценил отношение этой народности к своей культуре. «Он увидел в культуре сету многие древнеэстонские черты, особенности в области фольклора и дохристианских обрядов, давно утраченные в Лифляндской и Эстляндской губерниях, но стойко сохраняющиеся у «псковских эстов», несмотря на влияние окружающей их русской культуры. Он писал: «Уже при мимолетном взгляде на этих людей убеждаешься, с каким железным упорством они цепляются за старину. При том, что они православные и длительное время находились под влиянием русской культуры, они устойчиво сохранили и свою одежду, и, язык, и обычаи...»⁸.

До наших дней дошло богатейшее народно-поэтическое творчество сету. Одним из ярких лингвистических образцов культуры сету является песенное творчество. Древняя традиция многоголосного хора «леело» признана ЮНЕСКО в 2009 году особо охраняемым объектом нематериальной культуры. Леело – это народная аллитерационная песнь сету, где певец импровизирует слова. Специфика «леело» в том, что хор, вторя запевале, повторяет сначала последние слоги в его куплете, а затем всю заключительную фразу. Самые знаменитые хранительницы песенно-поэтических традиций Сетумаа могут спеть от 10000 до 20000 песенных строк и получают звание «Матерей Песен сетоских». «Мать Матерей Песен сетоских»⁹ Анне Вабарна хранила на протяжении всей своей жизни эпос языческому богу плодородия Пеко, аккомпанируя себе на каннеле, древнейшем музыкальном инструменте. Эпос, который насчитывает 7975 строк, был записан исследователями при жизни сказительницы и недавно, уже в девяностые годы прошлого века, текст напечатан в Финляндии.

---

5 Галицкая И.А. . Фибулы сету в псковских коллекциях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/fibuly-setu-v-pskovskih-kollektsiyah>. – Дата обращения: 10.10.2016. – Загл. с экрана.

6 Исчезающие народы России. Сето. Портал культурного наследия России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culture.ru/news/50938/ischezayushchie-narodi-rossii-seto>. – Дата обращения: 17.10.2016. – Загл. с экрана.

7 Отчет об окончательных результатах международного исследовательского проекта ELDIA (European Language Diversity for All). Сокращенная версия оригинального англоязычного отчета, написанного Йоханной Лааксо, Аннели Сархимаа, Сией Спителиопулу-Окермарк и Рееттой Тойванен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/get/o:376832/bdef:Content/get>. – Дата обращения: 21.10.2016. – Загл. с экрана.

8 Историко-этнографические очерки Псковского края: [Монография] / Под ред. А.В. Гадло – Псков: ПОИПКРО, 1998. – С. 269

9 Вариксоо Е. Ю. Песни и танцы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finnougoria.ru/community/folk>. – Дата обращения: 17.10.2016. – Загл. с экрана.

По языку сету относятся к финно-угорской языковой семье. Традиционно их язык классифицируют как южный диалект эстонского (один из говоров вырусского диалекта эстонского языка). Сами сету считают свой язык самостоятельным.

Язык сету классифицируется как автохтонный язык – язык коренного народа в областях их традиционного проживания. В связи с этим происходит постепенная ассимиляция языковой общности, с одной стороны, с народами России, а с другой стороны, с народами Эстонии. Две разные культуры оказывают влияние на один и тот же язык, на одну и ту же этническую общность. Этот язык, как и большинство автохтонных языков, является малописьменным.

В 2009 году язык сету включён ЮНЕСКО в Атлас исчезающих языков мира как «находящийся под угрозой исчезновения». В атласе исчезающих языков мира, в зависимости от уровня угрозы их жизнеспособности, все 2500 языков данной категории подразделены на пять групп, в соответствии с которыми языки могут находиться в состоянии: неустойчивости, опасности, серьезной опасности, критической ситуации и полного исчезновения. Язык Сету находится в состоянии опасности¹⁰. А ведь именно язык для многих людей, которые принадлежат к национальным меньшинствам, является одним из главных факторов их идентификации и идентичности в этой этнической общности.

Как отметил экс-генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура, «исчезновения языка влечет за собой исчезновение многочисленных форм нематериального культурного наследия и, в особенности, драгоценного наследия традиций и устных форм выражения общин – поэзии и легенд, даже поговорок и шуток. Утрата языков наносит ущерб связи между человечеством и биологическим разнообразием, поскольку языки являются носителями богатейших знаний о природе и вселенной»¹¹.

С целью сохранения исчезающих языков происходит активизация исследований языков национальных меньшинств и разработка новых подходов к явлению европейского многоязычия. **Один из таких интердисциплинарных исследовательских проектов, посвященных языкам меньшинств, относящихся к финно-угорской языковой семье, стал проект ЕЛДИА**, в задачу которого входило новое формирование и переоценка индивидуального и общественно-го мультилингвизма.

Фокус нового концепта европейского языкового разнообразия направлен прежде всего:

1) не на изучение более распространённых европейских языков, как например английского или французского, а на понимание многоязычия как части европейского культурного наследия, что предусматривает использование национальных и региональных языков на одном уровне с международными общепринятыми языками;

2) не на соперничество языков, при котором многоязычие рассматривается как психологический или социоэкономический груз индивидуума или об-

10 Moseley, Christopher (ed.). 2010. Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>. – Дата обращения: 19.10.2016. – Загл. с экрана.

11 ЮНЕСКО представило новое издание Атласа исчезающих языков мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/culture/20090220/162695208.html> – Дата обращения: 19.10.2016. – Загл. с экрана.

щества, а на интерактивные и конструктивные модели, которые подчеркивают общественный диалогизм и сотрудничество;

з) на разработку более дифференцированного взгляда на языки меньшинств: в центре внимания находятся не упрощённые функции языка, такие как, говорю / понимаю или не говорю/не понимаю, а более комплексные роли языка как носителя символических функций, культурных ценностей, а также широкий спектр культурных традиций, основанных на базе языка¹².

Таким образом, лейтмотивом разработанного концепта является парадигма сотрудничества, недискриминации и мультилингвизма с целью сохранения языков меньшинств.

Деятельность по защите, сохранению и распространению языков и культур национальных меньшинств должна осуществляться не только на международном, но и в первую очередь на национальном и региональном уровнях.

Государство и регионы должны разрабатывать национальные стратегические планы по комплексному содействию исчезающим языкам, учитывая такие важные факторы, как: передача языка между поколениями, абсолютное число носителей и тенденции в существующих языковых общинах.

В распоряжении данных языковых групп должны быть легко доступные каналы связи, с использованием современных технологий и средств коммуникации.

В целях спасения языкового и культурного наследия малочисленных народов важным шагом в этом направлении является развитие туризма, так как это создает условия для занятия традиционными видами деятельности, для сохранения культуры, стиля жизни, национальной одежды и особенностей национальной кухни.

Вместе с тем вымирающие языковые сообщества должны сами активно содействовать улучшению положения в плане сохранения языков, передавая язык молодым поколениям и убеждая их в том, что родные языки являются полезными, актуальными и привлекательными для них и для других.

Важный вклад в этот процесс должна внести система образования, разрабатывая инновационные модели поликультурного образования, так как духовный уровень будущих поколений зависит не только от восприятия в целом культуры цивилизации, страны, но и от познания региональной культуры родного края, как идентификации себя с малой родиной. Культура сету должна занять достойное место в региональном компоненте системы общего и высшего профессионального образования.

Об авторе

Голдованская Ирина Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков, Псковский государственный университет, Россия.

Irina Borisovna Goldovanskaya, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pskov State University, Russia.

e-mail: irinagold2000@mail.ru

¹² Отчет об окончательных результатах международного исследовательского проекта ELDIA (European Language Diversity for All). Сокращенная версия оригинального англоязычного отчета, написанного Йоханной Лааксо, Аннели Сархимаа, Сией Спилиопулу-Окермарк и Рееттой Тойванен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/get/o:376832/bdef:Content/get>. – Дата обращения: 21.10.2016. – Загл. с экрана.

ПОЭТЫ-КРЕОЛЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматривается судьба поэтов, уроженцев французских колоний, в условиях жесткой централизации культурной и эстетической жизни, а также языкового пуризма, где центром искусства и образцом французского литературного языка был Париж.

Ключевые слова: модель «центр – периферия», Париж, поэты-креолы, поэтическая репутация, Леконт де Лиль, Лакоссад.

E.V. Sashina

POETS CREOLES IN THE FRENCH LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.

The article discusses the fate of poets, natives of the French colonies, in conditions of strict centralization of the cultural and aesthetic life, as well as linguistic purism, where the arts centre and the model of the French literary language was Paris.

Keywords: the model of “center – periphery”, Paris, poets creoles, poetic reputation, Leconte de Lisle, Lacaussade.

«Ты говоришь, что я неправ, оставаясь вдали от центра художественной жизни. Нет, я прав, я давно осознал, что делаю и почему. Центр моей художественной жизни в моем мозгу, а не где-то в другом месте», – писал в марте 1892 г. парижанин Поль Гоген жене-датчанке, упрекавшей его за то, что он покинул столицу Франции². Решение Гогена уехать на Таити противоречило привычной не только для французов, но и для европейцев в целом модели «центр – периферия», где центр притяжения, куда устремлена вся честолюбивая творческая молодежь, – это Париж, а периферия – весь остальной мир, о чем свидетельствуют как прямые высказывания французских политических деятелей, философов и писателей, так и их поступки.

Например, Пьер Мариво (1688-1763), французский драматург и прозаик, утверждал, что «Париж есть мир, все другие земли – лишь его предместья» (Paris, c'est le monde; le reste de la terre n'en est que les faubourgs)³. Немецкий публицист и писатель Карл Людвиг Бёрне (1786-1837), который в 20–30-х гг. XIX в. жил в Париже, не раз подчеркивал: «Когда <...> я в Париже, то вместе с тем – во всей Европе...», или «живя в Париже, живешь во всей Европе»⁴. Более того, для Бёрне Париж – это «телеграф прошлого, микроскоп настоящего и телескоп будущего. Это регистратор всемирной истории» (1831)⁵.

Для поэта, прозаика, драматурга и журналиста Жерара де Нерваля (1808-1855), родившегося в Париже, этот город – центр литературно-эстетической, художественной жизни, поэтому он отказался от услуг А. Дюма, который, используя покровительство герцога Орлеанского, пытался выхлопотать для него должность атташе посольства в Германии (1838), ведь те, кто остаются долгое время вдалеке от столицы Франции, по мнению Жерара, рискуют упустить движение литературных идей (on risque trop de perdre le courant des

idées littéraires)¹. А художник-импрессионист Пьер Огюст Ренуар (1841-1919) по поводу отъезда Гогена заметил, что «незачем скрываться на Таити – писать можно ничуть не хуже и на бульваре Батиньоль»¹.

Действительно, статус Парижа для французов особенный – это не только столица государства (центр политики, искусства, литературы и науки), но и олицетворение всей Франции. И этому есть исторические причины: процесс формирования Франции как унитарного национального государства начался с возвышения центрального привилегированного региона, которым стал Париж. Именно «мощному централизирующему парижскому началу удалось подавить, но не интегрировать периферию»². Поэтому путь «из периферии – в центр», в «большую литературу», типичен для многих французских авторов как безвестных, так и ставших знаменитыми (например, Бальзак, Банвиль, Верлен, Виньи, Готье, Гюго, Дюма, Ламартин, Рембо, Сент-Бёв, Стендаль, Флобер).

Для французских писателей еще более важен тот факт, что и литературный французский язык формировался в парижском регионе: «Расширяя область своего распространения среди населения с разной степенью образованности и с различными речевыми навыками, французский язык должен был неизбежно измениться <...> влияние центра, пока он существует, вполне достаточно для того, чтобы поддерживать единство языка; во Франции таким образцом-регулятором был Париж»³. Тем не менее, следует учитывать и процесс регионализации французского литературного языка, т.е. его взаимодействие с провинциальными говорами, что проявлялось в произношении, замене литературных слов и форм на диалектные. Именно это не только заметно выделяло провинциалов среди парижан, но и привело к формированию у них чувства языковой неполноценности «под влиянием общефранцузского пуризма, согласно которому в языке все не парижское – неправильно»³.

В условиях четкой маркированности пространства и языка судьба уроженцев французских колоний – креолов, решивших реализовать свой потенциал в метрополии, была сложна и драматична.

Сначала креолами называли белых потомков французских колонистов, но потом слово стало обозначать и людей смешанного происхождения, одним из родителей которых был европеец. Язык, на котором они разговаривали соответственно был креольский. Креольский язык не однороден, т.к. формировался на основе французского в смешении с местными диалектами. В зависимости от географического положения колонии различают, например, гаитянский, луизианский, гвианский и маскаренский креольские языки с множеством диалектов.

Один из Маскаренских островов – Бурбон (ныне Реюньон), расположенных в Индийском океане, подарил Франции двенадцать поэтов и писателей, не все имена которых широко известны³. Однако, по крайней мере, два имени знают

---

1 Гоген П. Письма. Ноа-Ноа. Из книги «Прежде и потом». – Л.: Искусство, 1972. – С. 61.

2 Marivaux P. de La Méprise, comédie de M. de Marivaux, représentée pour la première fois par les Comédiens italiens ordinaires du Roi, le 16 août 1734. – Paris: Prault père, 1739. – P. 47.

3 Цит. по: Порозовская Б.Д. Людвиг Бёрне. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. Серия: Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. – СПб.: Издательство Ф. Павленкова, 1893. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/porozowskaja_b_d/text_0030.shtml.

не только во Франции, но и за ее пределами: Эварист Парни (1753-1814), и Шарль Леконт де Лиль (1818-1894).

Эварист Парни, «принц элегиков», был особенно популярен во Франции в 80-х и 90-х гг. XVIII в. Его потомок по женской линии – Шарль Леконт де Лиль в 1886 году занял кресло № 14 во Французской Академии (после смерти Виктора Гюго). Следует отметить, что одна из ветвей генеалогического древа, составленного Леконтом де Лилем, восходит к лангедокскому дворянину – маркизу Франсуа де Лану, дочь которого, Женестьева де Лану, вышла замуж за Поля Парни и родила сына – Эвариста Парни. Дед Леконта де Лиля по материнской линии, Огюст де Рикур де Лану, приходился двоюродным братом Эваристу Парни. Таким образом, согласно изысканиям Ш. Леконта де Лиля, поэт Парни был его двоюродным дедом: «Le poète Parny est donc ainsi mon grand oncle maternel»⁴.

С именем Леконта де Лиля странным образом связано имя поэта скромного дарования, но примечательной судьбы – Огюста Лакоссада. Во времени и пространстве они почти всегда рядом: родились с разницей в один год (1817 – Лакоссад, 1818 – Леконт де Лиль), оба в 1852 г. опубликовали сборники стихов (Леконт де Лиль – «Античные стихотворения», Лакоссад – «Поэмы и пейзажи»), оба были противниками рабства и открыто требовали его отмены в колониях (правда, рабы были только на плантации отца Леконта де Лиля), оба входили в поэтическое движение «Современный Парнас» (только Леконт де Лиль в качестве мэтра), оба служили сначала в библиотеке министерства просвещения, затем в библиотеке Сената (Лакоссад с 1870 по 1897, год смерти, а Леконт де Лиль с 1871 по 1894, год смерти), оба они должны были ощущать себя неполноценными: и по месту рождения, и по несовершенству языка.

Существует еще одно объединяющее обоих поэтов начало – особенная репутация и статус поэта-креола. Так, поэт, критик, член Французской Академии с 1844 г., Шарль-Огюстен Сент-Бёв (1804-1864) в статье «Поэзия и поэты в 1852 году», отзываясь о сборниках «Поэмы и пейзажи» Лакоссада и «Античные стихотворения» Леконта де Лиля, говорит об их авторах: «эта раса креолов, кажется, рождена, чтобы мечтать и петь»⁵, очертив своего рода «границы дозволенного» в поэзии и указав в качестве своеобразного маркера на «божественно сделанную» (*divinement rendue*) картину тропических пейзажей Бернардена де Сен-Пьера⁶. Действительно, по мнению Сент-Бёва, поэтам-креолам следует ограничиться описанием экзотической природы. Поэтому он благосклонен к стихам Лакоссада, который «глубоко чувствует эту тропическую природу и заставил свою музу всецело служить <...> своему любимому краю» (*qui sent profondément cette nature tropicale, a mis sa muse tout entière au service <...> de son pays bien-aimé*)⁷, тогда как в сборнике, «молодого, но уже зрелого» (*Jeune, mais déjà mûr*) Леконта де Лиля, отмечая

4 Цит. по: Ворбс Г.Х. Феликс Мендельсон-Бартольди: Жизнь и деятельность в свете собственных высказываний и сообщений современников. – М.: Издательство «Музыка», 1966. – С. 105.

5 Nerval G. de. Correspondance (1830 - 1855). – Paris, 1911. – P. 57.

6 Перрюшо А. Жизнь Гогена: Пер. с франц. – М.: Радуга, 1989. – С. 198.

7 Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://freebooks.site/uchebnik-teoriya-politiki/territorialno-gosudarstvennoe-stroitelstvo.html>.

умение поэта «сочетать подражание с передовой философской мыслью и с весьма настоящим ощущением природы», критик акцентирует внимание на любимом им стихотворении «Полдень», где «поэт хотел создать глубокое впечатление от этого неподвижного и знойного часа, [свойственного] южному климату» (*j'aime mieux <...> la pièce intitulée Midi. Le poète a voulu rendre l'impression profonde de cette heure immobile et brûlante sous les climats méridionaux*)⁸. И если Лакоссад не выходит за установленные рамки, то Леконт де Лиль уже в предисловии к дебютному сборнику «Античные поэмы» выдвигает свою концепцию обновления французской литературы, что не могло не сказаться на оценке его творчества критиками и читающей публикой. Более того, по наблюдению М. Уоррена, читателям метрополии «колониальное происхождение Леконта де Лиля было практически невозможно обнаружить в его поэзии – а реюньонским критикам – распознать островные влияния на протяжении всего его творчества» (*Leconte de Lisle's colonial origins were virtually undetectable in his poetry – and Réunionnais critics to discern insular influences throughout his writings*)⁹.

«Есть что-то в душе и судьбе Леконта де Лиля от дуба, пораженного молнией», – писал в 1954 году Пьер Флот в своей книге «Леконт де Лиль: Человек и Творчество», отмечая явный трагизм его мироощущения и даже некую противоречивость двойственности его существования. Действительно, французский поэт Шарль Леконт де Лиль оказывается поэтом не вполне французским, поскольку родился в 1818 году в заморской колонии Французской империи – на одном из Маскаренских островов, затерянных в Индийском океане, острове Бурбон (ныне – Реюньон), и для родившихся в метрополии, особенно в Париже, он так и останется креолом, плохо владеющим французским языком. Как иронично заметил Луи Тьерселен по поводу оценок Леконта де Лиля в сертификате на получение степени бакалавра от 14 ноября 1838 г., «смешайте эти неплохо, эти посредственно, эти удовлетворительно, эти достаточно, эти слабо, и эти очень слабо, вы получите переводчика Гомера и Эсхила, Еврипида и Горация, любителя всех историй и всех географий, философа, эрудита, самого большого поэта второй половины этого века»¹⁰. Литературная репутация этого поэта также не однозначна: с одной стороны, почитание небольшой группы друзей и учеников, а также официальное признание его заслуг – избрание в 1886 году во Французскую академию. С другой – отсутствие подлинного интереса к творчеству Леконта де Лиля, который, по представлению современных ему критиков, «бесстрастный, чуждый любому человеческому чувству археолог, который умеет создавать только подражания, поклонник формы, у которого нет идеи, и который утешается, проповедуя Нирвану»¹⁰. Он издал четыре сборника поэм и стихотворений, постоянно их редактируя: «Античные поэмы» (1852), «Стихотворения и поэмы» (1855), «Варварские поэмы» (1862) и «Трагические поэмы» (1884). Однако современники признавали лишь одно его стихотворение – «Полдень» («Античные поэмы», 1852), потому что оно

8 Доза А. История французского языка / Пер. с фр. – М., 1956. – С. 436.

9 Клоков В.Т. Регионализация французской речи во Франции. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – Т. 10. – № 1. – С. 29.

10 Полный список прозаиков и поэтов-реюньонцев (с середины XVIII в. по XXI в.) включает 66 фамилий.

получило высокую оценку авторитетного писателя и критика Сент-Бёва.

Для молодых поколений французских литераторов Леконт де Лиль – фигура более чем противоречивая и сомнительная: плантатор-аболиционист, фурьерист, разочаровавшийся в фурьеризме, аристократ-республиканец, получающий пенсию от правительства Наполеона III, скромный переводчик Гомера, Гесиода, Феокрита и библиотекарь Сената¹¹. «Его больше не читают, его объясняют перед учениками средней школы», – констатирует в эссе «В семье не без урода» (1972) Жан-Поль Сартр¹².

Исследователи творчества Шарля Леконта де Лиля на протяжении всего XX века не могли преодолеть границ, очерченных мифом о бесстрастном аполитичном поэте-пессимисте, ограниченном подражателе, интересующемся только античностью (в широком смысле) и заботящемся исключительно о форме поэтического произведения.

Лишь в XXI веке публикуются работы, благодаря которым начинает разрушаться существовавший более ста лет стереотип восприятия творчества Шарля Леконта де Лиля. Это исследование Каролин де Мюльдер «Леконт де Лиль, между утопией и революцией» (Leconte de Lisle, entre utopie et république, 2005) о политических пристрастиях французско-реюньонского поэта. А также книга Кристофа Каррера «Леконт де Лиль или Страсть красоты» (Leconte de Lisle ou la Passion du beau, 2009), где ученый пытается реабилитировать «этого бесподобного художника», показывая его до крайности чувствительным, уязвимым, влюбчивым, создавая далекий от официального облик. Тем не менее, и Кристоф Каррер полагает, что «Леконт де Лиль предпочитал (privilégiait) возмущение, народное волнение (l'émotion) интеллектуализму философских систем, между которыми он никогда не умел выбирать. Каждый универсум, ему казалось, содержал свою частицу правды, свою гениальную искру...»¹³

Еще более удручающей была участь Лакоссада, который был не просто креолом, он был квартероном – внебрачным ребенком богатого бордосского адвоката Пьера-Огюстена Казенава де Лакоссада от матери-метиски, креолки Фанни-Люсиль Дежарден, таким образом, он имел в жилах четверть туземной крови. Статус квартерона и незаконорожденного ущемлял человеческое достоинство и имел для Огюста серьезные последствия. Из-за его низкого социального статуса учёба в Париже была ему недоступна, поэтому он учился в Нанте. Был секретарем Сент-Бёва (1848-1852), который всегда тепло-снисходительно о нем отзывался. Судьба была к Лакоссаду достаточно жестока: он был несчастлив в браке, после того как двое их детей умерли в младенческом возрасте, его оставила жена.

Леконта де Лиля и Лакоссада связывали непростые отношения: сначала почти дружеские, потом – холодные, издевательски враждебные. Поначалу Лакоссад был другом Леконта де Лиля, его защитником, затем успехи более молодого поэта привели к тому, что Лакоссад стал его ненавидеть, полагая, что слава Леконту де Лиллю досталась несправедливо. Шарль Леконт де Лиль, с одной стороны, поддразнивает Лакоссада за его смуглый цвет кожи, называя

11 Dornis J. Essai sur Leconte de Lisle. – Paris: Société d'éditions littéraires et artistiques, 1909. – P. 4.

12 Sainte-Beuve Ch. A. De la poésie et des poètes en 1852 // Sainte-Beuve Ch. A. Causeries du lundi. – T. V. Paris, 1853. – P. 396.

13 Ibid. P. 395.

его либо Bamboula, либо Zanzibar и даже сочиняет эпитафию еще живому Лакоссаду:

Il est là
Bamboula.
Tra la la.¹⁴

С другой стороны, он публикует стихи Лакоссада в третьем томе сборника «Современный Парнас».

Именно вокруг поэтического альманаха «Современный Парнас» формируется небольшая группа поэтов-креолов: Леконт де Лиль, Лакоссад, Леон Дьеркс (Léon Dierx, 1838-1912), признанный в 1898 году «Королем Поэтов», и Жозе-Мари де Эредиа (José-Maria de Heredia, 1842-1905), испанец по происхождению, в 1893 году натурализовавшийся как француз.

Благодаря таланту и энтузиазму поэтов-парнасцев, получивших официальное и полуофициальное признание их заслуг, не только изменилось отношение к уроженцам заморских владений Франции, но и позволило повысить их собственную самооценку. Так, например, писатели, журналисты и критики искусства – двоюродные братья, уроженцы острова Реюньон, Жорж Атена (Georges Athénas, 1880-1953) и Александр Мерло (d'Alexandre Merlot, 1877-1958), которые работали под творческим псевдонимом Мариус-Ари Леблон, – посвятили свою книгу о Леконте де Лиле¹⁵ Леону Дьерксу и памяти Жозе-Мари де Эредиа, «Друзьям Леконта де Лиля; великим поэтам и креолам» (Aux amis de Leconte de Lisle; aux grands poètes et aux créoles).

Об авторе

Сашина Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Псковский государственный университет, Россия.

Elena Vladimirovna Sashina, Candidate of Philological sciences, Associate Professor, Pskov State University, Russia

E-mail: maranta615@gmail.com

---

14 Ibid.

15 Ibid.

МЕДИА-ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

**ОБРАЗ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СОСЕДЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
НА СТРАНИЦАХ ВОЕННОГО ЖУРНАЛА
«ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ 1904–1905 ГГ.»**

В статье рассматриваются и анализируются образы дальневосточных соседей Российской империи: Японии и Китая, которые формировали в сознании своих читателей отечественные дореволюционные журналисты на страницах военного периодического издания «Летопись войны с Японией» в период разраставшегося международного напряжения начала XX века. Особое внимание уделяется образу главного соперника России в регионе — Японии, которая к тому времени, по мнению российского правительства, превратилась в нового лидера восставшего азиатского мира.

Данная статья может заинтересовать всех, кто интересуется как историей отечественной журналистики, так и историей русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ключевые слова: история российской журналистики, журнал «Летопись войны с Японией», русско-японская война, Япония, Китай, общественное сознание, информационное воздействие.

V.V. Frolov

**THE IMAGE OF THE FAR EASTERN NEIGHBOURS OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE PAGES OF THE MILITARY JOURNAL «CHRONICLE OF THE WAR
WITH JAPAN 1904–1905»**

The article deals with images and the Far East of the Russian Empire's neighbors are analyzed: Japan and China, which was formed in the minds of his readers to the pre-revolutionary Russian journalists on the pages of military periodical «Chronicle of the war with Japan» in the period of international tension grows the early XX century. Particular attention is paid to the image of Russia's main rival in the region – Japan, which at that time, according to the Russian government, has become a new leader of the insurgent Asian world.

This article may be of interest to all those who have wondered how a history of domestic journalism and the history of Russian-Japanese War of 1904–1905.

Keywords: the history of Russian journalism, the journal «Chronicle of the war with Japan», Russian-Japanese war, Japan, China, social awareness, information influence.

Более 110 лет тому назад завершилась русско-японская война 1904–1905 гг. Она показала не только неэффективность тогдашнего государственного строя Российской империи, но и истинное отношение ведущих мировых держав к нашей стране. В силу того обстоятельства, что Россия в ходе этого масштабного военного столкновения со своим дальневосточным соседом в основном терпела поражения, новости с полей боевых сражений для подданных российской короны носили в основном нерадужный характер. Несмотря на это, народ получал информацию о событиях русско-японской войны начала XX

в. из различных источников (преимущественно проправительственного толка).

Одним из таких информационных источников о событиях русско-японской войны 1904–1905 гг. в Российской империи было военное периодическое издание «Летопись войны с Японией». Этот еженедельный иллюстрированный журнал издавался на протяжении всей войны. Всего в свет было выпущено 84 номера «Летописи...». Главным редактором издания являлся полковник (впоследствии генерал-майор) Д. Н. Дубенский¹.

«Летопись войны с Японией» — ценный и информативный источник не только о ходе боевых действий русско-японской войны, но и об особенностях экономического, социального и политического развития стран Дальнего Востока, которые так или иначе были задействованы в этом военном столкновении.

В представленной статье мы обратимся к рассмотрению и анализу образов, создаваемых на страницах «Летописи...», таких дальневосточных государств-соседей России, как Япония и Китай.

Особое внимание журналисты исследуемого периодического издания уделяли образу прямого врага Российской империи в войне 1904–1905 гг. — Японии.

В № 25 «Летописи...» за 1904 г. содержится статья «Желтая опасность», в которой представлены основные теоретические постулаты, направленные на формирование негативного образа как японцев, так и других азиатских народов, стремившихся к обретению суверенитета. В данной публикации её автор П. Вожин (творческий псевдоним Петра Николаевича Дубенского, брата главного редактора журнала — авт.) отмечает, что «фантом “желтой” опасности, ранее бывший посмешищем общеевропейского скептицизма, оказался возможной и недалекой действительностью»². Успехи японцев в войне против России «пробудили от спячки» азиатские государства, застывшие в апатии сознания своей политической немощи». Автор данной статьи обращает особое внимание читателей на то, что «в Японии мы видим наглядный результат той эволюции, которую производит европейский материальный прогресс в азиатских народностях. Бредни об их восприимчивости к великим идеалам христианства, их духовном тождестве с европейцами, распространявшиеся не только в заграничной, но даже и русской печати — рассеялись как дым... Азиату, язычнику доступна и нужна лишь утилитарная сторона европейской цивилизации — военная, техническая и промышленная... Усвоивший себе так называемый “культурный” обиход, в душе он [японец] остается тем же варваром, каким был тысячи лет назад»³. Центральное место в своей публикации П. Вожин отводит негативному образу Японии как государству. На взгляд автора, «война изменила общепринятый взгляд на самих японцев и их страну». «Япоша» (так П. Вожин уничижительно называет японцев — авт.) подкупил всех своей детской улыбкой, мягким говором, любовью к красоте и искусству. «Япоша» заполнил европейские рынки своими кустарными изделиями,

1 Фролов В.В. Журнал «Летопись войны с Японией» как информационный источник о событиях русско-японской войны 1904–1905 гг. / В.В. Фролов // Журналістыка-2015: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 17-й Міжнар. навук.-практ. канф., 12–13 ліст. 2015 г., Мінск / рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.). – Вып. 17. – Мінск: БДУ, 2015. – С. 357.

2 Летопись войны с Японией. – 1904. – № 25. – С. 462.

3 Там же, с. 464.

побывал во всех европейских армиях как наивный любознательный ученик. На некоторое время в мире, и в том числе в России, установилось мнение, что японцы — «услужливый, безобидный и ласковый народец...»⁴. Но это все, по мнению П. Вожина, была иллюзия мирного времени. «Вместо лакированного подноса, с игрушечными пейзажами и людишками, [все] увидели страну всеобщего шпионства, в которой это не исключительная, позорная профессия, а общее народное призвание». В Японии все классы общества шпионят, начиная с «маршалов» и «графов» и кончая легкомысленными обитательницами чайных домов и чернорабочими...»⁵.

Особое внимание автор статьи «Желтая опасность» уделяет образу японской армии. «Установлено актами врачей и фотографиями, что раненные [русской армии], оставленные на полях сражений, — добиваются штыками и расстреливаются в упор. Японские мародёры обшаривают трупы и тащат с них все, представляющее хоть какую-нибудь ценность... Каждая японская победа сопровождается дикими оргиями. Водка и дурман — неизменные спутники [японских] солдат на походе»⁶. В заключение своей публикации П. Вожин приходит к выводу, что Япония — это «враг, антипод всего христианства и его мирозерцания».

Еще один публицист журнала «Летопись войны с Японией» В. Недзвецкий поддерживает точку зрения своего коллеги П. Вожина о том, что Япония приняла европейскую военную систему и военное искусство, но главным образом в их внешних формах, «не проникнувшись их духом и не внеся в них ничего самобытного». Сам японец — «человек желтой расы, сохранивший её типичные внутренние свойства среди внешних европейских порядков»⁷. При этом данный автор отмечает, что «массы населения, из которого вышли военные силы [Японии], характеризуются физически слабыми, но с закаленными нервами, лишёнными инициативы и способности рождать плодотворные мысли, но чрезвычайно самолюбивыми». Для японцев, по мнению В. Недзвецкого, также характерно «презрение к смерти, присущее всем народам желтой расы, а сильно развитое чувство чести рождает у японских военных спокойную храбрость»⁸.

В № 41 «Летописи...» за 1905 г. представлена аллегорическая картина В. Ульянова «Желтая опасность». На ней изображен огромный дракон (образ Японии/Азии), из пасти которого идут неиссякаемые полчища японских солдат. Эти солдаты спускаются с гор [из Маньчжурии] на равнину [в Европу]⁹. Эта картина своего рода послание всем читателям журнала: над европейской цивилизацией нависла серьезная угроза столкновения с окрепшим азиатским миром, негласным лидером которого в то время являлась Япония. Первой принять на себя удар этих «азиатских варваров» предстояло России.

Таким образом, мы видим, что на страницах «Летописи войны с Японией» перед читателем предстают следующие отличительные черты образа японского народа:

---

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

7 Летопись войны с Японией. — 1904. — № 2. — С. 27.

8 Там же.

9 Летопись войны с Японией. — 1905. — № 41. — С. 781.

- отсталый, дикий, варварский этнос;
- азиатский народ, который стремится к территориальным захватам;
- подвижная нация, которая легко усваивает достижения европейской культуры;
- враг христианской Европы.

Завершая рассмотрение образа Японии, представленного на страницах «Летописи...», следует отметить, что он был в достаточной степени субъективен и подвержен идеологизированию. Это обстоятельство можно объяснить тем, что одной из основных целей «Летописи войны с Японией», как и многих других правительственных печатных СМИ того времени, было не только внушить «нелюбовь» к Стране восходящего солнца, но и убедить население России в необходимости войны с этим «варварским государством». При этом в самой Японии происходил похожий процесс по созданию образа врага в лице Российской империи.

Обращаясь к рассмотрению образа другого дальневосточного соседа России — Китая, на территории которого велись основные сухопутные боевые действия русско-японской войны 1904–1905 гг., следует отметить, что это азиатское государство в начале XX века всеми силами стремилось сохранить свой суверенитет в условиях активной экспансии западных держав, Японии и России. Именно поэтому после начала русско-японской войны «китайское правительство заявило о своём решении соблюдать строгий нейтралитет, выработало ряд правил, которых должны были придерживаться его подданные во время войны России с Японией... Китайское чиновничество и народ отнеслись к войне весьма спокойно, по крайней мере, наружно и ничем не выказали своего сочувствия ни к одной из враждебных сторон»¹⁰. В связи с этим неудивительно, что на страницах исследуемого журнала основное внимание уделяется географическим, социально-экономическим и этническим особенностям Китая (главным образом, Северо-восточному Китаю — авт.).

Так, например, в № 7 журнала за 1904 г. автор статьи «Маньчжурия» отмечает, что «Южная Маньчжурия представляет собой гористую страну, прорезанную несколькими горными хребтами и переходящими в равнины лишь вдоль реки Ляохе, у Сюньенчена и вдоль побережья Корейского залива. Северо-восточная её часть имеет дикий характер, горные хребты труднодоступны и пересекаются плохими дорогами; при движении к западу количество дорог увеличивается и качество их улучшается, местность населена гуще, а население более зажиточно»¹¹. В дополнение к данной статье представлена подробная физическая карта Южной Маньчжурии¹², а также ряд иллюстраций: рисунки «Переселенцы в Маньчжурии», «Семейство маньчжурского сановника» и фотография «г. Телин»¹³. В последующих номерах «Летописи...» можно будет встретить ещё достаточно много рисунков, карт и фотографий, так или иначе связанных с северо-востоком Китая.

В статье «Орография и местные средства Северной Маньчжурии» (№ 30 за 1904 г.) автор сообщает читателям, что территория Северной Маньчжурии, прилегающая к линии железной дороги, представляет четыре типичных

10 Летопись войны с Японией. – 1904. – № 4. – С. 73.

11 Летопись войны с Японией. – 1904. – № 7. – С. 127.

12 Там же. С. 129.

13 Там же. С. 127, 128, 130.

района: 1) Приаргунский район, 2) Хинганский район, 3) район левого берега Нонни между Цицикаром и Харбином, 4) район средней Сунгари¹⁴.

В Приаргунском районе население редкое, кочевое, состоит из тунгусских и монгольских племен. Живут люди на этой территории исключительно в войлочных юртах, малых или больших, вместимостью от 12 до 30 человек. «Кочевья располагаются по долинам рек Хайлара, Эмин-гола, Аргуни, Мутной протоки и вокруг озера Далай-нор». Здесь на каждой ½ версты можно встретить 2–3 юрты, раскинутые одной семьёй. Общая цифра кочевого населения данного района — 10-15 тыс. человек. Главное занятие жителей этих территорий — скотоводство. При этом журналист, написавший данную статью, акцентирует внимание читателей на том обстоятельстве, что «определить даже приблизительную цифру лошадей и скота в районе очень затруднительно; можно лишь констатировать, что коневодство и скотоводство здесь ведется в обширных размерах...» «У бедных табуны лошадей доходят до 20–30 голов, 100–200 баранов, 5–10 волов; у богатых до 200–300 лошадей, до 1000–2000 баранов и до 500 голов крупного рогатого скота»¹⁵. Лошадей, баранов и крупный рогатый скот пасут отдельными табунами не более 200 – 400 лошадей, 200 голов крупного рогатого скота и до 1000 баранов, угоняя их иногда за сотню верст от юрты хозяина. Автор статьи также отмечает, что у местного населения встречается небольшое количество двугорбых верблюдов, которых используют для передвижения и перевозки тяжестей¹⁶.

С особенностями Приаргунского района автор статьи «Орография и местные средства Северной Маньчжурии» продолжает нас знакомить уже в рождественском номере «Летописи...» (№ 39 за 1904 г.). Он обращает внимание читателей на то, что обрабатывающей промышленности в этом районе не существует, «земля совершенно не возделывается, как единственное исключение при движении к реке Хайлару встречается несколько крошечных пашень, засеянных табаком и чумизой (китайским просо)»¹⁷.

Все продукты в Приаргунский район доставляются подвозом и сосредотачиваются в г. Хайларе у торгующих здесь китайских купцов. Основными предметами торговли являются: кирпичный чай, буда (китайское просо), рис, мука, соль, спирт, табак, сахар, одежда, обувь, конское снаряжение и прочее¹⁸.

Город Хайлар является единственным постоянным торговым пунктом не только в Приаргунском районе, но и во всем Халамбуирском округе (части Маньчжурии, заключенной между Хинганским хребтом и Аргунью). Другим торговым пунктом, временного характера, является Ганчжурская ярмарка, открываемая на 10 дней в конце августа. Торговцы стекаются на неё со всех сторон, и здесь посредством преимущественно меновой торговли, без помощи денежных знаков, в течение 10 дней производится обмен естественных произведений Монголии, Маньчжурии, Китая и российского Забайкалья». «Главными предметами торговли являются — со стороны монголов — скот, лошади, шерсть, кожи, соль; со стороны Маньчжурии — просо, пшеница, мука,

14 Летопись войны с Японией. – 1904. – № 30. – С. 551.

15 Там же. С. 554.

16 Там же. С. 555.

17 Летопись войны с Японией. – 1904. – № 39. – С. 740.

18 Там же. С. 740.

табак, сахар, серебро и ряд мануфактурных товаров, а со стороны Китая — серебро, рис, чай и различного рода товары религиозного назначения. Из Забайкалья везут сукно, плис, дрель, деньги, шлиховое золото и лошадей¹⁹.

«Главной меновой единицей на Ганчжурской ярмарке служат кирпич и ½ кирпича чая, затем весовое серебро». На эту ярмарку стекается от 8 до 10 тыс. человек. «Общая цифра оборота достигает не менее полумиллиона рублей»²⁰.

Описание Хинганского района мы встречаем в № 40 «Летописи...» за 1905 г. Эта горная территория малонаселена. Постоянные поселки встречаются лишь по восточной окраине Хинганского хребта. Сначала поселки попадают в виде отдельных фирм, но затем, по мере приближения к долине Нонни, число и величина их возрастает, в среднем до 10–15 фанз (китайский крестьянский дом — авт.) в каждом. Сама же долина Нонни, шириной в 10–20 верст, значительно заселена: посёлки от 60 до 80 фанз, раскинуты здесь один от другого на расстояние не более 10–20 верст. Вся часть собственно Хинганского хребта «покрыта густыми, девственными лесами и заселена бродячим, полудиким племенем орочен (одно из тунгусских племен — авт.), занимающимся исключительно звериным промыслом»²¹.

Главное богатство этих земель — лес, который вырубается китайскими лесопромышленниками. Хлебопашество встречается только в долине Нонни. Здесь сеют пшеницу, чумизу, бобы, кукурузу и ячмень. Близ Мергена встречаются запашки овса, но в незначительном количестве. Скота и лошадей в этой части Маньчжурии мало. Трава встречается только по долинам рек, количество её незначительно.

Район левого берега Нонни между Цицикаром и Харбином представляет собой равнинную степь. Население здесь кочевое: монголы, занимающиеся скотоводством. Хлебопашество развито лишь в ряде некоторых долин рек, где население, состоящее из маньчжур и монголов, живет оседло в поселках²².

С особенностями района средней Сунгари читатели «Летописи войны с Японией» могут познакомиться в № 42 исследуемого нами издания за 1905 г. В заключительной части статьи «Орография и местные средства Северной Маньчжурии» её автор отмечает, что данная территория, являясь густонаселенной и сплошь возделанной, резко отличается в этом отношении от предыдущих трёх районов и служит житницей для всего Северо-восточного Китая. «Население района средней Сунгари исключительно оседлое; состоит из китайцев, маньчжур и незначительного числа татар. Главное занятие — земледелие, скотоводство развито, как подспорье к нему». Значительный избыток земледельческих продуктов создал в этом районе обширную торговлю с южными, северными и западными провинциями страны²³.

«Поселки в районе средней Сунгари часты и значительны. Через каждые 2 версты можно встретить поселок, в среднем на 1 квадратную версту приходится 111 жителей. Величина поселений разнообразна и колеблется от 20 до 300 дворов. Все постройки общего фанзового типа, сделаны из смеси глины с рубленой соломой, с двускатной крышей, крытой соломой, а у богатых черепи-

19 Там же. С. 743.

20 Там же. С. 744.

21 Летопись войны с Японией. — 1905. — № 40. — С. 760.

22 Летопись войны с Японией. — 1905. — № 40. — С. 760.

23 Летопись войны с Японией. — 1905. — № 42. — С. 798.

цей. Все дворы обнесены глинобитной стеной»²⁴.

По числу имеющегося скота и лошадей район средней Сунгари занимает среднее место, на двор приходится — 1–2 лошади, 1 вол и 4–5 свиней. Автор данной журнальной публикации также акцентирует внимание читателей «Летописи...» на том обстоятельстве, что «крупный рогатый скот держится исключительно для работ», «молочных продуктов население в пищу не употребляет». Масло можно найти только у монголов, «оно хранится в желудках убитых животных». Свиней в этом регионе чрезвычайно много. Свиное мясо — одно из любимых блюд китайцев²⁵.

Поверхность района сплошь покрыта пашнями. Лугов почти не встречается: «что только возможно, все возделано». Местным населением разводится много овощей: китайская капуста, чеснок, огурцы, арбузы, дыни, тыквы и земляная груша. Встречается в долине реки Сунгари и рис. «Определить общее количество собираемого хлеба почти невозможно, китайская администрация не ведет никакого учета. Но избыток его здесь громадный»²⁶.

Таким образом, мы видим, что Северо-восточный Китай²⁷ начала XX века — это горный полинациональный регион, существенная часть населения которого являлась кочевниками. Сельское хозяйство на этих территориях было развито неравномерно. В северных районах Маньчжурии ведущее место отводилось скотоводству. Зарождению капиталистических отношений в данном регионе мешали обособленность отдельных провинций, узость внутреннего рынка и неэффективная политика китайского правительства.

В заключение следует отметить, что в России уже в начале XX века периодической печати отводилась особая роль в информационном воздействии на умы людей. Правительственные СМИ на своих страницах могли формировать практически любой образ государства или народа («положительный», «нейтральный» или «отрицательный»), который был бы необходим в определенный момент истории действующей власти и соответствовал бы политическим интересам Российской империи. На современном же этапе развития мирового сообщества средства массовой информации окончательно превратились в один из эффективнейших инструментов ведения информационных войн, которые в свою очередь в XXI веке стали одним из ключевых элементов внешней политики ведущих мировых держав.

Об авторе

Фролов Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и журналистики, Псковский государственный университет (ПсковГУ), Россия.

Vasilii Vladimirovich Frolov, Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the Department of public relations and journalism, Pskov State University (Pskov-SU), Russia.

E-mail: frolov1406@mail.ru

---

24 Там же.

25 Там же. С. 799.

26 Там же.

27 Описание территорий Центрального и Южного Китая в журнале отсутствует.

**СМИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В 2000-2010-х ГОДАХ
НА БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ**

Цель данной работы — определить наиболее существенные для формирования патриотического сознания белорусской молодёжи образы современного информационного пространства. Задачи: установить важные для молодого поколения образы этнической и национальной идентификации; определить, насколько эти образы отражены и развиты в региональных СМИ Гродненской области.

Ключевые слова: этническое и национальное самосознание, идентичность, средства массовой информации, этнические символы, образы родной земли, культурные традиции.

**MEDIA AS A FACTOR IN THE FORMATION OF NATIONAL
AND ETHNIC IDENTITY OF THE BELARUSIAN YOUTH IN 2000-2010-IES
AT THE BELARUSIAN-POLISH-LITHUANIAN BORDERLANDS**

The purpose of this paper is to identify the most essential for the formation of patriotic consciousness of the Belarusian youth of images of contemporary information space. Objectives: to establish the important for a younger generation of images of ethnic and national identity; determine how these images are reflected and developed in the regional media.

Keywords: ethnic and national identity, media, ethnic symbols, images of his native land, cultural traditions.

Учитывая современные отрицательные демографические тенденции в конце 20 века европейскими специалистами были составлены прогнозы о том, что ввиду процессов старения Европы к 2025 году экономически сильными и состоятельными станут те регионы (страны), которые уже сегодня смогут экономически и идеологически привлечь молодёжь, — трудовые и интеллектуальные ресурсы недалёкого будущего. В ряду ключевых задач, направленных на формирование патриотического сознания молодёжи, — пропаганда самобытных культурных традиций и развитие национальной идентичности. В современных условиях эти задачи наиболее эффективно можно решать с использованием средств массовой информации. Таким образом, актуальность работы диктуется потребностью в использовании СМИ для формирования у молодого поколения белорусов чувства патриотизма, имеющего свои основы в этнических и национальных установках.

Цель данной работы — определить наиболее существенные для формирования патриотического сознания белорусской молодёжи образы современного информационного пространства¹.

1 Белорусская молодёжь хорошо образована, переезжает в города, меньше всего

Задачи: установить важные для молодого поколения образы этнической и национальной идентификации; определить, насколько эти образы отражены и развиты в региональных СМИ Гродненской области.

В ходе полевых исследований, проведенных нами в октябре 2013 г., было опрошено 128 молодых людей в возрасте 16-28 лет в городах Гродно, Лида, Мосты, Волковыск, Свислочь, а также в Гродненском, Мостовском, Волковысском, Щучинском районах. Опрос проводился по случайной выборке. Проведен анализ газет «Гродненская правда», «Вечерний Гродно», «Гродненский университет», «Вороновская газета» (районная газета), а также интернет-ресурса «Гродненский форум» (<http://forum.grodno.net/>) за период начала 2010-х годов. При выборе источников для анализа исходили из пропорций расселения молодежи в Гродненской области — по данным Госкомстата большинство молодежи (82,7%) проживает в городах и поселках городского типа, в сельской местности живет только 17,3% молодых людей. В Гродненской области проживает 10,6% молодёжи. ²⁴

В качестве основных параметров, определяющих этнокультурные ориентации молодёжи Гродненщины, при проведении данного опроса были определены следующие. Во-первых, этническая самоидентификация. Во-вторых, лингвистическая идентификация. В-третьих, идентификация на основе образов родной земли. В-четвертых, отношение к праздникам, являющимся одной из важнейших форм трансляции социально-значимого, в том числе и этнического опыта.

Этническая идентичность является важнейшей составной частью социальной идентичности и сопряжена с переживанием личностью своей принадлежности к определённому этносу, осознанием наличия типичных для его представителей качеств, оценкой этнически обусловленных предпочтений. Наиболее значимыми признаками этнической идентичности являются язык, происхождение, образ жизни, традиционная культура, ценности и нормы, историческая память и мифология, религия, чувство родины, гражданство, характер, внешность. Хотя личность осуществляет самостоятельный выбор своей этнической идентичности, определяющим оказывается влияние среды, образа жизни и культуры этнической группы. Осознание этнической принадлежности происходит в ранней юности.

Как показало наше исследование, большинство опрошенных считает себя белорусами — 91%; 5,5% отнесли себя к полякам, 3% — к русским. В то же время установлено, что в 70 % семей опрошенных оба родителя относят себя к белорусскому этносу, около 7% к польскому, около 1,6% к русскому. Остальные семьи смешанные: семьи, в которых мать — белоруска, отец — поляк — 2,3%, мать — полька, отец — белорус — 1,6%; мать — белоруска, отец — русский — 3,1%, мать — русская, отец — белорус — 3,1%; мать — белоруска, отец — поляк — 1,6%, мать — полька, отец — белорус — 1,6%. Сопоставление количества респондентов, отметивших свою принадлежность к белорусам (здесь национальное и этническое в заметной степени совпадают), очевидно превосходит количество тех, кто считает себя белорусами генетически. Это тратит на алкоголь [Электронный ресурс]: сайт ООО «ТУТ БАЙ МЕДИА». — Электрон. дан. — [Мн.], 2013. — Режим доступа: <http://news.tut.by/society/361385.html> — Дата обращения: 12.08.2013. — Загл. с экрана.

свидетельствует о том, что гражданская идентичность в настоящее время доминирует над генетической. Вместе с этим сохраняется скрытая двойная и тройная идентичность, основанная на знании и осознании этнического происхождения родителей. Множественная скрытая идентичность связана со сложной этнополитической историей и пограничным положением региона, она определяет своеобразие этнической культуры и служит залогом устойчивости современных этнических процессов.

Следует отметить, что в регионе, где достаточно большое количество населения имеет польское происхождение, доминирующее соотношение себя с белорусской идентичностью указывает на очевидные этнокультурные приоритеты опрошенной молодёжи. Приоритетна ориентация на восточнославянские языки и в лингвистической самоидентификации: 48 % опрошенных респондентов назвали родным русский язык; 30% — белорусский язык; 22 % — белорусский и русский. Многие из опрошенных молодых людей понимают польский и литовский языки, украинский, английский и немецкий языки. Можно предположить, что знание польского и литовского языка связано с необходимостью коммуникации внутри региона; украинского, английского и немецкого языков — с ориентацией на этнокультурные контакты за пределами региона.

Одной из задач проведенного этнологического опроса было выявление современных этнических символов и образов. Этнический символ всегда сопряжен с эмоциональным восприятием, сложный объект внешнего мира представляется в нем сжато и образно, вызывая мгновенную эмоциональную реакцию. Объединяя различные планы реальности в единое целое, он создаёт собственную многослойную структуру, смысловую перспективу. Из символов, образов, связанных с этнической, национальной идентичностью, опрошенной молодежью были названы Герб, Флаг, Гимн, [Родительский] Дом, Зубр, Олень, Аист, Леса, Озера, Колосья, Картошка. Примечательно то, что национальные символы сливаются у опрошенных с этническими символами, закреплёнными в гимне, изображении герба и флага республики.

Следует отметить, что наряду с образами зубра и аиста, сопоставимыми с белорусской землей на основе лирических произведений, здесь присутствует образ оленя, который можно назвать региональным. Это исторический символ из герба Гродно. Иногда считается, что герб был дарован городу в 1540 г. королевой польской и великой княгиней литовской Боной Сфорца, однако первые печати с изображением герба Гродно датированы 1565 годом. На них изображён скачущий олень с золотым крестом между рогов, так называемый олень Святого Губерта. Святой Губерт — католический святой, покровитель охотников. По легенде, однажды во время охоты он увидел чудесного оленя с золотым крестом между рогов и, воодушевившись этим знаменем, стал примерным христианином и раздал всё своё имущество бедным. Олень святого Губерта был выбран символом города, поскольку рядом с городом располагались богатые охотничьи угодья Беловежской и Гродненской пушчи. Ограда, через которую скачет олень, была впоследствии добавлена к гербу, символизирует свободолюбие населения города и само название Гродно, происходящее от слова «городить». После присоединения города к Российской империи в 1795 г. старый герб был упразднен. В 1802 г. был утверждён герб

Гродненской губернии: на верхней части щита был изображён всадник с восьмиконечным крестом на щите, а в нижней — изображение зубра на красном фоне. В 1845 г. всадник с герба был убран. В 1878 г. было изменено изображение зубра, гербу приданы императорская корона, ленты и дубовые листья. В 1988 году решением Гродненского городского Совета народных депутатов утвержден современный герб Гродно.

Образы родной природы, флоры и фауны, сложившиеся исторически, соседствуют с образом картошки, давшей основу для экзоэтнонима «бульбаш».

Родительский дом — один из наиболее устойчивых образов, но у каждого из участников опроса он имеет свои черты. Поэтому при разработке этнических, национальных образов, характеризующих коллективную идентичность, сегодня необходимо обнаружить или сконструировать какие-то общие черты, характеризующие современное жилое пространство белоруса.

В целом следует отметить, что этническое сознание порождает этнический образ — представление о типичном для этноса индивидуе. Этнический образ, исходно воплощающий в себе единство всеобщего (универсального) и единичного (уникального), строится на основе такого понимания типичности, которое учитывает чувственную конкретность. Этнический образ близок к образам искусства. Его сходство с образами искусства состоит еще в том, что, будучи формой отражения действительности, он одновременно и программирует эту действительность, поощряя или ограничивая поведенческие акты людей. Этнический образ становится рамкой поведенческих актов человека. Как и художественный образ, этнический образ подчинен законам индивидуализации.

Для формирования конструктивных этнокультурных стратегий молодежи на материале разных эпох и этнических традиций необходимо найти наиболее общие правила построения этнического образа. Этнический образ порождает представление обо всем облике человека и его поведении. В формулах-описаниях часто подчеркивается внешность образа, что отражает представление о специфическом индивидуальном поведении, «нраве».

Примечательно, что около половины опрошенных оставило вопрос об этнических и национальных образах и символах без ответа. Отсутствие в ответах на поставленный вопрос об образах и символах родной земли человеческих образов и характерных персонажей указывает на то, что в настоящее время существует насущная необходимость разработки таких образов, прежде всего, средствами визуального искусства и литературы. Сказанное справедливо и по отношению к элементам материальной культуры — одежде, архитектуре, пище.

По мнению 47,7% опрошенных, формирование чувства патриотизма, связи с родной землёй сопряжено с участием в праздниках.

Наиболее часто отмечают в семьях опрошенных молодых людей Гродненщины следующие праздники (в порядке убывания): Пасха — 71 ответ, Новый год — 63, Рождество — 60, День рождения — 40, 8 марта — 33, 23 февраля — 25, 9 мая — 21, Радуница — 16, День матери — 15, Спасы — 15, День независимости — 13, Купалле — 9, Вербница — 8, Масленица — 6. Также отмечают профессиональные праздники, Дни города. Как видно, ведущие позиции занимают религиозные праздники и праздники, имеющие личную,

гендерную, семейную окраску. Трансляция этнического опыта происходит, главным образом, через религиозные праздники, что необходимо учитывать в формировании стратегических установок молодого поколения.

В ходе изучения и анализа публикаций названных выше источников за период 2011-2013-х годов установлено, что проблема трансляции этнокультурных традиций среди молодого поколения Гродненской области до настоящего периода решалась, но количество публикаций следовало бы увеличить, расширить спектр рассматриваемых проблем.

В публикациях газет освещение культурных традиций, их трансформации в современных условиях редко выходит за пределы закрепившихся в 1990-х – первого десятилетия 2000-х годов тем. Это следующие темы: календарные народные праздники (Коляды, Купалье), религиозные праздники, современные светские и государственные праздники; региональные и республиканские форумы национальных культур; обычаи и традиции различных этнических групп, в том числе новых для Беларуси.

В числе перечисленных источников газета «Гродненский университет» единственная, имеющая целевой аудиторией молодежь. Публикации в этой газете посвящены, главным образом, событиям в жизни университета, научного мира в целом. Из статей, посвященных трансляции культурных традиций, была опубликована лишь одна, посвященная празднованию Китайского Нового года совместно с китайскими студентами в 2013 г. Из контекста публикации понятно, что в молодежной среде присутствует живой интерес к восприятию культурных традиций, и, если бы организаторы педагогической деятельности, а также журналисты уделили бы внимание этой проблеме хотя бы с точки зрения сравнения белорусских и китайских традиций, белорусские праздники стали бы привлекательными не только для отечественных, но и для зарубежных студентов.

Издававшаяся в Гродно до конца 2010-х гг. газета «Молодежный курьер» также не уделяла достаточного внимания трансляции этнокультурных традиций. По отзыву одного из участников Гродненского Интернет-форума в газете следовало бы размещать «бегущую строку» с афоризмами. Как известно, афоризмы по своей сути наиболее ярко отражают духовную культуру и традиции народа.

В районной газете Вороновского района Гродненской области «Вороновская газета» (<http://www.voran.by>) наряду с публикациями, посвященными традициям празднования народных белорусских и религиозных христианских праздников, можно отметить и ряд других публикаций, способствующих трансляции этнокультурных традиций. Регулярная рубрика посвящена белорусским семейным традициям — «Сямейная скарбніца». На примерах уклада жизни в семьях района демонстрируется и транслируется модель поведения, которая и усваивается молодым поколением. В частности, в статье Галины Шлемпо «Когда в доме лад» (10.08.2012) о семье Андрыш из агрогородка Переганцы, отметившей в 2011 году фарфоровую свадьбу, — 20 лет совместной жизни, показывается стиль отношений в семье — между супругами, детьми; показывается жизненный путь всех членов семьи. В этой же рубрике уделяется внимание межнациональным бракам, предполагающим адаптацию одного из супругов на Вороновщине (Н. Ивуть «Любовь и судьба» 22.03.2013,

«Главное — любовь и согласие» 12.04.2013); раскрываются региональные особенности традиции подготовки и празднования домашних праздников (напр., Дух Рождества ст. 22.12.2012). Способствует формированию интереса у молодого поколения и статья Г. Шлемпо «Солнце на блюде, или Русская печь в наследство» (29.03.2013). Отмечается значение славянского гостеприимства и образа печи: «Как говорят, изба красна не углами, а пирогами. Ведь печь — это святое место в доме, и так было всегда».

В 2013 году в газетах «Гродненская правда» и «Вечерний Гродно» также появился ряд публикаций по проблеме трансляции этнокультурных традиций молодому поколению. В материале корреспондента газеты «Гродненская правда» (<http://grodnonews.by>) Ирины Березович «В Мирском замке состоится Венский бал XIX века и откроется светский ретросалон» (21.11.12) представлены торжественные мероприятия (рождественские балы «Танцующий мир» в ретро-стиле) в Мирском замке. Газета «Гродненская правда» в 2013 году приняла участие в анонсировании и освещении акции «Крылья любви», которую третий год проводят участники молодежного проекта «Живая история». По сообщениям в газете, «в этот раз планируют собрать на Советской площади более тысячи влюбленных гродненцев и гостей города ... До запуска фонариков организаторы назовут победителей конкурсов «Самая очаровательная пара года», «Лучшее признание в любви на фото» и «Лучшее признание в любви на видео», которые проходили в «ВКонтакте» (08.02.13). В День Святого Валентина в Гродно влюбленные пары запустили небесные фонарики. «... По традиции первый фонарик запустила историческая пара — Барбара Радзивилл и Сигизмунд Август. К слову, участники проекта «Живая история» приоткрывают завесу тайны любви белорусских Ромео и Джульетты в аудиороликах, которые звучат в общественном транспорте...» (15.02.13).

Уделяя заметное внимание культурным событиям, происходящим в области, газета представляет спектр возрожденных традиций. В статье Сергея Гаврицкого «В Зельве прошел «Анненский кирмаш»» (28.08.13) отмечается, что Зельва в 2013 году шестой раз проводила возрожденный «Анненский кирмаш». Газета «Гродненская правда» также опубликовала материал Т. Кузнеченковой «День лошади отметили в агротуристическом комплексе «Гарадзенскі маёнтак «Каробчыцы» (04.09.13), направленный на формирование интереса к традициям животноводческих праздников. В другой публикации этого же автора «Гродненская мастерица рассказала, как сделать куклу-оберег» (18.10.13) опубликован материал, формирующий интерес молодежи к славянским духовным и материальным традициям.

В газете «Вечерний Гродно» (<http://www.vgr.by>) в 2013 году также появился ряд оригинальных публикаций, связанных с проблемой трансляции этнокультурных традиций. Наиболее интересным представляется материал А. Кучинского, И. Максимчик, О. Сиводедова «Королевский шлях» (09.12.2009), рассматривающий аналогичные белорусским проблемы в польском пограничье.

Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что процесс формирования этнической и национальной идентичности в современных условиях не может не опираться на создаваемый через работу СМИ дискурс. В то же время существует определённый диссонанс между социальным запросом

и отражением этнической и национальной проблематики в СМИ. В публикациях газет освещение культурных традиций, их трансформации в современных условиях редко выходит за пределы закрепившихся в 1990-х – первого десятилетия 2000-х годов тем: календарные народные праздники (Коляды, Купалье), религиозные праздники, современные светские и государственные праздники; региональные и республиканские форумы национальных культур; обычаи и традиции различных этнических групп, в том числе новых для Беларуси. В то же время около половины опрошенных оставили вопрос об этнических и национальных образах и символах без ответа. Это указывает на недостаточное внимание со стороны СМИ к формированию ярких и современных образов и символов родной земли, характерных персонажей. Сказанное справедливо и по отношению к элементам материальной культуры — одежде, архитектуре, пище. Поэтому при формировании современных этнических, национальных образов, выражающих коллективную идентичность, сегодня необходимо выражать и визуализировать какие-то общие черты, характеризующие пространство современного молодого человека.

В целом материалы СМИ могут иметь важное значение не только в трансляции национальных и этнических традиций (и в конечном итоге активно способствовать решению проблемы закрепления молодежи на родных землях), но и в привлечении трудовых ресурсов извне, а также могут влиять на привлекательность туристического имиджа региона и страны.

Об авторе

Гурко Александр Викторович, доктор исторических наук, доцент, ученый секретарь Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск, Республика Беларусь).

Aliaksandr V. Hurko, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Scientific Secretary of The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the NAS of Belarus (Minsk, Belarus).

e-mail: alhurko@rambler.ru

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛИНАРНО-
ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СМИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА**

Статья посвящена анализу таких компонентов кулинарно-гастрономического дискурса в СМИ региона, как отражение этнических и религиозных традиций в питании; описание состояния и перспектив гастрономического туризма; репрезентация собственно кулинарного рецепта, имеющего региональную маркированность.

Ключевые слова: дискурс, медиадискурс, кулинарно-гастрономический дискурс, медиатекст.

**LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS CULINARY AND GASTRONOMIC
DISCOURSE MEDIA BORDER REGION**

This article analyzes the components of culinary and gastronomic discourse in the media in the region, as a reflection of the ethnic and religious traditions in the diet; description of the gastronomic tourism and prospects; representation of the actual recipes, having regional markedness.

Keywords: Discourse, media discourse, culinary and gastronomic discourse, media text.

Анализ дискурса — одна из наиболее обширных областей лингвистики. В связи с полисемией данного понятия предлагаются самые разные его определения. Дискурс рассматривается как «устный и письменный вид текста (речевое произведение), обращенный к адресату, сопряженный семантически связанной речевой ситуацией, представляющей собой целостную коммуникативную (речевую) единицу и функционирующий в форме монолога-диалога»¹. С точки зрения разных подходов исследователям интересны интерактивная деятельность участников общения, развертывание переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождения речи и ее интерпретации с учетом социально-психологических типов языковых личностей, выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц, анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте и т.д. Особый объект исследования — медиадискурс.

Тексты кулинарных рецептов, особенности употребления пищи, номинации продуктов питания являются неотъемлемой составляющей медиадискурса. В разных исследованиях предлагаются разные варианты термина, касающиеся речевых произведений названной тематики: кулинарный, гастрономический, глуттонический дискурс. Определение Н.Д. Арутюновой

1 Лепшева Н.А. Жанровые особенности компьютерного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2009, №43 (181). Филология. Искусствоведение. Вып. 39. С.89.

хорошо соотносится с пониманием данного типа дискурса: «Дискурс<...> — связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания<...>. Дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты) и изучается с соответствующими «формами жизни» (репортаж, инструктаж, светская беседа и т.д.)»². Таким образом, кулинарно-гастрономический дискурс представляет собой особый вид коммуникации, связанный с пищей, отражающий особенности национальной культуры, субъективное вкусовое отношение, обладающий гендерными характеристиками.

Кулинарно-гастрономический дискурс отражает культурные, языковые, этнические свойства. Он является системой, вбирающей в себя особенности национальной культуры и имеющей специализированную терминологию, устойчивые обороты речи. Питание является важнейшим компонентом культуры любого этноса, это основание, на котором выстраивается мировосприятие и деятельность человека. Гастрономические предпочтения народов формировались на протяжении веков. На них не могли не повлиять такие особенности, как географическое положение, климат, религия, сложившиеся традиции и устои, а также экономические факторы.

Обилие журналов, книг, сайтов, посвященных еде и ее приготовлению, представляет собой богатейший ресурс для исследования кулинарно-гастрономического дискурса.

В рамках массмедийного дискурса кулинарно-гастрономический дискурс получает разные формы реализации, как устные, так и письменные. Публикации современных региональных СМИ в рамках кулинарно-гастрономического дискурса отражают национально-культурную специфику регионального медиаландшафта.

Рассказы о традициях приема пищи, об участниках данного типа дискурса, о ритуалах, связанных с определенным видом пищи становятся регулярными поводами для публикаций как печатных, так и интернет-изданий региона. В псковских СМИ это могут быть специальные публикации этнографического характера.

Ср.: «Традиция благословлять молодых «хлебом-солью» уходит корнями в глубину веков. Когда-то свадебный хлеб делили в конце праздничного застолья. Поручалось это «старосте» или «старшему дружке». Главные куски доставались жениху и невесте, затем свою порцию получали родители и близкие родственники. В низ каравая при запекании клали монеты. Эту часть — корочку — получали музыканты, а все, что осталось - детям и подросткам, которые не участвовали в свадьбе. Получая кусочек каравая, гости дарили молодым деньги, утварь или любой другой подарок, который пригодится в совместной жизни. Традиция встречать молодых караваем утвердилась в России только 19 веке. В течение прошедших веков в этой традиции менялись нюансы и акценты. Имел свою традицию и сам процесс выпекания свадебного

2 Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.

хлеба. Поскольку каравай — символ будущего семейного счастья, то выпекали его только умелые и уважаемые женщины, а руководили процессом крестная мать жениха или невесты» (Свадебный каравай // Псковская правда», 31.10.2012: ЭР).

Публикации о религиозных праздниках, постах, как правило, содержат сведения о специфике приготовления и употребления той или иной еды в это время: «На Тихона в деревнях часто устраивали толоки — так назывались пиры для тружеников, которых приглашали ради того, чтобы унавозить поля. Работников угощали обедом и вином, а застолье продолжалось до самого вечера, переходя в игры, песни и пляски. Считается, что толоки прежде устраивали с целью помочь бедным семьям — чтобы они за свою работу получили достойную награду и хороший отдых» (Тихон Тихий наступил по народному календарю//ПАИ, 29.06. 2016,09:18:ЭР).

Великий пост длится семь недель. Каждая заканчивается воскресным днем, в который верующие вспоминают какое-либо важное событие в жизни Церкви или святого человека. Традиции, в том числе и в питании, обязательно находят отражение в публикациях региональных СМИ. Ср.: «Первая седмица (неделя) Великого поста (Федорова неделя)— строгая. В этом году Великий пост начинается 23 февраля. «Псковская правда» подготовила для своих читателей календарь поста и рецепты постных блюд.1 день поста. Чистый понедельник. Строгий пост. В этот день, как следует из самого названия, принято приводить дом в порядок, делать уборку, мыться и надевать на себя чистое, свежее белье, чтобы встречать пост в чистоте. Согласно монастырскому уставу, особо набожные люди в этот день полностью отказываются от пищи, поддерживая свои силы лишь святой водой. Мирянам, то есть обычным людям, в свою очередь, в первый день поста позволяется питаться сухой холодной пищей неживотного происхождения без использования растительного масла (сухоядение) — сырые овощи и фрукты, орехи, мед, сухофрукты». (Синцова С. Начинается Великий пост (календарь, рецепты, меню) // Псковская правда», 23.02.2015:ЭР).

Религия придает пище сакральный характер, поэтому медиатексты не могут избежать номинаций религиозно-гастрономического характера: постный, сухоядение, воздерживаться от пищи, пища неживотного происхождения и др.

Специфика национально-культурного колорита **кулинарно-гастрономического дискурса** также проявляется в рассуждениях об актуальности русской кулинарной традиции: «**Национальный вопрос:** Темой практического занятия в Пскове стали «Блюда русской кухни в современной подаче». А где еще как не в нашем старинном русском городе готовить такие блюда. В целом на кулинарном поединке шел разговор о необходимости продвигать именно национальную кухню. Несмотря на популярность японской, итальянской и прочей пищи, все-таки рестораны должны предлагать и что-то исторически органичное местным желудкам. Кстати, с разъяснений «Почему именно русская кухня?» и начался практикум. «Как-то к нам приехали американские специалисты, и мы повели их погулять по Невскому. Заглянув в пару кафе, гости удивились тому, что все, как у них», — рассказал представитель Академии гостеприимства. И добавила, что надо демонстрировать свою культуру, в том

числе и гастрономическую: «Вчера мы были во «Дворе Подзноева» — слышали там и немецкую, и английскую речь. В Россию приезжает много туристов — мы же должны им что-то предлагать из русской кухни» (Хочется русского //ПЛН, 18.04.2010 21:40:ЭР).

Ценностный аспект местного в кулинарно-гастрономическом дискурсе отражается в публикациях серии «Есть по-псковски» Псковского агентства информации: **«Царская рыбка»**. Об островах сокровищ, **чудесах и талабском рецепте приготовления сметки»** (ПАИ, 21.07.2015 15:34: ЭР); «Чудские пироги и рыбацкий омлет» (ПАИ, 03.08.2015 09:24:ЭР); «Утиное конфи и соленые огурчики с дубовыми листьями» (ПАИ, 28.08.2015 11:52: ЭР); «Шеф-повар ресторана «АмБАР под дубами» Алексей Грибов поделился с Псковским агентством информации двумя рецептами, как нельзя лучше отражающими «двуликость» усадебной кухни: приготовил утиное конфи, а в процессе еще и засолил огурцы с дубовыми листьями»; «Свекольные блины и ботвинья с осетриной по-пушкински» (ПАИ, 29.08.2015 14:11: ЭР); «Монастырский борщ по-мирожски» (ПАИ, 31.08.2015 12:38: ЭР).

Особое место в публикациях приграничного региона занимают материалы, посвященные материальной и духовной культуре народности сето. Кулинарные традиции занимают здесь большое место. Ср.: «Национальная кухня народа сето, несмотря на свою видимую простоту, способна удивить любого гурмана. В этом абсолютно убеждена Малле Богачева, хранительница этнографической усадьбы малочисленного народа сето. И более того — на деле готова это доказать» (Отведать сетусских крендельков приглашает хранительница усадьбы в Сигово// ПЛН, 15.02.2016 16:07:ЭР).

Далее следует рассказ «из первых уст» о конкретных блюдах, рецептах: «главной особенностью кухни сето является то, что она, несмотря на простоту, очень сытная. Все объясняется просто: каждому из членов крестьянской семьи приходилось много работать. Поэтому, чтобы поддержать силы, нужна была высококалорийная пища. Какое блюдо не возьми: если тушат капусту, то обязательно добавляют перловую крупу. Без нее не получится и гороховый суп... Кроме того, в любой семье сето особой популярностью пользовались пироги с луком, морковью, тыквой. Немаловажное уточнение: все это гастрономическое удовольствие можно и сейчас попробовать, если приехать в Сигово в гости. При этом ингредиенты местной кухни, как и сто, двести лет, назад остаются неизменными: что вырастил, поймал и что нашел. «Найдутся» на столе и традиционные сетусские блины, с которыми здесь всегда встречают Масленицу» (Отведать сетусских крендельков приглашает хранительница усадьбы в Сигово// ПЛН, 15.02.2016 16:07: ЭР).

Тексты кулинарных рецептов, как правило, сопровождаются комментариями, которые содержат подробные рекомендации по украшению, сервировке блюда при подаче на стол, презентационная цель которых – «соблазнить» адресата, воздействуя на его сенсорную сферу.

Внимание к местной гастрономической культуре связано с таким направлением работы бизнес-сообщества, как гастрономический туризм. В связи с этим кулинарный лексикон обогащается за счет таких слов и выражений, расширяющих возможности лексической сочетаемости, как псковский гастрономический сувенир, кулинарные достопримечательности,

суши по-псковски, гастрономические впечатления, гастрономическая пауза, гастрономические маршруты, братия кулинарно-туристических специалистов, добрый псковский пирог. Публикации, посвященные освещению работы первого и второго гастрономических форумов в Пскове, рисуют перспективы ресторанного и туристического бизнеса региона, дают оценку его нынешнего состояния: «скоро толпы туристов будут приезжать в город не только ради культурно-познавательной составляющей, но и чтобы отведать ухи, плова или даже суши по-псковски. А заодно — прихватить с собой в дорогу какой-нибудь псковский гастрономический сувенир» (Псковская кухня — правда или миф+Программа гастрономического форума// Псковская правда 06.04.2016: ЭР).

Отмечается здесь и роль пограничного региона: «хороший уровень псковских кафе и ресторанов во многом можно объяснить спецификой Псковской области как приграничного региона»(Псковская кухня — правда или миф+Программа гастрономического форума// Псковская правда 06.04.2016:ЭР).

Любой традиционный рецепт может рассказать о городе или регионе намного больше, чем путеводитель или историческая справка, потому что блюдо — само по себе отражение истории целого народа, его развития и современного положения. В местных СМИ освещаются возможности такого туризма: «Может ли Псковская область привлекать туристов не памятниками, а едой?» (В поисках псковской кухни //ПАИ, 30.04.2015 13:41:ЭР); при этом в рубрике Псковского агентства информации можно прочитать множество рецептов псковской кухни, например: Тыквенный компот по-сетоски, **Псковский судак по-купечески, запечённый в слоёном тесте, Уха из псковской рыбы: судак в ершово-окуневом бульоне, Салат со щёчками псковского судака и др.** (ПАИ, 30.04.2015 12:41:ЭР).

Ср. также: «Исследуя псковскую кухню, мы выяснили, что наш регион славится пирогами, — рассказала Ольга Банникова. — Но мы не будем заикливаться на исторической достоверности рецептов. Тем более все пироги, сделанные в Пскове, автоматически становятся псковскими! Пирог был выбран как символ псковского гостеприимства, радушия. Это то, чем всегда приветствуют гостей» (ПАИ, 30.04.2015 12:41:ЭР).

Специфика регионального туристического ландшафта проявляется также в том, что публикации о кухне этнической соседствуют с публикациями о кухне дворянской. Туристам предлагается гастрономический экскурс в пушкинскую эпоху: «Участники пушкинского обеда могут рассчитывать на ассорти из солений в виде салата, ботвинью (свекольник с рыбой) или суп с грудинкой. На второе подадут большую рубленую котлету из телятины, фаршированную шпинатом и отварной, слегка обжаренный картофель а-ля Пушкин. На десерт — бланманже, крыжовенное варенье, яблочный пирог. Все эти блюда пользовались у Пушкина большой популярностью» (ПАИ, 30.04.2015 12:41: ЭР).

Виртуальное пространство дает возможность расширить любые границы. Сетевое издание «SmartNews» (Смарт Ньюс) в спецпроекте «Вкусные бренды» публикует рецепты нескольких блюд, «ставших национальным достоянием» Псковского края (Лови и ешь. Пять блюд, которыми славится псковская кухня).

Презентационная функция кулинарно-гастрономического дискурса местных СМИ реализуется через использование креолизованных текстов. Лингвовизуальная презентационность такого текста связана с тем, что наряду с вербальными, применяются иконические средства, а также средства других семиотических кодов (цвет, шрифт и др.). Для медиадискурса характерно увеличение образности, экспрессивности текста благодаря множественному использованию фото, видеоматериалов, возможности комментирования. В рамках кулинарно-гастрономического дискурса происходит вовлечение реципиента в коммуникацию, повышается диалогизация, интерактивность за счет различных приемов воздействия на реципиента (есть возможность проголосовать за публикацию, прокомментировать рецепт, посмотреть и скачать видео).

Таким образом, можно выделить такие компоненты кулинарно-гастрономического дискурса регионального медиаландшафта: описание этнических и религиозных традиций в питании; описание состояния и перспектив гастрономического туризма региона; репрезентация собственно кулинарного рецепта, имеющего региональную маркированность.

Одной из целей кулинарно-гастрономического дискурса называют формирование пищевых предпочтений и культурных доминант, связанных с питанием. Как видим, большая часть публикаций региональных СМИ в рамках кулинарно-гастрономического дискурса имеет национально-культурный характер, направлена на продвижение местного в гастрономической культуре.

Об авторе

Лукьянова Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Псковский государственный университет, Россия.

Svetlana Viktorovna Lukyanova, Candidate of philological Sciences, Associate Professor of Russian language and Russian as a foreign language, Pskov State University, Russia.

E-mail: svetlanaluk@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПСКОВСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются вопросы влияния медиакультуры на общественное сознание. Особое внимание уделяется роли массмедиа в создании региональной политической картины жизни, а также проблемам взаимодействия регионального и общероссийского дискурса в сфере политики. Механизмы воздействия массмедийных источников информации на адресата выявляются с учетом факторов, определяющих специфику регионального политического дискурса.

Ключевые слова: медиакультура, массмедийный дискурс, региональный политический дискурс, автор, адресат.

Y. N. Grickevich

THE POLITICAL DISCOURSE OF THE PSKOV REGION IN THE CONTEXT OF MEDIA CULTURE

The article examines the effect of media culture on the public consciousness. Special attention is paid to the role of mass media in creating regional political pattern of life, and also the problems of interaction between regional and national discourse in politics. Mechanisms of action massmedia sources of information on the recipient identifies the factors that determine the specific features of the regional political discourse.

Keywords: media culture, mass media discourse, and regional political discourse, the author, the addressee.

Политический дискурс, политическая сфера коммуникации — это важная часть национального дискурса и национальной культуры. Политика как специфическая сфера человеческой деятельности представляет собой совокупность речевых действий в рамках институционального политического дискурса, в то же время она пронизывает практически все сферы жизни, являясь отправной точкой неинституционального политического дискурса.

Региональный массмедийный политический дискурс характеризуется особой разнонаправленностью информационных потоков. С одной стороны, региональному политическому дискурсу свойственно стремление к некоторой замкнутости информационного пространства, в котором произошло политически значимое для региона событие, что объясняется целым рядом факторов, влияющих на реализацию дискурса. Это и актуальность для жителей региона политической ситуации, в которой создается и разворачивается дискурс, и общий информационный фон, который в полной мере не будет учтен теми адресатами дискурса, которые не знакомы с другими фактами политической картины региона, прямо или косвенно связанными с политическим событием, и другие тексты регионального массмедийного дискурса, содержание которых учитывается автором и адресатом, и представление адресата об авторе и автора об адресате. С другой стороны, даже в региональном политическом

пространстве с его более четко оформленными границами не только в связи с региональной отнесенностью информационных поводов, но и стремлением контролировать информационные потоки и не переводить такие потоки в статус общероссийских (особенно если политический дискурс отражает точку зрения, отличную от официальной точки зрения), все чаще наблюдается желание отдельных участников дискурса вывести его за рамки регионального, расширить адресную аудиторию.

Учет адресата в последнее время все больше определяет современный массмедийный дискурс, который перестал быть однонаправленным, так как ответная реакция адресата на какой-либо дискурс с помощью комментариев, отзывов, обращений к какому-либо дискурсу превращается в серьезную влияющую на общественно-политическое развитие событий силу.

Медиакультура представляет собой совокупность «информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности»¹. В исследованиях феномена медиакультуры подчеркивается ее роль не только как своеобразного посредника между обществом и государством, личностью и социумом, но и реального фактора управления самыми разными сферами жизни общества — политической, экономической, социальной, духовной².

Человек все чаще участвует в массмедийной коммуникации, не только воспринимает и анализирует, оценивает медиадискурс, но и вступает в такой дискурс, меняя роли автора и адресата. Исследователи все чаще рассматривают образ адресата как важнейший организующий коммуникацию фактор. Так, в работах Т. Л. Каминской, посвященных проблеме образа автора в текстах массовой коммуникации, отмечается радикальная и качественно новая актуализация фактора адресата в современной массовой коммуникации, когда образ адресата получает статус важнейшей текстовой категории³. Отдельный участник массмедийного дискурса, первоначально берущий на себя роль автора или адресата, в процессе дискурса может поменять роль, превращаясь из адресата в автора и наоборот.

Для власти региона в первую очередь важно создавать свой положительный образ в общероссийском массмедийном пространстве, что рассматривается как ресурс для культурно-экономического и социально-политического

1 Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н.Б.Кириллова. — М., 2005. — С. 8.

2 Кириллова Н.Б. Медиакультура: От модерна к постмодерну. 2-е изд. — М.: Академический проект, 2006.; Кириллова Н.Б. Медиакультура: теория, история, практика. — М.: Академический проект, 2008.; Новоженина О.В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/> — Дата обращения: 17.11.2016.

3 Каминская Т.Л. Адресат в массовой коммуникации. — Великий Новгород, 2008.; Каминская Т.Л. Лингвистическое моделирование образа читателя как отражение политики издания // Вестник Новгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — Великий Новгород. — 2004. — № 29. — С. 110—114.; Каминская Т.Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации. — Великий Новгород, 2006.; Каминская Т.Л. Функции категории образа адресата текстов массовой коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. — СПб. — 2007. — Вып. 2. — С. 158—164.

развития региона и формирования благоприятного информационного пространства. Кроме того, политики стремятся формировать свой положительный образ или образ той общественно-политической силы, к которой он принадлежит. Важным для автора оказывается с помощью ключевых и оценочных слов в политическом дискурсе постараться воздействовать на адресата в нужном направлении. Для этого используется особая стилистика дискурса, его разворачивание вокруг актуального для значительной части адресной аудитории повода: «Активно ведем переговоры с правительством о повышении зарплат работников здравоохранения и образования на 20 процентов», — сообщил парламентарий. В этом вопросе, по его словам, депутаты занимают активную и жесткую позицию. «Надеюсь, нам удастся сделать прорыв, чтобы изменить ситуацию. Это важно для таких регионов, как Псковская область. Мои избиратели не раз обозначали передо мной этот вопрос, и он для нас очень актуален», — заключил Александр Козловский» (Депутаты Госдумы ведут переговоры с правительством по вопросу повышения зарплат учителям и медикам на 20% // ПЛН, 23.11.2016 13:46: ЭР). Положительный образ автора и представляемого им движения создается с помощью введения в текстовое пространство лексических единиц, значения которых, наслаиваясь друг на друга, поддерживают общее впечатление стремления к позитивным изменениям для жителей региона: активный 'деятельный, энергичный', активно 'деятельно, энергично'⁴, повышение от глагола повысить 'сделать более высоким'⁵, прорыв от глагола прорвать 'силой проложить себе путь откуда-нибудь'⁶. Роль автора дискурса и тех, кого автор с собой объединяет, подчеркивается за счет повтора личных местоимений первого лица и притяжательного местоимения мои, а также употребления форм первого лица глагола.

Тем не менее, отсутствие монополии на освещение политической картины жизни усиливает интерактивность информационного обмена, создает полярность или, во всяком случае, плюрализм политического дискурса, максимально раздвигает границы регионального политического дискурса, в том числе и за счет увеличения информационных каналов. Если раньше основным инструментом формирования регионального политического пространства были региональные СМИ, то в последнее время за счет Интернет-технологий при желании каждый человек может влиять на общественное мнение, делать региональные события достоянием общероссийского дискурса. Так, дискурс многих политиков региона и журналистов, освещающих политические события региона, с 2014 года стал частью дискурса общественно-политической радиостанции России «Эхо Москвы», которая считается одной из самых цитируемых радиостанций России. Такая массмедийная общественно-политическая площадка дает возможность адресной аудитории составить более полную и объективную картину политической жизни как за счет реализации дискурса авторов разных политических взглядов, так и интерактивного общения со слушателями. Героями передач данной радиостанции часто становятся те общественные и политические деятели, которые в последнее время упоминались в

4 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 4-е изд. — М., 2005. — С. 21.

5 Там же, с. 529.

6 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 4-е изд. — М., 2005. — С. 618.

региональном дискурсе. Возможность неограниченное количество раз обращаться либо к одному и тому же информационному поводу, либо к отдельным политическим фигурам, задействованным в разных информационных событиях, позволяет сделать политический дискурс как будто бы «пунктирным», с опорой на общие фоновые знания редакции массмедийного средства, автора (авторов) и адресата дискурса. Актуальные для региона информационные поводы могут быть обозначены в качестве некой отправной точки в самом начале массмедийного дискурса: «В прямом эфире радио «Эхо Москвы в Пскове» (102.6 FM) вышел очередной выпуск программы «Собственной персоной». Сегодня в гостях у ведущего Александра Савенко побывал депутат Псковского областного Собрания, предприниматель, актер, президент федерации футбола Псковской области Алексей Севастьянов. Разговор был посвящен его работе в региональном парламенте, основным решениям состоявшейся накануне 3-й сессии областного Собрания шестого созыва, вопросам развития футбола в российских регионах, в том числе в Псковской области. В ходе прямого эфира также были затронуты темы банкротства Алексея Севастьянова и развития его кинокарьеры. Много вопросов предпринимателю смогли задать радиослушатели» («Собственной персоной» Алексей Севастьянов // ПЛН, 25.11.2016 16:37: ЭР). В электронных средствах массовой информации активно используется система ссылок на предшествующие дискурсу материалы, посвященные данному информационному поводу, что позволяет адресату при желании полностью или частично восстановить предшествующий дискурс: «Алексей Севастьянов не считает, что его банкротство является основанием для сложения депутатских полномочий» (ПЛН, 25.11.2016 15:02: ЭР), «Самыми первыми Алексея Севастьянова, признанного банкротом, предали те, кто произносил самые сладкие тосты» (ПЛН, 25.11.2016 14::11: ЭР), «Единоросс Алексей Севастьянов хочет, чтобы его голос был услышан на сессии даже из командировки» (ПЛН, 22.11.2016 15:10: ЭР).

Распространение информации может проходить не только по отлаженной системе информационных каналов, но и по все появляющимся новым каналам, когда, например, центральные авторитетные СМИ предлагают Интернет-пользователям различными способами размещать свои материалы в своих ресурсах. Например, на официальном сайте НТВ реализуется проект «Стрингеры НТВ», связанный с массовым движением стрингеров НТВ — «народных репортеров».

В связи с тем, что для адресата дискурса степень надежности освещения и оценки политического повода зависит и от массмедийного источника, центральные СМИ воспринимаются по сравнению с региональными как более авторитетные и независимые, а следовательно, эффективность дискурса увеличивается. Как для широкой адресной аудитории региона, так и для представителей власти и самих авторов дискурса выход регионального дискурса на общероссийский уровень значительно повышает значимость самого информационного повода. Не только оценка какого-либо события, схожая с авторской, но и само упоминание о политическом событии преподносится в авторском дискурсе как серьезный аргумент, подтверждающий позицию автора и / или издания. Поэтому актуализация выхода регионального политического дискурса на общероссийский уровень часто происходит уже в заголовочном

комплексе с целью привлечения внимания адресата. Ср. заголовок «Каких-то двести голосов» и подзаголовок «Псковская область прославилась на всю Россию явкой в 137% на одном участке и голосованием персонала психбольницы в париках». Использование глагола прославиться в значении ‘приобрести плохую репутацию, дурную славу’⁷ с указанием границ распространения такой репутации усиливается и в самом тексте за счет косвенной обобщенной ссылки на федеральные СМИ, употребленной в одном контексте с наречием явно в значении ‘совершенно очевидно’⁸: «... **глава облзбиркома в ответ на вопросы журналистов бросает трубку...** Вероятно, просто устал от вопросов: общаться 19 сентября явно приходилось и с федеральными СМИ, которые вслед за нашим изданием удивлялись 137%, которые, по данным ЦИК, в сумме набрали депутаты в областное Собрание ...» (Псковская губерния, 21—27.09.2016: ЭР). Важным аргументом в политическом дискурсе региона, в котором эксплицитно или имплицитно идет столкновение разных позиций, в последнее время являются результаты различных рейтингов, проводимых независимыми организациями и фондами. В таких случаях объективность и достоверность политического дискурса часто реализуется за счет привлечения языковых средств лексического и грамматического уровней официально-делового стиля: «Эксперты фонда «Петербургская политика» повысили рейтинг социально-политической устойчивости Псковской области с 5,9 до 6,0 (по десятибалльной шкале). Результаты очередного исследования по итогам октября опубликованы во вторник, 8 ноября, на сайте фонда. Благодаря росту рейтинга Псковская область поднялась из группы субъектов РФ с «пониженной устойчивостью» в категорию регионов со «средней устойчивостью» (Эксперты повысили рейтинг социально-политической устойчивости Псковской области // ПЛН, 08.11.2016 19:23: ЭР).

В то же время региональные массмедиа освещают не только региональные, но и общероссийские политические события, во многих случаях речь идет о тех информационных поводах, к которым обращаются и центральные СМИ. В подобных случаях региональный массмедийный дискурс чаще всего сводится к повтору информации центральных СМИ. Анализ и оценке в региональном массмедийном дискурсе подвергаются так называемые резонансные события. При этом наблюдается тенденция перехода первоначально не относящегося к сфере политики события в общественно-политическое в связи с широким его обсуждением в массмедийном пространстве. Такое явление отмечают и сами журналисты: «... Эхо трагедии так или иначе звучит и резонирует в информационном пространстве. Можно прямо говорить о ситуации так называемой «постправды»: это когда объективные факты менее значимы при формировании общественного мнения, чем эмоции и личные убеждения. Тем не менее, люди пытаются разобраться, что же произошло на самом деле. Параллельно и независимо от следствия в различных изданиях появляются новые статьи, идет сбор подписей под петицией о публичном расследовании, **в Фейсбуке открыта отдельная группа**, модераторы которой собирают всю информацию ..., депутаты иницируют прокурорские проверки. То есть информационный **ком из версий**, догадок, предположений растет не по дням, а по часам. При

7 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 4-е изд. — М., 2005., — С. 916.

8 Там же, С. 620.

этом комментарии официальных лиц чрезвычайно скупы» («Акценты» Донецкого // ПЛН, 26.11.2016 13:42: ЭР).

Субъективность дискурса, авторская оценка выражаются в используемых автором дискурса приемах, в том числе приеме гиперболизации, применяющимся для интенсификации как положительных, так и отрицательных признаков какого-либо явления политической действительности: «О чем еще можно говорить, когда миллионы рублей, вбуханные в реконструкцию, на Руси неизбежно превращаются в стыдобещу и позор?» («Акценты» Донецкого // ПЛН, 26.11.2016 13:42: ЭР).

По отдельности и вне контекста, объединенного коммуникативным замыслом автора дискурса, использованные языковые средства не обладают той степенью воздействия, которую реализуют в дискурсе, где раскрывается их манипулятивный потенциал. Автор политического дискурса, используя языковые механизмы, заставляет адресата погружаться в чужой для него мысленный мир, внедряя определенное мнение, внушая правомерность оценок автора и подталкивая аудиторию к определенным суждениям и действиям. Активно используются речевые тактики, создающие видимость солидарности и идентичности автора с адресатом.

Одной из таких тактик является отождествление автора с адресатом с помощью введения так называемого авторского «мы», которое одновременно как будто бы сближает автора и адресата по их взглядам на ту или иную обсуждаемую ситуацию и объединяет по социальным характеристикам, положению в обществе (чаще всего автор подчеркивает близость своей позиции с позицией обычного человека, «простого телезрителя», «обывателя»): «А вот что думает простой телезритель? Подозреваю, что простой-то телезритель с мнениями поляков как раз часто и солидарен. И это в полной мере продемонстрировал последний инцидент... Во всяком случае именно такая картинка возникает в сознании обывателя, и она совсем не далеко ушла от истины. Пока что мы не видели ни побирающегося на паперти Василия Салопова с баночкой под мелочь, ни стреляющего медяки в подворотне Алексея Севастьянова. Стреляют медяки совершенно другие люди, которых банкротами никто не объявлял» («Акценты» Донецкого // ПЛН, 26.11.2016 13:42: ЭР). «Мы»-повествование используется и для отграничения «нас» от «них». Стремление к формированию общественного мнения в массмедийном пространстве усиливает актуализацию оппозиций «свой / чужой», «хорошо / плохо», «справедливо / несправедливо». «Ты»-обращение к адресату максимально сокращает дистанцию между автором и адресатом дискурса, создается впечатление и обращения к каждому адресату персонально, и к каждому из широкой адресной аудитории, за исключением тех, кого автор переводит в категорию «чужой»: «Это если ты задолжал денежной конторе 15 тысяч кредита, на тебя нашьют коллектора ... и устроят персональный психологический концлагерь. Если же «сильный мира сего» должен миллиарды, то, будьте покойны, должник продолжит спокойно заниматься своими прочими бизнесами, жить на широкую ногу в шикарном особняке на «псковской Рублевке», сладко есть, пьяно пить, ездить на дорогом внедорожнике, принимать законы в Псковском областном Собрании, и сам черт ему не брат!» («Акценты» Донецкого // ПЛН, 26.11.2016 13:42: ЭР). Целевые установки политического дискурса предполагают воздействие на адресную

аудиторию одновременно и на уровне психологии: специально подобранные языковые средства влияют на сферу индивидуально-личностных переживаний человека, на формирование ощущения справедливости или несправедливости в устройстве общества.

Таким образом, культура массмедиа в ситуации открытого информационного пространства и постоянно возрастающей доли коммуникации в массмедийной среде оказывает значительное влияние не только на общественное мнение, но и на вкусы и ценности массового адресата. Все это накладывает особую ответственность на всех участников такой коммуникации и заставляет исследователей выявлять механизмы воздействия на очень широкую аудиторию, определять проблемные зоны в массмедийной коммуникации, чтобы специалисты разных сфер деятельности могли бы оперативно реагировать даже на потенциально конфликтные зоны дискурса.

Об авторе

Грицкевич Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русского языка как иностранного, Псковский государственный университет, Россия.

Yulia Nikolaevna Grickevich Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the Russian Language and the Russian Language as a Foreign Language, Pskov State University, Russia.

E-mail: grickevich68@yandex.ru

КОНФЛИКТНЫЙ ДИСКУРС ПСКОВСКОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена исследованию читательских комментариев к публикациям в средствах СМИ Пскова и Псковской области, формирующих вторичный текст, в центре которого находится социально значимый предмет конфликтных дискуссий; определению степени напряженности указанного текста и ее влияния на конфликтный дискурс псковского медиапространства.

Ключевые слова: конфликтный дискурс, вторичный текст, напряженность дискурса.

L.M. Popkova

CONFLICT DISCOURSE OF PSKOV MEDIA

The article is dedicated to the investigation of the readers' comments to the publications in the mass media in Pskov and Pskov region. The comments form a secondary text in the center of which is a socially significant object of conflict discussions. The degree of intensity of this text and its influence on the conflict discourse of Pskov media is being determined.

Keywords: conflict discourse, secondary text, discourse tension.

Понятие конфликтного текста осмысливается в современной юрислингвистике по-разному. В данном исследовании под конфликтным понимается текст, *потенциально* способный организовать языковой конфликт. Такой текст совершенно необязательно должен быть вовлечен в сферу юридической практики и представлен на лингвистическую экспертизу. Конфликтные тексты в своей совокупности формируют конфликтный дискурс, и текст является тем фокусом, через призму которого рассматриваются различные составляющие дискурса.

В русле новой отрасли медиаисследований — медиарегионалистики — анализ конфликтного дискурса представляет особый интерес: высокая степень конфликтности жизни, которая отражается в медиадискурсе, приводит к высокой степени напряженности указанного дискурса. Исследование региональных медиатекстов с целью определения коэффициента такой напряженности невозможно без обращения к комментариям читателей, то есть без учета территориально обусловленного медиаповедения (медиапотребления и медиапроизводства).

Н.Д. Голев и Л.Г. Ким предлагают рассматривать всю совокупность комментариев как целостный текст, как «вторичный текст, являющийся отражением переработкой первичного текста статьи, или как самостоятельное речевое произведение, где наличие исходного текста является скорее поводом для комментария, чем его причиной»¹.

Сетевые комментарии чаще всего зависят не столько от содержания исходно текста, сколько от системы ценностей, картины мира комментатора, присутствующих ему еще до ознакомления с публикацией. Интерпретационная

---

1 Там же, с. 50.

деятельность читателя включает «реализацию смыслового потенциала текста», а также дотекстовую установку языковой личности (ее социокультурное пространство, политические взгляды, ожидания от прочтения)².

Рассматривая специфические черты виртуального общения, исследователи обычно подчеркивают анонимность адресанта, его пространственную удаленность и опосредованность общения³.

И.В. Тубалова и Ю.А. Эмер, рассматривая конфликтное общение в виртуальной сфере, среди конфликтогенных факторов такого общения выделяют не только опосредованность коммуникации (что приводит к анонимности и безопасности речевых партнеров, к их равностатусности), но и неинституциональность общения⁴.

Исследователи отмечают тот факт, что в виртуальном конфликте преобладает конфликт мнений. Темы реального и виртуального конфликта не различаются, и предметы возникающих конфликтных обсуждений делятся на два типа: 1) «лично значимый» (когда обсуждают конкретное лицо, его внешность, характер, личную жизнь); 2) «социально значимый» (когда касаются политических, научных, культурных событий)⁵.

К дискуссии привлекаются «как личностные, так и социально значимые объекты»⁵.

Обратимся к читательским комментариям, формирующим вторичный текст, в центре которого находится социально значимый предмет конфликтных дискуссий. Комментарии читателей приводятся в тексте статьи со всеми имеющимися в них ошибками.

Так, довольно бурное обсуждение вызвала появившаяся на сайте «Псковская лента новостей» 12 января 2016 года публикация «В 2015 году в Псковской области недособрали НДСЛ на 169 млн. рублей». Основное содержание указанной публикации сводилось к тому, что руководитель Управления Федеральной налоговой службы по Псковской области Елена Жгут сообщила в эфире радио «Эхо Москвы в Пскове» (102.6 ФМ) о снижении в 2015 году в Псковской области темпов роста по такому показателю, как НДСЛ, на 169 млн. рублей. Руководитель ведомства подчеркнула, что в регионе именно НДСЛ является доходобразующим налогом и составляет 55% всех поступлений.

Вторичный текст, сформированный читательскими комментариями, организован по нескольким тематическим направлениям.

Во-первых, это комментарии, содержащие критику руководства Псковской области в целом. Ср.: « **Руководство** Псковской области хоть раз собрало бы предпринимателей, которым пришлось закрыть свой бизнес, и спросило о причинах, проблемах и о **конкретных чиновниках**, которые **кашмарят** бизнес! Интересно, ни в Москве, ни в регионах так не делают. А только создают новые фонды, проводят всякие конференции

---

2 Бондаренко Е.Н. Анализ речевой стратегии дискредитации в лингвистической экспертизе (на примере интернет-комментария) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10 (40). — С. 27.

3 Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации // Вестник Том. гос. ун-та. — 2013. — № 377. — С. 30-35.

4 Там же, с. 31.

5 Там же, с.31.

и пр. для защиты бизнеса, поощрения и пр. но только очередные деньги на это уходят. А бизнес как выживал, так и остается без реальной помощи» (12.01.2016 16:42).

В орбиту негативной оценки деятельности регионального руководства может втягиваться и деятельность высшего руководства страны. Ср.: «А какого НДСФЛ хотели получить **п...сты**, добившись всплеска безработицы, закрытия производств и предприятий, урезания зарплат на немногих пока еще сохранившихся? Нет доходов — нет налогов! Обломитесь, **у...ки!** Следующим шагом эти **кр...ны** «для увеличения бюджетных поступлений» задержат налоги еще больше» (12.01.2016 16:43).

Употребление инвективной лексики в приведенном комментарии значительно повышает уровень напряженности вторичного текста, а вместе с этим и уровень напряженности дискурса.

Во-вторых, текст включает комментарии, которые касаются лично губернатора Псковской области и его деятельности. Ср.: «Наш **Губернатор** дважды уникален. Первая уникальность. Наш **Губернатор** молод и не от сохи, т.е. не имеет опыта. Вторая уникальность. Если **Губернатор** имеет первую уникальность, то обязан прислушиваться к умудрённым годами и прошел жизненный путь от сохи. Губернатор этого не делает» (Пенсионер 12.01.2016 18:10) «Когда **Т...** начал оптимизацию осенью 2014, то рапортовал о сокращении административно-управленческого аппарата и экономии бюджета в связи с этим. А что получилось: начальство и их приближенные как просиживали штаны и жировали так и продолжают, а посокращали или перевели на неполный день простых работников. Неработающие не платят НДСФЛ, вот вам и экономия...» (12.01.2016 17:55).

Такие комментарии не обходятся без сарказма. Ср.: «Так это **губер** себе зарплату снизил и НДСФЛ, соответственно, упал!» (12.01.2016 18:21).

В-третьих, вторичный конфликтный текст-реакция на публикацию «В 2015 году в Псковской области недособрали НДСФЛ на 169 млн. рублей» включает комментарии, раскрывающие деятельность президента Российской Федерации. Ср.: «**П...** пытается управлять экономикой по принципу «чтобы корова больше давала молока и меньше ела — её надо меньше кормить и больше доить» (12.01.2016 16:45).

В-четвертых, в комментариях дается эмоциональная, чаще всего грубая оценка управлению региональных и федеральных органов власти. Ср.: «Корова сдохнет, если доить, но не кормить» (12.01.2016 17:18). «Экономикой управлять — это вам не журавлям дорогу указывать! Тут мозги иметь надо. **Песец** лютый просто» (12.01.2016 16:45).

В-пятых, в обсуждении присутствуют комментарии, характеризующие общую обстановку не только в регионе, но и в стране. Ср.: «За 2015 год тысячи сокращенных, тысячи работают на неполный день, новая система оплаты труда уменьшила зарплаты бюджетников вдвое — откуда НДСФЛ?» (12.01.2016 17:05). «Народ не знает чем платить за квартиру, работы высоко оплачиваемой нет, получают хорошо только те, кто вообще ничего не производит. И даже не торгует, за исключением совестью. Кто у нас получает хорошо судьи, прокурорские работники, мчэсники, полицейские, военные, чиновники. Т.Е. те, кто не производит НИЧЕГО, кроме д...а. А рабочий люд сидит на подсосе...

(12.01.2016 17:22). «Почитаешь комменты и ясно одно: 90 % народа все понимает и трезво оценивает, и знает, что будет большая жэ скоро. А не понимают и творят беспредел оставшиеся 10%, и они-то у руля нашего Титаника» (12.01.2016 21:40).

Наконец, вторичный текст содержит комментарии, направленные на поиск выхода из сложившейся ситуации. Ср.: «Пусть меня «соберут», я им расскажу, почему ушел из бизнеса и **что нужно делать**, чтобы не пострадали другие» (Пенсионер 16:42 12.01.2016 16:47). «Где аналитики ФНС по Псковской области? Если весь бизнес посолиднее зарегистрирован в Москве или Питере, собственные бизнесмены сворачивают бизнес, ОЭЗ Моглино вся в льготах. Какие налоги, **сокращать надо Псковскую инспекцию ФНС**» (12.01.2016 17:28).

Поиск выхода включает и саркастические рекомендации. Ср.: «**Нужно пригласить несколько гос-менеджеров из Дубая и Гон-Гонка** для управления предпринимательством в России, т.к. свои не могут — это уже очевидно» (12.01.2016 16:42). «А заодно и товарища в маске с ятаганом» (12.01.2016 22:19).

Если сопоставить приведенный вторичный текст с комментариями читателей по поводу публикации «С января в Псковской области сдвинуты сроки выплат всех льгот», появившейся на сайте «Псковская лента новостей» в тот же день, 12 января 2016 года, что и предыдущая публикация, различий в тематических направлениях, формирующих читательские комментарии, практически нет.

В указанной публикации представлен социально значимый предмет конфликтной дискуссии. В ней говорится о том, что с января в Псковской области сдвинуты сроки выплат всех льгот. Как утверждает начальник Главного государственного управления соцзащиты населения Псковской области Армен Мнацаканян, администрация региона приняла соответствующее постановление о переносе сроков выплат всем категориям льготников. Связано это, в частности, с работой Почты России (как пояснил Армен Мнацаканян).

Определяя тематические направления, по которым организованы читательские комментарии, формирующие вторичный текст к публикации «С января в Псковской области сдвинуты сроки выплат всех льгот», как и в предыдущем случае, можно выявить комментарии, содержащие критику руководства Псковской области в целом. Ср.: «**Д...лы** в администрации области. Гнать оттуда все руководство во главе с Т...» (12.01.2016 11:25). «Ещё не всех обокрали? Позор думцам и власти местечковой. Дождитесь выборов» (Феня. 12.01.2016 12:22).

Включает вторичный текст и комментарии, которые касаются либо губернатора Псковской области, либо каких-то отдельных лиц его Администрации и их деятельности. Ср.: «А причем здесь Армен? У Т... набраны кредиты, а платить нечем... Вот он и решил, что самые богатые в области это пенсионеры. Надо их «пощекотать». Кстати, а где декабрьские выплаты? На 2015 год это постановление не распространяется. Как они изголяются над нами! Господи, неужели ты не видишь такую несправедливость? Богатый бедному не разумеет» (12.01.2016 10:13). «А себе губернатор и соцзащита не хочет сдвинуть сроки выплаты зарплаты? Обнаглели совсем! В декабре себе, любимым сколько выплат сделали? А над пенсионерами можно издеваться? Быстрее бы выборы!!!» (12.01.2016 11:10). «Про почту это круто, как говорится

не от большого армянского ума, мозгов то нет. А губернатор ведется на всякую хр... нь, поэтому про таких как он говорят, папинькин сынок» (12.01.2016 21:13). «Почему господин Мнацакян своих служащих без зарплаты не оставил декабрьской Все районы получили в срок с премиальными. А бедных, вернее, нищих пенсионеров можно оставить без копеек. Гады вы все!» (12.01.2016 15:37).

Комментарии, относящиеся к этому тематическому направлению, включают довольно резкие выпады против начальника Главного государственного управления соцзащиты населения Псковской области Армена Мнацаканяна.

«Самый хитрый из армян — это Армен Мнацаканян» (12.01.2016 16:18). «Армен, проваливай в свою армению, гн..да! С глаз долой, п..ла!!!» (12.01.2016 15:38). «Если почта виновата, то отчего на счет не переводят? врун сидит на месте начальника соц. защиты от населения! где, кстати, прокуратура? тоже на пайке т...кой?» (12.01.2016 10:39).

Вторичный конфликтный текст к публикации «С января в Псковской области сдвинуты сроки выплат всех льгот», как и текст к публикации «В 2015 году в Псковской области недособрали НДФЛ на 169 млн. рублей», содержит комментарии, раскрывающие деятельность президента Российской Федерации. Ср.: «Страну ждёт неминуемая гибель. Как изнутри, так и извне. П... , ради поддержания своего рейтинга, своей внешней политикой лишь отсрочивает неизбежное» (12.01.2016 13:24).

В указанных комментариях присутствует и эмоциональная грубая оценка управления региональных и федеральных органов власти. Ср.: ««Какая же это соцзащита? Это соцнаказание!» (12.01.2016 10:18). «Соцограбление» (12.01.2016 10:25). «А причём здесь почта??? Почта всё делала правильно, я получала пенсию и льготы 9 числа.. а теперь что??? надо вовремя деньги переводить господу соц. защита!!! Господи да когда они начнут думать головой, а не ж...!!!» (12.01.2016 09:59).

Безусловно, такие комментарии содержат и характеристику общей обстановки не только в регионе, но и в стране. Ср.: «Понятно, что в области проблема с финансами. А откуда они будут? Рабочих мест нет, многие получают по ведомости минимальную з/плату, а фактически больше, и область теряет налоги. Пенсионеры, которые работают не официально (в ларьках, магазинах) будут иметь и доход и индексацию пенсии. И для чего же мы содержимое аппарат госслужащих, которые должны учитывать все неофициальные заработки и отслеживать их?» (12.01.2016 21:40).

«Все гадости, которые свалились на нашу голову за последние лет десять, главной причиной имеют всевластье «Единой России». Эта партия, руководителем которой является Медведев, имея подавляющее большинство при голосовании на всех уровнях, стала служанкой олигархов. Руководитель фракции «ЕР» в Думе Володин так прямо и сказал: «У нас либеральная (либерастическая) платформа». В итоге, только интересы олигархов не задеваются ни при каких обстоятельствах...» (12.01.2016 13:24).

Достаточно большое место в рассматриваемом вторичном тексте занимают комментарии, направленные на поиск выхода из сложившейся ситуации. Ср.: «не валите с больной головы на здоровую» (12.01.2016 10:08). «Бариннову в отставку! Не справляется с ситуацией (12.01.2016 11:27).

Прокуратура! Ау! Наведите порядок, или на фиг вы населению нужны?!» (12.01.2016 11:05). «Вслед за этим распоряжением должно последовать и следующее: в связи с задержкой соц. выплат переносятся на один месяц оплата коммунальных услуг, налогов, страховок и прочих обязательных выплат, Администрация псковской области...» (12.01.2016 10:34). «Напишем президенту. Выйдем на митинг. Привлечём СМИ. Пусть товарищ Армянин в Армению валит со своими нововведениями» (12.01.2016 15:57). «Хватит причитать! собирайтесь в кучу, пенсы и пишите.. сначала пишите во все инстанции, потом на улицу выходите.. что вам терять-то? так и помрётё рабами... нечего тут господу поминать всуе.. а армен врёт, ему что, он давно уже дьяволу душу отдал, за пайку т.....кую всех вас продаст...(12.01.2016 10:30).

Иронические рекомендации по поводу выхода из сложившейся ситуации также присутствуют. Ср.: ««Надо затянуть пояса. Кругом враги. Сирию надо освободить. Крым и Донбасс кормить. А вы тут про какие-то выплаты вопите. Общественное прежде личного. Новый лозунг П...» (12.01.2016 10:25).

Таким образом, тематическое единообразие читательских комментариев, формирующих вторичный текст, лишает целесообразности привлечение большого количества публикаций для иллюстрации этого единообразия. Оно, на наш взгляд, снижает конфликтогенный потенциал вторичного текста, ослабляя напряженность дискурса, которая будет зависеть от характера использованных читателями инвективных лексических единиц.

Об авторе

Попкова Лариса Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русского языка как иностранного, Псковский государственный университет, Россия.

Larisa Popkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the Russian Language and the Russian Language as a Foreign Language, Pskov State University, Russia.

E-mail: popkova.larisa@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЕ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ЗАГОЛОВКАХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ ПРИГРАНИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье анализируется понятие «агрессия» и «речевая агрессия». Представлены материалы заголовков псковских оппозиционных изданий «Псковский рубеж» и «Псковская провинция» за период предвыборной кампании с января по октябрь 2016 года. Выявлены особенности прямой и скрытой речевой агрессии на лексическом уровне в заголовочном тексте данных изданий.

Ключевые слова: массмедийный текст, речевая агрессия, прямая агрессия, скрытая агрессия.

E.G. Melnikova

AGGRESSIVE RHETORIC AS DEPICTED IN HEADLINES OF THE NEIGHBORING COUNTRIES' PRESS

The article analyses the concepts of “aggression” and “aggressive rhetoric”. The headlines of the Pskov opposition newspapers “Pskovskiy Rubezh” and “Pskovskaya Provintsiya”, which covered the election campaign from January, 2016 through October, 2016 are provided. Specific vocabulary of direct and indirect aggressive rhetoric has been identified in the headlines of the newspapers under consideration.

Keywords: media text, aggressive rhetoric, direct aggression, indirect aggression.

В настоящее время все чаще употребляется термин агрессия применительно к разным сферам человеческой деятельности и областям научного знания, в том числе и к сфере журналистики. Несмотря на первичное значение слова агрессия «двигаться вперед», оно приобретает иное толкование в современном обществе. Известный психолог, профессор, Н.И. Леонов предлагает понимать под агрессией «индивидуальное или коллективное поведение, направленное на нанесение физического или психологического вреда, ущерба, либо на уничтожение другого человека или группы людей»¹.

Термин речевая (словесная, вербальная) агрессия (лат. *invectiva* (*oratio*) — бранная речь) широко используются как в российской, так и в зарубежной научной литературе последних десятилетий и рассматривается большинством исследователей как специфическая форма поведения или деятельности, основным орудием которой служит язык. Ср.: «Речевая агрессия — форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом»².

В то же время конкретное содержание этого понятия трактуется неоднозначно, прежде всего, потому, что речевая агрессия — явление многоаспектное, включающее помимо языковой манифестации психологическую, прагма-

¹ Леонов Н.И. Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения. — СПб: Питер, 2005. — С. 211.

² Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С.562.

тическую, поведенческую, социальную, политическую составляющие.

Так, одни исследователи связывают с речевой агрессией манипулирование сознанием адресата, осуществляемое посредством языка³; другие – как «неаргументированное вовсе или недостаточно аргументированное открытое или скрытое (латентное) вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.) или поражение в полемике – в пользу адресата»⁴; третьи акцентируют внимание на таком сущностном качестве речевой агрессии, как нацеленность на оскорбление или намеренное причинение вреда человеку⁵.

Как известно, проявление речевой агрессии в XXI в. наблюдается в обществе в целом и СМИ в частности.

Негативный, враждебный и даже агрессивный эмоциональный фон в современном обществе во многом формируется средствами массовой информации. Апеллируя к сценам насилия, чувству страха человека и т.д., СМИ воздействуют на общественное сознание и тем самым формируют общественное мнение. Как отмечают ученые, «в СМИ функция воздействия, убеждения начинает вытеснять остальные языковые функции, и средства массовой информации превращаются в средства массового воздействия»⁶.

В связи с этим вопрос регулирования общественного мнения посредством СМИ приобретает особую важность, поэтому изучение форм и средств речевой агрессии в СМИ необходимо, так как современное общество в своих представлениях о речевых эталонах во многом ориентируется на язык масс-медиа.

Актуальность изучения феномена речевой агрессии, прежде всего, связано с «неблагополучным социокультурным положением: ростом асоциальности, общим снижением уровня речевой культуры, инвективизацией и вульгаризацией речи, ослаблением коммуникативных механизмов и др.»⁷.

Наибольшая опасность речевой агрессии содержится в отсутствии реализации задач эффективного речевого взаимодействия, что затрудняет полноценный обмен информацией и деструктивно воздействует на сознание участников общения.

В исследованиях Ю. Щербининой⁸ предложена типология речевой агрессии как следствия различных побуждений, в результате которых формируется словесный способ выражения недовольства или агрессии:

- как ответная реакция на внешний раздражитель (т.е. физический или психологический дискомфорт);

3 Быкова О.П. Языковое манипулирование общественным сознанием: методическая разработка и рабочая программа для студентов заочного отделения юридического факультета / Сост. ОН. Быкова. — Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1999. — С.22.

4 Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. — Вып. 2. — Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1997. — С.14.

5 Копнина Г. А. Речевое манипулирование: Учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2007. — С.254.

6 Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламе. — М.: Флинта: Наука, 2009. — С.11.

7 Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. — 2-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — С.6.

8 Там же, с.7.

- как особое намерение (целенаправленное желание говорящего нанести коммуникативный урон адресату (унизить, оскорбить, высмеять и т. п.) или реализовать таким «запрещенным» способом какие-то свои потребности (самоутверждения, самозащиты, самореализации и др.);

- как имитация («словесная «игра»);

- как следствие фрустрации (т.е. результат действия фрустраторов — непреодолимых барьеров на пути к достижению цели, удовлетворению потребностей, получению удовольствия, вызывающих фрустрацию – состояние растерянности, подавленности, чувство разочарования, гнетущей напряженности, тревожности, безысходности).

Продуктивной типологией речевой агрессии, основанной на классификации А. Басса, признается деление на две формы агрессии: физическую и речевую (вербальную) в их активной и пассивной разновидностях. Согласно этой классификации, выделяются следующие виды речевой агрессии: активная прямая (словесное поношение кого-, чего-либо, оскорбление, унижение, угрозы, деструктивные пожелания, призывы к агрессивным действиям, насилию), активная непрямая (распространение клеветы, сплетен), пассивная прямая (отказ разговаривать с другим человеком, игнорирование его вопросов), пассивная непрямая (отказ дать определенные словесные объяснения, демонстративное молчание). Формы пассивной речевой агрессии реализуются, как правило, в условиях непосредственного устного общения, поэтому в печатных текстах СМИ нет их прямой репрезентации.

Среди перечисленных видов речевой агрессии наибольшую опасность в коммуникативном отношении представляет прямая агрессия (агрессия «в чистом виде») как «осознанно мотивированная целенаправленная человеческая активность»⁹, поскольку она представляет собой продуманный, спланированный, подготовленный речевой акт, цель которого — нанесение коммуникативного вреда адресату, разрушение гармонии общения.

Способы выражения речевой агрессии в массмедийных текстах (и прежде всего в газетном дискурсе) являются актуальной проблемой. Лингвистическому анализу форм речевой агрессии в СМИ посвящено немало исследований.

В настоящее время, по мнению многих исследователей, повысился интерес к местной прессе. В основе этого процесса лежит ряд причин: усиление самостоятельности регионов; заинтересованность местной элиты в информационной поддержке; наличие в развитых регионах материально-технической базы для развития собственных СМИ; способность региональных журналистов лучше учитывать исторические традиции своей аудитории.

Как правило, под региональной прессой понимаются газеты и журналы, издающиеся на территории одного субъекта РФ, а термины «региональная пресса» и «местная пресса» выступают синонимами.

Исследованию речевой агрессии по материалам региональной прессы посвящены работы С.В. Гуськовой (Тамбовская область), Н.Е. Петровой и Л.В. Рацибурской (Нижегородская область).

Газетные публикации псковских изданий, как и многие массмедийные

---

⁹ Грабельников А.А. Работа журналиста в прессе. — М.: Издательство: М.: РИП-холдинг, 2005. — С.9.

тексты, содержат агрессивную риторику. Это оппозиционные газеты: «Псковский рубеж» (далее ПР) (от КПРФ) и «Псковская губерния» (далее ПГ) (от партии «Яблоко»).

Стилистическая тональность псковских периодических изданий содержит агрессивную манеру изложения с целью перехвата инициативы, утверждения собственной идеи, дискредитации «противника» любыми способами. Используя подобную тактику подачи материала, автор применяет «неаргументированное вообще или недостаточно аргументированное открытое или скрытое воздействие на адресата»¹⁰. В этом проявляется мировоззренческая позиция автора, его манера навязывания адресату определенной точки зрения, манипулирования его сознанием, лишения возможности сделать собственный вывод, нанесения оскорбления.

Как показывают материалы оппозиционных газет, речевая агрессия отмечается как в самих статьях, так и в заголовках к этим статьям.

Слово заголовок в словаре зафиксировано с пометой полигр. в значении «строка, содержащая такое название и оформленная особым образом для выделения и привлечения внимания»¹¹. Для газетного заголовка важна и коммуникативная функция: информировать о содержании газетного материала, осведомлять о значении, характере и степени важности событий, передать отношение автора к описываемым событиям, отразить позицию редакции. Следовательно, заголовок важен как в структурном, так и смысловом отношении.

Наибольшая активность речевых агрессий в заголовках к статьям и подзаголовках наблюдается в период предвыборных кампаний, когда накал политических страстей проявляется особенно остро.

Основная тематика заголовков политической газеты «Псковский рубеж» во время предвыборной кампании (январь-октябрь 2016 года) направлена на выявление компрометирующих фактов против президента и премьер-министра РФ, политической правящей партии «Единая Россия», выражение отношения к настоящему политическому и социальному строю, а также к местной власти.

Для этой цели авторы используют различные формы прямой речевой агрессии. Это прежде всего такие лексические средства, как использование стилистически сниженной лексики. В заголовке «Запуск предвыборного лохотрона» (ПР, № 19, 12.05.2016) употреблено разговорное слово лохотрон, в значении «мошенническое предприятие (лотерея, игра и т. п.), рассчитанное на доверчивых людей, которым оно сулит лёгкий способ приобретения материальных ценностей (деньги, вещи и пр.)»¹².

Разговорное слово в данном контексте в сочетании со словами запуск, предвыборный характеризует политическое мероприятие (выборы в Государственную Думу) как мошенническое, злоупотребляющее доверием людей. Стилистическую сниженность лексической единицы фиксируют пометы разг.,

---

10 Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. — Вып. 2. — Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1997. — С.14.

11 Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. — М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. — С. 36.

12 Там же, с.341.

неодобр¹³. Такой заголовок в целом выражает негативное отношение автора к предстоящим событиям, направлен против существующего порядка (отсутствие доверия к выборам), демонстрирует прямую речевую агрессию.

В заголовке «Д.Г. Новиков: единовременная компенсация пенсионерам смахивает на подкуп избирателя» (ПР, № 36, 08.09.2016) передается официальная информация о предстоящей в январе компенсации пенсий. Включенное в заголовок разговорное слово смахивает со стилистически сниженной окраской меняет тональность сообщения и придает ему неофициальный характер. Глагол смахивать в значении «быть похожим на кого-то-н.»¹⁴ в сочетании с существительным подкуп (от глагола покупать «привлекать, склонять на свою сторону деньгами, подарками») обесценивает данное политическое и социальное мероприятие и выражает негативное (агрессивное) отношение.

Прямая речевая агрессия может быть передана через заимствованное слово. В статье с заголовком «Конфуз на совете госмузей» (ПР, № 1-2, 14.01.2016) заимствованное слово конфуз с пометой разговорное в значении «смущение, состояние неловкости, стыда»¹⁵ (от лат. confusio) вместе с книжным словом госмузей (государственные деятели) создает ироничность по отношению к госчиновникам и передает негативное отношение к их деятельности.

В заголовке «А нам трын-трава?» (ПР, № 38, 22.09.2016) использована метафора как лексическое средство. В статье выражается недовольство постоянной победой правящей партии на выборах и подвергается сомнению честность выборной кампании. По мнению многих избирателей, неучастие в выборах многих людей способствует подтасовке фактов голосования. Поэтому вопрос автора заставляет задуматься о результатах выборов. Проявление равнодушия к выбору кандидатуры передано через слово трын-трава. В словаре В.И. Даля слово трынтрава (слитное написание) зафиксировано в значении «все ничтожное, вздорное, пустое, не стоящее уваженья, вниманья»¹⁶.

Статья с заголовком «Надругательство» (ПР, № 25, 23.06.2016) содержит лексическую единицу с прямым выражением речевой агрессии. Слово надругательство употребляется в значении «акт глумления, осквернения или кощунства по отношению к какому-либо предмету, событию и т.д., что представляет ценность для других людей, в том числе оскорбление чувств этих людей»¹⁷. Следовательно, компонент агрессивности содержится в дефиниции данного слова (акт глумления, осквернения, кощунства, оскорбления).

Факт прямой агрессии также выражен в заголовках статей, посвященных проблемам старшего поколения: «Геноцид ветеранов» (ПР, № 37, 15.09.2016); «Старики — обуза для страны?» (ПР, № 37, 15.09.2016); «Позор власти – тяготы российских пенсионеров»; «Соцзащита или соцнападение?» (ПР, № 28, 14.07.2016).

Слово геноцид в значении «истребление отдельных групп населения, целых народов в мирное или военное время по расовым, национальным или ре-

13 Там же, с.221.

14 Там же, с.759.

15 Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. — М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. — С. 299.

16 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Цитадель, 1998. Т.4. —С.438.

17 Там же, с.389.

лигиозным мотивам» содержит компоненты агрессии, передающие семантику физического уничтожения населения. Следовательно, в заголовке данной статьи речь идет о высокой смертности среди людей старшего поколения вследствие несправедливой социальной системы.

Через разговорное слово обуза как «тягостная, неприятная забота, тяжелая, обременительная обязанность» и слово тяготы «то, что обременяет, отягощает», указывается на отношение действующей власти к старикам. Такая ситуация вызывает неприятие существующего строя и политики государства.

В заголовке статьи «Вымирающая область» (ПР, № 37, 15.09.2016) через прилагательное вымирающий (от глагола вымирать «полностью исчезать вследствие гибели, смерти»¹⁸) характеризуется состояние дел в области. Автор выражает тревогу, опасение за судьбы жителей области и имплицитно указывает на несостоятельность руководителей, допустивших такое положение.

В заголовке «Г.А. Зюганов: партия власти разрушает стабильность и раскалывает общество» (ПР, № 38, 22.09.2016) глаголы разрушать в значении «губить, ломать или портить что-либо, превращая в развалины»¹⁹ с существительным стабильность и раскалывать в переносном значении «заставлять распасться, внося разногласия в какую-л. среду»²⁰ в сочетании с существительным общество указывают на действия политической партии «Единая Россия» не как партии созидательной, а — разрушительной. Заявление лидера КПРФ Г.А. Зюганова — это прямое выражение речевой агрессии.

Заголовок «Фальшивые коммунисты» (ПР, № 36, 08.09.2016) передает агрессивную тональность, так как нарушена лексическая сочетаемость: такая характеристика коммунистов неприемлема. Слово фальшивый в значении «ложный, ненастоящий, не такой, какой должен быть в действительности»²¹, употребленное в таком контексте является лексической единицей для выражения негативного отношения. В статье идет речь о появлении партий-обманок, «ворующих» голоса во время выборов в пользу правящей партии. Поэтому в слове фальшивый имеется прямое выражение речевой агрессии.

В заголовках «Ползучая приватизация Победы» (ПР, № 25, 23.06.2016) и «Ползучая колонизация российского образования: последствия, «чертеж» достижения независимости» (ПР, № 24, 16.06.2016), структурно похожих, употреблено слово ползучий в переносном значении «медленно движущийся, распространяющийся; ползущий» в сочетании со словами приватизация и колонизация. Здесь передается негативное отношение автора к содержанию предпринятых действий со стороны правительства.

Выражение речевой агрессии с помощью лексических средств отражено в заголовке «Социальная справедливость для ветеранов по-псковски» (ПР, № 17, 28.04.2016). Выступая в защиту ветеранов, автор обозначает существующую проблему: лишение ветеранов льгот на оплату услуг ЖКХ.

Употребляя слово справедливость как «беспристрастное, справедливое отношение к кому-либо, чему-либо»²² в заголовке, автор использует вну-

18 Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. — М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. — С. 115.

19 Там же, с.675.

20 Там же, с.679.

21 Там же, с.879.

22 Там же, с.784.

трисловную антонимию. Следовательно, в заголовке передается смысл о несправедливом отношении к ветеранам. Отрицательный смысл высказыванию придает слово по-псковски, характеризующее работу местных властей как неудовлетворительную.

Противопоставление как лексический способ выражения неприязни использован автором в заголовках статей «Соцзащита или соцнападение?» (ПР, № 29, 14.07.2016) и «Учёных много – умных мало» (ПР, № 29, 14.07.2016).

В ряде заголовков, касающихся деятельности политических лидеров В. Путина и Д. Медведева, выражена прямая агрессия. В статье с заголовком «Пигмей против титана» (ПР, № 5, 04.02.2016) с помощью противопоставления демонстрируется агрессия к главе государства. Называя В. Путина пигмеем («группа низкорослых негроидных народов, обитающих в экваториальных лесах Африки») с указанием на рост и отсутствие интеллектуальных способностей, автор противопоставляет ему титана — «человека огромных творческих возможностей, создавшего что-нибудь великое» – В. И. Ленина. Следовательно, автор в открытой форме выражает речевую агрессию, направленную на унижение и оскорбление.

Агрессивный пафос против президента В. Путина отмечен в заголовке «Плохому танцору... Ленин мешает» (ПР, № 5, 04.02.2016). Статья стала ответным словом на некоторые высказывания В. Путина о В.И. Ленине. По мнению лидера КПРФ, эти выступления умаляют деятельность вождя. В заголовке представлена трансформация известной пословицы, основное значение которой — «мешать выполнению некой деятельности не может наличие обязательного главного составляющего этой деятельности; хорошему выполнению оной может мешать плохое (некачественное) использование этой главной составляющей». Трансформация пословицы позволила автору в иронической форме выразить неприязненное отношение к человеку, чье имя упоминается в статье. Однако подобная ироничность похожа на публичное оскорбление, направленное против конкретного лица. Следовательно, ироничность автора в данном контексте может быть признана формой речевой агрессии.

Примером трансформации пословицы «Слово – серебро, молчание – золото» может быть заголовок «Когда молчание – не золото» (ПР, № 35, 01.04.2016). Основная идея пословицы, дающей совет «лучше промолчать, чем сказать не подумав», приобретает иной смысл в измененном варианте. Подзаголовок в статье информирует читателя о принятии в стране законов в интересах олигархов и чиновничества. Поэтому молчание в таких ситуациях становится нежелательным. Синтаксическая конструкция со словом, выражающим частное отрицание (не золото), имплицитно выражает недовольство действиями правительства. В данном случае можно говорить об имплицитном способе выражения речевой агрессии.

Способ прямой речевой агрессии отмечен в заголовке против президента страны В. Путина «Путин для меня больше не авторитет!» (ПР, № 5, 04.02.2016). В заголовочной конструкции, представленной в виде восклицательного предложения, обычно передается восторженная риторика и утверждение. Однако отрицательная частица не (не авторитет) и отсутствие Вы-обращения к президенту страны выражают коммуникативное намерение автора — прямое оскорбление. Следовательно, в данной конструкции для выражения

прямой речевой агрессии используются лексические и синтаксические средства.

Помимо лексических средств для привлечения внимания читателей в заголовочных текстах используются возможности словообразования. Словообразовательные элементы вносят в значение слова как дополнительный смысл, необходимый автору для формирования мнения о предмете или субъекте речи, так и эмоциональность, оценочность. Словообразовательные модели часто способствуют прямому выражению речевой агрессии.

В заголовках статей «Диагноз: хроническая антинародность власти» (ПР, № 4, 28.01.2016); «Государственная Дума Российской Федерации – «конституционная падчерица»?», «Против беспредела на выборах!» (ПР, № 35, 01.04.2016), «Бесчеловечное решение» (ПР, № 35, 01.04.2016), «Очередную квазиобщественную организацию возглавил президент ПсковГУ Сергей Вертешев» (ПГ, 02.11.2016.) употреблены слова (выделены жирным курсивом), содержащие словообразовательную приставку. Приставки анти-, бес- вносят значение «отсутствии чего-либо»²³, па-, квази- – «ненастоящее, ложное»²⁴. Следовательно, включение в речь подобных словообразовательных моделей помогает автору передать негативное отношение к общественным явлениям.

К особенностям словообразовательных возможностей относятся и различные модификации слова или графические гибриды, с помощью которых передается разная степень оценочности.

Примером экспансии аббревиатур-антропонимов в текст заголовка могут быть аббревиатурные номинации, например, ЕР (партия «Единая Россия»), ПЖ («Партия жизни») и различные модификации сокращений. Для названия члена партии «Справедливая Россия» использован неологизм справедливоросс, а для партии «Единая Россия» – единоросс. Эти единицы являются нейтральными в стилистическом отношении.

Однако использование в заголовке «Едроссы» снова заблокировали закон «О детях войны» (ПР, № 4, 28.01.2016) слова едроссы как «неблагозвучного» сокращения (ср. единороссы) вносит негативную риторику в адрес правящей партии «Единая Россия» и ее лидеров. Такая негативная экспрессия в номинации, объединяющая лексические и словообразовательные возможности языка, способствует выражению прямой речевой агрессии.

В ряде заголовков использование аббревиатур представляет имплицитную форму выражения негативного отношения к происходящим событиям: «ЧП на чистой земле» (ПР, № 35, 01.04.2016), «Крестьян встретил ОМОН» (ПР, № 35, 01.04.2016).

К особому виду имплицитной речевой агрессии относятся приемы языковой демагогии, то есть непрямого воздействия на адресата. Такими примерами могут послужить следующие заголовки: «И снова – есть такая партия!» (ПР, № 29, 21.07.2016) (в статье говорится о заявлении Премьер-министра России Дмитрия Медведева о невозможности повышения пенсии в разы в нынешних условиях); «Уйдите по-хорошему!» (ПР, № 37, 15.09.2016) (о визите в город Псков главы правительства РФ Д. Медведева); «Друзья встречаются вновь...» (ПР, № 29, 14.07.2016) (о встрече Президента России В. Путина с губернатором

²³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. — М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. — С. 23.

²⁴ Там же, с.502.

Псковской области А. Турчаком. На встрече А. Турчак охарактеризовал социально-экономическую обстановку в Псковской области как положительную. Однако в тексте статьи содержится резкая критика экономической обстановки в области); «Подарок для президента» (ПР, № 38, 22.09.2016) (о передаче в дар президенту РФ теленка, которого фермеры не в состоянии выкормить из-за отказа Россельхозбанка в предоставлении им кредита).

В данных заголовках идеи о несостоятельности правящей элиты не высказываются прямо, а внушаются, навязываются исподволь. Только прочитав текст основной статьи, читатель сможет сделать соответствующие выводы. Здесь использован прием «речевых импликатур», что создает удобное средство манипулирования сознанием собеседника. Выражая имплицитно негативное отношение, автор всегда может отказаться от «скрытого» (имплицитного) утверждения.

Таким образом, в заголовочных текстах оппозиционных газет активно используются различные формы выражения речевой агрессии. Это прежде всего использование лексических средств (разговорная, заимствованная, жаргонная лексика, метафоричность, противопоставление и др.), словообразовательной оценочности, синтаксических конструкций. Особое место занимает языковая демагогия как прием для передачи имплицитного высказывания.

Об авторе

Мельникова Елена Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русского языка как иностранного, Псковский государственный университет, Россия.

Yelena Melnikova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the Russian Language and the Russian Language as a Foreign Language, Pskov State University, Russia.

E-mail: gavrichenkovpskov@rambler.ru

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИАЛОГА
ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕДАЧ «БИЗНЕС-СЕКРЕТЫ»)**

В статье рассматриваются способы и средства, используемые собеседниками в соответствии с коммуникативной ситуацией диалога. Детально анализируются структурные компоненты коммуникативного события: социальный контекст, социальная норма и способ взаимодействия. Основываясь на концепции русского разговорного диалога, предложенной И. Н. Борисовой, автор исследует микроструктуру и макроструктуру нескольких диалогов телепередач «Бизнес-секреты». Как свидетельствует анализируемый материал, единство коммуникативного пространства диалога проявляется в различных способах связи тех тем, которые развиваются говорящими в рамках коммуникативных эпизодов.

Подчеркивается важность дифференциации коммуникативного события и коммуникативной ситуации, поскольку это позволяет на примере диалогов телепередач «Бизнес-секреты» дать описание объективных интегрирующих признаков коммуникативного события, входящих в модель коммуникативной ситуации, и субъективных признаков варьирования речевого поведения собеседников и их речевого продукта.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, коммуникативное событие, спонтанный диалог, телепередача «Бизнес-секреты».

N.L. Fedotova

**ON THE PECULIARITIES OF THE TV INTERVIEW DIALOGUE FUNCTIONING
(ON THE MATERIALS OF PROGRAMMES «BUSINESS SECRETS»)**

The report examines the ways and means used by the interlocutors in accordance with the communicative situation of the dialogue. Analyzed in detail the structural components of the communicative event: the social context, social norm and way of interaction. Based on the concept of spoken Russian dialogue, proposed by I. N. Borisova, the author examines the microstructure and macrostructure of dialogues of TV show “Business secrets”. As evidenced by the analyzed material, the unity of the communicative space of dialogue manifests itself in various ways of communication on the topics that develop speaking within the communicative episodes.

Stresses the importance of differentiation of communicative events and communicative situations, since it allows using like example the dialogues of the TV show “Business secrets” to give a description of the objective of integrating the characteristics of communicative events, the members of the model of the communicative situation, and subjective signs of variation in speech behavior of interlocutors and their speech product.

Keywords: communicative situation, communicative event, a spontaneous dialogue, the television show “Business secrets”.

Общение и взаимодействие людей происходит в конкретной социокультурной среде, в определенной обстановке. Таким образом, и среда, и ситуация оказывают влияние на то, **что** мы говорим и **как**. В связи с этим экстралингвистические признаки (ситуативные, коммуникативные и социолингвистические) определяют диалогическое взаимодействие — «коммуникативное событие» (в трактовке И. Н. Борисовой), в рамках которого коммуниканты порождают диалог как «законченное речевое взаимодействие и как целостное произведение речи»¹.

Коммуникативное событие принадлежит к разновидности динамических событий-процессов, поскольку, согласно позиции Н. Д. Арутюновой, ему свойственны такие параметры, как «отнесённость к жизненному пространству; принадлежность к магистральной линии; динамичность и кульминативность; сценарность, которая при отсутствии естественного сценария создаётся ритуалом; неконтролируемость; слабая структурированность; целостность, отвлечённость от временной протяжённости; единичность, счётность; преимущественная включённость в интерпретирующий контекст»¹.

Событие существует объективно, независимо от воли субъекта: «коммуникант (деятель, агенс), подчиняясь целям и обстоятельствам своей деятельности, как бы «входит» в заданное социумом коммуникативное событие и вынужден руководствоваться в своей деятельности ситуацией, социальными условиями, нормами и правилами, предлагаемыми коммуникативным событием»².

Если применить такой подход к телеинтервью «Бизнес-секреты», то можно заметить, что ведущему Олегу Тинькову и его приглашенным гостям приписываются ролевые, статусные и релятивные характеристики социальным контекстом того коммуникативного события (записи телеинтервью в студии), в рамках которого проходит общение.

Структурными компонентами коммуникативного события являются социальный контекст, социальная норма и способ взаимодействия. Выделяются два аспекта: *вертикальный* и *горизонтальный*, в которых центральным компонентом является коммуникативная деятельность участников. «Вертикальное измерение является процессуальным и образуется соотношением “коммуникант — деятельность — результат”, которое задаёт динамический аспект описания коммуникативной деятельности по шкале “цель — коммуникативное поведение — результат”. Горизонтальное измерение описывает статический аспект — условия (коммуникативная ситуация) и социальные ограничения (нормы, конвенции, правила, ритуалы, сценарии), которые регулируют протекание деятельности в коммуникативных событиях определённого типа»³.

Процессуальность коммуникативного события воплощается в последовательности и связи его коммуникативных фаз: принципы выделения таких отрезков речи могут варьироваться в зависимости от уровня членения и методологических целей исследования.

1 Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 519.

2 Борисова И. Н. 2009 Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Монография. — М.: Либроком, 2009. — С.15.

3 ¹ Борисова И. Н. 2009 Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Монография. — М.: Либроком, 2009. — С.16.

Существует два подхода к вычленению коммуникативных единиц — *Формально структурный* и *функционально-прагматический*, которые учитывают диалогический характер коммуникативного события. За единицу диалогического взаимодействия принимается *диалогический фрагмент* или *микродиалог*. Членение на коммуникативные

фрагменты проводится на двух уровнях — микроуровень и макроуровень, которым соответствуют два типа диалогических единиц — *интеракция* (минимальный микродиалог) и *диалогическое единство* (микродиалог). На микроуровне обнаруживается *иллокутивно-прагматическое членение* диалога, в котором две реплики-высказывания объединяются особой связью — «*иллокутивным вынуждением*»⁴.

Попытаемся выявить микроструктуру фрагмента диалога между Олегом Тиньковым (А) и Дмитрием Потапенко (Б).

А. Ну, ты это начал делать?

Б. Ну, нет...

А. То есть ты теперь собственник, да?

Б. Нет, вот смотри/ неправильно/ понимаешь, собственник я с *восемьдесят девятого года/ в восемьдесят девятом году вот мне...*

А. Ну, то, что ты перечислил, ты работал?

Б. Ну, у меня по-прежнему была та же компания АУЗТ «Черный барс» / у меня, на мне было такое количество компаний...

В приведенном коммуникативном событии шесть реплик-высказываний формируют четыре интеракции. Микроструктура этого диалога представлена в табл. 1.

Таблица 1.

Микроструктура диалога

(Олег Тиньков (А) и Дмитрий Потапенко (Б))

№	Инициальный речевой шаг	Реактивный речевой шаг
1.	(А) Ну, ты это начал делать? (вопрос)	(Б) Ну, нет... (ответ)
2.	(А) То есть ты теперь собственник, да? (вопрос)	(Б) Нет, вот смотри/ неправильно/ (ответ)
3.	(Б) понимаешь, собственник я с <i>восемьдесят девятого года/ в восемьдесят девятом году вот мне...</i> (сообщение дополнительной информации)	(А) Ну, то, что ты перечислил, ты работал? (уточняющий вопрос)
4.	(А) Ну, то, что ты перечислил, ты работал? (уточняющий вопрос)	(Б) Ну, у меня по-прежнему была та же компания АУЗТ «Черный барс» / у меня, на мне было такое количество компаний... (ответ)

При анализе разговорных диалогов И.Н. Борисова выделяет два типа распределения стимулирующих и реактивных функций, задающих границы интеракции.

1. Фиксированный. Граница интеракции — внутри реплики-высказывания

одного коммуниканта. Например, в реплике **(Б)** *Нет, вот смотри/ неправильно/ понимаешь, собственник я с восемьдесят девятого года/ в восемьдесят девятом году вот мне...* функции реакции (ответа на вопрос) и стимула (сообщения новой информации) распределены между ее частями и закреплены за ними.

II. Нефиксированный. Здесь наблюдается «скольжение» или перераспределение функций стимула и реакции в развитии диалога: «одна реплика-высказывание входит в состав двух интеракций, причем в первой из них эта реплика выполняет функцию реактивной, а во второй интеракции — функцию стимулирующей» [1, с. 20]. Реплика **(А)** *Ну, то, что ты еречислил, ты работал?* входит в состав двух интеракций в структуре диалога, которые в таблице обозначены цифрами **3** и **4**. В интеракции **3** она является реактивной, а в интеракции **4** — стимулирующей.

Можно сделать вывод о том, что одна реплика-высказывание в структуре диалогического взаимодействия может выполнять одновременно две коммуникативные функции: и стимулирующую, и реактивную.

Рассмотрим вычленение коммуникативных фрагментов на макроуровне. Этот уровень описывает коммуникативно-композиционное членение диалога: диалогическое единство, микродиалог. Как отмечают А. Н. Баранов и Г. Е. Крейдлин, «границы диалогического единства определяются иллокутивной и тематической связанностью коммуникативных ходов. Реплики связаны единой темой; началом является абсолютно иллокутивно независимая реплика; в пределах этой последовательности выполняется требование иллокутивного вынуждения и самовынуждения; внутри данной последовательности не существует отличной от неё последовательности, которая удовлетворяла бы перечисленным условиям»[□].

«Членение речевого потока диалога на реплики-высказывания и на диалогические фрагменты не совпадает: граница между диалогическими фрагментами может проходить внутри реплики-высказывания»[□]. Продемонстрируем это на примере реплик-высказываний из диалога между Олегом Анисимовым **(А)** и Андреем Скворцовым **(Б)**.

А. *А как она распределяется по сегментам?*

Б. *Ну, у нас сейчас три сегмента основных: это видео-инфографика для телевиденья/ то есть мы делаем графику для новостей, мы делаем инфографические ролики// Вот, кстати, может быть, ты видел на канале «Россия-24» идет проект «Россия в цифрах».*

А. *Угу.*

Так, внутри реплики-высказывания **(Б)**: *Ну, у нас сейчас три сегмента основных: это видео-инфографика для телевиденья/ то есть мы делаем графику для новостей, мы делаем инфографические ролики// Вот, кстати, может быть, ты видел на канале «Россия-24» идет проект «Россия в цифрах»,* — проходит граница диалогических фрагментов (соответствует знаку синтагматического членения //). Первая часть реплики является ответом на поставленный инициатором **(А)** вопрос и завершающей частью информативного диалога, а вторая часть — инициально-тематическим предложением коммуниканта **(Б)** к обсуждению проекта «Россия в цифрах», содержательно не связанной с темой предыдущего фрагмента.

Ещё один пример — диалог между Олегом Тиньковым (А) и Борисом Йорданом (Б).

А. Добрый вечер, дорогие друзья/ Вот наконец-то моя передача «Бизнес-секретов» добралась и до больших экранов/ Сегодня прямой эфир/ и также это эксклюзив/ впервые/ Я волнуюсь/ так что.../ Вы меня поддерживайте/ Борис меня будет поддерживать/ В гостях Борис Йордан/ известный предприниматель/ русский предприниматель/ российский предприниматель с американскими корнями/ Он сейчас вкратце про себя расскажет//

(ПАУЗА)

А. Я пока напишу «твит» / Пишите мне на «Твит» «Олег Тиньков» / задавайте вопросы Борису / А Борис вкратце про себя расскажет/ Расскажи//

Б. Ну / родился я в Соединенных Штатах/ учился в Нью-Йоркском университете// <... >

В диалоге просматривается граница диалогических фрагментов (обозначенная //): первая часть реплики завершает тематический фрагмент приветствия и рассказа о госте телеинтервью, а вторая часть вводит диалогический фрагмент (о написании сообщения в «твит»), ассоциативно не связанный по теме с предыдущим.

Используя данную методику членения коммуникативного события, предложенную И. Н. Борисовой, проанализируем его динамику на примере диалога между Олегом Анисимовым (А) и Андреем Скворцовым (Б).

А. Здравствуйте, уважаемые друзья/ Сегодня у меня в гостях основатель группы «Меркатор»/ Андрей Скворцов/ человек, который построил довольно-таки большой бизнес в такой вещи, как торговля информацией/ Группа «Меркатор» производит фильмы, инфографику и другие такие/ скажем/ невесомые нематериальные вещи / И производит их на несколько миллионов долларов в год/ Андрей, я рад тебя видеть//

Б. Да, привет// (1)

А. И хотел бы обсудить с тобой/ каким способом ты добился такого/ ну/ скажу / успеха / Ты считаешь, что ты успешен, да? (2)

Б. Да, я считаю, что я успешен/ Ну, естественно, нет предела совершенству/ Вот/ Но, каким способом я добился? Трудно сказать/ Я просто как-то делал постоянно то, что мне нравится/ то, что я считал самым интересным и хорошим/ и старался в этом/ в том, что я делаю/ добиться совершенства/ как это ни громко звучит / Так и есть//

А. Угу...

Б. Ну, собственно говоря/ вот так//

А. Какая выручка сейчас по итогам года? (3)

Б. По итогам года... / Ну, порядка/ порядок будет двести миллионов рублей/ Вот так вот//

А. Угу/ То есть семь...

Б. Точно/ точно не скажу//

А. Ну...

Б. Миллионов долларов? Где-то так / да//

А. А как она распределяется по сегментам? (4)

Б. Ну/ у нас сейчас три сегмента основных/ это видео-инфографика для

телевиденья/ то есть мы делаем графику для новостей, мы делаем инфографические ролики // Вот, кстати, может быть, ты видел на канале «Россия-24» идет проект «Россия в цифрах»...

А. Угу... (5)

Б. Это короткие/ за пятьдесят секунд/ короткие инфографические ролики....

А. А «Москва 24» не вы делаете? (6)

Б. «Москва 24» мы делаем.../ В рамках этой/ этого вот канала делаем «Москва в цифрах»/ Ролики, которые там идут, это тоже мы// (4а) Где-то сорок процентов выручки – это телевиденье/ Остальное/ оставшиеся шестьдесят.../ Ну, скажем так/ еще сорок процентов/ это бизнес-фильмы/ бизнес-инфографика уже по заказчикам «Бизнес соул», «Битуби»/ И двадцать процентов/ это направление «Стат виз»/ это программное обеспечение и инфографика, которое в реальном времени работает/ система визуализации для ситуационных центров, для контроля бизнеса/ такие вот «dashboards»//

Приведённый фрагмент диалога можно разделить на шесть коммуникативных эпизодов. Эпизод (1) представляет собой этикетный микродиалог, который включает обращенное к зрителям приветствие ведущего Олега Анисимова (А) и установление контакта с гостем программы — Андреем Скворцовым (Б). Эпизоды (2, 3, 4, 6) представляют собой запрос коммуникантом (А) информации об успешной карьере коммуниканта (Б) и деталях его бизнеса.

Каждый коммуникативный эпизод вводит новую тему. Единство коммуникативного пространства диалога проявляется в различных способах связи тем, развиваемых говорящими в рамках коммуникативных эпизодов. Эпизод (5) тематически связан с предыдущим эпизодом – обсуждение инфографики, но несет в себе интенцию сообщения дополнительной информации, перехода к новой теме для обсуждения. Тематически единый текстовый фрагмент (4-4а) с точки зрения структуры текста диалога оказывается разделенным эпизодами (5, 6); с точки зрения замысла самого коммуниканта (Б), ответ на вопрос коммуниканта (А) в эпизоде (4) был дан не сразу, а лишь через два эпизода.

Границы коммуникативного эпизода «задаются его базовым дифференцирующим признаком — меной коммуникативных задач, решаемых с помощью речи, в соответствии с категориями «коммуникативная цель — коммуникативный результат»⁵. Началом коммуникативного эпизода является реплика (или её часть), «содержащая новое тематическое предложение с иллокутивным вынуждением», а конец коммуникативного эпизода может быть маркированным и немаркированным⁶.

У немаркированного конца коммуникативного эпизода отсутствуют вербализованные показатели завершенности, то есть в роли такого показателя выступает начало следующего коммуникативного эпизода.

Приведем пример немаркированного конца коммуникативного эпизода (фрагмент интервью Олега Анисимова (А) с Виталием Трактовенко (Б)).

⁵ Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. — С. 84–100. – С.94.

⁶ Борисова И. Н. 2009 Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Монография. — М.: Либроком, 2009. — С.21.

Б. Дмитрий Медведев жил недалеко от меня. Совсем близко/ да/ и в соседнюю школу ходил со мной.

А. И с тобой тоже?/ Ну, видишь/ мы с тобой рядом с президентом/ Земляки // А скажи, пожалуйста, Вячеслав/ как тебе пришла в голову идея своего первого бизнеса/ и что это был за бизнес?

В данном диалоге конец первого коммуникативного эпизода вербально не маркирован, но он легко определяется по инициальной реплике последующего коммуникативного эпизода (*А скажи, пожалуйста, Вячеслав/...*). Эта инициально-тематическая реплика нового коммуникативного эпизода содержит предложение темы — идеи первого бизнеса. Кроме того, коммуникант (**А**) обращается к собеседнику с просьбой (*скажи*), предполагающую последующее распределение коммуникативных ролей (**Б.** — *говорящий* / **А.** — *слушающий*), что подтверждается структурой речевых действий участников интервью.

Еще один сигнал, обозначающий границу коммуникативного эпизода – это сигнал эмоциональной усталости. Н.Д. Арутюнова отмечает, что «появление такого рода сигналов в непринуждённой беседе обусловлено конвенциональным принципом Поллианны⁷». В нашем материале не удалось найти примеры данного сигнала, так как телеинтервью не предполагает затрагивания и обсуждения тем, неприятных для гостя программы, при том, что беседа проходит в непринужденной обстановке.

Волеуверительный сигнал, эксплицирующий намерение одного из коммуникантов прекратить разговор на нежелательную тему, также является сигналом завершения коммуникативного эпизода. Он принадлежит к одной из разновидностей сигналов эмоциональной нежелательности, поэтому также не обнаружен в исследуемых нами диалогах.

Приведем пример, иллюстрирующий наличие информативной ретардации, которая заключается в замедлении, торможении развития содержательной линии диалога, преобладании «содержательно пустых» реплик, избыточных повторах, или речевых поддержек, выполняющих преимущественно функцию поддержания контакта⁸. Этот сигнал предшествует завершению коммуникативного эпизода.

А. Это начало девяностых?

Б. Да/ начало девяностых – конец...

А. Торговля-продажа?

Б. Конец/ конец...//

(ПАУЗА)

А. А когда это у тебя? Я знаю/ помню «Бабочка» были магазины/ здесь еще что-то...

Реплика коммуниканта (**Б**) «Конец/ конец...//» заканчивает первый коммуникативный эпизод. Последовавшая за ней пауза приводит к тематическому предложению коммуниканта (**Б**) «А когда это у тебя?» и открывает новый коммуникативный эпизод.

Таким образом, членение коммуникативного события на коммуникативные эпизоды отражает динамику диалогического

7 Там же.

8 Там же, с. 29.

взаимодействия благодаря тому, что каждый коммуникативный эпизод связан с введением новой темы. Описание объективных интегрирующих признаков коммуникативного события и субъективных признаков варьирования речевого поведения и речевого продукта на примере диалогов телеинтервью «Бизнес-секреты» позволяет дифференцировать понятия «коммуникативное событие» и «коммуникативная ситуация». Тема и интенция речевого действия в непринуждённом диалоге поддаются контролю и регулированию со стороны коммуникантов. Речевое поведение индивидов в телеинтервью и свойства их диалогического взаимодействия зависят от коммуникативной пресуппозиции каждого участника общения. Диалог-телеинтервью представляет собой ментальную модель коммуникативной ситуации: коммуниканты планируют речевое поведение, опираясь на свои знания о коммуникативных событиях, протекающих в сходных коммуникативных ситуациях.

Об авторе

Федотова Нина Леонидовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Nina Leonidovna Fedotova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Russian as a foreign language and its teaching methods, Saint Petersburg state University, Russia.

E-mail: fednil@mail.ru.

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТУРИСТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭСТОНСКИХ ТУРИСТИЧЕСКИХ БУКЛЕТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

В статье рассматриваются языковые средства, используемые в туристических рекламных текстах. В статье демонстрируется, как происходит передача смысла, зависящего не только от структурных и лингвистических знаний получателя информации, но и от контекста высказывания и других факторов. Ключевые слова: туристическая реклама, рекламный текст, прагматическое воздействие.

Е.Е. Petrova

PRAGMATIC IMPACT OF TOURIST ADVERTISING TEXTS (BASED ON ESTONIAN ADVERTISING TEXTS PUBLISHED IN RUSSIAN)

The paper reviews linguistic means in tourist advertising texts. The article demonstrates how the transmission of meaning depends not only on structural and linguistic knowledge of the speaker and listener, but also on the context of the utterance and other factors.

Keywords: tourist advertising, advertising text, pragmatic impact.

Туристический бизнес в настоящее время является одной из наиболее интенсивно развивающихся отраслей мирового хозяйства. Он оказывает влияние практически на все сферы экономики, такие как транспортная отрасль, гостиничный бизнес, индустрия развлечений, пищевая промышленность.

Значение туризма в мире постоянно увеличивается, что связано с возросшим влиянием туризма на экономику отдельной страны. Реклама является наиболее эффективным способом привлечения внимания к предоставляемым услугам при продвижении информации до целевой аудитории. Реклама несёт в себе эмоционально окрашенную, сжатую, легко усваиваемую информацию не только о предлагаемых услугах, но и о самой туристической фирме.

В большей степени эффективность рекламы зависит от того, как преподнесут информацию специалисты, работающие на туристских предприятиях, смогут ли они оказать психологическое и социально-культурное воздействие на общественность и убедить потребителей в том, что именно их фирма заслуживает внимания и доверия клиентов.

В большинстве случаев главным компонентом рекламного объявления является текст, при помощи которого реклама доносит до потенциального потребителя конкретную информацию.

«Реклама представляет собой особый вид текста, который, являясь одним из инструментов, стимулирующих экономические процессы, одновременно обладает огромной силой психологического воздействия на общество. Данное обстоятельство вызывает интерес филолога, изучающего, например, способы речевого воздействия и манипулирования, которые составляют основу любого рекламного сообщения и подкреплены

визуальным и звуковым оформлением текста»¹.

Реклама должна информировать потребителя о качестве, свойствах, ассортименте и других сведениях о рекламируемом товаре/услуге. В рекламе используются языковые средства, передающие рекламное сообщение с помощью определенной стратегии воздействия. На актуальность изучения прагматического аспекта текстов рекламы указывают в своих работах многие отечественные и зарубежные лингвисты: Г.С. Атакьян, Т.Н. Лившиц, И.А. Стернин, G. Leech, G. Myers, G. Angela, G. Cook и др.

Прагматика (от греч. *pragma* – дело, действие) представляет собой широкую область лингвистики. Основная идея прагматики заключается в том, что язык может быть понят и объяснен только в широком контексте его использования, т.е. через его функционирование. Понятие функциональности является базовым в прагматическом подходе к языку как в зарубежном, так и отечественном языкознании. Именно функциональный аспект подчеркивают в своих определениях прагматики Г.В. Колшанский и Н.Д. Арутюнова.

Прагматика изучает все те условия, при которых человек использует языковые знаки², при этом под условиями использования понимаются условия адекватного выбора и употребления языковых единиц с целью достижения конечной цели коммуникации – воздействия на партнеров в процессе их речевой деятельности. Н.Д. Арутюнова относит прагматику к области «исследования в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи, включая комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации и с ситуацией общения»³.

Рекламный дискурс является «прагматическим дискурсом» на том основании, что в нем актуализируются определенные коммуникативные стратегии. Ряд вопросов, которые изучает прагматика, актуален и для рекламной деятельности, в частности, воздействие высказывания на адресата. Каждый рекламный текст рассчитан на определенный перлокутивный эффект. Прагматическая направленность любого рекламного текста заключается в необходимости побудить адресата к ответным действиям. Эффективность коммуникации посредством рекламы заключается именно в том, насколько удалось это воздействие.

Реклама достигает цели лишь в том случае, если при составлении рекламного текста учитываются особенности человеческой психики. Самой старой и самой известной рекламной моделью является AIDA (*attention – interest – desire – action*, т.е. внимание – интерес – желание – действие). Она предложена американским рекламистом Элмером Левисом еще в 1896 г. Эта модель отражает этапы психологического воздействия рекламы: привлечь внимание,

---

¹ . Медведева Е. Основы рекламоведения. —М.: РИП-холдинг, 2003. — С. 9 — 24.

² Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. — М.: Наука, 1984. . —176 с.

³ Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. —М.: Сов. Энциклопедия. . — 1990. — 685 с.

вызвать интерес, возбудить желание, дать аргументы в пользу товара или услуг, привести к решению сделать покупку или воспользоваться услугами. Таким образом, отличительным признаком рекламных текстов является их антропоцентризм, так как подобные тексты обслуживают потребности человека и социума и характеризуются прагматической заостренностью.

Рекламный текст представляет собой пример максимально эффективного использования языковых средств. Одним из самых существенных свойств рекламного текста является наличие максимума информации при минимуме языковых знаков. Прагматический аспект рекламного текста непосредственно проявляется в его своеобразной организации – выборе грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, особом синтаксисе, организации печатного материала, использовании элементов различных знаковых систем.

Одним из главных средств распространения рекламной информации в туристической сфере является печатная реклама. Информация о возможностях предоставления туристу определённых услуг представлена в данном случае изобразительным и текстовым способами. Для привлечения внимания используются яркие, красочные фотографии гостиниц, пляжей и различных достопримечательностей.

Реклама не только информирует читателя, но и формирует у него яркий образ посредством системы изобразительно-выразительных средств языка. Рекламный текст использует широкий спектр средств выразительности на всех языковых уровнях. Нередко в данных типах текста используются тропы. Наиболее распространенные виды тропов: аллегория, гиперболы, ирония, метафора, метонимия, олицетворение, перифраза, синекдоха, сравнение, эпитет.

*** Метафора:**

☒ Над пенным морем вздымается известняковый клиф, высота которого местами 56 метров над уровнем моря. Весной водопад Валасте низвергается с 30,5-метровой высоты, с самой высокой террасы можно увидеть серые, желтые и зеленые пласты, которые образуют известняковый слоистый «торт».

☒ Там, где раньше были заливные луга и картофельные борозды, теперь – «открытое море», и деревенская жительница пробирается через двор покормить своих свиней и кур на небольшой плоскодонной лодке.

Целью использования метафоры слоистый «торт» и «открытое море» является более экспрессивная и эмоциональная характеристика описываемых природных явлений. Для туристической рекламы характерно широкое использование метафорических единиц. Метафоры имеют необходимый прагматический потенциал, благодаря которому они эффективно влияют на восприятие сообщения, создают яркий впечатляющий образ, усиленный воздействием невербальных средств.

*** Эпитет:**

☒ На хуторе Хярьяпеа – печем хлеб и сбиваем масло

Каждый, кто пробовал делать хлеб по старинке, знает, что работа эта не из легких, но именно поэтому у домашнего хлеба такой волшебный вкус. Эстонская пословица говорит – *чем горче труд, тем слаще хлеб*. Посетители познакомятся с разными стадиями приготовления хлеба, смогут принять участие в сбивании масла и попробовать, что получилось в итоге.

☒ Откуда-то доносится *сладкий* запах испеченного булочником свежего хлеба.

☒ Природа Эстонии очень разная во все времена года: лето с его пышной растительностью, буйные краски осени, снег и мороз зимой, и вновь пробуждающаяся природа и пение птиц весной.

В данных примерах слова «волшебный» и «сладкий», «пышная» и «буйные» имеют эмоционально-оценочное значение и могут быть отнесены к устойчивым эпитетам, которые дают представление о постоянно присутствующем признаке у определенного предмета или явления.

***Гипербола**

☒ С Матсалу сопоставим природный заповедник Силма, *нет лучше места на земле, чтобы послушать голоса водно-болотных птиц.*

Гипербола представляет собой утрирование, то есть образное словоупотребление, преувеличивающее какой-либо предмет, его признак либо качество, а также действие. Гипербола необходима в рекламе для усиления психологического воздействия. Своеобразной гиперболой является в данном примере утверждение рекламодателей, что их туристический продукт самый лучший и привлекательный для любителей природы.

*** Аллегория**

☒ Эстонская пословица «*чем горче труд, тем слаще хлеб*» является ярким примером использования аллегии в рекламе: глубокая мысль о пользе труда облекается в образную форму.

*** Олицетворение**

☒ Древние городские стены и красные черепичные крыши *сами увлекут вас в глубь веков.*

В рекламе олицетворение имеет целью передать читателю прагматическое воздействие динамической силы описываемых исторических памятников.

Большая убедительность в «уникальности» туристического предложения может быть достигнута путем **употребления прецедентных имен** (антропонимов, мифонимов, названий книг или событий из книг) и использования **интертекстуальности**. Авторитет того или иного лица способствует более сильному воздействию на адресата, т.к. в современном мире ценностные предпочтения формируются под влиянием мнения публичных личностей. Поэтому для достижения прагматического эффекта в рекламное сообщение могут быть включены имена авторитетных исторических деятелей, политиков, писателей и др. Такие имена служат эмоциональным аргументом при выборе турпродукта:

☒ Красные домики с белыми рамами окон *будто из сказок Астрид Линдгрен* – точно такие же стоят на придуманном писательницей шведском острове Сальтроку.

☒ И, конечно же, посетите дворец в *Кадриорге* (дословно – «Долина Екатерины»), который Петр I построил для Екатерины I.

☒ В Валга жила некоторое время возлюбленная известного русского поэта Александра Пушкина Анна Керн, которой он посвятил красивейшие строки: «*Я помню чудное мгновенье...*».

Внедрение в рекламный текст имени известной личности или знакомого персонажа способно облегчить адресату восприятие рекламы, predetermined

верную интерпретацию смысла и желаемый от рекламы эффект.

***Ирония**

☒ Но для наших северных соседей финнов – мы такие быстрые, что за нами не угнаться!

Ирония в рекламе туристического продукта помогает преодолевать сложившиеся по отношению к эстонцам стереотипы и наладить межкультурное общение между различными нациями, делая их общение проще и веселее.

Обращение к **языковым единицам с ярко выраженной национально-культурной семантикой** является очень эффективным ходом при создании рекламных текстов, поскольку их основной функцией является апеллирование к фоновым знаниям реципиента и эффективное воздействие на него:

☒ Необыкновенно приятно прокатиться на *хаабьяс-лодке*, выдолбленной из цельного ствола осинового дерева.

☒ Эстония – земля тысячи *мыз (усадеб)*, уникальна коллекцией разнообразных архитектурных стилей.

☒ В Тарту можно сесть на пахнущую сосновой смолой древнюю ладью, которая увезет вас на восток по *Эмайыги (дословно – «Мать-река»)* до Чудского озера, самого большого в Эстонии.

☒ Но самым красивым в Эстонии водоемом считается *Пюхаярдв (дословно «Святое озеро»)*, с его лесистыми островами и зубчатым берегом.

☒ Самая высокая вершина в странах Балтии – Суур Мунамяги (дословно – «Гора Большое Яйцо»).

В рекламе так же используются различные **синтаксические средства**. Наиболее распространенные фигуры речи: анафора, антитеза, бессоюзные конструкции, градация, инверсия, параллелизм, риторический вопрос, эллипсис, эпифора:

☒ Познакомьтесь же с нашей маленькой, красивой и интересной страной! Что еще может предложить Эстония своим гостям? Тишину.

☒ На острове Кихну местные женщины ездят на мотоциклах с колясками, а их яркие традиционные юбки в полоску развеваются на ветру. Где еще вы такое увидите?

☒ Вот почему каждую осень на полуостров Сырве съезжаются любители птиц со всего мира! (заключительная побуждающая фраза).

В туристической рекламе преобладают синтаксически простые предложения. Употребительность данных конструкций связана с динамичностью, экспрессивностью рекламного текста, который должен быстро и результативно восприниматься читателями. Восклицательные и вопросительные предложения в данных примерах играют роль своеобразных сигналов, призывов к действию.

Таким образом, прагмалингвистический потенциал туристической рекламы в большой степени складывается из взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов. Рекламные языковые средства способны влиять на восприятие, создавая более выразительный образ, благодаря сочетанию вербальных и невербальных средств. Рекламные коммуникации в сфере туризма способствуют установлению контакта, позволяют поддерживать интерес, создавать и закреплять у потребителей стойкий образ услуг туристической фирмы.

Об авторе

Петрова Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук доцент, Псковский государственный университет, Россия

Elena Yevgenievna Petrova. PhD, Associate Professor, Pskov State University, Russia.

E-mail: elenpetrov23@yandex.ru

**КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ И РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ УНИВЕРСИТЕТА

В статье рассматривается интернационализация образования как многокомпонентный процесс, анализируются иноязычное и русскоязычное образовательные пространства как составные элементы интегрированной полилингвальной образовательной среды. Автор подчёркивает особую роль внутренней интернационализации, влияющей на усиление роли русского языка в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: внутренняя интернационализация, внешняя интернационализация, языковое пространство, интегрированная полилингвальная образовательная среда, межкультурная коммуникация.

G.G. Maslova

IMPACT OF INTERNATIONALIZATION ON THE DEVELOPMENT OF THE UNIVERSITY LANGUAGE AREA

The paper considers the internationalization of education as a multifaceted process. The author analyzes the foreign language and the Russian language areas as the components of integral multilingual educational area and focuses on at home internationalization impacting the role of the Russian language in intercultural communication.

Keywords: at home/campus-based education, cross-border/abroad education, language area, integral multilingual educational area, intercultural communication.

Интернационализация высшего образования сегодня рассматривается как обязательный аспект развития университетов и один из важнейших показателей эффективности их деятельности. Поскольку под интернационализацией образования понимается процесс включения различных международных аспектов в исследовательскую, преподавательскую и административную деятельность образовательных учреждений различных уровней, можно констатировать, что интернационализация в университете затрагивает всех субъектов образовательного процесса: студентов, научно-педагогических и административных работников, а также касается практически всех направлений деятельности: учебной, научно-исследовательской, воспитательной, культурно-просветительской.

Как многокомпонентный процесс интернационализация рассматривается в двух видах: внутренняя интернационализация (at home or campus-based education) и внешняя интернационализация (cross-border or abroad education)¹. Внешняя интернационализация подразумевает академическую мобильность в самом широком смысле: мобильность субъектов образовательного процесса, разработку и реализацию совместных образовательных программ, научно-исследовательских проектов и т.д. Внутренняя интернационализация охваты-

¹ Knight Jane. Internationalization: Three Generations of Crossborder Higher Education. – Occasional Publication 38. – India International Center. 2012.

вает изменения, касающиеся инновационных процессов в самом образовательном учреждении с целью создания условий для развития межкультурной компетенции обучающихся. В соответствии с этим, основными направлениями внутренней интернационализации выступают: привлечение иностранных студентов и студентов по обмену для создания интернациональной среды в университете, приглашение преподавателей из вузов других стран для чтения лекций и проведения занятий, проведение международных мероприятий, а также включение в образовательные программы дисциплин, в рамках которых рассматриваются вопросы межкультурного взаимодействия.

Осуществление процесса интернационализации выдвигает требование выбора средства коммуникации в зависимости от решаемых задач. Основное средство коммуникации – это язык, на котором происходит общение. Поэтому для успешной интернационализации необходимо создание языковой среды или языкового пространства (в данном случае мы рассматриваем термины среда и пространство как синонимы), позволяющей осуществлять эффективную коммуникацию на международном, межкультурном уровне.

Под языковым пространством мы понимаем прочный, устойчивый ареал распространения того или иного языка, как родного и официально закреплённого на определённой территории, так и языка межнационального общения². Несколько лет тому назад в контексте интернационализации образования под языковой средой понималось, в первую очередь, пространство распространения европейских языков, прежде всего, английского языка, поскольку именно на английском языке реализуются программы академической мобильности, и осуществляется представление результатов научно-исследовательской работы. Русский язык рассматривался как язык реализации основных образовательных программ и межкультурного взаимодействия с представителями стран, в которых распространение русского языка связано с общей историей. В настоящее время анализ процессов интернационализации позволяет сделать вывод о тенденции к сбалансированному использованию русского и европейских языков.

Для Псковского государственного университета основным языком образовательного процесса является русский язык. Помимо него языками межкультурного общения считаются европейские языки: английский, немецкий, французский. В связи с приграничным положением Псковской области студенты через программы дополнительного образования изучают эстонский, нидерландский и шведский языки для участия в программах академической мобильности в этих странах. В последнее время стало популярным изучение китайского языка. Анализируя языковую среду в контексте внешней интернационализации, мы можем констатировать, что преимущество английского языка остается неоспоримым. Хотя международное сотрудничество со странами, в которых русский язык продолжает занимать важное место (Беларусь, Узбекистан, Таджикистан и др.), не требует обязательного владения английским языком.

Что касается внутренней интернационализации, главная роль в её осу-

2 Маслова Г.Г. Языковое пространство вуза как фактор эффективности академической мобильности // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Выпуск 3. - Псков: Псковский государственный университет, 2013. – С. 177 – 183.

ществлении отводится русскому языку: основные потоки иностранных студентов прибывают в Россию для получения профессионального образования и более глубокого изучения русского языка и русской культуры. А студенты, обучающиеся в ПсковГУ по программам обмена, помимо дисциплин, читаемых на английском языке, обязательно выбирают дисциплины, связанные с изучением русского языка и русской культуры, а также дисциплины профессионального блока на русском языке.

Таким образом, в настоящий момент языковое пространство ПсковГУ в контексте интернационализации образования – это:

- пространство распространения и активного использования в образовательном процессе русского языка как языка реализации основных и дополнительных образовательных программ, а также языка межкультурной коммуникации в профессиональной (научно-исследовательской и учебно-методической) сфере;

- пространство активного использования европейских языков (в первую очередь, английского) для реализации совместных образовательных программ, проведения дисциплин для иностранных и российских студентов, осуществления международных мероприятий и научно-исследовательских проектов, а также представления результатов деятельности для мирового сообщества.

Осуществление разных направлений деятельности университета подразумевает интеграцию выше представленных языковых пространств, иначе говоря, интегрированную полилингвальную образовательную среду, включающую англоязычное и русскоязычное пространство, каждое из которых – единая открытая система, со своей целью, структурой, принципами, предметным и процессуальным содержанием, условиями функционирования.

Так, субъекты англоязычной среды университета – преподаватели, студенты и сотрудники университета, цель которых – достижение уровня владения иностранным (английским) языком необходимого и достаточного для всестороннего участия в интернационализации образования в вузе. Иначе говоря: развитие иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК), обеспечивающее возможность осуществлять общение на межкультурном уровне. Система англоязычной среды университета для студентов включает:

- образовательный процесс по иностранному языку,
- исследовательские и социальные проекты с зарубежными вузами-партнёрами,
- дополнительные образовательные программы,
- развитие внутривузовской и межвузовской мобильности,
- вовлечение студентов в международные мероприятия.

Остановимся на компонентах англоязычной среды подробнее. Все основные профессиональные образовательные программы обязательно включают дисциплину «Иностранный язык», обучение в рамках которой основывается на принципах CLIL (Content and Language Integrated Learning / Интегрированное обучение языку и предмету) – Content, Cognition, Communication, Culture (содержание, осознание, коммуникация и культура). В содержание дисциплины включены аспекты интернационализации, цели и задачи академической мобильности, особенности академической культуры и межкультурного взаимо-

действия в зарубежных университетах. В качестве педагогических технологий широко используются интерактивные, диалоговые технологии, проектная деятельность, обучение в сотрудничестве, конкурсные мероприятия и информационно-коммуникационные технологии.

Реализация исследовательских и социальных проектов с зарубежными вузами-партнёрами способствует более активному использованию английского языка как средства профессиональной коммуникации. Участвуя в международных научных конференциях, студенты готовят доклады и презентации, участвуют в научных дискуссиях, готовят публикации на английском и других иностранных языках.

Кроме обязательного изучения иностранного языка и использования его в исследовательской деятельности, студенты могут повысить уровень иноязычной коммуникативной компетенции через дополнительные образовательные программы. В университете функционирует Центр языкового образования, в рамках которого работают курсы иностранных языков, как для общих целей, так и для подготовки к тестированию на выявление уровня владения иностранным языком и получение международного сертификата.

Развитие внутривузовской мобильности также способствует повышению уровня иноязычной коммуникативной компетенции: посещение курсов и дисциплин по выбору, которые читаются на английском языке и других иностранных языках в своём университете, готовит студентов к восприятию и усвоению информации, получаемой в ходе включённого обучения за рубежом.

Исключительно важным элементом англоязычной среды следует считать организацию и участие студентов в международных мероприятиях, в процессе которых они вовлекаются в реальные ситуации межкультурной коммуникации. Помимо непосредственного участия в конференциях, форумах, спортивных соревнованиях и т.д., организованных в рамках партнёрских соглашений, видится целесообразным поддерживать волонтёрскую деятельность, способствующую развитию межкультурной компетенции. В условиях Псковской области это, например, помощь в организации и проведении международных соревнований по биатлону в Островском районе, а также подготовка к международным Ганзейским дням в Пскове в 2019 году.

Система англоязычной среды для преподавателей включает:

- разработку и реализацию совместных образовательных программ с университетами-партнёрами,
- использование английского языка для профессиональной коммуникации в собственной исследовательской деятельности и в осуществлении руководства студенческой исследовательской работой,
- чтение лекций и проведение практических занятий (отдельных тем, модулей) на английском языке для студентов ПсковГУ и для студентов вузов-партнёров.

Элементы системы англоязычной среды преподавателей и студентов тесно взаимосвязаны. Так, исследовательские проекты с вузами-партнёрами невозможны без научного руководства преподавателей, которым для эффективного выполнения задач необходимо владеть иностранным языком. Подготовка к публикации результатов исследований также требует достаточно высокого уровня владения иностранным языком, как от преподавателей, так и

от студентов. То же следует сказать об учебном процессе: чем выше уровень владения иностранным языком у преподавателя, тем более эффективно развивается иноязычная коммуникативная компетенция студентов.

Псковский государственный университет уделяет серьезное внимание интернационализации образования: вопросы интернационализации постоянно включаются в повестку дня заседаний Учёного совета университета, разработана стратегическая программа интернационализации, в которой отражены пути реализации намеченных планов, стратегия интернационализации интегрирована в стратегию развития университета, и это определённо даёт положительные результаты. Тем не менее, остаются проблемы в языковом образовании в вузе и развитии англоязычной образовательной среды.

Во-первых, одна из проблем – низкий уровень владения иностранным языком у абитуриентов нелингвистических направлений (67% отмечают недостаточность школьной языковой подготовки). В связи с этим, 63% студентов нелингвистических направлений готовы дополнительно заниматься иностранными языками. При этом только 7% тратят на самостоятельную работу необходимое количество времени – 4 ч в неделю, а 18% вообще не готовятся к занятиям самостоятельно, что демонстрирует желание повысить уровень владения иностранным языком, не прикладывая усилий.

Во-вторых, актуален вопрос повышения мотивации преподавателей к участию в международных проектах и программах. Недостаточный уровень владения иностранным языком, большая загруженность и постоянное реформирование системы высшего образования сдерживают преподавателей от более активного вовлечения в интернационализационные процессы.

Для решения обозначенных проблем англоязычной среды университета следует продолжить проведение входного тестирования абитуриентов на уровень владения иностранным языком для формирования сквозных дифференцированных групп, что наиболее эффективным образом отвечает нуждам студентов. В рамках экспортно-ориентированных программ, на наш взгляд, следует активнее включаться в разработку и апробацию дисциплин на иностранных языках; готовить студентов 2-3 курсов для участия в образовательном процессе на иностранных языках совместно с иностранными студентами. Важную роль в развитии мотивации студентов нелингвистических направлений к изучению иностранных языков и участию в процессах интернационализации может сыграть более активное привлечение их к участию в мероприятиях (научных, лингвокраеведческих, лингвострановедческих, воспитательных, волонтерских и др.), проводимых со студентами лингвистических направлений. Что касается повышения уровня мотивации преподавателей к участию в международных проектах и программах, снижение нагрузки преподавателей, их материальное стимулирование и создание условий для развития иноязычной коммуникативной компетенции, очевидно, будут способствовать изменению вектора развития интернационализации.

Как мы уже упоминали, интегрированная полилингвальная образовательная среда включает не только англоязычное пространство, но и русскоязычное пространство, активно развивающееся и расширяющее свои функции: помимо языка основных профессиональных образовательных программ, русский язык становится языком межкультурного общения в интернациональном

сообществе вуза. Обучающиеся в вузе международные студенты из Узбекистана и Эстонии, Молдовы и Латвии, Вьетнама и Германии, Китая и Нидерландов, других стран общаются друг с другом на русском языке. Если представители европейских вузов, вузов США преимущественно осуществляют коммуникацию на английском языке, то межкультурное взаимодействие между студентами и преподавателями из Европы и Азии, странами СНГ осуществляется на русском языке: на том языке, который они изучают в настоящем образовательном пространстве. Таким образом, интернационализация высшего образования в России имеет важнейшее значение для усиления роли русского языка в межкультурной коммуникации.

Система русскоязычного пространства помимо основных профессиональных и дополнительных образовательных программ на русском языке имеет целый ряд компонентов, нацеленных на повышение уровня владения русским языком иностранных студентов. Эти компоненты включают обучение на программах подготовительного отделения, обязательное включение в учебный процесс не только дисциплины «Русский язык и культура речи», но и изучение русского языка в рамках дисциплины «Иностранный язык» для международных студентов. При этом желающие владеть другими иностранными языками (английским, немецким, французским) могут выбирать их для изучения в формате факультатива. В то же время русский язык может также изучаться в формате факультатива для студентов, испытывающих особые трудности в усвоении языка обучения в те семестры, когда курсы «Русский язык и культура речи» и «Иностранный язык (русский)» уже завершены.

Следует отметить, что помимо трудностей в изучении русского языка иностранные студенты испытывают трудности, связанные с адаптацией к иной культуре. Всё оказывается другим: климат, кухня, нормы поведения. Кроме того академическая культура Российской Федерации во многом отличается от академической культуры тех стран, откуда в основном прибывают иностранные студенты. Так, опыт обучения показывает, что студентам из стран Средней Азии трудно адаптироваться к продуктивным технологиям в образовательном процессе. Ситуация усугубляется ещё и тем, что преподаватели не всегда понимают глубину проблем, связанных с аккультурацией. Для создания по-настоящему эффективного русскоязычного образовательного пространства следует уделять больше внимания различиям в академической культуре России и стран, из которых прибывают иностранные студенты. Это позволит глубже понять проблемы адаптации и снизить их негативное воздействие.

Внутренняя интернационализация предусматривает создание такого инклюзивного образовательного пространства, в котором каждый международный студент мог бы чувствовать себя комфортно и приобрести не только положительный учебный, но и внеучебный опыт. «Инклюзивное сообщество – это такая среда, в которой царит атмосфера общности и доброжелательности, где все члены чувствуют взаимосвязь друг с другом и ощущают себя в безопасности. Вовлечение во внеучебную деятельность может быть сильным инструментом, позволяющим иностранным студентам ощутить сопричастность и почувствовать себя успешным»³. Нельзя не согласиться с этой точкой

3 Рачаван Вонгтрират, Рави Аммиган, Адриана Перес-Энсинас. Построение инклюзивного университетского сообщества для иностранных студентов // Международное высшее образование. – 2016. – №83 – С. 24 – 26.

зрения. В связи с этим считаем целесообразным способствовать вовлечению иностранных студентов в мероприятия и институты студенческого самоуправления, что, несомненно, окажет положительное влияние и на развитие русскоязычного пространства.

Таким образом, рассмотрев виды интернационализации и сопутствующие им языковые пространства, мы вывели определение интегрированной полилингвальной образовательной среды, среди субъектов которой:

- российские студенты и преподаватели, осуществляющие свою деятельность на родном языке и активно изучающие иностранный язык/иностраные языки в контексте интернационализации образования и профессиональной деятельности;

- иностранные студенты и преподаватели, осуществляющие образовательную деятельность на русском языке как иностранном;

- иностранные студенты и преподаватели, осуществляющие образовательную деятельность на иностранных языках (английском);

- иностранные студенты и преподаватели, осуществляющие образовательную деятельность на русском языке как родном, но испытывающие проблемы адаптации к иной культуре.

Конструктивное взаимодействие данных субъектов гарантирует эффективное развитие всех направлений интернационализации и взаимодополняющее развитие иноязычного и русскоязычного пространств интегрированной полилингвальной образовательной среды университета.

Об авторе

Маслова Галина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета русской филологии и иностранных языков, Псковский государственный университет, Россия.

Galina Maslova, PhD, Associate Professor, Dean of Faculty of Russian Philology and Foreign Languages, Pskov State University, Russia.

E-mail: galenamas@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается вопрос об особенностях современной образовательной парадигмы в контексте межкультурного подхода к обучению иностранным языкам. Выявляются специфические особенности, характеризующие межкультурный подход.

Ключевые слова: иноязычное образование, межкультурный подход, родная культура, иная культура

E.A. Smirnova

INTERCULTURAL PARADIGM OF MODERN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

The article deals with the characteristics of modern educational paradigm in the context of an intercultural approach to teaching foreign languages. The article identifies specific features characterizing the intercultural approach.

Keywords: foreign language education, intercultural approach, native culture, foreign culture.

В последнее время термин «культура» и всевозможные сочетания с данным термином стали наиболее востребованными в работах лингводидактического содержания. Принцип культуросообразности образования, провозглашенный еще Адольфом Дистервегом, переживает сегодня своеобразный период возрождения. В своем общем значении данный принцип предполагает необходимость приобщения человека к различным пластам культуры этноса, общества, мира в целом. Оставаясь долгое время методологически значимым, он практически приравнивается к образовательной парадигме и продолжает служить гармонизации образования и окружающего его культурно обусловленного пространства. Современный контекст иноязычного образования активно реализует идеи обучения языку и культуре в широкой палитре культурно-ориентированных подходов.

На протяжении последних лет, не теряя своей актуальности, особое место занимает межкультурный подход (далее – МКП) как одно из значимых направлений в иноязычном образовании.

Принципиальным отличием МКП от смежных с ним (но не равнозначных ни по существу лингводидактических стратегий, ни по комплексу лингводидактических технологий) является его направленность на установление равноправия культур в процессе обучения ИЯ. Соблюдение «принципа эгалитарности» (термин Е.Г. Таревой) не предусматривалось ни в одном из культурно-ориентированных подходов. В них акцентируется важность познания иной культуры, иной картины мира, особенностей носителей изучаемого языка, что создает предпосылки для проявления культуроцентризма, когда в центр ставится иная культура.

МКП четко обозначает свое отличие, которое сформулировано

П. Кайконненом: «При изучении ИЯ и присвоении особенностей чужого поведения обучающийся расширяет свою картину мира в двух направлениях. Одновременно с приобретением знаний и способностей в области ИЯ он осознает особенности своего родного языка и собственной культуры, до сих пор не осознаваемые; это то, что он присвоил на ранних фазах социализации и что он использует по сложившейся привычке. Чужой язык и культура действуют как зеркало, которое отражает неосознаваемые особенности родного языка и собственной культуры, это обеспечивает возможность социализации в ходе межкультурного взаимодействия»¹.

Такого рода социализация требует от обучающегося серьезных усилий, связанных, во-первых, с принятием инокультурных особенностей восприятия, мышления, суждения и образа действия и, во-вторых, с осмыслением (переосмыслением, осознанием, переоценкой) явлений родной культуры. При этом второе столь же значимо, как и первое. Иными словами, направленность внимания обучающегося фокусируется на двух равных по значению объектах: родная культура перестает быть средством погружения в своеобразие иного лингвосоциума, она становится такой же целью овладения, как и культура представителей страны изучаемого языка. При этом через осознание и принятие иного в чужой культуре восприятие собственного становится тоже дифференцируемым. Урок ИЯ влияет на то, что человек учится лучше знать и ценить не только чужое, но и собственное.

«Овладение МКК, — пишет Бердичевский А.Л., — невозможно без восприятия «чужого» взгляда на себя, и сенсбилизация к особенностям родной культуры является важнейшим этапом на пути к межкультурной компетенции»². Важно при этом понимать, что возможность осознания своей культуры как одной из многих, отдельной, особенной, происходит только при столкновении (знакомстве, взаимодействии) с иной культурой¹. С.Г. Тер-Минасова намеренно использует слово «столкновение» при описании контакта обучающихся с иноязычной культурой, т.к. диалог культур подразумевает, по ее мнению, именно конфликт культур. Данный эффект неизбежен, если обучающиеся: а) не подготовлены к принятию иных культурных ценностей, отличных от своих; б) не готовы посмотреть на свою культуру глазами представителей другого лингвосоциума и переосмыслить ее.

Исходя из сказанного можно заключить, что процесс обучения при МКП предполагает ряд последовательных когнитивных действий обучающихся:

1. Знакомство с фактом культуры.
2. Перенос его в родную культуру и осознание ее особенностей.
3. Переоценка факта родной культуры.
4. Постижение с этих позиций явления иной культуры.
5. Переоценка факта иной культуры.
6. Взгляд на факт родной культуры с позиций носителя языка².

Очевидно, что конечной целью сложной когнитивной и познавательной деятельности является, во-первых, присвоение явления иной культуры, которая множественно (на разных уровнях переосмысления) пропускается через родную

1 Бердичевский А.Л. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – С. 9.

2 Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – С. 49.

культуру, и во-вторых, осмысление (переоценка) факта родной культуры, который до момента сопоставления мог не осознаваться как своеобразный.

Важно подчеркнуть значимость действий по переоценке фактов родной культуры (этап 3) и фактов иной культуры (этап 5). В первом случае (этап 3) студент как бы воспринимает факт родной культуры глазами представителя иного лингвосоциума и понимает важность иной интерпретации. При этом обучающийся начинает осознавать то, что было ранее неосознанным, т.к. родная картина мира была присвоена им произвольно и не требовала дополнительного понимания в силу того, что все окружающие обладают ею же.

Во втором случае (этап 5) факт иной культуры переоценивается с позиций нового восприятия родной действительности, и он осмысливается как естественное живое проявление картины мира носителей языка, представленное не на страницах учебных книг и не провозглашаемое преподавателем. В этом случае факт иной культуры не расценивается с позиций «хорошо» и «плохо», студент не чувствует удивления, а порой шока, от новых для него лингвокультурных данностей. Отсюда – истинные, а не провозглашаемые на бумаге толерантность и эмпатия как важнейшие качества личности, готовой к межкультурному диалогу.

Крайне значимым является то, что студент приходит к подобным заключениям в результате интенсивной самостоятельной когнитивной деятельности, что влечет за собой повышение мотивации, усиление положительного отношения к фактам обеих культур и к межкультурному взаимодействию, а это непременно ведет к глубине осознания и основательности интериоризации присваиваемых знаний, положительной динамике формируемых компетенций.

Стоит добавить, что процессы выявления/узнавания, анализа и интерпретации инокультурных концептов всегда носят сугубо индивидуальный характер. Человек обладает своим исходным (фоновым) запасом культурно значимых фактов, а также сугубо индивидуальным уровнем владения средствами их вербализации. Это означает, что МКП, нацеленный на обучение диалогу культур, личностно заострен и не может применяться без учета индивидуального стиля когнитивной, коммуникативной и учебной деятельности студентов. Благодаря личностной заостренности МКП актуализирует такую лингводидактическую стратегию, которая обеспечивает реализацию ведущей на сегодняшний день образовательной ценности – ценности личности человека, и процесс подготовки к диалогу культур приобретает личностную категоризацию. Это означает, что осуществление всех этапов действий (этапы 1—6) будет происходить у каждого человека по своему, в процесс будут привноситься индивидуальные своеобразные и неповторимые нюансы, обусловленные фоновыми знаниями обучающегося, его смысловым, эмоциональным базисом, который был сформирован в течение предшествующей жизнедеятельности и который свойственен только ему. Как следствие, процесс постижения иного и постижения своего у каждого будет проходить сугубо своеобразно. Именно МКП, таким образом, способствует воплощению идеи как ценности самой личности человека, так и ценности для личности человека. Благодаря этому происходит строительство

политико-аксиологического пространства личности, находящейся в поисках своей социокультурной и межкультурной идентификации в ходе изучения ИЯ и культуры.

Немаловажно в этом контексте указать на то, что МКП противостоит ряду негативных факторов, имеющих большую вероятность проявления в процессе овладения ИЯ и иной культурой. К ним можно отнести эффекты стереотипизации, внутриличностного конфликта противоположных ценностно-культурных ориентаций, декультурацию и ассимиляцию (ведущих к потере культурной принадлежности), культурную экзальтацию (восторженное принятие иной культуры в ущерб родной), мнимую культурную идентификацию (искусственную аккультурацию), культурный синкретизм (отсутствие дифференциации в явлениях культуры). Противостоя данным негативным проявлениям, МКП создает условия для проявления у обучающихся способности к релятивистской рефлексии (безоценочному осознанию различий в культурных проявлениях), к культурному синтезу и подлинной культурной интеграции.

В этом контексте значимым проявлением МКП к обучению ИЯ является особое деликатное и доброжелательное поведение преподавателя как субъекта его реализации. Овладение ИЯ и иной культурой – процесс длительный, и он во многом «дестабилизирует» обучающегося, поскольку затрагивает глубинные аспекты его личностной самоидентификации и часто провоцирует эффект «противостояния изменениям». Чтобы этого не случилось, необходима особая поддержка со стороны преподавателя, уважительное отношение к субъекту, осваивающему иную культуру, терпимость к ошибкам, которые при взаимодействии культур неизбежны.

В актуальных нормативных документах идея межкультурного направления проявляет себя вполне однозначно, поскольку декларирует сформированность личностных качеств, способствующих осознанию проявлений родной культуры, эксплицируемых в процессе знакомства с иной картиной мира.

Таким образом, возможно полагать, что межкультурный подход прочно закрепился за контекстом иноязычного образования, являясь ее целеполагающей составляющей.

Об авторе

Смирнова Елена Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Псковского государственного университета, Россия.

Elena Smirnova, PhD, Associate Professor, Pskov State University, Russia.

E-mail: aspipskgu@rambler.ru

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ АННОТАЦИЯ ВКР КАК СПОСОБ ВХОЖДЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

В статье рассмотрены возможности немецкоязычного аннотирования ВКР студентов нелингвистических и лингвистических направлений обучения в вузе.
Ключевые слова: аннотация, иностранный язык, дипломная работа.

E.N. Kuznetcova

GERMAN DIPLOMA`S ANNOTATION AS MEANS OF ENTRY INTO COMMON EDUCATION SPACE OF THE BORDERLAND

The article describes means of diploma`s annotation in German for students who study on linguistic and non—linguistic departments.
Keywords: abstract, foreign language, diploma work.

В современных условиях развития общественных связей обращение к вопросам иноязычного обеспечения научных исследований, аннотирование курсовых и выпускных квалификационных работ на иностранном языке представляется насущной необходимостью для развития приграничных контактов и вхождения в образовательное пространство соседних государств. Это связано с развитием экономических, информационных, культурных сфер, расширением сотрудничества в туризме, а также в личных контактах представителей близлежащих стран.

Псков в данном контексте, с его богатой историей, прекрасными историческими памятниками, живописными ландшафтами и природными заповедниками становится излюбленным и привлекательным местом для иностранных туристов, паломников, и объектом изучения исследователей в различных научных областях. Экономическая сфера, области природопользования, экологии, археологии, истории и другие, трудно представить вне межгосударственного диалога в области новейших научных исследований.

Перспективным направлением в обеспечении иноязычной составляющей ВКР, аннотирование на немецком языке является представление исследований студентов более широкому кругу исследователей из приграничных регионов, а так же возможность обмена опытом, обеспечение студенческой мобильности с целью взаимного расширения научных и культурных связей, вхождения в образовательную среду приграничных регионов.

Вышеупомянутая научно — исследовательская работа на протяжении уже нескольких лет проводится со студентами исторического факультета, факультета естественных наук, медицинского и психологического образования, факультета русской филологии и иностранных языков Псковского государственного университета, результаты, которой ежегодно представляются на студенческих научных конференциях, а также на международных форумах и стажировках.

Цель работы состоит в иноязычном обеспечении выпускной

квалификационной работы по теме исследования (например, исторической и др.)

Задачи данной работы определены, как:

- 1) изучение иноязычных источников по проблеме;
- 2) отбор лексических единиц по теме исследования;
- 3) составление аннотации на немецком языке.

Работа над аннотацией обычно происходит в несколько этапов. На предварительном этапе происходит постепенное накопление лексического материала посредством:

- написания рефератов, статей, чтения тестов соответствующей тематики, рецензирования и аннотирования статей, выполнения проектных заданий профессиональной направленности (с презентацией в печатном, электронном и видео-форматах);

- реферирования профессиональных текстов, которое помогает получить студентам навыки в умении полно охватить содержание текста, ориентироваться в рассматриваемых в тексте проблемах, выделять главную мысль автора для последующего самостоятельного чтения литературы из профессиональной сферы;

- пошаговой работы со специализированными источниками и словарями, литературой по теме, с постепенным накоплением лексического «багажа» и дальнейшим переводом реалий на немецкий язык для обеспечения иноязычной составляющей научного исследования.

Перевод для студентов нелингвистических специальностей представляет иногда определенные сложности ввиду того, что студенты неспециальных направлений не имеют базового языкового образования во—первых, а во—вторых, в большинстве случаев в иноязычной культуре не существует явления или предмета, обозначаемого реалией. В настоящее время роль слов-реалий особенно возросла. Это связано с актуализацией процесса межкультурной коммуникации, поскольку язык представляет собой отражение культуры нации. Все большие и малые особенности жизни народа и его страны непременно находят отражение в языке этого народа.

Итак, в процесс работы над немецкоязычной аннотацией научного исследования можно представить следующим образом:

1) на начальном этапе осуществляется отбор ключевых слов, терминов и фраз относительно основных аспектов исследования;

2) на следующем этапе происходит разъяснение отдельных терминов, отсутствующих в буквальном трактовке в немецком языке;

3) далее осуществляется работа по переводу понятийного аппарата исследования на немецкий язык (темы, цели, задач, научной новизны, содержания, основных частей, таких как: введение, краткое содержание основных глав, заключения и списка использованной литературы);

4) затем происходит написание аннотации к выпускной квалификационной работе сначала на родном языке — русском, с последующей передачей текста на немецкий язык.

В качестве примера представим аннотацию выпускной квалификационной работы Александровой Александры на тему «Культурная жизнь Пскова в 1953-1964 годах» на русском и немецком языках:

В данной работе идет речь о деятельности Псковского драматического театра, областной конторы «Кинопрокат», Псковского литературного объединения, творчество поэтов и прозаиков изучаемого периода. Охарактеризованы и проанализированы основные веяния и нормы в культуре и искусстве «оттепели», как в стране в целом, так и в отдельном регионе в частности. Сделан вывод о том, что культурная жизнь нашего города отличалась разнообразием, противоречивостью и богатством проявлений и форм. Кинематограф этого времени изображал жизнь реальных людей с их обыденными заботами, переживаниями и мечтами. Псковский драматический театр им. А. С. Пушкина имел обширный репертуар, который постоянно обновлялся. Спектакли отличались богатой палитрой тем и жанров. В 1958 г. было создано областное литературное объединение. Здесь литераторы Пскова и области обсуждали свои произведения, проводили читательские конференции, вечера поэзии.

In dieser Arbeit ist die Rede von der Tätigkeit des Pskower Theaters, des Kontors «Kinoprokat» („Filmverleih“), der Pskower literarischen Vereinigung, vom Schaffen der Dichter und der Prosaschriftsteller der Forschungsperiode. Es wurden die Hauptrichtungen und die Normen in der Kultur und der Kunst von «Ottepel» charakterisiert und analysiert, wie im Land insgesamt, und als auch in einer bestimmten Region im Besonderen. Es wurde zur Schlussfolgerung gezogen, dass das Kulturleben unserer Stadt sehr vielfältig und widersprüchlich in seiner Erscheinungsformen war. In der Filmkunst dieser Zeit wurde das Leben der realen Menschen mit ihren alltäglichen Sorgen, Emotionen und Träumen dargestellt. Das Pskower Theater von A. S. Puschkin hatte das umfangreiche Repertoire, das ständig erneuert wurde. Die Theaterstücke unterschieden sich von einander durch reiche Palette an Themen und Genres. 1958 wurde die regionale literarische Vereinigung gegründet. Hier besprachen die Literaten Pskows und Pskower Gebiets ihre Werke, sie führten auch die Leserkonferenzen, die Abendbegegnungen der Poesie durch.

Таким образом, проводимая работа важна тем, что с её помощью осуществляется накопление лексического материала, опыт по передаче лексики, связанной с необходимостью раскрытия национально-культурной семантики слова, понимание словарного отражения всего комплекса сведений, сопряжённых с этим словом в сознании носителей языка, как правило, неизвестных за пределами данной культуры, представление материалов исследования в различных формах на иностранном языке, в частности аннотации к выпускной квалификационной работе.

Необходимо отметить, что вышеуказанная работа сопряжена с определенными трудностями относительно недостаточной базы необходимых источников на немецком языке, большим объемом работы со словарями.

Проблема иноязычного обеспечения исследований является актуальной для дальнейшего развития региона и партнерских взаимоотношений, как в сфере образования, так и в других отраслях.

Об авторе

Кузнецова Екатерина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, Псковский государственный университет, Россия.

Ekaterina Nikolaevna Kuznetcova, Associate Professor, Ph.D., Pskov state University, Russia.

E-mail: ek.k@mail.ru

СТРАТЕГИИ ПОДГОТОВКИ К МЕЖДУНАРОДНОЙ СЕРТИФИКАЦИИ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ УРОВНЕЙ B2 И C1

Данная статья посвящена стратегиям подготовки обучающихся к международной сертификации на примере экзамена IELTS. Описание применяемых стратегий осуществляется с учетом их рассмотрения в лингвистическом, психологическом и методическом аспектах.

Ключевые слова: стратегия, сертификация, IELTS.

A.S. Iakovleva

STRATEGIES FOR PREPARATION FOR THE CERTIFICATION IN THE ENGLISH LANGUAGE FOR B2 AND C1 LEVELS

This article focuses on the strategies used to train students for international certification on the example of IELTS exam. The strategies are described in their linguistic, psychological and methodological aspects.

Keywords: strategy, certification, IELTS.

Важнейшими тенденциями в развитии системы образования в современном мире являются интернационализация и интеграция образовательного пространства. В основе этих процессов лежит целый ряд политических, экономических, научных и культурно-социальных факторов². В научной литературе выделяется два вида интернационализации – «внутренняя» (internationalization at home) и «внешняя» (cross – border education).² «Внешняя» интернационализация неразрывно связана с интеграцией международных образовательных стандартов в национальные учебные программы, повышением уровня мобильности обучающихся и укреплением международного сотрудничества. По данным статистики, число студентов, желающих получить высшее образование за пределами своей страны или участвовать в программах включенного обучения, неуклонно растет. В связи с увеличивающимся спросом остро встает вопрос подготовки обучающихся к международной сертификации по английскому языку.

Опираясь на Общеввропейскую шкалу языковой компетенции (CEFR), созданную Советом Европы при участии экзаменационного центра Кембриджского Университета, образовательные учреждения устанавливают пороговый уровень владения английским языком для абитуриентов. Как правило, достаточными для прохождения обучения на английском языке считаются уровни B2 и C1. Для подтверждения достигнутого уровня владения английским языком наибольшей популярностью пользуется экзамен IELTS (Cambridge ESOL).

В данной статье речь пойдет о стратегиях подготовки обучающихся к международной сертификации на примере экзамена IELTS. Термин «стратегия» применительно к обучению иностранным языкам не является широко употребительным². Следовательно, необходимо определить полный объем

понятийного содержания, стоящего за данным термином.

Указанный термин можно встретить в психологии, лингвистике, методике обучения иностранным языкам и других науках. Для его использования существует целый ряд предпосылок: коммуникативных, когнитивных, лингвистических, социологических, психологических и методических.

Начнем рассмотрение понятийного содержания, стоящего за термином «стратегия», с его лингвистической составляющей, которая определяет содержательную сторону процесса подготовки к сертификации. Лингвистические основания речевых стратегий лежат в области языкового варьирования. Выбор одного из вариантов (например, грамматического или лексического) должен быть подчинен стратегической задаче и не может быть случайным². В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов². Речевая стратегия, являясь по своей сути комплексом речевых действий, позволяет достичь коммуникативной цели. Коммуникативная компетенция предполагает умение планировать результат собственной речевой деятельности и использовать для его достижения максимально эффективные тактики в ходе речевого общения. Анализ речевого поведения тестируемых невозможен без учета фактора успешности / неуспешности акта общения. Таким образом, основу речевой стратегии составляют планирование и контроль.

Рассмотрим возможности применения речевых стратегий на примере устной части экзамена IELTS. Тестируемые располагают заранее следующими видами информации:

- 1) информацией о предстоящем речевом событии;
- 2) информацией о когнитивных пресуппозициях;
- 3) информацией о ситуации общения, контексте.

IELTS Speaking длится в среднем 11-15 минут и представляет собой беседу один на один с экзаменатором, в ходе которой ведется аудиозапись.

Первая часть – это краткое интервью. Экзаменатор представляется и просит представиться кандидата, затем задаёт несколько общих вопросов в рамках повседневной тематики (дом, семья, работа, интересы, привычки). На этом этапе интервью от тестируемого ожидаются полные (3 – 4 предложения) ответы. Например, Question: Do you prefer reading or watching TV?

Answer: I prefer watching TV. When I come home from work I'm usually quite tired so I feel like relaxing. I find sitting with my family in the living-room watching TV is relaxing because we watch TV and chat together. For me, this is a great way to unwind.

Вторая часть длится в среднем от трех до пяти минут. Тестируемый получает карточку, на которой указаны тема и ключевые вопросы. Опираясь на них, необходимо построить монологическое высказывание (до двух минут). На подготовку отводится 1 минута, в течение которой экзаменуемый делает краткие записи на листе бумаги. Например, What is the important invention before the age of computer?

- What is the invention?
- Why do you think it is very important?

- What are the advantages and disadvantages of the invention?

После завершения монолога экзаменатор задает 1 – 2 вопроса в пределах обсуждаемой темы: “What is the significant impact of modern inventions on life? Do you think it is necessary to develop modern inventions in the countryside?”

Заключительная часть длится 4 – 5 минут и проходит в диалогической форме. Вопросы носят более абстрактный характер, например, What kind of things give status to people in your country? Have things changed since your parents' time?

Коммуникативная задача четко определена ситуацией экзамена, что обуславливает стратегический выбор значимых единиц разных уровней и способов их организации в связный текст. Основу речевых стратегий составляет должным образом развитая языковая компетенция, то есть лексические и грамматические навыки и умения.

Перейдем к рассмотрению психологической составляющей понятийного содержания термина «стратегия». В зарубежной психологии разработка понятий «стратегии учения» и «стратегии овладения иностранным языком» началась в семидесятых годах двадцатого века. Результаты проведенных исследований нашли свое отражение в работах D.Dj. Leach, B.K. Keohg, E.C. Raybould, K. Wedell, H.H. Stern, N. Naiman, T.T. Elliot, J. Gaskins и других ученых. В отечественной психологии индивидуальными стратегиями учения и их ролью в процессе овладения иностранным языком занимались А.А. Залевская, Г.В. Ейгер, И.А. Рапопорт, М.К. Кабардов и Т.В. Клементьева.

В настоящее время применительно к обучению иностранным языкам выделяют стратегии приобретения знаний и умений, стратегии сохранения материала в памяти, извлечения материала из памяти, когнитивные стратегии, а также компенсаторные, эмоциональные и социальные⁹.

При подготовке к сдаче международного экзамена IELTS психологические стратегии являются неотъемлемым интегративным компонентом. Ориентация на внутренние потребностно-мотивационные, эмоционально-волевые и когнитивные особенности обучающихся позволят добиться более высоких результатов в процессе обучения. Однако психологические стратегии должны быть предметом сознательного контроля со стороны обучающихся. Выбор знакомой стратегии позволит сократить количество возможных ошибок, времени на выполнение задания и количество усилий, затрачиваемых в процессе выполнения задания. Кроме того, использование знакомых психологических стратегий поможет справиться с излишним эмоциональным напряжением непосредственно во время экзамена.

Интересным представляется исследование М.В. Садченко, в котором для каждого вида речевой деятельности было выделено два основных вида стратегий: «серийная» и «глобальная»⁹. Данные виды стратегий могут использоваться как для рецептивных, так и для продуктивных видов речевой деятельности. Серийная стратегия заключается в движении от частных деталей и значения отдельных слов и конструкций к определению общего смысла высказывания. Глобальная стратегия, напротив, опирается на приемы смыслового и вербального прогнозирования. Экспериментальным путем было установлено, что обучающиеся достигали лучших результатов при использовании глобальной стратегии.

Рассмотрим возможности применения глобальной стратегии на примере одной из четырех частей экзамена IELTS – аудировании. Данная часть экзамена проверяет способность тестируемого воспринимать речь на английском языке с пониманием основной мысли и конкретной информации, умение улавливать и разделять точки зрения нескольких людей, понимать аргументы и анализировать полученную из аудиозаписи информацию. Аудирование длится 40 минут. 30 минут отводится на прослушивание аудиозаписей, а оставшиеся 10 минут – на занесение ответов в экзаменационный лист. Для выполнения сорока заданий теста необходимо прослушать следующие аудиозаписи: диалог на общие темы, монолог на общие темы, разговор между 2 – 4 людьми на академические темы и монолог на академические темы. Аудиофрагменты расположены по нарастающей сложности, при этом каждая запись прослушивается один раз. Экзаменационные задания могут быть различных типов, включая такие форматы, как multiple choice, заполнение пропусков в тексте, ответы на вопросы, завершение предложения и другие. Однако независимо от вида вопросов, стратегия правильного и эффективного использования первичного просмотра задания, а также стратегия прогнозирования позволят тестируемым выделить для себя те конкретные данные, которые будут необходимы при ответе на вопросы аудирования.

Таким образом, необходимо включить в курс подготовки к сертификации, наряду с предметными знаниями, знания стратегий анализа, прогнозирования, обработки информации, использования учебного материала, которые позволят уменьшить нагрузку на память, самостоятельно организовывать собственную деятельность и контролировать ее результаты. При этом установлено, что стратегии овладения иностранным языком оказываются недостаточно сформированными и недостаточно осознаваемыми, что отрицательно сказывается не только на результатах экзамена, но и на процессе освоения иностранного языка в целом.

В свете рассматриваемой нами проблемы последней по порядку, но отнюдь не по значимости является методическая составляющая данного термина. Существует целый ряд дефиниций термина «стратегия изучения иностранного языка». А. Венден и Дж. Рубин под стратегией понимают «любой набор действий, шагов, планов, рутин, применяемых студентом для получения, хранения, доступа и использования информации»; Д. Ричардс и Д. Платт определяют стратегию как «целенаправленное мышление и поведение с целью запоминания и понимания новой информации в процессе обучения»;

Г. Фаерх и Г. Каспер рассматривают стратегию как «попытку развивать в себе лингвистическую и социолингвистическую компетенцию средствами изучаемого иностранного языка»¹.

На наш взгляд, наиболее четкая классификация стратегий с методической точки зрения отражена в более поздних исследованиях Майкла О'Мэйли. Было выявлено 24 стратегии изучения иностранного языка как второго, которые можно разделить на три большие группы:

1) когнитивные стратегии, связанные непосредственно с усвоением и оперированием языковым материалом (повторение, группировка, mind-maps,

¹ Панкова Н.В., Курочкина О.В. Сравнительный анализ международных практик интернационализации профессионального образования // Проблемы современной экономики. — 2014. — №4 (52). — С. 360—363.

контекстуальная догадка, различные способы запоминания новых языковых явлений и другие);

2) метакогнитивные стратегии (стратегии организации процесса изучения и обучения иностранному языку, включающие предварительное планирование, постановка целей, мониторинг, контроль, самоконтроль и другие);

3) социоаффективные стратегии, подразумевающие сотрудничество, а также компенсаторные стратегии (переспрос, перифраз, примеры)².

Таким образом, под стратегией предлагается понимать все преднамеренные действия, предпринимаемые обучающимися совместно с преподавателем с целью повышения эффективности процесса подготовки к сдаче экзамена.

Процесс подготовки к сертификации имеет ряд отличительных особенностей. Он предполагает переход от конкретных коммуникативных задач и ситуаций к моделям (так называемым сценариям или фреймам), абстрагированным от личного опыта обучающегося. Методика подготовки к экзамену, базирующаяся на «деконтекстуализации», должна охватывать весь спектр однотипных ситуаций с рядом переменных параметров. Например, в письменной части академического модуля экзамена IELTS первое задание предполагает описание информации, представленной в виде графика, схемы, диаграммы или таблицы. Знания, полученные обучающимися в ходе выполнения тренировочных заданий, имеют схематический характер и допускают существование переменных данных. Задача с методической точки зрения заключается в том, чтобы, во-первых, помочь учащемуся быстро определять альтернативы речевых действий и, во-вторых, научить выбору оптимальных вариантов.

Если личный опыт обучающегося в той или иной области ограничен (например, подростку никогда не приходилось писать деловое письмо), то инвариантное содержание модели, предлагаемой для запоминания, может и должно быть расширено.

Таким образом, понятийный объем, стоящий за термином «стратегия», применительно к процессу подготовки к международной сертификации, складывается из лингвистической, психологической и методической составляющих. Их учет обеспечит комплексный подход к изучению различных стратегий и способов их применения на практике.

Об авторе

Яковлева Анастасия Сергеевна, аспирант, кафедра английского языка, Псковский государственный университет, Россия.

Anastasia Yakovleva, post-graduate student, the Department of English, Pskov State University, Russia

E-mail: lipsynk@mail.ru

---

² Knight J. Updating the Definition of Internationalization // International Higher Education. — 2003. — № 33.

УЧЕТ СУБЪЕКТНЫХ СВОЙСТВ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Индивидуализация является одним из ведущих принципов российской методики. Наиболее ярко данный принцип реализуется в обучении иностранному языку, поскольку овладение языком – процесс индивидуальный. В настоящей статье рассматривается проблема индивидуализации обучения иностранному языку в условиях группового обучения.

Ключевые слова: индивидуализация, субъектная индивидуализация, теория множественного интеллекта, обучение иностранному языку в неязыковых вузах.

A.S. Kovaleva

CONSIDERATION OF STUDENTS SUBJECTIVE CHARACTERISTICS AS A WAY TO INHANCE THE EFFICIENCY OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Individualization is one of the leading principles of the Russian methodology. The most strongly marked this principle implements in foreign language teaching, because foreign language study is an individual process. The article examines the problem of foreign language teaching in terms of teaching in groups.

Keywords: individualization, subjective individualization, the theory of multiple intelligences, foreign language teaching in non-linguistic universities.

Индивидуализация является одним из ведущих принципов российской методики. Наиболее ярко данный принцип, на наш взгляд, реализуется в обучении иностранному языку, поскольку овладение языком – процесс индивидуальный, так как иноязычная речь обучающегося (как и родная) выражает его личные эмоции, чувства, переживания, моральные ценности, она индивидуальна и неповторима; успешность формирования иноязычной коммуникативной компетенции зависит от индивидуальных особенностей и основывается на индивидуальных психологических механизмах. Поэтому нельзя не согласиться с Г. В. Роговой, которая пишет, что «обучение иностранному языку, пожалуй, в большей степени, чем какому-либо другому предмету, требует индивидуального подхода»¹.

Словари дают различные трактовки слова «индивидуализация». Толковый словарь С. И. Ожегова дает следующее определение процессу индивидуализации: сделать (делать) индивидуальным, установить что-нибудь применительно к отдельному случаю, лицу². Словарь Брокгауза и Ефрона определяет понятие индивидуализации как выделение индивидуальных

---

1 Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. — М.: Просвещение, 1991.

2 Ожегов С. И., Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. — М.: Издательство «Азъ», 1992.

особенностей из первоначального безразличия³. В педагогическом словаре Г. М. Коджаспировой, Ю. М. Коджаспирова индивидуализация обучения определяется как «организация учебного процесса с учетом индивидуальных особенностей учащихся, позволяющая создать оптимальные условия для реализации потенциальных возможностей каждого ученика. Индивидуализация обучения осуществляется в условиях коллективной учебной работы в рамках общих задач и содержания обучения⁴. Большая психологическая энциклопедия трактует термин индивидуализация как потребность отличаться от других людей в определенном отношении, чтобы не быть или не чувствовать себя в точности похожими на них⁵.

Из предложенных определений можно сделать следующий вывод, что процесс индивидуализации в целом, как и индивидуализация образования в частности, предполагает учет индивидуальных особенностей при планировании той или иной деятельности.

Е. И. Пассов рассматривает индивидуализацию как процесс, который направлен на реализацию личностных особенностей, индивидуальных и субъектных свойств личности. Он выделяет три вида индивидуализации⁶:

1. **Индивидуальная индивидуализация.**
2. **Субъектная индивидуализация.**
3. **Личностная индивидуализация** (занимает ведущую позицию).

Остановимся подробнее на субъектных свойствах обучающихся. Пассов говорит о том, что как субъект человек характеризуется не только тем, что занимается различной деятельностью, но и мерой ее продуктивности, которая определяется, с одной стороны, природными способностями, а с другой стороны, умением трудиться, т. е. субъектными свойствами. Таким образом, продуктивность деятельности зависит не только от способностей, но и от определенной системы приемов, которая характеризует индивидуальный стиль деятельности каждого человека, т. е. «индивидуально-своеобразное сочетание приемов и способов деятельности, обеспечивающих наилучшее ее выполнение данным человеком». Для обучения иноязычному говорению учет субъектных свойств учеников важен потому, что у каждого ученика есть свои приемы овладения знаниями, своя учебная стратегия.

Данные утверждения перекликаются с идеями Д. Колба, который выделяет четыре стиля учения⁷:

1) **дивергентный**— учащиеся обучаются посредством синтеза и интегрирования информации из разных источников, любят групповые формы работы, склонны к инновациям и отличаются богатым воображением, с удовольствием включаются в решение проблем, хотя не всегда доводят свою работу до конца;

---

3 Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – М.: Издательство «Русское слово», 1996.

4 Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.

5 Большая психологическая энциклопедия. — М.: Эксмо, 2007.

6 Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иностранному говорению. – М.: Просвещение, 1985.

7 Kolb D. A. Experimental learning: Experience as a source of learning and development. – Englewood Cliffs. – N. Y: Prentice-Hall, 1984.

2) ассимилятивный — учащиеся воспринимают и перерабатывают информацию в режиме абстрактного обоснования и рефлексии, высоко ценят логику и последовательное мышление, склонны формулировать теории и исследовать факты, учатся посредством изучения идей, ценят мнение экспертов и возможность участвовать в дискуссиях, имеют хорошие способности в планировании собственной деятельности;

3) конвергентный — учащиеся воспринимают информацию на уровне общих идей, ориентируясь при этом на их практическую реализацию, им важно знать, как устроены и как действуют вещи, предпочитают решать какую-либо одну проблему, стремятся проверять теории, отличаются стратегическим мышлением, толерантны к неопределенности, эффективны в принятии решений;

4) аккомодативный — учащиеся воспринимают информацию на уровне конкретных впечатлений и учатся на основе предметных действий, любят делать конкретные вещи, не боятся рисковать и экспериментировать, склонны к лидерству и управлению другими людьми с целью получения необходимой информации.

Также, на наш взгляд, субъектная индивидуализация по Пассову получает свое продолжение и расширение в широко признанной теории зарубежного автора Г. Гарднера — теории множественного интеллекта. Для учёта образовательного потенциала детей и взрослых Гарднер предлагает восемь типов интеллекта, которые в той или иной степени присутствуют в каждом человеке⁸:

- 1) вербально—лингвистический интеллект;
- 2) логико-математический интеллект;
- 3) визуально-пространственный интеллект;
- 4) кинестетический интеллект;
- 5) музыкально-ритмический интеллект;
- 6) межличностный интеллект;
- 7) внутриличностный интеллект;
- 8) натуралистический интеллект.

В каждом человеке присутствуют все восемь типов, но одни из них могут быть более развиты, другие — в меньшей степени. Вот почему у одного человека лучше получается вязать, другой преуспевает в математике, третий умеет красиво говорить, а четвертый хорошо играет на гитаре и поет. Уровень развития того или иного типа интеллекта определяет эффективность усилий, во время которых он задействован.

С высокой долей вероятности учет типов интеллекта не может не сказаться положительно на усвоении иностранного языка. В 2015 году на базе филиала Псковского государственного университета г. Великие Луки нами проводилось пробное обучение, целью которого было выявление зависимости эффективности развития иноязычной коммуникативной компетенции от применения в обучении концептуальных основ теории множественности интеллекта Г. Гарднера. В эксперименте приняли участие две группы инженерно—экономического факультета, направление подготовки — экономика,

8 Gardner, H. Multiple Intelligence: The Theory in practice. – New York: Basic Books, 1993.; Gardner, H. Are there additional Intelligences? The case for the Naturalist Intelligence. – Cambridge, M. A.: President and Fellows of Howard College, 1995.

состоящие из двенадцати человек каждая. Для проведения исследования был разработан комплекс упражнений на обучение лексико—грамматической стороне речи, основанный на теории множественности интеллекта. Во время изучения новой темы контрольная группа получила стандартные задания из учебника, которые ориентированы на учащихся с вербально-лингвистическим интеллектом. Студентам экспериментальной группы были предложены индивидуальные задания, исходя из их доминирующего типа интеллекта, выявленного с помощью анкеты. По данным исследования экспериментальная группа показала гораздо более высокие результаты по сравнению с контрольной. Исходя из этого, мы пришли к выводу, что учет индивидуальных особенностей обучающихся, а именно, типов интеллекта на занятиях по иностранному языку положительно влияет на эффективность обучения⁹.

При разработке упражнений использовалось пособие Герберта Пухты и Марио Ринволюкри «Множественный интеллект в обучении английскому языку как иностранному»¹⁰. Рассмотрим на примере, как можно решить одни и те же поставленные задачи урока с помощью упражнений для разных типов интеллекта из данного пособия. Испытуемые группы изучали английский язык по учебнику И. П. Агабеяна и П. И. Коваленко «Английский для технических вузов». Тема урока 1 «About myself» начинается с текста «About myself», после которого представлен список слов с переводом и краткий словарь обязательных для усвоения лексических единиц по теме, где представлена лексика на тему «Внешность». К тексту ниже дано упражнение, состоящее из вопросов по содержанию текста. Таким образом, упражнение задействует вербально-лингвистический тип интеллекта. Данное упражнение направлено на выполнение следующей задачи: повторение лексики на предложенную тему, введение новой лексики. Возьмем из пособия Г. Пухты и М. Ринволюкри упражнения на другие типы интеллекта и приспособим их к работе с данным текстом, лексикой, темой.

Упражнение «Динамичные вопросы» задействует внутриличностный, межличностный, логико-математический типы интеллекта. Учитель просит студентов, чтобы каждый из них, прочитав текст «About myself», опираясь на предложенную лексику, написал на отдельных листках бумаги три любых вопроса, которые бы он хотел, чтобы ему задали. Сделать это нужно так, чтобы сложно было отгадать автора вопроса. Одно условие: предполагаемый ответ не должен состоять из слов «да» или «нет». Все листочки складываются в коробку, перемешиваются, после чего каждый студент вытаскивает вопрос и адресует его возможному автору. Студент, которому задают вопрос, несмотря на то, его это был вопрос или нет, должен дать полный ответ. После того, как каждый задал свой вопрос и получил на него ответ, студентам дается небольшое количество времени еще раз подумать, кто же написал данный вопрос, в это время студенты должны записать свои размышления о том, правы они оказались или нет в своих догадках и почему. В заключение студенты обсуждают свои мысли в малых группах, после чего организуется дискуссия

9 Ковалева А. С. Индивидуализация процесса обучения иностранному языку в неязыковых вузах// Язык и культура в билингвальном образовательном пространстве: Сборник материалов первой международной научно-практической конференции. – Псков, издательство «Логос», 2015. – С. 215–227.

10 Puchta H. Rinvolucrici M. Multiple Intelligence in EFL. – Helbing Languages, 2005.

во всей группе, где студентам дается возможность задать интересующие их вопросы.

Упражнение «От музыки к скульптуре» задействует музыкально-ритмический и кинестетический типы интеллекта, предварительно нужно подобрать музыкальный отрывок, с наименьшей вероятностью знакомый студентам. После прочтения текста из учебника учитель предлагает студентам с закрытыми глазами прослушать музыку и представить себе человека, который ассоциируется у них с этой музыкой, после чего записать, какие картинки они видели, чувства ощущали во время прослушивания. Следующий шаг – студенты объединяются в группы по четыре человека и делятся своими записями, каждая группа должна, объединив свои записи, представить человеческую «скульптуру» (один учащийся из каждой группы остается замершим в одном положении на 10 —15 секунд), которая показывает человека, ассоциирующегося у них с прослушанным отрывком. Группы по очереди представляют свои «скульптуры» остальным студентам, которые пишут краткое сообщение о каждой представленной скульптуре. Составленные сообщения развешиваются на стенах кабинета, студенты могут подойти и прочитать их.

Упражнение «Сколько вопросов» задействует внутриличностный, логико-математический, лингвистический, музыкально-ритмический, визуально-пространственный типы интеллекта, нужно принести большую фотографию человека и подобрать музыкальный отрывок. Упражнение начинается с мозгового штурма, где студенты вспоминают все вопросительные слова и выражения, с которых могут начинаться вопросы (*where, when, how long, what, how, is there, are there* и т. д., их следует записать на доске. Затем учащиеся читают предложенный текст «About myself». Следующий шаг состоит из прослушивания студентами музыкального отрывка / представления обучающимся фотографии, после чего студенты делятся на пары, где они должны составить как можно больше вопросов к фото, или музыкальному отрывку. Пара, написавшая самое большое количество вопросов, вслух медленно зачитывает их, так чтобы другие могли найти ошибки, если они присутствуют. Если в вопросе есть ошибка —его следует вычеркнуть из списка. Побеждает пара, у которой осталось больше всего вопросов после групповой проверки. В конце упражнения пары классифицируют вопросы, после чего обсуждают принципы классификации в классе.

Выше мы предложили на выбор три варианта упражнений из пособия «Множественный интеллект в обучении английскому языку как иностранному» Герберта Пухты и Марио Ринволюкри, которые, по сути, выполняют одну и ту же задачу урока – введение лексики по теме «About myself». Таким образом, учитель может выбирать упражнения из пособия для реализации поставленных целей и задач урока, максимально задействовав все типы интеллекта на занятии. Необходимость этого вызвана тем, что большинство учебников для неязыковых вузов довольно однообразны, они задействуют в основном вербально-лингвистический и внутриличностный типы интеллекта. Например, учебник И. П. Агабекяна и П. И. Коваленко «Английский для технических вузов» содержит следующие виды упражнений для обучения лексической стороне речи:

- текст с кратким словариком;

- вопросы к тексту;
- «Знаете ли вы, что... »;
- «Согласны ли вы или нет со следующими утверждениями ... »;
- «Расскажите о ... »;
- «Переведите на русский/английский язык следующие предложения ... »;
- «Используя следующие фразы и словосочетания, перескажите текст ... ».

Как мы уже сказали, данные упражнения задействуют вербально-лингвистический и внутриличностный типы интеллекта, то есть наибольшего успеха в их выполнении добьются учащиеся с данными преобладающими типами интеллекта. Получается, что субъектные свойства остальных обучающихся не задействуются в полной мере.

Специфика субъектной индивидуализации при обучении иноязычному говорению состоит в том, что она должна предусматривать одновременное применение дидактических материалов, различных по форме, учитывающих своеобразие приемов учебной деятельности ученика, но приводящих, в конечном счете, к одинаковым результатам по возможности за равные отрезки времени¹¹. Кроме того, индивидуализация не должна сводиться и к дифференциации обучения, поскольку дифференцированный подход на уроке направлен очень часто лишь на выявление слабых сторон в знаниях учеников, в то время как истинный индивидуальный подход должен служить главным образом выявлению и развитию сильных сторон индивидуальности. Также дифференцированный подход практически исключает сотрудничество между учениками, и выходит, что ученикам приходится учиться иноязычному общению ... вне общения, т. е. изолированно от своих товарищей. Таким образом, главной проблемой на современном этапе является сочетание групповых форм работы на уроках иностранного языка с учетом субъектных индивидуальных свойств.

В 2016 году мы провели более длительный эксперимент, охвативший один год обучения студентов филиала и более наглядно показавший, как влияет индивидуализация на развитие иноязычной коммуникативной компетенции. Целью нашего эксперимента было изучение уровня типов интеллекта учащихся, зависимости результатов обучения от учета данных типов в процессе обучения, а также возможности развивать и повышать их уровень.

По итогам эксперимента мы сделали следующие выводы:

- важным является не только и не столько процентное соотношение типов интеллекта по отношению друг к другу у конкретного индивида, сколько уровень развития каждого из них;
- уровень развития типов интеллекта может изменяться как в большую, так и в меньшую сторону;
- типы интеллекта развиваются неравномерно, хаотично, не одинаково у одного и другого человека, это зависит от индивидуальных особенностей;
- с помощью специально подобранных упражнений можно развивать типы интеллекта, повысить их уровень;
- применение теории множественного интеллекта в обучении иностран-

---

¹¹ Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иностранному говорению. – М.: Просвещение, 1985.

ным языкам оказывает положительное влияние на качество обучения.

Проведенные исследования наводят нас на размышления о том, что повысить эффективность обучения иностранному языку можно развивая типы интеллекта, поскольку преобладающий (имеющий самый высокий уровень развития) интеллект повышает успешность усвоения материала, а типы интеллекта можно развивать, увеличивая их уровень. Таким образом, перед учителем стоит задача разнообразить упражнения на уроке, чтобы по возможности максимально задействовать все типы интеллекта. Наверное, можно предположить, что если упражнения задействуют и способствуют повышению уровня развития одного или двух типов интеллекта, а обучающиеся с успехом пользуются ими, и притом высокая эффективность обучения сохраняется, то зачем что-то менять, есть ли в этом смысл? На наш взгляд, смысл очевиден. Изучение иностранного языка преследует практическую цель – успешную коммуникацию в иноязычном языковом пространстве. Но ведь жизнь – это не только тексты и ответы на вопросы, в условиях иноязычного общения встречается множество ситуаций, где задействованы различные типы интеллекта. Это означает, что на занятиях по иностранному языку нужно развивать все типы интеллекта с помощью соответствующих упражнений.

На наш взгляд, применение концептуальных основ теории множественного интеллекта в методике обучения иностранному языку принесет много положительных моментов. Появляется возможность учитывать индивидуальные особенности личности в формате группового обучения в разных формах работы на занятии (групповая работа, работа в парах, индивидуальная работа), не дифференцируя обучающихся. Решается проблема индивидуализация – групповой формат обучения. При использовании на занятиях упражнений для разных типов интеллекта повышается уровень эффективности обучения, а как следствие, повышается уровень иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся. Учет преобладающих типов интеллекта способствует повышению уровня развития ИКК у отстающих студентов, давая возможность каждому ученику проявить себя на занятиях. Кроме всего прочего, учет и развитие субъектных свойств в обучении иностранному языку способствует разностороннему развитию личности обучающихся.

Об авторе

Ковалева Анастасия Сергеевна, ассистент кафедры экономики и гуманитарных наук филиала ПсковГУ в г. Великие Луки, Россия.

Anastasia S. Kovaleva, assistant of the chair of Economics and Humanities branch of the Pskov State University, Velikiye Luki, Russia.

E-mail: lebedeffa@inbox.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ И МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ АСПИРАНТОВ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматривается концепция использования сопоставительных методик в процессе подготовки аспирантов по специальности «Русский язык как иностранный». Представлены лексикографические проекты, разработанные аспирантами.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, межъязыковая интерференция, межъязыковой сопоставление, двуязычный словарь, словообразование, фразеология.

T.G. Nikitina

COMPARATIVE ASPECTS OF LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL TRAINING OF GRADUATE STUDENTS IN THE BORDER REGION

The article discusses the concept of the use of comparative methods in the learning process of graduate students of specialty « Russian as a foreign language». The lexicographic projects developed by graduate students are presented.

Keywords: Russian as a foreign language, cross-language interference, inter-language comparison, bilingual dictionary, word formation, phraseology.

Проблема межъязыковой интерференции не теряет актуальности, несмотря на активное изучение лингвистами и методистами различных аспектов межъязыкового и межкультурного взаимодействия¹.

В приграничных регионах такое взаимодействие особенно четко прослеживается: в речи на родном языке это, прежде всего, лексические заимствования - регионализмы и - окказионализмы, а в речи на иностранном – неосознанный перенос фактов родного языка.

В таких условиях активных языковых контактов приобретает особую значимость проблема подготовки учителей-словесников, ориентирующихся в проблемах межъязыковой интерференции. Эта проблема последовательно решается в рамках языковой и методической подготовки студентов педагогических профилей на факультете образовательных технологий и дизайна ПсковГУ. В рамках дисциплины «Культура и межкультурное взаимодействие» бакалавры — будущие учителя начальной школы и работники детских образовательных учреждений получают сведения о межкультурной и межъязыковой интерференции, в рамках дисциплин «Методика обучения

1 Абрамова А.Г., Гецкина И.Б. Грамматические трудности, вызываемые межъязыковой интерференцией и пути их преодоления // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования. Мат-лы Междунар. научно-практической конференции. — Чебоксары: Изд-во Чувашского государственного ун-та, 2015. — С. 140—148. Борисова О.Э. Языковая интерференция в межъязыковых контактах: к постановке вопроса // Научная дискуссия: инновации в современном мире. — 2016. — № 6—1. — С. 128—131. Джусупов М. Межъязыковое и межкультурное контактирование: понятие, слово, психообраз, интерференция // Филологические науки. Доклады высшей школы. — 2016. — № 5. — С. 22—33.

русскому языку» и «Технологии развития речи» знакомятся с основными проблемами обучения инофонов, контингент которых с каждым годом увеличивается, как в ДОО, так и в начальной и средней школе. Здесь рассматриваются отдельные проявления межъязыковой интерференции в речи детей-билингвов и их причины, кроющиеся в различиях языковых систем. Таким образом, студенты получают самое общее представление о приемах лингвометодической компаративистики, приемы и методы которой осваивают в магистратуре, обучаясь по программе «Теория и методика обучения неродному языку: Русский язык как иностранный» (дисциплины «Сопоставительная типология языков», «Обучение аспектам неродного языка»).

Преемственность в реализации сопоставительного аспекта языковой и методической подготовки преподавателя русского языка как иностранного (РКИ) на третьем уровне высшего образования — в аспирантуре по специальности 13.00.02 (Теория и методика обучения и воспитания: Русский язык как иностранный) — проявляется во включении в учебный план дисциплины «Сопоставительные аспекты в системе обучения русскому языку как иностранному». Здесь совершенствуются навыки сопоставительного лингвистического анализа, владение методикой прогнозирования и предупреждения межъязыковой интерференции. Индивидуальные задания, выполняемые аспирантами в ходе освоения дисциплины, включают сопоставительное описание соотносительных и лакунарных языковых фактов в русском и изучаемом иностранном языке — английском, немецком. По результатам анализа (в зоне полных и частичных различий) прогнозируется межъязыковая интерференция в русской речи носителей данных языков.

В ходе педагогической практики или реальной педагогической деятельности аспирантов (как правило, работа с полиэтническим контингентом школ Пскова и области) реализуется и второй подход к интерференционному материалу — от ошибок в русской речи инофонов, которые фиксируются и классифицируются преподавателем, как правило, не владеющим родным языком учащихся — армянским, азербайджанским, таджикским, цыганским и др. Здесь на помощь преподавателю приходят грамматические справочники, словари и самоучители данных языков, по которым выявляется возможность отрицательного влияния родного языка в каждом конкретном случае, например, в речи армян по аналогии с родным языком: использование формы И.П. существительных с предлогами к и до, отличный от русского порядок следования компонентов в конструкциях с Р.П. принадлежности, смешение форм Р.П. и Д.П. (в армянском языке это единый родительно - дательный падеж), отсутствие согласования прилагательных с существительными и т.п. Таким образом, складывается банк интерференционных ошибок, подкрепленных данными сопоставления, проведенного аспирантом с опорой на справочные источники.

Построение научно-исследовательской работы в русле лингвометодической компаративистики с выходом на уровень диссертации целесообразно для зарубежных аспирантов, преподающих русский язык как иностранный в своей стране или готовящихся к такой деятельности. В их научно-исследовательских проектах реализуется как прогностическое сопоставление языков, так и анализ отрицательного языкового материала.

Учет родного языка учащихся осуществляется в этом случае как на этапе подготовки к репрезентации той или иной темы в иноязычной аудитории, так и непосредственно на занятии, где используются приемы открытого сопоставления. Так строится и их обучающий эксперимент, цель которого — проверка выдвинутой научно-методической гипотезы.

Согласно одной из таких гипотез (аспирантка О. Талис), обучение эстонских школьников русскому словообразованию на материале моделей отглагольных имен будет более эффективным, если построить этот процесс с учетом структуры словообразовательной компетенции учащихся и с опорой на результаты сопоставительного анализа русских и эстонских словообразовательных моделей, а в качестве средства обучения использовать русско-эстонский словарь словообразовательных моделей².

Такие исследования выполняются, как правило, в рамках кафедральных научно-исследовательских тем. В данном случае диссертационное исследование развивает положения концепции учебной репрезентации русских словообразовательных моделей студенту - инофону³, а словарь воплощает модель сопоставительной репрезентации производных слов, реализованной на русско-чешском материале⁴.

Разрабатывая справочную часть словарной статьи в сопоставительном русско-эстонском словаре, автор реализует освоенные в рамках программы аспирантуры навыки сопоставительного анализа на уровне словообразовательной структуры слова, сопоставляет функциональную нагруженность отдельных соотносительных словообразовательных средств, а в тренировочной части статьи предлагает упражнения на предупреждение межъязыковой эстонско-русской словообразовательной интерференции⁵.

Интересные наблюдения сделаны аспирантами в ходе сопоставительного изучения русского и эстонского синтаксиса: установлены функциональные различия соотносительных сочинительных союзов: а — *aga*, но — *kuid*, и — *ja*, или — *või*, асимметрия на уровне способов реализации подчинительной связи в сложном предложении: рус. как — эст. *kui*, *nagu*, *just nagu*⁶.

В рамках предлагаемого аспирантам элективного курса «Русская

---

2 Талис О. Формирование словообразовательной компетенции эстонских старших школьников на материале моделей русской отглагольной деривации: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2016. — С. 5.

3 Никитина Т.Г. Русские словообразовательные модели в пособии по языку специальности для иностранцев // Альманах современной науки и образования. — 2013. — № 12. — С. 138—140.

4 Никитина Т.Г. Сопоставительный терминологический словарь: к обоснованию концепции // Язык. Словесность. Культура. — 2016. — № 1—2. — С. 29—36.

5 Талис О. Учебная репрезентация словообразовательных моделей в русско-эстонском сопоставительном словаре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 11-2. — С. 164—166.

6 Тубин В. Методика обучения эстонских учащихся русскому языку как иностранному: сочинительные союзы. Культура русской речи в условиях многоязычия: Материалы II Международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 18—19 мая 2015 г.). — Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2015. — С. 267—269. Тубин В.А. Сопоставление в целях обучения русскому языку как иностранному: союз КАК и его эстонские соответствия // 4th International Conference. Andalusian Symposia on Slavic Studies. June 4-6, 2014. — Granada: University of Granada, 2015. — P. 95—103.

фразаология в лингвокультурологическом аспекте»⁷ навыки сопоставительного анализа совершенствуются на материале фразеологизмов и пословиц, что также нашло отражение в работе над темой одного из диссертационных исследований, целью которого стала разработка содержания и приемов формирования лингвосоциокультурной компетенции эстонских старших школьников на материале русских паремий⁸. Так, в ходе лингвокультурологического анализа русских паремиологических единиц на фоне эстонского языка выявляется этнокультурная специфика их содержания и логические универсалии, образные параллели и уникальные национально маркированные метафоры, совершенствуется концепция лингвокультурологической репрезентации пословиц и фразеологизмов в учебном словаре⁹. Двухязычная (русско-эстонская) реализация этой концепции¹⁰ включается в серию словарей «Фразеологизмы в нашей речи», которые вышли с комментариями на английском, чешском, французском языке¹¹.

Сопоставительные и учебно-методические материалы, разработанные аспирантами с учетом результатов сопоставительного анализа, успешно прошли апробацию в эстонских гимназиях Таллинна, Нарвы, Вильянди и внедрены в практику преподавания русского языка и курса культурологии эстонским старшеклассникам. Результаты экспериментального обучения показали, что уровень сформированности словообразовательной компетенции эстонских гимназистов, работавших в течение года по материалам словообразовательного словаря О. Талис, повысился на 33 %¹², а уровень их лингвосоциокультурной компетенции, формировавшейся на материале русских пословиц (словарные разработки У. Ая), возрос на 44,7 %¹³, что свидетельствует об эффективности

7 Никитина Т.Г. Русские фразеологизмы в лингвострановедческом и лингвокраеведческом аспекте. Учебное пособие для студентов филологических и педагогических профилей. — Псков: ЛОГОС Плюс, 2011. — 140 с.

8 Ая У. Формирование лингвосоциокультурной компетенции эстонских старших школьников на материале русских пословиц: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2016. — 24 с.

9 Ая У. Русские пословицы на фоне эстонских: к концепции тематического лингвокультурологического словаря // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. — 2011. — № 5 (59). — С. 43 — 47. Ая У. Этнокультурное содержание русских пословиц на фоне эстонского языка: человек среди друзей // Die Phraseologie in Raum und Zeit. Фразеология во времени и пространстве / Науч. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, А.В. Савченко. — Greifswald, 2012. — С. 128—131.

10 Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г., Ая У. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на эстонском языке. — Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2013. — 164 с.

11 Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И., Бурешова Б., Рыковска М. Учебный словарь русской фразеологии на русском и чешском языках. *Zabavny slovník ruske frazeologie*. — Praha: Fraus, 2013. — 328 с. Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г., Варламова М.П. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на английском языке. — Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2014. — 178 с. Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г., Желибтер Т., Пёшо М.-П. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на французском языке. — Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2015. — 200 с.

12 Талис О. Формирование словообразовательной компетенции эстонских старших школьников на материале моделей русской отглагольной деривации: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2016. — С. 20

13 Ая У. Формирование лингвосоциокультурной компетенции эстонских старших школьников на материале русских пословиц: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2016. — С. 20

разработанных аспирантами сопоставительных методик.

Таким образом, можно сделать вывод и об эффективности языковой и методической подготовки аспирантов в приграничном регионе и оптимальном выборе ракурсов лингвометодического сопоставления языков в процессе обучения.

Об авторе

Никитина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, Псковский государственный университет, Россия.

Tatiana Gennadievna Nikitina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Pskov state University, Russia.

E-mail: cambala2007@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ

В статье анализируются результаты единого государственного экзамена по русскому языку, отражающие функциональную грамотность выпускников. Рассматриваются как позитивные, так и проблемные стороны творческих работ учащихся.

Ключевые слова: базовый уровень сложности, языковая и коммуникативная компетенции учащихся, функциональная грамотность.

*N.I. Yakovleva***ON THE QUESTION OF FUNCTIONAL LITERACY OF STUDENTS**

The paper examines the results of the State Certification in Russian language reflecting the quality of the preparation. The author considers positive and problematic issues of the pupils' creative works.

Keywords: functional literacy, basic level of complexity, language competence, communicative competence, practical literacy.

Современные образовательные программы основного общего образования нацелены на формирование функциональной грамотности учащихся, под которой понимаются способности человека максимально быстро адаптироваться во внешней среде и активно в ней функционировать.¹ Функциональная грамотность – понятие метапредметное, она формируется при изучении различных предметов и имеет разнообразные формы проявления. При изучении русского языка под функциональной грамотностью понимается свободное владение всеми видами речевой деятельности. Для этого в школьной практике используется коммуникативно - деятельностный подход к обучению русскому языку: теория изучается в процессе совершенствования всех видов речевой деятельности, что ведет к усилению функционально-семантической направленности в изучении языковых единиц. Таким образом формирование функциональной грамотности строится на основе знаний об устройстве русского языка и об особенностях его употребления в разных условиях общения.

Чтобы сделать выводы о состоянии функциональной грамотности учащихся нашего региона, проанализируем результаты единого государственного экзамена по русскому языку, которые показали выпускники 2016 года.

Закономерности речевого общения проявляются на основе текстовой деятельности. Прежде всего, для понимания текста школьники должны уметь анализировать языковые средства, например, правильно определять лексическое значение слов, знать лексические нормы. Большинство выпускников (97%) верно объяснили лексическое значение слов в тексте при помощи словарных статей. Значительно лучше в этом году справились и с заданием на лексические нормы, проверяющим умение понимать значение слова, исправить ошибку, подобрал к выделенному слову пароним.

---

1 Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Пособие для учителей./Под ред. Асмолова М.Г. – М.: Просвещение, 2010. – С.7.

Однако ряд вопросов базового уровня сложности у выпускников вызывает затруднение. Так, с заданием на определение функционально-смысловых типов речи справились 51,2% выпускников. Возможно, это связано с тем, что тип речи учащиеся привыкли определять у целого текста или у большого его фрагмента. А найти элементы описания или элемент рассуждения в одном или двух предложениях оказалось необычным для них. К тому же использовались вопросы, нацеленные на понимание текста, например: найти предложение, которое содержит ответ на вопрос, поставленный в предложении 29, или указать предложения, объясняющие то, о чем говорится в предложениях 28-29. Задание № 20 - на понимание текста и подбор высказываний, соответствующих содержанию текста, - правильно выполнили 51, 8 % учащихся. Для половины же выпускников характерно невнимательное, поверхностное чтение текста.

Среди заданий высокого уровня сложности выделим вопрос о средствах связи предложений в тексте (задание № 23). Умение определять связующие средства в тексте зависит от умения учащихся находить «данное» и «новое», а также от знания лексического и грамматического материала. 61,3 % выпускников правильно определили в качестве средств межфразовой связи личные местоимения, указательные местоимения, формы слова, контекстные синонимы. Однако результаты этого задания показывают, что у 39% учащихся недостаточно усвоены морфологические, лексические и словообразовательные единицы (в частности, местоимения) и их функциональная роль.

Процесс обучения ориентирован не только на формирование навыков анализа языка, но и на умение понимать и критически оценивать информацию, понимать чужое мнение и высказывать свою точку зрения, аргументировать ее. В экзаменационные материалы включен такой вид работы, как сочинение-рассуждение на основе прочитанного текста.

Этот вид сочинения проверяет культуру чтения выпускников, позволяет им вступить в диалог с автором текста, привлекать сведения из смежных областей, использовать личный опыт в рассуждении, в ходе интерпретации предложенного текста создать высказывание новое, иное по отношению к первичному тексту. Таким образом, сочинение - рассуждение на основе прочитанного текста можно определить как вторичный текст. Н.А. Ипполитова отмечает: «Вторичный текст представляет собой результат переработки исходного (первичного) текста и является в определенной степени реакцией на прочитанное, ответом на сказанное и в конечном счете результатом процесса восприятия и интерпретации исходного текста»².

В современном информационном пространстве общества вторичные тексты имеют широкое распространение. Человеку приходится излагать содержание прочитанного или услышанного, пересказывать его с определенной целью, передавать информацию в виде конспекта или тезисов, реферировать текст, составлять резюме, аннотацию. Безусловно, это составляет основу функциональной грамотности языковой личности, ее речевого поведения.

Сочинение-рассуждение на основе прочитанного текста рассматривается как составляющая учебного дискурса, обладает особыми функциональными характеристиками и решает специфическую коммуникативную задачу. Вы-

---

2 Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Саввова М.Р. Русский язык и культура речи. – М., 2006. – С.319.

пусковое сочинение состоит из двух частей. Первая часть дискурса-сочинения представляет собой изложение фактуальной информации: выпускник формулирует проблему, комментирует ее, включая сведения об авторе, особенностях его творчества, выражает мнение об актуальности проблемы или причине обращения к ней автора, определяет его позицию. Вторая часть отражает творческий компонент – собственно сочинение-рассуждение, включающее доказательства собственной точки зрения на проблему. Особенности сочинения-рассуждения на основе прочитанного текста точно определяет И.В. Лаврова: «Первичный текст содержит проблему-концепт, которая предполагает репрезентацию во вторичном тексте сочинения-рассуждения и категоризацию ее на новом уровне»³.

Выпускник должен показать культуру чтения текста, понимание проблем высказываний. Проблематика текстов разнообразная, представляющая интерес для выпускников: вопросы понимания любви, взаимосвязи природы и чувства любви; проблема роли песни в жизни человека, взаимосвязи песни и времени, в котором она родилась; проблема понимания человеческой красоты; проблема одинокой старости, отношения людей к одиноким старикам.

Следует отметить, что почти 95% выпускников понимают текст и правильно формулируют его проблемы. Однако часть выпускников в понимании текстов использует «заготовки» проблем, имеющих косвенное отношение к прочитанному тексту. Например, в тексте по Б.П.Екимову проблемы связаны с одинокой старостью, одинокими стариками, сострадательным отношением к ним людей. Отдельные же выпускники рассматривают проблему милосердия вообще и приводят аргументы, далекие от судьбы пожилых людей. Например, рассказывают о милосердии Сонечки Мармеладовой, о Наташе Ростовской, которая отдает подводы для раненых. На основе данного текста рассуждают и о проблеме одиночества в жизни человека вообще, приводя в качестве аргументов судьбу подростка из произведения Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

В тексте по М.М.Пришвину основная проблема связана с вопросами понимания любви и ее значения в жизни человека, того, каким становится мир для влюбленного человека, в том числе и восприятие природы. Однако в сочинениях отдельных выпускников наблюдаем внимание просто к проблеме природы, ее красоте. Отсюда и соответствующие этому вопросу рассуждения, например: «Поразительно отношение автора к природе! Пришвинская любовь ощущается в каждом листике...»

В прошлом году текст В.Солоухина тоже показал, насколько формально, поверхностно прочитали его выпускники. В.Солоухин рассказал о поведении животных в экстремальной ситуации, при наводнении, как проявляется при этом материнская любовь и у животных, которые тоже спасают своих детенышей, могут пожертвовать собой ради них. Писатель пытается соотнести это наводнение с бедствием у людей и находит его – это война. Одно только это слово «война» увело от проблем материнской любви, от сходства родительской любви у людей и животных. Осталась только война. К тому же не забываем, страна готовилась к 70-летию Победы. Основной стала проблема героизма и патриотизма и в качестве аргументов использовали произведения о Великой

---

3 Лаврова И.В. Сочинение-рассуждение как разновидность вторичного текста: базовые характеристики: Автореф. дис...канд. филол. наук. – Краснодар, 2011. – С. 10.

Отечественной войне. Эксперты решили: если в рассуждениях поднималась проблема самопожертвования или ценности жизни в мирной жизни или на войне, такие работы оценивались положительно. Но если речь шла только о войне, ее жестокости и бедствиях, то эксперты оценивали такие работы о баллов.

Понимание текста отражает и умение прокомментировать проблему. Уровень сформированности умения проводить текстовый анализ у выпускников еще недостаточно высокий. Так, за комментарий к сформулированной проблеме максимальное количество баллов получили только 33% выпускников. С прошлого года формулировка задания к комментированию претерпела изменения. Выпускникам предлагается включить два примера - иллюстрации, важные для понимания проблемы исходного текста, избегая чрезмерного цитирования. На наш взгляд, это способствует более внимательному чтению текста и его анализу. Но примеры эти должны быть включены в собственное рассуждение. Приведем пример удачного подхода к комментированию проблемы (фрагменты сочинений приводятся без редактирования): «Размышляя над тем, чего не хватает пожилым людям для ощущения радости и счастья, Б.П.Екимов с грустью рассказывает историю пожилой женщины, продававшей полынь на набережной. Автор обращает внимание читателей на портрет героини («потертое пальто, темный платок, старость»), чтобы показать ее материальное положение, которое, как видит читатель, низкое. Писатель считает важным, что «старая женщина» не просит милостыню, а продает полынь, «хотя подали бы ей много больше, чем выручит за свои жалкие сухие веточки». Этим автор подчеркивает желание старушки не заработать, а сказать кому-нибудь «о пользе» растения, продавая его. Кроме того, писатель показывает, как со старушкой стала беседовать супружеская пара, которая не только «по имени – отчеству» стала называть пожилую женщину, но даже взяла ее адрес. Думается писателю, что теперь старушка не будет чувствовать себя совершенно одинокой, ведь от «небесного ли, земного» тепла становится хорошо на душе. С сожалением нужно заметить, что проблема, поднятая Б.П.Екимовым, очень важная. Сегодня мы всё чаще видим пожилых людей, одиноко гуляющих по парку, сидящих на скамье. Они молча наблюдают за нами – молодежью – тая в душе желание рассказать о своей жизни, поделиться своими воспоминаниями. А мы равнодушно проходим мимо, не зная, что ласковое слово, сказанное нами старушке или старику, станет лучиком, осветившим их души».

Как видим, выпускник заостряет внимание на деталях текста, приводит примеры из текста, включает их в собственное размышление, также подчеркивает актуальность проблемы и раскрывает её значимость. К сожалению, во многих работах для комментария просто использовались примеры из текста, большие цитаты и пересказ содержания. Не прослеживалось умение выпускников включать примеры из текста в собственное рассуждение, а также вводить цитаты.

С основной проблемой текста, ее комментированием тесно связана позиция автора, которую нужно определить выпускникам. Для 91% учащихся позиция автора оказалась ясна. Однако не во всех текстах автор выражает свое отношение прямо. Так, в прошлом году трудным для учащихся оказался текст по Б.П.Екимову. Рассуждая о проблеме выбора человеком профессии, своего жизненного пути, писатель не дает однозначного ответа. Он просто говорит о

том, что люди по-разному решают проблему выбора профессии: кто-то остается верен любимому делу, а кто-то, испугавшись трудностей, выбирает более «выгодную» на сегодняшний день профессию. И относится писатель к любому выбору уважительно. Выпускники же не увидели этой авторской точки зрения. В этом году в тексте по М.М.Пришвину неправильное определение проблемы у отдельных выпускников ведет к непониманию и авторской позиции, заключающейся в том, что влюбленный человек тонко и глубоко чувствует гармонию и красоту природы, ощущает свою взаимосвязь с ней.

Хочется отметить, что в этом году большее количество учащихся использовали для аргументов примеры из художественной литературы. 41% выпускников за аргументацию собственного мнения по проблеме получил 3 балла, в 2015 г. – 27,66%. Вероятно, повлияла подготовка школьников к сочинению по литературе. И сами аргументы стали развернутыми и доказательными, свидетельствующими о хорошей начитанности выпускников, зрелости их суждений. Приведем фрагменты из сочинений:

«Когда я читала текст Б.П.Екимова, я вспомнила эпизод из романа И.С.Тургенева «Отцы и дети», в котором писатель показывает радость отца Е. Базарова в тот момент, когда домой вернулся сын. А в те минуты, когда Е.Базаров обращался к отцу за советом, герой был по-настоящему счастлив, потому что чувствовал себя нужным родному сыну. Так важно порой показать пожилым людям, что их советы и слова дороги нам, ведь это наполняет их душу радостью.

В пьесе А.Вампилова «Утиная охота» показан эпизод, когда главный герой произведения Зилов от своих родителей получает письмо. В нем отец главного героя просит сына навестить родной дом, семью, побыть с матерью, которая тоскует по сыну, скучает по нему. Драматург через содержание письма показал, как необходимо старикам чувствовать поддержку горячо любимых ими детей и как трудно бывает пожилым родителям без них.

Для пожилых людей очень важно чувствовать себя нужными. Их жизненная потребность – общение с родными и близкими, именно оно скрашивает их жизнь, делая ее радостной, осмысленной и счастливой».

Смысловой цельностью, речевой связностью и последовательностью изложения обладают сочинения 51% выпускников (они получили максимальное количество баллов – 2 б.). В оценке сочинений по этому критерию обращается особое внимание на наличие вступления, заключения как необходимых компонентов рассуждения, да и вообще сочинения любого типа. Например: «Как часто в повседневной жизни мы встречаем пожилых людей, которым, возможно, нужна помощь. Зачастую мы не обращаем на них внимания, хотя большинству из нас, вероятно, предстоит оказаться в подобном положении некоторое время спустя. Б.П.Екимов в своем тексте поднимает проблему отношения к пожилым людям». Следует предупреждать учащихся от распространенного в последние два года недочета, когда в качестве вступления используется информация об авторе статьи, которая сводится к переписыванию сведений об авторе.

Анализ сочинений свидетельствует о том, что по-прежнему практически грамотных среди выпускников, к сожалению, немного, хотя в этом году процент грамотных повысился: пишут без орфографических ошибок всего 33% (в

2015 г. – 30,92%), допускают не более 2 ошибок – 38,84% учащихся (в 2014 г. – 37,66%). Хуже с пунктуационной подготовкой выпускников. Без пунктуационных ошибок сочинения у 19% учащихся. На орфографическом уровне выпускников особенно затрудняет правописание НЕ с различными частями речи (особенно с наречиями); правописание союзов и омонимичных им частей речи (также, тоже – так же, то же), а также производных предлогов. На пунктуационном уровне сложным оказывается для учащихся постановка знаков препинания в предложениях с вводными словами, с обособленными членами предложения и в сложных предложениях различного типа. Грамматических ошибок не допущено у 40,28 % выпускников, допущено не более одной речевой ошибки у 37,28 % учащихся. Среди грамматических ошибок выделяются ошибки на нарушение норм управления, согласования в словосочетаниях и предложениях, на построение предложений с деепричастным и причастным оборотом, с однородными членами, на образование причастий. Например: Проезжая мимо старого дуба, ему показался дуб старым.

Речевые ошибки чаще всего связаны с незнанием лексического значения слов, нарушением лексической сочетаемости, тавтологией, однообразием в использовании синтаксических конструкций, использование слов, стилистически неуместных. Например:

Одиночество – самое печальное место на свете. Так не дадим никому погрязнуть в нем, не оставим без внимания прародителей.

Во время блокады Ленинграда мои родственники были оккупированы немецкими войсками.

Они испытывали сильный дискомфорт от таких условий (о войне).

Таким образом, в целом в 2016 г. уровень функциональной грамотности учащихся повысился. Это обеспечивается системой работы педагогических коллективов, использованием методических рекомендаций на сайте ФИПИ, различных пособий, в том числе и тех, которые выпускались в нашем регионе. Однако для повышения качества знаний выпускников по русскому языку необходимо усилить работу над расширением словарного запаса учащихся не только на уроках русского языка, но и на межпредметном уровне (тщательная работа над значением слова, нормами его сочетаемости с другими словами, нормами правописания). Для формирования практической грамотности учащихся не следует забывать о традиционных методах сознательного отношения к языковым единицам; об эффективных методах и приемах, выработанных в нашей методике; о последовательности использования и целесообразном разнообразии письменных упражнений, ситуативных заданий, сочинений и изложений, необходимых для формирования правописных умений и навыков. Не стоит увлекаться только тестовыми формами работы и созданием презентаций.

Для адекватного понимания темы, проблемы текста, основной и дополнительной информации важно уделять особое внимание различным видам чтения, особенно изучающему. Чаще включать анализ текстов различной проблематики, с внешне знакомой проблемой, но имеющей особый авторский поворот, и учить видеть замысел автора. Обращать больше внимания на методику использования текстуального комментария, так как это учит школьников лучше понимать текст, видеть коммуникативную действенность языковых

средств и осознанно относиться к созданию собственных текстов, к своему речевому поведению.

Об авторе

Яковлева Наталья Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и русского языка как иностранного, Псковский государственный университет, Россия

Natalia Yakovleva, PhD, assistant professor of Russian language and Russian as a foreign language, Pskov State University, Russia.

E-mail: yakovlevani@rambler.ru

КОГНИТИВНАЯ ПОДДЕРЖКА УЧАЩИХСЯ ПОЛИЛИНГВАЛЬНЫХ ГРУПП НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (РКИ)

В статье рассмотрены условия и элементы аудиторной работы по РКИ на начальном уровне в смешанной языковой группе. Предлагаемые приёмы подачи учебного материала отобраны с учётом универсальных когнитивных операций, что сводит к минимуму необходимость перевода лексико-грамматического материала на родной язык.

Ключевые слова: полилингвальная группа, фон информации, зашумление, когнитивный дефицит, когнитивный ресурс.

O.V.Kryahrunova

KOGNITION SUPPORT OF STUDENTS IN POLYLINGUAL GROUPS AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS FOREIGN

The article describes the conditions and the elements of classroom work at RCT at the primary level in a mixed language group. Proposed methods of delivery of training material selected taking into account the universal cognitive operations, which minimizes the need for translation of lexical and grammatical material in the native language.

Keywords: polilingvalnaya group, background information, noisy, cognitive deficits, cognitive resource.

Специфика образовательной среды приграничья, куда входит и Астраханская область, очевидна: она отражает национально-языковой состав соседствующих регионов, включая устоявшиеся в предыдущие годы академические связи. Как в вузах, так и в образовательных учреждениях начальной/средней степени возрастает не столько количество обучающихся, сколько вариативность собственно-родных языков, тогда как обучение ведётся исключительно на русском языке.

Разнообразие языковой базы обучающихся сводит практически к нулю возможность переводных методов обучения и ставит перед педагогами проблему унификации подачи учебного материала. Так, в группе студентов, каждый из которых владеет только своим языком (родным), даже на этапе знакомства с графическим обликом букв сопоставительные приёмы («р» как [p] английское) будут некорректны.

Также нежелателен тотальный самостоятельный перевод, поскольку выбор того или иного синонима может привести к ошибочному пониманию. К примеру, инструкция из учебника элементарного курса «Узнайте о времени» при переводе может быть прочитана как «lern» (познать что-то, изучить), либо как «ask» (спросить). Следовательно, и в инструкциях преподавателю следовало бы ориентироваться на каждый из возможных синонимических вариантов языков, которыми владеют в группе. Это не представляется выполнимым, особенно в школьных классах, где дополнительным ограничением являются требования общеобразовательной программы.

Ещё одним фактором, ограничивающим применение переводного или сопоставительного метода при групповой работе, является отсутствие как единой лингвокультурной базы, так и уровень ранее полученных академических навыков (методов обучения, принятых в стране/республике/регионе).

В разработке универсальных методов следует учитывать «барьеры обучения» иностранным языкам вообще ¹ (Т.В.Минакова):

- лингвистические (низкая компетенция и интерференция родного языка);
- дидактические (недостаточность видов деятельности на уроке);
- мотивационные (отсутствие интереса);
- социокультурные (обилие культурно-маркированной лексики в используемых текстах);
- возрастные (игнорируются психологические особенности).

Методика РКИ частично нивелирует влияние данных барьеров:

достаточна вариативна дидактическая база, она предполагает разнообразие упражнений по лексике, грамматике, по работе с текстом;

мотивационный барьер практически снят у совершеннолетних учащихся уже на этапе выбора страны обучения, с другой стороны у школьников, даже при отсутствии принятия собственного решения об обучении на русском языке, мотивация связана с активным взаимодействием со сверстниками;

социокультурный барьер выражен в 2 аспектах: для студентов и обучающихся по профессиональным направлениям он регламентирован ТРКИ, тогда как для школьников начального уровня ведущим требованием к речевой деятельности является репродукция фольклорных текстов.

По нашим наблюдениям в полилингвальных группах продуктивна аудиторная работа, учитывающая педагогические условия, разработанные для лиц с ограничениями сенсорно-моторных реакций (по слуху, по зрению), поскольку в декодировании информации участвуют те же анализаторы. При этом восприятие информации соотносится с такими условиями, как «фон» и «зашумление», т.е. лучше распознаётся информация, предъявляемая на тщательно выверенном «фоне», или она распознаётся плохо (не распознаётся совсем) при наличии помех («шумов»).

В качестве примера представим себе, что новая грамматическая форма слова, с которой должен познакомиться обучающийся, соседствует на доске с предыдущими записями. При этом в поле зрительного восприятия попадает и новая информация, и та, которая не актуальна в данный момент, однако произвольно на неё будут затрачены усилия по восприятию и декодированию.

Как показывает практика, приёмы и элементы знаковой системы (графическая, звуковая, тактильно-кинестетическая) в процессе преподавания РКИ могут реализоваться как когнитивный «дефицит» (информация не поддаётся распознаванию в силу отсутствия опыта), либо когнитивный «ресурс» (информация распознаётся легко, без дополнительного перевода на родной язык). Объём когнитивного дефицита выявляется только в ходе занятия в конкретной группе, в полной мере его предусмотреть невозможно, однако всегда нужно знать, к ка-

1 Зорькина О. С. Когнитивные и эмоциональные барьеры изучения иностранного языка в младшем студенческом возрасте [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 2061–2065. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/96332.htm>. — Дата обращения: 25.09.2016. — Загл. с экрана.

кому ресурсу следует обратиться, чтобы восполнить соответствующий дефицит.

С точки зрения графического оформления урока «зашумлением» могут оказаться предыдущие записи, новая форма слова (префикс, окончание), знаки разных терминосистем (10в при неаккуратном написании может быть прочитано как 10б).

Когнитивным дефицитом на элементарном уровне, как правило, является облик букв, а именно – при спонтанном письме студенты заменяют русские буквы буквами своего алфавита: деревья (деревья), футбол (футбол).

Предлагаем некоторые варианты графического оформления информации для анализа – расписывать компоненты содержания омонимичных флексий при наращении грамматики не линейным образом, а в виде вертикальной ветви, в которой информация разворачивается от более очевидной (коммуникативной или предметной) к более абстрактной – грамматической:

«люблю музыку» «стоит на полу» «иду к брату»

что?/кого? где? к кому?

-У музыка - У пол -У брат

вин.п. предл.п. дат.п.

И детьми-инофонами, и студентами слово (особенно незнакомое/новое) воспринимается как один неделимый знак, поэтому необходимо и преподавателю, и обучающемуся выделять флексии во всех тренировочных упражнениях.

Взаимное расположение знаков должно делать очевидным новую информацию, соответственно старая информация должна быть представлена в устойчивой форме (пишем основы слова друг под другом или соотносим флексии с уже имеющейся основой). Пример предъявления прилагательных:

вариант 1 вариант 2

новЫЙ он ый

новАЯ она нов- ая

новОЕ оно ое

Отметим, вариант 2 более экономичен по времени, поскольку для других примеров той же модели достаточно заменить только основу прилагательного. Это визуально упрощает студентам трансформацию слова, снимая эффект создания нового варианта «с нуля».

Такой принцип влияет и на пространственное оформление – при сопоставлении форм слова или словообразовательных моделей следует предусмотреть некоторый отступ от края доски, чтобы разместить нужные слова друг над другом (при вертикальной подаче) или в одном ряду (при горизонтальной):

вертикальный вариант горизонтальный вариант

ПЕРЕшёл ПЕРЕ- ПРИ- ПО- У-

ПРИшёл

ПОшёл шёл

Ушёл

Дефицит зрительного восприятия также возникает при одновременном размещении, например в словарях к учебнику, переводов на разные языки. Даже при оформлении таких таблиц с чётким разделением ячеек возникает

необходимость «продираться» к своему варианту перевода через другие.

Для предупреждения визуального дефицита следует также принимать во внимание размер и чёткость письменных знаков, на первых уроках стоит даже пренебречь привычным для носителей языка соединением букв.

Как при подаче материала, так и во время контроля следует избегать наложения когнитивных операций. Так, в тестах на аудирование распространено задание, где нужно прослушать информацию, выбрать вариант ответа и в соответствующих графах поставить цифры 1 или 2. Возникающая при этом необходимость производить одновременно несколько когнитивных операций с аудио информацией, текстом, переводом, выбором цифр могла бы быть несколько упрощена при использовании знаков «плюс» и «минус».

Ценностная значимость заданий также повышает эффективность освоения языка – это реализуется не только в практике преподавания русского языка, но и дисциплин предметного цикла. Так, в курсе пропедевтики по математике уже на первых уроках с особым интересом выполняются задания, когда студенты сообщают друг другу актуальную информацию (диктуем студенту из другой группы свой телефон, спрашиваем в деканате телефон общежития, считаем процентное соотношение студентов, говорящих на разных языках и т.п.).

Одним из неперенных условий планирования работы педагога А.Р. Арутюнов считает «завершение занятия правдоподобной коммуникацией»², поэтому каждая грамматическая модель должна быть реализована в ситуации общения — это формирует навыки спонтанного воспроизводства речевых моделей. Подобные ситуации общения могут быть реализованы между учащимися разных групп, не так часто контактирующих друг с другом, или в общении с сотрудниками вспомогательных служб образовательного учреждения (в библиотеке, в буфете, в гардеробе).

В связи с затруднением анализа звучащей речи кинетика преподавателя (поза и перемещение в аудитории) должна быть очевидной, необходимо однозначно демонстрировать адресата речи, поскольку даже своё имя в русском произношении студенты склонны воспринимать как новое слово. Обязателен самоконтроль преподавателя, обратная связь с аудиторией, комфортный эмоциональный фон: как показывает практика, учащиеся хорошо воспринимают новые лексические единицы (признаки, названия профессий, черты характера, глаголы) в случае их привязки к популярным персоналиям.

В любом случае, материальное сопровождение урока – иллюстрации, предметы окружающей обстановки, если они знакомы учащимся, превращаются из объекта восприятия в стимульный материал, побуждающий к высказыванию собственного мнения.

Об авторе

Кряхтунова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный технический университет, Россия

Kryahtunova Olga Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Astrakhan State Technical University, Russia

E-mail: olgakryahtunova@mail.ru

---

² Арутюнов А.Р. Конструирование и экспертиза учебника. — М.: ГИРЯ им. А.С.Пушкина, 1987. — С. 93

ПРИЕМЫ АКТИВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

В статье показаны некоторые приемы активизации деятельности учащихся на занятиях по РКИ. Главный принцип активизации – вовлечение учащихся в практическую деятельность на иностранном языке. Одним из таких приемов может служить подготовка и проведение презентации, посвященной родной стране студента. В статье приведены примеры подобных презентаций, описаны способы работы с ними, даны методические рекомендации.

Ключевые слова: активизация, иностранные студенты, русский язык как иностранный, презентация

A.S. Shatilov

**METHODS TO ENHANCE THE PERFORMANCE OF PUPILS
IN STUDYING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

The focus of the article is upon some ways to force the student's activity at Russian Language Lessons. To involve students into practice in foreign language is the basic principle of any activity. Native country presentation prepared and realized by students could be very helpful. Some examples of presentations, ways to prepare them and methodological advices will be given.

Keywords: activity, foreign students, Russian as a Foreign Language, presentation

Необходимость вовлечения учащихся в коммуникацию на занятиях по русскому языку ставит преподавателя перед необходимостью изобретать различные способы активизации речевой деятельности студентов. Традиционные приемы, такие, как составление диалогов, парная и групповая работа, ответы на вопросы преподавателя, выполнение разнообразных упражнений не всегда эффективны. Например, составление диалогов зачастую превращается в беседу на английском или на родном для учащихся языке. Кроме того, есть что-то неестественное в том, что два взрослых человека с одним общим языком, например, немецким, должны вести диалог между собой на иностранном языке. Для сохранения естественности общения можно использовать такой прием, как вопросы учащихся своим одноклассникам. В учебных пособиях часто встречается следующее задание – ответьте на вопросы. Странно выглядит, когда учащийся читает вопрос и сам на него отвечает. Логичнее, если один студент читает вопрос, а другой на него отвечает. Такой способ активизирует внимание студентов, заставляет их следить за порядком следования вопросов, быть готовыми для ответа. При этом полезным будет посадить студентов так, чтобы они видели друг друга, т.е. по кругу либо лицом друг к другу. Традиционная манера сидеть по рядам затрудняет восприятие речи, т.е. учащиеся не видят лицо и не могут следить за артикуляцией говорящего. Обращая свой вопрос к соседям, студент вынужден «вращаться», чтобы увидеть человека. Кроме того, впереди сидящие закрывают собой тех, кто располагается позади, тем самым не позволяя преподавателю установить зрительный контакт и вынуждая его и студента

разными способами встретиться глазами. В случае расположения студентов лицом друг к другу все эти неудобства отсутствуют. Учащиеся могут задавать вопрос сидящему напротив или по диагонали, либо своему соседу слева или справа. Порядок следования вопросов можно менять, чтобы все студенты находились в состоянии готовности. Таким образом, мы приближаем учебное задание к естественной ситуации.

Общеизвестна полезность чтения вслух текстов и упражнений – это формирует навыки артикуляции и интонирования. Практика показывает, что типичной ошибкой учащихся является пословное чтение, когда после каждого слова возникает пауза. Для предотвращения этого можно использовать такой прием – студенты по очереди читают только одно слово во фразе, добиваясь быстрого темпа чтения и правильной интонации. Учащиеся воспринимают это упражнение как игру и стараются как можно быстрее и точнее прочитать свое слово. Цель заключается в том, чтобы не было пауз между словами. Таким способом мы пытаемся добиться слитности в чтении, что является признаком хорошего уровня владения языком. При этом важно помнить о сегментации фразы и об общем интонационном контуре. Попутно мы отработываем навыки артикулирования отдельных звуков и слогов. Другой полезный прием – произнесение отдельных реплик или фраз с меняющейся интенсивностью или интонацией.

Подобные упражнения, а у каждого преподавателя в арсенале всегда найдутся подобные находки, преследуют цель разнообразить формы работы и сохранить мотивацию студентов.

Еще одним очень эффективным способом активизации речевой деятельности студентов является подготовка и проведение презентаций, которые учащиеся делают в рамках темы «Представляем страну». Вначале нужно сделать небольшое отступление. Учебники и учебные пособия включают в число изучаемых тем такие, как «Русские праздники», «Национальные традиции», «Русская кухня», «Достопримечательности Москвы (СПб, Нижнего Новгорода, Пскова, и пр.)». Учащиеся читают тексты, выполняют разнообразные упражнения на культуроведческом и страноведческом материале. Не умаляя достоинств вышеприведенных занятий, хочется задать вопрос – в каких ситуациях иностранец может использовать полученные знания? Где, кому и когда он/она будет рассказывать об истории московского Кремля или о строительстве Петропавловской крепости? Если иностранец живет в России, то жителям этой страны своя история известна куда лучше, если же он/она живет не в России, то в другой стране вряд ли найдётся много людей, готовых слушать о России на русском языке. Таким образом, подобные упражнения, скорее всего, носят учебно-ознакомительный характер и не могут считаться подлинно-коммуникативными.⁹ Другое дело, если иностранный учащийся знакомит других учащихся со своей страной. В данном случае он уже по-настоящему вовлечен в деятельность, психологически мотивирован и заинтересован в успешной её реализации. Кроме того, в случае межкультурной коммуникации участников, в первую очередь, интересуют сведения о тех странах, представители которых участвуют в общении. Поэтому в работе с иностранными стажерами, т.е. студентами включенного обучения Первого сертификационного уровня, которые приезжают на один семестр в СПбГУ, я

практикую такую форму работы, как презентация страны. Студенческие группы, как правило, многонациональны, в них учатся студенты из Европы, Северной Америки, Канады, Японии, Тайваня, Китая, и т.д. Многие из них мало знакомы с культурой и традициями других стран. Даже представители соседних стран подчас слабо представляют себе жизнь друг друга. Например, жители Дании считают, что все финны обязательно носят с собой ножи, чем несказанно удивили самих финнов. А для многих учащихся было открытием, что в Англии чай обязательно пьют с молоком.

В начале занятий учащимся дается домашнее задание: подготовить презентацию своей страны, т.е. они должны за короткое время (максимум 10 минут) представить свою страну остальным студентам. Форма и тема презентации может быть произвольной: студенты могут просто подготовить устное монологическое высказывание о своей стране или о каком-либо конкретном аспекте (история, культура, национальные праздники, кухня, музыка и т.п.), могут создать презентацию в Power Point с использованием видео и аудиоматериалов, могут принести любые иллюстративные материалы, включая еду и напитки. Предварительно на занятии проводится работа со страноведческими текстами, изучается лексика, даются нужные словосочетания. Вся эта работа проводится в рамках общей темы «Представляем страну», где собраны материалы о конкретных странах, в частности, о Германии и Италии. Материалы взяты из интернета, с различных туристических сайтов, т.е. являются аутентичными.

Как правило, учащиеся с энтузиазмом выполняют такое задание, стараясь как можно лучше представить свою страну. Во время презентации учащиеся рассказывают или чаще читают подготовленный текст, иллюстрируют свой рассказ показом разного рода видеоматериалов, комментируют показанное, после окончания отвечают на вопросы. Иногда требуется минимальное вмешательство преподавателя для комментариев или необходимых пояснений.

Как показал наш опыт, учащиеся выбирают две основные стратегии представления: 1. последовательный рассказ, включающий краткие сведения об истории, географическом положении, о национальных праздниках, традициях, еде, музыке, спорте и т.п.; 2. перечисление существующих стереотипов и комментарии, которые подтверждают или опровергают их. Кстати говоря, на основании представленных презентаций можно делать выводы о преобладании той или иной нарративной тактики в зависимости от типа культуры учащихся. Так, представители англо-саксонских культур (Германия, Англия, скандинавские страны) предпочитают линейное развертывание повествования, представители романского типа (Франция, Италия) выбирают зигзагообразную модель нарратива с отступлениями, восточные культуры предпочитают концентрическую модель².

В качестве иллюстрации приведем примеры нескольких презентаций, подготовленных учащимися из Финляндии, Англии, Японии, Австрии, Франции, Италии.

В первом случае финская студентка использовала последовательную схему представления страны: географическое положение, основные сведения, природа, кухня, традиции и предпочтения. Из этой презентации мы не узнали

ничего такого, чего бы мы не знали раньше.

Британская студентка выбрала такой же линейный способ подачи информации: география, история, демография, известные личности, традиционные представления. Мы узнали, например, что 13% населения Англии составляют этнические меньшинства, что большинство англичан – атеисты, и что вторым по распространенности иностранным языком в Англии является польский.

Студент из Японии сосредоточился на одной теме – на роли и месте императора в японской жизни. Способ построения рассказа уже иной – концентрический. В центре – фигура императора, которая связана с историей, политикой и культурой. Мы узнали, что император не имеет реальной политической власти, но обладает большим авторитетом, особенно в деревнях, что он является символом единства нации, что он является покровителем искусств.

Австрийский студент пошел другим путем – он показал наиболее распространенные стереотипы об Австрии, но выбрал оригинальный способ их представления (см. <https://www.youtube.com/watch?v=4sW1zBGwaxQ>). Также поступила студентка из Италии, которая выделила лучшие и худшие вещи своей страны.

И, наконец, французская студентка представила литературу, т.е. выбрала только один аспект жизни Франции, поскольку в группе было еще два студента из Франции.

Какие же положительные стороны имеет подобная форма работы?

Во-первых, усиление мотивации. Учащиеся психологически мотивированы, так как они могут говорить о том, что они знают хорошо. Они выбирают факты и сведения, которые могли бы заинтересовать других людей, т.е. они выполняют не учебную, а реальную коммуникативную задачу. В своей повседневной речевой практике учащиеся нередко сталкиваются с ситуацией, когда им нужно ответить на вопросы или что-то рассказать о своей стране. Используя полученный во время подготовки и проведения презентации опыт, они могут сделать это лучше и правильнее.

Во-вторых, разрушение стереотипов. Учащиеся представляют свою страну так, как она выглядит изнутри, что позволяет другим увидеть ее разнообразие. Знакомясь с приводимыми фактами, учащиеся учатся видеть другие культуры, лучше понимать мир, быть более толерантными.

В-третьих, повышение уровня владения различными видами речевой деятельности. Как было показано выше, во время презентации учащиеся совершенствуют навыки и умения устной монологической и диалогической речи, чтения, письма и аудирования, учатся вести полемику. В период подготовки они обращаются к различным источникам – словарям, справочникам, Интернет-ресурсам, как это мы видели в презентации французской студентки, т.е. увеличивают свой лексический запас.

В-четвертых, умение проведения публичных презентаций может оказать существенную помощь при подготовке презентаций по специальности, начиная от языковой правильности речи и кончая особенностями поведения и риторическими приемами.

Таким образом, предлагаемая форма работы – презентация страны –

может быть использована как способ активизации межкультурного общения, равно как и методический прием совершенствования навыков и умений в различных видах речевой деятельности.

Об авторе

Шатилов Андрей Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

Andrei Sergeevich Shatilov, Associate Professor, Ph.D. Saint Petersburg state University, Russia.

E-mail: a.shatilov@spbu.ru; shatilovas@mail.ru

ПОРОДНЕННЫЕ ГОРОДА ПСКОВА В СОДЕРЖАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» ДЛЯ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

В статье описывается опыт изучения культуры пограничья в процессе обучения иностранному языку на нелингвистических направлениях университета на основе методики составления лингвокультурных профилей пространственных концептов. Представлены примеры описания концепта, перспективы и ожидаемые результаты исследований концептов породненных городов Пскова, расположенных в странах пограничья.

Ключевые слова: культура, пограничье, концепт, лингвокультурный профиль, породненные города, топонимический портрет, антропонимикон, глоссарий.

S.F. Matsevich

TWIN CITIES OF PSKOV IN THE CONTENT OF THE DISCIPLINE “FOREIGN LANGUAGE” FOR NON-LINGUISTIC DEPARTMENTS

The article describes the experience of studying the culture of the borderland in the process of teaching foreign language at non-linguistic departments of the University based on the methodology of compiling linguistic and cultural profiles of the spatial concepts. The article provides examples of the borderland states concept description. Prospects and preliminary results of the borderland twin cities of Pskov concepts investigations are presented.

Keywords: culture, borderland, concept, linguistic-cultural profile, twin cities, toponymic portrait, anthroponimics, glossary.

Изучение иностранного языка невозможно не только без соизучения его культуры, но и без общекультурного содержания, включающего элементы родной и мировой культуры. Включение темы: Породненные города Пскова в содержание дисциплины «Иностранный язык» для нелингвистических направлений предоставляет такие возможности. Лингвокраеведческая составляющая, реализуемая через изучение данной темы, это лишь одна из возможностей реализации потенциала тематики породненных связей. Студенты нелингвистических направлений подготовки знакомятся с породненными городами в рамках изучения темы Псков на занятиях по английскому языку, выполняют небольшие исследовательские проекты, а затем готовятся к участию во внеаудиторной соревновательной деятельности, в частности, к олимпиаде «Породненные города Пскова», которая в университете проводится уже три года¹.

Многогранная и уникальная история породненных связей города Пскова нуждается в изучении и обобщении. Она несет в себе большие воспитательные возможности. Участие в зарубежных связях молодых людей – инструмент их

---

1 Румянцева Т.Я., Мацевич С.Ф., Семенова Н.С. Олимпиада «Породненные города Пскова» как стимул образования для устойчивого развития // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития. Межвузовский сборник научно-методических статей. Выпуск 4. — Псков: Издательство «ЛОГОС Плюс», 2014. — С.169—176.

интеграции в мировое сообщество, стимул к изучению иностранных языков в регионе². Общеизвестно, что самый большой интерес у обучающихся наблюдается к изучению английского языка как средству мирового общения. Реализации зарубежных проектов и студенческий обмен в рамках породненных связей наряду с академической мобильностью дает мощный мотив к изучению и других иностранных языков. В данном сообщении мы хотим подчеркнуть роль данного ресурса и для приобщения к мировой культуре.

Успешность породненных связей Пскова определяется приграничным положением Псковского региона, интересом зарубежных партнеров к богатому историческому и культурному наследию города, тесным сотрудничеством властных и общественных структур, широкой вовлеченностью жителей города в движение породнения³.

Пограничность была и остается главной, определяющей особенностью Псковской земли. Сегодня Псковская область — единственная в России, граничащая с тремя государствами: Эстонией, Латвией и Белоруссией. Системность культурных контактов обусловила развитие особого художественного типа осмысления и преобразования действительности, удержания и передачи его новым поколениям.

Сегодня политико-географическое положение Псковской области предопределяет налаживание тесных социально-экономических и культурных контактов, прежде всего, со странами северной и западной Европы. Пограничность Псковской области накладывает отпечаток на жизнь населения в пределах всего региона. Вдоль современной государственной границы сформировались зоны непосредственного социокультурного влияния соседних стран, выраженные в тесноте родственно-дружеских связей и интенсивности трансграничных контактов. Некоторые из породненных городов Пскова находятся в пределах или в непосредственной близости от таких культурных зон.

В своей работе, опытом которой мы сегодня хотим поделиться, мы основываемся на ранее разработанной нами методике описания основных компонентов изучаемых явлений (пространственных концептов) путем создания их лингвокультурных профилей⁴. Понятие «профиль» немного шире понятия «концепт». Профиль — это определенный набор стандартов, которые ориентированы на изучение, исследование и развитие определенных лингвокультурных концептов⁵.

---

2 Румянцева Т.Я. Породненные связи Пскова как стимул к развитию языкового образования в Псковском регионе // Мировые языки. Язык и культурная идентичность в современном мире. Сборник материалов третьей международной научно-практической конференции. м Псков: Псковский государственный университет, 2014. — С. 46 — 49.

3 Румянцева Т.Я., Мацевич С.Ф. Породненные связи Пскова как основа общественной дипломатии в Псковском регионе // Научно — практический, историко-краеведческий журнал Псков, № 43. — Псков: Псковский государственный университет, 2015, стр.81 — 90.

4 Мацевич С.Ф. Новые подходы к обучению лингвострановедению на неязыковых факультетах университета // Университеты и их роль в социально-экономическом развитии регионов. Сборник материалов XX Академических чтений Международной академии наук высшей школы. Том II . — Звенигород , 2014. — С.54 — 56.

5 Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. — С.90.

Тот неоспоримый на сегодняшний день факт, что концепты выполняют функцию категоризации объектов действительности, а лингвистика представляет систематизированный объем лингвистических средств их объективации, позволил нам использовать методический потенциал культурного концепта в качестве нового научно обоснованного подхода к организации содержания соизучения языка и культуры в неязыковом вузе.

Совокупность концептов образует концептуальную картину мира, в которой выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке. (Карасик,1996).

При этом изучение культурных концептов – это движение от социально-культурных образований в сторону их вариативной фиксации не только в языке. (Степанов,1997).

Различие между культурами состоит в значимых нюансах, выделяемых при сравнении больших концептуальных объединений (концептосфер). Множественные характеристики дают более веские основания для того, чтобы сделать выводы о специфике менталитета того или иного народа.

Как любое исследование, изучение концептов направлено преимущественно на выявление отличительных черт объекта. Этноспецифичность концепта в контексте межъязыкового сопоставления дает основания рассматривать его как единицу национального менталитета, отличного от ментальности как общей совокупности черт национального характера.

Для студентов, обучающихся и проживающих в приграничном регионе, исключительно важным является четкое представление о каждой из стран изучаемого региона. Обилие и доступность информации создают иллюзию знакомства, понимания и владения. Однако при недостаточно сформированном умении извлекать лингвокультурологическую информацию из единиц языка, которое может быть сформировано в процессе составления лингвокультурного профиля определенного объекта, языковая картина региона может получиться неполной или даже искаженной. В данной статье описывается наш опыт как попытка изменить ситуацию к лучшему.

Задача составления лингвокультурных профилей породненных городов Пскова на основе базовых культурных концептов их стран вывело нас на описание лингвокультуры нашего пограничного региона. В трех странах, граничащих с Псковской областью, есть шесть из 17 породненных с Псковом городов: Витебск, Тарту, Вярска, Даугавпилс, Резекне, Валмиера и Цесис.

Затруднения, которые испытывали наши студенты при выполнении задания, привели нас к необходимости более глубокого и широкого приобщения студентов к культурам стран и народов пограничья.

Наше предварительное знакомство с лингвострановедческими словарями показало, что концепты «Эстония», «Беларусь», «Латвия», мини концептами внутри которых можно считать таковые: Тарту, Вярска; Витебск; Даугавпилс, Резекне, Валмиера и Цесис обладают лингвокультурным потенциалом для раскрытия их внутренней формы на различных уровнях: временном, пространственном и культурологическом⁶.

Ассоциативный эксперимент, проведенный со студентами юридического и исторического факультета ПсковГУ, оказался мало результативным. В ходе ассоциативного эксперимента были зафиксированы следующие реалии: Беларусь – Лукашенко, президент, Минск, картофель, хорошие дороги; Эстония – Балтийское море, Чудское озеро. Таллинн, Тарту, Европа, красивая страна, медлительные люди, конфеты Калев; Латвия – шпроты, ратуша, Рига, старый город.

Как видно из приведенного списка, упомянут только один породненный город Пскова из шести. Лингвокультурного профиля не только породненного города, но и страны совсем не складывается. Концептуальная картина пограничья не сформирована.

Сегодня мы готовы показать лишь начало работы по формированию концептосферы Пограничья в сознании студентов на примере концептов «Латвия»⁷ и «Эстония»⁸.

К ключевым лексемам, вербализирующим концепт «Латвия», относятся лексемы «Латвия», «латышский», «Рига», «Юрмала», коррелирующими лексическими единицами английского языка являются: «Latvia», «Latvian», «Riga», «Jurmala», коррелирующими лексическими единицами латышского языка являются: «Latvija», «latviešu», «Rīga» «Jūrmala». Они и составляют ядро полевой структуры концепта.

Для раскрытия внутренней формы концепта «Латвия» необходимо рассмотреть его на различных периферийных уровнях: временном, пространственном и культурологическом.

Временной уровень прежде всего представлен историей Латвии: Балты (Balt, Balti), Епископ Альберт (Bishop Albert, bīskaps Alberts), Польско-Литовское королевство (Polish—Lithuanian Kingdom, Polijas-Lietuvas karaļvalsts), немецкие крестоносцы (German crusaders, vācu krustneši), Ливонский орден (Livonian award, Livonijas ordenis) Ливония (Livonia, Livonija) 18 ноября 1918 г., 17 декабря 1918 г., 22 февраля 1922 г., Балтийский путь (Baltic way, Baltijas ceļš), «Ганзейский союз» («The Hanseatic union», «Hanzas savienība»), Северная война (Northern war, Lielais Ziemeļu karš), Вторая мировая война (Second World War, Otrās pasaules karš), СССР (USSR, PSRS) и т.д

Пространственный уровень представлен географией, природой и достопримечательностями: Рига (Riga, Rīga), Северная Европа (Northern Europe, Ziemeļeiropa), Старая Рига (Old Riga, Vecrīga), Церковь Святого Петра (Saint Peter's church, Rīgas Svētā Pēterā baznīca), Дом Черноголовых (the House of Blackheads, Melngalvju nams), Рундальский дворец (Rundalsky palace, Rundāles pils), Турайдский замок (Turaida Castle, Turaidas pils), Сигулда (Sigulda, Sigulda), Поместье Руменес (Rūmēne Manor, Rūmēnes muiža), Аглонская Базилика (The Aglona Basilica, Aglonas bazilika), Замок Ливонского ордена (The

---

концептов при обучении иностранному языку на неязыковых факультетах //Проблемы когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации. Сборник материалов международной научно-практической конференции. 10-12 ноября 2010 г. Псков: Издательство: ООО «Логос Плюс», 2010. – С. 220-224.

7 Исследование выполнено студенткой 1 курса юридического факультета ПсковГУ Самусевича Анной.

8 Исследование проводится студентками 1 курса юридического факультета ПсковГУ Ершовой Юлией и Стренцель Дианой.

Castle of the Livonian order, Livonijas ordeņa pils). Представлены глоссарии пространственного и временного уровней. По результатам исследования предложен топонимический портрет Латвии.

Описаны национальные символы страны: **Гимн Латвии «Боже, благослови Латвию!»** («God, Bless Latvia!», «Dievs, svētī Latviju!»), герб – красный лев и серебряный грифон (red lion and silver griffin, sarkans lauva un sudraba grifs), белая трясогузка (The white wagtail, baltā cielava), божья коровка (Ladybird, māriete), **ромашка** (chamomile, kumelīte), дуб (oak, ozols), **янтарь** (amber, dzintars), **памятник Свободы** (Milda, Milda), Даугава (Daugava, Daugava).

Культурологический уровень представлен поэзией, музыкой, литературой, искусством Латвии: 18 век (18th century, 18. gadsimts), эпос (epic, eposs), «Времена землемеров» («Mērnieku laiki»), Райнис (Rainis), Оярс Вацietис (Ojārs Vācietis), Имант Зиедонис (Imants Ziedonis), Вилис Олавс (Vilis Olavs). Он включает также национальный костюм и национальную кухню и представлен в исследовании глоссариями и мини — концептами.

Глоссарий по теме: “Latvian dress” выглядит следующим образом:

льняная рубашка с длинными рукавами, длинная юбка, брюки, жилет, венок. Особенными элементами латышского народного костюма являлись:

Постолы (pastalas) — сандалии из сыромятной кожи;

Виллаине (villaine) — женская накидка;

Сакта (sakta) — большая декоративная брошь.

Глоссарий по теме: “Latvian cuisine” выглядит следующим образом: путры — овоще-зерновые кашицы с добавлением сала, копченого мяса или рыбы, а также кисломолочных продуктов;

Путельсы — кислые овсяные и гороховые кисели, которые подквашиваются еще простоквашей или прибавлением к овсяной гуще кислого брусничного сока;

Буберт — манная каша со взбитыми белками и т.д.

В глоссарии по теме: “Latvian music” равно важные места наряду с именами музыкантов и названиями музыкальных произведений занимают ключевые слова: дайна (daina) — латышские народные песни, представляющие собой небольшие четверостишия, которые тяготеют согласно результатам нашего исследования к статусу ключевых лексем, покрывающих новое содержание концепта «Латвия». Наряду с ними выступают такие ключевые лексемы, покрывающие новое содержание концепта «Латвия»: дайна (daina), Ливония (Livonia), Даугава (Daugava).

Очень скромное исследование вербализаторов концепта «Latvia» в английском языке вывело нас на латышское слово razenāis, встречающееся в названиях песен, музыкальных произведений и музыкальных групп, которое переводится на английский язык как: strong, fertile, well—to—do, rich, effective, controlled, persistent, и тоже может претендовать на статус ключевой лексемы концепта.

Описание мини концепта «Латышские праздники» выявило конкурирующую с Днем урожая и даже с Рождеством неделю “Patriot week”, праздник, который был введен 11 ноября 2007 года и такой символ как Latvian ribbon (красно—белого цвета в форме латинской буквы V или числа 11). 11 ноября это день рождения эпического героя Lacplēsis (Bear—slayer), а также победы

латышских солдат над войсками Бермондта (первый период независимости). Мини концепт « Латышские праздники», как, впрочем, и другие мини концепты также обладают лингвокультурным потенциалом для раскрытия их внутренней формы на различных уровнях: временном, пространственном и культурологическом.

В антропонимическом портрете Латвии предложены представители искусства, музыки и литературы, политики и т.д. Например, в современный антропонимикон Латвии входят: Раймонд Паулс – композитор, Элеонора Тестелец – виолончелистка, Арвид Янсонс – дирижер, Майя Ковалевска – певица, Артур Озолиньш – пианист, Brainstorm (Prāta Vētra) — рок—группа, Майрис Бриедис – боксер, Лайма Вайкуле – певица, Гидон Кремер – скрипач, Михаил Барышников – танцовщик, Андрей Шульц – художник, Эдуард Бренценс – график, Мартиньш Круминьш — художник—импрессионист, Иван Эггинк — живописец и портретист.

Политический антропонимикон Латвии представлен различными именами: Янис Чаксте (Jānis Čakste), Густавс Земгалс (Gustavs Zemgals) , Вайра Вике-Фрейберга (Vaira Vīķe-Freiberga), Валдис Затлерс (Valdis Zatlers), Раймондс Вейонис (Raimonds Vējonis), Татьяна Жданок (Tatjana Ždanoka), Сигне Баляня (Signe Bāliņa), Карлис Улманис (Kārlis Ulmanis), Андриевс Ниедра (Andrievs Niedra).

Описание лингвокультурного концепта Estonia так же еще не закончено.

Временной лингвокультурный профиль Эстонии составляют ключевые даты: X век до нашей эры, XIII век, 1721, 24 февраля 1918, 1939, 8 мая 1990.

На культурном уровне Эстония представлена, прежде всего, символами страны и праздниками. Флаг Эстонии («sinimustvalge»), герб (Eesti vapp), гимн Эстонии (Eesti hümn), мелодия которого написана финским композитором немецкого происхождения Фредериком Пациусом, впервые прозвучал в 1869 году в городе Тарту.

Основные государственные праздники: 1 января –New Year (Новый год) (Uusaasta); 24 февраля – Independence Day (День независимости) (Iseseisvuspäev, Eesti Vabariigi aastapäev); 1 мая – Spring Day (день Весны) (Kevadpüha); 23 июня –Victory Day (праздник Победы) (Võidupüha); 20 августа – день восстановления независимости (Taasiseseisvumispäev); 25 декабря – Christmas (Рождество) (Jõulupüha).

Достопримечательности: Старый город, (в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО), Ревельская крепость на холме Тоомпеа (mäe Toorpea), замки Алатскиви (Alatskivi), Маарьямяги (Maarjamäe), Тоомпеа. Парк Тойла—Ору (Toila-Oru) на берегу Финского залива; Ратушная площадь Тарту; Церковь Олевисте (Oleviste kirik); музеи «Кик—ин—де—Кёк» и «Рокка—аль—маре».

В антропонимическом портрете Эстонии например, государственные деятели – Константин Пятс (Konstantin Pätsi), Арнольд Рюйтель (Arnold Rüütel); ученые – Иоган Эйхфельд (Johann Eichfeld), Карл Ребане (Karl Rebane); актеры – Теодор Альтерман (Theodore Alterman), Хильда Глезер (Hilda Glaser), Каарел Карм (Kaarel Karm); певицы – Ану Кааль (Anu Kaal), Маргарита Войтес (Margarita Voytes); режиссеры – Аугуст Вийра (August Viira), Вольдемар Пансо (Waldemar Panza); композиторы – Густав Эрнесакс (Gustav Ernesaks), Эвальд Аав (Evald Aav); писатели – Эгон Раннет (Egon Rannet), Бетти Альвер (Betty Alver), Аугуст Якобсон (August Jakobson).

Как видно из приведенного примера, исследователи находятся лишь в начале пути, но общее направление исследования представляется правильным. Оно подтверждает, что используемый когнитивно—концептуальный системный подход лингвострановедческого изучения страны является плодотворным.

Мы также предположили, и это подтвердилось в экспериментальном обучении студентов — историков, юристов и регионоведов, что использование методического потенциала концептов существенно способствует степени безошибочности трансформации языковой картины мира в языковом сознании студента и, следовательно, снижает риски непонимания в межкультурном общении.

В настоящее время студенты работают над лингвокультурным описанием породненных городов Пскова, описанием концептов породненных городов Пограничья: Тарту, Вярска, Витебск, Даугавпилс, Резекне, Валмиера, Цесис и составлением их лингвокультурных профилей, которые будут представлены на ежегодной студенческой конференции.

Впереди еще три месяца работы, но уже сейчас видно, что те из них, которые входят в выше обозначенное «поле» пограничья и составляются на основе лингвокультурных профилей их стран, получаются наиболее полными и безошибочными.

Опрос студентов, уже слушавших сообщения своих коллег, показал овладение ими ядерной структурой, ключевыми лексемами и вербализаторами концептов стран Псковского пограничья и породненных городов Пограничья на достаточном для адекватной межкультурной коммуникации уровне.

Об авторе

Мацевич Светлана Федоровна, кандидат педагогических наук, Псковский государственный университет, Россия.

Svetlana Fedorovna Matsevich, Associate Professor, Ph.D., Pskov state University, Russia.

E-mail: s_matsevich@mail.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АРГЕНТИНЕ

Статья посвящена преподаванию русской литературы в Университете Буэнос-Айреса. В ней описывается история и состав кафедры Славянских литератур, система курсов и дисциплин, посвященных русской литературе. Автор характеризует предмет и методологию обучения; анализирует проблемы изучения русской литературы студентами, не владеющими русским языком, а также представляет просветительский и научный контекст изучения русской литературы в Аргентине, включая ситуацию с переводами художественных и литературоведческих текстов. В завершении статьи намечаются образовательные и исследовательские перспективы работы кафедры Славянских литератур Университета Буэнос-Айреса.

Ключевые слова: преподавание русской литературы за рубежом, русская литература, перевод.

López Arriazu, Eugenio

TEACHING OF RUSSIAN LITERATURE IN ARGENTINA

The purpose of this article is to give an overview of the teaching of Russian literature at the University of Buenos Aires. The said overview comprises a description of the origin and history of the Chair of Slavic Literatures and the curricular organization of the courses. Also, the object and the methodology of study, the learning problems resulting from the study through translations and the importance of translations themselves for the formation of a reading canon are characterized. Finally, some perspectives and lines of future work for the chair are considered.

Keywords: teaching Russian literature abroad, Russian literature, translation.

Цель данного доклада – обрисовать общую картину преподавания русской литературы в Аргентине сегодня. В Аргентине существует лишь одна университетская кафедра, где изучается и преподается русская литература; это – кафедра Славянских литератур на Факультете философии и литературы в Университете Буэнос-Айреса. Кафедра была открыта в 2003 году, и хотя в соответствии с названием она должна включать, кроме русской, и другие славянские литературы, пока предмет внимания кафедры – только русская литература. Это само по себе говорит о центральном месте в Аргентине русской литературы по сравнению с другими славянскими литературами.

В Университете Буэнос-Айреса учатся 263.000 студентов, согласно последней переписи 2011 года. На Факультете философии и литературы, где, кроме направления филологии, предлагаются еще восемь направлений, учатся 15.000 студентов. На нашей кафедре каждый год учатся от 100 до 150 (ста пятидесяти) студентов. Кафедра проводит аудиторные занятия в первом семестре, по 6 астрономических часов в неделю. Из них 4 часа посвящены общеобязательному курсу, который читает заведующий кафедрой и слушают все студенты. Эти занятия носят, в основном, теоретический характер. Остальные два часа отданы на курсы, разработанные другими преподавателями; их посе-

щают не более тридцати студентов. Для углубления знаний студентов члены кафедры могут предлагать спецкурсы во втором семестре. В структуре нашей кафедры четыре преподавателя, один начальник и заведующий. В обязанности начальника входит преподавание маленькой группе студентов и помощь заведующему в координации теоретических лекций с практическими занятиями.

Содержание курса определено по его месту в учебном плане направления Филология. Поскольку это единственный курс русской литературы, на первое место кафедра может поставить литературу любой исторической эпохи. Однако вообще кафедра преподаёт литературу девятнадцатого и двадцатого веков; начиная с Пушкина и заканчивая советской литературой. Курс «Славянские литературы» могут выбирать студенты разного уровня подготовки. Например, к нам могут прийти студенты, которые только что поступили в университет (до этого они могли изучить только Литературную теорию и Грамматику), а также студенты, для которых это будет последний курс перед дипломом. Этот курс могут выбрать студенты, для которых он будет единственным курсом зарубежных литератур, и студенты, которые выбрали зарубежную литературу как специализацию. Кроме того, его могут выбрать студенты других направлений. В результате, курс имеет общеобразовательный характер. Его главная цель – передать студентам общую систему русской литературы.

Ещё одна из главных целей курса – тренировать будущих исследователей. Хотя студенты лишь на последние два года обучения должны выбрать профиль, стать преподавателями или исследователями, общее преподавание направлено, в основном, на обучение исследователей. Это имеет методологические последствия. В первую очередь, мы не преподаём русскую литературу как собственно историю русской литературы. Исторические периоды обычно преподаются хронологически, но всегда есть возможность и необходимость сравнивать тексты разных исторических периодов или начинать с текстов более современных и, следовательно, близких к реальности студентов.

Во вторую очередь, программы составлены таким образом, чтобы они могли являться инструментами исследования. Так, обычный прием – давать в программе общую тему, которой можно пользоваться для противопоставления текстов. Например, выдвигаются герменевтические вопросы, на которые надо отвечать предложением гипотезы, и ее следует доказывать анализом текста. В последние годы некоторые темы программ были, между прочим, такие: «Проблема зла в русской литературе», «Биографические образы в русской литературе», «Канонические и неканонические авторы», «Политика и революция в русской литературе».

Наконец, курс должен давать студентам общую панораму не только литературных произведений, но и контекста, показывать общую идею критической работы с текстами. Преподавателю надо не только показать проблему, обсуждённую критикой, но, в идеале, на примере разных позиций критиков стимулировать рефлексию студентов. Надо ещё сказать, что критическая работа над произведениями не ограничивается областью собственно литературоведения; для анализа используются философские, социологические или теоретические тексты, например, работы В. Беньямина, Р. Барта, М. Фуко или Ж. Делеза.

Что касается аттестации, есть два режима: с финальным экзаменом, либо

без него. Разница между ними в том, что в последнем варианте, вдобавок к двум промежуточным экзаменам, студенты должны написать эссе (примерно 15 стр.) до окончания семестра. В варианте с финальным экзаменом у студентов есть возможность его сдать в течение двух лет. Экзамен устный, и может включать защиту эссе. Таким образом, система аттестации тоже ориентирована на исследование.

Чтобы понять состояние преподавания русской литературы в УБАе, надо иметь в виду еще один важный факт: наши студенты читают тексты по-испански. Во-первых, это значит, что выбор текстов зависит от существования перевода. Это не является проблемой с классиками: произведения Гоголя, Тургенева (хотя его пьесы увидели свет на испанском только два года назад), Толстого или Достоевского полно переведены. Но с включением в программу таких авторов, как Н. Некрасов, И. Гончаров или Н. Лесков возникают трудности, здесь выбор сильно ограничен. Даже Пушкин переведен не полно. По-испански еще нет его писем, его публицистической прозы, его “Истории Пугачёва” и большинства его лирических произведений. Выбор текстов современной литературы XX и XXI веков, естественно, еще больше ограничен. Что касается литературоведения, ситуация здесь не только хуже, но и вообще очень проблемна. Достаточно сказать что, например, полного перевода работ Ю. Лотмана о Пушкине (даже «Биографии Пушкина») нет. Также не переведены пушкинские работы Б. Томашевского, Ю. Тынянова, В. Шкловского... Следовательно, преподаватели вынуждены передавать студентам содержание критических текстов.

Во-вторых, выбор наличных переводов не только воздействует на педагогическую методику, но также на формирование канона, который не всегда согласован с литературным канонem в России. Это, конечно, зависит не только от наличия переводов, но и от истории переводов, т. е. от истории введения русских авторов в испаноговорящий мир вообще, и в Латинскую Америку и в Аргентину, в частности. Несколько примеров: центральный канонический для русской культуры автор, Пушкин, менее популярен, чем Достоевский, Гоголь или Толстой. И наоборот, В. Шкловский, благодаря его центральному месту в теории русских формалистов, почти всегда включен в программы; и переведены его “Третья фабрика” и “Жили были” (2012, Fondo de Cultura, Buenos Aires). В области критики еще очень популярен М. Бахтин, и мы можем сказать, что, по причине, между прочими факторами, отсутствия переводов, постсоветское литературоведение совершенно неизвестно в Аргентине.

Как я уже упоминал, кафедра Славянских литератур была открыта в 2003 году. Текущее состояние преподавания во многом зависит от ее истории и развития. Кафедра, как я уже говорил, была первой университетской кафедрой, где изучалась русская литература. Следовательно, у нас не существовало традиции славистики или русистики, не было университетских профессоров, которые владели бы русским языком и профессиональными знаниями в области критики и литературы. Для создания кафедры было важно, чтобы заведующий имел докторский диплом. В результате два первых заведующих кафедрой не знали русского языка, и только два преподавателя, которые были переводчиками, им владели.

При такой ситуации в области русистики не удивительно, что остальные славянские литературы, не имея ни одного представителя среди преподавате-

лей, просто никогда не включались в программы. И это несмотря на то, что на нашем факультете уже 10 лет преподается курс словенского языка, в прошлом году открылся курс хорватского языка, и что в нашей стране есть большие общины чехов, поляков и украинцев.

Надо добавить, что три года назад заведующая кафедрой ушла с должности, кафедра осталась без руководителя и в результате перестала работать в полную силу. Только в этом году состоялся конкурс, который я выиграл. С будущего года я начну свою работу в качестве заведующего.

Кроме преподавания курсов, кафедра еще имеет обязанности, которые влияют на качество преподавания. Во втором семестре члены кафедры регулярно собираются вместе для формирования новой программы для следующего года. Также кафедра осуществляет научные исследования, как собственные, так и в рамках больших официальных программ университета. В работе кафедры участвуют студенты, которые могут выбрать свою тему исследования и в течение двух лет работать над ней. Кафедра приветствует участие студенческих групп, а также выпускников в научной работе. Например, сейчас такая группа работает над проектом: «Русский самиздат». Фигура студента-исследователя для кафедры очень важна, потому что это дает возможность готовить будущих исследователей и преподавателей, у которых уже есть интерес к русской литературе и которые часто владеют русским языком.

Преподавание русской литературы в нашем университете имеет огромный потенциал. Мне хотелось бы теперь сказать о перспективах работы кафедры.

В последние два года произошел ряд событий, в которых кафедра могла бы участвовать, и которые еще ждут ее участия.

Во-первых, в университете уже сформировалась группа филологов и переводчиков, работающих под моим руководством над темой “Переводы с русского на испанский”.

Во-вторых, теперь на кафедре четверо из шести членов говорят по-русски. Это дает возможность пополнять методический фонд кафедры переводами текстов как учебных материалов.

В-третьих, в Буэнос Айресе уже существует большая группа переводчиков с русского языка, которые постоянно работают для разных издательств. Это новая ситуация, выгодная для нас в двух отношениях: мы теперь меньше зависим от переводов, сделанных в Испании, и не прямые переводы (сделанные с языка-посредника) постепенно теряют престиж. Если издательство знает о включении определенной книги в программу университета, оно скорее ее издаст.

В-четвертых, в прошлом году в Буэнос Айресе было основано “Аргентинское Достоевское Общество”, филиал “Международного Достоевского Общества”. Его цель не только популяризировать творчество великого русского писателя, но и помогать распространению русской литературы вообще и ее исследованию в частности.

В-пятых, Аргентинское Достоевское Общество провело в этом году (2016) в Буэнос Айресе “Первую национальную конференцию славистики”. Это важное событие пробудило сильный интерес у исследователей и преподавателей нерусских литератур и языков. Это, без сомнения, поможет включению не-

русских литератур в программы нашей кафедры. Таким образом, всё готово, чтобы кафедра и АДО вместе организовали будущую Вторую конференцию славистики в 2018 году.

В завершении доклада, я хочу упомянуть о задачах, ещё не осуществлённых. Для усиления исследования и общего улучшения преподавания, надо включить изучение русского языка на нашем факультете. Кроме того, кафедре надо общаться с миром. Важная задача – установление связей с другими факультетами мира. Кроме того, мы планируем издавать собственный журнал, что помогло бы распространять наши работы и устанавливать связи с другими исследователями-славистами в России и в мире.

Об авторе

Лопез Арриазу Эухенио, доктор филологии, профессор, Университет Буэнос Айреса, Аргентина.

Eugenio López Arriazu, Professor, Doctor en Letras, Universidad de Buenos Aires, Argentina.

E-mail: earriazu@yahoo.com.ar

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ПОГРАНИЧЬЯ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОСОБИИ «РУССКАЯ КУХНЯ И ПРАЗДНИКИ»**

В статье обсуждается специфика организации процесса обучения иностранному языку в мультикультурных группах со студентами уровня бакалавриата в условиях поликультурной образовательной среды. В работе оговаривается важность продвижения русской культуры за рубежом, а также необходимость поддержки и защиты русского языка как величайшего национального достояния. На примере пособия «Русская кухня и праздники» рассматривается возможность познакомить представителей разных этнокультур с русской культурой и русским языком через призму предмета иностранный язык.

Ключевые слова: мультикультурный, поликультурный, поликультурная образовательная среда, этнокультура, лингвокультурный.

S. Matsevich, S. Murray

**LINGUOCULTURAL FRONTIER AS PRESENTED IN ENGLISH STUDY GUIDE
“RUSSIAN CUISINE AND HOLIDAYS”**

The article deals with foreign language education in a multicultural context. It focuses on the specific characteristics of teaching English in a multicultural group of undergraduate students. By covering the importance of promoting Russian culture abroad, it also addresses the issue of the protection and support of the Russian language as the greatest national treasure. In light of a foreign language course, the study guide “Russian cuisine and holidays” welcomes students from different cultures to learn more about Russian culture and the Russian language.

Keywords: multicultural, multicultural educational environment, ethnic culture, linguocultural, national cuisine, holiday tradition

В современных политических и социально-экономических условиях важно обратить внимание на культурное влияние нашей страны в современном мире. Культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения – народом, нацией. Русская культуросфера, по мнению Д.Лихачева¹, одна способна убедить каждого образованного человека в том, что он имеет дело с великой культурой, великой страной и великим народом. Сегодня важно не только сохранять и развивать русскую культуру, но и формировать привлекательный образ России как высококультурной страны на мировой арене. Наряду с активной пропагандой достижений русской культуры через российские и мировые СМИ, приоритетными должны стать такие аспекты российской культурной политики, как: активная трансляция ценностей русской культуры через культурные центры за рубежом; развитие научно—образовательного и культурного обмена; а также развитие молодежной культурной политики, особенно в системе образования и просвещения, творческой деятельности.

1 Лихачев Д.С. Культура как целостная среда. – Новый мир. — 1994. — №8.

Важность продвижения и изучения русского языка и культуры как в условиях внутреннего, российского образовательного пространства, так и за рубежом очень велика. Лингвисты, изучающие положение русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья, филологи из этих стран отмечают, что знание русского языка обеспечивает самостоятельное освоение новой информации, обмен научными знаниями, расширяет возможности культурного общения. Этим объясняется сохранение русского языка, повышенный интерес к нему в целом ряде государств. Авторитет русского языка по-прежнему очень высок в мире. Знание русского языка обеспечивает каждому человеку возможность общения с людьми других национальностей и открывает новые перспективы международного и межнационального сотрудничества. В странах Западной Европы после резкого сокращения объемов изучения в конце 90—х годов намечается рост интереса к изучению русского языка. Из этого следует, что, наряду с упрочнением роли русского языка как одной из важнейших социально — культурных составляющих объединения российского гражданского общества, актуальной остается:

- необходимость поддержки русского языка как средства межнационального общения;
- необходимость укрепления позиций русского языка в мире для дальнейшего развития политических, экономических, социальных и культурных отношений с зарубежными странами, а также русскими диаспорами в них;
- формирование положительного отношения к России в мировом обществе.

Авторы пособия «Русская кухня и праздники» сделали попытку пригласить представителей разных культур к диалогу и направить весь процесс обучения не только на приобретение инструментов владения иностранным языком, но и на трансляцию русской культуры через русские народные традиции посредством описания реалий русской жизни на английском языке.

Проблема организации обучения иностранному языку в многонациональной группе, членами которой являются представители разных этнокультур, в наше время является очень актуальной. Одной из основных целей обучения английскому языку является развитие способностей использовать английский язык как инструмент общения в диалоге культур и цивилизаций современного мира. В условиях интеграции иностранных студентов в русскую культуру через призму дисциплины иностранный язык эта цель приобретает первостепенное значение.

Учебная деятельность в мультикультурных группах предполагает познавательное обучение, подлинный обмен информацией, использование иностранного языка при решении коммуникативных и социальных проблем. Основными *принципами* обучения в таких группах являются: принцип сотрудничества и принцип осуществления запросов или исследования. При выработке *стратегии* обучения преподаватель должен использовать разнообразные актуальные темы занятий и виды заданий, повышающие мотивацию и направленные на преодоление этноцентристских установок и стереотипов обучающихся, и способствующих созданию условий для интеграции личности в поликультурную образовательную среду, где *поликультура* — это не просто сумма

культур, а их неповторимое единство.²

Поликультурность человека закладывается вовсе не на генетическом уровне. Она социально детерминирована и должна воспитываться в ходе образовательного процесса. Понятие «поликультурная образовательная среда» включает в себя не просто общую поликультурную направленность образовательного пространства, но и личностно-ориентированный образовательный процесс. Основная функция поликультурной образовательной среды в гуманитарном вузе заключается в обеспечении толерантного отношения и эффективного взаимодействия между субъектами образовательного процесса при условии создания среды, позволяющей будущим специалистам постичь культурные ценности, нормы поведения других народов; сформировать опыт позитивного межкультурного взаимодействия. С одной стороны, поликультурная образовательная среда способствует формированию национальной идентичности личности, а с другой – обеспечивает подготовку будущих специалистов к пониманию других культур, признанию и принятию культурного разнообразия.

Содержание пособия «Русская кухня и праздники» направлено на создание условий для поликультурного развития личности и ее открытости другим культурам, в частности, русской культуре. Русская культура, являясь синкретичной, диалогична по своей природе. Она выработала способность вбирать в себя, ассимилировать, не разрушая, элементы других культур, способность к бесконфликтному существованию и взаимодействию с различными этносами, религиозными и социальными группами. В своей работе авторы ориентируются на диалогический способ связей человека с человеком, нации с нацией, а также, современности с прошлым. Материал и разработанная система упражнений пособия нацелены на создание условий, влияющих не только на формирование личности студентов как будущих специалистов, но и на их готовность к эффективному межкультурному взаимодействию, эмпатии, сохранению национальной идентичности и пониманию других культур, терпимому отношению к представителям других культур и этносов. Содержание изучаемого материала также обращено к субъектно-ценностным свойствам знаний, так как востребует комплекс личностно-значимых ценностей: духовность, культурную идентичность, способность к творчеству; гражданственность, свободу, ответственность.

Наряду с созданием условий для познания студентами собственной и иных культур на занятиях по иностранному языку в любом типе групп (монокультурной, поликультурной), дополнительной миссией пособия «Русская кухня и праздники» является продвижение русского языка и культуры за рубежом. Для преподавателей английского языка, сталкивающихся с проблемами недостаточного владения иностранными студентами русским языком при относительно высоком уровне владения ими иностранным языком привлекательна идея использования данного раздела для снятия трудностей при организации изучения иностранными обучающимися русской культуры.

В первом разделе пособия авторы рассматривают пищу как особый способ узнавания реальности, воплощения в ней разных этносов и культур. Гуманитарная мысль XX века, акцентировав свое внимание на истории и культуре

---

2 Новолодская С.Л. Дефиниция понятий «поликультурный и мультикультурный» // Вектор науки ТГУ. — №1(8). 2012 .

повседневности, привлекла внимание к феномену пищи, как важной низовой форме культуры, имеющей в ней высокий семиотический статус. Пища есть особый способ узнавания реальности, воплощения в ней. Культурологические исследования последних лет убедительно доказывают, что именно повседневные ритуалы интегрируют человека в этнос и нацию³.

Вглядываясь в предметы быта наших предков, мы задаёмся вопросом «Кто мы есть и откуда пошли?» Ответить на этот вопрос помогает и старая фотография, и старинная песня, и забытый костюм, и национальная кухня. Окунуться в атмосферу старого времени, заглянуть в свое прошлое это крайне увлекательное путешествие. Читая русских писателей 19 века – Шмелева, Гиляровского, Гоголя, мы окунаемся в удивительную атмосферу прошлой жизни, и описание застолий вызывает у нас не только гастрономические чувства, а сообщает нашей памяти удивительные подробности исторической правды.⁴

Изучая старинные предметы быта, мы задаемся вопросами, связанными с их назначением. Поиск ответов на такие вопросы неизменно выводит нас на широкие пласты материальной культуры. Например, в качестве орудия приема пищи у русских превалирует ложка. Именно этот предмет соответствует типу еды русских — каша. Этому есть и языковые подтверждения. Типично русская еда — каша, о чем свидетельствуют многочисленные пословицы: «Каша — мать кормилица наша», «где каша, там и наши», «без каши — обед не в обед». Человека, не способного принимать решения, нерешительного и сегодня называют «размазней» (каша – размазня). О слабом человеке говорят: «Мало каши ел».⁵

И, конечно, русская национальная кухня интересна не только русскому человеку, а представителю любой национальности. Узнав ее, легче понять характер народа, его историческое прошлое.

В современном мире состояние национальных типов питания становится проблематичным, их сохранение не соответствует ценностям современной жизни: успеха и скорости жизни. Невозможность поддержания функционирования национальной кухни на уровне повседневной жизни грозит ее разделением и утратой важной части национальной культуры и, следовательно, национального самосознания. Специфику национальной кухни нельзя полностью вывести из особенностей экосистемы, в которой она формировалась. По мере исторического и культурного закрепления определенного набора продуктов и традиций их приготовления и употребления в рамках национального типа питания можно увидеть воплощенные в нем ментальные установки и культурные стратегии этноса⁶.

Будучи продуктом типично американского образа мыслей и жизни, фаст фуд распространился по всему миру, став символом глобализации и сопутствующих ей ценностей. Уничтожая естественную бинарность пищи «своя —

---

3 Арутюнов С.А. Карта культур питания народов мира// Этнографическое обозрение. — 2011. — №1. — С. 7—16.

4 Русская кухня. Сборник старинных рецептов/ Сост. В.М.Башарина, Л.В.Ершова, З.П.Крылова. — Рига: Зинатне, СП Латхааг, 1990.

5 Величко Е.М. Русская народная кухня/ Е.М. Величко, Н.И. Ковалёв, В.В. Усов. — М.: Колос, 1992.

6 Кулинарные традиции мира: Современная энциклопедия/под ред. Е. Ананьевой, Л. Минца. —М.: Аванта+, 2003.

чужая», фаст фуд располагает к формированию упрощенного мирового пространства и утрате национального самосознания⁷.

Еда также играет большую роль в проблемах межкультурного общения, часто является источником конфликтов культур. Дико предлагать грибы, например, финнам, считающих их чуть ли не ядовитыми. Иногда трудно даже попробовать чужую кажущуюся несъедобной пищу. А меж тем отказ от угощения у многих народов – прямое оскорбление.

Праздники и праздничные традиции, как и национальная кухня, также играют важную роль в жизни любого социума. Именно они часто демонстрируют важные особенности национальных культур и исторического становления народов. Знаменитый русский философ М.М. Бахтин⁸ отмечал, что праздник и празднование в жизни любого народа всегда имело «существенное и глубокое смысловое, мирозерцательное значение», это как бы «вторая жизнь» народа. Поскольку любые национальные праздники тесно связаны с традициями и обычаями, историей и культурой конкретного коллектива, им присуща своеобразная идеология и специальная организация, сценарии.

Русские праздники и праздничная культура, как и в других странах, формировались под влиянием многих факторов. Во-первых, в России и во всем мире сильнейшее воздействие на формирование праздничного календаря и особенностей народных развлечений оказали языческие верования (*Масленица*). Во—вторых, важнейшую роль в становлении системы праздников, развлечений, образа жизни и мировоззрения сыграла христианская религия. *Христианские праздники* преследовали и продолжают преследовать цель приобщения человека к событиям, описанным в Новом Завете, зачастую воспроизводят ключевые моменты из биографии Иисуса Христа, тем самым, конструируя особо рода религиозную ритуальность, обрядовость и традицию (Рождество, Пасха, Крещение). В—третьих, историческое развитие государств мира, начиная с эпохи Ренессанса, приобретало все больше *секуляризационные формы*, ослаблялась роль церкви, и усиливалось политическое и патриотическое влияние на образ жизни населения. Примерно с середины XVI века в России и всей Европе начинается процесс формирования национальных государств, в связи с чем, вопрос о национально—государственной идентичности граждан и подданных стал одним из определяющих в общественной жизни. В данном контексте начинает меняться и праздничная культура в том числе: появляются новые виды праздников и развлечений, часто связанных со спецификой государственного устройства и идеологией стран. Сюда относятся праздники, связанные с ключевыми моментами в истории государств (например, День Победы, День Единства). В связи развитием капиталистических отношений, научно—техническим прогрессом, борьбы различных социальных групп за права и свободы в России и мире появляются новые виды праздников. Среди таковых можно назвать *профессиональные праздники* (например, День Учителя, День военно-морского флота и т. п.). К *смешанным формам* праздников, опосредованных историческими событиями, достижениями общечеловеческого характера, памятными датами, а, также, почитанием отдельных категорий членов общества, можно отнести следующие: день образования Красной армии, 23

7 Сохань И.В. Пицца. Еда. Застолье// Человек. — 2009. — №3. — С. 115-126.

8 Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — 2-е изд. — М.: Худ.лит. — 1990.

февраля, который впоследствии приобрел черты «праздника всех мужчин», защитников Отечества; женский праздник 8 марта, который изначально являлся памятной датой в честь завоеваний женщин в борьбе за свои трудовые права и свободы. К праздникам особого рода принадлежат такие известные во всем мире праздники, как семейные: День матери, День защиты детей, День отца, Всероссийский день семьи, любви и верности. Некоторые праздники представляют собой памятные даты событий, имеющих высокое культурное, гуманистическое, научное значение, как, например, День космонавтики.

Во втором разделе пособия авторами также сделана попытка создания лингвокультурного профиля Пскова и Псковской области как региона. Так, текстовые материалы и упражнения содержат сведения о Всероссийских праздниках: Всероссийский пушкинский праздник – День поэзии, Всероссийская масленица, День города.

Пограничность была и остается главной, определяющей особенностью Псковской земли, которая обусловила развитие военного, торгового и культурного посредничества. Псковичам был присущ особый художественный тип осмысления и преобразования действительности, удержания и передачи его новым поколениям. Эту культурологическую особенность удачно сформулировал Д.С. Лихачев. Он отмечал, что с древнейших времен русская культура больше всего развивалась на границах государств, там ей приходилось выражать себя особенно ярко, чтобы не смешаться с культурой соседей. «Псков был пограничным городом, и в нем больше, чем где бы то ни было, выражено русское начало — культура, с одной стороны, очень устойчивая, с другой — не враждебная остальным»⁹. Вышеозначенные особенности во многом определили развитие культуры Псковской земли, которая нашла широкое восприятие в русском и российском государстве. Сегодня политико-географическое положение Псковской области предопределяет налаживание тесных социально-экономических и культурных контактов, прежде всего, со странами северной и западной Европы.

Разделы пособия «Русская кухня и праздники» могут использоваться отдельно, поэтому разделены структурно и содержат разные приложения. Их можно рассматривать в качестве двух модулей общей темы: Русская культура, а также использовать в учебном процессе параллельно. Авторская концепция подразумевает возможность свободного оперирования материалами обеих частей преподавателем с целью творческого построения образовательной траектории учебной группы в зависимости от ее состава, уровня владения английским и русским языком, интересов, потребностей, предпочтений и реконструкции или моделирования, и включения реальных ситуаций общения в процесс обучения. Оба раздела включают тексты в качестве базового компонента и комплекс заданий — упражнений, направленных на формирование языковых, коммуникативных и лингвокультурных компетенций обучающихся.

Предлагаемые авторами *виды работы* это: проверка понимания и обсуждение прочитанных текстов, открытые вопросы, подразумевающие разные ответы и порождающие новые вопросы, комментирование прослушанных монологов, обмен мнениями по единой теме, сравнение идиоматических выражений на разных языках на основе их ценностно-ориентированного анали-

за, передача содержания, перевод текста, реферирование и аннотирование текстовых материалов, выполнение проектов и презентаций.

В сборнике представлена подборка текстов для перевода с русского языка на английский. Основной задачей этих заданий не является литературный, а, скорее, свободный перевод, цель которого заключается в правильной передаче исходной информации на английском языке.

Изучение феномена русской национальной кухни и праздника на сегодняшний день является весьма актуальной и востребованной, в особенности, в условиях поликультурной образовательной среды. В современных условиях специалисту уже недостаточно иметь определенный уровень приобретенных профессиональных знаний, умений и навыков. Ему необходимо наличие общей культуры, способность к адаптации в изменяющихся условиях, знание иностранного языка, знание своей собственной культуры, а также, языка и культуры страны проживания.

Об авторах

Мацевич Светлана Федоровна, кандидат педагогических наук, доцент, Псковский государственный университет, Россия.

Svetlana Fedorovna Matsevich, Associate Professor, Ph.D., Pskov state University, Russia.

E-mail: s_matsevich@mail.ru

Мюррей Светлана Леонидовна, независимый исследователь, Колумбия, Южная Каролина, США

Svetlana L. Murray, an independent researcher, Columbia, South Carolina, USA

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ОПИСАНИЯ ПСКОВСКИХ РЕАЛИЙ ГАНЗЕЙСКОГО ПЕРИОДА

Целью статьи является анализ англоязычных номинаций псковских реалий Ганзейского периода с точки зрения точности передачи культурной информации. Определяются лингвистические стратегии, способствующие осуществлению эффективной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: псковские реалии ганзейского периода, культурно-значимая информация, ксеноним.

L.Y. Dudchenko

THE PECULIARITIES OF CONVEYING THE PSKOV REALIA OF THE HANZA PERIOD IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article aims at analyzing how cultural information is conveyed in the existing English nominations of the Pskov realia (culture—specific words) of the Hanza period. The strategies for an effective cross—cultural communication are defined. *Keywords:* Pskov realia of the Hanza period, culture—specific information, xenonym.

Исследования в области англоязычного описания псковских реалий приобрели системный характер около десяти лет назад в рамках школы *интерлингвокультурологии*¹, новой дисциплины, сосредоточенной на способах описания культуры средствами иностранного языка. Становлению нового направления в лингвистике способствовали глобализационные процессы, ускорившие межкультурные контакты, а также стремление культур к сохранению национальной идентичности и попытка передать особенности национальной культуры. Лексика Псковского края, расположенного на пересечении нескольких культур, представляет особый интерес для исследователей, поскольку отражает многовековые процессы взаимовлияния культур приграничных территорий. Изучению особенностей англоязычного описания псковской лексики в рамках школы *интерлингвокультурологии* посвящены работы И.С. Кашеваровой, Л.Ю. Дудченко².

Исследования в области истории средневекового Пскова приобрели особую актуальность в связи с изучением особенностей становления русской государственности, в частности, условий формирования вечевой республики в условиях пограничья и интересом к внешнеэкономическим и культурным контактам Пскова с Ганзейским Союзом³. Достаточно скудные письменные и археологические источники позволяют составить определенное представление о характере и объемах торговли Пскова с соседними землями, а через них и с Западной, Северной и Восточной Европой в последней трети XIII-XVII вв., а также позволяют проследить общие тенденции в развитии экономического сотрудничества жителей Пскова с представителями иностранного купечества. Из ганзейских городов Псков наиболее активно торговал с Дерптом, Ревелем, Данцигом, Любеком и Ригой. Развитию контактов Пскова с ганзейскими

городами способствовало его географическое положение, государственное устройство и становление суверенитета, и хотя Псков не являлся партнером Ганзы, историки особо выделяют псковский филиал одной из четырех контор (Kontor) Ганзы, где у немцев имелась собственная церковь.

Языком межкультурного общения того периода считается нижненемецкий «... the Low German language of the Hanseatic League functioned as an international language of commerce and diplomacy throughout Northern Europe from Novgorod and Pskov to England and Scotland, including Scandinavia and the Baltics»¹ (Языком Ганзейского Союза был нижненемецкий, который являлся языком международного общения в области коммерции и дипломатии на территории всей Северной Европы от Новгорода и Пскова до Англии и Шотландии, включая Скандинавию и Прибалтийские земли). По сложившейся традиции тех времен переводчиками выступали билингвы, жившие в приграничных районах, но с течением времени спрос на переводчиков увеличился, и, начиная с XIII века, Ганза посылает молодых людей не старше двадцати лет в Новгород и Псков учить русский язык. К XV веку это становится традицией. Стоит отметить, что такой привилегией пользовались только молодые люди из Ганзейских городов, голландцам и англичанам в этой привилегии было отказано. Будущие переводчики—толмачи селились не только на Немецком дворе в Новгороде, но и в боярских домах, как в Новгороде, так и в Пскове². Таким образом, ганзейские толмачи имели возможность приобрести навыки устного перевода разговорного русского языка. Западные исследователи не располагают данными о русских толмачах до XV века, изучавших языки ганзейского союза, немецкого в частности. В исследовательской литературе упоминаются имя толмача Дмитрия Герасимова, предположительно родившегося в 1465 год в Пскове, обучавшегося языкам в городах Ганзейского союза, впоследствии переведенного в Москву в распоряжение Великого князя. Как известно, большая часть псковских документов ганзейского периода утрачена. Очевидно, что большая часть документов тех времен представлена на языке Ганзейского Союза, что позволяет сделать вывод об одностороннем характере языковых контактов Ганзейского союза до XV века.

Появившиеся в последнее время англоязычные источники по истории и культуре Пскова средневекового периода позволяют с большей объективностью исследовать особенности функционирования английского языка межкультурного общения в приложении к русской культуре (АЯМО РК) и псковской культуре (ПК), в частности. В теории интерлингвокультурологии единицы, описывающие элементы родной культуры, именуются *идионимами* (от греческого *идиос* “личный, собственный” + *оним*). Эти лексические единицы, описывающие элементы родной, в данном случае русской культуры, возникают в результате первичной вербализации культурного континуума. Так, в русском языке существует идионим «верста» для обозначения меры длины, равной 500 сажням, что составляет приблизительно 1.07 километра (0.66 мили). В англоязычной культуре единица для обозначения длины, среди прочих — «a mile», которая составляет «... 8 фурлонгов = 1760 ярдов = 5280 футов = 1609,34 метра (160934,4 сантиметра)»¹. При описании внешней

---

1 Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение интерлингвокультурологию. – СПб.: изд-во СПбГУЭФ, 2012 г. – 255 с.

(иноязычной) культуры в лексиконе языка формируются особые единицы – ксенонимы для обозначения реалий, характерных для инолингвокультуры. Ксенонимы (от греческого ксенос “иностранный” + оним) – лексические единицы, обозначающие специфические элементы внешних культур, в данном исследовании реалии псковской культуры, описываемые средствами английского языка. При контакте русской и англоязычной культур в русском языке появляется единица «миля», в английском языке – «verst», одно из ранних заимствований русской терминологии, зарегистрированных в Oxford English Dictionary.

Согласно теоретическим положениям интерлингвокультурологии, эффективная коммуникация зависит от способа номинации ксенонима, наиболее полно передающего значение идионима. Это подразумевает легкость перехода от ксенонима к идиониму, то есть ксенонимическую обратимость. Идионим-прототип, например, *corrida* (исп.) коррелирует с семиксенонимами *corrida* (англ.), *коррида* (русск.) и т.д., в то же время эти ксенонимы коррелируют друг с другом, так как они восходят к одному идиониму – прототипу. Абсолютная обратимость возможна, когда вместо ксенонима используется сам идионим – прототип. В таком случае он заимствуется (трансплантируется) без изменений. Появление в словаре ксенонима-трансплантата можно считать завершением процесса поисков оптимального варианта обозначения данного элемента внешней культуры. Примером может служить языковая единица «*shchi* : Russian cabbage soup», зарегистрированная в Oxford Encyclopedic English Dictionary.

Как показывают результаты исследования ксенонимического континуума, одним из наиболее продуктивных способов образования ксенонимов считается заимствование. В рамках традиционного подхода к передаче элементов культуры заимствование подвергалось критике и считалось неудачным способом передачи культурной информации². Несмотря на то, что в современной лингвистике проблема заимствования относится к числу остро дебатированных вопросов, актуальность данной темы напрямую связана с возрастанием осознания этноидентифицирующей функции языка. На современном этапе развития лингвистики все прочнее утверждается мнение, что заимствование — факт неизбежный, так как любая этническая общность, сколь бы развитой она ни была, не может полноценно существовать в условиях культурно-языковой изоляции и, как следствие, полной языковой «стерильности». «Политика «языкового протекционизма», обусловленная желанием обходиться исключительно ресурсами родного языка, культивируя его самодостаточность, по сути своей утопична и лишена исторической перспективы»². Именно заимствования делают возможным аутентичное воспроизведение иного образа жизни с присущими ему специфическими реалиями, что находит свое подтверждение в корпусе примеров англоязычных номинаций псковских реалий ганзейского периода.

Проанализируем, насколько полно передается объем культурной информации в англоязычных номинациях на примере единицы «князь». Наиболее частотным вариантом можно считать номинацию «*prince*»:

2 Дудченко Л.Ю. Особенности англоязычного описания псковских реалий. // III псковские региональные краеведческие чтения, 10-12 октября 2012 г. – Псков-Москва, 2013 г. – С.262-266.

Prince Dovmont, Prince Mstislav Vsevolodovich. Между тем единица «prince» традиционно означает: 1. представителя королевской семьи, сына или внука (принц Чарльз, принц Уильям); 2. правителя, особенно небольшого государства (глава Монако – принц Альберт)³. Русская единица «князь» включает следующие значения: 1. правитель государства или государственного образования; 2. наследственный титул. Словарь В. Даля включает помету «новг., пск. взятый на службу, на жалование, в войско». Следовательно, использование единицы «prince» для номинации псковских князей представляется неубедительным, может считаться аналогом, который лишь приблизительно передает культурный компонент значения слова. Следует отметить, что единица *knyaz* зарегистрирована в электронных словарях:

« **Kniaz, knyaz or knez** is a Slavic title found in most Slavic languages, denoting a royal or a noble rank. It is usually translated into English either as Prince or less commonly as Duke»⁴ (**Kniaz, knyaz or knez** обозначает славянский титул и обнаруживается в большинстве славянских языков для обозначения королевского или дворянского титула. Обычно переводится на английский язык или Prince или реже Duke). Единица представлена в примере: «Vsevolod Mstislavich of Novgorod and Pskov Rurikid, knyaz of Novgorod (1117—36), of Vyshgorod (1136), of Pskov (1137—38)»⁵.

Предварительный анализ корпуса примеров англоязычных номинаций позволил выделить несколько тематических групп.

1. Агионимы — имена святых христианской церкви, представленные в традиционном западном написании: St. George вместо Georgii или Yegorii⁵.
2. Имена известных людей псковской истории представлены несколькими вариантами: Daumantas заимствован из литовского языка, Dovmont, Domant и Domont представлены в их русифицированной форме.
3. Единицы административного деления.

Пригород — a dependent town, *prigorod*. Опочка, a dependent town of Pskov⁶. «Pskov used to be Novgorod's *prigorod* (suburb, subordinate city)»⁷.

Конец (район) — *konets, borough, end*. Наряду с транслитерированным вариантом используются The Bogoyavlensky Borough in Zapskovye⁸. «The Russian merchants rented houses around these churches, so the neighborhoods around were called “Russian end”» (Russian area) (Русские купцы снимали дома вокруг этих церквей, и район вокруг стал называться «Русский конец»⁶).

4. Государственное устройство

Вече – *veche, people's assembly, public gathering*⁹.

5. Меры длины.

Поприще — *poprishche*. «They overtook the Pskov force in a confined area at

---

3 Аракчеев В.В. Псков и Ганза в эпоху средневековья: Научная справка. / Псковская областная общественная организация «Чудской проект». — Псков: ООО «Дизайн экспресс», 2012. — 66 с.

4 Philippe Frison, Olga Sevastyanova (dir.). — Novgorod ou la Russie oubliée: Une république commerçante (XIIIe-XVe siècles). — Le Ver à Soie, Paris, 2015.

5 Goetz, L. K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters (Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts. — Band 37. — Hamburg, 1916. — С.131.

6 Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Mile>. — Дата обращения: 30.11.2016.

Maly Borok, about two *poprishches* from the German castle of Neuhausen»⁷ (Они настигли псковскую дружину в узком месте у Малого Борка, в двух поприщах от немецкого замка Нойхаузен).

Верста – *verst*. Pskov soldiers conquered a band of Novgorod territory three hundred *versts* long by fifty *versts* wide ⁷ (Псковские войны захватили часть новгородской земли размером триста верст в длину и пятьдесят верст в ширину).

Аршин – *arshin*.

Сажень – *sazhen*. A *sazhen* was an old Russian unit of length, originally the distance between the fingertips of arms stretched outwards on each side ⁸ (Сажень – мера длины, принятая в Древней Руси; обычно расстояние от кончиков пальцев одной руки до кончиков пальцев другой при вытянутых в стороны руках) .

6. Сословия и должности.

Боярин – *boyar*.

Окольничий – *attendant*.

Сотский, соцкий – *hundredman, sotsky*.

Посадник – *posadnik*, часто используется аналог “mayor”⁹.

7. Денежные единицы.

Рубль – *rouble*. Денежная единица, составляющая четверть гривны, равная *марке*, бывшей в обращении в средневековой Европе.

Полтина – *poltina*. Денежная единица, равная половине рубля.

Ногата – *nogata*. Денежная единица, равная 1/20 гривны.

Гривна – *grivna*. Недавние исследования определяют гривну как единицу включающую 40 граммов серебра или эквивалент в пушнине (куна)¹⁰.

Как видно из приведенных выше примеров, наиболее продуктивным способом образования англоязычной номинации является заимствование: *prigorod* (suburb, subordinate city). В таких случаях номинация выделяется курсивом и сопровождается пояснением в скобках. В корпусе примеров также зарегистрированы кальки: сотский – *hundredman*. Используемые аналоги, передающие значение номинации частично (посадник – *mayor*, наместник – *viceroi*, Судная грамота – Pskov Judicial Charter), требуют лингвистического анализа и могут быть использованы в межкультурных ситуациях, не требующих точности передачи культурной информации.

Таким образом, постулируемая в современной гуманитарной парадигме взаимосвязь языка и культуры придала актуальность исследованиям в области национально-культурной специфики языка. В рамках интерлингвокультурологии предложена модель изучения национально-культурной специфики на основе единиц, аккумулирующих культурную информацию (идионимы, ксенонимы). Исследования в области англоязычного описания псковских реалий средневекового периода позволяют сделать предварительный вывод о

7 Верещагин, Е.М. Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

8 Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном межкультурном аспекте) // Научный совет по истории мировой культуры. – М.: 2002. – с. 122

9 Кембриджский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/prince>. — Дата обращения: 30.11.2016.

10 Энциклопедия TheFreeDictionary.com [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://encyclopedia.thefreedictionary.com/knyaz>. — Дата обращения: 30.11.2016.

наличии в корпусе примеров единиц с региональным псковским компонентом. Недавно опубликованные англоязычные источники описания русской культуры, псковской в частности, подтверждают закономерности использования иностранного языка при описании внешних культур, одной из которых является использование заимствований, как одного из наиболее продуктивных способов вторичной номинации. Анализ англоязычных единиц, описывающих псковские реалии ганзейского периода, в лексикографических источниках показало, что подобные номинации находятся на периферии словарного состава английского языка, что объясняется вялотекущим характером нативизации этих единиц. Следствием этого является отсутствие лексикографической стандартизации в этой области, что объясняет наличие нескольких вариантов для номинации одного явления. Из этого следует, что необходимо продолжить работу по составлению англоязычного словаря псковской культуры, дополнив его единицами описания средневековой культуры, в частности, что поможет упорядочить англоязычные номинации псковских реалий и составить рекомендации по их употреблению. Результаты данного исследования могут стать существенным дополнением к проекту словаря русской культуры, который создается школой интерлингвокультурологии и необходимость в котором остро ощущается в среде переводчиков, культурологов, гидов.

Об авторе

Дудченко Людмила Юганесовна, кандидат филологических наук, доцент, Псковский филиал Российской международной академии туризма, Россия.

Ludmila Yuganesovna Doudchenko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pskov branch of the Russian International Academy of Tourism, Russia.
E-mail: doudchenkol@rambler.ru

ПУТИ АДАПТАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ИКОНОНИМОВ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)

Основная часть транслатов, связанных с переводом библейских текстов, имеет адекватное соответствие в русском и немецком языках. Приведенные в статье транслаты курсируют в безэквивалентном поле. Перевод безэквивалентных единиц осуществляется различными способами: транслитерация, калькирование, применение языка—посредника (латинского или греческого), поддерживающий или описательный перевод. Возникает однако проблема вариативности транслатов. В предложенном списке мы выделяем наиболее удачный, с нашей точки зрения, транслат.

Ключевые слова: икононим, транслат, вариативность, транслитерация, калькирование, язык—посредник.

V.Y. Volkova

ADAPTATION OF ORTHODOX ICONONIMS IN FOREIGN LANGUAGE ENVIRONMENT (THE GERMAN LANGUAGE)

The main part of translated units connected with the translation of bible texts has adequate compliance in the Russian and German languages. The translated units in the article run in non-equivalent field. Translation of non-equivalent units is made in various ways: transliteration, calquing, using of interlingua (Latin or Greek), keeping or attributive translation. However, there is a problem of variability of translated units. In the offered list we allocate the most successful translated unit from our point of view.

Keywords: icononim, translated unit, variability, transliteration, calquing, interlingua.

Православные икононимы являются составной частью более широкого слоя культуронимов.

Сложности перевода русских культуронимов на немецкий язык зависят в первую очередь от их принадлежности к разным языковым группам: славянской и германской.

Предлагаемые транслаты ограничены библейской тематикой и представляют собой два структурных направления:

1. Адекватный перевод осуществляется на базе библейских текстов, профессионально переведенных в своё время практически на все языки мира.

Рождество	Christi Geburt
Благовещение	Verkündigung
Вознесение	Himmelfahrt

В данной группе однако можно заметить небольшие модуляции, связанные в данном случае с многозначностью слов в оригинале.

Распятие (как процесс)	die Kreuzigung
Распятие (как предмет)	das Kruzifix

2. После расхождения христианства на два направления: православие - через Грецию и католицизм – через Рим — начинается процесс обрастания основных библейских понятий разнообразной атрибутикой, что в итоге привело к такому нежелательному явлению в образовании транслатов, как вариативность перевода. Эффективным способом борьбы с вариативностью является издание словарей, глоссариев и других печатных изданий, закрепляющих какой-либо из транслатов. В связи с тем, что закрепление транслата — это процесс, то работа над адаптацией православных икононимов должна вестись постоянно.

Воздвижение Креста Господня	Kreuzerhöhung Erhöhung des heiligen Kreuzes Heilige Kreuzerhöhung
-----------------------------	---

Причиной возникновения вариантов транслации в немецком языке является их слабое закрепление как ономастической единицы.

Русский язык жестко привязывает икононимы к своему иконописному изображению и сопровождающему его иконониму звучанию, что обеспечивает однозначность узнавания и воспроизведения.

В ряде случаев при изображении одного и того же библейского сюжета у православных и католиков по-разному акцентировано название этого сюжета. Икона «Сретенье» имеет на немецком языке достаточно много транслатов, включая и передачу православного транслата по транслитерации.

Сретенье — неизменяемый икононим, название иконы, праздника, закрепленного в церковном календаре. В немецком языке транслаты не фиксированы так жестко.

Сретенье	Sretenje Die Darstellung Jesu im Tempel Darbietung Christi im Tempel Maria-Reinigung Maria-Lichtmess Tempelgang
----------	--

Архаизм «Сретенье» означает «встреча». Православная церковь акцентирует старца Симеона с младенцем Иисусом, которого мать приносит в храм на сороковой день. Католическая же церковь называет это изображение «Очищение Марии» или «Вхождение в храм», акцентируя, что Мария на сороковой день после родов должна придти в храм для своего очищения. Как мы видим, разные церкви делают разные акценты в названии одного и того же изображения. Поэтому икононимами в данном случае являются первые два варианта. В первом случае транслитерация обеспечивает однозначную идентификацию, но является ксенонимом, труднопроизносимым немецкими реципиентами, и в этом случае, скорее всего будет закрепляться второй вариант, означающий в переводе «Представление Иисуса в храме». Во втором варианте однако теряется акцент на имени Симеон. Но тем не менее он

отражает понятийное ядро православного икононима.

Привлечение языка-посредника — латинского или греческого является довольно частотным явлением, обеспечивает однозначность восприятия православных икононимов в тех случаях, когда еще не выработан адаптивный транслят.

Икона в житии	die Ikone in vita (лат.)
Успение	Koismes (греч.)

Ономастические единицы на греческом языке являются в большей степени ксенонимами, чем на латинском. Латинский язык у католиков в небольшом объеме присутствует и до настоящего времени.

Немецкий язык, с трудом воспринимая ксенонимы, с течением времени выработал адаптивные варианты перевода, сохраняя, по возможности, смысл языка — оригинала. Такой перевод иногда называют уподобляющим переводом. Он широко востребован, так как курсирует в понятийном поле родного языка.

В иконографии есть три основных типа изображения Божьей Матери:

Божья Матерь Знамение (Оранта)	Gottesmutter Panhagia, Oranta Gottesmutter Znamenije Gottesmutter des Zeichens Gottesmutter Oranta
Божья Матерь Путеводительница (Одигитрия)	Gottesmutter Putevoditelniza Gottesmutter die Wegweisende Gottesmutter Hodegetria
Божья Матерь Умиление	Gottesmutter Umilenije Gottesmutter der Rührung Elias

Переводя по возможности греческие и транслитерационные ксенонимы в идионимы, немецкая языковая среда вырабатывает кальку с русского и закрепляет ее во всех последующих публикациях.

Жесткое закрепление икононима в православии связано с обязательным сохранением иконописи «по уставу», уставным письмом, в то время как эпоха Возрождения в Западной Европе привела к пересмотру библейских изображений. Она способствовала уходу от условного письма (нарушение пропорций, отсутствие объемности, обратная перспектива и т.д.) и приближению библейских персонажей к реальной жизни. В духовном плане это, безусловно, приводило к разрушению ирреального, божественного мира средствами изобразительного искусства. Терялась однозначность изображения — появлялись изобразительные и ономастические варианты.

Тайная вечеря	Heiliges Abendmahl Abendmahl das letzte Abendmahl Jesu Herrenmahl
---------------	--

Способ калькирования весьма желателен, так как легко воспринимается реципиентом.

Царские врата иконостаса	das Zarentor der Ikonostase das Konigstor der Ikonostase die Konigstur
--------------------------	---

Первый вариант предпочтителен, так как он отражает русскую реалию «царь».

Храмовая икона (по названию данного храма)	Tempelkone Kirchenikone
--	----------------------------

Варианты синонимичны. Желательно, чтобы устоялся один из них.

Передача русского ксенонима по транслитерации требует дополнительного пояснения при первом упоминании. Транслиты данного плана отличаются необходимой однозначностью, не вызывают вариаций в немецком языке, но являются труднопроизносимыми и трудно воспроизводимыми ксенонимами.

Uspenie
Nikolka jurodivij
Starez
Sretenje

Постепенно вырабатывается один или несколько немецких транслитов — с учетом многозначности слов в немецком языке.

Итак, при анализе литературы по данной теме на немецком языке рекомендуется продолжить наблюдение процесса адаптации православных реалий с выделением наиболее удачного транслита для пополнения соответствующего словаря или глоссария.

Об авторе

Волкова Валентина Яковлевна, старший преподаватель, Псковский государственный университет, Россия

Valentina Volkova, Senior Lecturer, Pskov State University, Russia

**ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Статья посвящена характеристикам и выявлению эффективности выбора подхода при формировании фонетических навыков иностранного языка по материалам западных лингвистов. Показано, что в обучении произношению используют разные подходы. Однако нельзя сказать, что с помощью одного подхода возможно достичь качественной результативной коммуникация на иностранном языке, так как каждый подход ставит разные приоритеты и делает акцент на разные элементы фонетики.

Ключевые слова: фонетика, подход, формирование навыков, иностранный язык, зарубежное исследование

Mekratanakulpat Natcheewan

**APPROACHES TO THE FORMATION
OF FOREIGN-LANGUAGE PHONETIC SKILLS
(BASED ON MATERIALS OF FOREIGN RESEARCHES)**

This article focuses on the characteristics and the identification of effective use of the approach in the formation of phonetic skills of a foreign language based on foreign linguists. It is shown that in the pronunciation training different approaches are being used. However, we cannot say that with a single approach it is possible to achieve the goal of quality productive communication in a foreign language, as each approach sets different priorities and focuses different elements of phonetics.

Keywords: phonetics, approach, skill formation, foreign language, foreign research

В настоящее время владение иностранным языком является обязательным для человека. Благодаря новейшим информационным технологиям, мир стал более открытым для международной коммуникации. С помощью Интернета можно получать информацию из любой точки планеты и на любом языке, это стало доступно огромному числу людей, что позволяет индивиду развиваться в разных сферах деятельности. И для самого себя человек может открывать что-то новое, расширять свой кругозор и ощущать «мир без границ», владея не только родным языком.

Считается, что конечной целью изучения иностранного языка является свободное речевое взаимодействие с носителем данного языка в разных сферах общения. Для достижения такой цели необходимо фонетически корректное оформление речи на неродном языке, т. е. нужно иметь достаточный уровень сформированности фонетических навыков. Подходы к формированию иноязычных фонетических навыков, представленные в работах зарубежных методистов, различны.

Как показал анализ лингводидактической литературы, вопрос об обучении произношению всегда был в центре внимания исследователей. Большинство методов и подходов разрабатывались для обучения произношению

английского как второго языка. Согласно данным Celce-Murica et. al.¹, существует два основных подхода для обучения фонетике иностранного языка: интуитивно-имитативный подход (интуитивное повторение образца) и аналитико-лингвистический подход (анализ фонетических единиц, сознательность применения правил изучаемого языка). Авторы объясняют особенности каждой группы следующим образом: «An **intuitive-imitative approach** depends on the learner's ability to listen to and imitate the rhythms and sounds of the target language without the intervention of any explicit information; it also presupposes the availability of good models to listen to ... An **analytic-linguistic approach**, on the other hand, utilizes information and tools such as a phonetic alphabet, articulatory descriptions, charts of the vocal apparatus, contrastive information, and other aids to supplement listening, imitation, and production. It explicitly informs the learner of and focuses attention on the sounds and rhythms of the target language»². Это означает, что интуитивно-имитативный подход зависит от способности учащегося слушать и подражать ритмам и звукам изучаемого языка без вмешательства какой-либо информации; это также включает в себе хорошую модель для аудирования. *А аналитико-лингвистический подход, с другой стороны, использует информацию и инструменты, такие как, фонетическая транскрипция, артикуляционное описание, графики голосового аппарата, сопоставительная информация и другие вспомогательные средства для слушания, подражания и воспроизводства. Он явно нацеливает внимание учащегося на звуки и ритмы изучаемого языка.*

Сопоставим представленную выше точку зрения с определением интуиции, данным в «Новом словаре методических терминов и понятий»: «ИНТУИЦИЯ (от лат. *intueri* – пристально, внимательно смотреть). Знание, возникающее без осознания путей и условий его получения. Философское понятие, выражающее способность постижения истины путем прямого ее усмотрения без обоснования с помощью доказательств. ... На занятиях по языку И. используется в качестве психологического обоснования обучения по прямому методу и его модификациям, предусматривающим овладение языком в результате прямой ассоциации между словами и грамматическими формами изучаемого языка и соответствующими им понятиями, минуя родной язык учащихся. ... Играет большую роль в процессе овладения знаниями, в том числе при обучении языку»³. Под имитацией авторы понимают «повторение звуков, слов, фраз за преподавателем или диктором в звукозаписи», которое следует отнести к «приемам формирования речевых навыков», используемым «в качестве основного приема работы по аудиолингвальному методу обучения»⁴. Исходя из этого, можно заключить, что интуитивно-имитативный подход дает учащемуся возможность слушать звуки, ритмические структуры и интонационные модели и подражать диктору без опоры на осознанность выполняемых операций. Следовательно, важно, чтобы образец для имитации был идеальным и учащийся должен обладать хорошими имитативными способностями, что в результате

---

1 Celce-Murcia, M., Brinton, D. M. & Goodwin, J. M. Teaching pronunciation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 576 p..

2 Там же, с. 2

3 Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Изд-во ИКАР, 2009. – С. 88.

4 Там же, с. 76

обеспечивает точное подражание образцу.

Что касается аналитико-лингвистического подхода при овладении иноязычным произношением, то его суть заключается в том, что учащийся осознанно, опираясь на анализ фонетических единиц, применяет правила, действующие в изучаемом языке. Можно сказать, что при *аналитико-лингвистическом подходе* учащийся получает информацию о фонетической системе нового языка (например, в фонемных языках – это система гласных и согласных, описание артикуляции звуков) или другую дополнительную помощь для развития фонематического слуха и адекватного воспроизводства звуков и их сочетаний. Другими словами, перед тем, как научиться произносить звуки, учащийся знакомится с характеристиками звуков (акустическими, и артикуляционными) для последующего их анализа.

Был проведен ряд экспериментальных исследований с целью определения эффективности интуитивно - имитативного и аналитико -лингвистического подходов. В своей работе Mahmood Hashemian представил результаты обучения иранских студентов произношению гласных звуков английского языка. В первой группе студентов использовались только аудиозаписи, студенты должны были внимательно их слушать и повторять услышанные звуки. А во второй группе преподаватель подробно объяснял, как произносить звуки, какое положение занимают губы и язык при произнесении того или иного звука. Исследователь обнаружил, что интуитивно - имитативный подход целесообразно применять при обучении произношению дифтонгов, а аналитико - лингвистический подход в большей степени подходит для формирования навыков артикуляции монофтонгов⁵.

Другие исследователи, Bashir Jama и Maryam Adibpour, провели эксперимент по обучению иранских студентов произношению согласных /t/, /Δ/ и /w/. При интуитивно-имитативном подходе (группа студентов А) преподаватель произносил английские звуки, и студенты повторяли за ним. При аналитико-лингвистическом подходе (группа студентов В) студенты знакомились с артикуляционными особенностями этих согласных (например, положение языка, участие губ в произношении) и, кроме того, с фонетической транскрипцией. Только после полученной информации студенты приступали к произнесению изучаемых звуков. Результаты показали, что нет большой разницы между оценками Independence Sample T-Test при произношении этих согласных звуков. Было отмечено, что при использовании интуитивно - имитативного подхода студенты более внимательно слушают и стараются запомнить то, чему их учат, но при этом они испытывают некоторый дискомфорт, когда пытаются правильно произнести звуки, боясь сделать ошибку. Из этого был сделан вывод, что обучение произношению следует начинать с интуитивно - имитативного подхода для того, чтобы создать условия для мотивации, а затем продолжать обучение, применяя аналитико-лингвистический подход с тем, чтобы добиться правильного произношения⁶.

5 Mahmood Hashemian A Comparative Study of Intuitive-imitative and Analytic-linguistic Approaches towards Teaching English Vowels to L2 Learners// Journal of Language Teaching and Research. 2011. — №5. — P. 969–976.

6 Bashir Jama, Maryam Adibpourb Intuitive-imitative Approach versus Analytic-linguistic Approach toward Teaching /T/, /Δ/, and /w/ to Iranian Students// Procedia-Social and Behavioral Sciences 98. 2014. — P. 757–763.

В ходе исследования, проведенного Anis Behzadi и Farzin Fahimniya, было установлено, что при формировании у иранских учащихся фонетических навыков на английском языке аналитико-лингвистический подход в целом эффективнее интуитивно - имитативного. При этом исследователи подтвердили позицию Jerkins (2002), что этот подход следует применять при обучении взрослых учащихся⁷.

Тайванский исследователь Lin Hsien-Hung, который провел эксперимент по обучению навыкам произношения сокращенных форм в английском языке с помощью интуитивно - имитативного и аналитико -лингвистического подходов, выяснил, что оба подхода достаточно эффективны. Тем не менее, при аналитико-лингвистическом подходе студенты ощущают бóльшую уверенность в понимании данного фонетического явления, в целом студенты делают меньше фонетических ошибок в английской речи и, что немаловажно, могут контролировать правильность своего произношения⁸.

На основе рассмотренных работ мы можем сделать вывод, что и интуитивно - имитативный и аналитико - лингвистический подходы могут использоваться при обучении иноязычному произношению, обеспечивая формирование фонетических навыков у учащихся. Однако нельзя не заметить, что аналитико - лингвистический подход дает более эффективные результаты, так как этот подход не только влияет на осознанность понимания процессов звукопроизводства, но, благодаря ему, студенты увереннее чувствуют себя при общении на иностранном языке (высокий уровень самоконтроля). Кроме того, наглядные материалы и теоретическая информация, которые используются при аналитико-лингвистическом подходе, могут стать хорошей базой для дальнейшего изучения иностранного языка. Впрочем, вряд ли правомерно утверждать, что один подход может заменить другой, поскольку у каждого подхода имеются и свои плюсы, и свои минусы (как можно судить по результатам исследования Mahmood Hashemian). В связи с этим хотелось бы процитировать авторов книги «Teaching pronunciation»: аналитико - лингвистический подход «скорее всего, был создан для того, чтобы дополнить, а не заменить интуитивно-имитативный, который включен в практическую часть обучения языка при аналитико - лингвистическом подходе»⁹.

Помимо этих предшествующих подходов, нельзя не отметить более современный подход, так называемый **Integrative approach** (*интегративный*). Он возник с новым направлением: «коммуникативное преподавание языка». Очевидно, что при использовании вышеуказанных исследованным подходов, центром внимания исследователей являются, в основном, только сегментные элементы фонетики (звуки и слоги). Однако в коммуникации, как известно, необходимо также учитывать супraseгментные элементы речи (интонация, ударение). Согласно мнению Lee Su Tseng, который в своей работе отметил, что : «Pronunciation is viewed as an integral component of communication, rather than

---

7 Anis Behzadi, Farzin Fahimniya The Effect of Using Two Approaches of Teaching Pronunciation (Intuitive-Imitative And Analytic linguistic) On Speaking Fluency Among Iranian EFL Learners// Indian Journal of Fundamental and Applied Life Sciences. 2014. Vol. 4 — P. 263–270.

8 Lin, Hsien-Hung Teaching Reduced Forms: An Intuitive-Imitative Approach vs. an Analytic-Linguistic Approach//義守大學人文與社會學報. 2011. — № 9. — P. 85-110

9 Celce-Murcia, M., Brinton, D. M. & Goodwin, J. M. Teaching pronunciation. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P.2

an isolated drill and practice sub-skill»¹⁰ Это означает, что произношение рассматривается как неотъемлемый компонент коммуникации, а не отдельная тренировка и практика суб-навыка.

Стоит уточнить определение этого подхода, данное в «Новом словаре методических терминов и понятий»: «ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД. Подход к обучению языку, основанный на взаимосвязанном формировании умений во всех видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении, письме. В отечественной методике этот подход соотносится с понятием «принцип взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности» (Взаимосвязанное обучение..., 1985). Такой подход к обучению противостоит обучению последовательному (слушание – говорение – чтение – письмо), сторонниками которого являются представители прямых методов и устного опережения в работе. Однако и сторонники И. п. не исключают признания приоритета устного восприятия учебного материала перед письменным. При этом место каждого вида речевой деятельности в системе обучения определяется целью урока и зависит от этапа обучения, так как разные виды речевой деятельности на занятиях могут выступать в качестве и цели и средства обучения»¹¹. Согласно данному определению, речь может идти об обучении языку вообще, но, если мы будем говорить только об обучении произношению, то по этому определению можно объяснить, что при этом подходе учитывается не только произношение отдельного звука в слоге или в слове, но и интонация, и речевое ударение. Этот подход может подготовить учащихся к выполнению комплексных фонологических требований при коммуникации. При таком подходе учащемуся даются не просто отдельная часть или слово, а единицы со значением или тональные группы сразу¹².

По всем данным, изложенным в этой статье, мы видим, что в обучении произношению используются разные подходы, существуют разные точки зрения по вопросам преподаванию произношения. Очевидно, что до сих пор не существует универсального метода обучения произношению иностранного языка, поскольку на процесс формирования фонетических навыков влияет много различных факторов (возраст обучаемых, условия обучения и т.д.). Тем не менее, на основе описанных подходов возможна разработка и развитие оптимальных подходов для более эффективного овладения навыками фонетического оформления иноязычной речи.

Об авторе

Мекратанакулпат Натчиван, аспирант 2 года обучения филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Россия.

Mekratanakulpat Natchewan, post-graduate student 2 years of training, the faculty of Philology, St. Petersburg state University, Russia.

E-mail: mmuay89@hotmail.com, natchewan@gmail.com

---

10 Lee, S. T. Teaching pronunciation of English using computer assisted learning software: An action research study in an institute of technology in Taiwan: doctoral dissertation of Education/ Australian Catholic University. Victoria, 2008. – P.1-2

11 Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 – С. 80.

12 Bertha Chela-Flores Pronunciation and language learning: An integrative approach // IRAL - International Review of Applied Linguistics in Language Teaching 39 (2), 2001. – P.85 –101

СОВРЕМЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Статья посвящена проблеме понимания текста современного художественного произведения иностранными учащимися. На примере текста рассказа К. Арбенина «Секундант» рассматривается система работы с художественным текстом на уроке русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, понимание текста, современный художественный текст.

N.S. Molchanova

MODERN LITERARY TEXT AT LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article is devoted to the problem of contemporary art text understanding by foreign students. For example, the text of the story of K. Arbenin "The Second" is considered the system of work with literary text at the lesson of Russian as a foreign language.

Keywords: Russian as a foreign language, text comprehension, modern literary text.

В современной методике преподавания русского языка как иностранного использованию художественных текстов уделяется большое внимание. Обусловлено это тем, что методика, в первую очередь, нацелена на обучение речевому общению, которое само по себе представляет собой обмен текстами, т.е. порождение и восприятие текстов. По мнению Н.В. Кулибиной, только аутентичные тексты могут выступать в качестве основной единицы обучения, так как именно они являются продуктом естественного коммуникативного акта¹.

Художественный текст делает учебный процесс на практических занятиях по русскому языку как иностранному более привлекательным для учащегося. Особенно это касается современных художественных текстов, так как они позволяют удовлетворить любопытство обучающихся, отвечая на вопрос, что читают и пишут современные россияне, какие проблемы их интересуют, как они сегодня оценивают происходящее вокруг.

Для работы с текстом современного художественного произведения необходимо решить целый ряд методических задач, позволяющих организовать успешное коммуникативное взаимодействие автора текста и читателя-инофона: выбрать подходящий для конкретной аудитории текст с учетом ее интересов, уровня владения языком и национальной составляющей; предложить предтекстовую работу, способную вызвать у учащихся интерес к произведению; организовать притекстовую работу.

Следует отметить, что восприятие художественного текста инофоном, оставаясь процессом смыслового художественного восприятия,

---

¹ Там же.

характеризуется дополнительными особенностями, продиктованными как языковыми, так и экстралингвистическими причинами².

Художественный текст, являясь феноменом культуры, отражает языковую и национальную картину мира. Таким образом, чтение представляет собой факт межкультурной коммуникации, так как автор и читатель-инофон являются представителями двух различных культур, которые вступают в непосредственный контакт. Проблемы у инофона при чтении художественного текста могут наблюдаться на любом этапе: при семантизации лексических единиц, на уровне их смыслового восприятия, а также при раскрытии общего содержания текста – понятийном уровне. Именно третий уровень представляет наибольшую сложность. К факторам, затрудняющим процесс понимания текста художественного произведения, относятся: недостаточное знание языка или особенностей культуры, реалий, неумение произвести необходимые когнитивные операции, отсутствие необходимых фоновых знаний.

Следовательно, основная задача преподавателя – с учетом указанных факторов организовать работу с текстом таким образом, чтобы помочь иностранным обучающимся воссоздать естественную ситуацию чтения, характерную для чтения произведения носителем языка, сформировать определенные навыки чтения иноязычного текста, которые они смогут использовать в дальнейшем и при чтении других текстов.

При идентификации значений незнакомых слов преподаватель должен учить опираться на грамматический облик слова, структуру предложения, состав слова, тему текста и др. При установлении смысла текстовой единицы необходимо использовать подбор синонимов и анализ их различий, окружающий контекст, привлечение фоновых (экстралингвистических) знаний и др. Совместное обсуждение прочитанных фрагментов в конце помогает перевести язык словесных образов текста на язык читательских представлений, т.е. перейти на самый высший уровень восприятия художественного текста – понимание.

Предлагаем урок, основной целью которого является самостоятельное понимание учащимся текста современного художественного произведения (рассказа К. Арбенина «Секундант»).

В ходе занятия осуществляется практика всех видов речевой деятельности: учащиеся говорят, воспринимают на слух русскую речь, выполняют претекстовые и послетекстовые задания.

Учащимся предлагается рассказ «Секундант» К. Арбенина, который был опубликован в журнале «Октябрь» в 2013 г. Описывая случай из школьной жизни, автор поднимает очень важную проблему: говорит о реакции человека на несправедливость, хамство окружающих. Этот рассказ получил широкий отклик публики: автору поступило много писем от читателей. Пристальное внимание людей к этому произведению говорит об актуальности поднятой автором проблемы в современной российской действительности. Именно поэтому рассказ К. Арбенина будет интересен и иностранцам, всегда стремящимся узнать, о чем думают, чем живут и «дышат» современные россияне.

Текст рассказа в языковом отношении доступен для учащихся с уровнем владения русским языком С1. Это произведение может быть предложено и

страшим школьникам, и взрослым людям. Его объем позволяет организовать работу с ним в течение одного учебного дня (примерно 2 часа).

На этапе предтекстовой работы необходимо вызывать живой интерес у учащихся перед чтением рассказа.

Преподаватель: Скажите, пожалуйста, знакомы ли вы с современной русской литературой? Каких современных русских писателей вы знаете? Какие произведения читали?

Сегодня я познакомлю вас с современным русским писателем Константином Арбениным.

Познакомьтесь с краткой биографией Константина Арбенина. Скажите, что в его жизни показалось вам особенно интересным?

Константин Арбенин – писатель, музыкант, актёр, автор и исполнитель песен, лидер групп «Зимовье Зверей» и «Сердолик». Родился в 1968 году в Ленинграде. Закончил среднюю школу, затем занимался самообразованием.

Песни начал сочинять в армии, в конце 80-х годов. Долгое время исполнял их «а капелла» на квартирных концертах, а в 1995 году вместе с музыкантом и аранжировщиком Александром Петерсоном создал группу «Зимовье Зверей», на долгие годы ставшую главным его занятием. С 1998 года выступает с творческими вечерами и в составе других музыкальных проектов.

Пишет стихи, прозу, публицистику. Чаще всего работает в жанре современной иронической сказки для детей и взрослых. С 1998 года его произведения регулярно публикуются в литературных журналах и выходят отдельными книгами.

В 2009 году Константин Арбенин ушёл из «Зимовья Зверей» и для реализации своих музыкальных идей собрал группу «Сердолик». В том же году взял в руки гитару и с 2010 года активно выступает с сольной концертной программой, состоящей из стихов и песен.

Награждён медалью Н.В.Гоголя «За сказочную литературу». Лауреат Фестиваля авторской песни им. В.Грушина. Живёт и работает в Санкт-Петербурге.

Преподаватель: В 2013 г. в журнале «Октябрь» был опубликован рассказ Константина Арбенина «Секундант». Этот рассказ вызвал, по словам автора, целую бурю откликов. Думаю, что и вам будет интересно обсудить проблему, которую поднял автор в этом произведении.

Далее преподаватель и учащиеся приступают к притекстовой работе. Здесь формируется понимание анализируемого текста на уровне значения и смысла, в ходе беседы преподаватель помогает выйти на уровень понимания.

Начинается работа с обсуждения названия рассказа.

Преподаватель: Посмотрите на название рассказа. Знакомо ли вам слово «секундант»? Кого можно назвать секундантом? Как вы думаете, о чем будет этот рассказ?

Для того, чтобы понять текст, попробуем прочитать его по частям, обсуждая смысл каждого фрагмента.

1. Чтение первого фрагмента (от «У нас сегодня на занятиях произошёл взрыв» до «Я теперь хожу, как раненый...»)

Преподаватель: Кто является рассказчиком? Как вы поняли, о каком взрыве говорит рассказчик? Найдите в тексте место, где рассказчик объясняет,

какой взрыв он имеет в виду. Почему он сравнивает себя с раненым?

Как вы думаете, что это за событие могло быть?

Знаете ли вы, что значит слово *завуч*? Предположите, кто это может быть?

Как вы поняли слова *равносильно*, *контузило*? Как образованы эти слова?

Ключи: Рассказчиком является старшеклассник. Говоря о взрыве, он имеет в виду какое-то событие, которое по своему воздействию равносильно взрыву. Рассказчик сравнивает себя с раненым, потому что это событие произвело на него очень сильное впечатление. Это могло быть только какое-то очень неприятное происшествие, так как слова *раненый*, *взрыв* связаны скорее с неприятным потрясением.

Равносильно (чему?) – равный, одинаковый по силе чему-л.

Контузить – получить контузию, сильный удар, травму

2. Чтение второго фрагмента (от «Вот как было дело» до «Ведь это ее любимый воспитательный жанр»)

Преподаватель: Что случилось на уроке биологии? Как рассказчик описывает завуча Анну Сергеевну? Ему нравится Анна Сергеевна? По каким признакам мы можем это понять? Какой у завуча любимый воспитательный жанр, по словам рассказчика? Как вы думаете, почему именно это занятие нравится Анне Сергеевне?

Как вы поняли слова и выражения: *заявилась*, *за глаза зову*, *заносчивая*, *надменная*, *неувязочка*. Подберите к ним синонимы.

Ключи: На уроке биологии в класс пришла завуч с помощницей для проверки внешнего вида учеников. Рассказчик описывает Анну Ивановну с презрением: *заявилась* (а не пришла), *Анюта*, *смотрит свысока*, *больше похожа на старшеклассницу*, *дети ей только мешают*. Любимый воспитательный жанр Анны Сергеевны – проверять внешний вид и форму одежды. Это занятие, вероятно, позволяет ей в полной мере насладиться своей должностью.

Заявилась (разг.) – синоним пришла; *за глаза* (разг.) – синоним в отсутствие, заочно; *заносчивая*, *надменная* – высокомерная; *неувязочка* (разг.) – недоразумение.

3. Чтение третьего фрагмента (от «Едва переступив порог, Анна Сергеевна спросила» до «Но Анюта, похоже, считает такое унижение частью воспитательной работы»)

Преподаватель: Каким словом называет рассказчик действия завуча? Что означает это слово? В какой сфере его обычно используют? Почему все-таки автор использует слово *досмотр*, а не *осмотр*? Что удивило рассказчика и всех в поведении Анны Сергеевны? Выделите в тексте слова, которые указывают на реакцию рассказчика и окружающих на то, что происходит.

Ключи: Действия Анны Сергеевны названы *досмотром*. Это слово обычно используется в правоохранительной сфере (полиция, охрана и др.) Всех удивило, что завуч жевала жвачку. Реакция рассказчика и окружающих выражается в словах: *удивляет*, *кто веселится*, *кто глаза прячет*, *не хочет замечать*, *а кто просто остолбенел от такой неожиданности*, *чуть очки на лоб не полезли*, *как солдаты на построении*, *мне все это было неприятно*, *унизительное*, *арестанты*, *противно* и *неуютно*.

4. Чтение четвертого фрагмента (от «К первым трем осмотренным у завуча претензий не было, а вот Лиза Брунова ее заинтересовала» до «И Ксения

Филипповна тоже стояла – не могла она сидеть, когда все стоят»)

Преподаватель: Что, по мнению Анны Сергеевны, не так было во внешнем виде учеников? Как повела себя завуч, когда зазвонил ее телефон? Как это ее характеризует?

Ключи: Анна Сергеевна придирается к внешнему виду учеников: не джемпер, а майка; не брюки, а джинсы. Когда зазвонил телефон, завуч стала невозмутимо разговаривать, в то время как все ученики и учитель стояли и ждали, когда она окончит разговор и продолжит проверку. Эта деталь показывает то, как неуважительно Анна Сергеевна относится к окружающим людям.

5. Чтение пятого фрагмента (от «Анюта закончила разговор и собралась уже досматривать второй ряд...» до « – Домой, – нахмутив брови, ответил Лёня и пошел к выходу»)

Преподаватель: Как вы думаете, почему Лёня Милостев собрался уйти из класса? Почему он не ответил на первый вопрос завуча: «Куда?»

Ключи: Несмотря на то, что завуч еще не дошла до осмотра внешнего вида, Лёня не выдержал унижения, несправедливости, когда от учеников требуют соблюдения жесткой дисциплины, а к себе такие требования не предъявляют. Мальчик не ответил на вопрос Анны Сергеевны, потому что он был некорректно задан: в нем не было обращения (*безликое куда*).

6. Чтение шестого фрагмента (от « – Что это значит, Ксения Филипповна?» до «После этого он вышел из класса, сумку держа почему-то впереди себя»).

Преподаватель: Почему поступок Лёни рассказчик сравнивает с дуэлью? О ком идет речь, когда говорится, что Дантес уже выстрелил? Знакомо ли вам имя Дантес? К какой известной ситуации оно нас отсылает? А с кем тогда можно сравнить Лёню?

Найдите в тексте слова, показывающие, как оценивает поступок мальчика рассказчик?

Ключи: Поступок Лёни очень смелый, он один из всего класса решился сказать завучу то, о чем думали все, поэтому эту ситуацию можно сравнить с дуэлью. Дантес – французский барон, убивший на дуэли А.С. Пушкина. В русском языковом сознании ассоциируется с отрицательным персонажем, оборвавшим жизнь талантливейшего русского поэта. Лёню тогда можно сравнить с Пушкиным.

Рассказчик оценивает поступок Лёни в следующих словах: «Он поступал по-взрослому, думал по-взрослому и говорил как взрослый. И мы все это тоже почувствовали, мы почувствовали, как Лёнька Милостев на наших глазах вдруг вырос и стал совсем взрослым человеком. То есть человеком, способным сказать то, что он думает, без всякой боязни и принять самостоятельное решение».

7. Чтение седьмого фрагмента

Преподаватель: Найдите в данном отрывке слова, характеризующие реакцию окружающих на поступок Лёни. Как вы думаете, почему именно эти слова использует рассказчик? Почему он попросил разрешения выйти?

Ключи: Ситуацию, возникшую после поступка Лёни, рассказчик характеризует следующими словами: *раздался взрыв, ощущение взрывной волны, насквозь прожгла, особый взрыв – невидимый и неслышимый,*

одновременно произошедший где-то внутри каждого из присутствующих, всех накрыло. Эти слова указывают на максимальную силу воздействия Лёниных слов. Вероятно, рассказчик хочет догнать Лёню, чтобы поддержать его.

8. Чтение восьмого фрагмента (от «А я решил побежать за Лёнькой, найти его» до «Я как бы ощутил себя его секундантом на этой дуэли...»)

Преподаватель: Почему рассказчик решил догнать Лёню? Почему он называет себя его секундантом?

Ключи: Рассказчик почувствовал, что в этот момент он был ближе всех к Лёне, потому что испытывал в момент досмотра те же самые чувства. Именно поэтому он назвал себя секундантом (свидетелем, помощником) на дуэли Лёни.

9. Чтение девятого фрагмента (от «Лёньку я нашел на втором этаже, в туалете» до « – Я зачем в школу хожу – чтобы вранью учиться?»)

Преподаватель: Как вы думаете, почему Лёня плакал? Почему рассказчику он показался совсем другим человеком? Что больше всего возмущает Лёню в отношениях с учителями? Чем существительное *вранье* отличается от слова *обман*, *ложь*. Почему герой использует именно это слово.

Ключи: Лёня плачет от несправедливости, от чувства унижения. Это сделало его каким-то другим, взрослым в глазах рассказчика. Больше всего Лёню возмущает *вранье*. *Вранье* – разговорное и более экспрессивное слово, передающее отношение персонажа.

10. Чтение десятого фрагмента (от «Лёнька вытащил из кармана мятый носовой платок...» до «А я побежал на третий этаж, чтобы собрать оставшиеся на биологии вещи»)

Преподаватель: Как вы думаете, почему Лёня бросил свой галстук в унитаз? Как рассказчик отнесся к словам Лёни «Мне плевать, что у вас будет». Что ему не понравилось в этих словах? Почему он считает их неправильными? Как вы понимаете выражение *полез на рожон*.

Ключи: Лёнин жест с галстуком – жест несогласия со сложившейся в школе ситуацией. Рассказчика задела слова мальчика, в которых он противопоставил себя всем (у вас). Он почувствовал обиду и даже стал искать плохое в поступке Лёни: *сам полез на рожон*.

Лезть на рожон – предпринимать что-л. рискованное, обреченное на неудачу.

11. Чтение одиннадцатого фрагмента (от «На перемене только и разговоров было, что про Лёнькин поступок» до «Классная моего вида не поняла, еще раз повторила, что от меня требуется, и нахмуренная удалилась»)

Преподаватель: Как рассказчик описывает реакцию одноклассников на поступок Лёни? Как вы думаете, почему он не признался, что видел Лёню и говорил с ним? Кто пришёл на урок математики? Как рассказчик описывает классную руководительницу? Что хочет сказать классной руководительнице рассказчик? Почему он ничего не говорит?

Ключи: Одноклассники по-разному реагируют на поступок Лёни: девочки восторженно шушукаются, мальчики серьезно молчат. Рассказчик не признался, что видел Лёню и говорил с ним, потому что сам до конца не уверен в его правоте, сам для себя не решил, как оценить его поступок. Ему страшно открыто признаться перед всеми, что он на стороне Лёни. И в разговоре с

классной руководительницей он опять ведет себя неуверенно, боится сказать, что думает на самом деле.

12. Чтение двенадцатого фрагмента (от «И все-таки я Лёньку искать не пошел» до «Может быть, в дневнике об этом что-то написано? Но я опять ничего не сказал»)

Преподаватель: Как изменилось отношение к поступку Лёни в классе? Найдите слова в тексте, которые на это указывают. Как меняется настроение самого рассказчика? Говорит ли он о своих мыслях одноклассникам? Почему рассказчик опять ничего не сказал?

Ключи: Рассказчик характеризует отношение к поступку Лёни в словах: «Возмущение будто стало перегорать, и уже мало кто сочувствовал Лёньке». Рассказчик очень расстроился, у него стали опускаться руки. Он опять боится пойти против большинства и снова ничего не говорит одноклассникам.

13. Чтение тринадцатого фрагмента (от «Потому что эти мои мысли – ерунда» до «И для меня все это очень важно. Не только как для секунданта, но и просто – по-человечески»)

Преподаватель: Как объясняет свое молчание рассказчик? Найдите эти слова в тексте. Почему ему хочется об этом поговорить только с Лёней? Почему вся эта ситуация для рассказчика показалась важной?

Ключи: Рассказчик говорит о том, что сам для себя не решил, готов ли он стать взрослым и поступить так, как поступил Лёня. Внутренне ему близок и понятен поступок Лёни, поэтому он хочет об этом поговорить только с ним. В последнем абзаце автор опять говорит о дуэли, подчеркивая тем самым важность этой проблемы – проблемы внутреннего взросления, проявляющегося в возможности противостояния лицемерию, несправедливости, хамству и невежеству.

На этапе послетекстовой работы преподаватель побуждает учащихся к обсуждению проблемы, поднятой автором художественного произведения.

Преподаватель: Как вы думаете, почему эту ситуацию автор описывает глазами одноклассника Лёни? Чей поступок и чья реакция интересуют автора в первую очередь? Объясните теперь, почему рассказ называется «Секундант»? Что бы вы посоветовали рассказчику? Когда был напечатан рассказ «Секундант», писатель получил много писем с реакцией читателей на это произведение. Напишите письмо и вы автору рассказа, выразите свое отношение к поступкам и мыслям героев.

Представленный конспект урока по развитию речи выполнен в соответствии с требованиями современной методики анализа художественного текста на уроке по русскому языку как иностранному.

Выбор современного художественного текста обусловлен целым рядом причин: в нем поднимается очень важная проблема, которая не может не вызвать живой отклик у читателя; рассказ написан доступным и выразительным языком, много лексических единиц, характерных для современной разговорной речи; объем рассказа позволяет организовать работу с ним (притекстовый этап) в течение одного учебного дня.

Описанная аудиторная работа над текстом направлена на постепенное восприятие смысловой структуры текста посредством наводящих вопросов и обращению к ключевым словам текста. Преподаватель в ходе занятия

выступает как помощник, направляющий все усилия читателей на осмысление художественного текста. Все это помогает воссоздать естественную ситуацию чтения, характерную для чтения произведения носителем языка.

Об авторе

Молчанова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русского языка как иностранного, Псковский государственный университет, Россия.

Natalya Molchanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the Russian Language and the Russian Language as a Foreign Language, Pskov State University, Russia.

E-mail: molcnatasha@yandex.ru

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ
РЕЧЕВОГО ОРИЕНТИРА ИНОФОНА (НА ПРИМЕРЕ ТОПОНИМОВ
ГОРОДА РОСТОВА-НА-ДОНУ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В данной статье рассматриваются топонимы (в частности, топонимы, активно функционирующие в Ростовской области), способы их образования и особенности употребления в регионе обучения. Отмечается необходимость знакомства с данным пластом лексики инофонов с целью предотвращения коммуникативных неудач, а также знакомства иностранных обучающихся с местными реалиями.

Ключевые слова: региональные топонимы, инофон, аккультурация, способы словообразования, словарь жаргона для иностранцев.

**REGIONAL COMPONENT AS A METHOD OF FORMATION
OF SPEECH PEG INOFONA (BASED ON THE TOPONYMS
OF ROSTOV-ON-THE DON AND ROSTOV REGION)**

This article discusses toponyms (such as toponyms, actively operating in the Rostov Region), methods of their formation and usage in the particular region. The necessity of acquaintance of inofons with the vocabulary in order to prevent communication failures, as well as to show local realities to foreign students is underlined.

Keywords: regional toponyms, inofon, acculturation, ways of word formation, Dictionary slang for foreigners.

Знакомство иностранца с русской речью начинается с первых минут пребывания в России. Одной из первоочередных задач для него является добраться из одной точки города в другую. Часто инофону, даже свободно владеющему русским языком, трудно понять фразы и выражения, которые он слышит при общении с таксистами, водителями автобуса и др. С этим связано непонимание или незнание топонимов региона пребывания. Знание и адекватное понимание данного пласта лексики является одной из первоочередных задач для комфортного и безопасного перемещения по региону.

Т. Г. Никитина глубоко убеждена в том, что «регионализмы ... представляются иностранцу крайне необходимыми для вхождения в молодежное коммуникативное пространство города и вуза»². Кроме того, понимание топонимов приобщает иностранца к культуре и особенностям жизни региона. Инофон, овладевший данной лексикой, будет чувствовать себя увереннее и спокойнее при общении с жителями города.

Целью исследования является обоснование необходимости освоения данного типа лексики иностранными обучающимися для их свободной ориентации в городе и адекватного понимания русской разговорной речи, при общении в общественном транспорте, такси, на улице и так далее.

Рассмотрение данного пласта лексики направлено в первую очередь

на решение проблемы ориентации в городе, а также на приобщение иностранного студента к культурной среде и пониманию речевой ситуации в коммуникативном пространстве региона обучения.

Материалом для исследования послужили наиболее употребительные названия городских объектов, улиц, площадей, парков, районов города, городских памятников и строений, которым дали «свои» табуированные названия жители Ростова-на-Дону и Ростовской области¹.

Для объективного понимания речевой ситуации в ходе работы было проведено анкетирование иностранных студентов. В анкетировании приняли участие 30 инофонов, которые владеют русским языком на уровне ТРКИ — 1. Для анализа были предложены лексемы, которые иностранный обучающийся может услышать повсеместно в регионе обучения. В ходе исследования выяснилось, что данный вид лексики не знаком иностранцам, 90 % анкет остались незаполненными. Результаты анкет показали, что иностранные учащиеся не понимают значения предложенных жаргонных единиц и желают изучить данный пласт лексики с целью свободной ориентации в городе и адекватного общения с русскими коммуникантами.

Предложенные для анализа топонимы были разнообразны по способу образования: 1) усечение основы, в результате чего образуются каламбурные наименования, совершенно непонятные иностранцу. Например: «остров» (переулок Островского), «крепость» (переулок Крепостной), «собор» (переулок Соборный), «ворош» (проспект Ворошиловский), «штахан» (улица Штахановского), «малина» (улица Малиновского), «консерва» район Ростовской государственной консерватории имени С. В. Рахманинова) и др. Иностранные студенты на уроках страноведения знакомятся с историей и культурой жителей таких городов, как Новочеркасск, Старочеркасск и Таганрог, однако усеченные основы топонимов «старочек», «новочек» и «таган» вряд ли будут понятны инофону без специальных комментариев.

2) стилизация. Одним из излюбленных способов образования топонимов среди молодежи является трансформация названий некоторых городов Ростовской области по созвучию с городами США. Например: «Бостон» (город Батайск); «Таган-Йорк» (город Таганрог); «Рост-Анжелес» (город Ростов-на-Дону) и др. Непосвященный человек никогда не найдет дорогу к этим городам.

3) аббревиация, например, название остановки «Центральная городская больница» сократили до аббревиатуры «ЦЭГЭБэ», а район Центрального рынка уже давно называют «Цэ.Рынок» или «ЦэРэ».

4) суффиксальная универбация, напр.: «красноармейка» (улица Красноармейская), «гвардейка» (Гвардейская площадь), «театралка» (район Театральной площади), «змеёвка» (район памятника жертвам Холокоста в Змеёвской балке), «пушка» (улица Пушкинская), «парамоны» (Складские сооружения XIX века, принадлежащие зернопромышленнику Елпидифору Парамонову).

5) игровая трансформация. Так, например, площадь Карла Маркса, на которой стоит памятник Карлу Марксу, ростовчане шутливо называют «кырло-мырло», «карла» или «борода». Площадь Ленина, где стоит памятник Владимиру

¹ Тихтиевская М. А. Региональные топонимы в речи иностранных учащихся: к проблеме адаптации // Материалы научно-практической конференции «Миссия молодежи в науке». – 2014. – С 68–69.

Ильичу Ленину прозвали «лысый», «вовчик», «квадрат».

Непосвященному трудно понять, на какую улицу отправил его местный житель, используя для ее обозначения жаргонное название. Поэтому знание и понимание подобного рода единиц является жизненно важным для иностранца, приехавшего в Россию. Кроме того, на уроках русского языка необходимо знакомить иностранных обучающихся не только со значением предложенных слов, но и со способами их образования.

Стоит отметить, что принцип изучения лексики такого рода в иностранной аудитории направлен на развитие необходимых профессиональных качеств в регионе обучения, социокультурной адаптации инофона, а также преодолению коммуникативных трудностей при устном общении с русскими². По нашему мнению, ростовские топонимы необходимо вводить на начальном этапе изучения русского языка на уроке «Ориентация в городе» параллельно со стандартной лексикой урока.

Данный вид лексики не представлен в местных словарях, этот факт приводит к мысли о необходимости создании регионального словаря наиболее употребительных топонимов для иностранцев. Обращаясь к этому словарю, иностранные студенты найдут ответы на все волнующие их вопросы, которые касаются русского регионального жаргона.

Об авторе

Тихтиевская Марина Анатольевна, преподаватель, Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Россия.

Marina Tihtievskaya, Lecturer, Southern Federal University, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Russia.

E-mail: tixti@bk.ru

Научное издание

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ПОГРАНИЧЬЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

*Материалы II Международной научной конференции
5–7 декабря 2016 г.*

Верстка: К. А. Шморага

Подписано в печать 23.12.2016. Формат 60×84/8
Гарнитура Candara. Усл. п. л. 57,75
Тираж 100 экз. Заказ № 101

Отпечатано на Versant 2100
в типографии издательства Псковского государственного университета.
Адрес: 180000, г. Псков, ул. Л. Толстого, 4